This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 381.70

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

Slav 25.125

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ КАРТЪ).

Издана подъ редакціею

М. Н. Ясинскаго.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

1898.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

КІЕВЪ. 1898.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ КАРТЪ).

Издана подъ редакціею

М. Н. Ясинскаго.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

1898.

Печатать разрѣшается.—Предсѣдатель Общества *В. Антоновичъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

XII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и извлеченія изъ постановленій Совѣта и изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества съ 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 г.

Стран.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ 3

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Гдѣ находилась Вичинская епархія Константинопольскаго патріархата—*Ю. А. Кулаковскаго* 3

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій—*А. М. Лазаревскаго.* 4

Первый кіевскій археологъ М. Ѳ. Берлинскій—*В. И. Щербины* 6

П. Г. Лебединцевъ—*В. Б. Антоновича* 8

Теорія Бертрана о приморскомъ положеніи дольменовъ и каменныя ящики Мцхета—*А. Н. Грена* 10

Изъ исторіи просвѣщенія въ Кіевѣ въ началѣ XIX в.—*П. В. Голубовскаго* 12

О судьбѣ археологической находки, сдѣланной въ Кіевѣ около 1827 г.—*Вас. Г. Лясковскаго* 13

Догадка о происхожденіи Богдана Хмельницкаго изъ среды кіевскихъ мѣщанъ—*И. М. Каманина* 15

Стран.

О крестьянскихъ безпорядкахъ въ 1862 г. при введеніи уставныхъ грамотъ въ Мошно-Городищенскомъ имѣніи (Черкас. у. Кіев. губ.)—*М. Н. Ясинскаго.* 19

Объ эпидемическихъ вольныхъ смертяхъ и смертоубійствахъ въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя)—*И. А. Сикорскаго.* 21

Пророчество о страшномъ судѣ и пришествіи антихриста въ концѣ XVIII в.—*И. М. Каманина* 27

Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII в.—*Ю. А. Кулаковскаго* 29

Извлеченіе изъ постановленій Совѣта 32

Извлеченіе изъ отчета 34

Списокъ членовъ Общества 37

Приложенія къ протоколамъ.

А. Г. Брикнеръ—*В. С. Иконниковъ* 43

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ—*Его-же.* 54

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія

Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры—*М. П. Истомина* 3

О древнѣйшемъ планѣ г. Кіева 1638 г.—*С. Т. Голубева* (съ отдѣльнымъ приложеніемъ этого плана въ двухъ картахъ). 20

Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи—*Вас. Г. Ляскоронскаго* (съ отдѣльнымъ приложеніемъ 4-хъ картъ Г. Боплана). 97

Значеніе царствованія Екатерины II—*В. С. Иконникова* . 138

Литературныя изображенія имп. Екатерины II и ея царствованія—*Н. П. Дашкевича*. 242

Россія временъ Екатерины II-й въ «Il Poema Tartaro», G. Casti—*И. И. Гливенка* 303

Изъ жизни Кіевской губерніи конца прошлаго вѣка—*Н. Н. Ознобишина* 322

ПРИБАВЛЕНІЯ

Стран.
Двѣ замѣчательныя рукописи XIII в.—*А. И. Соболевскаго* 3
Двѣ библіографическихъ рѣдкости—*Его-же* 12

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

Духовное завѣщаніе мстиславскаго каштеляна Семена Войны,—1599 г. 1-го марта.—Сообщилъ *И. Я. Спрогисъ* 3
Матеріалъ для біографіи «друкара» Тимофея Александровича.—Сообщилъ *Ѳ. П. Истоминъ* 24
Описаніе иконописи Кіево-Печерской лавры.—Сообщилъ *М. П. Истоминъ* 34
Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—23 годы.—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* 90

Программы для собиранія свѣдѣній о древностяхъ (списокъ вопросовъ, отвѣты на которые желательно получить къ XI-му Археологическому съѣзду въ 1899 г. въ Кіевѣ). 146

Опечатки въ статьѣ С. Т. Голубева:

„О древнѣйшемъ планѣ г. Кіева 1638 г.“.

					Напечатано:	Должно быть:
Стран.	27	строки	23	сверху:	Словомъ	Словомъ, видимъ
—	42	—	13	—	укрѣпленій	укрѣпленій)
—	42	—	14	—	мѣстѣ),	мѣстѣ,
—	45	—	16	—	хорошихъ	хорошихъ въ Кіевѣ
—	55	—	13	—	мѣстомъ)	мѣстомъ,
—	56	—	28	—	сдѣлать	сдѣлать (въ двѣ стороны)
—	59	—	20	—	идти	идти на Подолъ

Отдѣлъ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и извлеченія изъ постановленій Совѣта и изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества съ 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 г.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1896 года по 27-е октября 1897 года.

I. ЗАСѢДАНІЕ 19 НОЯБРЯ 1896 г.

Настоящее засѣданіе было посвящено чествованію памяти императрицы Екатерины II по случаю исполнившагося 6-го ноября 1896 года столѣтія со дня ея смерти, и поч. членъ Общества Нестора-лѣтописца **В. С. Иконниковъ** въ своемъ чтеніи по этому поводу указалъ на «*Значеніе царствованія императрицы Екатерины II*» (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

II. ЗАСѢДАНІЕ 24 НОЯБРЯ 1896 г.

а) Постороннимъ посѣтителемъ (нынѣ дѣйств. чл.) **И. И. Глиненкомъ**, съ разрѣшенія г. Предсѣдателя, было сдѣлано сообщеніе о «*Россіи временъ Екатерины II въ «Il poeta tartaro» Джамбатиста Касти*» (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

б) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** предложилъ рѣшеніе спорнаго вопроса о томъ, «*Гдѣ находилась Вичинская епархія Константинопольскаго патріархата?*» [1]).

Въ спискѣ епархій Константинопольскаго патріаршаго престола, принадлежащемъ времени импер. Андроника Палеолога Старшаго (1282—1328), значится въ числѣ митрополій каѳедра, замѣститель которой названъ «ὁ Βίτζίνης», т. е., вичинскій; но географическое положеніе этой епархіи не опредѣлено. Такъ какъ одинъ изъ еписко-

[1]) См. «Визант. Временникъ», т. IV, вып 3-й и 4-й. Спб. 1897, стр. 315—336.

повъ Вичины является посредникомъ въ сношеніяхъ съ императоромъ Андроникомъ Старшимъ въ 1300 году Аланъ, жившихъ на сѣверномъ Кавказѣ, то, повидимому, отсюда ученый Ле-Кіенъ [1]) сдѣлалъ заключеніе, что Вичинская епархія должна находиться вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ искони сидѣли Аланы, и помѣстилъ её на Кубани. Мнѣніе Ле-Кіена было повторено другими историками; но референтъ пришелъ, на основаніи изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ актовъ Константинопольскаго патріархата, къ иному заключенію.

Въ актѣ 1317—18 гг. вичинскій епископъ называется «ближайшимъ» къ митрополіямъ готской и сугдейской въ Крыму; въ документѣ 1359 г. говорится о близости Вичины къ Угро-Влахіи. По свидѣтельству Анны Комниной въ разсказѣ ея о походѣ императора Алексѣя Комнина противъ варваровъ въ 1088 году, въ Болгаріи существовала рѣка Вичина и поселеніе того же имени. На р. Вичинѣ стоялъ лагеремъ Алексѣй Комнинъ. Константину Порфирородному эта рѣка извѣстна подъ именемъ Дичины, къ устью которой пристаютъ русскіе на своемъ пути въ Царьградъ. Теперь это р. Камчія. Города же въ области нижняго Дуная—Дристра (Силистрія) и Вичина, по сообщенію Анны Комнинъ, были заняты скиѳскими князьями [2]). Древнѣйшія географическія карты и показанія западныхъ писателей позволяютъ констатировать фактъ, что городъ Вичина существовалъ въ XIV вѣкѣ. Въ виду этихъ данныхъ, Ю. А. Кулаковскій находитъ возможнымъ съ полной увѣренностью утверждать, что Вичинская епархія имѣла свою территорію на югъ отъ нижняго Дуная, т. е., находилась въ нынѣшней Добруджѣ, обнимая собою часть территоріи бывшихъ провинцій Нижней Мэзіи и Скиѳіи. За тѣмъ, принимая во вниманіе тяготѣніе кіевскихъ князей къ Дунаю, по показаніямъ византійскихъ писателей и нашей первоначальной лѣтописи, пребываніе русскихъ въ области нижняго Дуная референтъ признаетъ неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ, а потому и возникновеніе Вичинской епархіи, принадлежащей къ юрисдикціи Константинопольскаго патріархата, пріобрѣтаетъ, по его мнѣнію, особое значеніе.

б) Поч. чл. **А. М. Лазаревскій** по случаю исполнившагося столѣтія со времени смерти «*графа П. А. Румянцева-Задунайскаго*» [3]),

---

[1]) *Le-Quien.* Oriens christianus, I, 1849 и 1350.

[2]) *Anna Com.*, VII, 2—3, I, 333 и слѣд.—VI, 14, I, 323.

[3]) См. «Кіев. Стар.» № 12 за 1896 г.

бывшаго правителя Малороссіи, напомнилъ главные факты его жизни и административной дѣятельности. Петръ Александровичъ Румянцевъ, сынъ правителя Малороссіи и любимца Петра В.—Александра Ивановича, родился въ началѣ января 1725 г.; воспріемницей его была императрица Екатерина I. Годы дѣтства и воспитанія П. А. проходили въ Малороссіи и оставили глубокій слѣдъ на отношеніяхъ его къ этому краю въ позднѣйшее время. Учителемъ его былъ Т. М. Сенютовичъ, закончившій свое образованіе за границей. Извѣстность даровитаго стратега Румянцевъ пріобрѣлъ въ Семилѣтнюю войну. Послѣ уничтоженія гетманства въ Малороссіи и учрежденія по указу 10 ноября 1764 г. Малороссійской коллегіи, Р-въ былъ назначенъ ея президентомъ; при этомъ въ данномъ Р-ву указѣ предписывалось принять мѣры къ облегченію положенія крестьянъ, много терпѣвшихъ отъ произвола старшины, и къ устраненію злоупотребленій при судопроизводствѣ. Въ апрѣлѣ 1765 г. Р-въ прибылъ въ Глуховъ и, по окончаніи объѣзда Малороссіи, съ цѣлью ознакомленія съ краемъ, приказалъ произвести генеральную опись Малороссіи—перепись податного населенія, съ обозначеніемъ его движимаго (скота) и недвижимаго имущества; потомъ онъ распорядился переложить натуральную повинность по продовольствію квартировавшаго въ Малороссіи войска на деньги, установивъ квартальный сборъ (по 1 руб. 2 коп. съ хаты); судебная реформа Румянцева состояла въ томъ, что годичныхъ членовъ генеральнаго суда онъ замѣнилъ «непремѣнными», назначилъ имъ жалованье и выбралъ на судейскія должности опытныхъ и дѣловыхъ людей, которыхъ онъ отличалъ даже среди низшихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Въ тоже время Р-въ, въ виду злоупотребленій при выборахъ сотенной старшины, отмѣнилъ такіе выборы. Что касается мѣръ до защиты имъ крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, то факты для этого до сихъ поръ неизвѣстны, да и защита такая для Р-ва была не совсѣмъ удобна, потому что, съ одной стороны, окружавшіе его ближайшіе помощники не свободны были отъ произвола, а съ другой, самъ Р-въ былъ обладателемъ громадныхъ имѣній въ Малороссіи. Какъ администраторъ, Р-въ умѣлъ выбирать дѣятельныхъ и способныхъ сотрудниковъ, каковы, напр., Безбородко, Завадовскій, Ясновскій, Чепа и друг. Въ примѣненіи закона онъ избѣгалъ жестокости и крутыхъ мѣръ; послѣ изданія въ 1775 г. учрежденія о губерніяхъ Р-въ подготовлялъ край ко введенію этого учрежденія и въ Мало-

россіи и наиболѣе вліятельныхъ лицъ привлекалъ на сторону Россіи пожалованіемъ чиновъ, дворянства и проч. Когда въ 1782 г. намѣстничества были введены, Р-въ ограничивался надзоромъ за общимъ ходомъ административной дѣятельности этихъ учрежденій и объ особыхъ какихъ-либо его распоряженіяхъ неизвѣстно. Съ 1776 по 1790 г. онъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Заботясь объ управленіи краемъ, Р-въ не забывалъ и о необходимости распространенія просвѣщенія; такъ, онъ представилъ императрицѣ проектъ «о заведеніи въ Малороссіи, во всѣхъ городахъ, а гдѣ можно и по большимъ селамъ и деревнямъ, школъ, объ учрежденіи въ ней двухъ высшихъ училищъ для благороднаго юношества и трехъ училищъ къ воспитанію дѣвицъ». О личномъ характерѣ Р-ва показанія современниковъ противорѣчивы: одни считаютъ его гордымъ; другіе, наоборотъ,—простымъ и доступнымъ для всякаго; но всѣ согласно говорятъ о его любви къ Малороссіи.

г) Д. чл. **В. И. Щербина** представилъ данныя для біографіи *«Перваго кіевскаго археолога М. Ѳ. Берлинскаго»* [1]) и для оцѣнки его ученыхъ работъ.

Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій родился 6-го августа 1764 г. въ с. Новой Слободѣ (Путивльскаго уѣзда Курской губ.), гдѣ отецъ его былъ священникомъ; образованіе получилъ въ Кіевской академіи, курсъ которой онъ прошелъ въ теченіе 10 лѣтъ (1776—1786 гг.), и затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ учительскую гимназію; въ 1782 г. Б-ій былъ назначенъ учителемъ въ главное народное училище въ Кіевѣ, гдѣ преподавалъ естествознаніе, политическую исторію и географію; кромѣ того, въ институтскомъ классѣ академіи читалъ математическую географію и всемірную исторію, завѣдывалъ библіотекой и «натуральнымъ кабинетомъ»; въ 1834 г. Б-ій былъ назначенъ инспекторомъ училища, переименованнаго въ 1809 г. въ гимназію. Съ назначеніемъ въ попечители Кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке, Б-ому было поручено предсѣдательство въ первоначальномъ университетскомъ Правленіи до прибытія въ Кіевъ перваго ректора университета М. А. Максимовича; 30-го октября 1834 г. Б-ій вышелъ въ отставку послѣ 46 лѣтъ службы въ чинѣ статскаго совѣтника и съ пенсіей въ 2280 руб. ассиги. Послѣдніе годы своей

[1]) См. «Кіев. Стар.» 1896 г. № 12.

жизни Б-ій проводилъ уединенно въ собственномъ домикѣ въ Липкахъ, занимаясь метеорологическими наблюденіями; умеръ 6 января 1848 г. на 84 году отъ рожденія. Изъ его работъ извѣстны: 1) Историческая записка о Кіевскомъ главномъ народномъ училищѣ; 2) Исторія россійская для употребленія юношеству, 1800 г.; 3) Краткое описаніе Кіева. Спб. 1820; 4) Раздѣленіе Малороссіи на полки (Улей, 1811 г. № 3); 5) О могилѣ Оскольдовой въ Кіевѣ (тамъ же, № 5), 6) О городѣ Кіевѣ (тамъ же, № 8); 7) О Кіевской академіи (Соревнователь просвѣщенія и благотворительности, 1819, № 7); 8) Объясненіе изображеній на медали, найденной въ Черниговѣ въ 1821 г. (тамъ же, 1822 г., № 1); 9) Описаніе найденныхъ въ Кіевѣ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (Украин. журналъ, 1824, № 2); 10) О находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ (Отечеств. Зап. 1826 г., т. XXVIII, № 80); 11) О Десятинной церкви въ Кіевѣ (Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ, ч. V, 1830 г.); 12) Нѣсколько главъ изъ обширнаго сочиненія «Историческое обозрѣніе Малороссіи и г. Кіева» (Молодикъ, изд. П. Бецкимъ, 1844 г. вып. 4-й); наконецъ въ журналѣ «Улей» за 1841 г. было помѣщено Б-мъ нѣсколько статей историческаго содержанія. Самый важный печатный трудъ Б-го—«Краткое описаніе Кіева», представляющее собой первый систематическій трудъ по исторической топографіи Кіева; особенную же цѣнность имѣетъ приложенный къ книгѣ планъ г. Кіева; многія подробности и указанія мѣстоположенія исчезнувшихъ уже сооруженій дѣлаютъ этотъ планъ чрезвычайно важнымъ пособіемъ для изученія исторической топографіи Кіева. Въ заключеніе референтъ разсмотрѣлъ дружескія отношенія Б-го къ канцлеру графу П. Н. Румянцеву по взаимной перепискѣ ихъ съ января 1815 г. по сентябрь 1825 г. Предметомъ содержанія писемъ служили древніе памятники Кіева и Южной Руси, письменные и вещественные, которые собиралъ и изслѣдовалъ гр. Румянцевъ, и Б-му приходилось исполнять порученія графа какъ по отысканію документовъ, такъ и по изслѣдованію ихъ.

Въ настоящемъ засѣданіи по произведенной баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества избраны: *Григорій Владиміровичъ Александровскій*, *Василій Евѳимовичъ Данилевичъ*, *Андрей Митро-*

фановичъ Лобода, Николай Алексѣевичъ Максимейко, Іоанникій Алексѣевичъ Малиновскій, и Евгеній Викторовичъ Тарле.

III. ЗАСѢДАНІЕ 8-го ДЕКАБРЯ 1896 г.

а) Засѣданіе было открыто рѣчью г. **Предсѣдателя**, посвященной памяти скончавшагося 3-го декабря почетнаго члена Общества Нестора, члена-учредителя, протоіерея *Петра Гавриловича Лебединцева*. Покойный родился 21 декабря 1819 г. въ с. Зеленомъ (Звенигородскаго у. Кіев. губ.); какъ сынъ священника онъ получилъ первоначальное образованіе въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ; въ 1833 году поступилъ въ Кіевскую духовную семинарію, которую и окончилъ въ 1843 г. по 1-му разряду; въ октябрѣ того же года былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ Орловскую духовную семинарію; получивъ степень магистра богословія, онъ былъ утвержденъ въ должности профессора, исполняя обязанности помощника инспектора и секретаря семинарскаго правленія; въ 1845 г. П. Г. былъ переведенъ въ Кіевскую духовную семинарію «на классъ логики и психологіи»; кромѣ того, онъ преподавалъ новые языки, состоялъ экономомъ и членомъ правленія семинаріи. Въ 1851 г. П. Г. былъ рукоположенъ во священники и назначенъ настоятелемъ Преображенской церкви въ м. Бѣлой Церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, законоучителемъ мѣстной гимназіи; въ тоже время, въ теченіе трехъ лѣтъ, преподавалъ безмездно Законъ Божій нижнимъ чинамъ въ баталіонной школѣ и исполнялъ христіанскія требы въ баталіонномъ лазаретѣ; «по случаю недоразумѣній, возникшихъ между крестьянами, по распоряженію епархіальнаго начальства, былъ командированъ въ разные уѣзды Кіевской губерніи для содѣйствія гражданскому начальству во вразумленіи взволнованныхъ крестьянъ, каковое порученіе исполнялъ съ 23 марта по 1-е іюня 1855 г.». Во время пребыванія въ м. Бѣлой Церкви, покойный П. Г. употреблялъ много времени и хлопотъ на новое тогда дѣло—учрежденіе народныхъ училищъ, ведя борьбу съ укоренившимися предразсудками владѣльцевъ; за свои заботы объ учрежденіи школъ П. Г. удостоился награды. Въ 1860 г. онъ былъ переведенъ въ Кіевъ настоятелемъ Успенскаго собора (на Подолѣ) и законоучителемъ 2-й Кіевской гимназіи; въ 1862 былъ назначенъ настоятелемъ Преображенской церкви (Спаса на Берестовѣ), а въ 1864 г.—настоятелемъ Николаевской церкви въ домѣ генералъ-гу-

бернатора и, наконецъ, въ 1868 г. протоіереемъ каѳедральнаго Кіево-Софійскаго собора, въ каковой должности оставался до конца жизни. Параллельно съ исполненіемъ прямыхъ обязанностей по основнымъ должностямъ, покойному было поручаемо наблюденіе за церковно-приходскими школами въ Кіевѣ, редакція «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», обязанности: благочиннаго кіево-подольскихъ церквей, члена строительнаго отдѣленія по постройкѣ дома училища для дѣвицъ духовнаго званія, члена Кіевской духовной консисторіи, главнаго распорядителя училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, члена комитета по возобновленію Спасской церкви, члена губернскаго присутствія по обезпеченію духовенства; члена правленія семинаріи, члена губернскаго церковно-строительнаго присутствія, члена комитета общественнаго здравія, члена попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, цензора проповѣдей, предсѣдателя епархіальнаго съѣзда, члена Высочайше учрежденнаго при Св. Синодѣ комитета по преобразованію духовно-судебной части; одновременно П. Г. Л-въ состоялъ членомъ мѣстныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ: членомъ и товарищемъ предсѣдателя Церковно-археологическаго Общества, членомъ Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, членомъ-учредителемъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и затѣмъ его почетнымъ членомъ, а также почетнымъ членомъ Кіевской духовной академіи и Университета св. Владиміра. Досуги свои покойный посвящалъ изученію древнѣйшихъ святынь г. Кіева и Кіевской епархіи. Изъ его работъ назовемъ: «Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго Собора», «Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи», «Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ», «Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи», «Историческія замѣтки о Кіевѣ», «Планы Кіева», «Планъ Кіева 1695 г.», «Росписной списокъ г. Кіева 1700 г.», «О возобновленіи стѣнной живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ», «Виноградскій Ирдынскій Успенскій монастырь», «Медвѣдовскій Николаевскій монастырь», «Чигиринскій Свято-Троицкій женскій монастырь», «Дмитріевскій монастырь, основанный вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ», и многія другія. Заглавія другихъ работъ П. Г. Л-ва можно найти въ «Указателѣ неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за десятилѣтіе 1861—70 гг.» и въ «Указателѣ» статей, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ» (въ одной послѣдней на-

печатано болѣе 30 его статей). Въ этихъ изданіяхъ, основавшихся по мысли и при содѣйствіи П. Г. Л-ва, и помѣщались почти всегда его статьи, равно какъ и въ «Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца», въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», въ «Трудахъ Московскаго археологическаго Общества», въ «Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда» и въ изданіяхъ Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

Представленный перечень должностей, какія занималъ П. Г. Л-въ, и написанныхъ имъ работъ показываетъ, какъ широка, многоразлична и полезна была дѣятельность покойнаго.

б) Поч. чл. **В. С. Иконниковъ** представилъ обзоръ историческихъ работъ скончавшагося проф. *А. Г. Брикнера* (напечатанъ въ приложеніи къ настоящему отдѣлу).

в) Д. чл. **А. Н. Гренъ** въ своемъ рефератѣ: «*Теорія Бертрана о приморскомъ положеніи дольменовъ и каменные ящики Мцхета*» указалъ, что на всемъ пространствѣ побережья морей отъ Англіи до Индостана тянется рядъ построекъ изъ большихъ камней въ видѣ ящиковъ, кистъ, расположенныхъ на подобіе аллей; ихъ насчитываютъ до $3^1/_2$ тысячъ; особенно много такихъ построекъ въ южныхъ департаментахъ Франціи; разсматривая мнѣнія ученыхъ (Лэна Фокса, Мортилье, Катрфажа и Ами) объ этихъ постройкахъ, г. Гренъ болѣе основательной считаетъ теорію Бертрана, по которой географическое распредѣленіе дольменовъ ясно свидѣтельствуетъ о господствѣ въ доисторическое время одной общей всѣмъ религіозной мысли и о принадлежности послѣдней одному какому-то народу; по мнѣнію референта, Бертранъ разумѣлъ Кельтовъ. Такіе же дольмены случайно были открыты и на Кавказѣ въ 1871 г. при проведеніи Тифлисско-Военно-Грузинской дороги; вслѣдствіе этого, въ 1873 г., по порученію Императорскаго Эрмитажа, были производимы раскопки на Кавказѣ; ихъ продолжалъ въ 1875 г. Фр. Байернъ, въ 1877 г.—Смирновъ, въ 1879 г.—Эрнестъ Шантръ и въ 1894 г.—референтъ; изслѣдователями были находимы дольмены не только на почвѣ, но и подъ почвой. Байэрнъ раскопалъ до 800 гробницъ у г. Мцхета и назвалъ ихъ Сомтаврскими, по имени близъ лежащаго монастыря Сомтавро. Для доказательства глубокой древности Мцхета референтъ обратилъ вниманіе на геологическое строеніе этой мѣстности, указавъ на то, что она представляетъ собой котловину, покрытую лѣсомъ, подъ которымъ г. Гренъ разумѣлъ сѣровато или

бѣловато-желтую известково-песчаниковую пористую глину, обязанную своимъ происхожденіемъ исключительно атмосферной пыли. О древности г. Мцхета свидѣтельствуетъ также и исторія его: городъ возникъ около времени Р. Х.; въ III—V вв. былъ столицей Грузіи; съ VI в., когда Тифлисъ сталъ уже въ этой странѣ столицей, Мцхетъ обратился въ некрополь, благодаря тому, что, кромѣ своей глубокой древности, онъ былъ окруженъ и ореоломъ святости: здѣсь начала свою проповѣдь просвѣтительница Грузіи св. Нина; здѣсь же, по преданію, найденъ хитонъ Господень, сотканный руками Богоматери. Для характеристики археологическихъ находокъ въ этой мѣстности г. Гренъ привелъ слова Байерна (см. «Ausgrebungen der alten Gröber bei Mzchet» въ «Zeitschrift für Ethnologie» 1872 г.), который говоритъ: «мной было раскопано до 800 гробницъ, принадлежащихъ къ различнымъ формамъ погребенія. Прежде всего слѣдуетъ указать на каменные ящики, большіе и малые; первые изъ нихъ, имѣя 8—9 футовъ длины, 5 ф. ширины и 5—6 ф. глубины, состояли изъ цѣльныхъ камней, исключая кровли, сложенной изъ 2—3 каменныхъ плитъ; въ этой кровлѣ или съ боку, въ западной стѣнѣ, находилось величиною съ голову отверстіе; вторые походили формою на первые, но отличались меньшими размѣрами и предназначались для погребенія дѣтей; въ большихъ ящикахъ помѣщалось отъ 3 до 6 скелетовъ, а въ малыхъ—отъ 1 до 3-хъ; черепа и кости были въ самомъ ужасномъ состояніи; большинство покойниковъ погребалось въ сидячемъ положеніи; тутъ же находилось множество дѣтскихъ костей и животныхъ, между прочимъ кошекъ; въ гробницахъ клалось не мало самыхъ разнообразныхъ предметовъ и глиняной посуды». По изслѣдованіямъ Шантра, собираемые въ некрополяхъ Кавказа предметы имѣютъ поразительное сходство съ таковыми же въ Европѣ; Сомтавскій же некрополь носитъ слѣды месопотамскаго вліянія. Приведя по Шантру («Recherches anthropologiques») измѣреніе череповъ, взятыхъ изъ каменныхъ кистъ Мцхета и указывая на деформацію череповъ, референтъ находитъ сходство между ними и деформированными черепами, добытыми изъ доисторическихъ могильниковъ Франціи, что̀ замѣтилъ уже Топинаръ. Въ заключеніе г. Гренъ высказалъ гипотезу, что кисты Мцхета суть тѣже дольмены и принадлежатъ аріямъ, жившимъ, по показаніямъ клинообразныхъ надписей, на предгорьяхъ Кавказа и двигавшихся на сѣверъ—въ Европу и на югъ—къ Индостану.

По поводу сообщенія г. Грена было сдѣлано нѣсколько возраженій со стороны г. *Предсѣдателя* и д. чл. *В. З. Завитневича* относительно образованія «лѣса», времени происхожденія «кисть», отношенія дольменовъ къ пещерамъ и проч. Объясненія референта подавали поводъ къ новымъ возраженіямъ.

Въ настоящемъ засѣданіи слушался составленный В. С. Иконниковымъ и Ю. А. Кулаковскимъ проектъ адреса Императорскому Археологическому Обществу по случаю празднованія имъ 50-лѣтія своей дѣятельности. Проектъ былъ одобренъ и постановлено отправить его въ Спб. ко дню празднованія Общества, т. е., къ 15 декабря.

Слушалось также предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества о командированіи депутата отъ Общества Нестора-лѣтописца для участія въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета въ Москвѣ по устройству въ августѣ 1899 года XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

Опредѣлено просить д. чл. *В. З. Завитневича* быть депутатомъ отъ Общества Нестора-лѣтописца въ упомянутыхъ засѣданіяхъ и выдать ему на поѣздку въ Москву 75 рублей.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 19-го ЯНВАРЯ 1897 г.

а) Поч. чл. **В. С. Иконниковъ** по случаю смерти поч. чл. Общества *К. Н. Бестужева-Рюмина*, посвятилъ его памяти свое чтеніе (напечатано въ приложеніи къ настоящему отдѣлу).

б) Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ факты «*Изъ исторіи просвѣщенія въ Кіевѣ въ началѣ XIX в.*». На основаніи доселѣ неизданныхъ документовъ архива Кіевской I-й гимназіи онъ изложилъ исторію возникновенія въ Кіевѣ перваго свѣтскаго средняго учебнаго заведенія. Первая Кіевская гимназія была преобразована изъ Главнаго Народнаго Училища. При императорѣ Александрѣ I, въ отношеніи управленія и руководства народнымъ просвѣщеніемъ, Кіевская губернія была включена въ составъ Виленскаго Учебнаго Округа и, вмѣстѣ съ Подольской губерніей, поручена непосредственному наблюденію визитатора графа Ѳаддѣя Феликсовича Чацкаго. Гимназія была встрѣчена враждебно. Эта враждебность проявилась во всевозможныхъ

препятствіяхъ, которыя дѣлались во время приготовленія къ ея открытію. Сначала старались отнять мѣсто и домъ, назначенные для нея по Высочайшему повелѣнію, затѣмъ выгнали во время занятій учениковъ и учителей, взяли этотъ домъ подъ военный лазаретъ, передали его потомъ для помѣщенія плѣнныхъ французовъ и при этомъ страшно разорили зданіе. Графъ Чацкій, разочарованный въ своихъ планахъ относительно новаго учебнаго заведенія, которому онъ хотѣлъ придать чисто польскій характеръ, оставилъ гимназію на произволъ судьбы и почти не принималъ участія въ той борьбѣ за существованіе, которую ей пришлось выдержать. Только первый директоръ гимназіи, Яковъ Семеновичъ Мышковскій, стоялъ на стражѣ противъ всѣхъ ея недруговъ, то разрушая планы Чацкаго, то отстаивая ее передъ военными и гражданскими властями до полнаго отреченія отъ своей личности, то опровергая ложные слухи о гимназіи, распускаемые сторонниками гр. Чацкаго; и если Кіевская I-я гимназія не погибла на первыхъ-же порахъ и твердо стала на ноги, то этимъ она обязана всецѣло Я. С. Мышковскому.

в) Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** сообщилъ свѣдѣнія *«О судьбѣ археологической находки, сдѣланной въ Кіевѣ около 1827 г.»*.

Въ 20-хъ годахъ поручикъ гвардіи А. С. Анненковъ былъ сосланъ на житье въ Кіевъ по Высочайшему повелѣнію за жестокое обращеніе со своими крестьянами Курской и Орловской губерній. Прибывъ въ Кіевъ А-въ занялся дѣлами благочестія и выразилъ желаніе возстановить изъ развалинъ Десятинную церковь, на что Свят. Синодъ далъ и разрѣшеніе. Ходомъ работъ особенно былъ заинтересованъ кіевскій митрополитъ, извѣстный ученый Евгеній Болховитиновъ, который о найденныхъ при раскопкѣ развалинъ древнихъ вещахъ сдѣлалъ докладъ въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей. Позже, при постройкѣ ограды вокругъ Десятинной церкви, рабочіе нашли большой драгоцѣнный кладъ. А-въ осторожно его выбралъ и скрылъ въ двухъ большихъ мѣшкахъ; вещи находились въ пещерѣ (лѣхѣ). Вскорѣ А-ву разрѣшено было поселиться въ Полтавской губерніи; онъ купилъ себѣ имѣніе тамъ и при немъ хуторъ Дымный; но, не успѣвъ совершить купчую крѣпость, долженъ былъ выѣхать въ Кіевъ, гдѣ оставался долгое время; срокъ между тѣмъ для совершенія купчей истекъ, и прежніе владѣльцы, въ числѣ которыхъ былъ и становой приставъ Б., отобрали назадъ имѣніе. Приставъ Б. сдѣлалъ при этомъ доносъ на А-ва о томъ,

что послѣдній занимается будто-бы изготовленіемъ фальшивыхъ денегъ. А-ва арестовали; вещи его были захвачены владѣльцами хутора, а вмѣстѣ съ ними и кладъ. Приставъ Б. продалъ евреямъ изъ этого клада золотыхъ вещей на нѣсколько тысячъ рублей; послѣ смерти Б. вещи перешли въ руки его наслѣдниковъ, простыхъ козаковъ, не знавшихъ цѣны бывшимъ у нихъ драгоцѣнностямъ, и они давали ихъ играть дѣтямъ, а тѣ всюду ихъ разбрасывали (въ колодцы, пруды и т. п.). Однажды на хуторъ Дымный пріѣхалъ мировой судья Кирьяковъ, собиратель древностей; замѣтивъ въ рукахъ у дѣтей цѣнныя вещи, онъ лакомствами выманилъ ихъ; но дѣти могли дать только 7 штукъ; въ числѣ ихъ было нѣсколько эмалированныхъ колтовъ; одинъ изъ этихъ предметовъ Кирьяковъ передалъ въ Музей Лубенской гимназіи, а другой продалъ г. Звенигородскому. Въ недавнее время В. В. Хвойко, проѣзжая чрезъ х. Дымный, собралъ свѣдѣнія и о кладѣ отъ бывшихъ владѣльцовъ его и попросилъ нарисовать и описать ему эти предметы. Судя по рисункамъ это были золотые колты съ эмалированными изображеніями, панагія и ожерелье изъ кружковъ съ изображеніями святыхъ. Въ заключеніе референтъ указалъ на происхожденіе съ острова Кипра колтовъ, имѣвшихъ видъ лунообразной серьги; кромѣ Кипра, они были находимы въ Персіи, Этруріи, Римѣ, Сардиніи, Франціи, Австріи, Византіи и Россіи по теченію рѣкъ Волги и Камы, въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Кіевской (Каневскомъ уѣздѣ) и въ гг. Черниговѣ и Кіевѣ. Колты бываютъ золотые, относимые къ X—XII в., и серебряные, относимые къ XIII—XIV в.

V. ЗАСѢДАНІЕ 16-го ФЕВРАЛЯ 1897 г.

Настоящее засѣданіе было посвящено памяти почившаго почетнаго члена-учредителя Общества Нестора *Ивана Игнатьевича Малышевскаго*, при чемъ д. чл. **В. З. Завитневичъ** въ своемъ чтеніи остановился преимущественно на главныхъ моментахъ и научныхъ темахъ въ литературной дѣятельности И. И. Малышевскаго, а д. чл. **А. А. Дмитріевскій** представилъ классифицированный перечень многочисленныхъ историческихъ ученыхъ трудовъ покойнаго, а равно сдѣлалъ общую ихъ характеристику, съ указаніемъ выдающихся достоинствъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ этомъ же засѣданіи былъ выслушанъ отчетъ о занятіяхъ Предварительнаго Комитета въ Москвѣ по устройству въ августѣ 1899 года XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, представленный В. З. Завитневичемъ, командированнымъ въ этотъ Комитетъ въ качествѣ депутата отъ Общества Нестора-лѣтописца.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 9-го МАРТА 1897 г.

а) Секретарь М. Н. Ясинскій прочелъ сообщеніе отсутствующаго д. чл. **Н. Н. Оглоблина**: «*Изъ жизни Кіевской губерніи въ концѣ прошлаго вѣка*» (напечатано во II отдѣлѣ этой книги), а

б) Д. чл. И. М. Каманинъ прочелъ сообщеніе также отсутствующаго д. чл. **М. П. Истомина**: «*Къ вопросу объ иконописи Кіево-Печерской лавры*» (напечатано во II-мъ и III-мъ отдѣлахъ этой книги).

VII. ЗАСѢДАНІЕ 27-го АПРѢЛЯ 1897 г.

а) Д. чл. **Ѳ. П. Истоминъ** сообщилъ «*Біографическія данныя о кіевскомъ типографѣ 1625—30 г. Тимофеѣ Александровичѣ*», отмѣтивъ тѣсную связь между козачествомъ и мѣщанствомъ въ Кіевѣ въ XVII в. (напечатано въ III-мъ отдѣлѣ этой книги).

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ**, по поводу сообщенія г. Истомина, высказалъ «*Догадку о происхожденіи Богдана Хмельницкаго изъ среды кіевскихъ мѣщанъ*».

«Еще въ своей статьѣ, сказалъ референтъ, по «Вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго», мы отмѣтили подобный же фактъ тѣсной связи козачества съ мѣщанствомъ въ Чигиринской городской общинѣ и въ городахъ Лѣвобережной Украины; теперь этотъ фактъ можетъ быть принятъ и для Кіевской городской общины, на основаніи найденныхъ Ѳ. П. Истоминымъ документовъ. Къ числу такого же значенія документовъ мы позволяемъ себѣ относить и тотъ, который недавно встрѣтили въ актовыхъ книгахъ «права майтборского ратуша Кіевского», хранящихся въ Центральномъ архивѣ [1]); въ этомъ документѣ мы находимъ дѣйствующимъ лицемъ Богдана Петровича Хмеля; въ 1620-хъ годахъ это былъ богатый кіевскій мѣщанинъ, ведшій обширную хлѣбную торговлю съ Литвой и отправлявшій вверхъ по

[1]) Книга № 3503, л. 96.

Днѣпру большіе нагруженные зерномъ и мукой «комаги». Въ описаніи Кіевскаго замка 1552 г., въ числѣ кіевскихъ мѣщанъ, мы также встрѣчаемъ Богдана Хмелевича, т. е., сына Хмеля, быть можетъ предка Богдана Хмеля 1620-хъ годовъ («Архивъ Ю. З. Россіи», ч. VII, т. I, стр. 115). Примемъ во вниманіе кстати и то, что на Подолѣ около Братскаго монастыря существовалъ дворъ «Хмельницкій», который братскіе старцы выменяли у мѣщанина Никифора Хмеленка, неизвѣстно когда жившаго [1]); бокъ-о-бокъ съ Хмельницкимъ дворомъ находились дворы Аксаковскій и Пекулитскій; гетманъ Богданъ Хмельницкій и кіевскій полковникъ Павелъ Хмельницкій жертвуютъ ихъ Братскому монастырю. Думается, что всѣ эти три двора: Аксаковскій, Хмельницкій и Пекулитскій, составляли нѣкогда одно общее владѣніе кіевскихъ мѣщанъ Хмелей и что Богданъ и Павелъ Хмельницкіе распоряжаются этими дворами, какъ оставшіеся въ живыхъ наслѣдники перваго владѣльца изъ семьи Хмелей (См. Памятники Кіев. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. II, отд. I, стр. 302 и 303. Кіевъ, 1846). Сходство всѣхъ этихъ именъ, личныхъ и родовыхъ, съ именемъ знаменитаго гетмана станетъ еще большимъ, если мы вспомнимъ, что и Хмельницкій часто назывался просто Хмелемъ и производилъ себя изъ этой семьи, не только русской и православной, но также и шляхетской. Насъ не должно это удивлять, потому что упорное стремленіе богатаго козачества въ то время примкнуть къ польской шляхтѣ, воспользоваться правами послѣдней и умалчивать о своемъ дѣйствительномъ родѣ было настолько распространено и всеобще, что упрекать за это одного Богдана Хмельницкаго было бы уже несправедливо: онъ отдавалъ дань своему времени. Хмельницкій умалчивалъ о происхожденіи своихъ предковъ и пользовался лишь польскимъ гербомъ Абданкъ; но почему бытописатели прямо выводили его изъ шляхетской среды Люблинскаго воеводства, а нѣкоторые считали даже его потомкомъ молдавскихъ господарей—рѣшительно неизвѣстно. Неужели потому, что среди польскаго дворянства мы дѣйствительно встрѣчаемъ Хмелей, Хмелевскихъ, Хмелецкихъ и т. п., принадлежащихъ къ различнымъ дворянскимъ гербамъ, но вовсе не употреблявшихъ герба

---

[1]) Что Никифоръ Хмеленко могъ быть родственникомъ гетмана,—объ этомъ можно заключить изъ Помянника Кіево-Печерской лавры, гдѣ записанъ родъ Богдана Хмельницкаго: въ числѣ наиболѣе раннихъ предковъ гетмана названъ и Никифоръ.

Абданкъ, который присвоивалъ себѣ Хмельницкій. Къ гербу Абданкъ принадлежалъ войсковой писарь, а потомъ гетманъ и кіевскій воевода Иванъ Выговскій, такъ какъ онъ дѣйствительно происходилъ изъ околичной шляхты. Гербъ Абданкъ представляетъ собой утолщенную букву W латинской азбуки; но тотъ гербъ, который употреблялъ Хмельницкій вовсе не Абданкъ, а скорѣе Массальскій, какимъ пользовались князья Массальскіе; это — буква M, въ нижній уголъ которой опускается высокій крестъ — $\dot{M}$; что дѣйствительно Хмельницкій считалъ Массальскій гербъ своимъ родовымъ, это подтверждаютъ польскіе гербовники, которые относятъ, ссылаясь на кс. Коляловича, родъ Хмельницкаго къ гербу Массальскій; къ этому же гербу въ 1664 году при нобилитаціи былъ причисленъ и Юрій Хмельницкій, сынъ Зиновія, или, какъ его ошибочно называютъ, Захаріи, котораго Н. И. Костомаровъ считаетъ двоюроднымъ братомъ гетмана. Но изъ изображенія герба Хмельницкаго въ «Реестрахъ всего войска Запорожского», составленныхъ послѣ Зборовскаго договора, въ октябрѣ 1649 г., изъ изображенія, сообщаемаго покойнымъ М. А. Максимовичемъ [1]), мы видимъ, что гетманъ употребляетъ букву W съ крестомъ на верху по срединѣ—$\dot{W}$. Этотъ гербъ встрѣчается и у нѣкоторыхъ мѣщанскихъ семей г. Львова, съ тою лишь разницей, что здѣсь гербъ Абданкъ, кромѣ креста вверху, имѣетъ еще и другой крестъ внизу — $\dot{W}$ (См. W. Loziński: «Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach, 1384—1640». Lwow, 1889 г., стр. 44—47); другія же семьи употребляютъ гербъ Абданкъ въ его чистой формѣ буквы W (См. «Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVIII wieku», przez W. Łozińskiego. We Lwowie 1892 г., стр. 386 — 400). У Хмельницкаго такимъ образомъ смѣшиваются два герба: Абданкъ и Массальскій, вслѣдствіе сходства въ начертаніяхъ буквъ W и M; не видя самихъ реестровъ и изображеннаго на нихъ герба, не имѣя ни одного документа съ гербовой печатью гетмана, трудно сказать, кто произвелъ ихъ смѣшеніе. Самъ Богданъ Хмельницкій, въ свою очередь, не былъ послѣдователенъ въ употребленіи герба; такъ, напр., въ Кіево-Печерской лаврской библіотекѣ мы нашли портретъ Хмельницкаго съ гербомъ, на которомъ изображенъ запорожецъ съ ручницей на плечѣ, т. е., съ гербомъ Запорожскаго войска,

[1]) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 406.

но съ инціалами имени и званія Богдана Хмельницкаго. Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ одно: полное разногласіе источниковъ по вопросу о происхожденіи гетмана и принадлежности ему того или другого герба.

Поэтому, вмѣсто предположеній о шляхетствѣ Богдана Хмельницкаго, намъ кажется, слѣдуетъ причислить его къ роду того богатаго кіевскаго мѣщанина-хлѣботорговца Богдана Петровича Хмеля, который ведетъ свое происхожденіе, быть можетъ, отъ Богдана Хмелевича XVI в. и о которомъ мы упомянули въ началѣ, и признать его родство съ Никифоромъ Хмеленкомъ, уступившимъ свою усадьбу Братскому монастырю. Если мы допустимъ это предположеніе, тогда станетъ понятной горячая преданность Хмельницкаго своей вѣрѣ и народности; тогда быть можетъ, объяснится и двойственность имени Хмельницкаго, и тяготѣніе его къ Кіеву, въ которомъ онъ получаетъ свое первоначальное образованіе, и право распоряженія дворами на Подолѣ.

Быть можетъ, кіевскій мѣщанинъ Богданъ Петровичъ Хмель былъ братъ Михаила Хмеля, отца гетмана, чигиринскаго сотника, которыхъ разлучила сначала козацкая служба, а потомъ и земельныя пріобрѣтенія послѣдняго въ Субботовѣ. Въ актовыхъ книгахъ Кіевской ратуши мы не находимъ позже указаній на наслѣдниковъ мѣщанина Богдана Хмеля, если таковыми не были вышеупомянутые Захарій Хмельницкій, двоюродный братъ гетмана, и Никифоръ Хмеленко; быть можетъ, Богданъ Хмель былъ бездѣтенъ и заботился о своемъ племянникѣ Зиновіи, когда тотъ воспитывался въ братской школѣ; быть можетъ, и молодой Зиновій Хмельницкій сталъ называться Богданомъ въ честь своего дяди, который съ этихъ поръ замѣнялъ ему отца, погибшаго въ Цецорской битвѣ.

Сдѣланное нами предположеніе о родствѣ чигиринскихъ сотниковъ съ кіевскими мѣщанами, въ свою очередь, не противорѣчитъ тогдашней дѣйствительности,—Хмели такъ же, какъ и Александровичи и Путивльцы, могли быть въ одно время и запорожцами и мѣщанами; оно же объясняетъ, почему гетманъ колеблется въ употребленіи то польскаго, то козацкаго герба.

Конечно, сказанное нами не больше, какъ догадка; но она кажется намъ проще, естественнѣе и вѣроятнѣе, чѣмъ догадка поль-

скихъ историковъ, принятая и нѣкоторыми русскими. Мы не теряемъ надежды, что дальнѣйшія архивныя розысканія подтвердятъ ее».

в) Д. чл. **М. Н. Яснинскій** прочелъ рефератъ «*О крестьянскихъ безпорядкахъ въ 1862 г. при введеніи уставныхъ грамотъ въ Мошно-Городищенскомъ имѣніи (Черкасскаго у. Кіевской губ.)*». Актъ 19 февраля 1861 г., даровавшій личную свободу и права 23 милліонамъ людей, положилъ конецъ крѣпостному праву, тяготѣвшему надъ русскимъ народомъ свыше $2^1/_2$ столѣтій, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ главную причину тѣхъ массовыхъ крестьянскихъ волненій, которыя періодически потрясали Россію въ теченіе XVIII и первой половины XIX в. и которыя являлись горячимъ, иногда кровавымъ протестомъ противъ тягостей крѣпостнаго права,—закрѣпощенія личности и рабскаго труда. Переходъ отъ крѣпостничества къ свободѣ не могъ совершиться спокойно; крестьянскія волненія не были неожиданностью ни для правительства, ни для общества; о возможности ихъ говорили еще до манифеста 19 февраля, такъ какъ крестьяне думали, что, вмѣстѣ со свободой, имъ будетъ дарована и земля; Положеніе же 19 февраля не находило возможнымъ отбирать у помѣщиковъ землю безъ вознагражденія ихъ и потому обязывало крестьянъ временно, въ теченіе двухъ лѣтъ, до введенія уставныхъ грамотъ, отбывать въ пользу помѣщиковъ прежнія повинности; неудивительно, что Положеніе неудовлетворило крестьянъ. Кромѣ того, при невѣжествѣ и безграмотности ихъ, Положеніе, неясно редактированное, давало поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и послужило причиной многихъ недоразумѣній; крестьяне, напр., твердо были убѣждены, что «настоящая», «чистая» воля скрыта отъ нихъ помѣщиками и начальствомъ; для разубѣжденія крестьянъ и успокоенія волненій приходилось прибѣгать къ военной силѣ. Всѣхъ недоразумѣній, безпорядковъ и волненій, происшедшихъ въ 1861—1862 гг., насчитывается болѣе 1000. Особенно крупныя безпорядки произошли въ Казанской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской и Калужской губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ губерніяхъ малороссійскихъ и Юго-Западнаго края. Примѣромъ такихъ безпорядковъ, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, могутъ послужить недоразумѣнія, имѣвшія мѣсто въ Мошно-Городищенскомъ имѣніи княгини Воронцовой (Елисаветы Ксаверовны, урожденной гр. Браницкой).

Дѣло было такъ.

Въ началѣ февраля 1862 г., въ нѣкоторыхъ селахъ Мошно-Городищенскаго имѣнія, а въ томъ числѣ въ Бѣловерьѣ и Байбузахъ, были составлены уставныя грамоты и подписаны крестьянами. Крестьяне с. Староселья, пока не дошла до нихъ очередь, рѣшили навести справки, что происходитъ въ сосѣднихъ селахъ, такъ какъ стали ходить слухи, о какомъ-то царскомъ выкупѣ, при которомъ ничего не нужно будетъ платить за землю; на такой выкупъ поступили будто бы крестьяне сосѣдней Нетеребковской волости. Поэтому старосельчане выбрали ходоковъ Степана Артеменка, Діомида Кошеленка и друг. и отправили ихъ въ Полтавскую губернію. Ходоки побывали въ сс. Дмитровкѣ и Домонтовкѣ, добыли у какого-то писаря бумагу, заключавшую въ себѣ якобы что-то очень важное по крестьянскому дѣлу, и узнали, что въ Полтавской губ. нѣтъ никакихъ уставныхъ грамотъ, никто ихъ не требуетъ, и помѣщики будто бы дали крестьянамъ полную свободу. Въ началѣ марта крестьяне были собраны мировымъ посредникомъ для выбора уполномоченныхъ къ подписанію уставной грамоты; ходоки не совѣтовали подписывать грамоту; народъ волновался; убѣжденія старшины не дѣйствовали; крестьяне селъ Бѣлозерья и Байбузовъ также заволновались, требовали отъ старшины возврата подписанной уже грамоты; споры и пререканія привели, наконецъ, къ тому, что крестьяне самоуправно арестовали своего старшину; на сходѣ постановили кромѣ того, провѣрить слухи о «царскомъ выкупѣ» въ с. Нетеребкахъ а также отправить депутацію съ тою же цѣлью въ Кіевъ. Между тѣмъ владѣльческое управленіе сообщило о происшедшемъ Черкасскому уѣздному исправнику; послѣдній, разобравъ причину смуты, распорядился арестовать Степана Артеменка; собравшаяся толпа народу силой освободила арестованнаго. Какія послѣ этого были приняты мѣры, неизвѣстно, но уже 9 марта среди крестьянъ обнаружилась реакція: они подали своему мировому посреднику коллективное прошеніе, сознавали свою вину и просили его о защитѣ и покровительствѣ, обѣщая предупреждать всѣ возможныя въ будущемъ безпорядки; наконецъ, только 14 апрѣля 1862 г. уполномоченными крестьянъ с. Староселья была подписана уставная грамота. Все это, однако, не спасло главныхъ виновниковъ означенныхъ безпорядковъ отъ суда и продолжительнаго предварительнаго заключенія въ тюрьмѣ. Виновные были приговорены къ различ. тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя не были приведены въ исполненіе

только благодаря послѣдовавшей вскорѣ общей отмѣнѣ телесныхъ наказаній.

Въ настоящемъ засѣданіи была произведена баллотировка восьми членовъ Общества въ члены Совѣта на мѣсто четырехъ, выбывшихъ по жребію. По большинству голосовъ избранными оказались: *Н. П. Дашкевичъ*, *Т. Д. Флоринскій*, *И. М. Каманинъ* и *В. И. Щербина*.

Въ дѣйствительные члены Общества Нестора большинствомъ $^2/_3$ присутствующихъ избраны: *Иванъ Ивановичъ Гливенко*, *Николай Леонтьевичъ Лятошинскій*, *Михаилъ Несторовичъ Сперанскій* и о. *Ѳеодоръ Ивановичъ Титовъ*.

VIII. ЗАСѢДАНІЕ 4-го МАЯ 1897 г.

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** представилъ «*Литературныя изображенія Екатерины II и ея царствованія*» (напечатано во II-мъ отдѣлѣ этой книги).

б) Д. чл. **С. Т. Голубевъ** подвергъ разбору недавнія изслѣдованія «*О планѣ г. Кіева 1638 г., приложенномъ къ книгѣ Аванасія Кальнофойскаго*: «*Тератургима*» (напечатано во II-мъ отдѣлѣ этой книги).

IX. ЗАСѢДАНІЕ 31-го МАЯ 1897 г.

Въ настоящемъ общемъ собраніи г. Предсѣдатель сообщилъ предложеніе состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ въ августѣ 1899 года XI-го Археологическаго Съѣзда о необходимости организаціи въ Кіевѣ Отдѣленія этого Комитета и о выборѣ депутатовъ въ это Отдѣленіе отъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца; по произведенной баллатировѣ избранными въ депутаты оказались 7 членовъ: *В. И. Щербина*, *И. М. Каманинъ*, *М. Н. Ясинскій*, *В. П. Науменко*, *А. М. Лазаревскій*, *Вас. Г. Ляскоронскій* и *І. А. Малиновскій*.

X. ЗАСѢДАНІЕ 14-го СЕНТЯБРЯ 1897 г.

а) Д. чл. **И. А. Сикорскій** сдѣлавъ сообщеніе «*Объ эпидемическихъ вольныхъ смертяхъ и смертоубійствахъ въ Терновскихъ хуто-*

рахъ (близъ Тирасполя)»[1]). Мѣсто, гдѣ произошли эти ужасныя событія,— с. Терновка въ Поднѣстровьи, расположенное въ плавняхъ, въ 4—5 верстахъ отъ г. Тирасполя; въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Терновкой находятся многочисленные хутора и между ними хуторъ семьи Ковалевыхъ, принимавшей дѣятельное участіе въ упомянутыхъ событіяхъ. Это—семья старообрядческая; родоначальникъ ея основавъ скитъ, въ которомъ давалъ пріютъ перехожимъ старообрядцамъ, и завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ поддержаніе этого скита; зданіе скита низко и темно, съ узкимъ корридорчикомъ и крошечными оконцами, и прикрыто разнаго рода фальшивыми сельско-хозяйственными постройками; оно имѣетъ потайные ходы и спряты; все показываетъ, что здѣшній обитатель пребывалъ въ постоянной тревогѣ, и каждую минуту готовъ былъ скрыться. До осени 1896 г. въ Ковалевскихъ хуторахъ существовало двѣ имѣвшія между собой мало общаго группы: скитниковъ и хозяевъ усадьбы; представительницей первыхъ была дѣвица Виталія, а представительницей вторыхъ—вдова Ковалева. Виталія—уроженка Херсонской губерніи, 35—40 лѣтъ, отличалась энергіей и рѣшительностью; она появляется въ хуторахъ за 12 лѣтъ до катастрофы; окончательно же поселяется лишь года за 2—3; всѣ дѣла скита переходятъ въ ея руки, хотя она для виду и совѣщалась со старухой Ковалевой; мужское населеніе скита немногочисленно и играетъ второстепенную роль; старуха Ковалева была женщиной мягкаго характера, человѣколюбивой и слыла въ окрестности своей широкой благотворительностью. Въ хуторахъ жили также двѣ сестры Скачковы: Поля Младшая и Поля Старшая; послѣдняя никакой роли не играла; первая же была главной совѣтницей Виталіи, благодаря своей большей начитиности и уму. Съ осени 1896 г. Виталія и Поля Младшая начали постоянно говорить скитникамъ о предстоящихъ преслѣдованіяхъ старообрядцевъ и ссылкахъ; разговоръ сильно волновалъ хуторянъ; на случай ссылки рѣшено было запастись теплой одеждой, на случай же заключенія въ тюрьму—«запоститься», т. е., уморить себя голодомъ; наиболѣе сильное вліяніе Виталія производила на подростковъ; 13-лѣтняя дѣвочка Прасковья Ѳомина первая произнесла слова: «лучше въ яму закопаться»; слова эти были подхвачены и приняты съ сочувствіемъ дру-

---

[1]) См. «Вопросы нервно-психической медицины», т. II, Кіевъ, 1897 г., и въ отдѣл. брошюрѣ.

гими женщинами. Когда въ декабрѣ 1896 г. счетчики народной переписи постучались въ дверь Терновскаго скита, то высунувшаяся рука передала имъ записку, въ которой говорилось, что скитники не хотятъ записывать своихъ именъ и отечествъ, потому что ихъ имя и отечество есть Христосъ, а новая перепись отчуждаетъ ихъ отъ Христа, что они новымъ законамъ повиноваться не будутъ и желаютъ умереть за Христа; подобнаго же содержанія грамоты давались раскольниками и раньше, напр., въ 1736 и въ 1791 гг., когда они оканчивали свою жизнь то самосожиганіемъ, то самоутопленіемъ; съ этого времени мысль о могилѣ или, какъ говорили скитники, о «ямѣ», овладѣла всѣми; особенно горячо выражала готовность закопаться жена старшаго сына Ковалевой Ѳеодора-Анюша (Анна); возраженія и противодѣйствія мущинъ оказались безсильными. Виталія и Поля Младшая энергично поддерживали въ женщинахъ эту рѣшимость; имъ помогала и старуха Ковалева. Двѣ семьи—Ѳеодора Ковалева и Назара Ѳомина изъявили желаніе закопаться въ яму; въ это время Виталія вызвала къ себѣ и сестру свою изъ Николаева Елизавету Денисову, которая также увлеклась общимъ настроеніемъ. Ночь на 23-е декабря была выбрана для погребенія первой группы и проведена въ молитвѣ, слезахъ и прощаніи; яму рѣшено было вырыть въ погребѣ скита; Ковалевъ, Ѳоминъ и друг. вырыли мину 5 аршинъ въ длину и ширину и 2 въ высоту; всѣ были въ большомъ возбужденіи; жертвы одѣлись въ смертное платье и, послѣ похоронной службы, съ зажженными свѣчами, вошли въ могилу: Назаръ Ѳоминъ (45 л.) съ женой Домной (40 л.) и дочерью Прасковьей (13 л.), Евсей Кравцовъ (18 л.), Анюша Ковалева (22 л.) и ея двѣ дочери (3 л. и 1 г.), Елисавета Денисова (35 л.), старикъ Скачковъ (70 л.); Ѳеодору же Ковалеву Виталія приказала выйти и заложить мину снаружи; замуровавшіеся умерли раньше, чѣмъ погасъ послѣдній огонь; подъ вліяніемъ недостатка воздуха они задыхались, тяжко страдая; смерть наступила чрезъ $1^1/_2$—8 часовъ послѣ закладки мины; трупы лежали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, одни на другихъ, скорченные, согнувшіеся.

Четыре дня спустя, именно, въ ночь на 27-е декабря, произошло второе закапываніе въ усадьбѣ Сухова, въ 2-хъ верстахъ отъ усадьбы Ковалева; мину рыли Суховъ и Павловъ; мина имѣла форму бутылки и помѣщалась въ выемкѣ земли, приготовленной для постройки новаго

дома; послѣ такого же торжественнаго богослуженія и прощанія въ мину вошли 6 человѣкъ: Суховъ съ женой, сыномъ и дочерью и Павловъ съ дочерью; Ковалевъ завалилъ камнями мину; жизнь заключенныхъ могла продолжаться отъ 1 до 3 часовъ; трупы этой ямы также составляли одну общую кучу, въ которой тѣла были переплетены самымъ безпорядочнымъ образомъ, согнутые, скорченные. Трупы въ обѣихъ минахъ одѣты были въ манатейкахъ и кожаныхъ поясахъ, съ четками въ рукахъ; на мущинахъ надѣты круглыя шапки, на женщинахъ—такъ называемые апостольники; всѣ были безъ обуви. Все происшедшее держалось въ строгой тайнѣ. Между тѣмъ власть, имѣя въ виду, что скитники во время народной переписи отказались дать о себѣ свѣдѣнія, привлекли ихъ къ отвѣтственности за безпаспортность и подвергли 5-го февраля шесть человѣкъ предварительному аресту; арестованные молились и отказывались отъ пищи, но просили настоятельно выдать имъ посмертную ихъ одежду, боясь, въ случаѣ смерти, быть похороненными въ казенной одеждѣ. Въ виду рѣшимости умереть отъ голода, они, по распоряженію товарища прокурора, были отпущены 9-го февраля на свободу, не смотря на то, что отказъ отъ пищи и попытки на самоубійство были вѣрными показателями ненормальности душевнаго состоянія, требовавшей помѣщенія ихъ въ психіатрическую лечебницу. По возвращеніи арестованныхъ, три старухи: Сухова, Поля Старшая и Викторія Рассейская стали неотступно просить Ковалева закопать ихъ; они находились въ безпрерывномъ страхѣ тяжело страдали и были несомнѣнно помѣшаны; къ нимъ присоединилась и сестра Ковалева—Авдотья, находившаяся все время пребыванія въ острогѣ и по выходѣ оттуда въ глубокой печали. По приказанію Виталіи, Ковалевъ принялся за работу 12 февраля въ 8 часовъ вечера и скоро обыкновенная могила была готова глубиной въ ростъ человѣка; всѣ четыре женщины легли рядомъ на бокъ, и Ковалевъ сталъ засыпать имъ сначала ноги, а потомъ туловище; лежа женщины шептали одна другой: „прости"; вскорѣ шопотъ прекратился и Ковалевъ сталъ кидать землю на головы; затѣмъ могила была утоптана и сравнена съ землей. Смерть заживо засыпанныхъ лицъ должна была произойти быстро отъ прижатія грудной клѣтки, или же непосредственно за прикрытіемъ лица землей, что подтверждается видомъ труповъ (сильно выпученные глаза, опухшій высунутый языкъ, синій цвѣтъ лица и проч.). Со времени первыхъ двухъ закапываній (23 и 27 декабря)

и возвращенія Виталіи изъ тюрьмы (9 февраля) настроеніе обитателей скита перемѣнилось: наступила реакція; новыя жертвы не являлись; Ѳеодоръ Ковалевъ при закапываніи третьей группы обнаружилъ уже большое сопротивленіе; не находилось желающихъ и запоститься; въ самомъ скиту только одинъ человѣкъ, слабый старикъ, по требованію Виталіи, запостился по выходѣ изъ тюрьмы и умеръ; другіе не отказывались отъ пищи. Виталія принимаетъ уже меньшее участіе въ дѣлахъ и видимо испытываетъ страхъ; она даже пищу принимала не въ скудныхъ размѣрахъ (при вскрытіи въ ея желудкѣ найдена пища; у другихъ лицъ, одновременно закопавшихся съ ней, не найдено ничего); состояніе общаго упадка духа и общаго душевнаго гнета овладѣло всѣми, въ особенности старухой Ковалевой. На ней отражался гнетъ того факта, что она являлась главнымъ отвѣтственнымъ лицемъ за все случившееся, какъ старшая въ семьѣ и какъ хозяйка дома; душевное ея состояніе было крайне тяжелое; Виталія, предчувствуя уголовную кару, пришла къ мысли о неизбѣжности самоубійства; боясь умирать одной, она стала увлекать къ самоубійству и Ковалеву, постоянно находившуюся въ тоскѣ и отчаяніи; развязку ускорилъ младшій сынъ Ковалевой—Димитрій, страдавшій идіотизмомъ; глядя на мучившуюся душевно мать, онъ внезапно (тогда какъ въ другое время всегда молчалъ) сказалъ, обращаясь къ ней: „Что ты журишься? Тамъ (на небѣ) будетъ тебѣ хорошо“. Слова Димитрія поразили всѣхъ; ими воспользовалась для своей цѣли Виталія; она остановилась на мысли о закапываніи въ очень тѣсномъ пространствѣ; медленная смерть пугала ее; къ закапыванію вмѣстѣ съ собой она уговаривала и слѣпого старика Я. Я., но тотъ на отрѣзъ отказался; закапываніе предполагалось 21 февраля, но вслѣдствіе отказа старика перенесено на 28-е число; мѣстомъ для закапыванія выбранъ былъ погребъ въ усадьбѣ Ѳомина, недалеко отъ усадьбы Ковалева, рядомъ съ миной первой группы закопавшихся; вырытая мина представляла собой широкое, но не высокое пространство въ длину 2, въ ширину $3^1/_2$ и въ высоту не болѣе $^3/_4$ аршина; въ мину вошли пять человѣкъ: Димитрій Ковалевъ, Виталія, Поля Младшая, Таисія Рассейская и старуха Ковалева. По приказанію Виталіи, Ѳедоръ Ковалевъ заложилъ мину камнями, засыпалъ землей и утрамбовалъ; еще при жизни Виталія взяла клятвенное обѣщаніе съ Ковалева, что послѣ ихъ смерти

онъ не будетъ жить и „запостится“; она грозила ему всѣми муками ада, если тѣла ихъ будутъ открыты и анатомированы.

По психіатрическомъ изслѣдованіи Ѳеодора Ковалева, референтъ замѣтилъ, что онъ производитъ впечатлѣніе „человѣка добраго, преданнаго тихой скорби и грустному раздумью“; причиной всѣхъ ошибокъ Ковалева была его умственная неразвитость и слабая воля; мысль и воля у него были подавлены и чувства глубоко разстроенны; нравственное освобожденіе его началось по смерти Виталія; теперешній Ковалевъ—это тихая неусыпающая печаль о невозвратномъ и неустанное исканіе истины для разсѣянія слѣдовъ еще не вполнѣ исчезнувшаго изъ души тумана. Душевное настроеніе закапывавшихся также было различно: при первыхъ двухъ закапываніяхъ виденъ экстазъ, люди находились въ умиленіи, плакали, радовались, молились; въ третьей группѣ закопавшихся старушки находились подъ гнетущими чувствами страха и тяжелаго ожиданія, а у сестры Ковалева была глубокая печаль и отчаяніе; въ четвертой группѣ господствующимъ чувствомъ является страхъ; имъ были объяты всѣ жители скита.

Обстановка, при которой происходили самоистребленія въ два послѣднія столѣтія, до такой степени напоминаютъ обстановку Терновскихъ событій, даже до подробностей, что нельзя не прійти къ мысли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями патологическими, съ психической эпидеміей. Массовое самоистребленіе свойственно исключительно расколу, т. е., относится къ широкой области церковной или религіозной жизни; оно всегда совпадало съ какими-либо особенными событіями церковной жизни; во всѣхъ случаяхъ самоистребленій яркой чертой проходитъ пессимизмъ, отсутствіе вѣры въ лучшее будущее и упадокъ духа; стремленіе къ самоистребленію вызывалось скорѣе субъективнымъ состояніемъ, нежели внѣшними событіями; послѣднія были ближайшимъ лишь поводомъ, толчкомъ, но не причиною; въ исторіи самоистребленій мы постоянно встрѣчаемся съ фактомъ болѣе или менѣе продолжительной подготовки массы путемъ пропаганды, увѣщаній и обмановъ со стороны такъ называемыхъ учителей (оффиціально—расколоучителей), а также съ фактомъ подбора въ скитахъ жертвъ одинаковыхъ убѣжденій и сходныхъ настроеній духа, точнѣе, не только психопатическихъ субъектовъ, но и помѣшанныхъ. Всѣ эти черты психическихъ эпидемій наблюдаются и въ Терновскихъ событіяхъ; непосредственнымъ же ближайшимъ поводомъ къ развитію психической

эпидеміи въ Терновскихъ хуторахъ были два событія: народная перепись и открытіе мощей святителя Ѳеодосія Углицкаго. Въ заключеніе референтъ замѣтилъ, что „въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ не должно быть иного чувства, кромѣ безграничной жалости, и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ братскихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними“..... „Въ виду этого истинная забота о нихъ, а не одни догматическія словопренія съ ними, является настоятельнымъ и самымъ неотложнымъ долгомъ церкви и государства».

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ рефератъ: *„Пророчество о страшномъ судѣ и пришествіи антихриста въ концѣ XVIII в.“*.

24 апрѣля 1798 г. войтъ с. Подвысокаго (Умян. уѣзда) Шумило донесъ торговицкому эконому Старинскому о томъ, что крестьянинъ Лаврентій Рогожанскій, возвращенный въ село 6 декабря 1797 г. при указѣ Кіевской духовной дикастеріи, „льститъ“ народъ; себя онъ „учинилъ Христомъ, а другихъ своими учениками, и началъ пророчествовати, якобы антихристъ уже есть и въ трехъ днехъ страшный судъ будетъ“, училъ, что онъ видѣлъ лѣствицу до неба, по которой восходили и ниеходили ангелы и унесли съ земли всю святость на небо, что отнынѣ никто не будетъ помилованъ; и „аще кто не оставитъ все и не идетъ по немъ,—не будетъ въ небѣ, а будетъ проклятъ, анафема“; по заявленію войта, народъ бросалъ свое имущество и шелъ за пророкомъ, который „не только что святость и вѣру, но и на его императорское величесство дерзнулъ словесы хульными“. При арестѣ же обвиняемый „не только предъ чернью, но и предъ штабъ и оберъ-офицерами, говорилъ такое, что и изобразить невозможно“; изъ вещей при Рагожанскомъ нашли монашескія одежды, Евангеліе, Апокалипсисъ и четыре тетради его сочиненій. Въ виду того возбужденія въ народѣ, какое вызвалъ лжепророкъ, дѣло въ судѣ о немъ велось секретно; по мнѣнію кіевскаго губернатора, оно требовало тщательнаго розыска: „не скрывается-ли тутъ въ разсужденіи ихъ какъ-бы сумашествія или какое злое намѣреніе“. Слѣдствіе поведено было энергично и къ 20-му августа окончательно рѣшено; оно выяснило, что главный подсудимый Лаврентій Рогожанскій уроженецъ Брацлавскаго уѣзда, 45 лѣтъ, крестьянинъ, вмѣстѣ со своей женой долго служилъ въ Печерскомъ монастырѣ, въ виноградномъ саду, гдѣ тайно и принялъ постриженіе отъ какого-то опальнаго игумена Ѳеофилакта, бродилъ по монастырямъ Молдавіи и Валахіи, въ Нямецкомъ

монастырѣ столкнулся со старцемъ Паисіемъ и вступилъ съ нимъ въ пренія по поводу „умнаго дѣланія или мудрованія“ (мысленной молитвы); Паисій опирался въ книгу „Добротолюбіе“, а Рогожанскій—на Евангеліе; споръ этотъ и привелъ Рогожанскаго къ пророчеству и ереси; онъ до того вооружился противъ „Добротолюбія“, что считалъ отступниками отъ православія и св. Синодъ и государя, допустившихъ печатаніе и распространеніе книги; онъ писалъ письма митрополиту о тайнахъ пришествія антихриста и наступленіи времени страшнаго суда, ссылаясь при этомъ на слова Апокалипсиса. Ближайшими послѣдователями и учениками проповѣдника были его двоюродный братъ Яковъ Рогожанскій 35 лѣтъ, Иванъ Непомнящій 40 лѣтъ и Герасимъ Кислица. Въ виду крайняго упорства обвиняемыхъ въ своемъ заблужденіи, они были подвергнуты судебно-медицинской экспертизѣ; послѣдняя нашла, что у подсудимыхъ сильно развито воображеніе и разстраиваетъ разсудокъ, котораго у нихъ и безъ того мало; поэтому судъ опредѣлилъ подвергнуть наказанію подсудимыхъ, именно, Лаврентія Рогожанскаго и Ивана Непомнящего къ 150 ударамъ кнута и ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу; Якова Рогожанскаго къ 150 ударамъ плети и отдачѣ въ рекруты, а Герасима Кислицу къ 150 ударамъ плети и водворенію на мѣсто жительства. Такъ закончилась проповѣдь Рогожанскаго.

По мнѣнію референта она была вызвана общимъ состояніемъ въ то время Россіи, не только отражавшей на себѣ важнѣйшія событія Западной Европы: умственное броженіе конца прошлаго вѣка, революцію 1789 г. и Наполеоновскія войны, но и переживавшей въ себѣ самой смуты и неустройства, явившіяся слѣдствіемъ присоединенія отъ Польши западныхъ областей, возникшей отъ того внутренней борьбы исповѣданій: православнаго, уніатскаго и католическаго, и происходившаго въ самой православной церкви религіознаго броженія, т. е. вообще условіями, легко подготовлявшими почву для появленія лжепророковъ и вызывавшими въ предшествующіе вѣка такую же проповѣдь о пришествіи антихриста и страшномъ судѣ.

XI. ЗАСѢДАНІЕ 28 го СЕНТЯБРЯ 1897 г.

а) Г. **Предсѣдатель** сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ «*Матеріалахъ для исторіи Западной Руси, хранящихся въ Ватиканскомъ*

Архивъ» и отмѣченныхъ имъ во время пребыванія его въ Римѣ въ началѣ этого года.

б) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** представивъ изслѣдованіе „*Вновь открытыхъ мемуаровъ архіепископа Арсенія Елассонскаго (Суздальскаго тожъ) о смутномъ времени*".

Въ настоящемъ засѣданіи въ члены Ревизіонной Коммиссіи избраны *Ю. А. Кулаковскій*, *В. И. Щербина* и *Н. В. Стороженко*.

Въ дѣйствительные члены Общества Нестора избрана *Екатерина Николаевна Мельникъ*.

XII. ЗАСѢДАНІЕ 12-го ОКТЯБРЯ 1897 г.

а) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** закончилъ чтеніе своего изслѣдованія о „*Вновь открытыхъ мемуарахъ архіепископа Арсенія Елассонскаго (Суздальскаго тожъ) о смутномъ времени*".

Поч. чл. **В. С. Иконниковъ** по поводу этого реферата сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о мемуарахъ Арсенія, какъ источникѣ не вполнѣ достовѣрномъ, высказавъ предположеніе, что Арсеній кое-что забылъ, кое-что перепуталъ, а также, что онъ, подобно другимъ современникамъ, могъ высказаться съ недостаточной откровенностью; кромѣ того, на этихъ мемуарахъ отразилась рука другаго лица; затѣмъ оппонентъ привелъ нѣсколько свидѣтельствъ о томъ, что совершеніе браковъ по четвергамъ практиковалось и во времена Ивана Грознаго; вообще В. С. Иконниковъ полагаетъ, что Димитрій Самозванецъ и Марина ничѣмъ рѣзко не выказали своего пренебреженія православными обрядами.

Въ отвѣтѣ на эти замѣчанія референтъ старался отстоять мемуары Арсенія, какъ достовѣрный источникъ, и между прочимъ подробно развивалъ мысль о томъ, что чинъ вѣнчанія и коронованія Самозванца составленъ очень ловко и хитро, имѣя въ виду провести одинаково и русскихъ и поляковъ.

Вообще рефератъ г. Дмитріевскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣніями между присутствовавшими членами Общества.

б) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** разсмотрѣлъ новые матеріалы, относящіеся „*Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII в.*"[1]).

[1]) См. «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.» 1898 г. № 2.

Докладчикъ остановилъ вниманіе сочленовъ на весьма интересномъ и совершенно новомъ сообщеніи о Готской епархіи, которое даетъ опубликованный извѣстнымъ издателемъ памятниковъ византійской литературы de-Boor'омъ, списокъ епархій Константинопольскаго патріаршаго престола (Zeitschrift für Kirchengeschichte, тт. XII и XIV). Тогда какъ въ древнѣйшемъ по времени документѣ этой серіи Готская епархія въ Крыму вовсе не упомянута, а въ позднѣйшихъ — она является въ рангѣ архіепископій и ограничена предѣлами Готской народности, по скольку она сохранилась въ Крыму; въ опубликованномъ de-Boor'омъ по одной парижской рукописи спискѣ, который можно пріурочить ко второй половинѣ VIII вѣка, Готская епархія является въ рангѣ митрополій и обнимаетъ широкое пространство отъ горнаго Крыма до нижняго теченія Волги. Де-Бооръ, допуская существованіе въ изданномъ имъ документѣ вставокъ изъ болѣе древнихъ редакцій, полагаетъ, что свидѣтельство о Готской епархіи относится къ болѣе раннему времени, именно, къ правленію имп. Юстиніана Великаго. Возражая противъ такой датировки свидѣтельства, референтъ доказывалъ, что оно должно быть пріурочено ко времени могущества Хазарской державы, когда хазарскіе хаганы не принимали еще іудейскаго исповѣданія и находились въ дружественныхъ, а иногда и родственныхъ, отношеніяхъ къ византійскому двору, т. е., къ той самой эпохѣ, къ которой пріурочивается документъ въ его цѣломъ. Перейдя затѣмъ къ обозрѣнію семи епископій, входившихъ, по свидѣтельству новаго сниска, въ предѣлы Готской митрополіи, референтъ сопоставилъ свидѣтельства изъ византійскихъ и отчасти арабскихъ источниковъ объ отдѣльныхъ племенахъ и городахъ, именами которыхъ обозначены эти семь епископій.

XIII. ЗАСѢДАНІЕ 26-го ОКТЯБРЯ 1897 г.

а) Д. чл. **Вас. Г. Ляскоронскій** сказалъ нѣсколько словъ о *„Прошломъ м. Триполья и окрестныхъ преданіяхъ о немъ“*.

б) Г. **Предсѣдатель** указалъ на результаты *„Раскопокъ въ Каневскомъ уѣздѣ г. Зноско-Боровскаго“*.

Въ настоящемъ засѣданіи г. Предсѣдатель сообщилъ о рѣшеніи Совѣта Общества Нестора-лѣтописца перенести торжественное годичное

засѣданіе, въ виду исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества Нестора, съ 27-го октября 1897 г. на 14-е января 1898 г., такъ какъ этого именно числа 25 лѣтъ тому назадъ состоялось оффиціальное открытіе дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца.

Извлеченіе изъ постановленій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 г.

Въ истекшемъ году Совѣтъ Общества Нестора-лѣтописца имѣлъ четыре засѣданія (всѣ въ 1897 году: 19-го января, 9-го марта, 1-го апрѣля и 27-го сентября).

Въ нихъ, кромѣ обычныхъ текущихъ дѣлъ Общества, между прочимъ, а) опредѣлено поручить г. Товарищу Предсѣдателя А. М. Лазаревскому, согласно его предложенію, войти съ ходатайствомъ въ Министерство Юстиціи относительно передачи старыхъ дѣлъ изъ архивовъ Черниговскаго и Полтавскаго окружныхъ судовъ на храненіе въ архивъ Общества Нестора-лѣтописца (19 января).

б) Согласно предложенію поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскаго постановлено образовать изъ поступившихъ и имѣющихъ поступить отъ чтенія публичныхъ лекцій денегъ лекціонный фондъ въ 300 рублей на необходимые расходы по устройству лекцій (9 марта).

в) Въ виду предстоящаго празднованія 25-лѣтія существованія Историческаго Общества Нестора-лѣтописца рѣшено: 1) обычное торжественное годичное собраніе Общества перенести съ 27-го октября на 14-е января 1898 г., когда исполнится ровно 25 лѣтъ со дня оффиціальнаго открытія дѣятельности Общества Нестора, т. е., съ 14 января 1873 года; 2) просить поч. чл. Н. П. Дашкевича составить историческую записку и извлеченіе изъ нея прочесть въ видѣ рѣчи въ торжественномъ засѣданіи; 3) отпечатать эту записку въ количествѣ 400 экземпляровъ, съ приложеніемъ списка членовъ, живущихъ и умершихъ, списка должностныхъ лицъ за все 25-лѣтіе и указателя личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ первыхъ 10 книгахъ «Чтеній», и 4) просить г. Предсѣдателя прочесть въ торжественномъ собраніи рѣчь, въ которой была бы представлена «Характе-

ристика дѣятельности Богдана Хмельницкаго въ виду исполнившагося 250-лѣтія со времени первыхъ его побѣдъ, и эту рѣчь отпечатать вмѣстѣ съ исторической запиской (27 сентября).

г) По примѣру прошлаго года, Совѣтъ Общества ходатайствовалъ передъ г. Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа и г. Губернаторомъ о разрѣшеніи продолженія чтенія публичныхъ лекцій и на будущее время по исторіи, литературѣ, славяновѣдѣнію, философіи, психологіи и проч.

д) Наконецъ, въ текущемъ году, за выбытіемъ по жребію, на основаніи § 24 «Устава», изъ состава Совѣта Общества членовъ Н. П. Дашкевича, Т. Д. Флоринскаго, князя Е. Н. Трубецкаго и В. П. Науменка, избрано восемь кандидатовъ, кои и рекомендованы общему собранію для выбора изъ нихъ четырехъ новыхъ членовъ Совѣта (1-го апрѣля).

Примѣчаніе. Общимъ собраніемъ въ засѣданіи 27 апрѣля по баллотировкѣ избраны. Н. П. Дашкевичъ, Т. Д. Флоринскій, И. М. Каманинъ и В. И. Щербина.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 г.

I. *Численный составъ Общества Нестора-лѣтописца.*

Къ 27-му октября 1896 г. Общество состояло изъ 137 членовъ: 25 почетныхъ и 112 дѣйствительныхъ.

Въ теченіе года избрано одиннадцать новыхъ дѣйствительныхъ членовъ.

Изъ означеннаго числа членовъ въ тотъ же періодъ времени выбыло за смертью пять членовъ: четыре почетныхъ и одинъ дѣйствительный.

Такимъ образомъ, къ 27-му октября 1897 г. Общество состоитъ изъ 143 членовъ: 21 почетнаго и 122 дѣйствительныхъ.

II. *Библіотека Общества.*

А) Въ *Отдѣлѣ печатныхъ книгъ* Библіотеки Общества Нестора-лѣтописца къ 27-му октября 1896 г. находилось на лицо 1576 названій въ 3199 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года поступило 292 названія въ 876 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ, къ 27-му октября 1897 г. имѣется 1868 названій въ 4075 томахъ и брошюрахъ.

Въ истекшемъ году книги поступали, главнымъ образомъ, отъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ въ обмѣнъ на изданія Общества Нестора-лѣтописца; изъ частныхъ пожертвованій наибольшее по количеству поступило отъ А. Ѳ. Лебединцева.

Б) Въ *Отдѣлѣ рукописей* къ 27-му октября 1896 г. имѣлось: а) древнихъ рукописныхъ книгъ—11; б) фотографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей — 2; в) отдѣльныхъ документовъ — 2 связки (присоединяя къ нимъ и бывшіе прежде 11 документовъ) и г) рукописныхъ сочиненій текущаго столѣтія—7 книгъ.

Въ теченіе года новыхъ поступленій не было, и къ 27-му октября 1897 г. остается прежнее количество рукописей.

В) *Изданій Общества Нестора*, по продажѣ ихъ, разсылкѣ членамъ и высылкѣ въ обмѣнъ на изданія другихъ учрежденій и обществъ къ 27-му октября 1897 г. осталось:

а) «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца»: книги I—33, II—108, III—30, IV—178, V—197, VI—204, VII—226, VIII—215, IX—237, X—205, XI—258 экземпляровъ.

б) «Трудовъ III-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г.—50 экземпляровъ (каждый изъ двухъ томовъ съ атласомъ).

в) «Указателя выставки III-го археологическаго съѣзда—152 экз.

г) «Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси»—274 экз.

д) «Поминки по А. А. Котляревскомъ»—83 экземпл.

е) «Публичныхъ лекцій по геологіи и исторіи Кіева»—340 экз., и

ж) «Сулимовскаго архива», изд. поч. чл. А. М. Лазаревскимъ—167 экземпляровъ.

III. *Денежныя средства Общества*:

Суммы Общества Нестора-лѣтописца находились съ 27-го октября 1896 г. по 27-е октября 1897 г. въ слѣдующемъ движеніи:

Къ 27 октября 1896 г. оставалось	2167 р. 6 к.	Израсходовано въ теченіе года:	
Въ теченіе года поступило:		На изданіе XI-й книги «Чтеній» . .	725 р. 43 к.
Членскихъ взносовъ	226 р. 25 к.	На устройство публичн. лекцій В. Б. Антоновича и П. Я. Армашевскаго и на изданіе этихъ лекцій.	303 р. 50 к.
Казенной субсидіи.	800 р. —	Въ счетъ расходовъ по изданію XII книги «Чтеній»	310 р. —
10% отъ сбора съ публичныхъ лекцій.	299 р. —	На устройство засѣданій	55 р. 50 к.
За проданныя изданія Общества Нестора	134 р. 12 к.	Прислугѣ	40 р. —
% по текущему счету и съ процентныхъ бумагъ . .	83 р. 52 к.	На Библіотеку. .	52 р. 30 к.
		Канцелярскіе и мелочные расходы . .	54 р. 55 к.
		За раму для иконы преп. Нестора-лѣтописца и за вѣнокъ на гробъ И. И. Малышевскаго	63 р. —
		На командировку въ Москву В. З. Завитневича	75 р. —
Итого	3709 р. 95 к.	Итого	1679 р. 28 к.

Затѣмъ, къ 27-му октября 1897 г. остается въ наличности 2030 р. 67 к.

Избранная въ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца 28-го сентября 1897 г. **Ревизіонная коммиссія**, въ составѣ членовъ: *Ю. А. Кулаковскаго*, *Н. В. Стороженка* и *В. И. Щербины*, произвела, въ засѣданіи своемъ 8-го декабря 1897 г., повѣрку кассы и библіотеки и нашла оборотъ суммъ Общества въ періодъ $189^{6}/_{7}$ г. строго правильнымъ и точнымъ, а состояніе его библіотеки въ полной исправности и порядкѣ.

Списокъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца[1]).

I. Члены, живущіе въ Кіевѣ.

а) *Почетные*:

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ (членъ-учредитель).
Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ.
Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ.
Дашкевичъ, Николай Павловичъ.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ (членъ-учредитель).
Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ.
Лучицкій, Иванъ Васильевичъ.
Фортинскій, Ѳедоръ Яковлевичъ.

б) *Дѣйствительные*:

Александровскій, Григорій Владиміровичъ.
Аничковъ, Евгеній Васильевичъ.
Афанасьевъ, Георгій Емельяновичъ.
Бубновъ, Николай Михайловичъ.
Булгаковъ, Афанасій Ивановичъ.
Бѣлогрицъ-Котляревскій, Леонидъ Сергѣевичъ.
Бѣляшевскій, Николай Ѳедотовичъ.
Василенко, Николай Прокофьевичъ.
Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ.
Водовозовъ, Василій Васильевичъ.
Гливенко, Иванъ Ивановичъ.

---

[1]) Онъ обнимаетъ весь личный составъ Общества по 15-е октября 1898 г.

Голубевъ, Степанъ Тимофеевичъ.
Голубовскій, Петръ Васильевичъ.
Гренъ, Алексѣй Николаевичъ.
Демченко, Василій Григорьевичъ.
Дмитріевскій, Алексѣй Афанасьевичъ.
Егіазаровъ, Соломонъ Адамовичъ.
Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ.
Завитневичъ, Владиміръ Зенонович.
Исаевъ, Иванъ Петровичъ.
Истоминъ, Ѳедоръ Павловичъ.
Каманинъ, Иванъ Михайловичъ.
Кивлицкій, Евгеній Александровичъ.
Клячинъ, Василій Петровичъ.
Кнауэръ, Ѳедоръ Ивановичъ.
Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ.
Крыловскій, Амвросій Семеновичъ.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.
Лашкаревъ, Петръ Александровичъ (членъ-учредитель).
Левицкій, Орестъ Ивановичъ.
Личковъ, Леонидъ Семеновичъ.
Лобода, Андрей Митрофановичъ.
Лясковронскій, Василій Григорьевичъ.
Лясковронскій, Владиміръ Григорьевичъ.
Лятошинскій, Николай Леонтьевичъ.
Малининъ, Василій Николаевичъ.
Мельникъ, Екатерина Николаевна.
Молчановскій, Никандръ Васильевичъ.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, Александръ Алексѣевичъ.
Науменко, Владиміръ Павловичъ.
Оболонскій, Николай Александровичъ.
Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ.
Петръ, Вячеславъ Ивановичъ.
Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ.
Покровскій, Ѳедоръ Яковлевичъ.
Розовъ, Алексѣй Васильевичъ.
Романовичъ-Славатинскій, Александръ Васильевичъ.
Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ.

Синицкій, Даніилъ Александровичъ.
Сонни, Адольфъ Израилевичъ.
Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ.
Стороженко, Андрей Владиміровичъ.
Стороженко, Николай Владиміровичъ.
Тарле, Евгеній Викторовичъ.
Титовъ, о. Ѳедоръ Ивановичъ.
Трегубовъ, Елисѣй Корнѣевичъ.
Трубецкой, князь, Евгеній Николаевичъ.
Флоринскій, Тимофей Дмитріевичъ.
Челпановъ, Георгій Ивановичъ.
Черневъ, Николай Павловичъ.
Щербина, Владиміръ Ивановичъ.
Ясинскій, Михаилъ Никитичъ.
Ястребовъ, Митрофанъ Филипповичъ.

в) *Корреспонденты:*

Де-Витте, Елисавета Ивановна.

II. Иногородные члены.

а) *Почетные:*

Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ (С. Петербургъ).
Веселовскій, Александръ Николаевичъ (С. Петербургъ).
Голубинскій, Евгеній Евсигніевичъ (Москва).
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ (Москва).
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ (С. Петербургъ).
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ (С. Петербургъ).
Уварова, графиня, Прасковья Сергѣевна (Москва).
Шереметьевъ, графъ, Сергій Дмитріевичъ (С. Петербургъ).
Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ (Одесса).

б) *Дѣйствительные:*

Андріевскій, Алексѣй Александровичъ (Одесса).
Анненскій, Иннокентій Ѳедоровичъ (С. Петербургъ).
Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ (Харьковъ).

Безсмертный, Евгеній Адріановичъ (Немировъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ (Нѣжинъ).
Брандтъ, Романъ Ѳедоровичъ (Москва).
Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ (Юрьевъ).
Василенко, Викторъ Ивановичъ (Полтава).
Гамченко, Сергѣй Спиридоновичъ (Ровно).
Горленко, Василій Петровичъ (Полтав. губ.)
Данилевичъ, Василій Евфимовичъ (Юрьевъ).
Дверницкій, Емельянъ Николаевичъ (Владиміръ-Волынскъ).
Ефименко, Петръ Саввичъ (Харьковъ.)
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ (С. Петербургъ).
Ивановъ, Николай Ивановичъ (Рига).
Ивановъ, Павелъ Андреевичъ (Одесса).
Истоминъ, Михаилъ Павловичъ (Одесса).
Качубинскій, Александръ Александровичъ (Одесса).
Крачковскій, Юліанъ Ѳомичъ (Вильно).
Кулишеръ, Михаилъ Игнатьевичъ (С. Петербургъ).
Лавровскій, Николай Алексѣевичъ (Рига).
Лилеевъ, Михаилъ Ивановичъ (Нѣжинъ).
Линниченко, Иванъ Андреевичъ (Одесса).
Люба-Радзиминскій, Сигизмундъ Владиміровичъ (Волын. губ.).
Любовичъ, Николай Николаевичъ (Варшава).
Мазараки, Сергѣй Аркадьевичъ (Полтав. губ.).
Максимейко, Николай Алексѣевичъ (Харьковъ).
Малиновскій, Іоанникій Алексѣевичъ (Томскъ).
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ (Одесса).
Милорадовичъ, графъ, Григорій Александровичъ (Черниг. губ.).
Михалевскій, Владиміръ Андреевичъ (Керчь).
Мищенко, Ѳеодоръ Герасимовичъ (Казань).
Модестовъ, Василій Ивановичъ (С. Петербургъ).
Мякотинъ, Венедиктъ Александровичъ (С. Петербургъ).
Николайчикъ, Ѳедоръ Даниловичъ (Ромны).
Оглоблинъ, Николай Николаевичъ (Москва).
Падалка, Левъ Васильевичъ (Полтава).
Петровскій, Мемнонъ Петровичъ (Казань).
Петрушевскій, Дмитрій Мойсеевичъ (Варшава).
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ (С. Петербургъ).

Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ (Конотопъ).
Праховъ, Адріанъ Викторовичъ (С. Петербургъ).
Синицкій, Леонтій Даниловичъ (Москва).
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ (С. Петербургъ).
Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ (Москва).
Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ (Вильно).
Сторожевъ, Василій Николаевичъ (Москва).
Сѣцинскій, о. Евѳимъ Осиповичъ (Каменецъ-Подольскъ),
Теличенко, Иванъ Васильевичъ (Харьковъ).
Турцевичъ, Иванъ Григорьевичъ (Нѣжинъ).
Хрущевъ, Иванъ Петровичъ (Харьковъ).
Шугуровъ, Николай Васильевичъ (Нѣжинъ).
Яблоновскій, Александръ Петровичъ (Варшава).
Ясинскій, Антонъ Никитичъ (Юрьевъ).

III. Члены, находящіеся за границей.

а) *Почетные.*

Петрушевичъ, о. Антоній (Львовъ).
Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ (Вѣна).

б) *Дѣйствительные.*

Грушевскій, Михаилъ Сергѣевичъ (Львовъ).
Де-Бай, Жозефъ, баронъ (Парижъ).
Прохаска, Антоній Антоніевичъ (Львовъ).
Радченко, Константинъ Ѳедоровичъ (Софія).
Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ (Цетинье).
Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ (Константинополь).

Должностныя лица Общества Нестора-лѣтописца:

Предсѣдатель—В. Б. Антоновичъ.
Товарищъ Предсѣдателя—А. М. Лазаревскій.
Казначей—Ѳ. Я. Фортинскій.
Секретарь—М. Н. Ясинскій.
Библіотекарь и Помощникъ секретаря—И. М. Каманинъ.

Члены Совѣта Общества:

Антоновичъ, В. Б.
Владимірскій-Будановъ, М. Ф.
Голубовскій, П. Б.
Дашкевичъ, Н. П.
Иконниковъ, В. С.
Каманинъ И. М.
Лазаревскій, А. М.
Лашкаревъ, П. А.
Лучицкій, И. В.
Степовичъ, А. І.
Флоринскій, Т. Д.
Фортинскій, Ѳ. Я.
Щербина, В. И.
Ясинскій, М. Н.

Члены Редакціоннаго Комитета.

Антоновичъ, В. Б.
Владимірскій-Будановъ, М. Ф.
Дашкевичъ, Н. П.
Иконниковъ, В. С.
Лазаревскій, А. М.
Фортинскій, Ѳ. Я.
Ясинскій, М. Н.

Приложенія къ протоколамъ.

I.

А. Г. Брикнеръ

(† 3 ноября 1896 г.).

3 (15) ноября 1896 г. скончался въ Іенѣ, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, извѣстный историкъ *Александръ Густавовичъ Брикнеръ*, состоявшій сначала профессоромъ въ Новороссійскомъ, а потомъ въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ. Близкое отношеніе покойнаго къ русской исторической наукѣ обязываетъ наше Общество почтить его обычнымъ воспоминаніемъ объ его ученыхъ трудахъ. Ал-дръ Г-чъ Брикнеръ род. 24 іюля 1834 г. въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ Петропавловскомъ училищѣ, онъ около 6-ти лѣтъ (1851—57) занимался въ конторѣ торговаго дома А. Шееръ и К°, но въ 1857 г. оставилъ службу и отправился за границу съ цѣлью осуществить свою завѣтную мечту: изученіе исторіи. Въ Гейдельбергѣ онъ слушалъ лекціи проф. Гейссера (исторія), Рау (политическая экономія), Гольцмана (литература); въ Іенѣ—Куно Фишера (философія), Дройзена (исторія), Шлейдена (антропологія), Шлейхера (языкознаніе); въ Берлинѣ—Раумера, Бёка и Ранке, и въ 1860 г. защищалъ въ Гейдельбергѣ диссертацію: «Zur Geschichte des Reichstags zu Worms 1521. Die Verhandlungen über das Reichsregiment», для которой онъ нѣкоторое время занимался въ архивахъ въ Веймарѣ и Дрезденѣ и за которую получилъ степень доктора философіи. По возвращеніи въ Петербургъ (1861), Брикнеръ состоялъ преподавателемъ исторіи въ Училищѣ Правовѣдѣнія, редактировалъ академическіе календари и участвовалъ въ журналахъ: «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» Гильдебранда, «Baltische Monatsschrift» и «Nordische Revue», напечатавъ

въ нихъ рядъ статей: о мѣдныхъ деньгахъ въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ и въ Швеціи при Карлѣ XII, о Посошковѣ, а также по исторіи Россіи и Польши въ XVIII и XIX стол., вызванныхъ вновь вышедшими тогда сочиненіями: Смита, Соловьева, Богдановича и Андреевскаго. По выдержаніи испытанія на степень магистра въ Петербургскомъ унив., онъ защищалъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Мѣдныя деньги въ Россіи 1656—63 и денежные знаки въ Швеціи 1716—19 гг.» и читалъ здѣсь же, въ 1865—66 г. въ званіи приватъ-доцента, курсъ, посвященный введенію въ новую исторію. По защитѣ въ 1867 г. докторской диссертаціи въ Дерптскомъ университетѣ (Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen, Dorpat, 268 стр.), онъ былъ избранъ профес. всеобщей исторіи въ Новороссійскомъ университетѣ. Первоначальныя занятія Брикнера несомнѣнно сказались въ его наклонности къ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, которымъ посвящены были первыя его работы и нѣкоторые курсы.

Въ Новороссійскомъ университетѣ онъ читалъ разные отдѣлы всеобщей исторіи: энциклопедію и методологію исторіи, древнюю исторію, исторію французской революціи, новѣйшую исторію до 1848 г., исторію новой культуры, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на исторію хозяйства. Читалъ проф. Брикнеръ чрезвычайно живо и горячо, увлекаясь и самъ на лекціяхъ, и такимъ же характеромъ отличались его практическія занятія, что̀ лежало въ самой натурѣ преподавателя. Въ древней исторіи, которой проф. Брикнеръ спеціально не занимался, онъ любилъ сообщать взгляды и мнѣнія ученыхъ на тотъ или другой вопросъ. Выдвиганіе на первый планъ экономическихъ вопросовъ составляло особенность его преподаванія. Съ другой стороны, занимаясь усердно въ свое время въ «исторической семинаріи» Дройзена, онъ касался и этой стороны преподаванія въ печати. Таковы—его рѣчь «О главныхъ задачахъ исторической науки» (Одесса 1868) и статья: «О такъ называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ въ Германіи» (Ж. М. Н. Просв. 1870, ч. CLII). Брикнеръ, кромѣ нѣмецкаго и русскаго языковъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, зналъ языки: французскій, англійскій, шведскій и итальянскій, и это давало ему возможность легко и постоянно слѣдить за историческою литературою и пользоваться матеріалами въ разныхъ архивахъ. Прибавимъ къ этому, что Брикнеръ любилъ и цѣнилъ музыку и въ часы отдыха охотно отдавался ей.

Несмотря, однако, на преподаваніе всеобщей исторіи въ Новороссійскомъ универ., Брикнеръ уже тогда заявилъ свои симпатіи къ занятіямъ русской исторіей. Его работы по всеобщей исторіи ограничились лишь рецензіями на новыя книги (соч. Левки и Гонеггера по исторіи культуры; Г. Дройзена—по исторіи 30-лѣт. войны; Л. Ранке—по исторіи семилѣтней войны и т. п.), между тѣмъ какъ по русской исторіи онъ занимается исторіей войнъ Россіи съ Турціей (второй) и Швеціей при Екатеринѣ II и печатаетъ рядъ статей въ нѣмецкихъ и русскихъ изданіяхъ (Balt. Monatsschrift, Histor. Zeitschrift, Журн. Мин. Нар. Просв.), а также издаетъ монографію: «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—90 гг.» (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1869 и отд.). Во время пребыванія своего въ Одессѣ А. Г. Брикнеръ обратилъ вниманіе на одного изъ кандидатовъ, который сталъ потомъ извѣстенъ своими трудами по всеобщей исторіи; это—Г. Е. Аѳанасьевъ, состоявшій одно время преподавателемъ новой исторіи въ Одессѣ, а нынѣ нашъ сочленъ.

Понятно, что съ избраніемъ въ концѣ 1871 г. на каѳедру русской исторіи въ Дерптъ, Брикнеръ вполнѣ сосредоточивается на изученіи этой послѣдней. Обладая прекраснымъ знаніемъ русскаго языка, онъ могъ легко излагать свой предметъ по-русски и большую часть своихъ трудовъ издавать на этомъ языкѣ или одновременно печатать ихъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. По-нѣмецки онъ читалъ въ Дерптѣ лишь лекціи по всеобщей исторіи въ XVI и XVII стол.: «Geschichte des Europaeischen Staatensystems», которыя имѣли цѣлью доказать прогрессъ въ развитіи европейскихъ народовъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Курсы, читанные Брикнеромъ по русской исторіи, были чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Кромѣ общаго курса, начиная съ древнѣйшаго времени до XIX стол. (древняя русская исторія, русская исторія XIV—XVI стол., русская исторія XVII и XVIII стол.), онъ читалъ слѣдующіе отдѣльные курсы: исторія Россіи XVI в.; междуцарствіе; исторія внѣшнихъ сношеній Россіи въ XVII и XVIII стол.; исторія цар. Екатерины II; источники къ древней русской исторіи; источники къ исторіи XVII стол.; источники къ исторіи Петра В.; источники къ исторіи Россіи 1725—62; источники къ исторіи Екатерины II; источники къ исторіи Павла I и Александра I; русская историографія (источники и литература). Независимо отъ того,

онъ читаетъ такіе курсы, какъ «статистика Россіи», «народное хозяйство Россіи», «географія, этнографія и статистика населенія Россіи»; ведетъ практическія занятія преимущественно по новой русской исторіи, которая составляла любимый отдѣлъ въ его чтеніяхъ и ученыхъ работахъ. По прежнему онъ любилъ останавливаться на экономическихъ и статистическихъ вопросахъ (Расходная книга патр. Никона, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, ч. CLXXVIII; Чума въ Москвѣ въ 1654 г., Истор. Вѣст. 1884, т. XVI; Къ исторіи цѣнъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ, ib. 1885, т. XX; Посошковъ, какъ экономистъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 и 1876 и отд.).

Практическимъ занятіямъ Брикнеръ пытался придать извѣстную организацію, которая могла бы быть, по его мнѣнію, примѣнена и къ другимъ университетамъ. Этому вопросу посвящены были двѣ его статьи: «О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ» (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 6) и «Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи» (тамъ же, № 7). Послѣдняя служила также программою для составленія, при содѣйствіи нѣкоторыхъ спеціалистовъ, источниковѣдѣнія русской исторіи. Предложеніе это было весьма сочувственно принято на археологическихъ съѣздахъ въ Кіевѣ и Казани, а послѣдній изъ нихъ рѣшилъ представить проектъ Брикнера мин-ру нар. просвѣщенія. Къ этой категоріи вопросовъ слѣдуетъ отнести и рядъ статей Брикнера по источниковѣдѣнію царствованія Петра Вел. (Плейеръ и Фокеродтъ, Ж. М. Н. Пр. 1874, CLXXI; Матер. для источниковѣд. исторіи Петра В., 1879, CCV; Христ. Веберъ, ib., 1881, ч. CCXIII). По поводу 25-лѣтія царствованія импер. Александра II онъ помѣстилъ въ прибавл. къ Словарю Мейера (Meyer's Convers. Lexikon. Jahressupplement, XIX, 1882) очеркъ русской исторической литературы съ 1855 по 81 годъ. Къ историографическимъ же работамъ принадлежатъ и сообщенія Брикнера о русскихъ историкахъ по поводу ихъ кончины, напеч. въ нѣмецкихъ изданіяхъ: о Погодинѣ (Spt. Zeitung 1879, №№ 87 и д.), Соловьевѣ (Spt. Z. 1879, № 288), Костомаровѣ (Allgem. österreich. Literaturzeit. 1886, № 11).

Но въ числѣ курсовъ Брикнера, читанныхъ въ Дерптѣ, встрѣчается отдѣльный курсъ «теоріи исторіи»; а въ числѣ его трудовъ опять находимъ рядъ статей, имѣющихъ тѣсную связь съ этимъ предметомъ, каковы—«Der Fortschritt in der Geschichte», по поводу соч.

проф. Карѣева (Nord und Süd, XXXIII, 1885); рѣчь, читан. въ унив. 12 дек. 1886: «Ueber Thatsachenreihen in der Geschichte», Dorp. 1886; «Zur Theorie der Geschichte» по поводу соч. Лоренца: «Die Geschichtswissenschaft» (Nord. Rundschau, VI, Heft I, 1887); а методъ, изложенный имъ въ рѣчи, онъ снова примѣняетъ въ своихъ статьяхъ: «Zur Geschichte der Todesstrafe» (Nord und Süd, XL, 1887) и «Zur Gesch. des Mitleids» (Nordische Rundschau 1887). Напомнимъ еще, что въ 1893 г. Брикнеръ далъ весьма живой отчетъ, посвященный теоретическимъ вопросамъ въ исторіи, въ статьѣ: «Съѣздъ историковъ въ Мюнхенѣ» (Вѣст. Евр. 1893, № 6). Занимаясь же сношеніями Россіи съ Западной Европой, временемъ Екатерины II, біографіей гр. Н. П. Панина, Брикнеръ въ 1882, 1883 и 1884 гг. обращается къ разысканіямъ въ архивахъ Италіи, Германіи, Швеціи и Россіи [1]).

Всѣхъ трудовъ Брикнера, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, въ томъ числѣ и рецензій, насчитывается до 350. Уже эта цифра показываетъ, съ какою легкостью, увлеченіемъ и любовью къ своему дѣлу работалъ онъ, а эти качества въ значительной степени лежали въ самомъ характерѣ покойнаго: чрезвычайно живомъ, подвижномъ, чуждомъ всякой тѣни апатіи. Почти ни одинъ трудъ и ни одно изданіе, заслуживающіе вниманія (какъ Сборн. Рус. историч. общ., Архивъ кн. Воронцова и т. п.) или входившіе въ кругъ его занятій, не оставались безъ отзыва въ русскихъ, а еще чаще въ нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ [2]). Въ этомъ отношеніи онъ, можно сказать, какъ и въ своихъ трудахъ, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, знакомилъ нѣмецкихъ читателей съ наиболѣе замѣчательными періодами и произведеніями русской исторіи въ сочувственномъ, чуждомъ пристрастія, изложеніи [3]).

---

[1]) Въ Дерптскомъ унив., подъ руководствомъ Брикнера, нѣкоторые слушатели занимались русской исторіей, преимущественно источниковѣдѣніемъ, труды которыхъ на нѣмец. языкѣ печатались въ Balt. Monatsschr. и Russ. Revue.

[2]) На основаніи послѣдняго онъ составилъ рядъ статей, подъ заглавіемъ: «Семейная хроника Воронцовыхъ», напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 (№ 8) и 1888 гг. (№№ 3 и 8). Разборъ первыхъ 30-ти томовъ «Архива» (Hist. Zeitschr. 1886, т. LV).

[3]) Таковы его рецензіи соч. *Карновича* (Замѣчательнѣйшія богатства Россіи), *Маркевича* (Юр. Крижаничъ), *Корсакова* (Воцар. Анны Іоанновны), *Кобеко* (Цесаревичъ Павелъ Петровичъ), *Хрущова* (О почтахъ въ Россіи), *Дубровина* (Пугачевъ), *Чистовича* (Исторія медицинскихъ школъ въ Россіи), *Центнера* (Изъ исторіи иностран. исповѣданій въ Россіи), *Васильчикова* (Семейство Разумовскихъ), *Зуммейма* (по исторіи освобожденія крестьянъ въ Европѣ) и мн. др. Къ изданіямъ историческихъ

И въ этомъ отношеніи А. Г. приходилось уже иногда выходить изъ болѣе свойственнаго ему мирнаго настроенія и вступать въ полемику. Таковы его возраженія историку Герману по поводу его изданія о Фокеродтѣ (Russ. Revue 1875), Ширрену на его рец. соч. Брикнера о Петрѣ В. (Hist. Zeitschr. Neue Folge, Bd. IX), на соч. Брюггена: «Wie Russland europäisch wurde» (Nord. Rundschau, 1886, т. IV, № 5 и отд.), на соч. Кояловича: «Исторія русскаго самосознанія» (Hist. Zeitschr., N. Folge, XXI) и др.

Труды Брикнера разсѣяны въ многочисленныхъ русскихъ (Журн. Мин. Нар. Просв., Русск. Вѣст., Русск. Стар., Древн. и Нов. Рос., Истор. Вѣст., Вѣстн. Евр., Новь, Рус. Мысль) и нѣмецкихъ изданіяхъ (Histor. Zeitschr., Russ. Revue, Hist-sches Taschenbuch, Balt. Monatsschr., Allgem. Zeitung, Zeitschr. f. allg. Gesch., Nord. Rundschau, Grenzboten, Nord und Süd); но многіе изъ нихъ появились и отдѣльно, въ болѣе или менѣе обширныхъ монографіяхъ. Изъ болѣе крупныхъ его трудовъ назовемъ слѣдующіе:

1) Юрій Крижаничъ (Др. и Нов. Рос. 1876 г. III; Рус. Вѣст. 1887, №№ 6 и 7; 1889, № 6).

2) Русскіе туристы-дипломаты въ Италіи въ XVII стол. (Р. Вѣст. 1877 и отд.).

3) Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ, соч. удостоен. Уваров. награды (Ж. М. Н. Пр. 1875 и 76 и отд., 359 стр.).

4) О нѣкоторыхъ соч. Посошкова (Рус. Вѣст. 1874) и мнѣнія Посошкова о религіи и церкви, о нравствен. и воспитаніи, о войнѣ, о судопроизв. и законодат. (1879, №№ 3—6 и отд.; R. Revue 1875—1876).

5) Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen. Leipz. 1878, 353 стр.

6) Патрикъ Гордонъ и его дневникъ (Ж. М. Н. Пр. 1877—78 и отд., 182 стр.).

7) Путешествія Петра В. за границу въ 1711 до 1717 г. (Рус. Вѣст. 1880, №№ 11 и 12; 1881, №№ 1, 2 и 3).

памятниковъ онъ предъявлялъ иногда строгія требованія (разб. изданія Дневника Храповицкаго Барсукова, поправки къ русскому тексту иностранныхъ извѣстій о Россіи въ Сборн. Рус. Истор. Общ.). Нѣкоторыя изъ догадокъ Брикнера въ извѣстной степени подтвердились потомъ (см. его мнѣніе о завѣщаніи Посошкова по поводу изданія А. Н. Попова).

8) Der Zarewitsch Alexei (1690—1718). Heidelb. 1880.

9) Исторія Петра Великаго. Изд. Суворина, съ иллюстр. Спб. 1882, 686 стр. (по-нѣмецки въ сборникѣ Онкена).

10) Импер. Іоаннъ Антоновичъ и его родственники. 1741—807 (Рус. Вѣст. 1874 и отд.; Russ. Revue 1875—76 и отд.).

11) Жизнь Петра III до вступленія на престолъ (Рус. Вѣст. 1882 и 83).

12) Исторія Екатерины II, 801 стр. изд. Суворина, съ иллюстр. Спб. 1885 (по-нѣмецки въ сборникѣ Онкена). Въ связи съ этой эпохою, кромѣ названныхъ выше очерковъ по исторіи турецкой и шведской войнъ, Брикнеръ печаталъ эпизоды, посвященные Екатерининской ком. (Большая коммиссія, Ж. М. Н. Пр. 1881, № 9, 10—12; R. Revue 1882—83; Кн. Щербатовъ какъ членъ Большой ком., Ист. Вѣст. 1881, т. VI); путешествіямъ Екатерины—въ Могилевъ (Р. Вѣст. 1881, CLIV), въ Вышній Волочекъ и Москву, 1785 (Ист. Вѣст. 1881, VI); въ Прибалтійскій край, 1764 (Новь 1885, VI); въ Крымъ, 1787 г. (Жур. М. Н. Пр. 1872, № 7; Ист. Вѣст. 1885, XXI); внѣшнимъ отношеніямъ (Англія, Пруссія и Россія 1787—91, Р. Вѣст. 1887, CXCIII; Густавъ IV и Екатерина II, В. Евр. 1890, №№ 8—11; Katharina und die französische Revolution, R. Revue, 1873, II; Ист. Вѣст. 1895, т. LXI); Московской чумѣ 1771 г. (Р. Вѣст. 1884, №№ 9 и 10; R. Revue 1884, B. XXIV); ея личнымъ отношеніямъ (къ Гримму, R. Revue 1880—81; къ докт. Циммерману, Р. Стар. 1887; къ докт. Вейкарду, ib., 1891; Зельмира, Ист. В. 1890) и мн. др.

13) Потемкинъ (Новь 1887 и отд. 1891).

14) Съ 1886—92 онъ издалъ въ 7 томахъ «Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина», извлеченные изъ семейнаго архива Панинныхъ и госуд. архивовъ, важные для ист. цар. Екатерины II, Павла I и Александра I.

15) Bilder aus Russlands Vergangenheit. I Beiträge zur Culturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert, Leipz. 1887, 451 стр.—собр. статей прежде напечатанныхъ [1]).

16) Die Europäisirung Russlands, Gotha 1888, монографія, посвященная вопросу о сближеніи Россіи съ Западн. Европою до конца XVIII стол., 598 стр.

[1]) Подробный перечень трудовъ Брикнера см. въ статьѣ Е. Ф. Шмурло (Жур. М. Н. Пр. 1897, № 2) и отдѣльно изданномъ очеркѣ (Тридцатилѣтіе ученой дѣятельности проф. А. Г. Брикнера, Спб. 1891); а также см. статью Д. В. Цвѣтаева (Р. Обозр. 1897).

Какъ видно изъ перечня трудовъ, внесеніе Брикнеромъ въ русскую историческую науку цѣлаго ряда цѣнныхъ монографій и матеріаловъ должно было создать ему почетную извѣстность и обезпечить его положеніе какъ профессора. Въ послѣднее время онъ состоялъ и проректоромъ Дерптскаго университета [1]). Однако, съ введеніемъ новаго порядка въ Дерптскомъ унив., хотя онъ и читалъ свои курсы по-русски, Брикнеръ былъ перемѣщенъ на короткое время въ Казань, впрочемъ лишь номинально, а затѣмъ поселился въ Іенѣ(1891), съ которымъ связывали его студенческія воспоминанія и семейныя отношенія. Но и здѣсь его страсть къ изслѣдованіямъ въ области русской исторіи не потеряла своей силы и не измѣнила своего характера. Изъ Петербурга ему отправлялись цѣлые транспорты книгъ и выписокъ, по его указаніямъ, а онъ самъ рылся въ архивахъ Берлина, Вѣны, Дрездена, Стокгольма, Копенгагена и Парижа съ цѣлью составить монографію, посвященную времени отъ Петра В. до Екатерины II. Такъ появился цѣлый рядъ очерковъ и характеристикъ, относящихся къ означенному періоду, помѣщенныхъ въ журналахъ (въ Вѣстн. Европы, Историч. Вѣстникѣ, Русской Мысли и др.). Кромѣ того, онъ напечаталъ дополнительный томъ (V) къ монографіи Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» (Спб. 1894) и незадолго до своей кончины новый трудъ: «Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. B. I. Ueberblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen», Gotha, 1896, S. 638. Трудъ этотъ представляетъ культурно-историческіе очерки, распредѣленные по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) Европа и Россія (географич. открытія въ Вост. Европѣ; политическія сближенія; вліянія); 2) земля и народъ; 3) Византія; 4) татарское вліяніе; 5) Россія передъ реформою Петра В.; 6) Петръ Вел. Въ послѣднихъ №№ «Русской Мысли» (1896) напечатаны его статьи о запискахъ гр. Ланжерона, относящихся къ царств. Екатерины II и Александра I, на основаніи рукописныхъ мемуаровъ, хранящихся въ Парижѣ.

Проф. Брикнеръ отличался большимъ оптимизмомъ въ жизни и отношеніяхъ, который отражался и въ его ученыхъ трудахъ. Онъ не любитъ останавливаться на исключительно отрицательныхъ чертахъ данной эпохи или лицъ; онъ всегда старается найти и отмѣтить и

---

[1]) Съ 1878—80 г. онъ былъ деканомъ историко-филолог. факультета, а съ марта 1888 г. проректоромъ.

другія, положительныя стороны въ изображаемыхъ событіяхъ или дѣятеляхъ.

Почти одинаково заканчиваетъ онъ оба свои наиболѣе крупныя произведенія—о Петрѣ В. и Екатеринѣ II. Изобразивъ отрицательное отношеніе извѣстной части современниковъ и потомства къ первому изъ нихъ, Брикнеръ обращается за тѣмъ къ положительной сторонѣ вопроса и связываетъ значеніе царствованія Петра съ общими культурными интересами. «Развитіе историческое, говоритъ онъ, происходитъ въ сущности независимо отъ отдѣльныхъ личностей. Россія и безъ Петра превратились бы европейскую державу; онъ не создалъ новаго направленія въ историческомъ развитіи Россіи; но, благодаря геніальности и силѣ воли Петра, Россія особенно быстро и успѣшно подвинулась впередъ въ указанномъ ей уже направленіи. Народъ, создавшій Петра, можетъ гордиться этимъ героемъ, бывшимъ какъ бы продуктомъ соприкосновенія русскаго народнаго духа съ общечеловѣческою культурою. Глубокое пониманіе необходимости такого соединенія двухъ началъ, національнаго и космополитическаго, доставило Петру на вѣчное время одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества» (685—686).

Точно также А-ръ Г-чъ заканчиваетъ и свою исторію Екатерины II. «Вольтеръ жестоко ошибался, говоритъ онъ, утверждая, что между потомствомъ и Екатериною никогда не окажется возможнымъ какое-либо недоразумѣніе. Напротивъ того, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ потомство столь рѣзко осуждало историческихъ дѣятелей, какъ Екатерину». И указавъ на причины такого неудовольствія (развитіе фаворитизма, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на современниковъ раздѣломъ Польши, раздраженіе вслѣдствіе вліянія Россіи при Екатеринѣ), онъ говоритъ: «Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій главнымъ источникомъ при изученіи исторіи Екатерины служили памфлеты, появившіеся тотчасъ послѣ кончины императрицы, и сплетни въ средѣ дипломатовъ, крайне недовольныхъ самостоятельнымъ и энергическимъ образомъ дѣйствій русскаго двора въ эту эпоху. Пока преобладали такого рода пособія, исторіографія не была въ состояніи создать объективную картину свойствъ и значенія императрицы и ея царствованія. При значительномъ числѣ обвинителей, подсудимая не имѣла случая къ оправданію. Ей самой не давали слова. Судебный приговоръ при такихъ условіяхъ не могъ быть без-

пристрастнымъ. Даже замѣчательные ученые и добросовѣстные историки писали о Екатеринѣ не иначе, какъ въ тонѣ раздраженія и порицанія». Указавъ за тѣмъ на массу архивныхъ матеріаловъ, изданныхъ въ послѣднее время, на тысячи писемъ и записокъ самой Екатерины, на множество отзывовъ и наблюденій ея современниковъ, авторъ ея исторіи заключаетъ такъ: «Необычайно богато одаренная природою, Екатерина оказалась способною выполнить возложенную на нее судьбою задачу; въ этомъ ей помогало сознаніе собственнаго достоинства и рѣдкаго таланта; ей въ томъ помогала чрезвычайная сила воли; она умѣла пользоваться выгодами своего положенія, жизнью вообще, неутомимою работою въ особенности. Екатерина производитъ въ общей сложности впечатлѣніе личности, отличавшейся не только громадными умственными способностями, но и благопріятными качествами души. До сихъ поръ историки особенно охотно останавливались то на внѣшнемъ блескѣ, то на громкой славѣ ея царствованія, то на неоспоримыхъ слабостяхъ ея частной жизни».... «Изъ общаго обзора дѣятельности Екатерины, говоритъ Брикнеръ, мы получаемъ слѣдующій выводъ: она дѣйствовала успѣшно въ качествѣ посредницы между прогрессомъ и культурою Западной Европы, съ одной стороны, и бытомъ Россіи—съ другой. При ней значительно упрочилось могущество и вліяніе Россіи во всемірной системѣ государствъ; во время царствованія Екатерины и благодаря ея иниціативѣ, Россія быстро подвинулась впередъ на пути прогресса, европеизаціи» (799—801).

Представивъ наконецъ отдѣльную монографію о самомъ видномъ и вліятельномъ дѣятелѣ царствованія Екатерины II — Потемкинѣ, біографъ его опять говоритъ: «Весь онъ тутъ — баловень счастья, болѣе авантюристъ, чѣмъ патріотъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ государственный человѣкъ, болѣе азартный игрокъ, чѣмъ герой. Его пороки объясняются въ значительной долѣ недостатками тогдашняго государственнаго и общественнаго строя. Его дѣятельность была далеко не безполезною». Перечисливъ же вслѣдъ за Руничемъ факты этой дѣятельности (построеніе Херсона и Николаева, покореніе Крыма, учрежденіе черноморскаго флота, овладѣніе Очаковомъ и тою областью, гдѣ Одесса), онъ заключаетъ словами того же Рунича: «Все это не ложные суть памятники дивной прозорливости Екатерины II и ея сотрудника. Память о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ не должна быть въ Россіи забвенною» (276).

Пишетъ ли Брикнеръ о Крижаничѣ, Посошковѣ и т. п. или о Петрѣ В., Екатеринѣ II, сближеніе Россіи съ Европою, европеизаціи Россіи, какъ онъ выражается, выступаетъ у него на первомъ планѣ, и нѣкоторые изъ его трудовъ, какъ мы видѣли, спеціально посвящены разработкѣ этой преобладающей идеи въ его общемъ взглядѣ на отношенія Россіи къ Западу.

Но оптимизмъ, на который мы указали выше, сказывался и во взглядахъ Брикнера на современныя явленія, какъ бы ни казались они иногда непріятными, а въ своихъ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда доступнымъ, услужливымъ и расположеннымъ оказать помощь не только своимъ участіемъ, но и средствами; а если приходилось ему иногда разочаровываться въ соотвѣтственномъ назначеніи этихъ послѣднихъ, то онъ старался найти оправданіе въ каждомъ данномъ случаѣ. Къ трудамъ Брикнера относились за границею съ большимъ уваженіемъ, какъ ученаго несомнѣнно владѣвшаго своимъ предметомъ,—условіе, которое такъ цѣнится въ средѣ иностранныхъ ученыхъ. Понятно, что Брикнеръ, какъ обладавшій солиднымъ общеисторическимъ образованіемъ и близко знакомый съ источниками русской исторіи, имѣлъ всѣ преимущества передъ тѣми нѣмецкими и французскими писателями по русской исторіи, которые долгое время ограничивали свои познанія въ ней преимущественно иностранною, часто анекдотическою литературою, причемъ даже знаніе русскаго языка не считалось необходимымъ для всесторонняго изученія самыхъ источниковъ. Труды Брикнера, писанные на нѣмецкомъ языкѣ, съ полнымъ знаніемъ своего дѣла, несомнѣнно содѣйствовали болѣе обстоятельному ознакомленію съ русской исторіей на Западѣ; но, къ сожалѣнію, эта заслуга покойнаго ученаго была у насъ мало оцѣнена. Несомнѣнно однако, что и труды Брикнера на русскомъ языкѣ должны занять не менѣе видное мѣсто въ нашей исторіографіи. Уже одно то, что, благодаря его монографіямъ, русской публикѣ удалось ближе познакомиться съ двумя такими эпохами, какъ время Петра В. и Екатерины II, даетъ ему право на это мѣсто.

В. Иконниковъ.

II.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ

(† 2 января 1897 г.).

2 января 1897 года скончался въ Петербургѣ, на 67 году жизни (род. 1829 г.), бывшій профес. русской исторіи въ Петерб. университетѣ, а затѣмъ членъ Императорской Академіи наукъ *Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ*. Съ 1878 г. онъ состоялъ дѣйств. членомъ Общества Нестора, а съ 1888 г.—его почетнымъ членомъ.

Бестужевъ-Рюминъ принадлежалъ къ старѣйшему поколѣнію русскихъ историковъ; по происхожденію—къ старинному дворянскому роду. Онъ родился въ с. Кудрешкахъ Нижегор. губ. Горбатовскаго уѣзда; дѣтство свое провелъ въ деревнѣ, въ домашнемъ кругу. Главнымъ руководителемъ въ его воспитаніи былъ отецъ, читавшій съ нимъ Карамзина и Милота и внушившій ему любовь къ исторіи. Уваженіе къ Карамзину К. Н. питалъ до конца жизни. Значительная библіотека, собранная его отцемъ, содѣйствовала раннему ознакомленію его съ русской литературой. Нѣкоторое время онъ былъ въ пансіонѣ Камбека въ Н. Новгородѣ (потомъ проф. Казанскаго университета), въ которомъ товарищемъ его былъ А. Н. Плещеевъ. Въ 1840 г. К. Н. поступилъ въ пансіонъ при тамошней гимназіи, въ которомъ воспитывался и Е. А. Бѣловъ, извѣстный историческій писатель, а потомъ—въ гимназію, гдѣ особенно сблизился онъ съ другимъ впослѣдствіи историкомъ—С. В. Ешевскимъ; въ числѣ ихъ учителей былъ П. И. Мельниковъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Печерскаго, къ которому К. Н. относился всегда съ уваженіемъ, какъ къ наставнику, и въ Ниж. Губ. Вѣд., редактируемыхъ тогда Мельниковымъ, Б.-Рюминъ началъ свою литературную дѣятельность. Вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, Б.-Рюминъ говоритъ: «Много мы толковали въ это время

и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, замѣчаетъ онъ) и бредилъ Жоржъ-Зандомъ... я весь предавался чтенію, литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Ж.-Занда, Гюго, Гёте. Ешевскій предпочиталъ чтеніе историческое». При гимназіи были устроены литературныя бесѣды, на которыхъ и читались произведенія обоихъ авторовъ (т. е. Б.-Рюмина и Ешевскаго), а описанія бесѣдъ помѣщались въ Ниж. Вѣд. По окончаніи гимназическаго курса въ 1847 г., Бестужевъ поступилъ въ Моск. университетъ, гдѣ опять встрѣтился съ Ешевскимъ. Оба они были уже знакомы съ именами Соловьева, Кавелина, Буслаева, Шевырева, Каткова.

Бестужевъ-Рюминъ поступилъ сначала на историко-филологич. факультетъ, но вскорѣ перешелъ на юридическій, «устрашенный, какъ самъ говоритъ, обширнымъ преподаваніемъ грамматикъ и привлеченный первою лекціей Рѣдкина». Здѣсь его товарищами были: А. В. Лохвицкій, Е. М. Феоктистовъ, Н. В. Альбертини. Московскій университетъ блисталъ тогда, кромѣ названныхъ выше, именами: Грановскаго, Крылова, Чивилева, Леонтьева и Кудрявцева, извѣстнаго и своими повѣстями, главная тема которыхъ—гибель симпатическаго лица въ удушающей, невѣжественной и грубой обстановкѣ. Это была плеяда талантовъ въ разныхъ родахъ и направленіяхъ, изъ которыхъ ясно обозначались два теченія: западническое и славянофильское.

Бестужевъ-Рюминъ рядомъ слушалъ лекціи у Соловьева по исторіи и у Кавелина по исторіи русскаго права, въ изложеніи котораго она обращалась въ исторію общественнаго быта съ преобладаніемъ юридическаго элемента. Подъ вліяніемъ его чтеній у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. «Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія, говоритъ Б.-Р., зашелъ я разъ къ М. П. Погодину и началъ развивать ему эту мысль. Выслушавъ меня, М. П. отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо послѣ: «А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?« Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣть Сергія, т. е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія?» Въ римскихъ древностяхъ Леонтьевъ выдвигалъ на первый планъ экономическій вопросъ. Вліяніе лекцій Грановскаго и Кудрявцева хорошо

извѣстно. Чтеніе Соловьева, строгое и точное, требовало знакомства съ источниками; а по совѣту Погодина оба будущіе историка прочли уже тогда Шлецера. Нѣсколько позже Бестужевъ привезъ изъ деревни значительное собраніе книгъ по русской исторіи. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ они зачитывались надъ лекціями Шеллинга, привезенными въ рукописи изъ-за границы Кудрявцевымъ. Какъ извѣстно, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей писалъ Леонтьевъ свою диссертацію о Зевсѣ, а Катковъ читалъ лекціи по миѳологіи.

Съ пол. 1851 г. по 1854 г. Бестужевъ былъ домашнимъ учителемъ въ высоко-интеллигентномъ семействѣ Чичериныхъ, въ ихъ помѣстьѣ, и затѣмъ возвратился въ Москву, гдѣ и получилъ мѣсто преподавателя въ 1-мъ и 3-мъ кадетскихъ корпусахъ. Женитьба на сестрѣ Ешевскаго въ 1855 г. еще болѣе сблизила его съ прежнимъ товарищемъ. Но вскорѣ (1856) Б.-Рюминъ оставилъ педагогическую дѣятельность; онъ принимаетъ близкое участіе въ Моск. Вѣд., редактированныхъ В. Ѳ. Коршемъ, а въ 1859 г. вмѣстѣ съ Альбертини, Коршемъ и др. предпринимаетъ изданіе «Московскаго Обозрѣнія», ограничившееся впрочемъ двумя книжками, но въ одной изъ нихъ, была помѣщена обширная статья Б.-Рюмина: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки», по поводу первыхъ 8 томовъ исторіи Соловьева, въ которой любопытны и сравненія автора, заимствованныя изъ западной исторической литературы, и близкое знакомство съ русскими историками XVIII и XIX стол. и историческою литературою вообще, а также дань уваженія, отданная авторомъ исторіи Карамзина, высокое художественное значеніе которой онъ признаетъ: «Какъ литературное произведеніе, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, его исторія стоитъ одиноко въ нашей литературѣ, не смотря на всѣ свои недостатки». Съ другой стороны, онъ довольно строго относится къ догматическому изложенію Соловьева и настаиваетъ на необходимости ознакомленія читателя со взглядами на историческіе вопросы, безъ которыхъ немыслимо близкое знакомство съ предметомъ, и на установленіи истинной точки зрѣнія на него. Въ изложеніи Соловьева онъ отмѣчаетъ искусственную группировку, въ особенности въ главахъ, посвященныхъ внутреннему быту. Поэтому, онъ говоритъ, трудъ Соловьева нельзя считать окончательнымъ словомъ науки, требованія которой въ наше время значительно возросли. И здѣсь же Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ: «Мы думаемъ, что сочувствіе къ падшему составляетъ неотъемлемую принадлежность чело-

вѣка, изученіе задавленныхъ учрежденій, особенно еще не вполнѣ развитыхъ, находившихся только въ зародышѣ,—обязанность историка». Замѣтивъ, что Соловьевъ мало останавливается на такихъ явленіяхъ, каковы зачатки самоуправленія даже въ сѣверной Руси..., Б.-Р. говоритъ: «Онъ слѣдитъ за непрерывнымъ прогрессомъ и старается уяснить себѣ это начало; а то, чего стоилъ прогрессъ, онъ оставляетъ въ тѣни, почитая свое дѣло совершеннымъ однимъ обозрѣніемъ движенія прогрессивнаго начала, т. е. государства».

Въ томъ же 1859 г. Б.-Рюминъ былъ приглашенъ Краевскимъ къ участью въ «Отеч. Запискахъ» и переѣхалъ въ Петербургъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался однимъ изъ редакторовъ «Энцикл. Словаря», издав. учеными и литераторами. Къ литературной работѣ, благодаря отличному знанію новѣйшихъ языковъ, онъ былъ прекрасно подготовленъ. Онъ всѣмъ интересовался: литературою, искусствами, общественной жизнью, соціальными науками. Шекспиръ со всѣми комментаріями занималъ почетное мѣсто въ его библіотикѣ, а миніатюрное изданіе его онъ всегда возилъ съ собою. Дантъ служилъ ему настольною книгою. Пушкинъ, Гёте, Альфр. Мюссе, Хомяковъ—одинаково могли считать его своимъ почитателемъ. Но любовь къ русской исторіи и въ этомъ періодѣ его дѣятельности уже давала себя чувствовать. Въ Отеч. Запискахъ онъ помѣщаетъ цѣлый рядъ статей критико-историческаго содержанія (о Соловьевѣ, Кавелинѣ, славянофилахъ и т. д.); въ Энцикл. Словарѣ (какъ потомъ и въ Словарѣ Березина) печатаетъ рядъ статей объ историческихъ личностяхъ и предметахъ и редактируетъ «Записки Геогр. Общ.» (кн. I—IV, 1863—64). Но и общеисторическіе интересы не были забыты Конст-мъ Никол-мъ. Такъ, онъ переводитъ «Исторію цивилизаціи» Бокля и этюдъ Маколея «Графъ Чатамъ», какъ и впослѣдствіи даетъ отчетъ объ историческихъ трудахъ Фримана и обстоятельное изложеніе его основаній историческихъ методовъ (Прот. Сов. унив. 1876—77; Ж. М. Н. Пр. 1887). Статью Чернышевскаго «о причинахъ паденія Рима» онъ разсматриваетъ параллельно съ соч. Дюбуа-Гюшана о Тацитѣ (Отеч. Зап. 1861, № 8); рецензируетъ труды Одилона Барро и Реньо по вопросу о централизаціи во Франціи (№ 11), исторію Франціи Мишле (1858, № 6), соч. Брольи о Римской имперіи въ IV вѣкѣ (1859, № 7) и т. п. Вообще, журнальное дѣло онъ любилъ и чтилъ до конца жизни. Его замѣтки, некрологи и рецензіи о наиболѣе замѣчатель-

ныхъ произведеніяхъ по части исторіи и литературы, разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ, достигаютъ 200 названій.

Въ 1865—1884 г. Б.-Рюминъ преподавалъ русскую исторію въ Петерб. университетѣ. Приглашеніе его на эту каѳедру дало другое направленіе всей его дѣятельности. За извѣстный трудъ, представляющій сводъ всего обработаннаго по древнѣйшей русской лѣтописи (О составѣ русскихъ лѣтописей), онъ былъ удостоенъ прямо степени доктора honoris causa (1868). Въ этой работѣ уже сказалось раннее знакомство автора съ трудомъ Шлецера и его экзегетическимъ методомъ изученія источниковъ. Шлецера онъ уважалъ, и когда Кояловичъ (Ист. рус. самосозн.) сдѣлалъ о немъ рѣзкій отзывъ, то Бестужевъ замѣтилъ ему: «Уваженіе къ Шлецеру такихъ во всемъ несходныхъ между собою изслѣдователей, какъ Погодинъ и Соловьевъ, обязываетъ къ нѣкоторой сдержанности въ нашихъ мнѣніяхъ о Шлецерѣ». На сколько Бестужевъ былъ подготовленъ къ новой дѣятельности можно судить по тому, что уже съ первыхъ лѣтъ появляются отдѣльныя курсы, читанные имъ, а въ 1872 г.—I-й томъ «Русской исторіи», весьма замѣчательной по обстоятельному введенію «историографическаго» характера, по тщательной группировкѣ важнѣйшихъ фактовъ, съ исключеніемъ всего лишняго, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на внутреннія условія народной жизни и сопровожденіемъ каждаго отдѣла и вопроса богатымъ сводомъ источниковъ не только важнѣйшихъ трудовъ и изслѣдованій, но и разсѣянныхъ въ журналахъ и газетахъ. Въ особенности цѣнны эти указанія и сводъ мнѣній тамъ, гдѣ существуютъ разныя воззрѣнія на извѣстные вопросы или не вполнѣ установившіеся взгляды (варяжскій вопросъ, родовой бытъ, вліяніе Византіи и монгольскаго ига, мнѣнія объ удѣльномъ періодѣ, и т. д.), причемъ авторъ всегда удаляется отъ крайностей и предвзятыхъ сужденій. Онъ отводитъ соотвѣтственное мѣсто и вел. княж. Литовскому, образовавшемуся изъ западно-русскихъ земель, останавливаясь на всѣхъ важнѣйшихъ особенностяхъ его исторіи. Выдвигая на первый планъ *общество*, изученіе котораго должно составлять предметъ наблюденія исторіи, онъ прибавляетъ: «но дѣятельность лицъ не можетъ быть опущена изъ виду, ибо преимущественно въ этой дѣятельности мы видимъ проявленіе общественной жизни» (введ. въ Рус. ист.). Ему дороги и произведенія народнаго творчества (таковы его статьи по поводу изданій и трудовъ Рыбникова, Кирѣевскаго,

Шейна, Безсонова, Гильфердинга, О. Миллера, Рамбо), и ему же принадлежитъ болѣе точное разграниченіе въ нашей исторіи элемента былеваго, т. е. внѣшнихъ фактовъ, отъ развитія бытоваго или культурнаго. Не смотря однако на все свое почитаніе Карамзина, Б.-Р. совершенно иначе посмотрѣлъ на личность и дѣятельность Грознаго (т. II Рус. исторіи и «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Ивана Грознаго», Заря 1871, № 3), во взглядѣ на котораго онъ является послѣдователемъ Соловьева, но еще болѣе Кавелина и славянофиловъ, и характеризуетъ его личность слѣдующими чертами. «Лицо Ивана Грознаго, говоритъ онъ, весьма сложное и судить о немъ можно только перенесясь съ достаточною ясностью въ ту эпоху, въ которой онъ жилъ... Въ наше время все имѣетъ извѣстную опредѣленную форму для своего выраженія; порывы страстей не такъ ярки, увлеченія человѣческія не такъ сильны; все какъ бы сглаживается, сравнивается. Мы привыкли къ этой ровности, къ этой глади и насъ сильно поражаетъ страшный трагическій эпизодъ прошлаго.... XVI вѣкъ во всей Европѣ былъ вѣкъ несдерживаемыхъ страстей, великаго движенія, энергическихъ лицъ, вѣкъ увлеченія, который совсѣмъ иначе относится къ вопросамъ крови, къ трагическимъ событіямъ, чѣмъ мы относимся къ нимъ въ настоящее время. Не буду говорить о кровавыхъ событіяхъ дѣйствительности, но возьмите самаго величайшаго представителя литературы XVI вѣка, откройте Шекспира; и на каждой страницѣ вы встрѣтитесь съ такими страшными злодѣяніями, съ такими событіями, которыя на нашей сценѣ почти невозможны, и все это совершается быстро, моментально, страсти у этихъ людей возбуждаются гораздо скорѣе, чѣмъ у насъ теперь: этого обстоятельства не слѣдуетъ терять изъ вида и когда мы рисуемъ мрачныя картины царст. Ивана Грознаго» и т. д. И въ своей исторіи, представивъ рядъ мнѣній объ Иванѣ Грозномъ и сопоставивъ его съ Петромъ Вел., Б.-Рюминъ замѣчаетъ, что разница ихъ натуры сказалась и въ дѣйствительности: первый изъ нихъ человѣкъ болѣе отвлеченный, теоретикъ, Петръ реалистъ: онъ вѣрилъ въ свой народъ и если иногда черезчуръ перегибалъ дугу, то какъ будто чувствовалъ, что это и поправиться можетъ. Іоаннъ же извѣрился во всемъ и во всѣхъ. Петръ, какъ ни склоненъ былъ къ чужеземцамъ, постоянно считалъ себя русскимъ, а Грознаго тѣшило производство отъ Августа Кесаря. Оттого Петръ не могъ исключительно погрязнуть въ чувственныхъ насла-

жденіяхъ: у него на рукахъ было слишкомъ много дѣла: онъ былъ практическій, а не созерцательный человѣкъ. Можно прибавить еще, что Петръ менѣе думалъ о себѣ: въ этомъ отношеніи онъ шире Грознаго. Государственные практическіе люди никогда не заходятъ такъ далеко, какъ отвлеченные теоретики» (318—319), прибавляетъ Бестужевъ-Рюминъ [1]).

Къ сожалѣнію, по болѣзни, историку не удалось довести свой трудъ до конца. Въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1887 г. были помѣщены только двѣ статьи—очеркъ смутнаго времени, представляющій сжатый, но полный сводъ событій той эпохи съ освѣщеніемъ лицъ и фактовъ и указаніемъ литературы—образецъ замѣчательный по комбинаціи множества явленій въ краткой характеристикѣ, на какія былъ такой мастеръ покойный [2]). Если бы онъ успѣлъ довести свой трудъ до конца, то мы имѣли бы въ 4—5 томахъ русскую исторію съ полнымъ сводомъ литературы этого предмета.

Какъ членъ Импер. Русскаго историческаго Общества, К. Н. издалъ памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей въ XVI столѣтіи, извлеченные изъ Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ Ю. В. Толстымъ (Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, Спб. 1883); какъ членъ Археографической коммиссіи, онъ участвовалъ въ изданіи «Лѣтописи Авраамки» (Пол. Собр. Рус. лѣтописей, т. XVI, 1889).

По самому складу своихъ занятій, Б.-Рюминъ любилъ обращаться къ исторіографическимъ работамъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ рецензій на выдающіяся произведенія исторической литературы, начиная съ 1857 г. до послѣдняго времени, онъ далъ характеристики важнѣйшихъ историковъ XVIII и XIX вв., какъ Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Кавелинъ, Гильфердингъ, славянофилы и т. п. Намъ извѣстно, что онъ близко изучалъ литературу о Карамзинѣ и хотѣлъ дать о немъ обстоятельную монографію. Точно также отъ К. Н. остался рядъ статей, посвященныхъ новѣйшимъ русскимъ писателямъ, а любимцемъ его здѣсь былъ Пушкинъ.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Образъ Грознаго все еще ждетъ для своего воспроизведенія руки великаго художника—историка, какъ Маколей, или поэта, какъ Шекспиръ» (Сборн. Р. Ист. Общ., т. XXXVIII, предисл.).

[2]) Недавно изданныя «Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о смутномъ времени» (Спб. 1898, 80 стр.) вполнѣ подтверждаютъ эту черту покойнаго историка.

По своимъ связямъ съ Москвою К. Н. стоялъ весьма близко къ кружку славянофиловъ и всегда интересовался вопросами, касающимися славянства. Этимъ объясняется его участіе въ дѣятельности Славянскаго благотвор. Общества и рядъ статей и рѣчей, посвященныхъ современнымъ событіямъ въ исторіи славянства и его дѣятелямъ. Онъ участвовалъ въ переводѣ соч. Гладстона: «Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ», состоялъ предсѣдателемъ (1878—82) Спб. Славян. благотворительнаго Общества и одно время редактировалъ «Извѣстія Слав. Благотв. Общества» (1885—87 г.).

Бестужевъ-Рюминъ, вмѣстѣ съ славянофилами, исповѣдуетъ культурное различіе двухъ міровъ—романо-германскаго и греко-славянскаго, и особенности культурной и политической самобытности русскаго народа; но онъ далеко не раздѣляетъ крайностей ихъ воззрѣнія на общеніе наше съ Западомъ [1]). Своими учителями, которымъ онъ посвятилъ второй томъ исторіи, онъ называетъ: П. И. Мельникова, Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева и Кавелина (первый томъ посвященъ авторомъ отцу, которому принадлежитъ его начальное воспитаніе и руководство). Какъ мы видѣли, К. Н. высоко ставитъ значеніе реформы Петра В. Онъ осторожно относится и къ нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ въ русской исторіи (какъ родовой бытъ). Объясненіе этой двойственности нужно искать и въ его предшествовавшей подготовкѣ, начиная съ той широкой школы, какую онъ прошелъ въ Московскомъ унив., и въ тогдашнихъ отношеніяхъ, господствовавшихъ тамъ, въ широкой обще-исторической подготовкѣ вообще, а съ другой стороны—въ исторической объективности, которую онъ ставилъ себѣ какъ высшую цѣль ученаго изслѣдованія. Такъ, по поводу одного сочиненія, Бестужевъ-Рюминъ о Петровской эпохѣ говоритъ: «Въ каждой исторической эпохѣ есть отрицательная сторона, относящаяся къ прошлому, и положительная, обращенная къ будущему. Дорого платитъ иногда общество за отрицаніе полное, но до сихъ поръ еще не найдено средства избѣгать этого недостатка, особенно въ эпохи съ преобладаю-

---

[1]) См. въ особенности статьи: Теорія культурно-историческихъ типовъ (Р. Вѣст. 1888, № 5, стр. 210—270; перепеч. въ 4-мъ изданіи книги Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа»); Причины различныхъ взглядовъ на Петра В. въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ (Ж. М. Н. Пр., 1872, № 6, стр. 149—156, рѣчь); Двадцатипятилѣтіе исторіи С. М. Соловьева (Рус. Стар. 1876, т. XV, с. 278—286).

щимъ преобразовательнымъ характеромъ» (рец. на соч. Кояловича, Ист. русск. самосознанія).

Хотя Бестужевъ-Рюминъ признаетъ, что художественная исторія есть высшій идеалъ историческаго изложенія, но онъ самъ не историкъ-художникъ, а критикъ, изслѣдователь. Онъ тщательно сводитъ всѣ факты и ученыя воззрѣнія на историческія явленія. Онъ безстрастно излагаетъ тѣ и другія, не увлекаясь ни современными общественными воззрѣніями, ни тѣми или другими философскими и политическими доктринами. Прекрасно знакомый не только съ исторіей вообще, но и съ лучшими произведеніями всѣхъ важнѣйшихъ литературъ, онъ удачно пользуется ими въ своихъ историческихъ сопоставленіяхъ и выводахъ. Такъ, по поводу слишкомъ субъективныхъ мнѣній проф. Кояловича, выраженныхъ въ его «Исторіи русскаго самосознанія», Б.-Рюминъ въ слѣд. словахъ опредѣляетъ значеніе научной субъективности: «Въ наукѣ, говоритъ онъ, вообще дорога такая субъективность, которая будучи богата внутреннимъ содержаніемъ, обогатилась и развилась еще объективнымъ знаніемъ. Другія же субъективности сильно напоминаютъ лирическихъ поэтовъ, которыхъ было много у насъ въ 30-хъ годахъ и которые воспѣвали свои маленькія чувствійца, передавали свои маленькіе идеальцы. Хороша субъективность Байрона и Шиллера, но никому не нужна субъективность NN и ZZ».

Наконецъ упомянемъ, что К. Н. принадлежитъ рядъ популярныхъ очерковъ и біографій изъ древней русской исторіи. Въ общей сложности его большихъ трудовъ и статей насчитывается до 300 названій. Можно сказать, что ни одинъ сколько-нибудь выдающійся трудъ по русской исторіи и близкимъ къ ней областямъ знанія въ русской и иностранной литературѣ не былъ оставленъ имъ безъ вниманія.

Изъ позднѣйшаго періода жизни К. Н. напомнимъ, что съ именемъ Бестужева-Рюмина связано учрежденіе Высш. жен. курсовъ въ Петербургѣ (1878 г.).

Въ 1890 г. К. Н. былъ избранъ въ орд. академики по отдѣл. русскаго языка и словесности; но въ послѣднее время дѣятельность его ограничивалась лишь оффиціальными отчетами, рецензіями и замѣтками. Главная причина съуженія этой дѣятельности была, безъ сомнѣнія, болѣзнь Конст. Николаевича, заставлявшая его не разъ от-

правляться (1882, 1883—84) для лѣченія за границу, а затѣмъ и совсѣмъ покинуть университетъ. Но здѣсь онъ оставилъ цѣлый рядъ учениковъ.

Покойный былъ большой цѣнитель художественныхъ произведеній. Онъ обладалъ прекрасною коллекціей эстамповъ и иллюстрированныхъ изданій; но еще болѣе замѣчательное собраніе представляла его библіотека [1])....

Такова была жизнь и дѣятельность этого, несомнѣнно, талантливаго и крупнаго дѣятеля въ нашей исторической литературѣ, стараго журналиста, прекрасно владѣвшаго роднымъ языкомъ и способностью точно и изящно передавать свои мысли. Вся жизнь его протекла среди представителей русскаго ума и науки, что не всякому дается такъ рано и такъ надолго. Современныя отношенія и явленія его близко интересовали. Это отражалось и на его лицѣ: глаза его горѣли огнемъ, а рѣчь отличалась воодушевленіемъ. Но по своимъ воззрѣніямъ на жизнь и отношенія онъ былъ въ полномъ смыслѣ идеалистъ; это сказывалось и въ его уваженіи къ мнѣніямъ людей разнаго образа мыслей и мнѣній, и въ томъ мягкомъ тонѣ, которымъ проникнуты его произведенія. Даже въ самомъ повидимому малозначущемъ трудѣ онъ всегда старался найти нѣчто, заслуживающее вниманія.

Если замѣчаніе такого знатока историческихъ матеріаловъ, какъ Ранке, что только занятія отечественною исторіею могутъ быть вполнѣ плодотворны, имѣетъ глубокое значеніе, то Бестужевъ-Рюминъ не безъ основанія говоритъ: «Всеобщая исторія тогда только станетъ всеобщею въ полномъ смыслѣ, когда она будетъ обнимать всѣ народы, не пренебрегая и тѣми, которые почему-либо не успѣли развиться».

---

[1]) О немъ см. «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина». Статьи Л. Н. Майкова, С. Ѳ. Платонова, Е. Ф. Шмурло (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 2, стр. 158—182); Хронологическій указатель литер. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина, 1847—1896 гг., И. Козеко (ibid., с. 183—207); Бестужевъ-Рюминъ (С. А. Венгеровъ, Критико-библ. Словарь, III, 1892, с. 187—207, съ перечн. сочиненій и оцѣнкою его историческихъ взглядовъ, Д. А. Корсакова; личныя воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина (Сочин. С. В. Ешевскаго, I, с. I—LXXXVII, а также «Біографіи и характеристики», стр. 273—350). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Его жизнь и научная дѣятельность Е. Ф. Шмурло (Сѣв. Вѣст. 1897, №№ 4, 5, 6, 8).

Этими прекрасными словами въ защиту меньшихъ братій, подвизающихся на историческомъ поприщѣ, закончимъ мы наше напоминаніе о недавно скончавшемся историкѣ.

В. Иконниковъ.

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Къ вопросу о древней иконописи Кіево-Печерской лавры.

Древняя иконопись Кіево-Печерской лавры въ настоящее время почти уничтожена; она отходитъ такимъ образомъ въ вѣчность и становится съ этихъ поръ достояніемъ исторіи. Какова была иконопись въ художественномъ отношеніи, это пытаются рѣшить нѣкоторые мѣстные изслѣдователи искусства въ отрицательномъ смыслѣ; если даже не считать этого мнѣнія справедливымъ, то, все-таки, лица, распространяющія слухи, будто въ Лаврѣ уничтожены цѣнные фрески и мозаика, обнаруживаютъ полное незнаніе того, что пережила Лавра и какъ возникала она каждый разъ изъ пепла и развалинъ [1]). Но разъ древней иконописи уже нѣтъ, и задача художественной оцѣнки ея становится затруднительной, то дѣло историка теперь, по нашему крайнему разумѣнію, заключается въ необходимости изслѣдовать и изучить, насколько это возможно по сохранившимся источникамъ, не степень художественнаго исполненія священныхъ изображеній, а ихъ сюжетъ, ихъ смыслъ и общую идею разрисовки, отвѣчавшую, конечно, требованіямъ своего времени и находившуюся поэтому въ тѣсной связи съ главнѣйшими направленіями религіозной мысли. Народная масса, вообще нетребователь-

---

[1]) Д. чл. *В. И. Щербина* замѣтилъ по поводу этихъ словъ референта, что какъ бы ни была слаба въ художественномъ отношеніи живопись, все же для историка искусства она представляетъ интересъ и по сюжету и по степени своей художественности, потому что какъ въ первомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о религіозной идеѣ, такъ во второмъ—говоритъ о развитіи мѣстнаго искусства въ данное время. Поэтому, до уничтоженія необходимо было снять копіи со стѣнъ храма.

На заявленіе д. чл. *И. М. Каманина*, читавшаго, за отсутствіемъ автора, настоящее сообщеніе, что фотографическіе снимки болѣе важной части иконописи сдѣланы, г. Щербина высказалъ мнѣніе, что это лучшее средство для безпристрастной оцѣнки въ будущемъ степени художественности уничтоженныхъ изображеній.

ная въ отношеніи эстетики, вполнѣ удовлетворялась степенью художественности лаврской иконописи; ею удовлетворялось даже и образованное общество до того, что уподобляло Печерскую обитель небесамъ. Проникнутые глубоко религіознымъ восторгомъ, посѣтители и богомольцы Лавры безъ критики относились къ священнымъ и историческимъ изображеніямъ въ ней и должны были поэтому подчиняться не столько художественности исполненія изображеній, сколько самому содержанію ихъ, его глубокому смыслу и горячему религіозному чувству, прямо и ясно выражавшемуся въ тѣхъ текстахъ изъ Священнаго Писанія и твореній отцовъ и учителей церкви, которые (т. е., тексты) сопровождали каждое изображеніе и объясняли сущность его сюжета; и для нихъ важна была такимъ образомъ идея какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и всей совокупности ихъ. Съ этой именно стороны и заслуживаетъ полнаго вниманія историка иконопись Кіево-Печерской лавры, какъ главнаго св. мѣста въ «Русскомъ Іерусалимѣ», къ которому въ теченіе 8-ми вѣковъ стекается вся православная Россія.

Чтобы судить о содержаніи и общей идеѣ лаврской иконописи, мы имѣемъ, въ качествѣ источниковъ, два описанія ея; оба они по времени написанія, но не составленія, относятся къ 1720-мъ годамъ и хранятся въ лаврской библіотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей, первая подъ № 204 и вторая подъ № 183. Обѣ эти рукописи различаются въ нѣкоторой степени содержаніемъ и гораздо больше объемомъ.

Первая написана на тетради въ 4-ю долю листа и состоитъ изъ 69 листковъ, съ двумя прибавочными (70 и 71), на которыхъ вписаны пропущенныя мѣста рукописи; трехъ первыхъ листковъ недостаетъ, и мы лишены возможности узнать что-либо о происхожденіи рукописи; она начинается перечисленіемъ игуменовъ и архимандритовъ Лавры и заканчивается сообщеніемъ объ освященіи 14 августа 1729 г. обновленной Великой лаврской церкви послѣ поврежденія ея пожаромъ въ 1718 году. Вторая написана на тетради въ 60 листовъ, въ размѣрѣ полулиста, и представляетъ собою полное описаніе иконописи 1729 года внутри и внѣ храма. Вторая рукопись во многихъ мѣстахъ буквально, даже съ ошибками, повторяетъ первую, внося небольшія перемѣны, но гораздо больше дополненій и замѣны однихъ изображеній другими.

Если такимъ образомъ эти двѣ рукописи касаются одного и того же предмета, съ небольшой разницей въ однихъ мѣстахъ и при-

бавками въ другихъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ о генетической связи этихъ памятниковъ и ихъ происхожденіи. Попытаемся разрѣшить его.

Такъ какъ время написанія первой рукописи (№ 204) въ ней самой нигдѣ не означено и объ этомъ не упоминается въ другихъ источникахъ, то остается обратить вниманіе на такія подробности, которыя могутъ дать хотя сколько-нибудь близкій къ истинѣ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Изъ такихъ подробностей наиболѣе заслуживаютъ вниманія указанія на годы смерти печерскихъ архимандритовъ. Въ нашей рукописи послѣднимъ архимандритомъ отмѣченъ Аѳанасій Мисловскій, умершій въ 1714 г.[1]); слѣдовательно, она должна была писаться до смерти его преемника, до смерти архим. Іоанникія Сенютовича, т. е., до 1729 г.

Въ рукописи № 183 послѣднимъ умершимъ архимандритомъ является уже Іоанникій Сенютовичъ; слѣдовательно, вторая рукопись должна была писаться до смерти его преемника, до смерти архим. Романы Копы, т. е., до 1736 г. Тогда же завершено было украшеніе живописью Великой лаврской церкви, о чемъ и сдѣлана надпись «внутръ Великія церкви на круглой фрамузѣ, близу лѣвого крилосу, золотыми лѣтерами»; буквально она такова: «Сія Богородична церковъ отъ своего по разореніи огненномъ обновленія, въ року 1729 совершившагося, иконописнымъ украсися художествомъ и укончися всесовершенно року Господню 1730, въ первое лѣто благополучнаго государствованія Благочестивѣйшія Государыни Императрицы и Самодержицы Анны Іоанновны, при архимандритѣ лавры Кіево-Печерскія Романѣ Копѣ».

Такимъ образомъ обѣ разсматриваемыя нами рукописи сходны и близки по времени; намъ остается объяснить ихъ взаимное отношеніе и причину появленія одной вслѣдъ за другой почти чрезъ цѣлое десятилѣтіе.

Взаимное отношеніе этихъ рукописей выясняется изъ сравненія ихъ содержанія. Рукопись № 183, какъ позднѣйшая, въ однихъ мѣстахъ буквально, даже съ ошибками, какъ мы сказали уже, воспро-

[1]) Отмѣтки въ рукописи № 204 о смерти архимандритовъ, слѣдовавшихъ за Аѳ. Мисловскимъ — Іоанникія Сенютовича († 12 ноября 1729 г.) и Романа Копы († 18 сентября 1736 г.)—сдѣланы на поляхъ позже другими чернилами и почеркомъ и потому не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ.

изводитъ болѣе раннюю рукопись № 204, мѣстами же измѣняетъ, а еще больше дополняетъ ее. Мы не будемъ теперь касаться этихъ измѣненій и дополненій, такъ какъ разсмотрѣніе ихъ далеко увлекло бы насъ въ сторону отъ поставленной себѣ для настоящаго доклада задачи, и займемся этимъ отдѣльно при печатаніи рукописи № 183; упоминаемъ же теперь о такомъ различіи рукописей съ цѣлью лишь показать, что первая (№ 204) служила основой, оригиналомъ для второй (№ 183). Однако же изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы рукопись № 204 могла быть признаваема проектомъ, черновкой, для № 183 потому, во 1-хъ, что рукопись № 204 не только не написана небрежно или съ помарками и поправками, какъ писались и пишутся всегда черновки, но, напротивъ, написана старательно, красиво, съ нѣкоторой даже художественностью и отдѣлкой заголовковъ; во 2-хъ, потому, что она не заключаетъ въ себѣ всѣхъ тѣхъ частей и въ такомъ же порядкѣ расположенія ихъ, какъ это мы находимъ въ рукописи № 183, тогда какъ при отношеніяхъ черновки къ оригиналу и количество и порядокъ частей должны быть одинаковы.

Но какъ не была рукопись № 204 черновкой для рукописи № 183, точно также она не была и оригинальнымъ произведеніемъ начала XVIII в.; по многимъ весьма важнымъ признакамъ эту рукопись должно считать копіей другой, древней рукописи, недошедшей до насъ, разбитой, неполной, съ перемѣшанными и утраченными листами, съ листками изъ третьей книги, съ выцвѣтшими чернилами и неразборчивымъ уже почеркомъ для переписчика начала XVIII в. Происхожденіе поэтому рукописи № 204 могло быть таково: послѣ пожара 1718 г. необходимо было начать разрисовку Великой лаврской церкви на-ново; при вопросѣ о томъ, что изображать, рѣшено было возстановить по возможности прежнее содержаніе иконъ; но описаніе этихъ послѣднихъ имѣлось въ ветхой, неудобной уже для чтенія книгѣ; къ тому же эта книга послѣ пожара оказалась разбитой и разорванной на отдѣльные листки; тогда одному изъ монастырской братіи поручено было переписать старую рукопись, а недостающія части были по возможности дополнены при помощи другихъ источниковъ (стр. 70 и 71 рукописи). Когда же послѣ переписки оказалось, что страницы оригинала расположены непослѣдовательно и что нѣкоторыя иконы на стѣнахъ надо замѣнить новыми и кое-гдѣ сдѣлать дополненія и поправки, то съ этой цѣлью и была написана рукопись № 183; такимъ образомъ

различія ея отъ рукописи № 204 становятся естественными и понятными.

Что дѣйствительно рукопись № 204 есть копія другой, гораздо болѣе ранней рукописи и при томъ настолько уже древней и ветхой, что для переписчика 1720-хъ годовъ не легко было читать и понимать ее, видно изъ слѣдующаго:

Такъ, напр., день смерти препод. Ѳеодосія Печерскаго означенъ славянской цифрой ѕ (5), вм. г (3), какъ читаемъ въ лѣтописи. Гдѣ ошибка, въ описаніи или въ лѣтописи? Въ виду вообще множества ошибокъ въ описаніи, мы и эту относимъ къ недосмотру переписчика описанія. Не мало ошибокъ и въ годахъ смерти князей.

Объ игуменѣ Никонѣ говорится, что онъ церковь Печерскую «чудеснѣ украси *иноками*», вм. «*иконами*».

Титулъ епископа «*берестейскаго*» искаженъ въ «*берестинскаго*».

Объ ангелахъ говорится, что они изображены съ мечами и «*котами*», вм. «*копіями*».

При перечисленіи степеней клиричества названа степень «*заклинателя*», въ подстихарѣ, съ крестомъ; какую книгу держалъ заклинатель въ другой рукѣ, невозможно разобрать; переписчикъ срисовалъ названіе предмета; есть въ начертаніи нѣкоторое сходство со словами «*Ст. Библія*»; но такъ-ли это, рѣшить трудно [1]).

Еще нелѣпѣе ошибку мы находимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ перечисляются преподобные печерскіе, изображенные на стѣнахъ; послѣ препод. Ѳеодора былъ изображенъ «*препд. Семьсредной, идеже церковь писана*». Изъ дальнѣйшаго перечня святыхъ видно, что это выраженіе должно перевести такъ: «это на срединѣ, гдѣ изображена церковь», находятся вышеисчисленные святые, потому что находящіеся справа и слѣва, у гробницъ пр. Ѳеодосія и кн. Константина Острожскаго, исчисляются дальше.

Кромѣ искаженныхъ словъ, встрѣчается масса разорванныхъ, т. е., раздѣльно написанныхъ, напр. «*Константино-польскій*»; въ старой рукописи это слово, вѣроятно, было написано въ концѣ одной строки и началѣ другой; переписчикъ XVIII в. принялъ его за два слова и написалъ каждое отдѣльно. Но разрывы въ словахъ могутъ даже служить доказательствомъ, что здѣсь точно скопированъ старый

[1]) См. объ этомъ ниже мнѣніе проф. А. А. Дмитріевскаго.

оригиналъ, и раздѣльно написанныя слова находились въ этомъ послѣднемъ; что, дѣйствительно, въ немъ могли быть написанныя такимъ образомъ слова, можетъ служить примѣромъ фототипическая копія Лаврентьевскаго списка Несторовой лѣтописи, гдѣ раздѣльно написанныхъ словъ встрѣчается очень много. Трудно теперь рѣшить, отчего это происходило. Можетъ быть, отъ свойства писчаго матеріала. Такъ или нѣтъ, но разорванныхъ словъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ много; по той же причинѣ они могли быть и въ древнемъ оригиналѣ описанія иконописи, а переписчикъ XVIII в. точно воспроизвелъ такія слова; наиболѣе замѣтные разрывы мы отмѣчаемъ въ печатаемомъ текстѣ описанія.

Очень много также въ рукописи № 204 пробѣловъ, оставленныхъ переписчикомъ для непрочтенныхъ имъ словъ; пропускаются даже цѣлыя строки.

Но больше всего выдаютъ неумѣлость переписчика сокращенія въ концѣ словъ: «*й*», «*ст*», «*м*», «*р*» и «*з*»; онъ ихъ очень часто искажаетъ и смѣшиваетъ.

Совершенно необычныя въ рукописяхъ XVIII в. буквы *омега*, *юсы*, *укъ*, а также и слѣды болгарскаго правописанія, встрѣчаются въ рукописи описанія почти на каждой страницѣ.

Слово «тысяцкій» употребляется въ своей первоначальной формѣ: «*тисущникъ*», которую мы встрѣчаемъ въ древнѣйшемъ памятникѣ русской письменности—Остромировомъ евангеліи; переписчикъ XVIII в. могъ эту форму слова только скопировать, такъ какъ она очень рано вышла изъ употребленія.

Что рукопись № 204 составлена изъ отдѣльныхъ листковъ древняго оригинала, видно изъ того, напр., что при перечисленіи «ктиторовъ и благодѣтелей» Лавры нумерація ихъ перепутана и имена князей и княгинь XI и XII в. записаны между именами благодѣтелей XVI и XVII вв., хотя такая путаница въ именахъ могла произойти и отъ того, что нѣкоторые позднѣйшія имена были приписаны на поляхъ, а переписчикъ XVIII в. не имѣлъ возможности установить ихъ хронологическую послѣдовательность по годамъ смерти. Еще яснѣе видно неправильное расположеніе листковъ изъ отдѣльныхъ рубрикъ описанія; выпишемъ нѣкоторыя для примѣра: 1) игумены и

архимандриты; 2) создатели, ктиторы и благодѣтели [1]); 3) въ томъ же святомъ олтарѣ на правой сторонѣ; 4) въ томъ же святомъ олтарѣ на лѣвой сторонѣ; 5) память, что внутрь великой св. Печерской церкви малевать; 6) въ олтарѣ великомъ; далѣе описывается олтарь св. архистратига Михаила потомъ жертвенникъ, входъ въ церковь и т. д.; о многихъ стѣнныхъ изображеніяхъ нельзя сказать опредѣленно, гдѣ они были нарисованы, напр.: Отче нашъ, Блаженства, Слова, сказанныя Іисусомъ Христомъ на крестѣ, и проч. Или, напр., при описаніи листовъ (блятъ) иконостаса послѣдовательность ихъ нарушена; послѣ 1-го листа описывается 6-й и 7-й, потомъ 9-й и 8-й, а далѣе 4-й, 3-й и 2-й. Несомнѣнно, переписчикъ XVIII в. небрежно расположилъ отдѣльные листки и такъ ихъ переписалъ; въ другомъ мѣстѣ онъ вставилъ даже наставленіе живописцу, въ какомъ видѣ должно изображать лики святителей, наставленіе, взятое изъ особаго руководства, спеціально предназначеннаго для иконописцевъ и извѣстнаго подъ именами: лицевой библіи, персональника и проч.

Глубокой древности должна принадлежать, намъ кажется, разрисовка олтаря въ придѣлѣ архистратига Михаила въ Великой лаврской церкви. Всѣ 20 иконъ, изображенные въ олтарѣ, представляютъ вообще участіе св. ангеловъ въ дѣлахъ человѣческихъ при исполненіи ими воли Божіей; это—какъ бы похвала ангеламъ въ лицахъ, которую излагаетъ лѣтописецъ въ словахъ по поводу видѣнія, бывшаго въ Печерскомъ монастырѣ въ февралѣ 1110 г., и чудесной побѣды, одержанной князьями въ 1111 году. Въ этомъ послѣднемъ году въ мартѣ мѣсяцѣ, князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ ходили на Половцевъ, разбили ихъ, взяли много добычи и плѣнныхъ; когда послѣднихъ спросили, почему они такъ легко уступили русскому войску, „си же отвѣщеваху, глаголюще: кто можетъ битися съ вами? а другіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ?“ Лѣтописецъ поясняетъ: „токмо се суть ангелы, отъ Бога посланы помогать хрестьяномъ.“ Видѣніе же состояло въ томъ, что огненный столпъ, поднимавшійся надъ „трапезницей“, перешелъ на Великую церковь, а оттуда направился къ Городку, что̀ противъ Кіева на лѣвомъ берегу; тамъ „в Родосыни“ находился Владиміръ Мономахъ, и тогда же

---

[1]) Рукопись № 183 старается установить порядокъ описанія иконописи и указываетъ мѣсто игуменовъ и архимандритовъ, ктиторовъ и благодѣтелей.

ангелъ „вложи Володимеру въ сердце“ желаніе идти на Половцевъ и понудить къ тому братьевъ [1]). Лѣтописецъ видѣлъ въ столпѣ ангела. Побѣда Мономаха и видѣніе въ монастырѣ, описанныя въ лѣтописи, могли послужить поводомъ къ сооруженію придѣла въ Великой лаврской церкви, а похвала ангеламъ дать сюжеты для изображеній на стѣнахъ въ придѣлѣ, которые и исчисляются въ рукописи описанія иконописи. Кромѣ лѣтописи, на разрисовкѣ лаврскихъ стѣнъ отражается и Печерскій патерикъ; изъ него заимствованы имена благодѣтелей св. обители: варяжскаго князя Африкана и его сына; онъ даетъ матеріалъ для характеристики святой Кіевской горы; на основаніи его показанія опредѣлено число печерскихъ иноковъ равнымъ сотнѣ, и проч. Изображеніе въ лицахъ Апостольскаго Символа вѣры, вмѣсто Никео-Константинопольскаго, также не свидѣтельствуетъ о новизнѣ разрисовки лаврскихъ стѣнъ.

Не менѣе важнымъ доказательствомъ древности рукописи № 204 можетъ служить и перечень преподобныхъ печерскихъ, изображенныхъ на стѣнахъ Великой церкви; общее число святыхъ—55 (теперь же извѣстно ихъ до 130); среди нихъ встрѣчаются такіе, которые неизвѣстны еще были составителямъ списковъ XVII в., Аѳ. Кальнофойскому и Иннокентію Гизелю, но, благодаря историческимъ изысканіямъ, занесены въ списки митрополитами Самуиломъ Мисласкимъ въ 1795 и Евгеніемъ Болховитиновымъ въ 1825 г.; таковы: Нифонтъ, епископъ новгородскій, Авраамій трудолюбивый и Павелъ послушливый. О другихъ святыхъ сообщаются подробности, неизвѣстныя не только въ XVII в., но даже и до сихъ поръ: напр., что чудотворецъ Исаія былъ епископомъ ростовскимъ, что Никита былъ епископомъ новгородскимъ (у митрополитовъ Самуила и Евгенія послѣдній совершенно не вписанъ даже въ списокъ); что Несторъ, извѣстный подъ эпитетомъ „некнижнаго“, о которомъ Кальнофойскій говоритъ: „не тотъ, что̀ написалъ лѣтопись“—былъ діакономъ. Наконецъ, въ нашей рукописи встрѣчаются имена святыхъ, незанесенныя ни въ какіе списки, именно, Лаврентія врача и Прохора чудотворца, отличнаго отъ Прохора лободника; мы не будемъ уже говорить о тѣхъ святыхъ, которыхъ мощи открыты послѣ Аѳ. Кальнофойскаго и входятъ уже во всѣ послѣдующіе списки, какъ напр., Григорій иконописецъ, Матвѣй про-

[1]) Лѣтопись по Ипат. списку. Спб. 1871, стр. 188 и слѣд.

зорливый и друг.; всѣ не вполнѣ или вовсе неизвѣстныя имена преподобныхъ печерскихъ имѣются въ перечнѣ описанія. Форма эпитета пр. Ильи муромца—«муровскій» также указываетъ на древность оригинала рукописи № 204. По мнѣнію профессоровъ А. Н. Веселовскаго и Н. П. Дашкевича, Илья, какъ уроженецъ Мурома, «былъ пріуроченъ къ великорусской почвѣ впослѣдствіи; первоначальная же форма его прозвища было не муромецъ, но моровлянинъ, моравлинъ, муровецъ», эта форма встрѣчается въ XVI в., но, само собой разумѣется, должна была образоваться гораздо раньше [1]). Въ числѣ изображенныхъ преподобныхъ мы не находимъ извѣстнаго подвижника князя Николы-Святоши, игум. Варлаама и друг. Можетъ быть они не были еще канонизованы тогда, когда составлялось описаніе? Невольно является вопросъ, почему изъ почти 130 преподобныхъ печерскихъ изображено только 55? Зависѣло-ли это отъ недостатка мѣста на стѣнахъ, или отъ выбора наиболѣе почитаемыхъ, или же отъ того, что только это число было извѣстно въ концѣ XV в.? Рѣшать не беремся. Такъ или иначе, но изъ сказаннаго мы видимъ, что у автора описанія иконописи были такія свѣдѣнія о печерскихъ святыхъ, какихъ не имѣлъ позже ни Калнофейскій, ни Гизель, ни митрополиты Самуилъ и Евгеній.

Перечисленіе въ описаніи иконописи девяти чиновъ клиричества, въ свою очередь, говоритъ о древности рукописи. По этому поводу проф. *А. А. Дмитріевскій* пишетъ намъ: «Девять чиновъ клира ведутъ начало *изъ глубокой древности*. Всѣ они, за исключеніемъ дверника, или привратника (θυρωρός), упоминаются въ VIII книгѣ «Постановленій апостольскихъ» (Казань, 1864, стр. 283—287). Въ частности о заклинателѣ (ἐξορκιστής) здѣсь говорится, что онъ не рукополагается, ибо „славный подвигъ заклинанія есть дѣло добровольнаго благорасположенія и благодати Божіей чрезъ Христа пантіемъ Св. Духа“ (тамъ же, стр. 285). Въ нашей южно-русской церкви заклинатель и всѣ другіе клирическія степени имѣютъ мѣсто въ богослужебной практикѣ въ XVI—XVII вв. Чины поставленія въ эти степени можно видѣть въ рукописномъ Архіератиконѣ (служебникѣ для архіерея), принадлежавшемъ кіевскому митрополиту Петру Могилѣ и хранящемся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора; можно видѣть эти чины и въ

[1]) «Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца», кн. III, отд. 2-й, стр. 55.

другихъ южно-русскихъ богослужебныхъ рукописяхъ. Книга, которую держалъ въ рукахъ заклинатель не Библія, а „евхологій", или „молитвословъ", содержавшій въ себѣ заклинательныя молитвы. Что касается привратника, то эта должность была неотъемлемой принадлежностью собственно монастырской практики, гдѣ вратарь играетъ видную роль среди должностныхъ лицъ. Чины поставленія во вратари извѣстны во множествѣ по рукописямъ византійскимъ и потомъ славяно-русскимъ. При поставленіи въ это званіе, игуменъ (поставленіе въ это званіе могъ совершать и онъ) или епископъ вручалъ вратарю между прочимъ и ключъ отъ дверей монастырской ограды".

На этотъ же періодъ времени въ разрисовкѣ иконами стѣнъ Великой церкви могутъ, намъ кажется, указывать и нѣкоторыя иконы, напр. изображеніе Бога-Отца въ видѣ человѣка «ветха денми»; въ лаврской иконописи оно встрѣчается уже рѣдко и большей частью замѣняется Именемъ Божіимъ, написаннымъ въ свѣтлыхъ лучахъ по-еврейски или гречески [1]), а такое изображеніе стало распространяться только съ XVI в.

Къ тому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе перечня изображенныхъ на стѣнахъ „ктиторовъ и благодѣтелей св. обители Печерской Кіевской". Замѣтимъ прежде всего порядокъ ихъ размѣщенія. Всѣ они изображены не въ хронологическомъ порядкѣ, а группами; въ группахъ различаются семьи, въ которыхъ отдѣльныя лица слѣдуютъ уже одинъ за другимъ по годамъ смерти; но и изъ этихъ семей изображается не болѣе трехъ или четырехъ лицъ. Такъ, сначала изображаются князья, благотворившіе Лаврѣ до Батыева нашествія; потомъ, съ половины XV в.—князья Олельковичи, Ольшанскіе, Сангушки, Острожскіе, Корецкіе и Вишневецкіе; наиболѣе позднимъ изъ изображенныхъ лицъ является князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, умершій въ 1608 году; послѣ него никто уже изображаемъ не былъ [2]). Рукопись № 183 повторяетъ всѣхъ этихъ благодѣтелей, но прибавляетъ русскихъ царей отъ Михаила Ѳеодоровича до Петра Великаго.

---

[1]) См. I. Lepkowski: «Iconographia» et c. Warszawa. 1856.

[2]) Въ рукописи порядокъ этотъ для послѣднихъ семей нарушенъ; но изъ путаницы въ нумераціи изображеній видно только, что здѣсь или перемѣшаны листки старой рукописи, на что мы и указали выше, или приписки, дѣлавшіяся въ свое время въ старой рукописи на поляхъ, внесены въ текстъ неумѣло въ XVIII в.

Въ рукописи № 204 имена царей не встрѣчаются, конечно, по тому, что самая рукопись представляетъ собой копію болѣе древняго оригинала.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь двѣ группы изображеній, соотвѣтствующія двумъ различнымъ эпохамъ въ жизни Печерской обители: русской велико-княжеской и литовско-польской эпохамъ, совпадающимъ, въ свою очередь, съ двумя моментами въ исторіи украшенія Великой церкви иконописью: временемъ ея сооруженія и временемъ возстановленія въ концѣ XV в. Въ рукописи № 183 мы видимъ уже третью группу изображеній—московскихъ государей, которая соотвѣтствуетъ третьей эпохѣ (русской, царской) въ исторической жизни св. обители—времени отдѣлки ея въ началѣ XVIII в. послѣ губительнаго пожара въ 1718 году. Подобная группировка историческихъ лицъ исключаетъ возможность предположенія, чтобы эти изображенія были сдѣланы на основаніи синодиковъ и надгробій при расписаніи Лавры послѣ пожара 1718 г. Еслибы это было такъ, тогда въ число изображенныхъ были выбраны совсѣмъ не тѣ лица, иногда малоизвѣстныя, хотя и съ громкими фамиліями, какія мы находимъ въ описаніи [1]). Почему въ него не вошли изъ литовско-польской эпохи, напр., князья Полубенскіе, Масальскіе, Четвертинскіе, Чорторійскіе; почему не вошли представители мѣстныхъ знатныхъ родовъ: Ельцовъ, Олизаровъ, Тишкевичей и мног. друг.? Почему не изображены князья Долгорукіе, Шереметевы, благодѣтельствовавшіе Лаврѣ послѣ присоединенія Кіева къ Россіи? Почему не изображены и не внесены въ описаніе хотя бы тѣ изъ малороссійскихъ гетмановъ, которые благополучно оканчивили свои дни и не забывали «Русскаго Іерусалима»? Почему, наконецъ, не изображены русскіе государи до Михаила Ѳеодоровича? А вѣдь всѣ они и въ синодики записаны, и надгробія многихъ изъ нихъ сохраняются до сихъ поръ. На всѣ эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ, что лица, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ для изображенія на стѣнахъ церкви лаврскихъ благодѣтелей, руководились вовсе не синодиками или надгробіями, какъ думаютъ нѣкоторые, а какими-то другими побужденіями и вліяніями, которые имѣли мѣсто въ XV—XVI вв., а намъ теперь уже совершенно неизвѣстны. Но непредумышленный выборъ благодѣтелей показываетъ, что

[1]) Между князьями Вишневецкими названъ Бонифатій, имя котораго даже ни въ какихъ источникахъ не встрѣчается и совершенно неизвѣстно.

портреты писались лишь въ свое время, въ зависимости отъ существовавшихъ тогда и невѣдомыхъ теперь намъ отношеній Лавры къ изображеннымъ благодѣтелямъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ перечнѣ архимандритовъ Лавры: о каждомъ архимандритѣ до-монгольскаго періода сообщаются подробности; объ архимандритахъ эпохи разоренія Лавры до XVI в. ничего не говорится,—даются одни голыя имена и то съ пропусками, непослѣдовательно; наконецъ, послѣ возобновленія монастыря въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в., подробности о жизни архимандритовъ опять заносятся въ описаніе.

Если объ иконописи и изображеніяхъ лаврскихъ благодѣтелей не говоритъ ничего Аѳ. Кальнофойскій и „другіе", то это вовсе не значитъ, чтобы уже ничего и не было. Мало-ли о чемъ онъ и другіе не говорятъ? Объ обыденныхъ вещахъ, всѣмъ извѣстныхъ, не говорятъ; ови сами собою разумѣются, а изображенія ктиторовъ, благодѣтелей и строителей на стѣнахъ храмовъ въ отдаленныя времена было явленіемъ обычнымъ, замѣнившимся въ наше время или надписями или постановкой иконъ тѣхъ святыхъ, имена которыхъ носятъ благодѣтели. Умолчаніе Кальнофойскаго показываетъ лишь, что онъ не выходилъ за предѣлы задачи, поставленной имъ для своего труда. «Другіе» поступали также.

Изъ иноземныхъ путешественниковъ подробно говоритъ о живописи кіевскихъ храмовъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, посѣтившій Кіевъ въ 1653 г., вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ. Къ сожалѣнію, то, что написано имъ о Кіево-Печерской лаврѣ, до сихъ поръ не было переведено съ арабскаго, и только теперь Московскимъ обществомъ исторіи и древностей предпринято изданіе полнаго перевода этого описанія путешествія Макарія. Подождемъ, и тогда увидимъ, что говоритъ Павелъ Алеппскій по интересующему насъ вопросу; изъ описанія же имъ иконъ другихъ кіевскихъ храмовъ видно сходство въ изображеніи ихъ съ подобными же лаврскими.

Но въ какомъ состояніи находилась лаврская иконопись, были-ли изображены на стѣнахъ ея русскіе великіе князья, благотворившіе своему «Іерусалиму», какой видъ имѣла гробница князя Константина Острожскаго до пожара 1718 г.—показываютъ до нѣкоторой степени слова свящ. Іоанна Лукьянова, посѣтившаго Кіевъ въ 1701 г.: «Въ Печерскомъ монастырѣ», пишетъ онъ, «церковь зѣло предивна: строеніе короля Жигимонта на томъ же мѣстѣ, на старомъ основаніи; а

въ церкви стѣнное писаніе—всѣ князья русскіе написаны. Да тутъ же видѣхомъ, въ той же церкви, у праваго столпа, изваянъ изъ камене князь Константинъ Острожскій; лежитъ на боку въ латахъ, изображенъ какъ будто живой" [1]).

Упомянемъ, наконецъ, что тексты изъ Священнаго Писанія, помѣщавшіеся подъ иконами или на хартіяхъ и книгахъ, находившихся въ рукахъ святыхъ, показываютъ значительную разницу съ текстами Священнаго Писанія болѣе поздняго времени, что опять-таки свидѣтельствуетъ и о древности первоначальнаго описанія живописи и о существованіи такихъ списковъ Священнаго Писанія, которыхъ мы теперь уже не имѣемъ.

Но если приведенные факты доказываютъ, что рукопись № 204 есть копія другой болѣе древней, то нѣтъ-ли данныхъ для опредѣленія времени, къ которому можетъ быть отнесена эта древняя, недошедшая до насъ рукопись описанія? Мы находимъ данныя для этого въ томъ, что говорится въ одномъ мѣстѣ разсматриваемой нами рукописи о придѣлѣ на хорахъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, именно, что онъ «*вновь выбитъ*», т. е. воздвигнутъ. Когда же былъ воздвигнутъ этотъ придѣлъ? Ни въ существующихъ теперь историческихъ розысканіяхъ о Лаврскомъ соборѣ, ни въ историческихъ матеріалахъ мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ; остается, поэтому, предполагать, что предѣлъ могъ быть устроенъ во имя, честь и благодарность, а можетъ быть и на средства какого-либо жертвователя, носившаго имя Андрея. Такихъ жертвователей съ именемъ Андрея мы знаемъ двухъ: вел. князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго и Андрея Владиміровича Ольгердовича (внука Ольгерда). Первый учредилъ въ 1159 г. въ Лаврѣ архимандрію и ставропигію, пожертвовалъ въ пользу св. обители гг. Василевъ и Мическъ и подчинилъ ей другіе монастыри: Кіевскій Пустынно-Николаевскій, Брянскій Успенскій, наз. Свѣнскимъ (или Свинскимъ), Спасскій Новгородъ-Сѣверскій и Елецкій Черниговскій. Второй далъ грамоту Лаврѣ 16 іюня 1446 г. на свои имѣнія: Айну, Словенескъ, Могильное, Каменецъ, Логоженъ, Илемницу и Полонное. Мы думаемъ, поэтому, что первоначально придѣлъ былъ устроенъ въ честь Андрея Боголюбскаго; но такъ какъ послѣ нашествія татаръ

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ. 1874, отд. II, стр. 122.

Лавра долгое время находилась въ развалинахъ, при чемъ въ болѣе разрушенномъ видѣ были верхнія части церкви, то новое сооруженіе придѣла, т. е., когда онъ былъ «*вновь выбитъ*», должно быть отнесено уже ко времени пожертвованія другого князя Андрея, Ольгердова внука, т. е., къ концу XV в., когда кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ «обнови церковь Печерскую, Батіемъ разоренну, 233 (ѕлг) года въ запустѣніи бывшую». Къ этому же времени должно, намъ кажется, отнести и недошедшую до насъ древнюю рукопись описанія иконописи Лавры.

Но если начало возобновленія лаврской церкви относится къ концу XV вѣка, то окончаніе его и разрисовку стѣнъ, мы думаемъ, надо пріурочить ко второй четверти XVI в., въ виду упоминанія въ рукописи № 204, при перечисленіи изображенныхъ въ звѣздахъ преподобныхъ печерскихъ, о гробѣ князя Константина (конечно, Острожскаго) по лѣвой сторонѣ церкви, такъ какъ смерть этого князя послѣдовала между 1525—1533 гг.

По такому опредѣленію границъ возобновленія монастыря во времени между 1480—1533 гг. какъ бы противорѣчатъ два факта: перечисленіе въ рукописи архимандритовъ Лавры до начала XVIII в. и упоминаніе въ ней, при опредѣленіи значенія «Кіевской горы, Россійскаго Сіона», о томъ, что Печерская церковь пострадала отъ огня. Однако и эти факты теряютъ свое значеніе, если мы примемъ во вниманіе, что вписываніе новыхъ именъ архимандритовъ могло дѣлаться или на поляхъ, чему доказательство представляетъ и рукопись № 204, гдѣ на поляхъ приписаны имена архимандритовъ Іоанникія Сенютовича и Романа Копы, умершихъ по написаніи этой рукописи; или же эти имена могли быть выдѣлены и вынесены на отдѣльные свободные листки въ началѣ или концѣ тетради, какъ это мы видимъ въ обѣихъ рукописяхъ, гдѣ имена архимандритовъ и ктиторовъ лавры помѣщены отдѣльно, не въ порядкѣ описанія иконописи, при чемъ въ рукописи № 183 говорится даже, къ какому листу ея они должны относиться.

Что касается до упоминанія о томъ, что Печерская церковь пострадала отъ огня («огнемъ падшая»), то, по своей неопредѣленности, оно одинаково можетъ быть относимо и къ 1718 г. и къ 1482 г., когда Менгли-Гирей разорилъ и сжегъ Кіевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Печерскую обитель, въ которой уничтожены были огнемъ книги и

иконы [1]). Въ виду имѣющихся другихъ, отчасти приведенныхъ нами, доказательствъ существованія болѣе древней рукописи, чѣмъ означенная подъ № 204, мы и въ выраженіи описанія: «огнемъ падшую», видимъ указаніе на печальное событіе 1482 года.

Оконченная къ половинѣ XVI в. разрисовка Великой лаврской церкви произведена была настолько прочно, что вопросъ о ея возобновленіи не возбуждался даже при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, который реставрировалъ нѣкоторые кіевскіе храмы, находившіеся въ развалинахъ, и украшалъ ихъ иконами; если же принять во вниманіе слова архидіакона Павла Алепскаго о «козацкихъ живописцахъ» [2]), то можно прійти къ заключенію, что для разрисовки храмовъ Петръ Могила довольствовался мѣстными художниками; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, чтобъ онъ разыскивалъ и вызывалъ живописцевъ; но для украшенія иконъ золотомъ Петръ Могила нуждался въ мастерѣ (сусальникѣ); съ этой просьбой онъ обращался къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, и въ іюнѣ 1643 года въ Печерскій монастырь былъ отправленъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ намѣстникомъ Лавры Иларіономъ, сусальникъ Якимъ Евтихіевъ. Изъ «сказки» послѣдняго въ Москвѣ 5 апрѣля 1644 г., по возвращеніи изъ Кіева, видно, что онъ жилъ постоянно въ Печерскомъ монастырѣ, «а здѣлалъ онъ, Якимко, кіевскому митрополиту Петру Могилѣ листового золота съ 10,000 листовъ да двѣ иконы обложилъ басмою»; для какого храма работалъ Евтихіевъ, неизвѣстно; можно думать, что онъ украшалъ золотомъ иконы въ Великой лаврской церкви; не разрѣшаетъ этого вопроса и самое письмо митрополита къ царю, въ которомъ онъ хотя и говоритъ, что «щедротная благодать» московскаго государя «преславно иконы въ храмѣ святыя Софіи украси», прибавляя при томъ: «Іоакима мастера нужды ради совершенія великаго иконнаго дѣла здѣ на время удержахъ», но не разъясняетъ, украшалъ-ли «Іоакимъ мастеръ» иконы Софійскаго собора, или Печерской лавры, или же, наконецъ, какихъ либо другихъ храмовъ [3]).

---

[1]) «Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца», кн. VI. Приложеніе: Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры, стр. 2, а также грамоты 27 іюля 1495 г. и 2 октября 1498 г. (Акты Зап. Рос. т. I-й).

[2]) Сборн. матеріаловъ для исторіч. топографіи Кіева etc. Кіевъ. 1874 г. отд. II, стр. 57.

[3]) Акты Юж. и Запад. Россіи, т. III, стр. 65 и 66.

Замѣтимъ кстати, что митрополитъ Петръ Могила, заботясь о возстановленіи древнихъ кіевскихъ храмовъ и сохраненіи святынь, поручилъ своему намѣстнику, «старцу Игнатищу», бывшему въ 1640 г. въ Москвѣ, ударить челомъ государю, что бы онъ пожаловалъ, велѣлъ-бы своимъ «добре художнымъ мастерамъ, которые рѣзь рѣжутъ, царскіе двери и иные многіе вещи», сдѣлать раку на мощи «прародителя своего святаго и равноапостольнаго князя Владиміра» [1]), такъ какъ эту раку предполагалось поставить «въ соборной церкви у святое Соѳіи». Но приказалъ-ли государь своимъ мастерамъ, которые «рѣзь рѣжутъ», изготовить раку, неизвѣстно. Скорѣе надо думать, что данъ былъ отрицательный отвѣтъ, потому что Петръ Могила изъ цѣлыхъ реликвій св. князя Владиміра отдѣлилъ одну главу, которая и была имъ торжественно положена въ Великой лаврской церкви.

Мы должны въ заключеніе прибавить, что въ сохранившихся описаніяхъ лаврской иконописи имѣемъ не только проектъ разрисовки, но и описаніе того, что дѣйствительно было исполнено; такъ, напр., въ рукописи № 204 попадается выраженіе «оуже намалював»; въ рукописи же № 183 вездѣ говорится объ иконахъ «изображено», а не «изобразить»; относительно смысла этихъ выраженій, намъ кажется, двухъ мнѣній быть не можетъ. Подпись иконописца Захаріи Голубовскаго подъ рукописью № 183, въ свою очередь, какъ бы скрѣпляетъ фактъ совершеннаго въ 1770—77 гг. подновленія изображеній, а выраженіе «*паки*» намекаетъ на то, что и въ 1729 г. не было полной разрисовки церкви на-ново, а многое было возобновлено. Новымъ является лишь то, быть можетъ, что отличаетъ рукопись № 183 отъ рукописи № 204. Лучше же всего сказанное подтверждается словами Коммиссіи 1842 г., разсматривавшей лаврскую живопись: «по произведенной подробной повѣркѣ священныхъ изображеній съ упомянутымъ описаніемъ прежней живописи, они оказались съ нимъ сходными, исключая нѣкоторыхъ орнаментовъ» [2])...

Но не измѣнено-ли было содержаніе иконописи Великой лаврской церкви въ 1772—1777 годахъ, когда она расписывалась вновь подъ руководствомъ іеромонаха Захаріи Голубовскаго?—Въ рукописи № 183,

---

[1]) На докладѣ царю объ этомъ сдѣлана такая приписка: «а обрѣлъ де онъ тѣ мощи въ разоренной церквѣ, подъ спудомъ въ 148 (1635) году» (Акты Южн. и Запад. Россіи, т. III, стр. 44 и 48).

[2]) «Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца», т. II, отд. 1-й, стр. 38.

относящейся къ 1730 году, въ концѣ ея, по поводу работы Голубовскаго, особымъ почеркомъ и чернилами, болѣе поздними и отличными отъ почерка и чернилъ всей рукописи, приписано лишь слѣдующее: «Церковь Печерская отъ прежде писаннаго иконописнымъ художествомъ своего украшенія отъ обветшалости начатая *паки поновлятись* отъ 1772 года до 1777 лѣта подъ присмотромъ тогда будучаго малярнѣ начальника іеромонаха Захаріи Голубовскаго". Далѣе слѣдуетъ въ рукописи перечень «лучшихъ молодиковъ», бывшихъ на работѣ. Отсюда, повторяемъ еще разъ, несомнѣнно ясно одно, что и въ 1770-хъ дѣлалось только «поновленіе» живописи, а не разрисовка на-ново; поэтому объ измѣненіи сюжетовъ священныхъ изображеній, сдѣланныхъ въ 1720-хъ годахъ, не можетъ быть и рѣчи.

Все сказанное приводитъ насъ къ выводу, что если рукопись № 183 повторяетъ рукопись № 204, а эта послѣдняя воспроизводитъ передъ нами болѣе древній экземпляръ описанія иконописи, то отсюда уже само собою слѣдуетъ, что при каждомъ новомъ расписаніи Лавры содержаніе историческихъ картинъ и св. иконъ, сюжеты ихъ и сопровождавшіе ихъ тексты Священнаго Писанія, передавались почти[1]) неизмѣнно изъ вѣка въ вѣкъ.

Намъ остается теперь заняться поставленнымъ въ началѣ нашего сообщенія вопросомъ о томъ, какая же основная мысль лежала въ общей совокупности священныхъ изображеній на стѣнахъ Великой лаврской церкви и въ каждомъ отдѣльно; насколько она была близка или чѣмъ отличалась отъ основной мысли въ сюжетахъ иконъ другихъ столь же древнихъ православныхъ храмовъ, что вносили въ нее новаго реставраціи позднѣйшихъ вѣковъ; подъ какими вліяніями совершались и какой мысли отвѣчали измѣненія и дополненія въ иконописи? Эти и подобные вопросы встаютъ сами собой въ виду того, что Кіево-Печерская лавра во всѣ вѣка служила и долго еще будетъ служить наглядной школой благочестія и православія для русскаго народа и образцомъ для украшенія и расписанія храмовъ въ другихъ «градахъ и весяхъ» великой Русской земли. Отвѣты на такіе вопросы мы постараемся дать въ непродолжительномъ времени.

М. Истоминъ.

---

[1]) Говоримъ: почти—такъ какъ нѣкоторыя прежнія иконы замѣнялись все-таки новыми, что̀ видно изъ сравненія рукописей № 204 и № 183.

О древнѣйшемъ планѣ города Кіева 1638 года[1]).

Извѣстно, что къ *Тератургимъ* іеромонаха Аѳанасія Кальнофойскаго, вышедшей въ свѣтъ изъ типографіи Кіево-Печерской лавры въ 1638 году, на польскомъ языкѣ, приложены три, гравированные на деревѣ, плана: 1) дальнихъ пещеръ (преподобнаго Ѳеодосія), 2) ближнихъ пещеръ (препод. Антонія) и 3),—выражаясь словами составителя,—«монастыря (т. е. Кіево-Печерской лавры), мѣстечка и другихъ предметовъ даже до самаго Кіева»[2]). Такъ какъ Кальнофойскій и при составленіи послѣдняго плана имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, свою Кіево-Печерскую обитель, то ей и отведено здѣсь первенствующее мѣсто. Все, принадлежавшее Лаврѣ,—церкви, жилыя помѣщенія, службы, сады, выходы, и т. д.,—отмѣчено тщательно и обстоятельно. Также съ достаточною обстоятельностію изображенъ на планѣ дѣвичій Кіево-Печерскій монастырь, находившійся вблизи Лавры; съ меньшею—обитель св. Николая Пустыннаго. Что же касается города Кіева,—какъ верхняго (стараго), такъ и нижняго (Подола),—то ему на планѣ отведено весьма небольшое пространство, вслѣдствіе чего здѣсь обозначены только главнѣйшія церкви и достопримѣчательности, причемъ

---

[1]) Предлагаемая статья читана нами въ качествѣ реферата въ одномъ изъ засѣданій Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Дух. Академіи, въ концѣ прошлаго года. Тогда же въ мѣстной газетѣ *Кіевлянинъ* появилось сообщеніе объ означенномъ рефератѣ, что̀ вызвало со стороны профессора Н. И. Петрова отвѣтъ намъ, помѣщенный въ 3196, 3200 и 3202 №№ *Кіевскаго Слова*. Въ настоящее время печатая свой рефератъ *въ томъ видѣ, какъ онъ читанъ былъ въ Обществѣ, безъ всякихъ измѣненій* (кромѣ одного-двухъ небольшихъ дополненій, легко отличаемыхъ при чтеніи),—мы вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляемъ къ нему свои объясненія по поводу означеннаго «отвѣта» г. Петрова, сообщенныя въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца.

[2]) Descriptia monastyra, miósteczka y drugich rzeczy aż do samego Kiiowa.

не всегда точно соблюдено ихъ взаимное топографическое положеніе. «Для болѣе яснаго и легкаго уразумѣнія», Кальнофойскій свои предметные чертежи на немъ, въ большинствѣ случаевъ, обозначилъ цифрами, объясненіе коимъ далъ въ соотвѣтствующемъ текстѣ своей книги. Дѣйствительно, эти объясненія много помогаютъ при изученіи плана Кальнофойскаго, невеликаго знатока правилъ, соблюдаемыхъ при съемкѣ мѣстностей.

«Тератургима» Кальнофойскаго—не особенно рѣдкая книга, но приложенные къ ней планы составляютъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Можно думать, что даже большинство изслѣдователей, спеціально занимавшихся топографіею древняго Кіева, не имѣли подъ руками подлинныхъ плановъ Кальнофойскаго и изучали ихъ по книгѣ митрополита Евгенія—*Описаніе Кіево-Печерскія лавры* (Кіевъ, 1826 г.), гдѣ всѣ они перепаданы. Но слѣдуетъ замѣтить, что означенные планы, особенно же планъ Кіева, воспроизведены въ книгѣ преосв. Евгенія небрежно, съ пропусками, произвольными добавленіями и перестановкою нѣкоторыхъ памятниковъ, вообще въ искаженномъ видѣ. Неудовлетворительно, хотя уже значительно исправнѣе, перепаданъ планъ Кіева 1638 г. въ книгѣ Фундуклея [1]), составляющей въ настоящее время также большую библіографическую рѣдкость. Съ одной стороны, указанное обстоятельство—общеизвѣстность только искаженнаго плана Кіева 1638 года,—а съ другой, предвзятыя мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ о мѣстоположеніи тѣхъ или иныхъ достопримѣчательностей и урочищъ древняго Кіева, трудно согласимыя съ упомянутымъ планомъ и объяснительнымъ текстомъ къ нему Кальнофойскаго,—все это было причиною того, что означенному плану придавалось мало научнаго значенія. Напр., Закревскій, не въ состояніи будучи согласить свое излюбленное мнѣніе о положеніи Копырева конца на Подолѣ съ обозначеніемъ Кальнофойскимъ церкви святаго Симеона на горѣ, надъ самымъ Подоломъ, такъ отзывается о планѣ почтеннаго кіево-печерскаго инока: «планъ этотъ любопытенъ по древности, но никуда не годится, потому что сочинители такихъ рисунковъ не имѣли рѣшительно никакого понятія о составленіи топографскихъ плановъ. Они рисовали, что имъ вздумалось, и планы ихъ составляютъ для насъ самыя плохія

[1]) Обозрѣніе Кіева. Изд. 1847 г.

свидѣтельства» [1]). Другіе изслѣдователи, хотя и не отзывались столь рѣзко о планѣ Кіева Кальнофойскаго и пользовались имъ (по воспроизведенію у преосв. Евгенія) при опредѣленіи отдѣльныхъ памятниковъ и мѣстностей, но нерѣдко приходили при этомъ къ выводамъ весьма противорѣчивымъ.

Въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи находится экземпляръ *Тератургимы* Кальнофойскаго со всѣми выше упомянутыми планами 1638 года, притомъ довольно хорошо сохранившимися. Профессоръ Н. И. Петровъ, за послѣднее время, какъ извѣстно, углубившійся въ изученіе древней топографіи Кіева, обратилъ на эти планы серьезное вниманіе и подвергъ ихъ тщательной критикѣ, съ результатами которой и познакомилъ насъ въ одномъ изъ засѣданій Церковно-археологическаго общества [2]). Результаты изысканій уважаемаго ученаго отличаются большою оригинальностью. Онъ пришелъ къ заключенію, что два плана, приложенные Кальнофойскимъ къ его *Тератургимѣ*,—именно, дальнихъ и ближнихъ пещеръ,—выгравированы правильно. Что же касается третьяго, плана Кіева, то онъ извращенъ неумѣлымъ граверомъ, который вырѣзывалъ *планъ на гравировальной доскѣ такъ, какъ онъ представлялся его глазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало, вслѣдствіе чего при оттискѣ на бумагѣ планъ вышелъ въ извращенномъ видѣ, и такимъ образомъ его слѣдуетъ разсматривать и изучать съ обратной стороны.* Въ такомъ видѣ «*планъ оказывается весьма точнымъ и вѣрно показывающимъ взаимное отношеніе изображенныхъ на немъ мѣстностей и зданій*». Послѣ такого возстановленія плана, по мнѣнію проф. Петрова, не только устранятся тѣ несообразности въ немъ, на которыя указывали любители кіевской старины и которыя прямо бросаются въ глаза, но для изслѣдователей древней топографіи Кіева уяснится многое, что безъ означеннаго открытія извращенности плана, можетъ быть, навсегда было бы покрыто мракомъ неизвѣстности. Правда,—заявлялъ Н. И. Петровъ,—на планѣ цифры, коими обозначены извѣстныя сооруженія, памятники и мѣстности, стоятъ правильно, а не въ извращенномъ видѣ, чего слѣдовало бы ожидать, имѣя въ виду указанное искаженіе плана при гравированіи; но это объясняется, по мнѣнію проф. Петрова,

---

[1]) Описаніе Кіева. 1868 г., стр. 401.

[2]) См. отчетъ о семъ засѣданіи въ газетѣ *Кіевское Слово*, 1895 г., № 2855.

тѣмъ, что цифры не были выгравированы одновременно съ планомъ, а припечатаны послѣ, по снятіи уже его съ гравировальнаго станка.

Впослѣдствіи Н. И. Петровъ нѣсколько измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о полномъ искаженіи означеннаго плана Кальнофойскаго: нашелъ, что значительная часть его выгравирована правильно, согласно съ подлинникомъ. Разумѣется, онъ, при нѣкоторомъ вниманіи, не могъ не сдѣлать такой поправки. Слѣдя за чертежами лаврскихъ сооруженій и объяснительнымъ текстомъ объ ихъ мѣстоположеніи, *до очевидности* становится яснымъ, что Лавра изображена на планѣ правильно, что утверждать противное значитъ идти вопреки яснымъ и точнымъ тоговременнымъ свидѣтельствамъ, напримѣръ, помѣщать больничный монастырь съ лѣвой стороны (при выходѣ изъ Лавры), архимандричьи покои съ правой, и т. д. Да и самая Лавра очутилась бы тогда на мѣстѣ Подола и кіевскихъ горъ, а эти послѣднія передвинулись бы на территорію, занимаемую означенной обителью....

Свое первоначальное мнѣніе г. Петровъ измѣнилъ слѣдующимъ образомъ: выгравированы правильно (не искажены граверомъ) на планѣ Кальнофойскаго: Лавра, Дѣвичій кіево-печерскій монастырь, Кіево-Подолъ и Замковая, нынѣ Флоровская, гора. Искажены же (т. е., выгравированы наоборотъ): Старый городъ и Пустынно-Никольскій монастырь, съ прилегающею къ нему мѣстностію.

Естественно, является вопросъ: какъ могло произойти, что на одномъ и томъ же планѣ однѣ мѣстности оказались изображенными правильно, согласно съ подлинникомъ, а другія неправильно, въ извращенномъ видѣ?

Объясняетъ это Н. И. Петровъ такъ: въ гравированіи плана участвовало не менѣе двухъ граверовъ. Одинъ изъ нихъ былъ опытенъ и искусенъ, а другой неопытенъ и неискусенъ. Опытный и искусный началъ гравировать планъ съ соблюденіемъ надлежащихъ пріемовъ, правильно, но почему-то не окончилъ работы, которую завершилъ неопытный и неискусный. По своей неопытности и неискусству, онъ и допустилъ извѣстную намъ уже ошибку, т. е., «недостающее противъ чертежа на гравировальной доскѣ вырѣзалъ такъ, какъ оно представлялось его глазамъ», а не такъ, какъ это дѣлалъ первый граверъ и какъ бы слѣдовало, т. е., не наоборотъ. Почему первый мастеръ при своей работѣ допускалъ скачки, т. е., награвировавъ Лавру и дѣвичій монастырь, миновалъ Пустынно-Никольскую обитель и началъ

гравировать Кіево-Подолъ, объясняется тѣмъ, что это были «крайніе пункты плана».

Искаженность плана Кальнофойскаго, по мнѣнію проф. Петрова, сознавалась и самими издателями Тератургимы, вслѣдствіе чего онъ изъятъ былъ изъ обращенія и не приложенъ къ большинству экземпляровъ означенной книги, почему и дошелъ до насъ чуть ли не въ единственномъ экземплярѣ.

Открытіе Н. И. Петрова, долженствовавшее повлечь за собою значительный переворотъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на топографію древняго Кіева, возбудило живой интересъ въ любителяхъ кіевской старины, и одинъ изъ нихъ, Б. И. Ханенко, внявъ желанію виновника открытія, рѣшился вновь переиздать планы Кальнофойскаго. Это изданіе въ настоящее время появилось въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Древнѣйшій планъ города Кіева 1638.* Оно сдѣлано весьма художественно и посредствомъ фототипіи воспроизводитъ всѣ три плана, приложенные къ Тератургимѣ въ томъ видѣ, какъ они выгравированы были при Кальнофойскомъ. Кромѣ того, къ третьему плану (г. Кіева), по мнѣнію проф. Петрова, искаженному неискуснымъ граверомъ, приложено на отдѣльной таблицѣ фототипическое воспроизведеніе оборотной стороны тѣхъ частей плана, которыя извращены были при гравированіи. Изданіе снабжено предисловіемъ, по всей вѣроятности[1]), вышедшимъ изъ-подъ пера проф. Петрова, а каждый планъ сопровождается объяснительнымъ текстомъ, въ сокращеніи извлеченнымъ изъ Тератургимы Кальнофойскаго.

Принимая во вниманіе чрезвычайную библіографическую рѣдкость плановъ Кальнофойскаго и искаженное воспроизведеніе ихъ въ «Описаніи Кіево-Печерскія лавры» преосв. Евгенія и даже въ книгѣ Фундуклея, нельзя не поблагодарить Б. И. Ханенка за художественное и

---

[1]) Говоримъ: *по всей вѣроятности*, а не утверждаемъ положительно (какъ бы слѣдовало) потому, что въ этомъ предисловіи заявляется, якобы Н. В. Закревскій въ своемъ *Описаніи Кіева*, а Фундуклей въ *Обозрѣніи Кіева* отлитографировали планъ Кіева Кальнофойскаго не по подлиннику, а по упомянутому нами воспроизведенію его у преосв. Евгенія. Между тѣмъ у Закревскаго *вовсе не помѣщенъ планъ Кіева* 1638 г., а у Фундуклея воспроизведенъ онъ, безъ сомнѣнія, *по подлиннику*, хотя и не совсѣмъ исправно,—факты, долженствовавшіе бы быть небезъизвѣстными спеціально занимающемуся топографіею древняго Кіева. Въ послѣднихъ однако своихъ статьяхъ проф. Петровъ заявляетъ, что планъ Кіева 1638 г. былъ приготовленъ къ печати имъ.

точное перезданіе означенныхъ плановъ. Отъ любителей кіевской старины ему будетъ за сіе непреходящее спасибо.... Спасибо и Н. И. Петрову за его инціативу въ этомъ дѣлѣ.... Но что касается самаго его открытія, то здѣсь дѣло обстоитъ не совсѣмъ ладно. Это открытіе едва ли можетъ пролить свѣтъ въ область нашихъ познаній о древней топографіи Кіева, а скорѣе способно привнести въ нее (и уже привнесло) новыя недоразумѣнія. Словомъ, открытіе уважаемаго ученаго мы считаемъ *открытіемъ мнимымъ*: ибо, по нашему мнѣнію, и *третій планъ, приложенный къ Тератургимѣ 1638 г., (планъ Кіева) вполнѣ, во всѣхъ своихъ частяхъ сходенъ съ подлинникомъ, какъ согласны съ нимъ и первые два плана Кальнофойскаго.*

Войдемъ въ объясненіе по этому поводу.

1) Мнѣніе профессора Петрова объ искаженіи плана Кіева 1638 г., хотя бы и частичномъ, неизбѣжно, какъ было сказано, ведетъ къ констатированію того факта, что цифры къ чертежамъ Кальнофойскаго припечатаны послѣ, когда планъ вышелъ уже изъ гравировальнаго станка. Но допустимо ли это? Иными словами: допустимо ли, отказаться отъ дѣла легкаго, почти минутнаго, каковымъ въ данномъ случаѣ представлялось одновременное гравированіе чертежей и цифръ, къ нимъ пріуроченныхъ, чтобы впослѣдствіи замѣнить его работою неудобоисполнимою, ибо припечетать цифры *къ плану*, т. е. расположить ихъ *въ чрезвычайномъ безпорядкѣ* и притомъ *съ извѣстною точностію*,—это положительно Сизифова работа, да едва ли она была и по средствамъ типографіи (разумѣемъ прикрѣпленіе къ типографской доскѣ цифроваго набора въ указанномъ безпорядкѣ).

Впрочемъ, мало-допустимое и мало-естественное все таки возможно, ибо область возможнаго весьма широка. Но Н. И. Петровъ, желая дать устойчивость своему открытію, дѣлаетъ такія заключенія относительно гравированія разсматриваемаго плана, съ которыми положительно невозможно согласиться.

2) Онъ допускаетъ, если работы на одной и той же гравировальной доскѣ производятся двумя или нѣсколькими мастерами, то возможно, что однѣ части чертежа будутъ изображены правильно, другія—нѣтъ. Все де зависитъ отъ того, искусенъ или неискусенъ граверъ. Въ первомъ случаѣ гравированіе будетъ правильное, т. е., въ обратномъ видѣ чертежей, во второмъ—возможно и искаженное: рисунокъ будетъ изображенъ такъ, какъ онъ представляется глазамъ гра-

вера. Но такое мнѣніе мы считаемъ ошибочнымъ. Мастеръ не гравируетъ чертежа на избранномъ для сего матеріалѣ (будь то дерево, камень или мѣдь—дѣло безразличное) по глазомѣру, положивъ передъ собою подлинникъ, но предварительно извѣстными способами переводитъ его на гравировальную доску и тогда уже начинаетъ гравированіе. Никто иначе не работаетъ, да это и невозможно. Такимъ образомъ рѣзецъ мастера касается гравировальной доски не прежде, чѣмъ на ней изображенъ будетъ рисунокъ, по которому и производится гравированіе. Слѣдовательно, если на этой доскѣ будутъ гравировать и неодинаковаго искусства мастера, то это можетъ отразиться на той или иной чистотѣ, тонкости и отчетливости ихъ работы, но отнюдь не повлечетъ за собою существенныхъ искаженій чертежа. Отсюда естественный выводъ по отношенію къ разсматриваемому плану тотъ, что сколько бы мастеровъ его ни гравировали и какая бы ни была ихъ малоопытность (по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ), это могло повліять на достоинство работы извѣстныхъ частей плана, но не могло повлечь за собою тѣхъ искаженій въ немъ, на которыя съ такою увѣренностію указываетъ г. Петровъ. А такъ какъ даже и относительно разнообразія въ достоинствѣ работы тѣхъ или другихъ частей разсматриваемаго плана едва ли можетъ быть серьезная рѣчь (мы такого разнообразія не усматриваемъ), то мнѣніе о двухъ или нѣсколькихъ граверахъ означеннаго плана не имѣетъ подъ собою твердой почвы. Впрочемъ, вопросъ этотъ въ виду сдѣланныхъ нами объясненій, не можетъ имѣть существеннаго значенія.

3) Первоначальное мнѣніе Н. И. Петрова о полномъ искаженіи граверами плана Кіева 1638 года (изображеніе его въ обратномъ видѣ) съ технической стороны все-таки дѣло допустимое: можно по ошибкѣ перевести на гравировальную доску цѣлый рисунокъ не надлежащимъ образомъ, а потому и награвировать его неправильно (примѣры чему и бывали), но—какъ объяснено—невозможно такое частичное искаженіе плана, за которое ратуетъ почтенный профессоръ. Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ этомъ и воочію увидѣть, какія послѣдствія влечетъ за собою предположеніе Н. И. Петрова, слѣдуетъ искаженныя, по его мнѣнію, неискуснымъ граверомъ части плана *возстановить*, т. е., воспроизвести ихъ съ оборотной стороны и затѣмъ дать имъ соотвѣтствующее мѣсто между неискаженными частями плана. Сдѣлавъ это,—если признать открытіе проф. Петрова дѣйстви-

тельнымъ открытіемъ,—мы должны увидѣть планъ Кіева 1638 г. въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Кальнофойскаго. Правда, въ изданіи Б. И. Ханенко означенныя, якобы искаженныя гравероиъ, части плана Кальнофойскаго уже воспроизведены въ желаемомъ видѣ, но воспроизведены на отдѣльной таблицѣ, внѣ связи съ частями плана неискаженными, вслѣдствіе чего странности, вытекающія отсюда, не столь рѣзко бросаются въ глаза. Докончимъ недоконченное: введемъ якобы извращенныя части плана Кальнофойскаго въ исправленномъ ихъ видѣ въ общую связь съ цѣлымъ планомъ. Какъ ни жалко портить прекрасное изданіе г. Ханенко, но нечего дѣлать, — беремъ ножницы, вырѣзываемъ верхній рисунокъ, изображающій старый Кіевъ съ прилегающимъ къ нему Крещатикомъ, и даемъ ему на планѣ соотвѣтствующее мѣсто[1]). Итакъ, передъ нашими глазами нагорная часть Кіева въ томъ видѣ, какъ она, по мнѣнію Н. И. Петрова, изображена была въ подлинномъ планѣ.

Что же мы видимъ?

Видимъ крещатицкія горы и удолья занимающими положеніе стараго города надъ Подоломъ и простирающимися далѣе на сѣверо-западъ, приблизительно до теперешней обсерваторіи, Софійскій соборъ—на одной изъ крещатицкихъ горъ, Михайловскій монастырь—около теперешнихъ Липокъ, кіевскій замокъ—около дѣвичьяго Кіево-печерскаго монастыря, кіевскія ворота, которыми спускались на Подолъ, — надъ дорогою около Спасскаго погоста и т. д.... Словомъ, нѣчто невозможное, немыслимое. Не говоримъ уже о томъ, что *всякое соотвѣтствіе между разными частями плана не только топографическое, но и техническое нарушается совершенно.*

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что открытіе Н. И. Петрова есть плодъ недоразумѣнія.

Между тѣмъ это открытіе, если не дать ему надлежащей оцѣнки, способно, какъ мы сказали, породить немало недоразумѣній и привнести въ наши познанія о топографіи древняго Кіева немало выводовъ несостоятельныхъ. Разительные примѣры сему представляетъ

---

[1]) Для наглядnаго убѣжденія въ справедливости дальнѣйшихъ нашихъ рѣчей рекомендуемъ и нашимъ читателямъ поступить также, съ каковою цѣлію и помѣщается нами въ концѣ статьи фототипическое воспроизведеніе не только *плана Кіева 1638 года* (изъ «Тератургимы» Кальнофойскаго), но и тѣхъ частей онаго, которыя якобы граверами были искажены и возстановлены уже проф. Петровымъ.

самъ Н. И. Петровъ. Мы не будемъ касаться здѣсь всѣхъ его новыхъ мнѣній о топографіи древняго Кіева, которыми въ достаточной степени изобилуютъ его статьи о семъ предметѣ, печатающіяся въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи. О нихъ поговоримъ мы, при случаѣ, впослѣдствіи. Въ настоящее же время сосредоточимъ свое вниманіе только на тѣхъ древне-кіевскихъ памятникахъ, топографическое положеніе которыхъ опредѣляется Н. И. Петровымъ на основаніи возстановленнаго имъ плана Кіева 1638 года. Наши рѣчи объ этомъ, думаемъ, съ достаточною ясностію укажутъ и тотъ путь, который привелъ почтеннаго профессора къ его открытію.

Мы сказали, что Н. И. Петровъ искаженными на планѣ Кальнофойскаго (выгравированными въ обратномъ видѣ) признаетъ: 1) Пустынно-Никольскій монастырь съ прилегающею къ нему мѣстностію и 2) Старый Кіевъ.

1) Долго мы не могли уразумѣть, почему это почтенный ученый при своихъ топографическихъ изысканіяхъ о достопримѣчательностяхъ Кіева нашелъ, что Пустынно-Никольскому монастырю на планѣ 1638 года отведено несвойственное ему мѣсто. Стоитъ онъ у Кальнофойскаго на сѣверъ отъ Лавры, расположенъ на предгоріи, спускающемся къ Днѣпру, гдѣ и былъ въ то время (теперешнее положеніе сего монастыря значительно выше), отдѣляется отъ Кіево-печерской обители спасскою слободою, какъ и свидѣтельствуютъ о томъ тогдашнія данныя, дорога, ведущая къ нему изъ Лавры, обозначена обстоятельно и толково,—словомъ, все говоритъ за то, что объ искаженіи граверомъ этой части плана не можетъ быть и рѣчи (не вдаемся уже въ разсужденія о томъ, что, возстановивъ эту часть плана по указанію проф. Петрова, мы должны бы помѣстить Никольскій монастырь въ лаврской оградѣ, на мѣстѣ уже ранѣе занятомъ чертежами).

Путь, которымъ пришелъ Н. И. Петровъ къ мысли объ искаженіи граверами этой мѣстности, кажется, былъ слѣдующій.

На планѣ Кальнофойскаго, въ разсматриваемой нами части его, находится непосредственно необозначенное цифрою сооруженіе,—сооруженіе большихъ размѣровъ, но уже разрушающееся.

Что это за рѣзко выдающееся среди слободскихъ построекъ зданіе?

На этотъ вопросъ почтенный профессоръ даетъ такой отвѣтъ: *вѣроятно, громадный каменный дворецъ князей Олельковичей, сооруженный въ готическомъ стилѣ; это и есть загадочный столпъ* (słup), *давшій названіе и Никольскому монастырю....*

Но такъ какъ столпъ Никольскаго монастыря, какъ извѣстно, находился *на сѣверо-западъ* отъ сей обители, а означенное большее сооруженіе на планѣ Кальнофойскаго помѣщено *на юго-западъ* отъ нея, то отсюда и явилась мысль объ искаженіи гравероиъ этой части плана 1638 года.

Мы не будемъ разсуждать о томъ, что słup Никольскаго монастыря существовалъ и въ самомъ концѣ XVII столѣтія и еще тогда не разрушался, что онъ представлялъ не грандіозное въ готическомъ стилѣ сооруженіе, а обыкновенный столпъ, хотя и довольно значительныхъ размѣровъ (въ нишу коего вставлена была икона св. Николая), что въ тогдашнихъ свидѣтельствахъ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на существованіе въ первой половинѣ XVII стол. грандіознаго замка Олельковичей, хотя и въ поврежденномъ видѣ,— случаи для чего не могли не быть (да не тамъ онъ и находился),— не будемъ разсуждать обо всемъ этомъ, а возьмемъ лучше въ руки планъ Кальнофойскаго и объяснительный текстъ къ нему и посмотримъ, не поможетъ ли намъ ученый кіево-печерскій іеромонахъ ориентироваться въ означенной, изображенной имъ на планѣ мѣстности, ибо трудно допустить, чтобы онъ, начертавъ,—замѣтимъ: *съ особеннымъ тщаніемъ начертавъ*,—упомянутое сооруженіе, не далъ никакихъ соотвѣтствующихъ указаній, а предоставилъ полету нашей фантазіи дѣлать относительно него тѣ или другія догадки.

Въ объяснительномъ къ плану текстѣ Кальнофойскаго, подъ №№ 43, 44 и 45, читаемъ:

43) «Между сѣверомъ и западомъ (отъ Лавры) дорогою идемъ чрезъ уголъ (kąt) спасскій, т. е., мимо церкви Преображенія Господня (ее построилъ изъ камня св. Владиміръ, но стѣны ея теперь едва стоятъ, мусоръ покрылъ всю землю), и черезъ усадьбу, принадлежащую тому же святилищу Господню».

44) «По той же *правой сторонѣ*, перешедши немного дорогу, есть дорожка къ монастырю св. Николая Пустыннаго».

45) «Самый монастырь сего Святителя».

Изъ приведеннаго подъ № 43 объяснительнаго текста видно, что Кальнофойскій удѣлилъ церкви Преображенія Господня особенное вниманіе: онъ обозначилъ ея современное состояніе, сообщилъ свѣдѣніе и о времени ея постройки. Очевидно, что этотъ священный памятникъ старины былъ весьма дорогъ ученому іеромонаху, сподвижнику приснопамятнаго митрополита Петра Могилы, возстановителя древнихъ кіевскихъ храмовъ, по порученію котораго составлена была и самая Тератургима. Поэтому было бы въ высшей степени странно, еслибы Кальнофойскій на своемъ планѣ означенной церкви не помѣстилъ. Но въ объясненіи этой предполагаемой странности надобности нѣтъ: церковь Преображенія Господня на планѣ 1638 года изображена. То большое сооруженіе, которое Н. И. Петровъ считаетъ никольскимъ столпомъ или, иначе, дворцомъ князей Олельковичей, именно и есть означенная церковь. Увѣренность наша въ этомъ незыблемо утверждается на слѣдующихъ данныхъ:

а) Упомянутое сооруженіе находится около дороги, проходящей чрезъ усадьбу спасскую, и къ нему только могутъ быть отнесены слова объяснительнаго текста къ плану Кіева: «чрезъ уголъ спасскій, т. е., мимо церкви Преображенія Господня».

б) На сооруженіи находятся два креста—одинъ на вершинѣ его, другой на входной пристройкѣ,—ясный знакъ, что это храмъ Божій.

в) Сооруженіе представлено разрушающимся: стѣны изображены лишенными штукатурки, внизу видна куча мусора, что̀ опять вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ упомянутаго текста о церкви Преображенія Господня: «стѣны ея теперь едва стоятъ, мусоръ покрылъ всю землю».

Что касается до мнѣнія Н. И. Петрова, будто разсматриваемое нами сооруженіе готическаго стиля, то мы не будемъ входить по этому поводу въ объясненія, какъ для цѣли настоящаго реферата излишнія. Замѣтимъ только, что на планѣ Кіева 1695 года церковь Преображенія Господня изображена въ томъ же архитектурномъ стилѣ, какъ на планѣ Кальнофойскаго (хотя изображена и въ меньшемъ видѣ, какой, очевидно, получила послѣ возобновленія ея П. Могилою).

2) Возстановленіе Н. И. Петровымъ второй, якобы искаженной гравероmъ части плана Кальнофойскаго (стараго Кіева) повлекло за собою еще бо̀льшія недоразумѣнія. Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ недоразумѣніяхъ, слѣдуетъ объяснить, что побудило нашего

ученаго признать планъ стараго Кіева 1638 г. извращеннымъ граверами, и затѣмъ, имѣя въ виду дѣйствительные, сомнѣнію не подлежащіе дефекты въ этой части плана (никогда никѣмъ не отрицаемые), уяснить ихъ происхожденіе и вообще высказать свое сужденіе о цѣломъ планѣ и о тѣхъ пріемахъ, какихъ должно держаться при его изученіи.

Привели Н. И. Петрова къ мысли объ извращеніи гравероиъ Стараго Кіева нижеслѣдующія соображенія: а) взаимное отношеніе изображенныхъ на планѣ церквей: Кіево-Михайловскаго монастыря, Трехъ-Святительской и Десятинной (Рождества Пресвятой Богородицы), не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному положенію, и б) Симеоновская церковь, лежащая на горѣ, надъ самымъ Подоломъ, изображена на планѣ при выходѣ изъ Кіевскихъ воротъ *съ лѣвой стороны*, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Н. И. Петрова, она стояла *съ правой стороны*, на мѣстѣ теперешней Андреевской церкви.

Устранимъ пока разсужденія о Симеоновской церкви, какъ таковой, *точное* положеніе которой доселѣ *документально не извѣстно*. О ней рѣчь у насъ будетъ впереди.

Разумѣется, нельзя не видѣть, что взаимное отношеніе нѣкоторыхъ старо-кіевскихъ церквей на планѣ 1638 года изображено неточно и не соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному положенію. Но мы уже знаемъ, что объяснять эту неточность, взваливая вину на неискуснаго гравера, якобы изобразившаго означенную часть плана въ извращенномъ видѣ, абсолютно невозможно. Слѣдовательно, нужно искать объясненія указанной неточности въ чемъ-либо иномъ.

По нашему мнѣнію лучшее средство для этого—обратиться къ детальному изученію плана Кальнофойскаго, ознакомиться съ его пріемами при съемкѣ мѣстностей и чертежей, со степенью его искусства въ этомъ дѣлѣ и, елико возможно, съ самымъ процессомъ его работы. Это изученіе плана не можетъ не привести къ слѣдующему выводу: Кальнофойскій былъ невеликій знатокъ съемки мѣстностей, что́ главнымъ образомъ отразилось на несоразмѣрности въ его планѣ масштаба; но работу свою онъ производилъ съ любовію и тщательно, стремясь, по возможности, къ вѣрному топографическому расположенію своихъ чертежей, такъ что въ общемъ его планъ, въ особенности какъ снабженный приложеннымъ къ нему объяснительнымъ текстомъ,

даетъ довольно вѣрное представленіе о центральныхъ пунктахъ Кіева, преимущественно Лавры и лежащихъ около нея обителей...

Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить допущенную Кальнофойскимъ неточность при взаимномъ расположеніи нѣкоторыхъ старокіевскихъ церквей?

Намъ кажется, что вопросъ этотъ въ значительной степени уяснится, если мы прослѣдимъ самый процессъ работы при составленіи разсматриваемаго плана, каковая задача облегчается намъ самимъ Кальнофойскимъ, *послѣдовательно нумеровавшимъ заносимые имъ на планъ чертежи.*

Мы сказали, что первенствующею задачею Кальнофойскаго было *изобразить Кіево-печерскую лавру.* Съ нея и начинаетъ онъ составленіе своего плана, обнаруживая при этомъ особенную тщательность. Планъ Лавры занялъ почти треть взятаго для работы большихъ размѣровъ листа. За симъ послѣдовательно заносятся на планъ дѣвичій Кіево-печерскій монастырь, уголъ Спасскій съ церковію Преображенія Господня и Никольскій монастырь. Все это вмѣстѣ съ огородами къ Днѣпру и частью этой рѣки заняло еще добрую половину листа, такъ что для изображенія пространства, отдѣляющаго Печерскъ отъ Кіева, и плана самаго города остался свободнымъ только незначительный уголъ на правой сторонѣ листа (надъ изображеніемъ спасскаго погоста и Никольскаго монастыря). Естественно, что при дальнѣйшихъ чертежахъ Кальнофойскій долженъ (точнѣе, вынужденъ) былъ сократить свой прежній, довольно широкій масштабъ, до послѣдней степени. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки отвелъ нѣсколько мѣста удолью Крещатика и горамъ около него. Такимъ образомъ свободное для плана *города* Кіева пространство еще болѣе сократилось. Очевидно, что нашъ, несоразмѣрившій масштаба, топографъ, при дальнѣйшей своей работѣ, будетъ поставленъ въ большое затрудненіе. Посмотримъ, какъ онъ станетъ справляться съ нимъ. Начертивъ дорожку, ведущую съ Печерска до большихъ валовъ (№ 47), т. е., въ старый Кіевъ, Кальнофойскій, какъ и слѣдовало ожидать, избираетъ центральнымъ пунктомъ для своего плана означенной части города Кіево-Софійскій соборъ (№ 48); за симъ изображаетъ монастырь Кіево-Михайловскій (№ 49) и—замѣтимъ—изображаетъ *приблизительно правильно:* отводитъ ему соотвѣтствующее по отношенію къ двумъ предшествующимъ чертежамъ мѣсто, т. е., *на правой сто-*

ронъ отъ дороги, ведущей съ Печерска (чрезъ Крещатицкую долину) въ Старый Кіевъ и *нѣсколько влѣво* отъ Кіево-Софійскаго собора [1]). За симъ Кальнофойскому предстояло изобразить (по крайней мѣрѣ, онъ это исполняетъ): стѣны церкви св. Ѳеодора Тирона, *точное* положеніе которой въ настоящее время *неизвѣстно* (№ 50); церкви: Трехъ-святительскую (№ 51), Десятинную (№ 52) и Симеоновскую (№ 53); дорогу, ведущую черезъ кіевскія ворота въ нижній городъ (№ 54); кіевскій замокъ, лежащій близъ этой дороги на теперешней Флоровской горѣ, и хотя часть Подола. Обратите вниманіе на планъ. Остававшееся на немъ свободнымъ мѣсто предоставляло ли хотя малѣйшую возможность

---

[1]) По поводу этого нашего замѣчанія проф. Петровъ въ статьяхъ, писанныхъ имъ въ защиту своего открытія, сильно иронизируетъ: онъ говоритъ, что якобы на планѣ Кальнофойскаго (имъ, проф. Петровымъ, не возстановленномъ) Кіево-Михайловскому монастырю отведено мѣсто около угла теперешнихъ Большой Житомірской и Мало-Владимірской улицъ (??), припоминаетъ намъ основныя географическія понятія о положеніи странъ свѣта и рекомендуетъ спросить любаго неграмотнаго человѣка, въ какую сторону нужно идти отъ Софійскаго собора къ Михайловскому монастырю — въ лѣвую ли или же въ правую, *туда, гдѣ дѣйствительно стоитъ означенный монастырь*? — Отвѣчаемъ: отъ Софійскаго собора къ Михайловскому монастырю можно идти (равно какъ и отъ всякаго другаго сооруженія къ другому, недалеко отъ него находящемуся) и *прямо*, и *вправо*, и *влѣво*. смотря потому, откуда будемъ идти. Если мы будемъ идти *отъ* Софійскаго собора къ Михайловской обители съ сѣверной или сѣверо-восточной стороны (приблизительно отъ дома Софійскаго причта), то, разумѣется, должны будемъ повернуть нѣсколько вправо. Но не объ этомъ и о другихъ возможныхъ (до маршированія кругомъ наоборотъ) путяхъ идетъ рѣчь. Рѣчь идетъ о томъ, правильное или неправильное положеніе дано Кальнофойскимъ Кіево-Михайловскому монастырю по отношенію къ св. Софіи. Мы говоримъ правильное. Почему? Потому что, ставши отъ Софійскаго собора лицемъ къ Крещатику, приблизительно къ мѣсту, занимаемому теперешнею Думою и *соотвѣтствующему на планѣ Кальнофойскаго цифрѣ 47* (дорога, пролегавшая черезъ Крещатикъ къ Старому Кіеву), Михайловскій монастырь оказывается на извѣстномъ разстояніи нѣсколько *влѣво* отъ означеннаго собора, *каковое мѣсто занимаетъ онъ и на самомъ дѣлѣ*. Проф. Петрова, можетъ быть, смущаетъ то обстоятельство, что, если провести отъ олтарныхъ полукружій Кіево-Софійскаго собора прямую линію, то она не совпадетъ съ положеніемъ Кіево-Мих. монастыря, какъ слѣдовало бы ожидать, имѣя въ виду дѣйствительное положеніе послѣдняго Но дѣло въ томъ. что не всѣ церкви г. Кіева (какъ и не всѣ вообще церкви православныя) имѣютъ одинаковое положеніе къ востоку: однѣ устроены и устрояются на востокъ зимній, другія на в. лѣтній.— *Между тѣмъ*, *Кальнофойскій* рѣшительно всѣ олтарныя полукружія изображаемыхъ имъ церквей ставилъ *совершенно въ одномъ и томъ же направленіи* (кромѣ Спасской церкви, не имѣвшей въ то время олтарныхъ полукружій), дѣлая это, очевидно, съ цѣлью дать болѣе отчетливое представленіе объ изображаемыхъ храмахъ. Обстоятельство это нужно имѣть въ виду при изученіи разсматриваемаго плана...

осуществить означенное намѣреніе, *соблюдая при этомъ точность во взаимномъ отношеніи* между упомянутыми, намѣченными для занесенія на планъ памятниками и мѣстностями? — *Никоимъ образомъ.* Оставшееся незанятымъ на планѣ мѣсто, *при соблюденіи означенныхъ условій*, давало Кальнофойскому возможность изобразить только (притомъ дорожа мѣстомъ до послѣдней степени) Трехъ-святительскую и Десятинную церкви, стѣны храма св. Ѳеодора Тирона, кіевскія ворота, пожалуй (и то съ величайшимъ трудомъ), церковь св. Симеона, и только: *ни въ какомъ случаѣ не болѣе того.* А между тѣмъ внизу плана оставалось бы небольшое пространство *свободнымъ*[1]), ибо воспользоваться имъ для *намѣченныхъ частей плана,* при соблюденіи условія *упомянутой точности,* было нельзя, такъ какъ это свободное, незанятое еще чертежами, мѣсто приходилось какъ разъ подъ горою противъ Кіево-Михайловскаго монастыря, гдѣ теперь Александровскій спускъ и гдѣ, слѣдовательно, Кіево-Подолъ не могъ быть помѣщенъ. Что оставалось дѣлать Кальнофойскому? Во-первыхъ, онъ могъ уничтожить свою работу, почти уже оконченную, и начать рисовать планъ съизнова, точнѣе соразмѣривъ масштабъ, т. е., сокративъ его при изображеніи Лавры и прилегавшихъ къ ней мѣстностей и такимъ образомъ оставивъ достаточное пространство для плана самаго г. Кіева, какъ стараго, такъ и Подола; во-вторыхъ, онъ могъ вовсе отказаться отъ мысли изобразить на планѣ нѣкоторыя намѣченныя имъ достопримѣчательности и мѣстности (кіевскій замокъ и нижнюю часть города). Однако, какъ показываетъ разсматриваемый нами планъ, Кальнофойскій не пожелалъ сдѣлать ни того, ни другого; онъ поступилъ иначе: рѣшился довести дѣло до конца, воспользовавшись для сего *частицею листа, незанятаго еще чертежами.* Но, принимая во вниманіе сказанное нами, ясно, что безъ нарушенія точности во взаимномъ расположеніи нѣкоторыхъ памятниковъ сдѣлать этого было невозможно. Такое *очевидное нарушеніе* въ планѣ Кальнофойскаго и замѣчается относительно двухъ церквей: Трехъ-святительской и Десятинной. Мы думаемъ, что процессъ работы Кальнофойскаго въ разсматриваемой нами части его плана могъ быть такой. Изобразивъ Кіево-Софійскій

[1]) Говоримъ: *свободнымъ*, условно, потому что Кальнофойскій, *не доканчивая дальнѣйшихъ намѣченныхъ чертежей на планѣ*, могъ занять означенное мѣсто изображеніемъ той мѣстности, гдѣ теперь находятся памятникъ св. Владиміра и Александровскій спускъ.

соборъ и Кіево-Михайловскій монастырь, онъ отъ перваго, какъ центральнаго пункта на старомъ городѣ, провелъ черту (она явственно видна на планѣ) къ тому пункту, отъ котораго онъ намѣревался начать свои дальнѣйшіе чертежи по направленію къ Подолу, т. е., къ Десятинной церкви, причемъ отвелъ ей на планѣ, хотя не соотвѣтствующее ея дѣйствительному положенію мѣсто, но за то такое, которое давало возможность осуществить означенное намѣреніе (изобразить мѣстность, ведущую на Подолъ, и хотя часть онаго). Самъ Кальнофойскій, очевидно, сознавалъ указанное нарушеніе топографической непрерывности своего плана въ разсматриваемой его части и упомянутою чертою, имѣющею въ данномъ случаѣ значеніе какъ бы *указательнаго перста*, желалъ объяснить, въ чемъ суть дѣла. Мысленно разогните эту кривую черту, и Десятинная церковь займетъ на планѣ положеніе, не возбуждающее сомнѣній, причемъ—само собою разумѣется—въ соотвѣтствующемъ направленіи передвинутся и тѣ части плана Кальнофойскаго (путь къ Подолу и самый Подолъ), которыя къ ней, какъ къ начальному пункту, пріурочены. Передвинутся также и остатки церкви св. Ѳеодора Тирона, занявъ по отношенію къ Десятинной церкви то же положеніе, какъ и на планѣ; передвинется и церковь Трехъ-святительская, неправильное положеніе которой на планѣ, *очевидно*, находится въ связи съ неправильнымъ положеніемъ церкви Десятинной.

Таково можетъ быть, представляющееся намъ *наиболѣе правдоподобнымъ*, объясненіе *очевиднаго* дефекта той части плана Кальнофойскаго, гдѣ изображенъ старый Кіевъ. Наше объясненіе, не отрицая неопытности Кальнофойскаго въ топографскомъ искусствѣ (что, разумѣется, должно быть признано самымъ *легкимъ* объясненіемъ) имѣетъ въ виду осмыслить процессъ работы составителя плана, неизбѣжно приведшій его къ допущенію упомянутаго дефекта. Если бы и подверглась сомнѣнію состоятельность нашего предположенія по данному вопросу, то оно во всякомъ случаѣ *вредныхъ послѣдствій* при изученіи топографіи древняго Кіева принести не можетъ, такъ какъ касается объясненія неправильнаго положенія на планѣ такихъ церквей (Трехъ-святительской и Десятинной), *которыя существуютъ на прежнихъ мѣстахъ и въ настоящее время*, чего нельзя, какъ мы видѣли, сказать объ объясненіи по сему предмету проф. Петрова,—объясненіи, влекущемъ за собою несоотвѣтствующую дѣйствительности

перетасовку многихъ мѣстностей и памятниковъ древняго Кіева (каковое обстоятельство и побудило насъ съ такою рѣшительностью возстать противъ «открытія» почтеннаго ученаго).

Но продолжимъ начатую рѣчь.

Опредѣливъ начальный пунктъ для своихъ чертежей по направленію къ Подолу не безъ значительнаго ущерба, какъ мы видѣли, для топографической цѣльности и точности своего плана, Кальнофойскій при дальнѣйшей своей работѣ не былъ уже столь стѣсненъ недостаткомъ мѣста для изображенія намѣченныхъ имъ памятниковъ и мѣстностей, что́, хотя и не дало ему возможности изобразить Подолъ въ полномъ его видѣ (на планѣ Кальнофойскаго мы видимъ только часть онаго), дало однако возможность изобразить остальные, упоминаемые имъ въ объяснительномъ текстѣ, памятники стараго Кіева *правильно*.

Но какъ же въ такомъ случаѣ *церковь св. Симеона* изображена у Кальнофойскаго стоящею *съ лѣвой стороны* при выходѣ изъ кіевскихъ воротъ на Подолъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію проф. Петрова и нѣкоторыхъ другихъ, она якобы стояла *на правой?* Что Симеоновская церковь, дѣйствительно, изображена *съ лѣвой стороны* при выходѣ изъ кіевскихъ воротъ—это сомнѣнію не подлежитъ. Но такъ какъ въ этой части планъ стараго Кіева отличается ясностью и опредѣленностью, и правильность взаимнаго отношенія изображенныхъ здѣсь памятниковъ и мѣстностей (кіевскія ворота, дорога, идущая на Подолъ, кіевскій замокъ) сомнѣнію не подлежитъ, то и изображеніе въ этомъ районѣ Симеоновской церкви должно быть признано фактомъ, соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и притомъ такимъ фактомъ, который, представляя собою *единственное вполнѣ опредѣленное обозначеніе* положенія означенной церкви, долженъ быть признанъ самымъ *драгоцѣннѣйшимъ* указаніемъ въ планѣ Кальнофойскаго,—*драгоцѣннѣйшимъ* потому, что точное опредѣленіе положенія церкви св. Симеона даетъ возможность сдѣлать выводы, служащіе къ уясненію нѣкоторыхъ, доселѣ весьма спорныхъ, вопросовъ относительно топографіи древняго Кіева (разумѣемъ споры о положеніи пресловутаго Копырева конца, пріурочиваемаго изслѣдователями къ самымъ разнообразнымъ мѣстностямъ въ Кіевѣ).

Въ виду сказаннаго относительно положенія церкви св. Симеона, войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Первѣе всего остановимся на тѣхъ соображеніяхъ, на основаніи которыхъ Н. И. Петровъ помѣщаетъ Симеоновскую церковь *на мѣстѣ теперешней Андреевской* (съ правой стороны при выходѣ изъ кіевскихъ воротъ XVII столѣ.), причемъ на каждое изъ этихъ соображеній, точнѣе—доказательствъ, представимъ соотвѣтствующія объясненія.

Доказательство первое. Кальнофойскій въ своемъ объяснительномъ текстѣ къ разсматриваемому нами плану говоритъ, что Симеоновская церковь стоитъ *надъ самымъ Подоломъ*, чтб подтверждается и другими источниками, свидѣтельствующими о положеніи означенной церкви *вблизи кіевскихъ воротъ*, а таково именно положеніе теперешней *Андреевской церкви*.

Отвѣчаемъ: Дѣйствительно, взошедши на Андреевскую гору, вы будете находиться надъ Подоломъ; но взойдите и на граничащую съ нею съ запада возвышенность (бывшую усадьбу А. Н. Муравьева), и тоже будете *находиться надъ Подоломъ* и тоже *вблизи бывшихъ кіевскихъ воротъ*. А. Н. Муравьевъ, пріобрѣтши означенную усадьбу, въ этомъ именно смыслѣ и писалъ своимъ друзьямъ, извѣщая, что пріобрѣтенное имъ мѣсто *господствуетъ надъ Подоломъ*, что Подолъ *видѣнъ съ него, какъ на ладони*, и т. п. А потому, если Кальнофойскій, дѣлая вышеозначенное объясненіе о положеніи Симеоновской церкви, помѣщаетъ ее на лѣвой сторонѣ при выходѣ изъ кіевскихъ воротъ, то произвольно двигать ее на правую сторону отъ нихъ, мы не имѣемъ права. Разумѣется, изслѣдователи, не видѣвшіе подлиннаго плана Кальнофойскаго и основывавшіе свое мнѣніе по данному вопросу на неточномъ воспроизведеніи означеннаго плана у преосв. Евгенія (гдѣ, дѣйствительно, Симеоновская церковь *произвольно* передвинута, по видимому, на мѣсто теперешней Андреевской) могли это дѣлать; мы же, имѣя подъ руками подлинный планъ Кальнофойскаго, и притомъ въ указанномъ мѣстѣ не возбуждающій сомнѣній въ его правильности,—никоимъ образомъ. Это до крайности было бы противно научнымъ пріемамъ.

Второе доказательство. Въ XVII столѣтіи мѣсто, гдѣ по преданію ап. Андрей Первозванный водрузилъ крестъ, кіевляне пріурочивали къ церквамъ: *Воздвиженской, Симеоновской* и впослѣдствіи *Андреевской*. Это обстоятельство даетъ проф. Петрову основаніе для вывода, что означенныя три церкви составляли въ сущности *одну и ту же церковь*, только носившую въ разныя времена различныя назва-

нія. Въ общихъ чертахъ его мнѣніе по данному вопросу таково. Крестовоздвиженская церковь, якобы основанная на мѣстѣ Васильевской(??), въ началѣ XVII столѣтія обвалилась. Затѣмъ «вѣроятно, послѣ 1625 года, была возстановлена на прежнемъ мѣстѣ, но съ переименованіемъ въ Симеоновскую, вѣроятно, по имени возстановителя, *для уничтоженія преданія объ апостолѣ Андреѣ, противорѣчащаго притязаніямъ папы на подчиненіе ему Русской церкви*». Съ 1640 года церковь эта опять дѣлается извѣстною подъ прежнимъ именемъ Воздвиженской, будучи переименована изъ Симеоновской, и грамотою короля Владислава IV, отъ 7 іюня 1640 года, отдается Кіево-братскому училищному монастырю. Затѣмъ между 1695—1701 гг. снова переименовывается, но уже въ Андреевскую [1]).

Отвѣчаемъ. Преданія объ *опредѣленномъ мѣстѣ*, гдѣ якобы водруженъ былъ крестъ апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ, въ древней Руси, у кіевлянъ до-монгольскаго періода, не существовало. Правда, проф. Петровъ полагаетъ, что Воздвиженская церковь построена была около 1215 г. на мѣстѣ Васильевской (??) «въ память водруженія здѣсь креста св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ»; но это его *личное* мнѣніе, равно ничѣмъ не подкрѣпляемое (между тѣмъ какъ въ подкрѣпленіе высказаннаго нами положенія можно привести, и выдающимися нашими учеными приводятся, вѣскія доказательства). Въ XVII столѣтіи, когда, подъ вліяніемъ борьбы съ латино-уніатами, съ особенною силою ожило въ памяти преданіе о посѣщеніи св. апостоломъ Андреемъ Кіева и водруженіи имъ на здѣшнихъ горахъ креста, кіевляне начали, ссылаясь на не совсѣмъ опредѣленные слухи («яко же повѣсть обносится»), указывать уже и на самую мѣстность, гдѣ произошло водруженіе креста, пріурочивая оное преимущественно *къ церквамъ*, находившимся въ нагорной части сѣверо-восточнаго угла стараго Кіева. Такъ, одни говорили, что апостолъ водрузилъ крестъ, «взошедши на гору, подлѣ которой теперь брама кіевская стоитъ отъ полудня *и церковь Воздвиженія креста святаго*»; другіе,—что на горѣ, гдѣ теперь *церковь св. Симеона стоитъ*; третьи—(впослѣдствіи), что на холмѣ, гдѣ стоитъ церковь *св. Андрея Первозваннаго*. Изъ всѣхъ этихъ сказаній можно вывести слѣдующія заключенія: во-первыхъ, что *вполнѣ опредѣленнаго пункта*, гдѣ, по преданію, водруженъ былъ

[1]) См. Труды Кіев. Дух. Академіи, 1896 г. т. III, стр. 117—120.

апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ крестъ, кіевляне не могли указать и въ XVII столѣтіи (а почему не могли, это ясно и безъ объясненій), хотя уже въ этомъ отношеніи пошли далѣе своихъ предковъ-кіевлянъ, такъ какъ пріурочивали означенное водруженіе *къ извѣстному району старо-кіевскихъ горъ*; и, во-вторыхъ, что существеннаго противорѣчія и несообразности въ означенныхъ разнообразныхъ показаніяхъ нѣтъ, ибо церкви Воздвиженская и Симеоновская находились въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи—въ указанномъ нами районѣ старо-кіевскихъ горъ, гдѣ впослѣдствіи сооружена была и церковь Андреевская.

Что же касается до соображеній проф. Петрова, то они открыты для возраженій съ разныхъ сторонъ. Уже неоднократное переименованіе одной и той же церкви изъ Воздвиженской въ Симеоновскую, затѣмъ изъ Симеоновской опять въ Воздвиженскую (не говоримъ о дальнѣйшемъ переименованіи, какъ для нашей цѣли значенія не имѣющемъ) возбуждаетъ недоумѣнія, въ особенности, если примемъ во вниманіе ту научную обстановку, въ какой означенное мнѣніе почтеннаго ученаго предъ нами является. Онъ говоритъ, что Воздвиженская церковь, «вѣроятно, послѣ 1626 года [1]) была возстановлена *на мѣстѣ прежней* съ переименованіемъ въ Симеоновскую, вѣроятно, *по имени возстановителя*». Но кѣмъ возстановлена означенная церковь, не только *по документамъ*, но даже и *по преданію неизвѣстно*. Проф. Петровъ говоритъ далѣе, что означенное переименованіе сдѣлано въ досажденіе православнымъ *для уничтоженія(??) преданія* объ апостолѣ Андреѣ, противорѣчащаго притязаніямъ папы на подчиненіе ему Русской церкви. Но если допустить справедливость такого мнѣнія, то само собою напрашивается вопросъ: почему это митрополитъ Петръ Могила, отобравшій отъ уніатовъ Симеоновскую церковь, «водлѣ брамы кіевской лежачую», не тотчасъ возвратилъ принадлежащее ей и столь ненавистное уніатамъ наименованіе, но сдѣлалъ это только спустя семь лѣтъ (въ 1640 г., по мнѣнію г. Петрова)?—Относительно этого нашего недоумѣнія почтенный ученый въ одной изъ упомянутыхъ статей, писанныхъ въ защиту своего открытія, замѣчаетъ: «А почему Петръ Могила, отобравъ въ 1633 году отъ уніатовъ Симеоновскую церковь, не тотчасъ переименовалъ ее въ Воздвиженскую,—объ этомъ

[1]) Она возстановлена не позже 1621 г. См. *Полиндію З. Конистенскаго.*

г. Голубевъ пусть спроситъ мысленно самого Петра Могилу».—Мы не можемъ послѣдовать столь остроумному совѣту не только потому, что не раздѣляемъ воззрѣній почтеннаго профессора о возможности рѣшать ученые вопросы посредствомъ общенія съ духами, но и потому, что не имѣемъ въ томъ надобности, такъ какъ *одновременное существованіе* церквей *Воздвиженской и Симеоновской* для насъ сомнѣнію не подлежитъ. Проф. Петровъ, имѣя въ виду грамоту Владислава IV отъ 7 іюня 1640 г., гдѣ упоминается о *Воздвиженской церкви*, къ этому именно времени и пріурочиваетъ возвращеніе этой церкви прежняго ея наименованія. Но извѣстна грамота того же Владислава и о той же *Воздвиженской церкви* отъ 1638 года, т. е., отъ того самаго года, въ которомъ издана была Тератургима Кальнофойскаго, а равно и приложенный къ ней, разсматриваемый нами *планъ г. Кіева* съ обозначеніемъ на немъ *Симеоновской церкви*. Слѣдовательно, Воздвиженская и Симеоновская церкви—не одна и таже церковь.

Возвращаемся къ плану Кальнофойскаго. Указаніе его на положеніе Симеоновской церкви съ лѣвой стороны отъ кіевскихъ воротъ на одной изъ возвышенностей или срытыхъ, или еще существующихъ въ бывшей усадьбѣ А. Н. Муравьева, находитъ для себя нѣкоторое, не лишенное фактической подкладки подкрѣпленіе въ нижеслѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ Извѣстно, что въ пресловутомъ Копыревомъ концѣ, служившемъ и доселѣ нерѣдко служащемъ яблокомъ раздора между изслѣдователями о топографіи древняго Кіева, находились двѣ церкви: *св. Іоанна* (какого Іоанна, въ лѣтописи не обозначено), заложенной въ 1121 году, и *св. Симеона*. Обозначенная на планѣ Кальнофойскаго *Симеоновская церковь* была *деревянною*; слѣдовательно, отождествлять ее (въ смыслѣ сохранности) съ древнею церковью этого имени нельзя. Но имѣя въ виду многочисленные примѣры, весьма вѣроятно предположеніе, что эта деревянная церковь была построена на развалинахъ древней. «Кіевляне XVII вѣка,—говоритъ одинъ изъ авторитетныхъ знатоковъ кіевской старины М. А. Максимовичъ,—старожитные преемники древлекіевскихъ, родныхъ преданій, не могли позабыть святыхъ церквей, еще остававшихся въ запустѣлыхъ останкахъ: *они знали поименно даже и тѣ древнія церкви, которыя лежали уже въ развалинахъ*» [1]). Такимъ образомъ, повторяемъ, весьма

[1]) Собраніе сочиненій. II. 151.

вѣроятно предположеніе, что обозначенная на планѣ Кальнофойскаго Симеоновская церковь построена была на мѣстѣ древней того же имени. Это предположеніе, въ свою очередь, находитъ новое подкрѣпленіе (какъ увидимъ, взаимное подкрѣпленіе) въ слѣдующемъ фактическомъ указаніи. Въ 1682 году составлена была *роспись г. Кіеву*. Здѣсь подробно обозначаются бывшія тогда укрѣпленія—*выводы*, причемъ большинство ихъ носитъ названіе находившихся близъ нихъ сооруженій или мѣстностей, напр., выводы: *Воздвиженскій* (вслѣдствіе близости къ нему *Воздвиженской* церкви), *Трисвяцкій* (по близости къ Трехъ-святительской церкви) и т. д. Между этими выводами упоминается и *Предотеченскій*, положеніе котораго въ ряду укрѣпленій ясно можно опредѣлить чрезъ приведеніе слѣдующей выдержки изъ Росписи: «*Предотеченскій* выводъ 21 сажень безъ полуаршина. Отъ того выводу до *Рожественскаго* выводу 33 сажени съ аршиномъ. *Рожественскій* выводъ 18 сажень безъ аршина. Отъ того выводу до кіевскихъ воротъ 41 сажень съ полусаженью». Такимъ образомъ, Предтеченскій выводъ занималъ положеніе приблизительно между теперешнимъ Десятиннымъ переулкомъ и Большою Житомірскою улицею. Является вопросъ: почему упомянутый выводъ носилъ указанное названіе?—«Названіе вывода Предтеченскимъ, говоритъ М. А. Максимовичъ [1]), навело меня на мысль, что древняя церковь св. Іоанна (въ Копыревѣ концѣ) была во имя св. Іоанна Предтечи», т. е., означенный «выводъ» упомянутый изслѣдователь считаетъ лежащимъ не въ далекомъ разстояніи отъ бывшаго Копырева конца; а такъ какъ—продолжимъ развитіе мысли почтеннаго ученаго—въ томъ же концѣ находилась и церковь св. Симеона (упоминаемая въ лѣтописяхъ), а Симеоновская церковь XVII в. лежала въ близкомъ разстояніи отъ Предтеченскаго вывода, то всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не даютъ ли, съ одной стороны, надежнаго ключа къ рѣшенію пресловутаго вопроса о положеніи Копырева конца; а съ другой, не служатъ ли подкрѣпленіемъ правильности въ обозначеніи Кальнофойскимъ Симеоновской церкви съ лѣвой стороны, при выходѣ изъ кіевскихъ воротъ, т. е., сравнительно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Предтеченскимъ выводомъ? Всѣмъ этимъ соображеніямъ—полагаемъ—

[1]) Собраніе сочиненій, II, 153.

нельзя отказать въ фактической подкладкѣ и, во всякомъ случаѣ, нельзя ихъ назвать безпочвенными полетами фантазіи [1]).

Не будемъ останавливаться на другихъ выводахъ Н. И. Петрова, дѣлаемыхъ имъ на основаніи своего «открытія» или непосредственно вытекающихъ изъ него, не будемъ потому, что эти выводы стоятъ въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ лѣтописными и документальными данными, что едва ли кого, знакомаго съ топографіею и исторіею древняго Кіева, могутъ ввести въ заблужденіе. Таково, напр., мнѣніе почтеннаго ученаго о мѣстоположеніи церкви св. Ѳеодора Тирона *на сѣверо-востокъ* отъ Десятинной церкви [2]); таково его мнѣніе, что часть кіевскаго замка, изображенная весьма явственно у Кальнофойскаго (видны стѣны, окружающія замокъ, замковыя ворота съ башнею и дорогою изъ нихъ, одна изъ церквей, два зданія внутри укрѣпленій и притомъ на соотвѣтствующемъ дѣйствительному ея положенію мѣстѣ), должна быть перенесена *на юго-востокъ* отъ Михайловской церкви Золотоверхаго Кіево-Михайловскаго монастыря, и есть де ничто иное, какъ одно изъ отдѣленій означеннаго монастыря, причемъ *церковь*, изображенная здѣсь, вѣроятно, есть трапезная *церковь Іоанна Богослова*, построенная митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ; что *дорога*, ведущая отъ башни съ воротами—Михайловскій спускъ, и т. п.

Закончимъ свой рефератъ разъясненіемъ одного обстоятельства, приводимаго Н. И. Петровымъ, въ качествѣ какъ бы побочнаго доказательства, въ подтвержденіе его мнѣнія объ искаженіи плана Кіева 1638 г. граверами. «Можетъ быть, говоритъ почтенный ученый, вслѣдствіе такого (указываемаго имъ) искаженія плана *онъ изъятъ былъ изъ обращенія и не приложенъ къ большинству экземпляровъ Тератургимы Кальнофойскаго, почему и дошелъ до насъ чуть ли не въ единственномъ экземплярѣ*».—Во-первыхъ, замѣтимъ, что число экземпляровъ «Тератургимы» съ сохранившимся въ нихъ планомъ г. Кіева 1638 г. значительнѣе, чѣмъ предполагаетъ г. Петровъ: мы, во время своихъ занятій въ богатыхъ книжными сокровищами библіотекахъ,

---

[1]) О Копыревомъ концѣ мы говоримъ обстоятельнѣе въ приготовляемыхъ къ печати статьяхъ: *Спорные вопросы относительно древней топографіи г. Кіева.*

[2]) Срав., напр., мнѣніе о мѣстоположеніи означенной церкви извѣстнѣйшаго археолога и историка В. Б. Антоновича, появившееся въ печати *послѣ* реферата г. Петрова и его топографическихъ очерковъ о *старомъ Кіевѣ*.

видѣли не менѣе четырехъ экземпляровъ «Тератургимы» съ означенными планами (причемъ далеко не всѣ экземпляры пересматривали). Во-вторыхъ, хотя въ общемъ мнѣніе о *незначительности* сохранившихся экземпляровъ Тератургимы съ упомянутымъ планомъ и справедливо, но обстоятельство это находитъ для себя вполнѣ естественное объясненіе, съ одной стороны, въ болѣе чѣмъ двухъ-сотъ пятидесятилѣтней давности, протекшей со времени изданія означенной книги, а, во-вторыхъ (*и это главное*), въ неблагопріятныхъ условіяхъ для сохранности большинства гравюръ, прилагавшихся къ тоговременнымъ книгамъ. Дѣло въ томъ, что весьма многія гравюры въ нашихъ старопечатныхъ книгахъ (разумѣемъ, преимущественно, южно-русскія изданія) помѣщались въ самомъ началѣ книгъ, зачастую на оборотѣ заглавнаго листа (изображенія гербовъ тѣхъ лицъ, коимъ книги посвящались). Но извѣстно, что (при частомъ употребленіи) книги начинаютъ портиться *съ начала и конца*. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ массу старопечатныхъ книгъ съ такими именно поврежденіями, т. е., безъ начальныхъ и конечныхъ листовъ (отсюда дефекты и многихъ гравюръ). Можно смѣло сказать, что примѣрно изъ десяти дошедшихъ до насъ старопечатныхъ книгъ XVI и XVII столѣтій, по меньшей мѣрѣ, 7—8 имѣютъ указанные дефекты. Что касается Тератургимы Кальнофойскаго, то приложенные къ ней гравированные планы, повидимому, должны были бы имѣть болѣе шансовъ для своей сохранности, такъ какъ помѣщены были *не въ самомъ началѣ или концѣ книги*, а въ тѣхъ мѣстахъ оной, гдѣ находятся соотвѣтствующіе тексты (описаніе дальнихъ и ближнихъ пещеръ, описаніе Кіево-Печерской лавры). Но это благопріятное для сохранности разсматриваемыхъ плановъ условіе совершенно парализуется другимъ, *крайне неблагопріятнымъ для означенной сохранности*, обстоятельствомъ: имѣемъ въ виду *большіе размѣры плановъ*, въ нѣсколько разъ превышающіе $^1/_4$ долю листа, въ которую отпечатана и сброшюрована Тератургима, вслѣдствіе чего планы, при брошюровкѣ и переплетахъ книги, неизбѣжно были извѣстнымъ образомъ складываемы и, при пользованіи ими, развертываемы и затѣмъ вновь складываемы. Безъ объясненій понятно, сколь неблагопріятными послѣдствіями это должно было сопровождаться для продолжительной цѣлости и сохранности плановъ. Самъ Н. И. Петровъ, состоя хранителемъ церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи, рѣшилъ извлечь (и извлекъ) планы

изъ находящагося здѣсь экземпляра Тератургимы, именно въ виду легкой порчи и возможной потери ихъ при пользованіи книгою. Лучшимъ и наглядным доказательствомъ естественности нашего объясненія по данному вопросу служитъ слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно, къ Тератургимѣ приложены *три плана*, изъ коихъ только *одинъ*, по мнѣнію проф. Петрова, искаженъ граверами (планъ Кіева), почему якобы и былъ изъятъ изъ обращенія; между тѣмъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ Тератургимы отсутствуютъ, не одинъ планъ Кіева, но всѣ три плана. Не значитъ ли это, что не Кальнофойскимъ, а именно временемъ изъятъ и разсматриваемый планъ изъ помянутой книги, какъ изъяты онымъ и первые два плана (дальнихъ и ближнихъ пещеръ)? Притомъ, еслибы признать справедливымъ мнѣніе Н. И. Петрова объ изъятіи одного изъ плановъ именно Кальнофойскимъ, то слѣдовало бы ожидать такового же изъятія имъ и объяснительнаго текста къ сему плану, такъ какъ оставленіе въ Тератургимѣ перваго, при отсутствіи послѣдняго (объяснительнаго текста къ плану безъ самаго плана), было бы большою несообразностію.

II.

Нашъ рефератъ, какъ мы замѣтили, вызвалъ обширный отвѣтъ со стороны г. Петрова, гдѣ онъ дѣлаетъ энергичную попытку отстоять *свое открытіе* (съ нѣкоторыми, впрочемъ,—о чемъ будетъ сказано ниже,—оговорками), и самый нашъ рефератъ считаетъ состоящимъ «*изъ софизмовъ*, съ которыми весь свѣтъ обойдешь, только назадъ не вернешься»; пріемы же, коихъ мы держимся при своихъ доказательствахъ, подрывающихъ довѣріе къ означенному «открытію», ученый изслѣдователь древней топографіи Кіева считаетъ такими, которымъ онъ «отказывается дать приличное названіе».

Соотвѣтствуютъ ли столь рѣшительныя и столь смѣлыя заявленія проф. Петрова дѣйствительному положенію дѣла по возникшему между нами спорному вопросу, мы постараемся выяснить въ нижеслѣдующихъ объясненіяхъ, имѣющихъ въ виду отвести достодолжное мѣсто аргументамъ и соображеніямъ, приводимымъ г. Петровымъ въ защиту своего открытія и въ опроверженіе нашего мнѣнія въ его безусловной несостоятельности.

«Я ни топографъ, ни граверъ, заявляетъ проф. Петровъ, но все-таки предполагалъ, что ни топографія, ни гравюра въ XVII вѣкѣ еще не процвѣтали на югѣ Россіи, и что какой-нибудь неумѣлый граверъ XVII вѣка, вынужденный обстоятельствами заканчивать недоконченный планъ своего предшественника, по неопытности извратилъ его въ недоконченныхъ его пунктахъ, именно въ изображеніи стараго Кіева и Никольскаго монастыря»..... «Г. Голубевъ утверждаетъ, ссылаясь на какой-то кіевскій авторитетъ въ граверномъ искусствѣ, что будто-бы такое частичное искаженіе плана, какое я предполагалъ у Кальнофойскаго, невозможно, и что будто-бы *граверъ не гравируетъ чертежа на избранномъ для сего матеріалѣ (будь то дерево, камень или мѣдь,—дѣло безразличное) по глазомѣру, положивъ передъ собою подлинникъ, но предварительно извѣстными способами переводитъ его на гравировальную доску въ обратномъ видѣ и тогда уже начинаетъ гравированіе.* А по моему мнѣнію, руководитель г. Голубева, граверъ (а граверовъ, по крайней мѣрѣ, хорошихъ я не знаю) смѣшиваетъ съ гравюрою литографію [1]) и не знаетъ исторіи гравировальнаго искусства и младенческой поры его развитія. Штемпель монетъ великаго князя кіевскаго Изяслава—Дмитрія Ярославича вырѣзанъ былъ неправильно, вслѣдствіе чего и монеты этого князя чеканились навыворотъ. Образцы позднѣйшаго гравированія даже XVIII вѣка, какъ правильнаго, такъ и извращеннаго, имѣются въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи»..... «Я предполагаю, что *граверъ XVII вѣка дѣйствовалъ рѣзцомъ также, какъ мы перомъ, и, по мѣрѣ надобности, могъ самъ увеличивать или уменьшать размѣръ рисунка*».

Прежде всего слѣдуетъ устранить изъ доказательствъ г. Петрова, *какъ къ дѣлу совершенно не относящихся*, ссылку его на монеты великаго князя Изяслава—Дмитрія Ярославича и на существованіе образцевъ гравированія извращенныхъ. Мы не отрицали и не отрицаемъ возможности полнаго извращенія гравюры вслѣдствіе неправильнаго переведенія рисунка на гравировальную доску. Мы заявляли, что первоначальное мнѣніе проф. Петрова (отъ котораго онъ отказался) о полномъ искаженіи плана Кіева 1638 г. все-таки, со стороны

---

[1]) Очевидно, обмолвка. Г. Петровъ хочетъ сказать: смѣшиваетъ гравированіе на деревѣ (ксилографію) съ литографіею.

техники, можетъ быть допустимо: мы отрицали невозможность такого *частичнаго искаженія разсматриваемаго плана*, за которое ратуетъ почтенный профессоръ.

Обращаемся къ оцѣнкѣ защиты г. Петровымъ своего открытія.

«Я ни топографъ, ни граверъ», заявляетъ онъ, очевидно, желая, до извѣстной степени, извинить себя за допущенные имъ промахи и неточности въ сужденіяхъ о гравировальномъ искусствѣ. Мы тоже не причисляемъ себя ни къ топографамъ, ни къ граверамъ, и первоначальныя свѣдѣнія о гравировальномъ искусствѣ дѣйствительно пріобрѣтены нами изъ энциклопедій и личныхъ разспросовъ мѣстныхъ граверовъ о техническихъ пріемахъ, употребляемыхъ ими при гравированіи. Но и этихъ элементарныхъ познаній по означенному искусству для насъ было вполнѣ достаточно, чтобы понять всю несостоятельность «открытія» проф. Петрова, достаточно вполнѣ потому, что мы призвали къ себѣ на помощь, какъ выражается проф. Петровъ, *софизмы*, или же, какъ смѣемъ думать мы, *здравый смыслъ*. Отъ сего здраваго смысла и начнемъ свои объясненія.

Профессоръ Петровъ признаетъ, что *изъ трехъ плановъ*, приложенныхъ къ Тератургимѣ Кальнофойскаго, два выгравированы всецѣло правильно, а *третій* (планъ Кіева)—*въ однихъ частяхъ правильно, въ другихъ извращенно*, вслѣдствіе того, *что въ гравированіи послѣдняго плана участвовало не менѣе двухъ граверовъ, при чемъ первый былъ опытный мастеръ, а другой или другіе малоопытные.*

Нельзя не обратить вниманія, сколько бо́льшею частію искусственныхъ (маловѣроятныхъ или совсѣмъ невѣроятныхъ) предположеній должно (замѣтимъ: *неизбѣжно должно*) допустить, чтобы придать означенному мнѣнію желаемую устойчивость. Именно, нужно предположить: *во-первыхъ*, что въ первой половинѣ XVII столѣтія въ Кіево-Печерской обители пребывали такіе, хотя малоопытные, но тѣмъ не менѣе необычайные мастера-граверы, которые могли производить работы, не прибѣгая для сего *къ обычнымъ техническимъ пріемамъ* (переводу рисунка на гравировальную доску), но дѣйствовали рѣзцомъ по глазомѣру, положивъ чертежи передъ собою, дѣйствовали, по выраженію г. Петрова, рѣзцомъ «такъ же, какъ мы перомъ»; *во-вторыхъ*, что гравированіе плана производилось *скачками*: выгравируютъ одну часть плана и дѣлаютъ пробѣлъ, чтобы восполнить его впослѣдствіи; *въ-третьихъ*, что искусный мастеръ, скачками гравировавшій планъ,

по какой-то неизвѣстной причинѣ не могъ окончить плана (умеръ, заболѣлъ, отъ мѣста отказали и т. п.); *въ-четвертыхъ*, что другаго, знающаго свое дѣло гравера не нашлось при лаврской типографіи (или онъ отвлеченъ былъ иными работами) и начатую работу поручено было докончить *неискусному или неискусснымъ мастерамъ*, которые, имѣя передъ глазами планъ Кальнофойскаго, *отображенный въ извѣстныхъ частяхъ первымъ мастеромъ на гравировальной доскѣ правильно, не послѣдовали при своей работѣ за симъ мастеромъ, но докончили ее навыворотъ* (съ гравировальной точки зрѣнія); *въ-пятыхъ*, что эти граверы, обнаружившіе свое невѣжество въ одномъ, указанномъ нами отношеніи, въ другихъ отношеніяхъ оказались великими, *необычайно великими* знатоками своего дѣла: ибо—согласитесь—къ частямъ плана, *выгравированнаго правильно*, пригравировать остальныя его части *въ извращенномъ видѣ, навыворотъ*, но пригравировать такъ, чтобы искаженія *для глаза не были замѣтны*, т. е., чтобы *не нарушалась техническая естественность плана*,—это требуетъ необычайной умѣлости (собственно, это невозможно); *въ-шестыхъ*, что цифры, коими Кальнофойскій обозначилъ свои чертежи на планѣ, *были припечатаны* послѣ, по выходѣ плана изъ гравировальнаго станка, ибо означенныя цифры, какъ на неискаженныхъ, такъ и на искаженныхъ якобы граверомъ частяхъ плана, стоятъ *одинаково правильно*, или же (буде отъ этого предположенія проф. Петровъ откажется) слѣдуетъ допустить, что неискусные граверы *въ одно и то же время одну и ту же работу производили и умѣло и неумѣло* (индѣ навыворотъ, индѣ нѣтъ); наконецъ, *въ-седьмыхъ*, что съ самимъ Кальнофойскимъ случилось что-то неладное (можетъ быть тоже заболѣлъ), ибо, хотя онъ въ разсматриваемое время и жилъ въ Лаврѣ, но, очевидно, корректуры своихъ плановъ не держалъ, другіе же корректоры разрѣшали къ печати планы (а въ томъ числѣ и планъ Кіева), *не справляясь съ подлинникомъ*.

Вотъ сколько—повторяемъ опять—искусственныхъ (маловѣроятныхъ или совсѣмъ невѣроятныхъ, т. е., несостоятельныхъ) предположеній *неизбѣжно должно допустить*, чтобы придать открытію проф. Петрова желаемую имъ устойчивость!

Правда, Н. И. Петровъ въ своихъ послѣднихъ статьяхъ [1]), вызванныхъ отчетомъ о нашемъ второмъ рефератѣ, не считаетъ эти

[1]) Кіевское Слово, 1897 г. №№ 3360, 3361 и 3362. Статьи эти мы принимаемъ во вниманіе при дальнѣйшемъ изложеніи.

предположенія, или, какъ онъ выражается, «проэкты», неизбѣжными, и называетъ ихъ ничѣмъ инымъ, какъ *софизмами* съ нашей стороны. Именно, онъ говоритъ: «Въ этихъ проэктахъ г. Голубевъ или *утрировалъ* мои предположенія, или *совершенно извратилъ*, или приписалъ мнѣ то, *чего я вовсе и не думалъ*. А развѣ это не софистическіе пріемы»?

Отвѣчаемъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что проф. Петровъ *не обдумалъ* высказанныхъ имъ предположеній по поводу своего открытія *во всей ихъ совокупности*, а также не принялъ во вниманіе и другихъ предположеній, которыя *неразрывно, крѣпкими узами, связываются* съ этимъ открытіемъ. Это необдумываніе и есть, по нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ опущеній со стороны почтеннаго ученаго, приведшее его къ ошибочнымъ выводамъ. Что же касается до его упрековъ намъ въ *утрированіи* его предположеній и *извращеніи* ихъ, а также въ приписываніи ему предположеній, имъ невысказываемыхъ,— то эти упреки несправедливы. Большая часть вышеозначенныхъ предположеній высказана была самимъ проф. Петровымъ (и неизбѣжно должна быть высказана, чтобы придать извѣстную устойчивость его открытію), а остальныя вытекали непосредственно *изъ сущности дѣла* и являются также *неизбѣжными*. Хотя и нѣтъ особенной надобности ширить рѣчи по этому поводу, тѣмъ не менѣе, для вящаго выясненія дѣла, войдемъ въ подробности, т. е., сопоставимъ наши (вышеозначенныя) предположенія съ заявленіями г. Петрова, разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ статей, писанныхъ имъ въ защиту своего открытія, а также укажемъ основанія *неизбѣжности* и другихъ предположеній, какъ неразрывно связанныхъ съ означеннымъ открытіемъ.

1) Основное положеніе г. Петрова состоитъ въ томъ, что первый граверъ *не дограверовалъ* плана Кіева и доканчивалъ работу другой, причемъ послѣдній, какъ малоопытный «*вырѣзывалъ недостающее противъ чертежа на гравировальной доскѣ такъ, какъ оно представлялось его глазамъ*», слѣдовательно, безъ предварительнаго перевода рисунка на гравировальную доску; сдѣлать же это онъ могъ потому, что «граверы XVII вѣка дѣйствовали рѣзцомъ такъ же, какъ мы перомъ».

Это основное положеніе г. Петрова *вполнѣ соотвѣтствуетъ* обозначенному нами предположенію подъ рубрикою—*во-первыхъ*. Гдѣ же тутъ утрировка или извращеніе предположеній г. Петрова?

2) «Первый граверъ, говоритъ почтенный профессоръ, гравировалъ на третьей таблицѣ (изображающей планъ Кіева) самый Печерскій монастырь, а также Кіево-Подолъ и замковую, нынѣ Флоровскую гору, *какъ крайніе пункты плана*». Второй граверъ «вырѣзалъ недостающее противъ чертежа».—Такъ какъ первый мастеръ, выгравировавъ Кіево-Печерскую лавру, миновалъ (по мнѣнію г. Петрова) лежащій вблизи нея Никольскій монастырь, съ прилегающею къ нему мѣстностію, и занялся гравированіемъ Кіево-Подола и замковой горы,—то не значитъ ли это, что означенный мастеръ гравировалъ планъ *скачками?* (См. наше *во-вторыхъ*).

3) Третье наше предположеніе непосредственно вытекаетъ изъ первыхъ двухъ и соотвѣтствуетъ заявленію г. Петрова: «но этотъ (первый) граверъ *почему-то* не догравировалъ третьей таблицы». Добавленіе къ этому заявленію догадокъ: *почему именно* (умеръ, заболѣлъ и т. п.) не есть ни утрированіе, ни извращеніе мнѣнія г. Петрова, тѣмъ болѣе, что подобныя догадки, хотя и не печатно, высказаны были самимъ же г. Петровымъ (при первомъ ознакомленіи членовъ Церковно-археологическаго общества при Кіев. дух. академіи со своимъ открытіемъ).

4) Четвертое предположеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ неоднократнымъ заявленіямъ проф. Петрова, что первый мастеръ, гравировавшій планъ, выполнилъ свою работу *правильно*, а второй, неопытный,—*въ извращенномъ видѣ*.

5) Неизбѣжность пятаго предположенія основывается на томъ, что планъ Кіева 1638 года (невозстановленный проф. Петровымъ и якобы, по его мнѣнію, извращенный граверомъ или граверами) не имѣетъ *техническихъ несообразностей* (что видимъ въ планѣ, возстановленномъ почтеннымъ профессоромъ) [1].

6) Шестое предположеніе, *какъ неизбѣжное*, высказано, *наконецъ*, *печатно* [2]) самимъ г. Петровымъ («цифры на планѣ не награвированы, а *отпечатаны типографскимъ способомъ*»).

---

[1]) См. фототипическое воспроизведеніе плана Кіева въ невозстановленномъ и возстановленномъ проф. Петровымъ видахъ.

[2]) *Устно* это предположеніе высказано было Н. И. Петровымъ, при первомъ ознакомленіи имъ членовъ Церковно-археологическаго общества при Кіев. дух. академіи со своимъ открытіемъ. Но когда мы, при чтеніи своего реферата, указали на маловѣроятность означеннаго предположенія, то были до нѣкоторой степени поражены

7) Наконецъ, седьмое предположеніе хотя и является какъ бы побочнымъ, тѣмъ не менѣе тоже вытекающимъ изъ сущности дѣла (а потому и неизбѣжнымъ), такъ какъ извѣстно, что гравюры, подобно печатнымъ произведеніямъ, подлежатъ корректурному просмотру.

Такимъ образомъ, всѣ вышеозначенные наши «проэкты» суть не извращеніе предположеній г. Петрова, а ничто иное, какъ *сведеніе их* въ надлежащей, требуемой сущностію дѣла, формулировкѣ *воедино*, съ присоединеніемъ и умолчанныхъ почтеннымъ профессоромъ предположеній, какъ такихъ, которыя съ логическою необходимостію вытекаютъ изъ основнаго его положенія и неопровержимыхъ данныхъ по разсматриваемому вопросу. И если г. Петровъ желаетъ какъ бы отстраниться отъ этихъ предположеній, то, безъ сомнѣнія, поступаетъ хорошо; но тѣмъ самымъ первый же и наноситъ ударъ своему *основному положенію*, ибо безъ означенныхъ предположеній оно окажется лишеннымъ всякой, даже и песчаной, почвы.

Но пора возвратиться къ этому основному положенію Н. И. Петрова.

Въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся гравированія, г. Петровъ считаетъ насъ некомпетентными. Съ полнымъ недовѣріемъ относится и къ нашимъ, какъ онъ выражается, руководителямъ—кіевскимъ граверамъ, *незнакомымъ съ гравировальнымъ искусствомъ* и младенческою порою его развитія. Поэтому мы по возникшему между нами и проф. Петровымъ спорному вопросу рѣшились обратиться къ такому руководителю и судьѣ, авторитетъ котораго не подлежалъ бы сомнѣнію... Въ энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ Брокгаузомъ и Ефрономъ, мы встрѣтили (*т. IX*[4]) весьма обстоятельную статью о гравированіи, принадлежащую перу профессора с.-петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Къ этому уважаемому ученому мы и обратились съ просьбою разъяснить нѣкоторые спорные между нами и проф. Петровымъ вопросы (касающіеся собственно *гравировальнаго*

заявленіемъ г. Петрова, что онъ «*печатно* подобнаго мнѣнія не высказывалъ». Мы подумали, что почтенный профессоръ отказывается отъ упомянутаго предположенія; а такъ какъ цифры на планѣ Кіева Кальнофойскаго и на неискаженныхъ и якобы на искаженныхъ частяхъ онаго стоятъ *одинаково правильно*, то слѣдовало предположить, что неискусные граверы въ одно и тоже время одну и ту же работу производили и неправильно и правильно,—ибо, кромѣ *двухъ* означенныхъ предположеній, другія *немыслимы*.

искусства). Ѳедоръ Ѳомичъ Петрушевскій, съ свойственною ему любезностью, исполнилъ нашу просьбу. Констатировавъ, что планъ Кіева былъ гравированъ *на деревѣ* (о чемъ у насъ разногласія съ г. Петровымъ *не было*), Ѳ. Ѳ. Петрушевскій на нашъ вопросъ: «дѣйствительно ли граверы работаютъ по глазомѣру, положивъ рисунокъ передъ собою, или, какъ думаю я, предварительно переводятъ его на гравировальную доску?»—далъ отвѣтъ: «*граверы на деревѣ, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ только и слѣдуетъ говорить, исполняютъ работу лишь по рисунку, сдѣланному предварительно на деревянной доскѣ или переведенному на нее*». На вопросъ: «всѣ ли граверы дѣлаютъ подобныя подготовительныя работы (переводъ рисунковъ) или только работающіе на камнѣ»?—послѣдовалъ отвѣтъ: «*безъ предварительнаго рисунка на деревѣ гравировать невозможно*; на мѣдной доскѣ, покрытой лакомъ, можно прямо рисовать иглой *въ нѣкоторыхъ случаяхъ*. На камнѣ *нуженъ переводъ чертежа,* который прочерчиваютъ иглой; собственно литографскіе *рисунки* дѣлаются иначе, да и чертежи могутъ быть сдѣланы иначе (подробности см. въ статьяхъ: «Гравированіе и Литографія», въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона)». На вопросъ: «какъ производилось гравированіе на деревѣ въ XVII столѣтіи, когда гравированъ планъ Кальнофойскаго»?—Ѳ. Ѳ. Петрушевскій отвѣтилъ, что такъ же, «какъ и нынѣ, т. е., что гравировали по рисунку, *сдѣланному на деревѣ или извѣстными способами на него переведенному*», причемъ добавилъ, что «гравированіе плана Кіева 1638 г.,—*обыкновенное ремесленное для XVII в.*». Неизбѣжную зависимость гравера на деревѣ отъ рисунка, который изображается на гравировальной доскѣ, Ѳ. Ѳ. Петрушевскій выясняетъ указаніемъ на самый процессъ работы при означенномъ гравированіи. «Гравюра на деревѣ, или ксилографія, говоритъ онъ, есть *выпуклая*, и работа гравированія состоитъ въ томъ, чтобы вырѣзывать, выкапывать и вынимать дерево по обѣ стороны каждой черты рисунка, *не повреждая этой черты, какъ бы она тонка ни была*. Все, что останется выпуклымъ послѣ этой работы, выходитъ, при печатаніи, чернымъ; все остальное краска не приметъ и оставляетъ соотвѣтственныя мѣста бумаги, при печатаніи, нетронутыми».—На нашъ вопросъ: «нельзя ли допустить, что граверъ плана Кіева 1638 г. переносилъ чертежи онаго въ разрѣзанномъ видѣ, по кусочкамъ, и два изъ нихъ перевернулъ»?—данъ отвѣтъ: «Если граверъ переноситъ рисунокъ по кусочкамъ (что́ было

бы уже *совсѣмъ плохо*), то онъ можетъ часть его и перевернуть, но *тогда перевернутся и цифры*, которыя, очевидно, на планѣ Кіева *не типографскаго набора, а вырѣзанныя, какъ и всѣ части рисунка, выпукло на деревянной доскѣ*. Вдобавокъ, части чертежа, *изображенныя отдѣльно въ обратномъ видѣ* (т. е., поясняемъ мы, въ возстановленныхъ якобы проф. Петровымъ частяхъ плана), *просто не помѣстятся въ тѣ мѣста, которыя заняты въ подлинномъ рисункѣ* (т. е. не возстановляемомъ проф. Петровымъ планѣ) *прямымъ ихъ изображеніемъ*». Далѣе, иллюстрируя свои разсужденія чертежами, Ѳ. Ѳ. Петрушевскій объясняетъ, что только симметричную фигуру можно повернуть справа налѣво, не измѣнивъ *контура, ею занимаемаго*. Таковы фигуры: круглая, овальная, симметричныя многоугольныя и т. п. А подобной симметріи въ фототипически воспроизведенныхъ (по указанію проф. Петрова) частяхъ плана (которыя якобы искажены при гравированіи) нѣтъ.

Такимъ образомъ, наши, хотя бы и слабыя, познанія въ гравировальномъ искусствѣ не привели насъ къ ошибочному сужденію объ открытіи проф. Петрова, но даже и съ технической стороны находятъ для себя *весьма авторитетное* подтвержденіе [1])... Правда, проф. Петровъ не желаетъ «преклониться предъ авторитетомъ Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго». Его авторитету онъ противопоставляетъ авторитетъ г. Рахманова, будто бы вполнѣ раздѣляющаго воззрѣнія проф. Петрова по спорному между нами вопросу, и ведетъ по этому поводу длинныя рѣчи.

Вотъ эти рѣчи.

«Я—говоритъ г. Петровъ—получилъ нѣкоторыя разъясненія относительно техники гравировальнаго искусства отъ бывшаго военнаго

---

[1]) Свѣдѣнія, сообщенныя намъ Ѳ. Ѳ. Петрушевскимъ о гравировальномъ искусствѣ исправляютъ только нѣкоторыя, допущенныя нами въ первомъ рефератѣ, неточности, что̀ сущности нашихъ возраженій по поводу открытія проф. Петрова *нисколько не умаляетъ*. Такъ, напр., мы думали, что подготовительныя работы для гравированія состоятъ въ переводѣ рисунка на гравировальную доску только *въ обратномъ видѣ*. Оказывается, что можно предварительный рисунокъ сдѣлать и прямо на гравировальной доскѣ, (слѣдовательно *не въ обратномъ видѣ*). Очевидно, такимъ образомъ, можно воспроизводить чрезъ гравированіе такіе предметы, которые не измѣняютъ своего вида при обратныхъ отраженіяхъ (предметы, которые не мѣняютъ вида, если поднести ихъ къ зеркалу и разсматривать въ оное). Оказывается также, что на мѣдной доскѣ, покрытой лакомъ, можно прямо рисовать *въ нѣкоторыхъ случаяхъ*.

топографа Н. И. Рахманова, который интересовался и граверным искусствомъ и познакомился съ нимъ у московскихъ граверовъ. Г. Рахмановъ обратился ко мнѣ самъ, будучи заинтересованъ споромъ о планѣ Кальнофойскаго, и сообщилъ мнѣ слѣдующее о московскихъ граверахъ. Нѣкоторые изъ нихъ до того освоились со своей техникой, что гравируютъ на доскѣ безъ посредства предварительнаго рисунка, прямо по глазомѣру. Обыкновенно же рисунокъ предварительно переводится на гравировальную доску, но, если гравюра большая, переводится частями (группами), а не въ цѣломъ видѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, граверъ, вырѣзывая одну часть рисунка, могъ бы стереть рукавомъ остальныя его части, наведенныя на доску. Обращаясь къ третьей таблицѣ плана Кальнофойскаго, г. Рахмановъ и здѣсь нашелъ разницу въ гравированіи отдѣльныхъ группъ плана, свидѣтельствующую о томъ, что эту таблицу рѣзалъ не одинъ граверъ. На видѣ Лавры деревья изображены въ большемъ видѣ и одиночными, а на остальныхъ частяхъ—въ меньшемъ видѣ и сплошными группами. Затѣмъ, на этихъ послѣднихъ частяхъ плана зданія вырисованы болѣе тщательно и детально, съ обозначеніемъ даже кладки кирпичей, чего не видно на рисункѣ Лавры. Вообще, на извращенныхъ частяхъ плана рѣзецъ свободнѣе и рисунокъ тщательнѣе, художественнѣе. Съ моимъ мнѣніемъ объ извращенности нѣкоторыхъ частей плана Кальнофойскаго г. Рахмановъ вполнѣ согласился».

Мы не осмѣливаемся сомнѣваться, что г. Петровъ нашелъ сторонника своего мнѣнія объ извращеніи плана Кіева 1638 г. граверами въ лицѣ г. Рахманова. Не беремъ на себя смѣлости пускаться и въ длинныя разсужденія о томъ, какъ это случилось, что знатокъ гравировальнаго искусства и даже младенческой поры его развитія заявляетъ, что гравированіе на деревѣ невозможно безъ предварительнаго рисунка на гравировальной доскѣ, а г. Рахмановъ, бывшій военный топографъ, говоритъ, что это *иногда случается*, примѣромъ чему служатъ московскіе граверы. Но нѣсколько словъ скажемъ и по этому поводу. Г. Рахмановъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы московскіе граверы гравировали безъ предварительнаго рисунка *на деревѣ*. А это весьма существенное умолчаніе, потому что и Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, какъ мы видѣли, заявляетъ, что «на мѣдной доскѣ, покрытой лакомъ, можно прямо рисовать граверной иглой *въ нѣкоторыхъ случаяхъ*». Не эти ли случаи разумѣются и г. Рахмановымъ? Наше предположеніе

тѣмъ болѣе вѣроятно, что г. Петровъ доселѣ, сколько намъ извѣстно, державшійся мнѣнія, что планъ Кіева 1638 года былъ гравированъ *на деревѣ*, впервые (въ послѣднихъ своихъ статьяхъ) заявляетъ, что якобы онъ «*рѣзанъ на мѣди*».

Ни слова не говоритъ г. Рахмановъ также и о томъ, какіе именно чертежи нѣкоторые московскіе граверы гравируютъ на доскѣ безъ посредства предварительнаго рисунка, прямо по глазомѣру. Умолчаніе *не менѣе важное*, потому что, какъ заявлено выше, переводъ чертежей на гравировальную доску *въ обратномъ видѣ* не для всѣхъ рисунковъ *условіе необходимое*; между тѣмъ разсматриваемый планъ нужно было изобразить на гравировальной доскѣ *въ обратномъ видѣ* (условіе для него необходимое). Неужели въ Москвѣ находятся такіе, поистиннѣ необычайные, мастера, которые могутъ дѣлать рисунки, *подобные плану Кальнофойскаго,* въ обратномъ видѣ по глазомѣру?— Тогда поистиннѣ имена ихъ и подвиги достойны увѣковѣченія въ книгѣ, подобной *Тератургимъ* (Описаніе чудесъ) Кальнофойскаго.

Г. Рахмановъ, по заявленію проф. Петрова, находитъ въ самой техникѣ плана Кіева 1638 г. значительное различіе, свидѣтельствующее о томъ, что этотъ планъ рѣзалъ не одинъ граверъ. Именно, однѣ части, *неискаженныя*, выгравированы менѣе тщательно и художественно (а ихъ гравировалъ *опытный* граверъ!?), другія, *извращенныя*, тщательнѣе, художественнѣе (а ихъ гравировалъ *неопытный* мастеръ!?).

Не будемъ говорить, что это мнѣніе расходится съ мнѣніемъ спеціалиста, заявившаго *обо всемъ планѣ* Кальнофойскаго, что гравированіе его—*обыкновенное ремесленное*. Остановимся на *доказательствахъ*, приводимыхъ г. Рахмановымъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. «На видѣ Лавры (неизвращенной граверомъ), говоритъ онъ, деревья изображены въ бо́льшемъ видѣ и одиночными, а на остальныхъ частяхъ—въ меньшемъ видѣ и сплошными группами». Просимъ обратить вниманіе на прилагаемое къ нашему реферату фототипическое воспроизведеніе плана Кіева 1638 г. Взгляните на мѣстность, занимаемую Лаврою и дѣвичьимъ монастыремъ (не искаженную граверомъ), и вы, дѣйствительно, увидите не мало деревьевъ, изображенныхъ одиночно. Взгляните, затѣмъ, на мѣстность, прилегающую къ Никольскому монастырю (якобы, по мнѣнію гг. Петрова и Рахманова, искаженную граверомъ), и вы тоже увидите значительное количество деревьевъ, стоящихъ *въ одиночку и только въ*

одиночку, причемъ и по размѣрамъ своимъ деревья будутъ подходить *къ деревьямъ лаврскимъ*. Въ данномъ случаѣ со стороны г. Рахманова какое-то, непонятное намъ, недоразумѣніе. Что касается до второй, якобы искаженной гравероиъ, части плана Кальнофойскаго (пространство, отдѣляющее Лавру отъ Стараго города), то здѣсь деревья, дѣйствительно, бо́льшею частію, изображены группами. Но не естественнѣе ли это объяснить тѣмъ, что въ первомъ случаѣ, т. е., при изображеніи деревьевъ въ Лаврѣ и около Никольскаго монастыря, Кальнофойскій обозначалъ *сады* и *садики* вблизи зданій (а послѣднимъ тоже нужно было отвести и притомъ первенствующее мѣсто и, слѣдовательно, деревьевъ группами и помѣщать было негдѣ), а во второмъ—онъ имѣлъ дѣло не *съ заселенною мѣстностію, покрытою лѣсомъ*, и потому имѣя къ тому и возможность, предоставляемую мѣстомъ) и заполнялъ ее цѣлыми группами деревьевъ? Такое объясненіе вполнѣ будетъ соотвѣтствовать и дѣйствительному положенію вещей, такъ какъ извѣстно, что въ разсматриваемое время (въ XVII стол.) пространство, лежащее между теперешнимъ Печерскомъ и старымъ Кіевомъ, изобиловало лѣсомъ. Притомъ г. Рахмановъ, приводя вышеупомянутыя доказательства въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, неужели полагаетъ, что граверы въ указанныхъ имъ случаяхъ дѣйствовали самостоятельно, а не находились (даже если бы гравировали и по глазомѣру) въ полной зависимости отъ подлинника?...

Не будемъ вести разсужденій о томъ, какія части плана Кальнофойскаго выгравированы болѣе *тщательно и детально* (не извращенныя или якобы извращенныя): мнѣніе объ этомъ г. Рахманова каждый легко можетъ провѣрить чрезъ непосредственное ознакомленіе съ фототипическимъ воспроизведеніемъ самаго плана [1]).

Возвращаемся отъ г. Рахманова къ проф. Петрову.

---

[1]) Наше мнѣніе о бо́льшей или меньшей тщательности извѣстныхъ частей разсматриваемаго плана высказано нами еще въ первомъ рефератѣ, именно: *Кальнофойскій съ большею тщательностію* нарисовалъ Лавру и затѣмъ ближайшія къ ней окрестности, что́ объясняется *главною* задачею его работы—изобразить первѣе всего *означенную обитель*. Относительно обозначенія на планѣ кладки кирпичей (разумѣется Спасская церковь) замѣтимъ, что Кальнофойскій въ данномъ случаѣ желалъ показать (о чемъ говоритъ въ объяснительномъ текстѣ) печальное состояніе упомянутой церкви, *лишенной штукатурки*. Разумѣется, граверы дѣлали ничто иное, какъ воспроизводили рисунокъ Кальнофойскаго.

«Профессоръ Петрушевскій, говоритъ г. Петровъ, утверждаетъ, что изобразить (перевернуть) въ обратномъ порядкѣ справа налѣво возможно лишь *вполнѣ симметричную фигуру*. Но если граверу возможно извратить лишь вполнѣ симметричную фигуру, то почему, спрашивается, нельзя извратить ему *несимметричную фигуру?* И какого рода эта невозможность, физическая или какая другая? Если послѣдняя, то дѣйствительно ли она невозможность невозможная?... Притомъ же, видъ стараго города на планѣ Кальнофойскаго, представляющій особую группу со своимъ собственнымъ центромъ, какъ слѣдуетъ назвать—вполнѣ или не вполнѣ симметричною фигурою, или же вовсе несимметричною?»

На такіе вопросы даже нѣсколько странно и отвѣчать. Но коль скоро найдено возможнымъ дѣлать такіе вопросы, то мы поставлены въ необходимость дать отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что г. Петровъ въ своихъ статьяхъ неоднократно упрекалъ насъ *въ замалчиваніи* его возраженій. И такъ отвѣчаемъ.

Отвѣчаемъ посредствомъ примѣровъ.

Если мы возьмемъ листъ бумаги и правильно вырѣжемъ изъ нея кругъ того или иного размѣра, то, вынувъ вырѣзанное, и оборотивъ вырѣзку на другую, обратную сторону, можемъ безъ малѣйшаго измѣненія контура помѣстить оную на прежнее (сдѣлавшееся свободнымъ) мѣсто, и притомъ, сколько бы не измѣняли положенія вырѣзаннаго круга въ какую угодно сторону (сколько бы и какъ бы его не вертѣли), положеніе дѣла (въ смыслѣ возможности производить такіе переверты) не измѣнится.—Если мы вырѣжемъ изъ бумаги квадратную фигуру, то, при тѣхъ же условіяхъ, можемъ сдѣлать переворотъ вырѣзаннаго только въ четыре стороны: направо, налѣво вверхъ и внизъ.—Тоже самое возможно сдѣлать и при овальной формѣ вырѣзки. При несимметричныхъ вырѣзкахъ такихъ переворотовъ, безъ нарушенія контура, дѣлать *нельзя*. Почему? Да почему $2\times2=4$? *Это аксіома, непреложный законъ.*

Видъ стараго Кіева на планѣ Кальнофойскаго симметриченъ или несимметриченъ? Отвѣчаемъ: несимметриченъ. Почему? Да потому, что съ нимъ нельзя, безъ нарушенія контура, продѣлывать упомянутыхъ переворотовъ. Доказательство же на лице. Проф. Петровъ въ упомянутомъ изданіи г. Ханенко сдѣлалъ подобный переворотъ, и что же вышло?

Предвидимъ возраженіе. Г. Петровъ и въ данномъ случаѣ можетъ заявить, что мы де переиначиваемъ его мысли. Онъ говоритъ не вообще о томъ, можно или нѣтъ перевернуть несимметричныя фигуры, а о томъ, могутъ ли это сдѣлать *граверы*, которые, владѣя рѣзцомъ, какъ мы перомъ, имѣютъ возможность (чтобы не нарушить контура) увеличивать или уменьшать рисунокъ до размѣровъ, требуемыхъ сущностію дѣла. Но если, по мнѣнію г. Петрова, дѣло обстоитъ такъ, то къ чему и праздные вопросы? Къ чему, напр., спрашивать, можно ли въ центральное отверстіе оси, имѣющее въ діаметрѣ полвершка, вложить шкворень съ діаметромъ въ вершокъ, спрашивать для того, чтобы, получивши отрицательный отвѣтъ, заявить: нѣтъ де *можно*, слѣдуетъ только *пообстругать* шкворень... Разумѣется, шкворень, хотя бы и желѣзный, пообстругать все-таки можно. Но мыслимо ли продѣлать такую операцію съ планомъ Кальнофойскаго (переворачивая нѣкоторыя его части навыворотъ),—предоставляемъ это доказывать другимъ.

Заявивъ, что цифры на планѣ Кальнофойскаго припечатаны послѣ (одно, какъ мы видѣли, изъ неизбѣжныхъ предположеній для придания разсматриваемому открытію нѣкоторой устойчивости), г. Петровъ приводитъ и доказательства въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. Вотъ эти доказательства: 1) „тождественность формы повторяющихся цифръ“, 2) „вдавленность цифръ въ бумагу плана“. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на мнѣніи Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, заявившаго, что цифры на разсматриваемомъ планѣ, „*очевидно, не типографскаго набора, а вырѣзанныя, какъ и всѣ части рисунка, выпукло на деревянной доскѣ*“, потому что предъ авторитетомъ сего почтеннаго ученаго проф. Петровъ преклоняться не желаетъ; пройдемъ молчаніемъ и второе доказательство г. Петрова (о вдавленности якобы цифръ на планѣ), съ одной стороны, потому, что читателямъ нашего реферата (за рѣдчайшими исключеніями), вѣроятно, не приведется видѣть плана Кальнофойскаго въ изданіи 1638 г., а съ другой, потому, что мы не обладаемъ столь острымъ зрѣніемъ и не пріобрѣли такого замѣчательнаго навыка, или, точнѣе, археологическаго чутья, какимъ надѣленъ проф. Петровъ, способный, напр., *на основаніи одного вида подольскихъ церквей на планѣ Кальнофойскаго*, нѣкоторыя изъ нихъ относить къ великокняжеской эпохѣ. Но на первомъ доказательствѣ, какъ доступномъ

для провѣрки каждому, интересующемуся разсматриваемымъ нами вопросомъ, остановимъ свое вниманіе.

Что цифры на планѣ Кіева Кальнофойскаго припечатаны послѣ, «это, говоритъ г. Петровъ, *видно изъ тожественности формы повторяющихся цифръ*»... Что въ данномъ случаѣ разумѣетъ почтенный профессоръ? Очевидно не то, что я, вы, третій, четвертый и такъ далѣе изображаемъ извѣстныя цифры по однородной формѣ (единицу—палочкою и т. п.), а то, что цифры на планѣ Кальнофойскаго и *по величинѣ*, и *по виду* между собою *совершенно сходственны* (тождественны), т. е. вылиты изъ однѣхъ и тѣхъ же формъ. Послѣ сдѣланнаго нами разъясненія просимъ обратить вниманіе на фототипическое воспроизведеніе плана Кальнофойскаго. Посмотрите, напр., на цифры: 16, 17, 29, 31, 37, сравните ихъ съ цифрами: 21, 23, 41, 53 и 54, и вы увидите значительное различіе между ними *по величинѣ* (напр., цифра 2 около чертежа подъ № 23 въ два раза менѣе таковой же цифры около чертежа подъ № 29); при этомъ до очевидности становится яснымъ, что нѣкоторыя изъ цифръ уменьшены въ размѣрѣ вслѣдствіе скудости мѣста, остававшагося свободнымъ для занумерованія чертежей (см., напр., чертежъ подъ № 23), и, слѣдовательно, начертаны самимъ составителемъ плана, а затѣмъ въ томъ же самомъ видѣ воспроизведены граверами. Это относительно несходства цифръ на планѣ Кальнофойскаго по ихъ *величинѣ*. Теперь посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло относительно сходства цифръ по ихъ *начертаніямъ*. Обратите вниманіе хотя бы на цифру 1. Въ начертаніи подъ № 1 она совершенно несходна съ начертаніями ея подъ №№ 10, 11, 21. Просимъ также обратить особенное вниманіе на цифру 6 подъ №№ 6, 16, 26, 36 и 46: всюду замѣчается значительное несходство, ясно свидѣтельствующее, что цифры эти отображены не типографскимъ шрифтомъ. Фототипическое воспроизведеніе плана Кіева 1638 г., благодаря благосклонному отношенію къ нашему реферату Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, въ настоящее время не составляетъ рѣдкости. А посему—желающіе видѣти, да видятъ!

Такимъ образомъ, разсматриваемое нами доказательство, приводимое проф. Петровымъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія о трактуемомъ предметѣ, не только не подкрѣпляетъ это мнѣніе, но *самымъ рѣшительнымъ и притомъ наглядным образомъ опровергаетъ его*. Но если бы даже мы и не имѣли въ виду означеннаго нагляднаго доказа-

тельства, то признать правдоподобность мнѣнія г. Петрова по данному вопросу мѣшали бы: во-первыхъ, простое соображеніе о безцѣльности двукратнаго печатанія плана (разъ—на гравировальномъ станкѣ, а другой—на типографскомъ), когда это можно было сдѣлать въ одинъ пріемъ при обычномъ теченіи дѣла (имѣемъ въ виду, что цифры должны были выгравировать граверы одновременно съ чертежами, ибо несомнѣнно эти цифры были въ подлинникѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ объяснительный текстъ къ плану); а во-вторыхъ (о чемъ уже мы упоминали, и это *главное*), представленіе о тѣхъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено было бы устройство набора цифръ *въ такомъ именно порядкѣ*, въ какомъ онѣ расположены на планѣ Кальнофойскаго. Пусть проф. Петровъ наведетъ справки въ кіевскихъ или другихъ типографіяхъ по этому вопросу и, навѣрное, получитъ свѣдѣнія, для своего мнѣнія крайне неблагопріятныя. Допустимъ даже, что при тѣхъ средствахъ, которыми въ настоящее время располагаютъ типографіи, упомянутыя трудности будутъ побѣждены, и что такимъ образомъ вышеозначенное мнѣніе г. Петрова, выражаясь его словами, *не есть невозможность невозможная*. Но если (иллюстрируемъ свою мысль примѣромъ) изъ Лавры обычнымъ ближайшимъ путемъ слѣдуетъ идти черезъ Печерскъ и Александровскій спускъ, то кому охота подобный путь безъ надобности удлинять, дѣлая *многоверстные обходы* по другимъ, физически не невозможнымъ, маршрутамъ (допустимъ черезъ Деміевку), и какую надобность имѣла въ такихъ многоверстныхъ и многотрудныхъ обходахъ типографія Кіево-Печерской обители?

Но признать дѣйствительнымъ открытіемъ „открытіе“ проф. Петрова невозможно и вслѣдствіе „невозможности невозможной“. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что граверамъ никоимъ образомъ нельзя было, извративши *указанныя проф. Петровымъ части плана Кальнофойскаго, т. е., вывернувши ихъ наоборотъ*, сохранить при этомъ хоть сколько-нибудь приличный (въ смыслѣ естественности) видъ плана. Между тѣмъ взгляните на фототипическое воспроизведеніе плана Кіева, не возстановляемаго проф. Петровымъ (т. е. якобы искаженнаго граверами), и вы увидите, что планъ составленъ неискусно, безъ соблюденія масштаба, на старомъ городѣ положеніе нѣкоторыхъ церквей не соотвѣтствуетъ дѣйствительному ихъ мѣстоположенію и т. п. Все это неизбѣжно приведетъ васъ къ заключенію, что Кальнофойскій

хотя и тщательно старался производить свою работу, но былъ неискусный топографъ, плохо соразмѣрилъ масштабъ и вслѣдствіе этого иногда (по недостатку мѣста) рисовалъ по-дѣтски. Но и только. Теперь обратите вниманіе на то, какъ профессоръ Петровъ, по его выраженію, *„возстановляетъ честь Кальнофойскаго*, которому доселѣ несправедливо приписывали безтолковость гравированнаго плана", т. е. посмотрите на возстановляемый имъ якобы *толковый планъ*. Какая сплошная масса вопіющихъ несообразностей, которыя и въ параллель нельзя ставить съ дефектами подлинника!.. Какъ, при защитѣ своего открытія, г. Петровъ объясняетъ эти несообразности, объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже. Сейчасъ же остановимся на одной изъ этихъ вопіющихъ несообразностей. На возстановленномъ проф. Петровымъ планѣ Кіевскія ворота, которыми ходили изъ Стараго города на Подолъ, находятся на Печерскѣ, и самая дорога изображена ведущею приблизительно къ Спасской церкви. Но дѣло въ томъ, что и къ Спасской-то церкви ею нельзя спуститься, ибо.... ибо она *прерывается и продолженіе ея нужно искать версты за двѣ*, т. е. тамъ, гдѣ ей и подобаетъ быть (на теперешнемъ Андреевскомъ спускѣ). Проф. Петровъ не отрицаетъ, да въ виду очевидности (возстановленный имъ планъ на лицо) и не можетъ отрицать указанной нами несообразности; но какое же онъ даетъ ей (и другимъ однороднымъ) объясненіе?—«Если, говоритъ онъ, одна часть плана съ дорогами не извращена, а другая, сосѣдняя съ окончаніемъ этихъ дорогъ, дорога извращена, то понятно, что *для возстановленія истиннаго направленія дорогъ необходимо въ одной изъ этихъ частей плана имѣть лицевую ея сторону, а въ другой оборотную*». Разумѣется, означенное заявленіе г. Петрова есть святая истина. Но такая же истина и то, что этимъ заявленіемъ онъ опять таки наноситъ рѣшительный ударъ своему открытію и наглядымъ образомъ показываетъ всю его несостоятельность.

Объяснимся.

Предъ нами два плана: во-первыхъ, изданный при Терагургимѣ 1638 года и, во-вторыхъ, возстановленный г. Петровымъ. Одинъ изъ этихъ плановъ безспорно извращенъ или *граверами* или *проф. Петровымъ*. Какой же именно? Въ одномъ мы видимъ вопіющія несообразности. Одна и та же дорога прерывается: начало ея находится въ одномъ мѣстѣ, а продолженіе въ другомъ, совершенно противопо-

ложномъ. Въ другомъ планѣ такихъ вопіющихъ несообразностей нѣтъ. Мы говоримъ, что не извращенъ *послѣдній* (подлинникъ), а проф. Петровъ утверждаетъ, что первый (имъ возстановленный). Почему же? Да потому якобы, что указанныя несообразности легко могутъ быть исправлены: слѣдуетъ только всю дорогу въ неискаженномъ, по мнѣнію проф. Петрова, планѣ (т. е. планѣ имъ возстановленномъ) *исправить такъ*, какъ она обозначается *въ искаженномъ* (каковымъ онъ считаетъ изданіе 1638 г.). Признаемся, намъ первый разъ въ жизни приходится встрѣчать такой совѣтъ: исправлять *вѣрное, справедливое* по *ложному, ошибочному!...* Поэтому, не правильнѣе ли будетъ держаться обратной точки зрѣнія, а каковы отсюда произойдутъ послѣдствія, понятно уже безъ объясненій.

Предвидимъ возраженіе съ цѣлію ослабить силу нашего доказательства, а именно: проф. Петровъ можетъ сказать, что де и въ подлинномъ планѣ, т. е., не возстановляемомъ имъ, мы видимъ несообразности. Развѣ неправильное расположеніе нѣкоторыхъ церквей на старомъ Кіевѣ (что замѣчается въ означенномъ планѣ) не есть тоже вопіющая несообразность? И почему это мы въ одномъ случаѣ допускаемъ возможность приписать Кальнофойскому несообразность, а въ другомъ нѣтъ?

Отвѣчаемъ. Дѣйствительно, мы не можемъ поставлять даже и въ приблизительную параллель указанныя несообразности въ планѣ невозстановленномъ проф. Петровымъ (неправильное обозначеніе мѣстоположенія нѣкоторыхъ церквей на старомъ Кіевѣ) и имъ возстановленномъ (искусственные перерывы дорогъ и помѣщеніе ихъ продолженія въ несоотвѣтствующихъ мѣстахъ). Почему? Да потому, что несообразности невозстановляемаго проф. Петровымъ плана разумомъ могутъ быть *воспринимаемы*, а въ возстановленномъ—не могутъ, т. е., въ первомъ случаѣ означеннымъ несообразностямъ возможно дать то или иное, не лишенное смысла и значенія, объясненіе, а во-второмъ—сдѣлать этого никакъ нельзя. Такъ, напр., какъ мы говорили, можно объяснять дефекты плана Кіева 1638 г. въ расположеніи церквей на Старомъ городѣ недостаткомъ мѣста, оставшагося свободнымъ для означенной цѣли, при желаніи воспользоваться (для плана) всею частію листа, незанятаго еще чертежами. Между тѣмъ, какое, хотя тѣнь правдоподобія имѣющее, объясненіе можно представить для уразумѣнія указанной несообразности по отношенію къ дорогамъ? И какую

подходящую несообразность въ подлинномъ планѣ Кальнофойскаго можно поставить въ параллель съ указанными несообразностями плана, возстановленнаго проф. Петровымъ? Вѣдь для того, чтобы проводить параллель между несообразностями подлиннаго плана Кальнофойскаго и возстановленнаго проф. Петровымъ нужно не то, чтобы извѣстныя церкви стараго Кіева расположены были (въ подлинномъ планѣ) *неправильно*, а то, чтобы *чертежъ одной и той же церкви былъ разъединенъ*, т. е. *половина церкви* находилась *въ одномъ мѣстѣ*, а другую нужно было бы искать *версты за двѣ, за три*... Поэтому, несмотря на дефекты подлиннаго плана Кальнофойскаго, онъ все-таки не исключался изъ числа источниковъ для изученія топографіи Кіева и не сдавался въ архивъ, какъ ненужный для изученія топографіи древняго Кіева балластъ; между тѣмъ подобная участь неизбѣжно ожидаетъ планы съ такими невоспринимаемыми разумомъ несообразностями, о которыхъ мы такъ пространно говорили.

Н. И. Петровъ проситъ читателей своихъ статей «*сличить его предположенія съ софистическими выводами г. Голубева*» и основное свое положеніе въ послѣднихъ статьяхъ формулируетъ уже слѣдующимъ образомъ: «Третья таблица плана Кальнофойскаго, о которой собственно идетъ споръ (т. е. таблица, изображающая планъ Кіева), состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ, поставленныхъ въ ближайшее сосѣдство между собою; группы эти не всѣ рѣзаны *однимъ* гравером, *но, по награвированіи, соединены между собою механически*». По поводу этой формулировки воззрѣній проф. Петрова относительно гравированія плана Кальнофойскаго можно бы сказать многое. Но мы укажемъ на одно: на «невозможность невозможную». Вообразимъ себя въ лаврской типографіи первой половины XVII столѣтія. Передъ нами гравировальная доска, предназначенная для гравированія на ней плана Кальнофойскаго. Подходитъ одинъ мастеръ, смотритъ на планъ Кальнофойскаго и по глазомѣру начинаетъ гравировать этотъ планъ, причемъ все неинтересное для него пропускаетъ (гравируетъ «безъ промежуточныхъ пустырей, неинтересныхъ для топографа или гравера»), но гравируетъ съ технической стороны правильно. Затѣмъ мы видимъ передъ тою же гравировальною доскою другаго или другихъ граверовъ, которые начинаютъ вырѣзывать чертежи тоже группами, но уже неправильно. Наконецъ, работа кончена. И вотъ, *по награвированіи плана*, всѣ эти группы (правильно и непра-

вильно изображенныя) *соединяются между собою механически...* Но развѣ это не есть «невозможность невозможная»?—Допустимъ, что вся гравировальная работа происходила такъ, какъ объясняетъ намъ проф. Петровъ, т. е., гравировали разные мастера, гравировали одни правильно, другіе нѣтъ, гравировали, опуская промежуточные, неинтересные для нихъ пустыри,—допустимъ все это. Но какъ мы можемъ допустить, что, по *награвированіи* плана, всѣ изображенныя группы *соединены между собою механически?* Развѣ гравировальная доска такой эластичный предметъ, въ родѣ воска, который можно по произволу растягивать, сжимать, мять, вообще придавать ему произвольную форму?. Или, можетъ быть, слѣдуетъ допустить «невозможность возможную», именно, что гравированіе производилось разными мастерами на отдѣльныхъ кусочкахъ дерева, которые впослѣдствіи по награвированіи соединены были механически?

Н. И. Петровъ сѣтуетъ на насъ, что мы желаемъ представить его «мнѣніе о планѣ Кальнофойскаго нелѣпымъ и комичнымъ» и будто бы стремимся достигнуть этого посредствомъ софизмовъ, а также искаженія и перетасовки его «мыслей». Въ таковомъ прегрѣшеніи, какъ видно изъ всего сказаннаго, мы неповинны. И если при этомъ дѣло съ «открытіемъ» проф. Петрова обстоитъ неблагополучно, то отвѣтственности за сіе неблагополучіе мы нести не можемъ. Что же дѣлать, если говорить объ «открытіи» г. Петрова, значитъ по необходимости вести длинныя рѣчи, по его удачному выраженію, о «невозможностяхъ возможныхъ и невозможностяхъ невозможныхъ»?...

Какъ ни сильно порицаетъ насъ проф. Петровъ за допущенные нами софизмы при оцѣнкѣ его «открытія» и какъ пренебрежительно ни относится къ нашимъ научнымъ пріемамъ, тѣмъ не менѣе наши возраженія произвели въ немъ значительный переворотъ въ воззрѣніяхъ относительно его «открытія». Въ его статьяхъ слышатся уже иныя рѣчи, чѣмъ прежде, хотя рѣчи эти и являются въ несоотвѣтствующей дѣйствительности обстановкѣ. *Иное* въ статьяхъ г. Петрова заключается, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. «Конечно, говоритъ онъ, объясненія этого факта (т. е., что разсматриваемый планъ извращенъ граверами), съ моей стороны, могутъ быть *только предположительныя.* Я ни топографъ, ни граверъ» и т. д. «Впрочемъ, я и не намѣренъ настаивать *на безусловной вѣрности моего объясненія искаженности* плана Кальнофойскаго». Эти фразы встрѣчаются въ первой серіи его

статей противъ нашего реферата, хотя и составляютъ здѣсь какъ бы случайный небольшой оазисъ среди обширныхъ разсужденій, имѣющихъ цѣлію ниспровергнуть наши «злосчастные софизмы». Во второй серіи статей по тому же предмету означенный оазисъ значительно расширяется въ своихъ предѣлахъ. Здѣсь уже проф. Петровъ «своимъ предположительнымъ объясненіямъ частичной искаженности плана Кальнофойскаго *не придаетъ большаго значенія и въ настоящее время вынужденъ обратиться къ нимъ единственно софистическими пріемами полемики г. Голубева*». Одновременно съ подобными заявленіями проф. Петровъ продолжаетъ дѣлать намъ упреки, что «мы перетасовываемъ его мысли, *замалчиваемъ главныя*, выдвигаемъ впередъ объяснительныя *предположенія* съ цѣлію представить ихъ въ комическомъ видѣ».

Насколько несправедливы подобные упреки по нашему адресу, видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Со своимъ «открытіемъ» проф. Петровъ впервые познакомилъ членовъ Церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи *18 декабря 1895 года*. Въ это время Н. И. Петровъ заявлялъ, что имъ сдѣлано «открытіе» (sic!), именно, что планъ Кіева 1638 г. *извращенъ неумѣлымъ граверомъ*, и что его нужно разсматривать *съ оборотной стороны*», при этомъ констатировалъ, что послѣ его открытія означенный планъ «оказывается *весьма точнымъ и вѣрно показывающимъ взаимное отношеніе изображенныхъ на немъ мѣстностей и зданій*... Благодаря объяснительному перечневому тексту къ плану Кальнофойскаго и нумераціи изображенныхъ на немъ зданій, *онъ разсматривается и изучается весьма легко и точно*. Только нѣкоторыя зданія оставлены у Кальнофойскаго безъ объясненія, а къ плану Подола и вовсе нѣтъ объясненій. Но и въ этихъ случаяхъ опредѣленію мѣстоположенія зданій, изображенныхъ на планѣ, много помогаетъ *его точность*».—Здѣсь рѣчь идетъ о полномъ искаженіи плана Кіева Кальнофойскаго, *о первомъ возстановленіи его* проф. Петровымъ. Отъ этого своего первоначальнаго мнѣнія Н. И. Петровъ, какъ мы видѣли, отказался (и неизбѣжно долженъ былъ отказаться въ виду указанныхъ нами, вытекавшихъ изъ сего открытія, несообразностей). Второе его открытіе, представляющее, собственно видоизмѣненіе перваго, тоже высказано было отнюдь *не въ видѣ предположенія*, а объ немъ заявлялось, какъ о фактѣ, *сомнѣнію не подлежащемъ*. Въ предисловіи къ

изданію Б. И. Ханенка («Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 г.»), приготовленномъ къ печати Н. И. Петровымъ, говорится: «Профессоръ Н. И. Петровъ *нашелъ*, что подлинный, первоначальный планъ Кальнофойскаго, *самъ по себѣ довольно правильный и точный, искаженъ былъ при гравированіи, въ которомъ участвовало не менѣе двухъ граверовъ. Первоначальный граверъ вырѣзалъ первую и вторую таблицы плана*, т. е. планы дальнихъ и ближнихъ пещеръ, и награвировалъ на третьей таблицѣ (планъ Кіева) *самый Печерскій монастырь, а также Кіево-Подолъ и замковую, нынѣ Флоровскую гору, какъ крайніе пункты плана*. По крайней мѣрѣ все это награвировано правильно. Но этотъ граверъ почему-то не дограваровалъ третьей таблицы, *которая восполнена и окончена какимъ-то другимъ неопытнымъ граверомъ*, вырѣзывавшимъ недостающее противъ чертежа на гравировальной доскѣ такъ, какъ онъ представлялся его глазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало. Вслѣдствіе этого, при оттискѣ на бумагѣ, вырѣзанныя имъ части плана вышли въ извращенномъ видѣ, *и ихъ слѣдуетъ разсматривать и изучать съ оборотной стороны. Въ такомъ извращенномъ видѣ награвированы на третьей таблицѣ Никольскій монастырь и Старый городъ*... Настоящее изданіе *имѣетъ въ виду дать средство къ возстановленію подлиннаго плана Кальнофойскаго*. Для этой цѣли: 1) издаются всѣ таблицы этого рѣдчайшаго плана въ томъ видѣ, какъ онѣ были награвированы въ 1638 г... 2) *въ видѣ указанія и исправленія погрѣшностей* къ третьей таблицѣ прилагается фототипическое *воспроизведеніе оборотной стороны тѣхъ вышеупомянутыхъ частей плана*, которыя извращены были при гравированіи»... Затѣмъ проф. Петровъ, совершивъ означенную операцію надъ подлиннымъ планомъ Кальнофойскаго, этотъ новый (возстановленный имъ) планъ, какъ якобы толковый, правильный и точный, *включаетъ въ число несомнѣнныхъ документальныхъ источниковъ* для изученія древней топографіи Кіева, и въ своихъ статьяхъ по означенному предмету [1]) нерѣдко, въ подкрѣпленіе своихъ новыхъ мнѣній, дѣлаетъ ссылки именно на означенный планъ, или, точнѣе, послѣдній даетъ ему основаніе для означенныхъ мнѣній. Такъ, напр., разсужденіе Н. И. Петрова о мѣстоположеніи церкви св. Ѳедора Тирона начи-

[1]) «Историко-топографическіе очерки древняго Кіева», печатающіеся въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи.

нается слѣдующими словами: «Мѣстоположеніе этой церкви доселѣ опредѣляли различно и *всегда невѣрно*. Въ настоящее время, *когда разгаданъ запутанный планъ Кіева у Ав. Кальнофойскаго, открылась возможность* довольно точно опредѣлить мѣстоположеніе развалинъ древней Ѳедоровской церкви по этому плану, разсматриваемому съ обратной стороны» и т. д. [1]).

Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ и разсужденіяхъ (*открылъ, разгадалъ, возстановилъ, прежде всѣ ошибались, теперь мы на основаніи возстановленнаго плана*, и проч.) нѣтъ даже и малѣйшаго намека на то, что открытіе проф. Петрова не есть открытіе, а только его *предположеніе*, при томъ такое, которому самъ онъ и значенія-то большаго не придаетъ. Согласно съ заявленіями г. Петрова объ его открытіи говорили и нѣкоторыя другія лица, присутствовавшія на засѣданіи Церковно-археологическаго общества 18 дек. 1895 г. и ознакомившіяся съ новыми трудами почтеннаго ученаго по топографіи древняго Кіева. «Профессоръ Петровъ, читаемъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ [2]), *первый успѣлъ разъяснить и разгадать* древнѣйшій планъ города Кіева, составленный въ 1638 г. кіево-печерскимъ іеромонахомъ Афанасіемъ Кальнофойскимъ и доселѣ остававшійся, благодаря своей странности и, *какъ оказалось, испорченности при гравировкѣ*, совершенно непонятнымъ для кіевскихъ историковъ. Проф. Петровъ *разобралъ* этотъ планъ *и тѣмъ пролилъ обильный свѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ въ области древней археологіи, исторіи и особенно топографіи г. Кіева*».

Окруженные цѣлымъ сонмомъ столь авторитетныхъ, исходящихъ *изъ первоисточника* и потому сомнѣнію не подлежащихъ, свидѣтельствъ, спрашиваемъ: могли ли мы мыслить и говорить объ открытіи г. Петрова иначе, чѣмъ мыслилъ и говорилъ самъ виновникъ онаго?

Какъ бы то ни было, но *въ настоящее время* проф. Петровъ поколебался въ своемъ первоначальномъ мнѣніи относительно искаженія плана Кіева 1638 г. граверами и склоненъ къ мысли, что въ данномъ случаѣ онъ *ошибся*.

---

[1]) «Труды Кіев. Дух. Академіи», 1896 г. т. 3, стр. 128, 129. См. также стр. 99, 100, 108, 113, 119 и друг.

[2]) См. рецензію на книгу: «Кіевъ, его святыни и памятники». Спб. 1896 г. («Приходская Библіотека»).

Разумѣется, такой поступокъ со стороны почтеннаго ученаго заслуживаетъ полнаго одобренія, и онъ прекрасно сдѣлаетъ, если и окончательнаго укрѣпится въ мысли о своемъ недоразумѣніи. Тогда все дѣло сведется къ тому *наглядному факту*, что взаимное положеніе нѣкоторыхъ старо-кіевскихъ церквей на планѣ Кальнофойскаго изображено *невѣрно*. Но въ этомъ *никогда и никто не сомнѣвался* [1]). И какое бы *иное* объясненіе этому наглядному факту (правильное или неправильное) проф. Петровъ ни дѣлалъ, не суть важно. Важно, чтобы настоящему его объясненію (=открытію) объ искаженіи граверами плана Кіева 1638 г., *чтобы возстановленному имъ, на основаніи этого объясненія, плану Кіева*, отведено было въ наукѣ достодолжное мѣсто, ибо, какъ мы говорили, означенное объясненіе влечетъ за собою такія послѣдствія, которыя производятъ значительный (но дѣйствительностію не оправдываемый) переворотъ въ нашихъ познаніяхъ о древней топографіи Кіева.

Поэтому, послѣ обнаруженной проф. Петровымъ склонности признать свое мнѣніе ошибочнымъ, повидимому, дальнѣйшія разсужденія по возникшему между нами спорному вопросу излишни. Но на самомъ дѣлѣ они оказываются далеко еще не излишними. Почему? Да потому, что обыкновенное мышленіе таково: «я допустилъ ошибку, слѣдовательно и основанные на ней выводы тоже ошибочны». Профессоръ же Петровъ мыслитъ иначе: «*я ошибся, но выводы вытекающіе изъ моей ошибки, суть истинны*». Такое умозаключеніе налагаетъ на насъ обязанность еще разъ остановиться на означенныхъ выводахъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это тѣмъ болѣе

---

[1]) Правда, г. Петровъ рѣшился заявить, будто мы признаемъ изображеніе стараго Кіева на планѣ Кальнофойскаго *правильнымъ*, именно, онъ говоритъ: «Что касается вида Стараго города на планѣ Кальнофойскаго, то извращенность этого вида явно бросалась въ глаза всѣмъ изслѣдователямъ древней топографіи Кіева, хотя они и не умѣли объяснить ея происхожденія. *И только* т. *Голубевъ, вопреки мнѣнію всѣхъ прежнихъ изслѣдователей древняго Кіева, рѣшился защищать якобы правильность вида Стараго города на лѣвой сторонѣ плана Кальнофойскаго*» (Кіевское Слово, № 3362). Но что это неправда, видно не только изъ нашего реферата, читаннаго въ Церковно-археологическомъ Обществѣ, но и изъ статей самаго г. Петрова (первой серіи его статей), гдѣ онъ упрекаетъ насъ, что мы *мысленными кривыми линіями* хотимъ объяснить искаженія на планѣ Кальнофойскаго въ разсматриваемой его части. Мы собственно (какъ видно изъ прежде сказаннаго) признавали и признаемъ сравнительно правильнымъ изображеніе на старомъ Кіевѣ Кіево-Михайловскаго монастыря по отношенію къ Кіево-Софійскому собору.

необходимо, что проф. Петровъ можетъ заявить (да и у нашихъ читателей можетъ явиться сомнѣніе), что *не открытіе* почтеннаго ученаго привело его къ новымъ выводамъ относительно древней топографіи Кіева, а что выводы эти суть результатъ другихъ историческихъ, археологическихъ и т. п. изысканій,—и что эти, на документальныхъ данныхъ основанные, новые выводы и привели Н. И. Петрова къ его открытію.

Итакъ, поведемъ рѣчь о новыхъ выводахъ г. Петрова

1) *Искаженіе граверами Никольскаго монастыря и его окрестностей.*

«Исходнымъ пунктомъ (говоритъ проф. Петровъ) для моего заключенія объ извращеніи у Кальнофойскаго плана Никольскаго монастыря съ его околицею послужила для меня та мысль, что если въ одной группѣ извращенъ планъ Кальнофойскаго, то подобнымъ образомъ онъ могъ быть извращенъ и въ другихъ частяхъ. А въ какихъ именно другихъ частяхъ онъ искаженъ—для рѣшенія этого нужно было сличить лицевую сторону гравированнаго плана Кальнофойскаго съ оборотною: если въ извѣстныхъ группахъ оборотная сторона этого плана правильнѣе лицевой и соотвѣтственнѣе историческимъ и другимъ топографическимъ показаніямъ о ней, то отсюда можно заключить, что и эти группы плана тоже извращены при гравированіи. Такую извращенную группу, на мой взглядъ, представляетъ и чертежъ Никольскаго монастыря на лицевой сторонѣ плана Кальнофойскаго. Доказательства тому слѣдующія: 1) на лицевой сторонѣ плана Кальнофойскаго церковь Никольскаго монастыря, находившаяся тогда на Аскольдовой могилѣ, врѣзалась въ самый центръ Кіево-Подола и заняла мѣсто Братскаго монастыря, тогда какъ на оборотной сторонѣ она принимаетъ болѣе естественное положеніе по отношенію къ Подолу. 2) Никольская слобода, по историческимъ документамъ и по рукописному плану 1713—1715 гг., кажется, неизвѣстному для г. Голубева, должна простираться на сѣверо-западъ отъ главной церкви монастыря, тогда какъ на лицевой сторонѣ плана эта слобода показана на юго-западъ отъ этой церкви; въ этомъ послѣднемъ направленіи, гдѣ нынѣ военный соборъ, по свидѣтельству Сильвестра Коссова, долженъ быть виноградный садъ. 3) Дорога, ведущая изъ Лавры къ Никольскому монастырю, на лицевой сторонѣ плана Кальнофойскаго огибаетъ весь Никольскій монастырь съ его слободою и вводитъ въ Никольскій мо-

настырь съ сѣверной его стороны, что противорѣчитъ показаніямъ позднѣйшихъ плановъ Кіева, тогда какъ на оборотной сторонѣ плана эта дорога ведетъ изъ Лавры прямо на Аскольдову могилу, гдѣ былъ тогда монастырь».

а) Итакъ, *неестественность* положенія Никольскаго монастыря, занявшаго мѣсто Братскаго монастыря или, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ г. Петровъ, *повидимому заѣхавшаго* въ означенный монастырь, есть основная причина, побудившая почтеннаго ученаго произвести означенную операцію надъ планомъ о. Кальнофойскаго. Поэтому, *первое*, что (послѣ означеннаго заявленія) ожидается всякимъ отъ возстановленной проф. Петровымъ означенной части плана, это—ея хотя бы относительная естественность, относительное соотвѣтствіе съ дѣйствительностію, отсутствіе несообразностей, подобныхъ указываемой проф. Петровымъ въ изданіи плана 1638 г. Возстановленная проф. Петровымъ часть плана Кальнофойскаго, гдѣ изображенъ Никольскій монастырь, у насъ передъ глазами. Что же оказывается? Оказывается (и на этотъ разъ *не повидимому* только, а уже *на самомъ дѣлѣ*), что въ возстановленномъ г. Петровымъ планѣ Никольскій монастырь *заѣхалъ... заѣхалъ* въ Кіево-Печерскую обитель и притомъ отчасти въ такое мѣсто оной, которое у Кальнофойскаго занято уже чертежами... Не вопіющая ли это несообразность?! И можно ли ее ставить въ параллель съ несообразностью, указываемою г. Петровымъ въ подлинномъ планѣ?

Ставить въ параллель нельзя, ибо положеніе Никольскаго монастыря на подлинномъ планѣ Кальнофойскаго недоразумѣній не возбуждаетъ, и означенная обитель только *повидимому* заѣхала въ центръ Подола, а на самомъ дѣлѣ (если будемъ имѣть въ виду топографическіе пріемы Кальнофойскаго и слѣдить за процессомъ его работы) занимаетъ мѣсто, ей подобающее (приблизительно).... Мы уже говорили, повторимъ и опять, что главною задачею Кальнофойскаго было изобразить Кіево-Печерскую обитель съ ближайшими къ ней окрестностями, и, соотвѣтственно этой задачѣ, онъ, при составленіи плана, сосредоточиваетъ преимущественное вниманіе на означенной обители съ соприкасающимися къ ней мѣстностями, отводя первой, а отчасти и послѣднимъ, сравнительно съ другими частями плана, наибольшій масштабъ. Взгляните на планъ и увидите, что Кальнофойскій работу свою надъ Кіево-Печерскою частію плана, какъ для его цѣлей глав-

нѣйшею и существеннѣйшею, производитъ тщательно, и взаимное положеніе изображаемыхъ здѣсь сооруженій правильное (разумѣется, говоримъ относительно): и дѣвичій Печерскій монастырь, и Спасская церковь, и Никольская обитель занимаютъ на планѣ мѣсто, соотвѣтствующее или соотвѣтствовавшее дѣйствительному ихъ положенію. Правда, чертежами означенныхъ сооруженій съ прилегающими къ нимъ мѣстностями занято $^{9}/_{10}$ всего плана, а для изображенія Кіева (какъ Стараго города, такъ и Подола) отведено незначительное пространство (слѣдовательно, масштабъ не соблюденъ); но изученіе плана Кальнофойскаго приводитъ къ тому заключенію, что къ нему нельзя предъявлять тѣхъ требованій, какія мы предъявляемъ къ планамъ современнымъ, составляемымъ по извѣстнымъ научнымъ пріемамъ. Кальнофойскаго, до извѣстной степени, можно приравнивать не къ спеціалистамъ-топографамъ, а къ нашимъ доморощеннымъ живописцамъ, которые на лубочныхъ картинкахъ изображаютъ сплошь да рядомъ полководцевъ и генераловъ на первомъ мѣстѣ и великанами сравнительно съ окружающими ихъ солдатами. Такое привилегированное генеральское мѣсто (по масштабу и тщательности работы, т. е. изображенію деталей) Кальнофойскимъ отводится на планѣ и Лаврѣ съ ближайшею къ ней мѣстностію. Это понятно и, при сколько нибудь внимательномъ отношеніи къ дѣлу, недоумѣній возбуждать не можетъ.

б) Если бы проф. Петровъ даже и доказалъ *документальными данными* (чего онъ не дѣлаетъ), что *въ 1630-хъ годахъ* была заселена слободою мѣстность, прилегавшая къ Никольскому монастырю *съ сѣверной стороны*, то и такое доказательство не имѣло бы значенія, потому что на планѣ Кальнофойскаго окрестности означеннаго монастыря *къ сѣверу вовсе не обозначены по недостатку мѣста*. Недостатокъ мѣста настолько былъ великъ, что не далъ возможности изобразить въ полномъ видѣ даже территорію, занимаемую самымъ Никольскимъ монастыремъ, которая осталась неизображенною именно съ *сѣверной стороны*. Проф. Петрову слѣдовало бы доказать, что не было построекъ около Спасской церкви и къ югу отъ Никольскаго монастыря; но такихъ доказательствъ онъ не представляетъ и *представить не можетъ* (данныя о постройкахъ около Спасской церкви будутъ приведены ниже при трактатѣ объ означенной церкви).

в) Чтобы дорога къ Никольскому монастырю, изображенная на планѣ Кальнофойскаго, вела въ означенный монастырь съ сѣверной стороны, этого не видно и не можетъ быть видно по обстоятельствамъ, выше изложеннымъ (сѣверная сторона Никольскаго монастыря осталась у Кальнофойскаго не изображенною). Та дорога, которая видна около этого монастыря не есть дорога, непосредственно ведшая въ Никольскій монастырь, а, надо полагать, направлявшаяся къ извѣстному *взвозу Николаевскому*, лежавшему вблизи Никольскаго монастыря съ сѣверной его стороны.

Но прежнее положеніе Никольскаго монастыря *съ достовѣрностію извѣстно*, а поэтому коль скоро проф. Петровъ не доказываетъ, что изображенное у Кальнофойскаго подъ № 45 есть не означенная обитель, а нѣчто иное, то и споръ у насъ по данному вопросу можетъ быть только принципіальный: кто болѣе защищаетъ честь Кальнофойскаго,—мы-ли, говоря, что имъ изображенъ Никольскій монастырь тамъ, гдѣ онъ находится въ изданіи плана 1638 г., или же проф. Петровъ, передвинувшій сей монастырь къ стѣнамъ и даже за стѣны Кіево-Печерской лавры?

Иначе обстоитъ дѣло относительно Спасской печерской церкви. Проф. Петровъ никакъ не можетъ согласиться изображенную у Кальнофойскаго церковь Преображенія Господня признать за таковую. Учинивъ извѣстную намъ операцію съ планомъ Кіева 1638 г., онъ, какъ мы видѣли, большое сооруженіе, въ недалекомъ разстояніи лежавшее отъ цифръ 43, 44 (т. е. Спасскую церковь), считалъ сначала столпомъ Никольскаго монастыря («это и есть *загадочный столпъ* [słup], давшій названіе Никольскому монастырю») [1]), потомъ предполагалъ («вѣроятно»), что это дворецъ князей Олельковичей [2]), затѣмъ, въ послѣднихъ статьяхъ не настаиваетъ ни на томъ, ни на другомъ, но «*доказываетъ только одно то, что это не Спасская на Берестовѣ церковь*» [3]). Н. И. Петровъ обращается «къ людямъ, не заражоннымъ дальтонизмомъ, съ просьбою сличить разсматриваемое зданіе съ дѣйствительными церквами, такъ и съ развалинами церквей, изображенными на планѣ Кальнофойскаго», и вообще сопоставить его доказательства съ софистическими выводами г. Голубева.

---

[1]) «Кіевское Слово», 1895 г. № 2855.

[2]) Предисловіе къ изданію В. И. Ханенка: «Древнѣйшій планъ города Кіева».

[3]) «Кіевское Слово» 1897 г., № 3860.

Займемся симъ дѣломъ.

Чтобы избѣжать упрековъ *въ замалчиваніи* доказательствъ г. Петрова по данному вопросу, мы приведемъ *всѣ* эти доказательства, не упуская ни одного, каковы бы они по своимъ достоинствамъ ни были, причемъ къ каждому изъ нихъ присовокупимъ требуемыя сущностію дѣла объясненія.

Доказательство первое. «Зданіе стоитъ на виноградномъ саду, гдѣ не должно быть никакого зданія».

Нашъ отвѣтъ. Мы не въ состояніи понять въ чемъ заключается сущность этого доказательства. Повидимому, г. Петровъ хочетъ сказать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ изображено Кальнофойскимъ разсматриваемое большое зданіе, на самомъ дѣлѣ въ 1638 г. находился виноградный садъ; слѣдовательно, отсюда означенное зданіе должно удалить (это-де извращеніе граверовъ). Но означенное зданіе на планѣ Кальнофойскаго изображено *именно на томъ мѣстѣ*, гдѣ *находилась и поднесь находится Спасская на Берестовѣ церковь*, что (независимо уже отъ извѣстныхъ и точныхъ указаній объ этомъ самого Кальнофойскаго въ его объяснительномъ текстѣ къ плану) служитъ самымъ наглядным свидѣтельствомъ правильности нашего (и общаго доселѣ) мнѣнія.

Что же касается виноградная сада, принадлежавшаго Никольскому монастырю, то изъ сличенія извѣстій объ этомъ С. Коссова [1]) съ свѣдѣніями, сообщаемыми поручикомъ Новгородцевымъ [2]), видно, что онъ находился въ мѣстности, занимаемой въ настоящее время военнымъ соборомъ, каковое мнѣніе, кажется, раздѣляетъ и самъ проф. Петровъ (см. его вышеприведенную тираду о Никольскомъ монастырѣ). Такимъ образомъ, приводимое почтеннымъ ученымъ доказа-

---

[1]) Въ Paterikon'ѣ С. Коссова (изд. 1635, стр. 28) читаемъ, что мать преподобнаго Ѳеодосія, послѣ безплодныхъ попытокъ склонить сына оставить Кіево-Печерскую обитель сама приняла монашество въ женскомъ (panieńskim) монастырѣ, «*a na ten czas monaster panieński*, прибавляетъ Коссовъ,—*był tam, gdzie dziś winograd, przy monastyru Pustynnym ś. Nikoły*, iako fundamenty tego явятъ» (т. е., «а въ то время монастырь женскій былъ тамъ, гдѣ въ настоящее время находится *виноградникъ, при монастырѣ св. Николая*, какъ свидѣтельствуютъ о томъ фундаменты»).

[2]) «При сей церкви (св. Николая) былъ первобытный Кіево-пустынно-Никольскій монастырь на Оскольдовой могилѣ.... Въ 1690-мъ же году перенесенъ тотъ монастырь на вышнее мѣсто, *гдѣ прежде онаго же монастыря виноградъ плодился* (Сборникъ матер. для исторической топографіи Кіева, изд. 1874, отд. II, стр. 143).

тельство *ни малѣйшимъ* подкрѣпленіемъ для его мнѣнія служить не можетъ.

Доказательство второе. «Видъ зданія представляетъ въ своемъ планѣ правильный квадратъ съ зубчатымъ верхомъ и амбразурами на немъ, но безъ куполовъ и алтарныхъ полукружій, характеризующихъ церковныя постройки. Крестики же на крышѣ и на входномъ крыльцѣ могли обозначать только то, что или въ зданіи этомъ была домовая церковь, или же оно во всемъ своемъ составѣ обращено иноками Никольскаго монастыря въ церковь».

Нашъ отвѣтъ. Дѣйствительно, архитектура Спасской церкви (что мы и отмѣтили въ своемъ рефератѣ) рѣзко отличается отъ архитектуры прочихъ церквей, изображенныхъ на планѣ Кальнофойскаго: представляетъ квадратъ и лишено полукружій [1]). Но это обстоятельство, имѣя значеніе для исторіи означенной церкви, не имѣетъ силы доказательности при вопросѣ объ ея мѣстоположеніи, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣлаетъ проф. Петровъ указаніе на означенный фактъ (въ смыслѣ отличія Спасской церкви отъ другихъ церквей), фактъ этотъ служитъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ того, что разсматриваемое нами сооруженіе есть именно Спасская церковь. Ибо эта церковь и на планѣ Кіева 1695 г. [2]) (слѣдовательно уже *послѣ того*, какъ Петромъ Могилою была *возобновлена*) представлена тоже *рѣзко отличающеюся отъ всѣхъ остальныхъ* изображенныхъ здѣсь церквей по своей архитектурѣ: *форма ея квадратная, полукружій нѣтъ.* А какой изъ этого слѣдуетъ выводъ, ясно безъ объясненій [3]).

---

[1]) Что нѣтъ куполовъ, то это такъ и должно быть: Кальнофойскій представляетъ церковь разрушающеюся («стѣны едва стоятъ»). Амбразуръ мы не усматриваемъ, а если бы онѣ и были, то это свидѣтельствовало бы, что означенная церковь подвергалась до XVII столѣтія перестройкамъ (амбразуры на церквахъ бывали), и вообще имѣло бы значеніе исключительно для исторіи означенной церкви, исторіи намъ мало извѣстной.

[2]) Изданіе Кіев. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1893 г.

[3]) Оказывается, однако, что и *очень ясное* требуетъ иногда *особенныхъ поясненій*. Н. И. Петровъ въ дополненіяхъ къ своимъ «Историко-топографическимъ очеркамъ древняго Кіева», появившимся въ свѣтъ послѣ того, какъ наша статья сдана была въ типографію, относительно *архитектуры Спасской церкви на планѣ Кіева 1695 года напоминающей собою архитектуру той же церкви на планѣ Кіева Кальнофойскаго*, говоритъ слѣдующее: «*Нѣкоторые* хотятъ видѣть сходство спорнаго зданія съ видомъ Спасской церкви какъ *на планѣ Кіева 1695 года*, такъ и въ натурѣ, въ теперешнемъ состояніи этой церкви; но они забываютъ, что и на планѣ 1695 года и въ теперешн-

Доказательство третье. «Зданіе представляетъ собою величественный видъ и сохранилось почти вполнѣ, тогда какъ о Спасской на Берестовѣ церкви Кальнофойскій говоритъ, что «стѣны ея теперь едва стоятъ, мусоръ покрылъ всю землю», а профессоръ П. А. Лашкаревъ доказалъ, что отъ древней кладки Спасской на Берестовѣ церкви сохранился только притворъ церкви съ частью свода надъ нимъ и съ башнею въ юго-западномъ углу церкви. Соотвѣтствуютъ ли эти жалкіе остатки древней Спасской церкви рисунку хорошо сохранившагося величественнаго зданія на планѣ Кальнофойскаго?!»

нимъ своемъ видѣ эта церковь является уже перестроенною почти заново митрополитомъ Петромъ Могилою, между тѣмъ какъ Кальнофойскій говоритъ только о жалкихъ развалинахъ церкви до ея возстановленія».

Что это: *дипломатическій пріемъ* со стороны г. Петрова или же только *недоразумѣніе*?

Но то-ли, другое ли—выяснить дѣло нужно.

Во-первыхъ, изъ числа «нѣкоторыхъ» выдѣлимъ себя, какъ утверждавшихъ единственно то, что архитектурныя особенности «спорнаго зданія» и Спасской церкви на обоихъ вышеупомянутыхъ планахъ Кіева (1638 и 1695 гг.) *сходственны между собою*. (Послѣ 1695 года Спасская церковь подвергалась *новымъ передѣлкамъ*, а потому, если-бы другіе «нѣкоторые», съ цѣлію подкрѣпленія нашего мнѣнія, указывали на теперешній видъ Спасской церкви и такое доказательство было бы найдено ненадежнымъ, то наше мнѣніе, имѣющее другую, болѣе твердую опору, отъ этого не пострадаетъ).

Чтобы нагляднѣе изобразить *значеніе и силу* сдѣланнаго проф. Петровымъ возраженія относительно якобы забвенія нами о передѣлкѣ Спасской церкви Петромъ Могилою послѣ 1638 года и вытекающихъ отсюда послѣдствіяхъ, позволимъ себѣ пренія наши по этому вопросу изложить въ діалогической формѣ.

Проф. Петровъ. Спорное зданіе, изображенное на планѣ Кальнофойскаго подъ № 43, представляетъ собою *правильный (?) квадратъ и лишено алтарныхъ полукружій, характеризующихъ церковныя постройки; слѣдовательно, это не есть церковь.*

Мы. И по своему положенію на планѣ Кіева 1638 года и по прямому указанію Кальнофойскаго (въ текстѣ къ его плану) означенное зданіе есть не что иное, какъ Спасская церковь. Что же касается квадратной формы ея и отсутствія алтарныхъ полукружій, то обратимъ вниманіе на планъ Кіева 1695 года. Тамъ, на томъ же мѣстѣ, которое отведено на планѣ Кальнофойскаго «спорному зданію», изображена именно Спасская церковь (есть подпись) и притомъ изображена сходственно по архитектурѣ съ упомянутымъ спорнымъ зданіемъ на планѣ 1638 года: *форма ея квадратная, алтарныхъ полукружій нѣтъ*. Не есть-ли это ясное доказательство, что Спасская церковь имѣла архитектуру, отличную отъ другихъ кіевскихъ церквей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не служитъ-ли это доказательствомъ и того, что спорное зданіе, стоявшее *на погостѣ Спасскомъ* и имѣвшее указанныя отличія, и есть именно Спасская церковь?

Проф. Петровъ. Вы забываете, что на планѣ Кіева Спасская церковь является уже перестроенною почти за-ново Петромъ Могилою.

Нашъ отвѣтъ. Что проф. П. А. Лашкаревъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ церковныхъ археологовъ, доказалъ, что *къ 1874 году*, т. е., спустя *136* лѣтъ послѣ изданія Терапургимы, отъ Спасской церкви осталось мало древней кладки, это, разумѣется, оспариваемо быть не можетъ. Но тотъ же проф. Лашкаревъ никогда не сомнѣвался и не сомнѣвается въ томъ, что въ 1638 году стѣны означенной церкви и притомъ въ томъ видѣ, какъ онѣ изображены у Кальнофойскаго, были еще цѣлы, т. е., *не сомнѣвается въ томъ, что на планѣ Кальнофойскаго разсматриваемое нами зданіе есть не что иное, какъ Спасская на Берестовѣ церковь.* Слѣдовательно, ссылку проф. Петрова въ подкрѣпленіе своего мнѣнія на авторитетъ проф. Лашкарева нельзя назвать доказательною.

Для провѣрки заявленія г. Петрова о томъ, «соотвѣтствуютъ ли жалкіе остатки Спасской церкви (какъ они трактуются у Кальнофойскаго) *рисунку хорошо сохранившагося величественнаго зданія на планѣ Кальнофойскаго*»,—просимъ читателей обратить вниманіе на самый планъ, и если они (употребляемъ выраженіе проф. Петрова) «не заражены дальтонизмомъ», то, надѣемся, увидятъ, что зданіе изображено отнюдь не хорошо сохранившимся, но именно разрушающимся: лишено уже куполовъ (что признаетъ и г. Петровъ), «стѣны», по выраженію Кальнофойскаго, «едва стоятъ» (видно, что одна изъ

Мы. Не забываемъ. Фактъ *возобновленія* означенной церкви Петромъ Могилою намъ хорошо извѣстенъ. Но намъ въ высшей степени страннымъ кажется, что вы *одинъ и тотъ же фактъ, въ спорѣ объ одномъ и томъ же предметѣ*, приводите въ качествѣ доказательства и *за* и *противъ*. Когда мы, основываясь на извѣстныхъ данныхъ, заявляемъ, что «спорное зданіе» есть Спасская церковь, вы энергично протестуете: *не можетъ этою быть—оно имѣетъ форму квадрата и лишено алтарныхъ полукружій*. Когда же мы указываемъ вамъ на планъ Кіева 1695 года, гдѣ Спасская церковь изображена съ означенными архитектурными особенностями, вы, не въ состояніи будучи отрицать, что это есть Спасская церковь, заявляете: *сіе не важно, въ такомъ видѣ соорудилъ ее Петръ Могила.* Насколько научны подобные пріемы, предоставляемъ судить другимъ. Мы же, съ своей стороны, позволимъ предложить только одинъ, самъ собою напрашивающійся, вопросъ: что естественнѣе допустить, то-ли, что Петръ Могила на мѣстѣ Спасской церкви (изъ ея развалинъ, какъ вы говорите) соорудилъ новую церковь, причемъ придалъ ей *необычную для того времени архитектурную форму*, или же то, что означенная форма потому и сохранена была Могилою, что возобновленіе церкви, лишенной только куполовъ и вообще обветшавшей состояло не въ капитальной ея перестройкѣ почти заново, а въ укрѣпленіи «стоявшихъ еще стѣнъ» ея и внутренней реставраціи?

нихъ задѣлана бревнами, которыя уже обрушаются), у лицевой стѣны камни обнажены отъ штукатурки, видѣнъ около зданія мусоръ, *давній уже мусоръ*, на которомъ успѣло вырости маленькое деревцо... Не явствуетъ ли изъ всего этого, что разсматриваемое зданіе есть зданіе уже разрушающееся, каковымъ его въ своемъ объяснительномъ къ плану текстѣ и признаетъ Кальнофойскій?... Замѣчательно, что и самъ проф. Петровъ въ концѣ 1895 года *былъ одного съ нами мнѣнія по данному вопросу*. Въ засѣданіи Церковно-археологическаго Общества 18 декабря означеннаго года, когда онъ впервые знакомилъ членовъ Общества съ своимъ открытіемъ, объ означенномъ сооруженіи онъ говорилъ слѣдующее: «Противъ нынѣшняго Пустынно-Никольскаго монастыря на подлинномъ планѣ Кальнофойскаго изображено громадное, *уже разрушающееся зданіе*..... Это и есть загадочный столпъ» и проч. [1]). Таковаго же мнѣнія держался почтенный изслѣдователь древней топографіи Кіева еще и въ половинѣ прошлаго года. Въ своемъ предисловіи къ «Древнѣйшему плану Кіева 1638 года» онъ заявлялъ: «Не объяснены у Кальнофойскаго слѣдующія зданія и мѣстности: 1) какой-то громадный каменный *разрушающійся* дворецъ, вѣроятно князей Олельковичей» и проч. А въ настоящее время (послѣ нашего реферата) г. Петровъ увидѣлъ, что это зданіе *не разрушающееся*, а «*хорошо сохранившееся*»!... Если такіе пріемы при защитѣ своихъ мнѣній и могутъ быть названы *дипломатическими*, то, увѣрены, научными ихъ никто не признаетъ....

Четвертое доказательство. «Мѣсто Спасской на Берестовѣ церкви у Кальнофойскаго обозначено цифрою 43, а въ объяснительномъ текстѣ подъ этою цифрою сказано: «дорогою на сѣверо-западъ идемъ черезъ погостъ Спасскій, т. е., мимо церкви Преображенія Господня», и проч. Между тѣмъ, спорное зданіе, принимавшееся за Спасскую церковь, обозначено не тамъ, гдѣ стоитъ цифра 43, а въ значительномъ отъ нея разстояніи,—не на сѣверо-западъ отъ этого мѣста, а на сѣверо-востокъ, и притомъ въ особой топографической группѣ, представляющей собою Никольскій монастырь съ его слободою. Жалкихъ остатковъ Спасской церкви нужно искать у Кальнофойскаго въ одномъ изъ тѣхъ зданій, которыя изображены на его планѣ около цифры 43».

Нашъ отвѣтъ. У Кальнофойскаго обозначено цифрою 43 *не мѣсто Спасской церкви*, какъ утверждаетъ проф. Петровъ, *а дорога*, ведущая

[1]) Кіев. Слово, 1895 г., № 2855.

черезъ уголъ Спасскій *мимо церкви Преображенія Господня* (między zapadem y połnocą drogą idziemy przez kąt Spaski, to iest, mimo Cerkiew Przemienenia Pańskiego); а это *не одно и тоже*. Это показываетъ только *близость* Спасской церкви отъ занумерованной дороги (подобно тому какъ цифра 54 на планѣ Кальнофойскаго, которою обозначена дорога, ведущая со стараго Кіева на Подолъ *мимо Кіевскаго замка*, даетъ знать *о близости* послѣдняго къ означенной дорогѣ, или, что тоже, къ самой цифрѣ). А что дорога эта дѣйствительно *въ близкомъ* (а *не въ значительномъ*, какъ утверждаетъ проф. Петровъ) разстояніи находилась отъ Спасской церкви, для провѣрки сказаннаго просимъ обратить вниманіе на планъ (причемъ просимъ обратить вниманіе на то, что масштабъ здѣсь довольно широкій: обозначены не только дома, но видны заборы; виденъ даже тынъ въ этихъ заборахъ). Изъ сказаннаго видно также, что выраженіемъ *на сѣверо-западъ* Кальнофойскій обозначаетъ не положеніе *Спасской церкви* отъ цифры 43 или, что тоже, отъ упомянутой дороги, а положеніе *послѣдней отъ Лавры* (точнѣе, начало этой дороги, лежащей на сѣверо-западъ отъ Лавры). Положеніе же Спасской церкви по отношенію къ дорогѣ подъ № 43 ясно обозначается Кальнофойскимъ, именно, что церковь находилась «на правой сторонѣ этой дороги».

Постройки, изображенныя около Спасской церкви (съ разныхъ сторонъ въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ окружающія ее), не суть *Никольская слобода*, какъ утверждаетъ проф. Петровъ, а слобода, отчасти заселенная *подданными, принадлежавшими собственно Спасской церкви*, а отчасти находившимися въ зависимости отъ Лавры и другихъ монастырей (въ томъ числѣ, вѣроятно, и отъ Никольскаго, бывшаго въ то время въ зависимости отъ Лавры). Носила эта слобода въ разсматриваемое время названіе *Спасскаго кута* (kąt Spaski) и состояла подъ надзоромъ особаго атамана, а впослѣдствіи называлась просто посадомъ около Спасской церкви. Объ этомъ имѣются документальныя свидѣтельства.

Въ 1630 году, Петръ Могила, бывшій въ то время кіево-печерскимъ архимандритомъ, вошелъ въ полюбовное соглашеніе съ уніатскимъ митрополитомъ Вельяминомъ Рутскимъ. Сущность соглашенія состояла въ слѣдующемъ. Могила уступалъ Рутскому «въ посессію осемь подданныхъ на горѣ, называемой Софейской, надъ мѣстомъ Кіевомъ, межъ подданными до церкви катедральное митрополитан-

ское св. Софіи належачими, седячихъ»; а уніатскій митрополитъ, взамѣнъ этого, передавалъ во владѣніе кіево-печерскаго архимандрита (между прочимъ) «добра, до митрополіи кіевской належаче, названые *кутъ Спасскій, съ церковію, подданными и всѣми принадлежностями*». Не будемъ здѣсь пускаться въ разсужденія, почему состоялось такое соглашеніе между Рутскимъ и Могилою, какъ о дѣлѣ, для трактуемаго въ настоящее время предмета стороннемъ. Замѣтимъ только, что *Спасская церковь* и «добра»—кутъ Спасскій—переданы были «вознымъ енераломъ воеводства Кіевскаго въ посессію его милости кіево-печерскому архимандриту», въ присутствіи шляхты, «при бытности *атамана кута Спасскаго* на имя Мартина» и нѣкоторыхъ подданныхъ,—5 апрѣля 1631 года [1]).

Въ «Росписи Кіеву 1682 года» объ означенной слободѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: «Пред Печерскимъ местечкомъ посадъ, а на посадѣ живутъ Печерского монастыра і иныхъ монастырей подданные, которые, отъ воинскихъ людей из деревень и из сел збежавъ, поселились. *А на посаде церковь каменная во имя Преображения Господня*».

«Жалкихъ остатковъ Спасской церкви, говоритъ проф. Петровъ, нужно искать въ одномъ изъ тѣхъ зданій, которыя изображены на его планѣ около цифры 43». Безъ сомнѣнія, такой совѣтъ дается г. Петровымъ въ виду нашего софизма, состоящаго въ слѣдующемъ: «Такъ какъ въ объяснительномъ текстѣ къ плану Кіева Кальнофойскаго *не упомянуто ни объ одномъ сооруженіи, которое на означенномъ планѣ не было бы не изображено*, то почему *единственное* въ этомъ отношеніи *исключеніе* сдѣлано только для Спасской церкви,—упоминаемой, *даже съ подробностями упоминаемой*, въ объяснительномъ текстѣ къ плану, а на самомъ планѣ не изображенной (т. е., если допустить, что разсматриваемое нами сооруженіе не есть Спасская церковь)?».. Разумѣется, оказывается большая несообразность, сознаваемая и г. Петровымъ,—несообразность, которую онъ думаетъ устранить вышеозначеннымъ совѣтомъ. Просимъ послѣдовать этому совѣту: поискать Спасской церкви (стѣны которой все-таки еще *должны стоять*) около цифры 43.

---

[1]) «Выпись с книгъ кгродскихъ замку его корол. милости Овруцкого» 1631 г. апрѣля 17 (*Архивъ греко-ун. митроп. при св. Синодѣ*, прежній № 892).

Что вы здѣсь увидите?—Увидите (взгляните на планъ) небольшіе деревянные домики и хаты, огороды, даже заборы, которыми послѣдніе огорожены, но Спасской церкви, хотя бы смотрѣли и въ лупу, не найдете. А это даетъ намъ возможность прибѣгнуть еще къ новому софизму: «Возможно ли допустить, чтобы Кальнофойскій, сознававшій важное значеніе Спасской церкви на Берестовѣ, какъ древняго церковнаго памятника (а таковое сознаніе у автора Тератургимы, какъ *сподвижника Петра Могилы*, сомнѣнію не подлежитъ), *и посему удѣлившій ей достаточно мѣста въ своемъ объяснительномъ къ плану текстѣ, изобразилъ означенный важный памятникъ въ такомъ видѣ, что его на планѣ и со свѣчею не сыщешь?*»

Сказано: *ищите и обрящете.* Но, разумѣется, нужно знать, *что* искать и *гдѣ* искать. Если мы будемъ искать Спасскую церковь и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ей быть подобаетъ, разумѣется, найдемъ ее. Если же послѣдуемъ совѣту проф. Петрова и будемъ искать ее среди домиковъ, хатъ и огородовъ около цифры 43 на планѣ Кальнофойскаго, то, понятное дѣло, не найдемъ. Да и самый совѣтъ-то проф. Петрова не долженъ ли быть отнесенъ къ числу пріемовъ, которые мы наименовали *дипломатическими.* По крайней мѣрѣ, до нашего реферата почтенный изслѣдователь древней топографіи Кіева мыслилъ по данному вопросу *иначе.* Въ своихъ топографическихъ очеркахъ древняго Кіева онъ говоритъ слѣдующее: «Аѳанасій Кальнофойскій въ объяснительномъ текстѣ къ плану Кіева 1638 года говоритъ, что «стѣны Спасской церкви теперь еле стоятъ, развалины ея покрыли землю», *а на самомъ дѣлѣ даже и не изобразилъ этихъ жалкихъ развалинъ*» [1]). Какъ же это совѣтуется искать то, что на самомъ дѣлѣ вовсе и не изображено?

Скудны наши свѣдѣнія объ исторической судьбѣ Спасской церкви на Берестовѣ. Но своимъ открытіемъ объ искаженіи плана Кіева Кальнофойскаго проф. Петровъ не только не пролилъ свѣта на прошлое этой церкви, но даже и затемнилъ его чрезъ привнесеніе не оправдываемыхъ историческими данными предположеній и выводовъ. Выходя изъ той мысли, что изображенная на планѣ Кальнофойскаго Спасская церковь не есть церковь Спасская, а нѣчто другое (допустимъ какой то дворецъ), и желая оправдать свое мнѣніе указаніемъ (указаніемъ,

[1]) Труды Кіевской Дух. Академіи, 1896 г., т. II, стр. 434.

не оправдываемымъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла) на *окончательное разрушеніе* этой церкви ко времени изданія Тератургимы, Н. И. Петровъ историческое прошлое означенной церкви представляетъ въ слѣдующемъ видѣ: «Вѣроятно, во время нашествія Менгли-Гирея Спасская церковъ *была окончательно разрушена.* Къ началу XVII в. отъ нея остались только *развалины и мусоръ.* Этихъ *жалкихъ остатковъ* не изобразилъ даже Кальнофойскій. То, что принимали доселѣ за остатки Спасской церкви, были остатки дворца князей кіевскихъ Олельковичей. Митрополитъ Петръ Могила возобновилъ эту церковь *частію изъ древняго матеріала, частію изъ новыхъ кирпичей*, и, призвавъ греческихъ художниковъ, вновь украсилъ ее стѣнною живописью» [1])....

Такое представленіе о Спасской церкви разсматриваемаго времени, какъ мы сказали, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Что Менгли-Гирей въ 1482 г. опустошилъ Кіевъ—это фактъ извѣстный, но чтобы во время его нашествія была окончательно разорена Спасская на Берестовѣ церковь—объ этомъ никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Но имѣются положительныя свѣдѣнія, что и къ началу XVII в. означенная церковь далеко не была въ такомъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ее проф. Петровъ, т. е. якобы представляла *«только развалины и мусоръ»*. Этому противорѣчатъ: 1) указанное нами соглашеніе П. Могилы съ Рутскимъ, 2) текстъ самого Кальнофойскаго, который крайне не точно переводится г. Петровымъ: Кальнофойскій говоритъ о плачевномъ состояніи означенной церкви, *какъ разрушающейся*, но отнюдь не *какъ разрушившейся*, именно, что стѣны ея хотя и еле, но *стоятъ*, и не «*развалины* этой церкви *покрыли землею*» [2]), а щебень церкви покрылъ (около нея) землю, и 3) въ Спасской церкви до настоящаго времени находится пожертвованный сюда митрополитомъ Петромъ Могилою серебряный осми-конечный съ литымъ распятіемъ крестъ, съ чеканнымъ на оборотной сторонѣ изображеніемъ крещенія Господня, внизу котораго находится слѣдующая подпись: «сей

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Академіи. 1896 г., т. II, стр. 434—435.

[2]) Мы думали, что здѣсь опечатка, а именно, вмѣсто: покрыли *землею*, слѣдуетъ читать: *покрыли землю* (*ruty* ziemie okryły); но опечаткою признать означенной фразы нельзя въ виду того что въ другомъ мѣстѣ проф. Петровъ переводитъ данное мѣсто слѣдующимъ образомъ: *развалины ея землею покрыты* («Кіевъ, его святыни и памятники». Спб. 1896 г., стр. 57). Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ у проф. Петрова и болѣе правильный переводъ означенной фразы.

крестъ сотворити повеле смиренный Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ кіевскій, во славу распятаго Христа и даде его во храмъ Преображенія Его на Берестову, егоже самъ *разоренный обнови* въ 1640 лѣ(?) ное. 1-го дня». Выраженіе: «разоренный *обнови*»—показываетъ объ *обновленіи* храма, хотя и раззореннаго, а не о постройкѣ его какъ бы вновь, хотя бы то въ значительной части изъ стараго матеріала.

Впрочемъ, проф. Петровъ и по данному вопросу впадаетъ въ противорѣчія. Самъ онъ признаетъ, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ даже до *настоящаго времени* уцѣлѣла западная часть разсматриваемой церкви съ двумя придѣлами; а главное, въ своемъ сочиненіи: *Кіевъ, его святыни и памятники*, онъ заявляетъ, что митрополитъ Петръ Могила въ 1636 году, т. е. до возобновленія Спасской церкви, временно помѣстилъ въ ней честную главу св. Владиміра; слѣдовательно (дѣлаемъ заключеніе отъ себя), въ храмѣ этомъ совершалось еще богослуженіе, и, во всякомъ случаѣ, онъ не представлялъ кучи развалинъ, покрытыхъ землею....

2) *Искаженіе граверами Стараго Кіева.*

Что на планѣ Кальнофойскаго при изображеніи нѣкоторыхъ церквей Стараго города допущены относительно взаимнаго ихъ положенія значительныя неправильности, это, какъ мы говорили, сомнѣнію не подлежитъ. Но объяснять эти неправильности такъ, какъ объясняетъ ихъ проф. Петровъ, значитъ дѣлать не что иное, какъ, «оцѣживая комара», преподнести цѣлаго «верблюда», ибо возстановленный почтеннымъ изслѣдователемъ древней топографіи Кіева планъ Кальнофойскаго въ этой его части, во-первыхъ, не достигаетъ даже ближайшей своей цѣли, т. е., въ немъ не получаютъ (несмотря на увѣренія проф. Петрова) желаемаго согласія съ дѣйствительностію расположеніе старо-кіевскихъ церквей и взаимное ихъ отношеніе между собою; во-вторыхъ, *весь Старый Кіевъ* передвигается на теперешнія Липки и даже на Печерскъ вплотную къ самой Лаврѣ; въ-третьихъ, крещатицкія горы и удолья перемѣщаются на мѣсто теперешняго Обсерваторнаго яра, Вознесенскаго спуска и т. д. въ томъ же направленіи. (Не говоримъ уже о новыхъ выводахъ автора, несогласныхъ съ дѣйствительностію: объ этомъ ширить рѣчей не будемъ).

Провѣримъ сказанное нами.

а) Допустимъ все, что допускаетъ проф. Петровъ и, первѣе всего, что точка зрѣнія на Старый городъ восточная со стороны Днѣпра; допустимъ даже, согласно съ увѣреніями проф. Петрова, что на возстановленномъ имъ планѣ положеніе Кіево-Михайловскаго монастыря по отношенію къ Софійскому собору болѣе правильное, чѣмъ на планѣ Кальнофойскаго; слѣдуетъ допустить, что и положеніе Трехъ-Святительской церкви къ Михайловскому монастырю также болѣе правильное. За симъ предложимъ рядъ вопросовъ: положеніе Десятиной церкви на возстановленномъ проф. Петровымъ планѣ по отношенію къ Софійскому собору какое? Очевидно, изображена церковь лежащею отъ послѣдняго почти на *юго*-востокъ... Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, лежитъ она отъ него почти на *сѣверо*-востокъ. Это разъ. Положеніе Симеоновской (по мнѣнію проф. Петрова, занимавшей мѣсто теперешней Андреевской) какое по отношенію къ Софійскому собору? На возстановленномъ планѣ лежитъ она отъ означеннаго собора совершенно уже на *юго-востокъ*; а на самомъ дѣлѣ гдѣ? Это два. Трехъ-Святительская церковь на возстановленномъ планѣ помѣщена совершенно *на западъ* отъ Десятинной; правильно ли это положеніе? Это три. Симеоновская (=Андреевская) церковь лежитъ отъ Михайловскаго монастыря, а также отъ Трехъ-Святительской на востокъ, даже отъ послѣдней на *юго-востокъ*; правильно ли такое положеніе? Это четыре... И послѣ всего сказаннаго проф. Петровъ увѣряетъ насъ, что планъ Кальнофойскаго, разсматриваемый имъ въ этой части съ оборотной стороны, отличается безукоризненностью! «Все то, говоритъ онъ, что въ планѣ Кальнофойскаго смущало нашихъ археологовъ, теперь *получило для меня строгую точность и опредѣленность* (sic!)».

б) Старый городъ, заявляли мы, на возстановленномъ проф. Петровымъ планѣ передвигается на теперешнія Липки и даже на Печерскъ вплотную до Лавры, и проф. Петровъ этого не отрицаетъ (ибо отрицать не можетъ). «По перенесеніи, говоритъ онъ, оборотной стороны Старокіевской группы на лицевую сторону, Софійскій соборъ на планѣ Кальнофойскаго (т. е. *на возстановленномъ* проф. Петровымъ планѣ) *дѣйствительно окажется около Липокъ*, а Михайловскій монастырь, прибавлю отъ себя (это прибавляетъ проф. Петровъ), около Печерской Лавры". —На этотъ разъ мы вполнѣ соглашаемся съ проф. Петровымъ. Но какой же отсюда слѣдуетъ выводъ? Неизбѣжный выводъ такой: *Нельзя на мѣсто, предназначенное для*

Стараю Кіева (и занятое Кальнофойскимъ соотвѣтствующими чертежами), *перемѣщать крещатицкія горы и удолья и считать ихъ Глубочицею, Щекавицею, Обсерваторнымъ Яромъ и т. д., а затѣмъ Старый Кіевъ пододвигать къ самымъ стѣнамъ кіево-печерскихъ обителей, не оставляя между сими обителями и нагорною частію Кіева не только мѣста для Крещатицкихъ горъ и удолій, но и вообще никакого промежутка.* Попытки проф. Петрова объяснить указанныя несообразности предположеніями, что планъ вырѣзывали разные граверы, что они гравировали группами, опуская неинтересные для нихъ промежутки, что по награвированіи плана означенныя группы соединены были между собою механически,—всѣ эти предположенія оцѣнены уже нами по ихъ достоинству, и потому рѣчи о нихъ излишни.

в) Въ возстановленномъ проф. Петровымъ планѣ, заявляли мы,—крещатицкія горы и удолья передвинуты на мѣсто теперешняго Обсерваторнаго яра, Вознесенскаго спуска и т. д. Горы и ущелья—не сооруженія. Когда у насъ рѣчь шла о сооруженіяхъ, притомъ Кальнофойскимъ занумерованныхъ и въ объяснительномъ текстѣ къ плану поименованныхъ, то проф. Петровъ *поставленъ былъ въ необходимость* признать справедливость нашего указанія, что на возстановленномъ имъ планѣ сооруженія Стараго города *очутились на Печерскѣ*. Иначе обстоитъ дѣло съ горами и ущельями, Кальнофойскимъ не занумерованными и въ его объяснительномъ текстѣ къ плану не упоминаемыми. Относительно этихъ горъ и ущелій проф. Петровъ находитъ возможнымъ вступить съ нами въ пренія. «Что касается, говоритъ онъ, топографическаго отношенія Стараго Кіева къ Печерской лаврѣ на планѣ Кальнофойскаго, то г. Голубевъ принялъ какой-то фантастическій въ данномъ случаѣ пейзажъ, тянущійся на лицевой сторонѣ плана Кальнофойскаго на югъ отъ Софійскаго собора, *за крещатицкія горы и ущелья*. Но этотъ пейзажъ ничѣмъ не напоминаетъ собою крещатицкихъ горъ и ущелій, и чрезъ него не пролегаетъ печерская дорога къ Старому Кіеву, значащаяся на позднѣйшихъ планахъ Кіева: послѣдняя, раздѣляясь въ своемъ концѣ у Кальнофойскаго на двѣ вѣтви, подпираетъ ими обѣ стороны Софійскаго собора. А между тѣмъ, если разсматривать оборотную сторону чертежа старокіевской группы у Кальнофойскаго, то помянутый фантастическій пейзажъ получаетъ полную ясность и осмысленность. Это—

не что иное, какъ видъ Кудрявца и Щекавицы, съ точнымъ обозначеніемъ нынѣшняго митрополитанскаго огорода, Вознесенскаго спуска, Глубочицы, Обсерваторнаго яра и проч. Такое объясненіе этого пейзажа подтверждается и позднѣйшими планами г. Кіева». Приведенная нами тирада находится въ первой серіи статей г. Петрова, направленныхъ противъ перваго нашего реферата. Изображеніе упомянутыхъ горъ и ущелій, представляющее якобы въ подлинномъ планѣ какой-то фантастическій пейзажъ, въ возстановленномъ проф. Петровымъ планѣ получило (для него) *такую полную ясность и осмысленность*, что онъ во второй серіи своихъ статей (по поводу втораго нашего реферата) ставитъ намъ въ упрекъ, что мы прибѣгаемъ «къ фигурамъ умолчанія» относительно его, г. Петрова, доказательствъ по спорному между нами вопросу. «Молчитъ г. Голубевъ, заявляетъ г. Петровъ, и о моихъ разъясненіяхъ того, что пейзажъ, принимаемый имъ за Липки, есть Кудрявецъ, *и не анализируетъ и не объясняетъ этого пейзажа въ пользу своего мнѣнія*».

Что дѣлать? Приходится удовлетворить настойчивому желанію почтеннаго изслѣдователя древней топографіи древняго Кіева и заняться требуемыми объясненіями и разъясненіями, хотя мы и признаемъ, что, послѣ всего сказаннаго нами, это—дѣло излишнее.

Начнемъ свои объясненія съ вещей немудреныхъ.

Что въ настоящее время отдѣляетъ Старый Кіевъ отъ Лавры? — Всѣмъ извѣстно, что отдѣляютъ его теперешній Крещатикъ, Липки и, наконецъ, Печерская часть города.—Какое мѣстоположеніе занимали въ разсматриваемое нами время Лавра и Старый городъ?—Занимали они тоже самое мѣстоположеніе, что и теперь, *слѣдовательно*, и отдѣлялись вышепоименованными мѣстностями, хотя и носившими другія названія и имѣвшими другой внѣшній видъ (нѣкоторыя горы теперь срыты, деревья и кустарники уничтожены, появились дома, улицы и т. п.).—На подлинномъ планѣ Кальнофойскаго (не возстановленномъ проф. Петровымъ) въ какомъ взаимномъ другъ къ другу отношеніи изображены Лавра и Старый Кіевъ?—Изображены они отдаленными другъ отъ друга на значительное разстояніе: Лавра занимаетъ одну изъ конечныхъ частей плана (лѣвую), а Старый городъ—другую.— Стало быть, между ними находится значительное пространство, занятое чертежами? Да, здѣсь изображены, между прочимъ, горы, ущелья, деревья и т. п. Что это за горы и ущелья?... Мы имѣемъ смѣлость

думать, что это не что иное, какъ теперешній Печерскъ, теперешнія Липки, крещатицкія горы и удолья,—осмѣливаемся думать такъ по той простой причинѣ, что *всему вышеозначенному именно здѣсь и подобаетъ быть*.

Профессоръ Петровъ думаетъ объ этомъ иначе: онъ считаетъ упомянутыя горы и ущелья за виды Кудрявца и Щекавицы. Почему? Во-первыхъ, потому, что если учинить извѣстную намъ операцію надъ этою частію плана Кальнофойскаго (перевернуть эту часть на другую сторону), то означенныя горы и удолья займутъ положеніе къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Софійскаго собора; во-вторыхъ, потому, что все тогда *получаетъ полную ясность и осмысленность: можно съ точностію обозначить*, гдѣ находится Вознесенскій спускъ, Глубочица, Обсерваторный яръ и проч.; въ-третьихъ, потому, что въ подлинномъ планѣ Кальнофойскаго чрезъ упомянутыя мѣстности не пролегаетъ печерская дорога къ Старому Кіеву (а существованіе этой дороги сомнѣнію не подлежитъ).

Войдемъ въ разсмотрѣніе упомянутыхъ мнѣній г. Петрова.

1) Если учинить надъ разсматриваемою нами частью плана Кальнофойскаго операцію переверта, то, разумѣется, крещатицкія горы и удолья окажутся въ противоположной, не подобающей имъ сторонѣ отъ Софійскаго собора, займутъ мѣсто Обсерваторнаго яра и т. д. Но тогда, какъ мы видѣли, перевернется и весь *Старый городъ*, причемъ, *по сознанію самого г. Петрова*, напр., Михайловскій монастырь окажется около Лавры... Независимо отъ этой очевидной и уже не разъ указываемой нами несообразности, учинять означеннаго переверта отнюдь не должно еще и по слѣдующимъ соображеніямъ и *даннымъ, находящимся у самого Кальнофойскаго*.

Обсерваторный яръ, Вознесенскій спускъ, Глубочица и Щекавица съ ихъ окрестностями лежатъ за Софійскимъ соборомъ, преимущественно къ сѣверу отъ него, и составляли отдаленнѣйшую (въ то время загородную) часть земель и угодій, окружающихъ Кіевъ. Такъ какъ намъ извѣстно, что главною задачею Кальнофойскаго было изобразить собственно Кіево-печерскую обитель съ прилегающими къ ней мѣстностями *до самаго Кіева* (Descriptia Monastyra, miasteczka y drugich rzeczy *aż do samego Kiiowa*), то поэтому уже, на основаніи *одного этого заявленія, сдѣланнаго самимъ Кальнофойскимъ*, возможно ли допустить, чтобы онъ, составляя свой планъ и притомъ

при изображеніи Стараго Кіева и Подола крайне стѣсненный остававшимся для сего свободнымъ мѣстомъ, сталъ заниматься изображеніемъ мѣстностей, лежащихъ за Старымъ Кіевомъ (*чего онъ не обѣщалъ*), и для этой цѣли придвинулъ Старый городъ вплотную къ Лаврѣ и тѣмъ лишилъ себя возможности изобразить то, *что обѣщано?...*

Въ виду сейчасъ сказаннаго, какъ же намъ отнестись къ утвержденію г. Петрова, что якобы разсматриваемый пейзажъ можно признать *вполнѣ яснымъ и осмысленнымъ* только въ томъ случаѣ, если считать его Кудрявцемъ, Щекавицею и т. д.?

Думаемъ, что можно отнестись двояко: или признать означенныя увѣренія тѣми дипломатическими пріемами со стороны г. Петрова, о которыхъ мы не разъ упоминали выше, или просто отнести ихъ къ области *научныхъ миражей*. Во всякомъ случаѣ, голословныя увѣренія ни къ чему не ведутъ.

2) «Черезъ разсматриваемый пейзажъ, говоритъ проф. Петровъ, *не пролегаетъ* (на подлинномъ планѣ Кальнофойскаго) печерская дорога къ старому Кіеву, значащаяся на позднѣйшихъ планахъ Кіева; послѣдняя, развѣтвляясь въ своемъ концѣ у Кальнофойскаго на двѣ вѣтви, подпираетъ ими обѣ стороны Софійскаго собора».—Въ этой тирадѣ первѣе всего бросается въ глаза какъ бы нѣкое противорѣчіе. Проф. Петровъ сначала говоритъ, что на планѣ Кальнофойскаго дорога съ Печерска къ Старому Кіеву *не пролегаетъ*, а затѣмъ тотчасъ же себя и опровергаетъ: «она (печерская дорога), развѣтвляясь въ своемъ концѣ»... и проч. Если дорога развѣтвляется, слѣдовательно и существуетъ. Очевидно, профессоръ Петровъ хочетъ сказать, что у Кальнофойскаго означенная дорога пролегаетъ, только не тамъ, гдѣ бы ему, г. Петрову, желательно было видѣть ее... Дѣйствительно, дорога съ Печерска у Кальнофойскаго на планѣ обозначена. На теперешнемъ Печерскѣ у него изображено собственно нѣсколько дорогъ, причемъ всѣ онѣ занумерованы, и въ объяснительномъ къ плану текстѣ сдѣланы соотвѣтствующія разъясненія, *куда эти дороги ведутъ*: «Дорогою на сѣверо-западъ (отъ Лавры) идемъ чрезъ уголъ Спасскій мимо церкви Преображенія Господня (№ 43); по той же правой сторонѣ, перешедши немного дорогу, есть дорожка къ монастырю св. Николая Пустыннаго (№ 44); по той же сторонѣ немного далѣе дорожка къ перевозу на Днѣпрѣ (№ 46), *минувши ее идти прямо черезъ долину къ большимъ валамъ* (№ 47); въ нихъ церковь св. Софіи»,

и проч. Этотъ № 47, стоящій надъ дорогою, явственно обозначенною на планѣ Кальнофойскаго и у большихъ валовъ развѣтвляющеюся на двѣ,—*что такое, какъ не дорога съ Печерска къ Старому Кіеву?* .. Притомъ дорога эта, развѣтвляясь около стараго Кіева, вовсе не подпираетъ Софійскаго собора: одна ея вѣтвь идетъ въ правую сторону, по отношенію къ этому собору (приблизительно къ Михайловскому монастырю и Десятинной церкви), другая—въ лѣвую (очевидно, къ Золотымъ воротамъ), что, безъ сомнѣнія, и соотвѣтствовало дѣйствительности... Если проф. Петровъ находитъ, что положеніе дороги изображено у Кальнофойскаго неправильно, то гдѣ онъ желалъ бы ее помѣстить? Неужели среди тѣхъ лѣсовъ и горъ, которые обозначены вправо отъ помянутой дороги? Притомъ обратите вниманіе на самый характеръ и научное достоинство доказательства г. Петрова, какъ доказывающаго совершенно противное его желанію.

Указывая на отсутствіе на планѣ Кальнофойскаго дороги, ведущей съ Печерска къ Старому Кіеву (или на неправильное ее положеніе), и считая это обстоятельство однимъ изъ признаковъ извращенности граверами этой части плана, проф. Петровъ *тѣмъ самымъ даетъ намъ полное основаніе предполагать*, что въ возстановленной имъ означенной части плана упоминаемая дорога *существуетъ* и изображена правильно; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, существующая на подлинномъ планѣ Кальнофойскаго дорога съ Печерска къ Старому Кіеву именно на возстановленномъ-то г. Петровымъ планѣ и *отсутствуетъ*, отсутствуетъ потому, что для нея мѣста не нашлось и не могло найтись по той причинѣ, что Старый Кіевъ не только, какъ мы говорили, вплотную примкнулъ къ Лаврѣ и Печерскому женскому монастырю, но даже занялъ часть ихъ территоріи.

Но этого мало. Н. И. Петровъ, возстанавливая разсматриваемую часть плана, употребляетъ для сего даже такіе пріемы, которые не оправдываются *основною точкою его зрѣнія* на то, какъ долженъ быть возстанавливаемъ извращенный граверами планъ Кіева 1638 г. Эта основная точка, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что извѣстныя части плана должны быть разсматриваемы съ оборотной стороны, т. е., должны быть перевернуты. Но дѣло въ томъ, что при этой операціи чертежи сооруженій и мѣстностей перевернутся, займутъ другія мѣста, *но, разумѣется, не должны исчезнуть*. Между тѣмъ нѣчто такое мы видимъ въ возстановляемомъ проф. Петровымъ планѣ,

видимъ именно относительно упомянутой дороги, ведущей (въ подлинномъ планѣ Кальнофойскаго) съ Печерска къ Старому городу и занумерованной цифрою 47. На возстановленномъ проф. Петровымъ планѣ *этой дороги нѣтъ*. Какимъ образомъ она исчезла?... Исчезновеніе ея, какъ можно догадываться, стоитъ въ связи съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Хотя г. Петровъ и увѣряетъ насъ, что часть плана, гдѣ изображенъ Кіевъ, разсматриваемая съ оборотной стороны, получаетъ для него полную ясность и осмысленность, но, кажется, въ данномъ случаѣ почтеннымъ изслѣдователемъ сказано слишкомъ много: кажется, при возстановленіи означенной части плана кое-что и для самого проф. Петрова представлялось не совсѣмъ яснымъ, а именно, онъ приходилъ въ недоумѣніе,—что это за дорога, пролегающая приблизительно отъ теперешняго митрополитанскаго огорода (мы смотримъ на планъ согласно съ указаніями г. Петрова) къ теперешней Десятинной церкви (точнѣе, къ мѣстности за означенною церковью), пролегающая чрезъ такія горы, овраги и ущелья, гдѣ ни человѣкъ не пройдетъ, ни звѣрь не пробѣжитъ, а только птица можетъ пролетѣть. Понятное дѣло, неумѣстность этой дороги въ указанномъ мѣстѣ не могла быть не признана и г. Петровымъ. Между тѣмъ дорога на возстановленномъ, по указаніямъ проф. Петрова, планѣ неизбѣжно оказывается (т. е. неизбѣжно должна оказаться) и именно на указанномъ нами мѣстѣ. Какъ объяснить эту несообразность? Н. И. Петровъ, вмѣсто всякихъ объясненій, употребляетъ самый простой пріемъ: ничтоже сумняся, совершенно уничтожаетъ эту дорогу (соскабливаетъ ее на планѣ), и она, такимъ образомъ, оказывается какъ бы висящею на воздухѣ!... Пріемъ, разумѣется, несложный, но научное достоинство подобныхъ пріемовъ находитъ краснорѣчивую оцѣнку въ нихъ самихъ.

Думаемъ, что Н. И. Петровъ не можетъ сѣтовать на насъ, что мы мало удѣлили вниманія его открытію и не съ надлежащею обстоятельностію вникнули въ объясненія и доказательства, приводимыя имъ въ пользу означеннаго открытія. Разумѣется, можно бы по этому поводу и продолжить рѣчи (ибо имѣется для сего поле обширное), но полагаемъ, что и сказаннаго болѣе, чѣмъ достаточно, дабы придти къ несомнѣнному убѣжденію въ безусловной несостоятельности раз-

сматриваемаго открытія и признать его досаднымъ промахомъ со стороны почтеннаго ученаго.

Но является неизбѣжный вопросъ (и читателямъ нашей статьи, вѣроятно, онъ не разъ уже приходилъ на мысль), какимъ образомъ могъ допустить такой промахъ столь почтенный, многосвѣдущій и опытный изслѣдователь, каковымъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть признанъ проф. Н. И. Петровъ?

Основываясь отчасти на объясненіяхъ самого г. Петрова, отчасти на соображеніяхъ, вытекающихъ изъ разныхъ обстоятельствъ, соприкосновенныхъ съ дѣломъ, происхожденіе разсматриваемаго промаха могло быть такое. Намъ извѣстно, что планъ Кальнофойскаго въ той части онаго, гдѣ изображенъ Старый (верхній) городъ, имѣетъ значительные дефекты: взаимное отношеніе между нѣкоторыми изображенными здѣсь церквами не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Для проф. Петрова, какъ занимающагося въ данное время изученіемъ топографіи древняго Кіева, уразумѣніе плана Кальнофойскаго имѣло немаловажное значеніе, и указанный дефектъ на планѣ сильно смущалъ его. «Быть не можетъ, говоритъ онъ, чтобы такой почтенный ученый, какъ о. Кальнофойскій, хорошо знакомый съ Кіевомъ своего времени, допустилъ въ своемъ планѣ крупныя неточности». Во время подобныхъ размышленій проф. Петрову «пришло на мысль взглянуть на свѣтъ на оборотную сторону плана», и тогда онъ, по его словамъ, «увидѣлъ, что планъ верхняго или стараго города *награвированъ наизнанку*, и все то, что въ этомъ планѣ смущало нашихъ археологовъ, получило для него *строгую точность и опредѣленность*». Разумѣется, сказанное здѣсь далеко *не соотвѣтствуетъ дѣйствительности*. Проф. Петровъ, смотря черезъ свѣтъ на планъ Кальнофойскаго, т. е., разсматривая оный съ оборотной стороны, могъ увидѣть: во-1-хъ, что положеніе Трехъ-Святительской церкви по отношенію къ Михайловскому монастырю правильное или почти правильное, между тѣмъ какъ на лицевой сторонѣ плана Кальнофойскаго оно неправильное; во-2-хъ, что дорога, ведущая изъ Стараго Кіева на Подолъ черезъ Кіевскія ворота, изображена правильно, *влѣво отъ Симеоновской церкви* (мы въ данномъ случаѣ, объясняя происхожденіе упомянутаго промаха, становимся на точку зрѣнія проф. Петрова относительно означенной церкви, якобы стоявшей на мѣстѣ теперешней Андреевской), а на лицевой сторонѣ плана непра-

вильно (направо отъ Симеоновской церкви), и въ-3-хъ, что Михайловскій монастырь по отношенію къ Софійскому собору изображенъ правильно (опять становимся на точку зрѣнія проф. Петрова), чего не видимъ на лицевой сторонѣ плана. Но, очевидно, проф. Петровъ, исправляя вышеозначеннымъ способомъ указанныя погрѣшности на планѣ Кальнофойскаго (изъ коихъ двѣ послѣднія суть плодъ недоумѣнія съ его стороны), не обратилъ вниманія на взаимное отношеніе въ возстановляемомъ имъ планѣ между церквами Десятинною и Кіево-Софійскимъ соборомъ, между означеннымъ соборомъ и Симеоновскою (=Андреевскою) церковію, между сею послѣднею и Трехъ-Святительскою и т. д. Не говоримъ уже о тѣхъ горахъ, ущеліяхъ, долинахъ и пролегающей здѣсь дорогѣ, которыя проф. Петровъ долженъ былъ признать за Кудрявецъ, Щекавицу и т. п. и чрезъ то нѣкоторыя части означенной мѣстности вынужденъ былъ даже, по невозможности объяснить ихъ неумѣстное положеніе относительно Стараго Кіева, уничтожить. Такимъ образомъ, не принявъ во вниманіе всѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствій, которыя влекло за собою его открытіе, г. Петровъ тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ утверждать, что весь планъ Кальнофойскаго извращенъ граверами. Впрочемъ, вскорѣ отъ этой мысли, по обстоятельствамъ, нами объясненнымъ, проф. Петровъ долженъ былъ отказаться, но подъ вліяніемъ укоренившейся уже мысли, что Старый Кіевъ, разсматриваемый на планѣ Кальнофойскаго съ оборотной стороны, отличается ясностію и точностію, онъ тѣмъ съ большимъ рвеніемъ сталъ защищать *частичное искаженіе* граверами означеннаго плана, признавши искаженными, какъ мы видѣли, слѣдующія части плана: Старый городъ и Никольскій монастырь съ прилегавшею къ нему мѣстностію. Разсматривая эти части плана Кальнофойскаго на свѣтъ, приложивъ весь планъ къ окну, проф. Петровъ разсматривалъ въ данномъ случаѣ не однѣ искаженныя, по его мнѣнію, части, *но и всѣ остальныя*. Обстоятельство это имѣло чрезвычайно важное значеніе въ смыслѣ какъ бы преграды, препятствовавшей сразу же увидѣть всю несостоятельность мнѣнія о частичномъ искаженіи плана, ибо, при такомъ разсматриваніи плана, однѣ части его (якобы искаженныя) не вырывались изъ ихъ естественной связи съ остальными частями (не искаженными), вслѣдствіе чего и техническая естественность плана, *хотя только и наружная*, не нарушалась: дороги не прерывались, Старый городъ вплотную къ Лаврѣ не

придвигался и т. д. Но вотъ, по указаніямъ проф. Петрова, планъ Кальнофойскаго издается въ возстановленномъ видѣ, т. е. къ подлинному плану Кіева 1638 г. прилагается и фототипическое воспроизведеніе оборотной стороны тѣхъ частей плана, которыя якобы извращены были при гравированіи. Вслѣдствіе этого упомянутая преграда пала: извѣстныя части плана Кальнофойскаго изъяты изъ ихъ естественной связи съ остальными частями онаго. Разумѣется, будь открытіе проф. Петрова дѣйствительнымъ открытіемъ, т. е., будь справедливо его увѣреніе, что граверы указанныя имъ части плана выгравировали наоборотъ, то это обстоятельство (уничтоженіе преграды) служило бы лучшимъ и наглядныимъ доказательствомъ правильности воззрѣній г. Петрова относительно трактуемаго вопроса. Стоило только съ оборотной стороны воспроизведеннымъ, по указанію г. Петрова, частямъ плана дать соотвѣтствующее мѣсто въ общемъ планѣ, и тогда мы должны бы увидѣть этотъ планъ (становясь на точку зрѣнія г. Петрова) такимъ, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ Кальнофойскаго, т. е. вполнѣ яснымъ, точнымъ, осмысленнымъ. *Но вышло какъ разъ наоборотъ.* Какъ ни плохо составленъ планъ Кальнофойскаго (изд. 1638 г.), дефекты его такъ или иначе могутъ быть объяснимы (разумомъ воспринимаемы); но какъ ни восхваляетъ проф. Петровъ исправленный (возстановленный имъ) по извѣстному рецепту планъ,—планъ этотъ заключаетъ въ себѣ такія несообразности (разумомъ не воспринимаемыя), которыя и въ параллель не могутъ быть поставляемы съ дефектами плана въ изданіи 1638 г. Уже *одно это обстоятельство*, еслибы даже вполнѣ справедливы были разсужденія проф. Петрова о томъ, какъ легко можно граверу при работѣ перепутать извѣстныя части рисунка и выгравировать имъ по глазомѣру наоборотъ,—*уже одно это обстоятельство* является несокрушимымъ доказательствомъ безусловной несостоятельности открытія почтеннаго изслѣдователя древней топографіи Кіева. Ибо всякія объяснительныя предположенія, хотя бы они сами по себѣ и были весьма возможны, не могутъ быть признаны состоятельными, если ведутъ не къ уясненію извѣстнаго вопроса, а къ бо́льшему его затемнѣнію, въ примѣненіи къ данному случаю—къ бо́льшимъ недоразумѣніямъ и къ окончательной путаницѣ плана.

Само собою понятно, что, уничтожая указанную нами преграду, Н. И. Петровъ искренно былъ убѣжденъ въ дѣйствительности своего

открытія. Нашъ первый рефератъ, несмотря на заключающіеся въ немъ «злосчастные софизмы», навелъ облако сомнѣнія на почтеннаго изслѣдователя относительно правильности его мнѣнія объ искаженіи граверами плана Кальнофойскаго. [1]) Послѣ второго нашего реферата это облако сгустилось. Мы услышали отъ г. Петрова *другія рѣчи*, рѣчи о предположительныхъ объясненіяхъ; но тѣмъ не менѣе онъ все-таки энергично отстаиваетъ свое мнѣніе.—Почему?—Думаемъ потому, что нашъ первый рефератъ нѣсколько запоздалъ. Онъ прочитанъ былъ въ то время, когда объ открытіи г. Петрова сдѣланы были печатныя заявленія, изданъ былъ уже, по его указаніямъ, возстановленный планъ, планъ этотъ введенъ былъ почтеннымъ изслѣдователемъ въ число первоисточниковъ, при изученіи древней топографіи Кіева, и на основаніи его въ своихъ трудахъ имъ сдѣлано не мало новыхъ выводовъ. Поэтому, думаемъ, у профессора Петрова просто не хватило ученаго мужества заявить: *Errare humanum est..... homo sum.* Но бороться противъ истины нельзя, и воспріять истину лучше поздно, чѣмъ никогда.

С. Голубевъ.

---

[1]) Доказательствомъ чего между проч. служитъ трогательная бесѣда Н. И. Петрова по этому вопросу «съ отворившей ему дверь и пытливо на него посмотрѣвшей прислугою», желавшею успокоить «сердившагося» послѣ нашего реферата «барина». Считая совершенно излишнимъ приводить здѣсь эту бесѣду, отсылаемъ любопытствующихъ ознакомиться съ нею въ 3360 № *Кіевскаго Слова* за настоящій годъ (вторникъ, 20 мая 1897 г.).

Объяснительный текстъ къ плану А. Кальнофойскаго.

Описаніе монастыря (Кіево-Печерской лавры), *мѣстечка и другихъ предметовъ даже до самаго Кіева.*

Вышедши изъ пещеры на гору черезъ калитку, нужно идти около деревянной ограды до монастырской калитки. Влѣво отъ нея—

1) Келлія огороднаго брата и дорожка черезъ улицу до монастыря.

2) Калитка въ самый монастырь (caenobium), при которой сейчасъ же келлія привратника.

3) Около нея небольшая келлія другого отца.

4) Отъ нихъ по правой рукѣ на гору крутая дорожка до типографіи.

5) Типографія на той равнинѣ, на которой (расположенъ) весь монастырь.

6) Пекарня съ кладовыми и всѣмъ, что къ нимъ принадлежитъ.

7) Келлія благочестиваго брата, который надзираетъ за пекарнею.

8) Четыре старыхъ келліи, расположенныя рядомъ.

9) Келлія палатнаго инока.

10) Двѣ вмѣстѣ келліи, одна подлѣ другой.

11) Келлія отъ тѣхъ (двухъ), немного въ садъ вдавшаяся.

12) Противъ нихъ помѣщенія, одно для ремесленниковъ, другое—для иноковъ.

13) Келлія позади ихъ приличная и спокойная.

14) Отъ нея непрерывнымъ рядомъ до воротъ больницы восемнадцать келлій благочестивыхъ отцевъ и братій.

15) Ворота въ больницу.

16) Двѣ келліи, одна противъ другой, благочестиваго отца, завѣдующаго больницею.

17) Самая больница, гдѣ больные благочестивые братіи достодолжное имѣютъ о себѣ призрѣніе; при ней церковка.

18) Келлія и анбары для домашнихъ надобностей, пристроенные къ оградѣ великаго монастыря.

19) Деревянная колокольня означенной больницы при каменной церкви; въ ней лѣстница, которою восходятъ вверхъ въ самую церковь, потому что она, подобно церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, находившейся на Кіевскихъ Золотыхъ воротахъ, устроена тоже надъ воротами.

20) Самая церковь Святыя Троицы; чьимъ иждивеніемъ была она построена, объ этомъ скажемъ ниже.

21) Врата, на которыхъ стоитъ сія церковь.

22) По лѣвой сторонѣ высокій домъ для гостей, построенный на горѣ.

23) Библіотека церковныхъ книгъ, русскихъ и славянскихъ.

24) Трапеза большая; при ней теплая церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла.

25) Ворота, ведущія къ кухнямъ, братской и архимандричьей, и самыя тѣ кухни.

26) Три келліи для архимандричьихъ слугъ.

27) Покои настоятельскіе.

28) Подъ тою же крышею аптека монастырская.

29) Одинадцать вновь построенныхъ подъ одною крышею келлій для благочестивыхъ отцевъ и братій.

30) Келлія привратника въ каменныхъ вратахъ съ предсѣніемъ (z przysionkiem).

31) По серединѣ такимъ образомъ расположеннаго монастыря церковь Успенія Пречистой Богородицы....

32) Придѣлъ (kapliса) ихъ милостей пановъ Ельцевъ.

33) Придѣлъ трехъ церковныхъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго.

34) Придѣлъ св. Іоанна Богослова.

35) Придѣлъ св. архидіакона Стефана, князей ихъ милостей Корецкихъ.

Въ сей святой церкви (Успенія Пресвятой Богородицы) сколь много было (похоронено) тѣлъ благословенныхъ Божіихъ, сколь много находилось гробовъ лицъ, носящихъ титулы князей, гетмановъ и

воеводъ Рѣчи Посполитой, сановниковъ и начальствующихъ лицъ ясно засвидѣтельствуютъ объ этомъ эпитафіи, которыя я, по приказанію моего старшбго (митрополита П. Могилы), согласно съ старымъ ихъ текстомъ, *присовокупивши къ нему нѣчто* (nieco przydawszy), на вѣчную память подновилъ, хотя и не всѣ, по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ наставленіи, помѣщеннымъ вслѣдъ за надгробіями.

36) Недалеко (отъ означенной церкви) одна высокая колокольня.

37) Другая же, вслѣдствіе большой тяжести, поднятой на нее, т. е., великого колокола, названаго по лившему его мастеру *Балыкъ*, болѣе низкая.

И такъ отъ церкви между тою и другою сторонами слѣдуетъ идти къ воротамъ, которыя и надъ которыми церковь святой Троицы основалъ (założył) князь Никола (Mikołay) Святоша Давидовичъ и при ней для больныхъ и немощныхъ иноковъ устроилъ больницу, о которой упоминалъ выше, постановивши особаго больничнаго начальника; въ настоящее время онъ зависитъ отъ печерскаго архимандрита. Этими вратами выходъ въ мѣстечко, гдѣ лежитъ много увѣчныхъ, сиротъ, вдовъ, нищихъ, въ ожиданіи, какъ и при св. церкви печерской, милосердія Божія, подобно тому, какъ это было при оной купели, которую ежегодно нисходящій ангелъ Господень возмущалъ.

38) Въ томъ (мѣстечкѣ) находится женскій монастырь, вмѣщающій въ своихъ стѣнахъ много княженъ, сановницъ, дворянокъ и другихъ разнаго званія и состоянія благочестивыхъ инокинь. (Далѣе идетъ довольно большое восхваленіе посвященной на служеніе Богу жизни означенныхъ инокинь).

39) Посреди того монастыря церковь.

40) Недалеко отъ нея колодезь.

41) Напротивъ этого женскаго монастыря гостинный домъ для монашествующей братіи и приходящихъ богомольцевъ (pielgrzymow).

42) На югъ черезъ мѣстечко дорога къ Лыбеди.

43) *Между западомъ и сѣверомъ* (między zapadem y północą) дорогою идемъ черезъ уголъ (kąt) Спасскій, *т. е. мимо церкви Преображенія Господня*; ее построилъ изъ камня (zmurował) св. Владиміръ; *но въ настоящее время стѣны ея едва стоятъ, щебень покрылъ землю* (lecz iey ściany zaledwie teraz stoią, rumy ziemię okryły), и (идемъ) чрезъ поселокъ (posadę), принадлежащій той же святынѣ Господней.

44) По той же правой сторонѣ, прошедши немного по дорогѣ есть дорожка къ монастырю св. Николая Пустыннаго.

45) Самый монастырь сего св. Архіерея.

46) По той же рукѣ, немного далѣе, дорожка къ перевозу на Днѣпрѣ.

47) Миновавши ее, идти прямо черезъ долину къ большимъ валамъ.

Въ нихъ:

48) какъ бы на собственномъ погостѣ, который на подобіе круга простирается до городскихъ воротъ (находится): *церковь св. Софіи*, въ теченіе уже нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ подвергающаяся значительному ремонту(=cerkiew świętey Sophiey, iako w własnym cmyntarzu swoim, ktory wkrąg aż do bramy mieysckiey przeciąga się, znaczne poprawować od lat kilku poczęta).

49) Церковь св. Архангела Михаила и монастырь при ней.

50) Церкви св. Тирона только стѣны стоятъ. О ней, какъ и о другихъ развалинахъ святыхъ кіевскихъ, церквей можно сказать съ поэтомъ: (далѣе приводится 8 стиховъ, взятыхъ изъ Стрыйковскаго, на латинскомъ языкѣ съ переводомъ ихъ стихотворною же формою на польскій языкъ).

51) Церковь св. Василія, первѣе всѣхъ построенная изъ камня св. Владиміромъ.

52) Церковь Пресвятой Дѣвы Десятинная.

53) Церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ, а прочія лежатъ могилами какъ-бы на вѣки погребенныя.

54) Отъ нихъ воротами мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, внизъ спускъ (w dół się spuścić) до жалостнаго Кіева (Подола), поелику теперешній едва достоинъ имени прежняго: въ послѣднемъ было болѣе трехъ сотъ каменныхъ церквей, сто деревянныхъ, а въ теперешнемъ—всѣхъ едва тринадцать»...

Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи.

Въ числѣ матеріаловъ и пособій, существенно необходимыхъ для историческаго изученія страны, географическіе карты, атласы и планы, безспорно, играютъ весьма видную роль. Правда, добываемыя этимъ путемъ свѣдѣнія бываютъ всегда чрезвычайно кратки, отрывочны и неполны, но все же они иногда являются единственными для историка надежными основами въ томъ или другомъ вопросѣ. Для исторіи Россіи старинныя иностранныя географическія карты имѣютъ потому собственно большое значеніе, что въ нашей странѣ, въ силу различнаго рода историческихъ обстоятельствъ, нанесеніе на карту географическихъ данныхъ явилось очень поздно и было далеко неполнымъ и несовершеннымъ. Не то было на Западѣ. Въ Западной Европѣ, вслѣдствіе множества благопріятныхъ условій, развитіе географическихъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпленіе ихъ помощью письма началось очень рано. Уже на зарѣ исторіи являются попытки представить на плоскости картину земной поверхности съ выдающимися горами, рѣками, лѣсами, городами и проч. Въ древнемъ мірѣ, въ Греціи и Римѣ, географическія свѣдѣнія получаютъ широкое развитіе. Эпоха открытій и изобрѣтеній и наставшая вслѣдъ затѣмъ блестящая эпоха Возрожденія дали могущественный импульсъ въ этомъ дѣлѣ. Районъ географическихъ знаній съ каждымъ годомъ растетъ все больше и больше. Практическія и научныя цѣли двигали это дѣло. Въ XV и XVI вв. въ Западной Европѣ было уже не мало картографическихъ заведеній выполнявшихъ массу заказовъ. Мы, конечно, не будемъ излагать здѣсь исторію развитія картографіи въ Западной Европѣ; замѣтимъ только, что приморскія, счастливо расположенныя для торгово-промышленнаго движенія, страны раньше другихъ интересовались географической

наукой и, въ силу этого, раньше другихъ земель стали изготовлять болѣе или менѣе подробныя карты и атласы извѣстныхъ имъ странъ. Венеція, Генуя, Болонья, Лиссабонъ, Амстердамъ, Лондонъ и другіе города были мѣстами, гдѣ съ давнихъ поръ изготовлялись въ значительномъ количествѣ разнообразныя карты и атласы какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ малоизвѣстныхъ въ то время, странъ и морей. Необходимо замѣтить, что картографическое дѣло, кромѣ приморскихъ странъ, развивалось и въ другихъ мѣстахъ Западной Европы: спеціальныя мастерскія, изготовлявшія множество самыхъ разнообразныхъ картъ, появляются и въ Средней Европѣ: Аугсбургъ, Нюренбергъ, Франкфуртъ, Вѣна и пр. съ успѣхомъ соперничаютъ съ получившими извѣстность картографическими центрами. Съ теченіемъ времени, съ большимъ развитіемъ международныхъ сношеній, картографическое дѣло растетъ и процвѣтаетъ все болѣе и болѣе. Восточноевропейскія страны начинаютъ сильно интересовать иностранцевъ, и на границѣ съ Восточной Европой, въ Данцигѣ, появляется обширная мастерская извѣстнаго въ исторіи Гильома Гондіуса, который изготовлялъ уже болѣе подробныя карты южной Россіи и Польши. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе расширяется районъ географическихъ картъ, и тѣ страны, которыя прежде были мало знакомы географамъ, съ каждымъ годомъ описываются все подробнѣе и подробнѣе. Болѣе широкое знакомство западно-европейскихъ географовъ съ Восточной Европой начинается съ того времени, когда раздвигавшая свои владѣнія Русь начала сталкиваться со своими сѣверными и западными сосѣдями. Южно-русскія земли, находившіяся подъ властью Польскаго государства, долгое время слабо и крайне несовершенно изображались на западно-европейскихъ картахъ, и только, съ того времени, когда Польское государство открыло на берегахъ Балтійскаго моря свои крупные торговые рынки, имѣвшіе торговыя связи съ Западной Европой и отдаленными внутренними областями средней и южной Руси, карты Южной Россіи пріобрѣтаютъ болѣе правильности и болѣе подробностей. Необходимо замѣтить, что близкое сосѣдство опасныхъ по своей военной силѣ странъ рано заставило польское правительство позаботиться объ изготовленіи географической карты своихъ владѣній, чтобы съ ея помощью можно было орьентироваться какъ въ случаѣ наступательной войны, такъ и въ случаѣ оборонительной. Отсюда — рядъ попытокъ составить болѣе или менѣе удо-

влетворительную карту Польскаго государства въ общемъ видѣ, т. е. генеральную карту. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, появляются уже болѣе подробныя карты разныхъ областей, входившихъ въ составъ Польскаго государства. Такимъ образомъ, по этимъ снимкамъ въ Западной Европѣ могли уже составлять болѣе или менѣе подробныя карты Южной Россіи. Но это дѣло шло очень медленно и долгое время тормозилось различными политическими соображеніями. Только въ первой половинѣ XVII в. польское правительство, нуждаясь въ подробныхъ картахъ своихъ южныхъ окраинъ, поручило французскому инженеру, Левассеру де-Боплану, который находился тогда на службѣ у польскаго короля, составить подробную карту Польскаго государства и его составныхъ частей. Составленныя Левассеромъ Бопланомъ карты Южной Россіи, XVII в., отличаются большой подробностью и отчетливостью. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы еще будемъ имѣть случай подробно разсказать о трудахъ Боплана относительно картъ Южной Руси. Мы познакомимся теперь съ болѣе ранними картами Южной Руси, такъ какъ по нимъ является возможность судить какъ о существованіи тѣхъ или другихъ поселеній въ странѣ, такъ и о границахъ послѣдней въ различные періоды ея исторической жизни. Неполныя свѣдѣнія, сообщаемыя этими картами, все же являются весьма цѣнными для насъ, такъ какъ, благодаря имъ, можно съ полнымъ основаніемъ доказать ошибочность предвзятаго мнѣнія о пустынности и ненаселенности въ XVI в. большей части лѣвобережной Украины. Мы изучили съ этой именно цѣлью значительное количество старинныхъ атласовъ и убѣдились, что древнія географическія карты могутъ съ большимъ успѣхомъ разсѣять ложно составленныя предвзятыя мнѣнія. Подробное изученіе за границей древнихъ картъ Южной Россіи дало намъ возможность сдѣлать выводъ, что наши историки, руководствуясь только генеральными картами южной Россіи, часто впадали въ крайне грубое заблужденіе какъ относительно степени населенности края, такъ и относительно времени возникновенія тѣхъ или другихъ поселеній его. Изученіе старинныхъ картъ, относящихся къ Южной Россіи, все болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ, что свѣдѣнія на Западѣ о Южной Руси долгое время были чрезвычайно скудны, и лишь этимъ обстоятельствомъ объясняется неполнота и несовершенство ея географическихъ картъ. Въ старинныхъ атласахъ карты Россіи зачастую перепечатывались поодному какому-

либо образцу, признанному наиболѣе удачнымъ и достовѣрнымъ. Относительно старинныхъ картъ и атласовъ, издававшихся въ Западной Европѣ, необходимо замѣтить, что они не всегда заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, составленныя по послѣднимъ, доступнымъ для того времени даннымъ: атласы, по большей части, заключали въ себѣ такія карты, которыя были сдѣланы значительно раньше и въ разныхъ странахъ, такъ что, напр.. атласъ XVII ст. заключалъ въ себѣ карты XVI ст., и проч. Въ старину очень дорожили картами, и потому перепечатка ихъ иногда съ небольшими измѣненіями, иногда же безъ сихъ послѣднихъ, практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Карты Боплана, напр., вызвали многихъ подражателей, которые нѣсколько разъ переснимали его чертежи и рисунки. Карты украшались портретами, различнаго рода аллегорическими фигурами, сценами изъ обыденной жизни той или другой страны: охотой, ловлей звѣрей, картинами мирныхъ и военныхъ столкновеній жителей и проч. Иныя изображенія поражаютъ тонкостью своей работы и изяществомъ стиля. Нѣкоторыя карты красиво раскрашены и мѣстами отдѣланы позолотой.

Мы воспользовались тѣмъ географическимъ матеріаломъ, спеціально картами, какой находился *въ Кіевской университетской библіотекѣ* и *библіотекѣ Кіевской духовной академіи*. Кромѣ того, намъ удалось поработать нѣкоторое время за границей надъ изученіемъ картъ, хранящихся въ г. *Кенигсбергѣ*, *въ Королевскомъ Государственномъ архивѣ* (Königliche Staats-Archiv) и въ *Парижѣ*—въ *Національной библіотекѣ* (Bibliothèque Nationale) и въ *библіотекѣ Парижскаго Географическаго общества* (Societé Géographique de Paris). Къ сожалѣнію, намъ не удалось воспользоваться тѣмъ богатымъ по части картъ матеріаломъ, какой находится въ библіотекахъ гг. Вѣны, Венеціи[1]), Равенны, Рима, Амстердама, Лондона и пр.

Мы ограничимся такимъ образомъ описаніемъ тѣхъ картъ, какія намъ удалось видѣть въ Кенигсбергѣ, въ Королевскомъ Государственномъ архивѣ, и въ г. Парижѣ.

I.—Въ Кенигсбергѣ мы видѣли слѣдующія карты:

---

[1]) Судя по каталогамъ, мы убѣждены, что въ Венеціи находятся драгоцѣнныя для Южной Руси карты.

1) *Nova totius terrarum orbis geographiae ac hydrografica tabula. Auctore Henr. Hondio, 1630.* Внизу карты восточнаго полушарія находится слѣдующая надпись: *Doctissimis ornatissimisque viris DD. Davidi Sanclaro, Antonio de Willon et D. Martino Matheseos in illustriss. Academia Parisiensi professoribus eximiis in verae amicitiae* μνημόσυνον *DD. Henr. Hondius, A° 1630.*

На первой сторонѣ заглавія, въ овалѣ, помѣщенъ портретъ Людовика Гондіуса. Кромѣ того, здѣсь же помѣщены прекрасныя гравюры, изображающія въ античномъ вкусѣ различныя фигуры людей. На большой картѣ, изображающей Европу, рѣка Донецъ показана сливающейся съ Десной, что, быть можетъ, объясняется не угасавшимъ еще торговымъ движеніемъ, происходившимъ между бассейнами вышеназванныхъ рѣкъ.

На другой картѣ, озаглавленной: *Moscoviae pars australis. Auctore Isaaco Massa*, теченіе р. Донца, съ окружающей послѣдній мѣстностью, изображено неправильно. На Сеймѣ, однако, поставлены города: *Путивль* (*Putimle*), *Рыльскъ* (*Rylesch*) и *Курскъ* (*Coresch*). Возлѣ р. Дона, съ лѣвой стороны отъ его средняго теченія, показана травяная степь. Внизу этой карты, у заглавія, изображены мужчина и женщина; у послѣдней платье оторочено дорогимъ мѣхомъ, судя по цвѣту, соболемъ.

На одной изъ слѣдующихъ картъ, озаглавленной: *Regni Poloniae et ducatus Lithuaniae, Voliniae, Podoliae, Ukrainae, Prussiae, Livoniae et Curlandiae descriptio, emendata per Johannem de Ram*, указаны на правой сторонѣ Днѣпра Кіевъ и другіе города, на лѣвой же сторонѣ Днѣпра помѣщены рѣки: Остеръ, Супой, Сула, Пселъ, Голтва, Хоролъ, Самара, Орель и пр.; изъ городовъ и другихъ поселеній показаны Ромны (*Rumne*), Хоролъ (*Korol*), Голтва (*Oltwa*), Ахтырка (*Achyrca*), Полтава (*Pultawa*), Кодакъ (*Cudak*).

Отъ рѣки Остра на востокъ, выше г. Ромна, проходитъ граница, оставляя внизу Ахтырку, и идетъ дальше по верховьямъ рр. Орели и Самары, до *insula Chortyna*, т. е., до острова Хортицы.

На другой картѣ, подъ заглавіемъ: *Regnum Hungariae cum partis subjectis et dependentibus regnis et regionibus per Sansonium, geographum regis ordinarium*, изображено среднее Приднѣпровье, при чемъ лѣса показаны отъ г. Кіева до Переяславля. Кромѣ того, обозначены города и мѣстечки на правой и лѣвой сторонахъ Днѣпра;

На лѣвой сторонѣ указаны: Свѣтильня, Барышевка и, выше послѣдней, городище въ видѣ кружка; затѣмъ: Яготинъ, Переяславль, Гелмязовъ, Золотоноша (Zlonnosza), Домонтовъ, Яблоновъ, Оржица, Крапивна, Жовнинъ, Буромка (*Borumle*), Лукомье (*Lukomla*), Журавка (*Zorawka*), Чернухи (*Czernouka*), Лубны, Пирятинъ (*Peratin*), Лохвица (*Lochwica*), Гадячъ (*Hadiacz*); Ахтырка (*Achyr*), Камышня (*Kamiszya*), Миргородъ (*Mirgorod*), Хоролъ (*Korol*), Голтва (*Oltaw*), Краснополь (на Пслѣ, ниже Гадяча), Полтава (*Pultawa*), Кобеляки (*Kobilak*).

Рѣки изображены правильно и со многими притоками; показаны: Хоролъ, Голтва, Пселъ, Мерлъ, Коломакъ, Орель, Орликъ, Самара съ притоками; Хоролъ и Самара начерчены съ нѣсколькими притоками. На картѣ Генриха Гондіуса, изданной въ 1633 г., изображена Россія, подъ заглавіемъ: *Carta Russiae cum confinibus.* На картѣ показаны: Десна, на которой помѣщенъ Новгородъ-Сѣверскій; затѣмъ—р. Пселъ (*Psola fl.*), Ворсклѣ (*Vorscola fl.*), Орель (*Ariel fl.*), Самара (*Samara fl.*). Верховья этихъ рѣкъ представлены текущими съ возвышенностей. На картѣ *Lithwania*—между рр. Псломъ и Десной показаны лѣса; за Ворсклой, къ востоку,—также лѣса, а за ними рядъ горъ, тянущихся съ юго-запада на сѣверо-востокъ.

Особенно интересна карта Исаака Массы, переизданная Янсономъ подъ такимъ названіемъ: *Never Atlas. Amstelodami. Apud Johannem Jansonium. Anno* CIↃIↃCXXXVIII (1638). *Novissima Russiae tabula, auctore Isaaco Massa.* Хотя на картѣ не обозначенъ годъ изданія ея, но, судя по аналогіи съ другой картой, изданной тѣмъ же Массой въ 1612 году, можно предположить, что это—перепечатка карты 1612 года. Надъ заглавіемъ находится гербъ изъ двуглаваго орла, съ Георгіемъ-Побѣдоносцемъ въ серединѣ; вокругъ—группа людей въ національныхъ костюмахъ и въ характерныхъ шапкахъ, по фасону сходныхъ съ тѣми, какія носили татары; отвороты кафтановъ отдѣланы, какъ кажется, мѣхами.

Днѣпръ изображенъ текущимъ прямолинейно, безъ отклоненій и измѣненій своего направленія. На р. Деснѣ обозначены города: Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ, а на Сеймѣ—Путивль; къ юго-западу отъ Путивля указаны лѣса; на Трубежѣ помѣщенъ Русановъ (*Russinow*) а на устьѣ Трубежа—Переяславль (*Pereaslaw*). Мѣстоположеніе города Лубенъ показано неправильно: онъ помѣщенъ въ развѣтвленіи между рѣками Сулой и Удаемъ; на лѣвой сторонѣ Днѣ-

пра показаны три рѣки, но онѣ не названы; средняя изъ нихъ, очевидно Пселъ, вытекаетъ изъ большого озера, окруженнаго лѣсами; двѣ другихъ рѣки—поменьше предыдущей; указаны также рѣки: Орель и Конскія-Воды (*Konska Wolda fl.*).

Въ атласѣ есть также карта Литвы, подъ такимъ заглавіемъ: *Magni ducatus Lithuaniae caeterarum regionum illi adjacent. exacta descriptio ill-mis prin-is ac d-ni Nicola Christophor Radziwil, D. G.*

Судя по всему, эта карта составлена въ XVI ст. Такъ, при указаніи и описаніи городовъ, сказано относительно Моровска: *Moraviesk arx, nuper a Moschis exstructa.* Изъ городовъ находимъ: Кіевъ, Остеръ, Моровскъ. Граница, названная «antiqui et novi termini ducatus Lithuaniae», проходитъ слѣва отъ Чернигова до р. Остра и дальше, черезъ верховья рр. Трубежа, Удая и Сулы. На картѣ указаны: на лѣвой сторонѣ Днѣпра—Свѣтильня (*Swicelnow*), Русановъ (*Ruscinou*), Переяславль, Домонтовъ, Черкасы, Кременчугъ, а на Сулѣ—Лубны (послѣдній городъ помѣщенъ неправильно, а именно, выше впаданія въ Сулу р. Удая); показанъ и г. Пирятинъ на р. Удаѣ. Лѣса помѣщены отъ Налубова до устьевъ рр. Супоя и Сулы. Указаны также рр. Хоролъ, Пселъ, Ворскла, Орель, Самара и пр.

Интересна также карта Украины, озаглавленная такъ: *Amplissima Ukrainae regio, palatinatibus Kioviensem et Braclaviensem complectens, cum adjacentibus provinciis, juxta recentissimam designationem, aeri incisa arte et sumptibus Tobiae Conradi Lotteri, geographi Augustae Windel.* Годъ изданія карты не указанъ.

Карта очень похожа на ту, которую издалъ г. Бопланъ. Каждое воеводство обведено особой краской. Карта Черниговскаго воеводства обведена по границамъ зеленой лентой; границы проходятъ на югъ до р. Остра и г. Батурина. Границы Кіевскаго воеводства обозначены желтой краской; на востокъ и юго-востокъ граница простирается до Муравскаго шляха; на югѣ—до Днѣпра; на юго-западѣ—до Ингула и Выси; на сѣверо-западѣ—до границъ Волыни и Литвы. Брацлавское воеводство очерчено розовой краской, Подолія—красноватой, Покутье—розовой. На картѣ указаны также границы Очаковскаго округа и Молдавскаго княжества.

Интересны также нарисованныя вокругъ заглавной надписи изображенія: сверху представлены снопы, мѣшки, деньги и при нихъ лежащій Меркурій, какъ представитель торговли; внизу—снопы и

кади хлѣба; справа—скотъ; слѣва—женщина съ пучкомъ колосьевъ въ рукѣ.

Лѣса показаны тамже, гдѣ и у Боплана. Рѣки Хоролъ и Ворскла заселены; показаны также поселенія по рр. Орели и Самарѣ, а именно, *Серпьевское* и *Новгородское*.

Въ Кенигсбергѣ, въ Королевскомъ Государственномъ архивѣ (*Königliche Staats-Archiv*), за № 720, хранится карта Боплана, вышедшая вмѣстѣ съ первымъ изданіемъ его «Description d'Ukranie».

Такъ какъ о Бопланових картахъ мы будемъ говорить ниже, то пока ограничимся только нѣсколькими словами. Замѣтимъ, что въ помѣщенномъ на картѣ французскомъ обращеніи къ читателю ясно указано, что это первая, болѣе слабая карта автора, который обѣщаетъ вскорѣ представить новый, подробный трудъ въ гораздо бо́льшемъ размѣрѣ и съ бо́льшими подробностями. Далѣе, карта очень подробна относительно лѣвобережной Украины, гдѣ указаны многіе города и села какъ на р. Хоролѣ, такъ и на р. Ворсклѣ. Время изданія карты относится къ первой половинѣ XVII вѣка.—

II.—Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію географическихъ картъ, хранящихся въ Парижской Національной библіотекѣ (*Bibliothèque Nationale de Paris*).

Прежде всего необходимо отмѣтить, что и въ Парижской Національной библіотекѣ находятся карты Боплана (двѣ карты), изображающія собой Украину. Всѣ географическія подробности обѣихъ этихъ картъ очень сходны съ тѣми, какія находятся на Кенигсбергскомъ экземплярѣ ея. Одна изъ картъ раскрашена различными по областямъ цвѣтами красокъ, другая не раскрашена.

Кромѣ Бопланових картъ, въ Парижской Національной библіотекѣ находится не мало картъ и атласовъ, относящихся къ XVI в. и заключающихъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія для исторіи Южной Россіи. Однимъ изъ крупныхъ картографовъ начала XVII вѣка, *Jod. Hondius*'омъ было издано не мало такихъ картъ. Перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ.

Особенно интересенъ атласъ *Jodoch*'а *Hondius*'а, вышедшій подъ такимъ названіемъ: *Nova Europae descriptio, auctore I. Hondio. N. Picart excudit. Ven. et corrigé des melieurs esprist du temps*, 1644.

На картѣ Россіи изображены Днѣпръ, Десна, Донъ и пр. На Деснѣ помѣщены: Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ, Остеръ, Моровскъ; на Днѣпрѣ: Кіевъ, Переяславль, Кременчугъ, Манжалея (Mansalya) и отъ послѣдней далѣе указана граница на сѣверъ, по лѣсамъ, которые тянутся далеко на сѣверо-востокъ и составляютъ какъ-бы естественную грань съ Московскимъ государствомъ. На водораздѣлѣ между Днѣпромъ и Дономъ указаны горы, покрытыя лѣсомъ. Р. Орель названа *Drelfl.*; р. Самара изображена съ большимъ озеромъ на верховьяхъ, гдѣ помѣщено названіе *Naubaru;* судя по другимъ картамъ, *Naubaru* обозначаетъ собой какой-либо городъ или же крупное поселеніе. Пороги названы Porohas cataractis; на правой сторонѣ рѣки, близъ пороговъ, стоитъ названіе *Semuna*, нѣсколько ниже—*Tehinka* а на лѣвой—*Oslamkirmen*. По сѣверному берегу Чернаго моря показано множество поселеній: *Pulca*, *Bonusportu*, *Tamraca*—на очаковской сторонѣ; на берегу же Азовскаго моря: *Salica*, *Lena*, *Lana*, *Portoti* (гдѣ нынѣ Бердянскъ), *Pulastra*, *Papar*, *Cabardi*, *Pisan*, *Assou* *) (Азовъ) и пр. Донъ и его притоки очерчены не совсѣмъ правильно; у Дона показанъ притокъ съ правой стороны—*Skalla* (Осколъ), въ который впадаетъ *Bogdan fl.* На р. Осколѣ помѣщены города: *Scalla* (Осколъ), ниже—*Wolluck* (Валуйки), а между *Bogdan fl.* и *Scalla*—городъ *Borissa* *) (Борисовъ). За Дономъ надпись: *Mea, seu Tartaria Perecopensis.* Между Дономъ и Волгой, въ мѣстѣ наибольшаго сближенія этихъ рѣкъ, написано: *Perevolock.*

Вообще, эта карта не отличается правильностью своихъ размѣровъ и точностью. Она любопытна далѣе тѣмъ, что здѣсь указаны соединенія сѣверныхъ рѣкъ съ системой р. Волги.

Гораздо болѣе интересны карты Россіи, изготовленныя въ Венеціи въ началѣ второй половины XVI ст. Мы имѣли возможность разсмотрѣть три такихъ карты. Первая издана въ 1565 году и носитъ такое заглавіе: *Nova descriptione de la Moscoua per le-cte M. Giacomo Gastoldo, Pigmontese cosmographo In Venetia Anno MDLXIIII (1565). Ferando Berteliegei.* Карта исполнена крайне несовершенно, можно сказать, даже грубо; рѣки обозначены толстыми линіями и весьма неправильно. Днѣпръ показанъ соединяющимся съ Мемелемъ, что, оче-

*) Двойная буква *ss* и здѣсь и ниже, въ словахъ, обозначенныхъ звѣздочкой, изображены въ подлинникѣ въ видѣ греческой β

видно указываетъ на торговыя сношенія между Приднѣпровьемъ и Балтійскимъ побережьемъ. На Днѣпрѣ нарисованы, въ видѣ зданій, города: *Lubiet* (Любечъ), *Visugod* (Вышгородъ), *Chiouia* (Кіевъ), *Caniou* (Каневъ), *Czerkasi* (Черкасы). Ниже г. Черкасъ обозначена рѣка Тясминъ (Tasmen fl.). Между рр. Тясминомъ и Синими-Водами поставленъ городъ *Sunugrod*. Изъ лѣвыхъ днѣпровскихъ притоковъ указаны: Десна, Пселъ, Орель, Самара, Конскія-Воды. На вершинахъ всѣхъ этихъ рѣкъ указаны лѣса. Къ востоку отъ нихъ, въ полѣ, изображенъ на бѣгущей лошади всадникъ, судя по костюму, козакъ. На устьѣ рѣки Конскія-Воды, которая показана впадающей въ слѣдующую за Самарой рѣку, находится надпись *Cumania*, а къ востоку отъ послѣдней—*Gazaria*; еще далѣе, близъ г. Таны, поставлено: *Cabardi*. Возлѣ Перекопа, названнаго здѣсь *Seska*, нѣсколько къ сѣверу отъ него указанъ поселокъ *Saline* и вблизи группа деревьевъ, обозначающихъ собой лѣса. На р. Деснѣ, изображенной не совсѣмъ правильно, указанъ г. *Czernigo* (Черниговъ), а на Сеймѣ — Путивль и Рыльскъ—*Ridse* и *Pativla*. Въ Хазаріи помѣщенъ г. *Cachi*; на востокъ отъ Азовскаго моря расположена *Tartaria*. По бокамъ карты, въ видѣ украшенія, находятся фигуры всадниковъ, одѣтыхъ въ длинополые кафтаны и съ отороченными мѣхомъ шапками; каждая фигура держитъ по булавѣ въ рукѣ. Внизу арматура: шашка, булава, лукъ, стрѣлы и пр. На лѣвомъ боку карты изображенъ царь въ богатой одеждѣ, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ; внизу арматура, подобная предыдущей, инадпись: *Ponente*.

Другая карта того же Гаштольда носитъ такое названіе: «*La descriptione della prima parte dell'Asia con i nomi antichi et moderni. Di Jacopo Gastoldi Piemontese cosmographo*». По времени она относится къ 1565 г. На картѣ изображенъ Днѣпръ отъ Орши (*Orsa*). Направленіе теченія Днѣпра показано не вѣрно; хотя отъ Кіева Днѣпръ и изображенъ текущимъ къ юго-востоку, но отъ Черкасъ онъ нарисованъ текущимъ прямо на югъ, безъ всякихъ уклоненій въ сторону. На р. Приняти поставленъ Мозырь (*Modzir*).

На Днѣпрѣ помѣщены: *Chajouia* (Кіевъ) и *Visigrod* (Вышгородъ); а ниже Кіева—*Caniovia* (Каневъ) и *Zerchasi* (Черкасы); напротивъ Черкасъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, устье р. Сулы, изображенной на всемъ своемъ протяженіи. На р. Сулѣ указаны города: *Romion*

(Ромны) и *Lubien* (Лубны); ниже ошибочно поставлена р. Десна, на которой изображены города: *Periualo* (на верховьѣ), *Starodub* и *Suest*; на р. Сеймѣ—*Putuila* (Путивль) и *Rilse* (Рыльскъ). Выше Десны надпись: *Severa pro(vincia?)*. Кромѣ Сулы и Десны, помѣщены также и другія рѣки: *Psola fl.* (Пселъ), *Arela fl.* (Орель) *Samara fl.* (Самара), *Cosnka-Uoda fl.* (Конскія-Воды). На водораздѣлѣ между днѣпровскимъ и донскимъ бассейнами указаны горы; къ сѣверо-востоку отъ Перекопа—*Cumania*, а дальше *Cabarda* (какъ городъ), ниже послѣдняго—*Palastra* и *Pisan* (города); на устьѣ р. Дона—*Latana*.

Третья венеціанская карта XVI в., изданная тѣмъ же Гаштольдомъ, носитъ такое заглавіе: *Dil Regno di Polonia, dell. acc^mo mp. Giacomo Gastoldo Piamontese. In Venetia l'Anno MDLXVII (1567).*

Днѣпръ изображенъ здѣсь отъ Смоленска до Чернаго моря; теченіе Днѣпра обозначено болѣе правильно, чѣмъ на предыдущихъ картахъ. Изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра указаны: Сожъ (Sost), при впаденіи котораго въ Днѣпръ поставленъ г. *Lubiec* (Любечъ); Десна, на которой указаны города: *Breneschi* (Брянскъ), *Tropsechi* (Трубчевскъ), *Nouogrod* (Новгородъ-Сѣверскъ), *Sunest* (Сосница), *Zernio* (Черниговъ) и далѣе—*Trochi*.

Изъ правыхъ днѣпровскихъ притоковъ указана р. Припять, близъ впаденія которой въ Днѣпръ помѣщенъ Чернобыль (*Zernobel*), а нѣсколько ниже—*Visegrod* (Вышгородъ).

На Днѣпрѣ, противъ устья р. Десны, помѣщенъ г. Кіевъ (*Chiof*), а нѣсколько ниже по Днѣпру—Каневъ (*Caniova*), напротивъ котораго—*Riou*. Кромѣ Десны и Сожа, изъ лѣвобережныхъ днѣпровскихъ притоковъ поставлены: Пселъ (*Pesola*), Ворскла (*Vorscola*), Орель (*Arel fl.*), Самара (*Samara fl.*), Конскія-Воды (*Consca uoda*); на верховьяхъ послѣдней показано большое озеро. На р. Конскія-Воды помѣщены города: *Nigropon*, при устьѣ—*Ossan* *) (Осанъ), а напротивъ послѣдняго—*Olbiaz* (не Олешье-ли?).

Въ промежуткѣ между верховьями лѣвыхъ притоковъ Днѣпра и Донцемъ указаны лѣса; особенно сильно развиты лѣса на верховьяхъ р. Донца.

Къ сѣверу отъ Перекопа большими буквами написано: Cumani, а къ востоку отъ послѣднихъ—Cabardi.

При устьѣ р. Буга, показанной впадающей въ Днѣпръ, поставленъ г. *Dasom*, а нѣсколько ниже—*Ovzahov* (Очаковъ); при устьѣ Днѣпра, слѣва—*Treze*.

На берегу Азовскаго моря находятся города: *Lenadagospo*, *Cachi Palestra* и пр.

Затѣмъ интересна венеціанская карта 1570 г. (MDLXX). Она исполнена крайне несовершенно и съ большими неправильностями. На картѣ обозначенъ Днѣпръ, неподалеку отъ средняго теченія котораго помѣщенъ Кіевъ (*Chovia*), а нѣсколько ниже Кіева, на островѣ,—*Comenia*; еще ниже, на берегу Днѣпра, находится поселеніе (городъ или село?), названное *Mancarmi;* къ юго-востоку написано крупными буквами CYMANIA.

Пространство между Борисѳенесомъ и Танаисомъ заполнено горами, при чемъ на горахъ, расположенныхъ близъ Сѣверскаго-Донца, указаны лѣса.

Между Сѣверскимъ-Донцомъ и Дономъ находится надпись: *Rossia Rossa Casali de Rossi**); къ востоку отъ Дона—*Rossia*.

На правой сторонѣ Борисѳенеса указаны: *Braslama, Siragio*. Въ Борисѳенесъ, близъ Кіева, съ западной стороны, впадаетъ какая-то рѣка, на которой обозначены два большихъ озера, выше которыхъ указаны лѣса. Вѣроятно, рѣка эта изображаетъ собой Припять, тѣмъ болѣе, что дальше она соединяется съ Вислицей (*Visliza*). Очевидно, здѣсь указанъ водный путь черезъ р. Припять къ Вислѣ. На устьѣ р. Дона показанъ г. *Tana*. Къ востоку отъ Азовскаго моря, названнаго *Palus Meotis*, показана *Circassia*, находящаяся, повидимому, въ нынѣшней Кубанской области. Въ этомъ же атласѣ находится карта 1569 г. съ такимъ заглавіемъ: *Partis Sarmatiae Europeae, quae Sigismundo Augusto Regi Poloniae Potentissimo subiacet, nova descriptio.*

На картѣ внизу, съ лѣвой стороны, надпись: *Generoso domino Nicolao Tomico, magnifici et illustris viri, domini Joannis de Tomice castellani Gesnen filio Andreas Pograbius Pilsnensis S. P. D. Vale. Patavis calendis augusti anno à Christo nato 1569.* Ниже этой надписи напечатано: *Venetiis Nicolai Nelliareis formis, anno D-ni 1570.*

Днѣпръ начерченъ широкой линіей, неправильно; теченіе указано съ сѣвера на югъ, безъ изгиба къ юго-востоку, и отъ пороговъ—къ юго-западу. Не совсѣмъ точно нарисовано и верховье Днѣпра: на картѣ онъ представленъ берущимъ начало близъ Смоленска.

Въ области Днѣпра, мѣстами, но не сплошь, указаны лѣса. Послѣдніе обозначены близъ Смоленска, Могилева, Свислочи, между р. Припятью и Кіевомъ. При впаденіи въ Днѣпръ р. Десны (*Desna fl.*). изображенъ продолговатый островъ, къ западу отъ котораго, на правомъ гористомъ берегу Днѣпра помѣщенъ г. Кіевъ (*Kiiow*), а къ юго-западу отъ послѣдняго указаны пещеры съ такою надписью: *Pieciari, specus bastiss., illustri-um Russorum sepultura nobilis.*

Влѣво (къ западу) отъ р. Роси, близъ которой помѣщены Бѣлая-Церковь (*Biala Cerkew*) и Каневъ (*Kaniow*), указаны большіе лѣса. среди которыхъ изображенъ медвѣдь, сосущій лапу; нѣсколько ниже, насупротивъ устья р. Псла, на правомъ берегу р. Днѣпра, помѣщены Черкассы *Czerkassy*), а нѣсколько ниже, на томъ же правомъ берегу Днѣпра,—*Swinigrod.* За р. Сулой, южнѣе (sic), нарисована р. Конскія-Воды (*Konska-Woda*), за которой поставленъ городъ *Osslam.*

Въ р. Бугъ (*Bogus*) изливается р. Синія-Воды (*Swiniwoda*), а на ней г. Синявода (*Swiniwoda*).

Между рр. Бугомъ и Синими-Водами изображены два всадника, стрѣляющіе другъ въ друга, а внизу надпись: *Codima solitudo vastissima.*

Съ правой стороны въ р. Бугъ впадаетъ р. Саврань (*Sauran*), при устьи которой лежитъ г. Дашевъ (*Dassow*), а на восточной сторонѣ Днѣпра—г. *Trceze*, вблизи котораго надпись: *Scythiae pars.*

Влѣво отъ Очакова изображена группа всадниковъ, одѣтыхъ въ длинополые кафтаны и съ остроконечными шапками; всадники перестрѣливаются другъ съ другомъ; одинъ изъ нихъ набрасываетъ другому на шею лассо. У всадниковъ на лѣвомъ боку сабли съ расширяющимися концами. Въ области нынѣшней Минской губ. показанъ дрессированный медвѣдь съ игральщиками на трубахъ или рожкахъ, а въ другомъ мѣстѣ—путешественникъ на саняхъ; представлены также и сцены охоты на оленя съ гончими собаками.

Въ Базельскомъ изданіи космографіи *Себастіяна Мюнстера*, озаглавленной: *Seb. Münster Cosmographia zu Basel durch Henrichum Petri, anno MDXLIII. Sebastien Münster Atlas, 1544*, находится нѣсколько картъ, относящихся къ Россіи. Карты эти отличаются не одинаковыми подробностями. На одной Россія изображена крайне неполно: указаны лишь нѣкоторыя, болѣе значительныя

рѣки и провинціи. Такъ, здѣсь обозначены Днѣпръ и Припять, протекающіе въ лѣсахъ; никакихъ городовъ на Днѣпрѣ не поставлено.

Изъ провинцій названы: *Russia* (Червоная Русь), Подолія, Волынь и пр. Нѣмецкій текстъ, относящійся къ картамъ, отличается соотвѣтственной картѣ краткостью.

На другой, нѣсколько большаго размѣра, картѣ того же Себ. Мюнстера находится уже больше подробностей, но карта сдѣлана крайне несовершенно. Днѣпръ изображенъ, начиная отъ Смоленска. Ниже впаденія въ Днѣпръ Десны показаны лѣса и стоитъ надпись: *Russia Alba*. Изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра изображены: Пселъ, Орель, Самара, Конскія-Воды; изъ правыхъ днѣпровскихъ притоковъ указаны: Припять, Рось, Тясминъ; ниже, т. е. южнѣе послѣдняго, обозначены лѣса и стоитъ надпись: *Nigra Silva*. Изъ городовъ поставлены: Любечь, Вышгородъ, Каневъ, Черкасы, Синиградъ, Осламъ. За р. Конскія-Воды стоитъ надпись *Tartaria Minor*.

Изъ картъ начала XVII вѣка мы изслѣдовали нѣсколько, изъ которыхъ наиболѣе интересна карта *Исаака Массы* (1609—1612 г.). Она имѣетъ такое заглавіе: *Novissima Russiae tabula Auctore Isaaco Massa*. Карта переиздана около 1621 года Генрихомъ Годіусомъ [1]). О послѣднемъ гласитъ надпись, находящаяся выше заглавія. Она заключаетъ слѣдующее: *Doctrina et humanitate praedito D. Isaaco Bernart, rerum quae per Moscoviam maxime trahuntur mercatori peritissimo, hanc Moscoviae tabula(m) dedicat offinis suus H. Hondius*. Необходимо замѣтить, что Генрихъ Гондіусъ жилъ въ половинѣ 17 ст.: онъ родился въ 1601 г., а умеръ въ 1648 г.; слѣдовательно, его карты выходили въ 20-хъ или же въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія.

Карта не раскрашена. Надъ вышеприведеннымъ заглавіемъ изображенъ щитъ съ двуглавымъ орломъ въ коронѣ, увѣнчаной на верху крестомъ; по бокамъ изображены усатыя фигуры, въ длинныхъ кафтанахъ, въ отороченныхъ мѣхомъ шапкахъ.

Изображеніе границъ на картѣ не совсѣмъ правильно. Граница между Москвой и Польшей указана такъ: начинаясь у г. Моровска, граница идетъ на востокъ, пересѣкая лѣвобережье выше Русанова и выше Лубенъ (*Lubne*), до устья р. Хорола, и этой рѣкой до верховьевъ р. Сейма, а на востокъ—до р. Уды, впадающей въ Донецъ.

---

[1]) См. И. Вокачева. Географич. карты Россіи XV—XIX ст. Спб. 1892 г., с. 18.

На водораздѣлѣ между Десной, Сеймомъ и Донцемъ показаны большіе лѣса. Интересно, что на рѣчкѣ, подходящей своими верховьями къ вершинѣ Конскихъ-Водъ, указаны многіе города, какъ-то *Naubarum*, *Pasiris*, *Hercanum*, *Iorraeca*, *Carcina*, *Camiraca* и пр. На другой рѣкѣ, сходящейся устьемъ съ первой, помѣщенъ г. *Nigropoli*.

На берегу Азовскаго моря обозначено множество населенныхъ пунктовъ, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующіе: *Salinea*, *S. Giorgio*, *Lena di Gespo*, *Combra*, *Delaibra*, *Papa roma*, *Cilandri*, *Disan*.

Все пространство, которое лежитъ на югъ отъ границъ Московіи, названо *Crimea*, *seu Tartaria Przecopensis*.

Теченіе Дона и Донца начерчены неправильно: обѣ рѣки слишкомъ удалены, т. е. выгнуты на востокъ и *растянуты*.

Въ 30-хъ годахъ XVII ст. *Николай Фишеръ Старшій* (*Nicolas Janssen Vicher*), называвшійся также въ латинской транскрипціи *Ник. Пискаторомъ* (*Piskator*), издалъ въ Амстердамѣ нѣсколько картъ, относящихся къ сѣверной и южной Россіи. Онѣ затѣмъ были перепечатаны Сандрартомъ. Карта Россіи Фишера носитъ слѣдующее заглавіе: *Moscoviae, seu Russiae Magnae, generalis tabula, qua Lapponia, Norvegia, Suecia, Dania, Polonia, maximaeque partes Germaniae, Tartariae, Turcici imperii aliaeque regiones adjacentes simul ostenduntur, de novo correcta et edita per Jacobum Sandrar chalcographum Noribergensem*. Фишеръ издалъ свою карту въ 1632 г. Карта раскрашена. Каждое государство обведено узкой лентой краски: Московія—желтой, Польша и Литва—зеленой, Венгрія—красной, Татарія—розовой и пр.

Выше заглавной надписи помѣщенъ овальный щитъ съ изображеніемъ двуглаваго орла посрединѣ; каждая изъ головъ орла украшена короной; между орлиными главами—осмиконечный крестъ. За щитомъ помѣщенъ прелестно исполненный красками (акварелью) видъ Лапландіи или же Сибири, съ еловыми лѣсами, юртами лапландцевъ или самоѣдовъ и путешественникомъ, ѣдущимъ въ саняхъ, запряженныхъ оленемъ. Щитъ поддерживаетъ крѣпкій мужчина, русскаго типа; справа и слѣва—крылатые ангелы въ видѣ дѣтей.

Съ лѣвой стороны отъ заглавія карты изображенъ бородатый дородный бояринъ, въ длиннополой одеждѣ (шубѣ) съ мѣховымъ воротникомъ и въ мѣховой шапкѣ. Съ правой стороны—сибирскіе народы, одѣтые въ мѣховую одежду съ лыжами на ногахъ. Внизу изо-

бражены: лисица, куница, рыба и бочки съ товарами—символы богатства страны.

Днѣпръ изображенъ не совсѣмъ правильно; любопытно, что на картѣ верховье Днѣпра показано соединяющимся съ притокомъ Оки—Москвой рѣкой.

На Днѣпрѣ помѣщены города: Рѣчица, Любечъ, Навозъ, Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Чигиринъ, Кодакъ; къ западу отъ послѣдняго написано: *Campi deserti*

На Деснѣ помѣщены слѣдующіе города: Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ (*Czernichow*), Остеръ (*Ostrze*); на Сеймѣ—Путивль (*Putywle*). Близъ Днѣпра, на лѣвой сторонѣ послѣдняго, помѣщенъ Переяславль (*Perejaslow*), приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ и теперь. Изъ лѣвобережныхъ днѣпровскихъ притоковъ показаны: Пселъ съ Хоролomъ и далѣе—Ворскла. На Хоролѣ поставленъ г. Хоролъ (*Korol*), а на Пслѣ—Голтва (*Oltawa*); на р. Ворсклѣ помѣщенъ г. Полтава (*Pultawa*). Ниже Ворсклы начерчено двѣ рѣки, въ одной изъ которыхъ можно узнать р. Орель, а въ другой—Самару; къ востоку отъ послѣдней написано: *Campi deserti.*

Граница между Московскимъ государствомъ и Польшей указана довольно ясно. Она идетъ на сѣверѣ между Десной и Сожемъ до г. Остра; отъ послѣдняго поворачиваетъ на юго-востокъ прямой линіей до мѣста, гдѣ обозначена Голтва (*Oltawa*); отсюда направляется вверхъ по теченію рѣки до верховьевъ р. Псла, вытекающаго изъ лѣсовъ, а затѣмъ поворачиваетъ на юго-востокъ до р. Уды (*Udy fl*)., впадающей въ р. Донецъ (*Doniec*).

Г. Курскъ изображенъ лежащимъ на верховьѣ р. Оки (*Ocka fl.*); къ сѣверу помѣщены Кромы (*Crom*), а на р. Окѣ—г. Орелъ (*Arool*). Къ востоку отъ р. Самары показана Татарія (*Tartaria*).

Въ дополненіяхъ (Appendix) къ атласу *I. Hondius'*а, изданному въ 1644 г. и посвященному Людовику XIII (Ludovico XIII, Galliarum et Novarrae regi christianissimo Europae, hanc tabulam D-i Hern. Hondius), есть нѣсколько картъ, относящихся къ Южной Россіи. Дополненіе 2-е носитъ такое заглавіе: *Appendix II, sive pars quarta, continens pleniorem descriptionem regnorum Daniae, Sueciae, Poloniae, Hungariae, etc. nec non Africae, Asiae et Sinorum collecta et indice illustrata opera et studio Hermanni Boegel, canonici Clivensis.*

На одной изъ картъ этого дополненія изображено очень подробно теченіе р. Днѣпра въ трехъ частяхъ: первая—отъ г. Кіева до р. Сулы, вторая—отъ р. Сулы до о-ва Хортицы и третья—до устья Днѣпра.

Надпись на картѣ гласитъ слѣдующее: *Tractus Borysthenis, vulgo Dnieper et Nieper dicti, à Kiovia ad urbum* (sic) *Oczakow, ubi in Pontum Euxinum se exonerat.* Вокругъ надписи изображены акварелью люди въ курткахъ и кафтанахъ; у ногъ людей валяются убитые олени; въ рукахъ людей—луки. Съ лѣвой стороны карты приписка: *Amstelodami apud heredes Joannis Jansonii.*

Карты отличаются значительными подробностями приднѣпровскихъ побережій; особенно характерны изображенія лѣсовъ и городовъ.

Въ томъ же дополненіи (appendix) есть карта Украины подъ такимъ заглавіемъ: *Typus generalis Ykraniae, sive palatinatuum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis, terras nova declinatione exhibens.*

Вокругъ заглавія изображены люди совершенно такъ, какъ на картѣ Боплана, изданной Pitt'омъ: тѣ-же костюмы, позы, типы; такъ, справа отъ надписи изображенъ мужчина, срывающій шапку у козака; слѣва—мужчина, въ кафтанѣ, епанчѣ и въ отороченной мѣхомъ шапкѣ съ двумя перьями на послѣдней.

Изображеніе рѣкъ, лѣсовъ и городовъ точно такое же, какъ и у Боплана. Множество поселеній показано по рр. Удаю, Ромну, Сулѣ, Пслу, Хоролу, Ворсклѣ, Оржицѣ и пр. Вообще, сличая эту карту 1644 г. съ Бопланової генеральной картой, можно, кажется, придти къ заключенію, что Бопланъ въ значительной степени пользовался ею для составленія своей общей карты Украины (Typus generalis Ukraniae).

Интересенъ также *Atlas Coronelli et autres* (1638 г.). Въ немъ заключаются карты, вышедшія значительно раньше этого атласа. На картѣ Европы, подъ заглавіемъ: *Nova et accurata totius Europae descriptio, auctore I. Dankerts. Amstelodami* (вѣроятно, 1632—36 г., такъ какъ Данкертъ былъ два раза въ Россіи, въ 1609 и въ 1613 гг., и спустя нѣсколько лѣтъ издалъ описаніе своего путешествія по Россіи и карты послѣдней), показаны, кромѣ Днѣпра, притоки послѣдняго: Сеймъ, Трубежъ, Сула съ притоками, Пселъ съ Хоромъ, Ворскла и Орель.

Что касается населенныхъ пунктовъ, то на лѣвой сторонѣ Днѣпра указаны: Коропъ, Кобыжча, Гоголевъ, Березань, Ромны, Варва,

Переяславль, Оржица, Гадячъ, Голтва, Краснополь, Жовнинъ, Полтава, Кобеляки, Наубарумъ и пр. На другой картѣ, болѣе обширной по размѣрамъ, изображены: Ромны, Ахтырка, Хоролъ, Голтва, Полтава и пр. Лѣвобережные днѣпровскіе притоки изображены довольно правильно и съ подробностями, но, исключая крупныхъ рѣкъ, безъ надписей. Въ томъ же атласѣ Коронелли (*Coronelli*) находится еще одна карта І. Данкерта, подъ такимъ заглавіемъ: *Regni Poloniae et ducatus Lithuaniae, Voliniae, Podoliae, Prussiae et Curlandiae descriptio, emendata per I. Dankerts. Amstelodami. Cum privilegio ordinum Hollandiae et West-Frisiae.* Эта карта была издана Dankert'омъ въ1636 г. [1]). Карта исполнена довольно тщательно и болѣе или менѣе правильно. Государства и области раскрашены, т. е. на границахъ обведены узкими полосками краски.

Изъ рѣкъ Лѣвобережья указаны: Трубежъ и Недра, Переводъ, Удай, Многа, Роменъ, Артополотъ, Хоролъ, Пселъ, Голтва, Ворскла, Мерлъ, Коломакъ, Орель съ Орчикомъ, Самара и пр.

Граница между государствами идетъ по рр. Остру, Ромну, черезъ рр. Пселъ, Ворклу до р. Мерла и далѣе на юго-востокъ до пороговъ. Лѣса указаны: близъ Десны, Трубежа, между Гоголевымъ, Бобровицей и Кобыжчей, близъ Барышевки и Переяславля, надъ Днѣпромъ; между Удаемъ и Сулой, въ направленіи отъ Журавки къ Лохвицѣ; затѣмъ—на верховьяхъ рѣкъ Сулы и Ромна, на вершинѣ Псла и Ворсклы и на р. Голтвѣ до р. Ворсклы противъ устья Коломака.

Города и села нанесены на карту слѣдующіе: Остеръ, Дѣвицы, Дорогинка, Ичня, Сребное, Переволочна, Прилуки, Журавка, Чернухи, Пирятинъ, Лубны, Лохвица, Ромны, Недригайловъ, Лукомль, Оржица, Горошинъ, Буромка, Жовнинъ, Яблоновъ, Чумгакъ, Золотоноша, Домантовъ, Глемязовъ, Переяславль, Барышевка, Березанъ, Свѣтильня, Басань, Гоголевъ, Бобровица, Кобыжча, Каменное Городище, Гадячъ, Лютенька, Красный-Колядинъ, Миргородъ, Хоролъ, Голтва, Ахтырское Городище, Полтава и Кобеляки.

Атласъ *Фридриха де-Вита* (Friderick de Wit), жившаго во второй половинѣ XVII в., содержитъ нѣсколько картъ, относящихся къ Южной Россіи. Карты Россіи заимствованы большей частью изъ Данкертова изданія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1632 году.

---

[1]) См. *Бокачева*: Геогр. карты Россіи, XI—XVIII ст., с. 19.

На одной изъ картъ, представляющихъ Азію и часть Восточной Европы, изображена *Moscovia*, при чемъ граница послѣдней на югѣ идетъ отъ Ворсклы на востокъ, черезъ Донецъ, къ Каспійскому морю, которое начерчено очень неправильно.

Теченіе Днѣпра изображено довольно правильно. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, на р. Удаѣ, помѣщена Варва (*Warwa*), затѣмъ нарисована рѣка, очевидно, Сула; къ востоку отъ послѣдней помѣщенъ Гадячъ, а къ юго-востоку отъ послѣдняго *Comania*, гдѣ означенъ г. *Naubarum* и, нѣсколько ниже,—*Nigropolis*. Кромѣ того, на восточной и юго-восточной окраинахъ Руси поставлены: Курскъ (*Coresch*), Воронежъ (*Woronis*), Бѣлгородъ (*Beelgorod*), Валуйка (*Valoyca*), Борисовъ (*Borissa*).

На картѣ Европы, подъ заглавіемъ: *Nova et accurata totius Europae descriptio, authore*(?) *Frederico de Wit*, южная часть Россіи изображена сравнительно правильнѣе, чѣмъ раньше. На востокъ отъ верховьевъ рр. Псла, Сулы и Ворсклы указаны лѣса и горы, простирающіеся до верховьевъ р. Сѣв. Донца. На правой сторонѣ Днѣпра начерчены: Кіевъ, Бѣлгородка, Бѣлая-Церковь, Черкасы (Kiow, Bialagrodka, Bialocerk, Czyrkassy). Ниже, т. е., южнѣе Кіевской области, показана Podolia.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра помѣщены слѣдующіе города: *Chernihow, Cobicz* (Кобыжча), *Ohulew* (Гоголевъ), *Bereczan* (Березань), *Pereaslaw, Orszica, Zolnin;* на р. Удаѣ—*Warwa* (Варва); на верховьѣ Сулы—*Rumne* (Ромны); на Пслѣ—*Hadjace* и нѣсколько ниже—*Oltaw;* на Ворсклѣ— *Pultawa* и *Kobilak*; южнѣе — *Naubarum*, *Nigropolis* и *Toraca*.

На третьей картѣ *de-Buma*, озаглавленной такъ: *Regni Poloniae et ducatus Lithuaniae, Voliniae, Podoliae, Ucraniae et Curlandiae descriptio emendata per Fr. de Wit. Amstelodami*, изображена весьма подробно область средняго Днѣпра, какъ на Боплановой картѣ или на картѣ Данкерта, съ которой она имѣетъ сходство и въ заглавіи, и въ подробностяхъ. Это какъ бы перепечатка Данкертовой карты.

На слѣдующей картѣ де Вита, озаглавленной: *Tabula Russia, vulgo Moscovia*, нанесена часть Днѣпра съ его лѣвыми притоками и на нихъ мы находимъ: Черниговъ, Остеръ, Свѣтильновъ, Переяславль, Русановъ, Пирятинъ и пр.

Вокругъ заглавія—люди въ русскихъ костюмахъ; они продаютъ шкуры и мясо, добытые охотниками, вооруженными лукомъ и стрѣлами; здѣсь же нарисована женщина въ коронѣ и богатомъ платьѣ, украшенномъ дорогими мѣхами: *горностаемъ*, *соболями* и проч.

Мы разсмотрѣли также и другіе атласы, изданные *Жайлотомъ*)въ концѣ XVII в.), *Делилемъ* (въ началѣ XVIII в.), *Штейтеромъ* и проч.

Останавливаться на подробномъ описаніи ихъ мы не будемъ; замѣтимъ только, что всѣ они гораздо полнѣе, точнѣе и правильнѣе исполнены сравнительно съ предыдущими.

III.—Въ *Парижскомъ Географическомъ Обществѣ* (*Societé géographique de Paris*) есть также не мало старинныхъ картъ и атласовъ; нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно интересны. Какъ и раньше, при разыскиваніи древнихъ атласовъ, я старался прежде всего разсмотрѣть наиболѣе древнія изъ картъ. Мнѣ удалось отыскать карты *Герарда Меркатора* (Gerardus Mercator), жившаго во второй половинѣ XVI в. (умеръ въ 1594 г.)[1]). Карты Герарда Меркатора о Россіи были изданы въ первый разъ въ Дюисбургѣ, въ космографіи, напечатанной Меркаторомъ въ 1595 г.; затѣмъ они переиздавались нѣсколько разъ; Іодокъ Гондіусъ былъ однимъ изъ издателей ихъ. Въ Гондіусовомъ атласѣ Меркаторова карта имѣетъ такое заглавіе: *Gerardi Mercatori Atlas, sive cosmographiae medicitationes de fabrica mundi et fabricati figura auctus. Editio quarta, sumptibus et tipis aneis Jodoci Hondii, Amstelodami, an. D. 1619.*

На заглавномъ листѣ атласа представленъ человѣкъ, держащій на колѣняхъ глобусъ и измѣряющій его циркулемъ; по сторонамъ—аллегорическія фигуры, изображающія собою части свѣта: Европу, Азію, Африку и пр. Здѣсь же находится обращеніе Jodocus'a Hondius'a къ королю Людовику XIII и къ читателямъ.

---

[1]) Герардъ Меркаторъ былъ извѣстнымъ фламандскимъ космографомъ. Іодокъ Гондіусъ и Г. Меркаторъ совмѣстно работали надъ составленіемъ картъ Россіи, при чемъ пользовались картами и планами лицъ, близко знакомыхъ съ нашей страной, напр. Геесселя Герарда, который имѣлъ въ рукахъ рѣдкіе планы и карты Московскаго государства. Въ промежуткѣ между 1615 и 1618 г. Геессель Герардъ передалъ право изданія своихъ картъ наслѣдникамъ Гер. Меркатора.

Карта Восточной Европы, особенно лѣвая сторона Днѣпра и область р. Дона, начерчены неправильно.

На другой картѣ, подъ слѣд. заглавіемъ: *Russia cum confiniis* [1]), Днѣпръ также изображенъ не совсѣмъ правильно. Такъ, невѣрно нанесены на карту лѣвые притоки Днѣпра. На картѣ помѣщены: рр. Пселъ, Ворскла, Орель, Самара, Конскія-Воды; къ верховью послѣдней рѣки подходитъ другая, которая изливается въ Черное море; на этой рѣкѣ поставлено нѣсколько городовъ. Все пространство отъ Сейма и Десны до Донца и къ югу отъ послѣдняго показано во владѣніи Перекопскихъ татаръ.

На третьей картѣ Меркатора, нѣсколько большей по величинѣ, особенно интересно указаніе лѣсовъ, главнымъ образомъ, въ районѣ Десны и Сейма.

Теченіе рѣкъ и на этой картѣ отличается тѣми же погрѣшностями, что и на предыдущихъ двухъ.

Меркаторовъ атласъ былъ очень распространенъ въ прежнее время. Есть еще другой его атласъ, нѣсколько сокращенный сравнительно съ первымъ. Онъ носитъ такое заглавіе: *Atlas minor Gerardi Mercatoris, a J. Hondio plurimis aneis tabulis auctus atque illustratus. Arnheimii, apud Joannem Jansonium, 1621.* Атласъ во всемъ сходенъ со своимъ оригиналомъ; изъ дополненій важнѣйшимъ оказываются тѣ, которыя касаются побережій Азовскаго моря: здѣсь указано множество населенныхъ мѣстъ.

Атласъ, изданный Блау (*Blaeu*) въ 1644 году, заключаетъ карты, относящіяся къ значительно болѣе раннему періоду. Особенно это можно сказать относительно Южной и Западной Россіи, свѣдѣнія о которыхъ были гораздо болѣе обстоятельны и полны. Фирма бр. Блау очень много сдѣлала по части изданія русскихъ картъ. Послѣднія издавались ими неоднократно.

Въ атласѣ есть карта, озаглавленная такъ: *Taurica Chersonesus, nostra aetate Przecopsca et Cazaria dicitur.* Она обнимаетъ собой обширный районъ земель къ сѣверу отъ Перекопа; на картѣ изображены,

---

[1]) Въ 1630 г. вышло французское изданіе картъ Меркатора. См. Бокачева, Истор. карты Россіи, стр. 18.

на лѣвой сторонѣ Днѣпра: Пирятинъ, Лубны, Манджелея. Другая карта, громадныхъ размѣровъ, имѣетъ такое заглавіе: *Magni ducatus Lithvaniae caeterarumque regionum illi adjacentium exacta descriptio illis-mi ac exceless-mi principis et d-ni D. Nicolai Christophori Radzivil D. G. Olijcae ac in Nieswiec ducis, S. Rom. imperii principis, in Szyloviec ac Mir comitis et S. Sepulchri Hierosolymitani militis, opera, cura et impensis facta ac in lucem edita. Amstelodami. Excudebat Guillelmus Jansonius sub signo solarij deaurati. Anno 1613.*

Судя по подробностямъ, можно полагать, что издатель пользовался какой то спеціальной картой, быть можетъ составленной для Николая Радзивила.

Изъ населенныхъ мѣстъ лѣвобережной Украины на этой картѣ указаны на Трубежѣ: *Свѣтильновъ*, *Русановъ* и *Переяславль*, всѣ, какъ крѣпости. На р. Удаѣ изображенъ *Пирятинъ*, какъ городъ, въ видѣ замка съ башней. Городъ *Лубны* также представленъ на картѣ въ видѣ замка, но нѣсколько большаго размѣра сравнительно съ Пирятинскимъ. Интересно отмѣтить, что на картѣ подъ заглавіемъ «Tractus Borysthenis» знакомъ «*городище*» обозначается не пустое мѣсто, окруженное валомъ, какъ это обыкновенно думаютъ, но заселенное, такъ какъ внутри валовъ указаны жилыя постройки. Атласъ *Янсонія* относится къ 1639 г. и озаглавленъ такъ: *Nouveau theatre du monde ou nouvel atlas, comprenant les tables et description de toutes les regions de la terre, divisé en trois tomes. A Amsterdam, chez Jan Janson, 1639.*

Вокругъ заглавія—щитъ изъ гербовъ; справа—восточные народы; слѣва—западные; сверху—Геркулесъ, поддерживающій земной шаръ. Предисловіе автора на французскомъ языкѣ.

На картѣ Европы, изданной Henr. Hondius'омъ въ 1631 г. обозначены: Остеръ, Переяславль, Моровскъ, Кременчугъ; а на картѣ Янсона, изданной также въ 1631 году, помѣщены: Пирятинъ, Свѣтильня, Русановъ, Лубны, Переяславль, Домонтовъ и пр.—

Мы разсмотрѣли также нѣсколько атласовъ, относящихся ко второй половинѣ XVII ст. Наиболѣе важны изъ нихъ атласы *Петра Шенка* и *Сансона*. Первый имѣетъ такое заглавіе: *Atlas contractus, sive tapparum geographicarum Sansoniarum auctarum et correctarum*

nova congeries. Ex formis Petri Schenck. Amstelodami, cum priv. ord. Holl. et West-Frisiae. 1659.

На картѣ Европы, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, указаны многіе города и мѣстечки: Кобыжча, Гоголевъ, Варва, Ромны, Березань, Переяславль, Оржица, Жовнинъ, Гадячъ, Олтва, Краснополь, Полтава и пр. Между верховьями рр. Сулы, Псла, Ворсклы и Сѣв.-Донца показаны лѣса и холмы.

На другой картѣ, озаглавленной: *La Russie Blanche ou Mscovie* etc., обозначены наиболѣе крупные города: Остеръ, Переволочна, Лохвица, Пирятинъ, Хоролъ, Переяславль, Голтва, Миргородъ, Полтава, Кобеляки и пр.

На третьей картѣ, озаглавленной: *Regni Poloniae, magni ducatus Lithuaniae reliquarumque Polonis subditarum regionum tabula, edita Petri Schenck*, обозначены многіе города и села, и въ томъ числѣ по рр. Удаю: Дорогинка, Прилуки, Переволочна, Пирятинъ, а по Сулѣ: Лубны, Лукомье, Горошинъ, Буромка, Жовнинъ, Лохвица, Ромны, Недрыгайловъ; на р. Пслѣ и его притокахъ: Городище, Гадячъ, Краснополь, Камышня, Миргородъ, Голтва; на р. Ворсклѣ: Полтава, Кобеляки, Ахтырка.

Сансоновъ атласъ вышелъ подъ такимъ заглавіемъ: *Atlas générale du monde, designée par le Sr Sanson d'Abbebille, géographe ordinaire de sa Majesté, à Paris, chez P. Mariette S. Jacques à l'Esperance, 1651.*

На картѣ Европы, гдѣ въ составъ Польскаго государства показаны входящими значительныя части Черниговской и Полтавской губ. (послѣдняя—до пограничья между Сулой и Псломъ или же Ворсклой,—на картѣ трудно разобрать за отсутствіемъ надписей рѣкъ), указаны города: Черниговъ, Моровскъ, Лубны, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ поставлены кружки безъ названій; очевидно, эти кружки предназначались для городовъ, надписей надъ которыми почему то не поставили (судя, однако, по положенію, это должны были быть: Ромны, Переяславль и, вѣроятно, Нѣжинъ).—Есть еще карта *Сансона*, изданная въ 1655 году, подъ такимъ заглавіемъ: *Etats de la Couronne de Pologne, ou sont les royaumes de Pologne, Duchés et Provinces de Prusse, Cuiaviae, Mazoviae, Russie noire et Duchés de Lithuanie Volhynie, Podolie et de l'Ukranie, 1655.* На этой картѣ, сдѣланной, очевидно, раньше присоединенія Лѣвобережной Малороссіи къ Москвѣ, указаны границы на сѣверѣ: отъ Лоева, рубежемъ

между Десной и Днѣпромъ до р. Остра; затѣмъ, послѣдней рѣкой до верховьевъ р. Ромна; оттуда по р. Терну, а далѣе по р. Ворсклѣ до Коломака и до верховьевъ рр. Орели и Самары, откуда граница спускается къ порогамъ. Рѣки изображены довольно правильно и подробно: не упущены даже самыя малыя. *Лѣса* показаны: ниже г. Нѣжина; между Свѣтильней и Басанью; къ сѣверу отъ Ични; между Кіевомъ и Переяславлемъ, по Днѣпру; между рр. Сулой и Хоромъ; также къ югу отъ Гадяча и Краснополя, по лѣвой сторонѣ р. Псла. Большіе лѣса указаны на верхнемъ и среднемъ теченіяхъ р. Ворсклы (близъ Полтавы).

Не меньшей обстоятельностью отличается и указаніе населенныхъ мѣстъ. Такъ, на картѣ обозначены: Остеръ, Дѣвицы, Нѣжинъ, Дорогинка, Кобыжча, Бобровица, Гоголевъ, Свѣтильня, Барышевка, Березань, Быковъ, Басань, Переяславль, Яготинъ, Глемязовъ, Чумгакъ, Яблоновъ, Оржица, Золотоноша, Крапивна, Домонтовъ, Ичня, Прилуки, Переволочна, Сребное, Журавка, Пирятинъ, Чернухи, Лубны, Лукомье, Горошинъ, Буромка, Жовнинъ, Лохвица, Ромны, Недрыгайловъ, Корчино, Городище, Гадячъ, Краснополь, Олтва, Кременчугъ, Камышня, Миргородъ, Коронъ; и, въ частности, на р. Ворсклѣ: Волне, Ахтырка, *Hadesky*, Полтава, Кобеляки. За Орелью нарисованъ тополь и надпись: Cosape Topol.

IV. — Однимъ изъ лучшихъ атласовъ Южной Россіи, вышедшихъ въ половинѣ XVII в., считается безспорно атласъ Левассера-де-Боплана, служившаго долгое время польскому правительству въ качествѣ военнаго инженера. Прежде чѣмъ описывать подробно эти замѣчательныя карты Южной Россіи, необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ Бопланѣ.

Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ (*Guillaume le Vasseur de Beauplan*), родомъ изъ Сѣверной Франціи, именно, изъ Нормандіи, родился около 1600-го года близъ г. Руана или же въ семъ послѣднемъ. Получивъ солидное образованіе на родинѣ, Левассеръ-де-Бопланъ, неизвѣстно, въ силу какихъ обстоятельствъ, оставляетъ Францію и поступаетъ на службу къ польскому королю. Время, когда Бопланъ пріѣхалъ въ Польшу, относится къ 1630-му или же 1631-му г.[1])

[1]) По собственнымъ словамъ Боплана, онъ провелъ шестнадцать слишкомъ лѣтъ въ Украинѣ; такъ какъ удаленіе изъ Украины Боплана относится къ началу войнъ

Появленіе и значительно долгое пребываніе Боплана въ Украинѣ обусловливалось тѣми мѣропріятіями, какія принимало въ это время польское правительство для защиты отъ враговъ своихъ южныхъ и юго-восточныхъ границъ. Возраставшее могущество сосѣдей, особенно Турецкаго государства, раздвигавшаго съ каждымъ годомъ свои предѣлы все дальше и дальше, сильно тревожило польское правительство, а потому открытое положеніе южныхъ предѣловъ Польскаго государства вызвало со стороны послѣдняго стремленіе обезопасить этотъ край и рядомъ крѣпостей прикрыть его слабые пункты. Задуманный планъ, мало-по-малу, начинаетъ приводиться въ исполненіе, и въ десятокъ-другой лѣтъ на степномъ пограничьи возникаетъ цѣлая сѣть укрѣпленій, подъ защитой которыхъ ширится и растетъ все больше и больше трудъ пахаря. Массами повалилъ народъ въ новыя, привольныя мѣста, привлекаемый разнаго рода льготами и обѣщаніями... Бопланъ былъ однимъ изъ ревностныхъ выполнителей этого плана польскаго правительства. Въ теченіе шестнадцати или же семнадцати лѣтъ онъ странствовалъ изъ одного края обширной Украины въ другой, возводя и намѣчая къ возведенію крѣпости и разнаго рода укрѣпленныя преграды для задержанія непріятеля. Особенно много потрудился Бопланъ надъ возведеніемъ укрѣпленій въ пограничной со степью полосѣ Днѣпровскаго правобережья. Предстепная полоса земель на правой сторонѣ Днѣпра обращала на себя особенное вниманіе польскаго правительства: она защищала собой, съ юга, собственно польскія земли. На этой-то полосѣ главнымъ образомъ и трудился Бопланъ. Кромѣ правой стороны Днѣпра, Бопланъ бывалъ часто и на лѣвой сторонѣ вышеназванной рѣки, все съ тою же цѣлью, о которой мы говорили раньше. Пріискивая удобныя для укрѣпленій мѣста, Бопланъ лично знакомился съ топографіей Украины, которую онъ исколесилъ въ разныхъ направленіяхъ.

Кромѣ построенія крѣпостей, Бопланъ, по порученію короля Владислава IV и его гетмана Конецпольскаго, занимался подробной съемкой на планъ мѣстности, расположенной въ бассейнѣ Средняго Днѣпра со всѣми его притоками. Этого требовали военныя соображенія того времени. О своемъ обширномъ и цѣнномъ

Хмельницкаго, то, слѣдовательно, время прибытія его въ Польшу придется между 1630 и 1632-мъ годомъ..

трудѣ—картѣ Украины и ближайшихъ къ ней мѣстъ—Бопланъ говоритъ не безъ гордости: карты Украины стоили для него многихъ лѣтъ труда на мѣстѣ и кропотливыхъ дополненій въ послѣдующее время [1]).

Вскорѣ послѣ начала казацкихъ войнъ, предпринятыхъ подъ начальствомъ Хмельницкаго, Бопланъ покидаетъ Польшу и возвращается на родину, въ Руанъ [2]). Мы не знаемъ точно настоящихъ мотивовъ оставленія Бопланомъ польской службы. Бѣдственное состояніе Польскаго государства въ половинѣ XVII вѣка вслѣдствіе анархіи въ сферѣ администраціи, суда, финансовъ и военнаго дѣла, были, кажется, главнѣйшей причиной удаленія Боплана на родину [3]). Поселившись въ Руанѣ, Бопланъ не могъ забыть того края, гдѣ онъ провелъ столько лѣтъ въ трудѣ и опасностяхъ. Часто, въ кругу близкихъ лицъ, онъ велъ длинные разсказы о тѣхъ земляхъ, гдѣ жилъ, и его разсказы были настолько интересны и оригинальны, что друзья посовѣтовали ему напечатать ихъ.

Въ 1650-мъ году Бопланъ напечаталъ въ Руанѣ небольшую книжку объ Украинѣ: „Description de l'Ukranie", которая назначалась собственно не для продажи, а для раздачи друзьямъ [4]). Она вышла всего въ 100 экземплярахъ, составляющихъ въ настоящее время величайшую рѣдкость. Къ этой книжкѣ, посвященной Бопланомъ польскому королю Яну-Казиміру, прилагалась наскоро сдѣланная генеральная карта Украины, на которой находилось, на французскомъ языкѣ, обращеніе къ читателю, гласящее, что предлагаемая карта Украины составлена на-скоро, и что скоро выйдетъ въ свѣтъ болѣе подроб-

---

[1]) «Je quitteray donc ce discours—говоритъ Бопланъ въ своемъ предисловіи, обращенномъ къ польскому королю,—pour dire à Vostre Maiesté que ce grand homme de guerre et d'estat, l'Inuincible Konespolski, ayant reconnu les soins, les peines, et le long temps que i'auois employé pour paruenir à la construction de cette carte, eut la bonté d'en informer tellement le feu roy, que sa Maiesté fut dans la resolution de m'honorer d'vne recompense considerable: mais la mort mit auec eux, mes esperances au tombeau». *Description de l'Ukranie, par Chevalier de Beauplan.* Nouvelle édition, publiée par le prince Aug. Galitzin, Paris, 1861, p. 7—8.

[2]) *La grande encyclopedie, t. V, p. 1056.*

[3]) Въ «Biographie universelle». (t. 3, p. 650—51) говорится, что Бопланъ, «privé par mort du roi Ladislas de la récompence, que ce prince lui avait promise, et négligé par son successeur, Jean Casimir, plus connaisseur en théologie, qu'en administration, il se rétira dans sa patrie, où il publia sa «Description de l'Ukraine».

[4]) *La grande encyclopedie*, V, p. 1056. *Biographie universelle*, t. 3, p. 650—651.

ная, вчетверо большая карта Украины, надъ которою не мало работалъ авторъ, составляя ее по собственнымъ измѣреніямъ и чертежамъ. Намъ удалось видѣть эту карту перваго изданія: она хранится въ Кенигсбергѣ, въ Королевскомъ Государственномъ Архивѣ, за № 720.

Заглавіе карты на латинскомъ языкѣ и буквально таково: *Delineatio generalis camporum desertorum, vulgo Ukraina, cum adjacentibus provinciis, bono publico erecta per Guilhelmum le Vasseur de Beauplan, S. R. M-tis architectum militarem et capitaneum* [1]). Затѣмъ идетъ обращеніе къ читателю, объясняющее причину появленія въ свѣтъ этой карты и обѣщающее новое, подробное изданіе картъ Украины. Это обращеніе, оказывается, издано на двухъ языкахъ—французскомъ и латинскомъ. Послѣднее вышло въ Данцигѣ, въ 1648 г.; что же касается карты съ французскимъ текстомъ, то неизвѣстно, гдѣ она была напечатана; судя по всему, вѣроятно, не въ Данцигѣ, а, скорѣе, въ Руанѣ. Содержаніе обоихъ этихъ обращеній къ читателю почти одно и тоже, но французскій текстъ содержитъ больше подробностей и нѣсколько длиннѣе латинскаго, такъ что съ большой вѣроятностью можно полагать, что французскій текстъ составляетъ первую редакцію, за которой уже появилась вторая, на латинскомъ. Вотъ содержаніе Бопланова обращенія къ читателю на французскомъ языкѣ: Cher lecteur! J'ay gravé à la haste pour la necessité du temps présent ceste carte generale d'Ocranie, la revolte des casaques et la mort du roy m'ont interdit de commencer par les provinces et particularitez de ce pay, telle que l'auteur me les a donné par ordre, te promettant de ce jourdhuy de commencer a icelles chartes et particularitez (en un point quadruple en grandeur de la generale) et ne les point quitter, que je ne les ayes finis avec toutes les instructions et raretez, qui se trouveut en ces contrées. Recoit donc, cher lecteur, ce mien petit labeur, en attendant, que Dieu m'aye fait la grace de finir la grande, ou je n'assure que ta curiosité sera amplement satisfaitte, à Dieu [2]). Между тѣмъ, текстъ латинскій содержитъ слѣдующее:

---

[1]) У Аделунга (Древнія иностранныя карты Россіи, стр. 81), кромѣ этого латинскаго заглавія карты, прибавлено, что карту гравировалъ Вильг. Гондіусъ: *Guil. Hondius fecit. Gedani, 1648.* У Block'a, кромѣ того, прибавлено: Cum privilegio S. R. M-tis Pol. См. *Block*: Das Kupferstich-Werk des Wilhelm Hondius, p. 15.

[2]) См. отдѣленіе картъ въ *Königliche Staats-Archiv in Königsberg*, № 720.

Calcographus lectori salutem. En tibi, amice lector, delineationem generalem nobilissimae provinciae inclyti regni Poloniae, vulgo Ukraina dictae, cum campis desertis adjacentiumque regionum confiniis pro praesentis temporis necessitate festinanter satis adumbratam, specialem vero, quam cum bono Deo jam aggredior, quadruplo majorem eandemque accuratissime elaboratam, qualem nullą aetas adhuc vidit propediem accipias, dummodo constabit hanc operam et studium auctoris tibi non ingratum fuisse. Vale et caeptis bene fave [1]).

На первый взглядъ является непонятнымъ, зачѣмъ спѣшилъ Бопланъ съ изданіемъ этой наскоро составленной карты, когда имъ было уже собрано и подготовлено для изданія въ скоромъ времени множество матеріала? Это недоразумѣніе разъясняется въ настоящее время весьма легко: Бопланъ напечаталъ книгу объ Украинѣ и посвящалъ ее польскому королю; для иллюстраціи собственно своей книги и для напоминанія о томъ, что готовится вскорѣ къ выпуску большая подробная карта Украины, Бопланъ и приложилъ къ „Description de l'Ukranie“ генеральную, орьентировочную карту послѣдней. Что это было такъ и что Бопланъ, кромѣ приложенной къ тексту „Description de l'Ukranie“ карты, работалъ еще надъ спеціальнымъ атласомъ Украины,—можно удостовѣриться изъ слѣдующаго письма Боплана къ астроному Говелю (Hovel), отъ 8 авг. 1651 г.:

„Monsieur, Ce m'a esté avec regret, que je suis party de Dantzig, sans avoir l'honneur de prendre congé de vous, m'estant donné l'honneur de vous visiter plusieurs fois pour ce sujet; mais je ne fus assez heureux de trouver le temps, dans mes visites, de vous pouvoir voir, à cause de vostre grande maladie. C'est ce qui me priva pour lors l'honneur de vous voir; celle-cy vous visitera de ma part, en vous preséntant un livret, qui traicte des choses les plus notables et considérables lieux des contrées d'Ocrainie. Je vous prie donc de le recevoir de la sorte, comme de bon coeur je vous le prèsente, comme estant, Monsieur, Vostre très-humble et très-affectionné serviteur, de Beauplan. De Rouen, ce 8 aoust 1651,

---

[1]) Ж. М. Н. П., 1840, статья Аделунга о древнихъ иностр. картахъ Россіи, стр. 80—81.

„Je ne doute nullement, que Mons. Hondius ne vous aye présenté la grande carte d'Ocrainie, comme il m'avoit promis à mon départ de Dantzig“ [1]).

Такимъ образомъ, выпущенная Бопланомъ при сочиненіи его объ Украинѣ орьентировочная карта послѣдней никоимъ образомъ не должна быть смѣшиваема съ тѣми спеціальными, подробными картами Украины, которыя вышли отдѣльно отъ книги и которыми Бопланъ по справедливости могъ гордиться. Равнымъ образомъ, и приложенная ко второму Руанскому изданію „Description de l'Ukraine“ Боплана карта — такая же точно орьентировочная и, конечно, полезная для читателя карта, какъ и при первомъ изданіи. Эта карта носитъ такое заглавіе: Carte de l'Ukrainie, contenant plusieurs provinces, comprises entre les confins de Moscovie et les limites de Transilvanie, dresseé par G. L. V. sieur de Beauplan, ingénieur et capitaine de l'artillerie du sérenissime roi de Pologne, a Rouen, chez Jacques Cailloue. Русскіе историки долгое время считали приложенную къ Description de l'Ukranie карту Боплана его главнымъ трудомъ и, конечно, надѣлали не мало ошибокъ. Однако, уже ученый Лербергъ выразилъ сомнѣніе и заявилъ, что *„приложенная къ сочиненію Боплана карта должна быть не та, на которую онъ ссылается: она представляетъ Украину въ маломъ размѣрѣ, очень не ясно; Бопланово же описаніе совершенно сходно съ новѣйшими и лучшими картами“* [2]).

Какъ оказалось затѣмъ, это сомнѣніе Лерберга имѣло глубокое основаніе. Въ настоящее время, на основаніи имѣющихся подъ руками картъ Боплана, выяснено, что онъ выпустилъ въ свѣтъ большія карты Украины, представляющія отдѣльно составныя части этой страны [3]). Выпуски Бопланових картъ Украины заключали въ себѣ по 8 листовъ, на каждомъ изъ которыхъ изображалась какая-либо часть страны.

---

[1]) Description de l'Ukranie. Nouvelle édition par Aug. Galitzin, Paris, 1861, p. VIII—IX.

[2]) См. Изслѣдов., служащ. къ объясн. древней Россійской имперіи, Лерберга, с. 277 и Устряловскій переводъ сочиненія Боплана: « Описаніе Украины» (предисловіе).

[3]) La grande encyclopedie, Paris, t. V, p. 105-i; Biographie universelle, Paris, tome 3, p. 650—651.

Боплановы карты, относящіяся къ первому изданію его „Description de l'Ucranie", считаются большой рѣдкостью. Насколько извѣстно, онѣ сохранились только въ трехъ мѣстахъ, а именно: въ *Краковѣ*, въ музеѣ князей Чарторійскихъ, въ *Подоліи*, въ собраніи документовъ графа Болеслава Старчинскаго, и въ Кенигсбергѣ [1]). Намъ пришлось видѣть одну изъ картъ этого изданія. Она находится, какъ мы упомянули выше, въ г. Кенигсбергѣ. Карта сильно потерта, очевидно, отъ частаго пользованія ею; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней сдѣланы порыжѣвшими отъ времени чернилами надписи французскими буквами. Югъ на картѣ показанъ вверху, а сѣверъ—внизу. Вокругъ заглавія, ограниченнаго рамкой, помѣщены: вверху польскій государственный гербъ; направо отъ него—запорожецъ съ выбритой головой и длиннымъ чубомъ; при запорожцѣ находится лошадь; съ лѣвой стороны заглавія помѣщено изображеніе женщины съ колосьями хлѣба подъ мышкой и съ ведрами въ лѣвой рукѣ; рядомъ—казакъ, въ кафтанѣ и отороченной мѣхомъ шапкѣ, съ ружьемъ и саблей; далѣе—молодой безусый казакъ опирается на надпись; рядомъ — женщина съ печальнымъ лицемъ.

Карта отличается большими подробностями, ничуть не уступающими подробностямъ послѣдующихъ картъ. Особенно подробно очерчена гидрографія и картина лѣсовъ края; множество поселеній показаны какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ средняго Днѣпра. Изъ рѣкъ Днѣпровскаго лѣвобережья указаны на картѣ слѣдующія: Остеръ, Десна съ Сеймомъ, Трубежъ съ Недрой, Супой, Сула, Удай, Сухая-Оржица, Гнилая-Оржица, Чумгакъ, Переводъ, Слѣпородъ, Лохвица, Отава (Otawa), Роменъ, Пселъ, Хоролъ, Голтва, Ворскла, Орель, Самара.

Мѣстность по теченію рѣкъ Сулы, Хорола, Псла, Голтвы и пр. мы видимъ густо заселенной: она испещрена названіями многихъ селъ, городовъ, мѣстечекъ и городищъ. Такъ, на р. Сулѣ указаны: Жовнинъ, Старое, Еремѣевка, Горошинъ, Буромка, Лубны, Снятинъ, Сенча, Пески, Млины, Лохвица, Юсковцы, Бѣлогорѣлки, Глинскъ, Бобрикъ, Ромны,

---

[1]) Das Kupferstich-Werk des Wilh. Hondius. Mit alphabetischen und chronologischen register, sowie mit reproductionen nach des cunstlers besten stichen herausgegeben von *J. C. Block*. Danzig, 1891, s. 16.

Бубны, Дмитровка, Тарговицкое городище, Бѣлгородское городище; далѣе — Гайворонъ, Самборъ, Городище и проч.; затѣмъ, въ сѣверной полосѣ Лѣвобережья: Держикрай, Туровка, Бѣлошапки, Варва-Журавка, Злодѣевка (гдѣ теперь село Антоновка)[1]), Усовка, Каплинцы, Харьковцы (*Karcowice*), Деймановка (*Demanowka*), Пирятинъ (*Peratin*), Повстенъ (*Pustin*), Карпиловка, Куринька, Пески, Городище - Многа; на рр. Слѣпородѣ и Оржицѣ: Черевки, Кокошки, Пулинцы, Юсковцы, Савинцы, Александровка, Остановка, Оржица, Лукомье, Плехово, Денисовка, Круподеринцы, Яблоновка, Бѣлоусовка, Корнѣевка, Короваи, Кулаженцы, Никоновка, Малютинцы, Лемешевка, Демковка, Чумгакъ и пр. На Супоѣ, близъ Усовки, помѣщены лѣса; указаны также Быковъ, Басань, Бобровица, Носовка, Кобыжча, Козелецъ, Барышевка и пр. На р. Пслѣ помѣщены: Потокъ и Новый Потокъ, Омельникъ, Манжелея (Mansielicha), Олтва (Oltwa), Horodyski H, Каменное Городище, Плещики, Khyszowka, Гадячъ, Лютенька, Зеньковъ, Borok, Краснополь, Zygmuntokov, Богачка, Balke, Остапье, Ѳедюшка, Ахтырское городище. На верховьяхъ рр. Псла, Сулы, Ворсклы и Мерла—густые лѣса. По р. Хоролу села: Ѳедоровка, Ярошевка, Зубаневка, Радошевка, Заиченцы, Купановка, Bobaziowka, Турбаевка, Zenecni, Безпальце, Миргородъ, Сорочинцы. Хомутецъ, Березовка, Туровка, Токаревка, Розановка, Липове, Опанасовка, Берестечка и пр. На Ворсклѣ помѣщены: Опочня, Бѣльское городище, Elnik, Полтава (Pultawa), Старые и Новые Сенджары, Кобеляки; на Мерлѣ—Hadeski H.; ниже Мерла написано: Gole Pole. На Голтвѣ—Рѣшетиловка и проч.

На картѣ изображенъ также Муравскій шляхъ, къ востоку отъ котораго написано: *Loca deserta.*

На западѣ отъ пороговъ, въ степяхъ, показана пустыня: *Loca deserta.* Лѣсная растительность указана также по Днѣпру, Роси и пр.

Въ Парижѣ, въ Національной библіотекѣ, мы имѣли возможность видѣть двѣ генеральныя карты Боплана, изображающія собою Украину: одна раскрашена красками (акварелью), другая—безъ красокъ. Кромѣ разницы въ фигурахъ, украшающихъ собою заглавія картъ, эти послѣднія во всемъ сходны съ той, которая находится

---

[1]) Антоновка и до сихъ поръ пользуется дурной славой: жители ея слабо различаютъ свою собственность отъ чужой.

въ Кенигсбергѣ. На нихъ подробно указано множество рѣкъ, рѣчекъ, селъ, мѣстечекъ, городовъ и городищъ; указаны также лѣса, пустопорожнія мѣста и проч.

Второе изданіе картъ Боплана, значительно пополненныхъ и представленныхъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, сравнительно съ первымъ изданіемъ, вышло въ1650-мъ году, въ Данцигѣ, изъ мастерской извѣстнаго картографа Гильома Гондіуса. Эти карты носили такое заглавіе: *Delineatio specialis et accurata Ukrainae, cum suis palatinatibus et districtibus, provinciisque adjacentibus, bono publico erecta per Guilielmum le Vasseur de Beauplan* (S. R. M-tis Poloniae et Sueciae) [1], *architectum militarem et capitaneum, aeri vero incisa opera et studio Wilh. Hondii, S. K. M-tis Poloniae et Sueciae calcographi privilegiati. Gedani. Anno Domini MDCL.*

Вотъ эти-то карты втораго изданія и составляютъ собственно тотъ трудъ, о которомъ съ гордостью упоминаетъ Бопланъ. Заглавіе помѣщается вверху картъ. На поляхъ ихъ изображены: національное оружіе и фигуры въ польскихъ костюмахъ. Карты вчетверо больше изданныхъ раньше. Согласно обычаю старыхъ географовъ, сѣверъ поставленъ внизу, а югъ—вверху. Сбоку на каждой картѣ надпись: „Guilhelmus le Vasseur de Beauplan, S. R. M-tis archit. militaris et capitaneus, mensuravit; Wilhelmus Hondius, S. R. M-tis calcographus, sculpsit, cum privilegio S. R. M-tis, in triginta annos. Gedani, 1650.

Генеральная карта представляетъ Кіевское, Волынское и Брацлавское воеводства, а также Покутье, часть Сѣверщины и Черниговщины. Она чрезвычайно интересна тѣмъ, что на ней съ большими подробностями и весьма точно обозначены границы какъ между воеводствами, составлявшими Украину, такъ и съ сосѣдними странами.

Съ Московскимъ государствомъ здѣсь обозначены границы въ томъ видѣ, какъ онѣ были опредѣлены по миру 1634 года.

На картѣ показано множество городовъ, селеній, слободъ и крѣпостей, какъ существовавшихъ испоконъ вѣковъ, такъ и вновь основанныхъ; особенно интересно указаніе на остатки городищъ, относя-

---

[1]) Такъ поставлено у Аделунга; у Block'a же послѣ имени *Beauplan* нѣтъ прибавленія—S. R. M-tis Poloniae et Sueciae (оно отнесено къ Вильгельму Гондіусу, который состоялъ привилегированнымъ гравером короля польскаго и шведскаго).

щихся къ отдаленной, языческой эпохѣ. Не забыты и важнѣйшіе пути, пролегавшіе черезъ страну; такъ, указаны *Черный татарскій* и *Муравскій шляхи*, которыми обыкновенно кочевники вторгались въ южнорусскія земли. Рѣчная сѣть, лѣсная растительность и привольныя степи обозначены чрезвычайно подробно и точно. Интересны поселенія по берегамъ нижняго Днѣпра, начиная отъ пороговъ и до Чернаго моря.

Всѣ части Украины изображены на 8-ми листахъ; на восьмомъ представлена карта всей Украины, въ уменьшенномъ, конечно, масштабѣ. Она издана въ Руанѣ и схожа съ той, какая была выпущена Бопланомъ при первомъ изданіи своего „Description de l'Ukranie". Заглавіе этой карты на французскомъ языкѣ. Въ числѣ украшеній на ней находится много фигуръ въ польской одеждѣ. Одна изъ нихъ представляетъ несущагося на лошади всадника съ копьемъ, украшеннымъ развѣвающимся флагомъ. Кромѣ этихъ большихъ картъ, составляющихъ, по измѣренію *Block*'а, 220 сантиметровъ въ длину и 83 сантиметра въ ширину [1]), *Бопланомъ были изданы еще и отдѣльныя карты Кіевскаго, Черниговскаго, Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ, а также Покутья* [2]).

Бопланова карты, отличавшіяся большой точностью и добросовѣстностью исполненія, весьма цѣнились современниками. Польскіе короли неоднократно пользовались ими для военныхъ цѣлей, особенно во время войны съ турками во второй половинѣ XVII вѣка. Тогда Бопланова карты были переиздаваемы нѣсколько разъ безъ измѣненій или же какихъ-либо дополненій, такъ какъ по тому времени, онѣ являлись своего рода совершенствомъ. Наиболѣе удачными подражаніями (копіями) Боплановымъ картамъ могутъ считаться собранія картъ *Петра Шенка* (*Petrus Schenk*), въ Амстердамѣ, и *Moses Pitt*'а, въ Англіи.

Мы имѣли въ рукахъ четыре Бопланових картъ, переизданныхъ Мозесомъ Питтомъ съ участіемъ *Waesberg*'а и составляющихъ въ настоящее время собственность профессора Кіевскаго университета В. Б. *Антоновича*.

---

[1]) J. C. Block. Das Kupferstich-Werk des Wilh. Hondius, p. 16.

[2]) Später wurden nach dieser Karte von acht Blättern in Amsterdam einzelne Karten von den Woiwodschaften Kijow, Czernikow, Brazlaw, Pokucz und Podolien herausgegeben. *J. C. Block. Das Kupferstich-Werk des W. Hondius, p. 16.*

Ученые изслѣдователи, тщательно сличавшіе это Веберге-Ингерское изданіе съ оригиналами Бопляновыхъ картъ, согласны, что оно только и отличается отъ своего оригинала тѣмъ, что здѣсь, вмѣсто помѣщенія юга сверху карты, а сѣвера внизу, какъ въ оригиналѣ, представлена обыкновенная ориентировка (сѣверъ вверху, а югъ внизу) и дано оглавленіе на двухъ языкахъ [1]).

Одна изъ этихъ изданныхъ Pitt'омъ Бопляновыхъ картъ представляетъ Украину въ общемъ видѣ; это такъ называемая генеральная карта *Украины*. Три другихъ—областныя, изображающія каждая составную область *Украины* въ отдѣльности. Генеральная Бопланова карта имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Typus generalis Ucrainae, sive palatinatuum Podoliae, Kioviensis et Braclaviensis, terras nova delineatione exhibens*". Другая карта, описывающая въ подробности *Подолію*, носитъ такое заглавіе: *Ucrainae pars, quae Podalia palatinatus vulgo dicitur*. Третья, касающаяся подробностей *Брацлавщины*, озаглавлена: *Ucrainae pars, quae Braclavia palatinatus vulgo dicitur*. Четвертая, представляющая горную восточную часть Галиціи (Коломыйскій округъ), оглавлена такъ: *Ucrainae pars, quae Pocutia vulgo dicitur*.

На картахъ, нѣсколько ниже заглавія, находятся напечатанныя мелкимъ шрифтомъ надписи, удостовѣряющія, что это Бопляновы карты. Эти надписи содержатъ слѣдующее: *Per Guilhelmum le Vasseur de Beauplan, S. R. M-tis Poloniae architectum militarem etc.*

Всѣ карты съ золотообрѣзными краями; кромѣ того, золотое тисненіе, прекрасно сохранившееся до настоящаго времени, видно и на коронѣ, помѣщенной въ верху польскаго государственнаго герба (бѣлый орелъ на красномъ полѣ), и на мѣстахъ многихъ городовъ, обозначенныхъ золотымъ кружкомъ въ срединѣ обыкновеннаго городскаго знака. Такіе золотые кружки отчетливо видны въ знакахъ слѣдующихъ городовъ на правой сторонѣ Днѣпра: Кіева, Канева, Корсуня, Чигирина, Чернобыля, Умани, Константинова, Хмельника, При-

---

[1]) On doit encore à Beauplan une carte de l'Ucranie, en quatre feuilles, devenue fort rare. Danville en parle avec beaucoup d'éloges. Janson Walsberg en donna, à Amsterdam, une nouvelle édition, qui ne diffère de l'original que parce qu'elle est orientée à l'ordinaire et accompagnée de deux légendes historiques: dans l'original, le sud est en haut de la carte. *Biographie universelle* ancienne et moderne ou histoire par ordre alphabetique de la vie publique et privée de tous les hommes etc. Paris, t. III, p. 651.

лукъ, Брацлава, Ладыжина, Бершади (Bercad), Новаго-Конецполя, Шарогрода (Czarigrod'a), Чорткова, Мшеча (Morcz'a) и Снятина (Sziatin'a); а на лѣвой сторонѣ Днѣпра—въ обозначеніяхъ городовъ: Нѣжина, Прилукъ, Борзны, Роменъ, Лохвицы, Хорола и Голтвы [1]).

Генеральная карта начерчена по градусной сѣти, съ градусами широты и долготы, и, относительно, довольно правильно. Сѣверъ на ней указанъ вверху, какъ на нынѣшнихъ картахъ, а югъ—внизу. Областныя карты начерчены безъ градусной сѣти, но съ показаніями градусовъ долготы и широты. Масштабная скала, помѣщенная при генеральной картѣ, довольно подробна; на ней приведены измѣренія въ шести видахъ: миляхъ украинскихъ, польскихъ, германскихъ, итальянскихъ и московскихъ (milliaria polonica, ocrenica, germanica, italica, moscovitica) и гальскихъ лье (leucae Gallicae).

Подобный же масштабъ имѣется и на каждой изъ областныхъ картъ Боплана.

Таблица объяснительныхъ знаковъ на всѣхъ картахъ Боплана имѣетъ такое заглавіе: *Signorum vel characterum declaratio.*

Городъ обозначается миніатюрнымъ изображеніемъ церкви съ двумя пристройками при ней; это—*urbs antiquum christianum;* такое же изображеніе, но съ полумѣсяцемъ на шпицѣ зданія, вмѣсто креста, обозначаетъ турецкую крѣпость (*oppidum Turciae*); *село* (*pagus*) обозначено небольшимъ кружкомъ; *городище* или развалины (*ruinae*)—двойными концентрическими кружками; *источники* (fons)—кружкомъ, вокругъ котораго идетъ кругъ изъ точекъ; *рѣка* (flumen)—буквой R; *направленіе* теченія *рѣки* (signum quo flumen decurrit)—стрѣлой →; *стоянки татаръ* (pagi tartarum hamaybiarum) — рисункомъ татарскихъ кибитокъ или арбъ; *гора* (mons)—буквой G. (вѣроятно: góra); *курганъ* (molendium) — знакомъ холма ✻; *переходъ* или *бродъ* (transitus)—двумя параллельными линіями, пересѣченными рядомъ точекъ ⁝⁝⁝

Издатели атласа, повидимому, много заботились о красотѣ и изяществѣ его. Такъ, каждое изъ заглавій карты украшено фигурами

---

[1]) Мы не умѣемъ объяснить, почему одни изъ знаковъ городовъ были украшены этими золотыми кружками, другіе—нѣтъ. Быть можетъ, золотые кружки обозначали собою католическіе костелы.

лицъ, одѣтыхъ въ свои національные костюмы и со всѣми атрибутами вооруженія и предметами домашняго обихода. Всѣ фигуры раскрашены акварелью. Не только заглавія картъ, но и масштабныя скалы изукрашены вокругъ особыми рамками съ различными, прекрасно исполненными акварелью, фигурами, по большей части, маленькихъ крылатыхъ ангеловъ.

Вокругъ заглавія обыкновенно помѣщаются фигуры, аллегорически изображающія собой главныя занятія и образъ жизни той страны, которая обозначена въ заглавіи. Такъ, на генеральной картѣ Украины представлено четыре фигуры, изъ которыхъ одна, съ лѣвой стороны, изображаетъ польскаго магната, съ гордой осанкой и чувствомъ важности на лицѣ; съ правой стороны, шляхтичъ срываетъ шапку съ казака.

На картѣ Подоліи, сверху заглавія, изображенъ вооруженный копьемъ житель ея, выглядывающій изъ-за твердыни, на которой играютъ дѣти, сплетающія вѣнокъ или длинную ленту изъ дивныхъ произведеній природы страны.

На картѣ Брацлавской земли изображенъ сидящій поселянинъ, сжимающій въ рукахъ змѣю. Въ ногахъ его щитъ.

Особенно характерны украшенія вокругъ заглавія карты Покутья. Здѣсь изображены стрѣляющіе изъ лука люди, одѣтые въ желтые халаты и мѣховые шапки съ красными верхами.

На областныхъ картахъ изображены довольно точно и подробно ретраншементы тѣхъ крѣпостей, которыя были или вновь выстроены, или же перестроены Бопланомъ, согласно современнымъ требованіямъ фортификаціонной науки. Среди нихъ также попадаются золотые кружки, очевидно, изображающіе собою христіанскіе храмы.

Областныя карты чрезвычайно интересны въ сопоставленіи ихъ съ генеральной картой. Онѣ наглядно и неопровержимо показываютъ, какъ жестоко ошибались тѣ изслѣдователи, которые въ историческихъ трудахъ своихъ основывались, какъ на неоспоримомъ авторитетѣ, только на одной лишь генеральной, часто извращенной позднѣйшей перепечаткой, картѣ. Все, что не было поставлено на генеральной картѣ, эти изслѣдователи считали несуществовавшимъ. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, было далеко не такъ. Оказывается, что областная, какъ болѣе обширная по объему, карта заключаетъ въ себѣ такое количество населенныхъ пунктовъ, какого никоимъ обра-

зомъ не могло быть представлено на генеральной картѣ. Такимъ образомъ, пользуясь одною только генеральной картой, нельзя дѣлать категорическихъ и преждевременныхъ выводовъ о степени населенности той или другой области.

Областныя карты раскрашены одной какой-либо сплошной краской (акварелью): Кіевское воеводство—желтой, Подолія—зеленоватой; Волынь—розовой, Брацлавщина—синеватой, Покутье—розовой и пр. Особыми цвѣтами красокъ расписаны и сосѣднія земли: Молдаво-Валахія, Крымскія владѣнія, Московское государство.

На Боплановыхъ картахъ указано не одно лишь политико-административное дѣленіе страны со многими городами, селами, рѣками и пр., но, по-возможности, представлена и топографія страны. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ карты указаны не только горныя цѣпи, кряжи, плоскогорія и пр., но также холмы и утесы, чѣмъ-либо ознаменовавшіе себя. Кромѣ того, какъ на генеральной, такъ и на областныхъ картахъ, обозначено весьма много лѣсовъ, и, съ этой стороны, трудъ Боплана интересенъ не для однихъ только историковъ, но и для естествоиспытателей.

Лѣсъ обозначается на картахъ тѣсно сплоченной группой деревьевъ, окрашенныхъ обыкновенно зеленой краской. Особенно подробно представлены лѣса на областныхъ картахъ, гдѣ приведены даже мѣстныя названія лѣсовъ. Значительныхъ размѣровъ лѣсныя чащи и сплошные лѣса указаны Бопланомъ въ слѣдующихъ мѣстахъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра: *по теченію р. Десны*, до самаго впаденія въ нее р. Сейма; *близъ Кіева*—широкой полосой по лѣвому берегу р. Днѣпра, почти до противоположнаго Каневу мѣста. Группы лѣсовъ указаны также по верховьямъ рр. Удая, Остра, Перевода, Супоя, Трубежа, по лѣвой сторонѣ Сейма, близъ Батурина, Конотопа и пр. Также подробно обозначены лѣса и на правой сторонѣ Днѣпра: *къ западу отъ Кіева*, по р. Ирпеню; *къ югу отъ Канева*, между рр. Росью и Тясминомъ и между Горнымъ Тикичемъ и вершинами Тясмина, а также по правой сторонѣ послѣдняго, до верховьевъ рр. Ингула и Ингульца. Равнымъ образомъ лѣсныя чащи указаны и въ *Волынской землѣ*, въ *Подоліи*, *Покутьи* и пр.

Пустыя, незаселенныя мѣста,—loca deserta,— указаны какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ Днѣпра: на первой—ниже Чи-

гирина, а на второй—къ востоку отъ р. Орели, но не къ югу отъ послѣдней.

Генеральная карта Боплана представляетъ обширный районъ земель: отъ Лоева (Lojewogrod), на сѣверѣ, до верхнихъ береговъ Чернаго моря, на югѣ, и отъ г. Курска и Сѣвернаго Донца, на востокѣ, до Карпатскихъ горъ и впаденія Муховца въ Западный Бугъ, на западѣ.

Въ верхней части карты, близъ Lojewogrod'a, помѣщается надпись такого содержанія: *A.° Dm. 1649 die 31 july ad Lojewogrod D. V. sub hoc sig. princeps Janussius Radzivil, Lithuaniae generalis, triginta sex milia cosacorum rebellium profligavit ducemque eorum Michalem Krayczewski caepit.*

Изъ рѣкъ въ предѣлахъ Кіевскаго воеводства указаны: *Уша*, *Тетеревъ*, *Здвижъ*, *Ирпень*, *Стугна*, *Красна*, *Рось*, со множествомъ притоковъ, *Тясминъ* съ притоками, вершина *Ингульца*, *Синюхи* и пр.

Не вдаваясь въ подробности и оставляя въ сторонѣ перечисленіе болѣе мелкихъ поселеній, укажемъ главнѣйшія изъ нихъ на правой сторонѣ Днѣпра: Чернобыль, Лоевъ, Вышгородъ, Кіевъ, Бѣлгородка, Бузова, Сосновка, Макарово, Котельня, Городокъ-Халаимъ, Бѣлополье, Паволочь, Вчерайше, Карамѣево, Фастовъ, Трилѣсы, Таборовъ, Мотовиловка, Бѣлая-Церковь, Васильковъ, Триполье, Ржищевъ, Рокитна, Ольшанка, Богуславъ, Каневъ, Чигиринъ, Володарка, Борщаговка, Лобачевъ, Ставище и пр.

Не менѣе интересна и лѣвая сторона Днѣпра—Полтавщина и Черниговщина. Изъ рѣкъ здѣсь помѣщены: *Десна* съ *Сеймомъ*, *Остеръ*, и притомъ послѣдняя рѣка—такъ, что верхнее теченіе ея сливается съ верховьемъ р. Удая, какъ это наблюдается иногда и теперь въ обильныя водой весны; затѣмъ *Борзна* съ *Дочью*; необозначенная по имени рѣка, на которой стоитъ г. *Конотопъ*; *Трубежъ* съ *Недрой*, *Супой* и *Удай* съ нѣсколькими притоками: *Многой*, *Переводомъ* и пр.; *Сула* съ притоками: *Ромномъ*, *Отав'ой*, *Лохвицей*, *Слѣпородомъ*, *Оржицей* (показано три составныхъ рѣки); *Хоролъ*, *Пселъ*, *Ворскла* съ притоками; *Орель*, *Самара* и пр. Кромѣ вышеупомянутыхъ, главнѣйшихъ рѣкъ, на картѣ помѣщено еще множество рѣкъ и рѣчекъ, которыхъ мы не будемъ перечислять.

Сѣверная часть Лѣвобережной Украины, какъ не представлявшая прямого интереса для цѣлей Боплана, очерчена не совсѣмъ вѣрно и

отличается малыми подробностями; между тѣмъ область къ югу отъ нея—нынѣшняя Полтавская и часть Курской и Харьковской губ.—очерчена довольно подробно. Въ сѣверномъ отдѣлѣ, въ предѣлахъ между рр. Остромъ и Десной, находились слѣдующія населенныя мѣста: Слабинъ, Коропье, Выбли, Дѣвица (Солтыкова Д.), Горбовка, Хибаловка, Гальчинъ, Балашевка, Берестовецъ, Кладьковка, Ядуты, Березанка, Борзна, Демидовка, Пальчики, Шаповаловка, Умбичъ, Красиловка, Бахмачъ, Конотопъ и пр. На Трубежѣ и вблизи этой рѣки мы находимъ слѣдующія населенныя мѣста: Бобровицу, Ярославку, Гоголевъ, Свѣтильню, Русановъ, Барышевку, Борисполь, Любарцы, Скоицы, Козловъ, Леляки, Ковалинъ, Гайшинъ, Переяславль и нѣкоторыя другія. На р. Недрѣ указаны: Басань (Старая Б.) и Новая Басань, Круполь, Лукаши, Парушково, Березань, Козловъ и Леляки. По р. Супою: Быковъ, Яготинъ, Лѣсняки, Демки, Ташань, Жерноклевъ, Безпалчье, Каленики, Гдемязовъ, Пещаное, Бубново и пр. Между рр. Супоемъ и Трубежемъ указаны слѣдующія селенія: Лецки, Пологи (Яненковы), Хоцки, Рѣшотки; а между верхними теченіями рр. Трубежа, Остра и Удая: Дѣвица, Крапивна Кобыжча, Носовка, Свидовецъ, Халча, Держикрай и др.

Особенный интересъ представляютъ населенныя мѣста по теченію р. Удая, такъ какъ нѣкоторые наши изслѣдователи, введенные въ заблужденіе извращенной, небрежно изданной и далеко неполной перепечаткой Боллановой карты, приложенной къ польскому переводу „Описанія Украины“ въ собраніи сочиненій Нѣмцевича, категорически отрицали не только существованіе въ XVII в. нѣкоторыхъ селеній по теченію р. Удая, но даже значительныхъ городовъ. Послѣдніе, какъ мы убѣдились изъ описанія многихъ предыдущихъ картъ, существовали значительно раньше Боплана. У Боплана нанесены на карту слѣдующія поселенія (города, села и мѣстечки) по р. Удаю и вблизи послѣдняго: Монастырище Ичня, Прилуки, Городня, Переводочна, Крисляне, Гурбинцы, Варва Журавка, Злодѣевка (нынѣ Антоновка), Усовка, Харьковцы, Цирятинъ, Дейманоцка, Повстенъ, Карпиловка, Куринька, Пески; на притокѣ Удая Многѣ: Воронъки, Чернухи, Позники и на устьѣ р. Многи—*Mnok Horodyscze*.

Въ области между теченіемъ рр. Сулы и Удая: Крапивна, Секирницы, Сребное, Оробьевка, Іегановщина, Озеряне, Бѣлоусовка, Юсковцы, Ждановы, Тишки и пр.

На сѣверномъ притокѣ Сулы — Ромнѣ, показаны: Гайворонъ, Дмитровка, Красный-Колядинъ (Krasne), Липовое, Николаевка и пр. Кромѣ того, близъ верховьевъ р. Ромна, помѣщены два городища: *Самборское* и *Тарговицкое*.

По р. Сулѣ, начиная отъ верхняго ея теченія, приведены слѣдующіе города и мѣстечки: *Недрыгайловское Городище*, Ромны, Бобрикъ, Глинскъ, Гудимы, Бѣлагорѣлка, Лука, Лохвица, Млины, Крысы, Пекари, Пески, Сенча, Снятинъ, Березоточь, Пески, Лубны, Александровка, Лукомье, Плехово, Горошинъ, Буромка, Жовнинъ, Чигиринъ-Дуброва и неподалеку отъ послѣдняго, западнѣе,—Еремѣевка.

Мы не будемъ далѣе подробно перечислять населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по теченію рр. Хорола и Псла; замѣтимъ только, что р. Хоролъ буквально усѣяна городами, мѣстечками и селами; мы здѣсь видимъ: Берестовку, Апанасовку, Русановку, Березовую-Луку, Камышню, Долголевку, Хомутецъ, Зубовку, Бѣлики, Миргородъ, Шишаки, Хоролъ, Вишеньки, Еньки, Заиченцы, Бѣляки и проч. По р. Пслу, сравнительно съ Хороломъ, меньше поселеній, но все же вышеназванная мѣстность не была пустыней, какъ это полагаютъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, и населеніе сидѣло и здѣсь во многихъ пунктахъ (Зеньковъ, Ахтырка, Лютенька и пр.), вплоть до р. Ворсклы одѣтой въ то время густой лѣсной растительностью, среди которой были разбросаны славянскія поселенія: *Вольне* (на верхнемъ теченіи р. Ворсклы), *Ахтырка* (какъ городъ), *Глинскъ*, *Полтава*, *Федюша*, *Новые и Старые Сенжары*, *Кобеляки*.

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ генеральную карту Украины, остановившись нѣсколько подробнѣе на болѣе или менѣе существенныхъ ея сторонахъ. Мы убѣдились, на основаніи этой карты, что край, къ востоку отъ р. Сулы вплоть до рр. Ворсклы, Орели и ихъ притоковъ, еще задолго до войнъ Хмельницкаго имѣлъ значительное населеніе и вовсе не былъ такой пустыней, какъ это стараются доказать нѣкоторые изъ нашихъ историковъ. Мы основывали свои выводы, главнымъ образомъ, на основаніи генеральной карты Украины [1]). Къ со-

[1]) Вопланова карта находится въ полномъ согласіи: съ *Люстраціей* Кіевскаго воеводства, предпринятой польскимъ правительствомъ въ 1631 году, съ *Книгой Большого Чертежа*, изданной во второй половинѣ XVII ст., но составленной значительно раньше, вѣроятно, въ концѣ XVI или началѣ XVII вв., и, наконецъ, съ тѣми

жалѣнію, у насъ не было подъ рукой областной подробной карты Кіевскаго воеводства, подобной тѣмъ, какія имѣются относительно Волыни, Подоліи, Покутья и Брацлавщины. Несомнѣнно, эта областная карта внесла бы еще болѣе свѣта въ исторію Лѣвобережной Украины и разсѣяла бы упорно пропагандируемое въ наукѣ ложное мнѣніе о почти полной незаселенности южной половины Днѣпровскаго лѣвобережья въ первой половинѣ XVII ст.

Вас. Ляскоронскій.

указаніями о поселеніяхъ XVI и начала XVII вв., въ Лѣвобережной Украинѣ, какія находятся въ Актахъ Московскаго Государства, издан. Акад. Наукъ (Разрядный приказъ).

Значеніе царствованія Екатерины II-й [1]).

(Читано въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца 17 ноября 1896 г.).

I.

Въ 1777 г. посѣтилъ Петербургъ шведскій король Густавъ III и 23 іюня присутствовалъ въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ. По этому поводу въ рѣчи, произнесенной директоромъ Академіи С. Г. Домашневымъ и посвященной вопросу «о справедливости наименованіи XVIII вѣка философскимъ», мы читаемъ слѣдующія знаменательныя слова: «Наша эпоха почтена прекраснымъ названіемъ философской не потому, чтобы многіе имѣли право на имя философа или чтобы увеличилось количество познаній, а потому, что *философскій духъ* сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ *законовъ и нравовъ*: онъ освятилъ правосудіе *человѣколюбіемъ*, обычаи *чувствомъ*; онъ легъ въ основаніе двухъ важнѣйшихъ предметовъ—*законодательства и нравственности*».

Въ этихъ словахъ несомнѣнно заключается весьма мѣткая и вѣрная характеристика эпохи. Дѣйствительно, никогда еще, со времени «возрожденія» наукъ, философія и литература не имѣли такого громаднаго значенія, какъ въ XVIII стол.; никогда общественное мнѣніе, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, не казалось столь господствующимъ, какъ въ этотъ вѣкъ. Строгая пуристка Марія Терезія считаетъ необходимымъ справляться о томъ, что скажетъ о ея распоряженіяхъ въ своемъ журналѣ Шлецеръ, признававшій, что его просвѣтилъ Вольтеръ; набожная Елисавета Петровна поручаетъ (1757 г.) составленіе исторіи Петра В. Вольтеру, который съ 1746 г. состоялъ почет-

[1]) Настоящее чтеніе представляетъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго очерка, приготовленнаго для другого изданія. При изложеніи авторъ дѣлалъ нѣкоторыя сокращенія.

нымъ членомъ Петрбрг. академіи наукъ; Фридрихъ II ухаживаетъ за нимъ, приглашаетъ его въ Берлинъ и, послѣ взаимныхъ неудовольствій, все таки не можетъ обойтись безъ него, по крайней мѣрѣ въ письмахъ. Густавъ III, находясь во Франціи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Мармонтелемъ и считалъ за честь визитъ, сдѣланный ему Руссо. Кардиналъ Ламбертини, потомъ папа Бенедиктъ XIV, велъ переписку съ г-жею Тансенъ, стоявшей во главѣ тогдашнихъ литературныхъ салоновъ Франціи; а ея преемницу, m-me Жоффренъ, король польскій Станиславъ Понятовскій называлъ обыкновенно нѣжнымъ именемъ maman, пригласилъ ее въ Варшаву и принималъ какъ знатную особу. Съ великими почестями она была принята и въ Вѣнѣ. Кауницъ, австрійскій министръ, является постояннымъ посѣтителемъ ея салона въ Парижѣ. Іосифъ II посѣщаетъ г-жу дю-Деффанъ. Разговоръ о земледѣліи, о политической экономіи, о реформахъ и философіи, пишетъ Вольтеръ, считается теперь разговоромъ хорошаго тона даже при дворѣ. Въ парижскихъ литературныхъ салонахъ можно было встрѣтить и представителей англійской литературы и мысли, какъ Юмъ, Гиббонъ, Стернъ, Пристлей, и итальянскихъ ученыхъ, какъ Беккарія, Верри и аббатъ Галіани, — совершенный скептикъ, несмотря на свой санъ. Со времени появленія «Esprit des lois» (1748) политика становится предметомъ философіи[1]). Въ свою очередь, государи заявляютъ себя друзьями просвѣщенія. Освобожденіе отъ предразсудковъ, устраненіе злоупотребленій, ограниченіе власти духовенства, утвержденіе духа терпимости, распространеніе благотворительности, покровительство земледѣлію и промышленности были общими цѣлями какъ философовъ, такъ и правителей. Фридрихъ II въ своей дѣятельности руководился принципомъ, что король есть первый слуга государства. Екатерина II говоритъ: «Ласкатели по вся дни земнымъ обладателямъ твердятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены; однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа».

Еще въ 1746 г. Вольтеръ, въ своей вступительной рѣчи во Французской академіи, воздавалъ похвалу Фридриху II, говорившему и писавшему по-французски, какъ на своемъ родномъ языкѣ;

[1]) Менѣе чѣмъ въ два года сочиненіе это выдержало 22 изданія и было переведено почти на всѣ языки.

его сестрѣ, шведской королевѣ, папѣ Бенедикту XIV и русской императрицѣ, какъ покровителямъ французской рѣчи и вкуса. При Елисаветѣ Петровнѣ считали нужнымъ сообщать въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія о частной жизни Вольтера. Стихотворенія Вольтера пересылаются изъ Парижа, переводятся на русскій языкъ (Ломоносовымъ) и переводы ихъ отправляются русскому посланнику въ Парижѣ. Когда скончалась Елисавета Петровна, то Вольтеръ выражалъ сожалѣніе, что его «императрица» умерла и что онъ потерпѣлъ такимъ образомъ чрезвычайную потерю.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны французское вліяніе въ воспитаніи, литературѣ и театрѣ становится преобладающимъ. Люди со средствами заводятъ французскія библіотеки и выписываютъ французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для своихъ дѣтей, а другіе отправляются учиться въ Парижъ (гр. А. М. Ефимовскій, гр. А. Р. Воронцовъ). Гр. А. Р. Воронцовъ уже въ 12 лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями Расина, Корнеля, Буало, Вольтера и др. Княг. Е. Р. Дашкова (его сестра) пишетъ: «Какъ только я могла приняться за чтеніе (род. въ 1744 г.), книга сдѣлалась предметомъ моей страсти. Бэйль, Монтэнь, Буало, Вольтеръ были любимыми моими авторами». Любимецъ Елисаветы Петровны И. И. Шуваловъ получалъ всѣ литературныя новости изъ Франціи [1]); Н. И. Панинъ и М. Л. Воронцовъ имѣли библіотеки, а Дашкова еще въ юности составила библіотеку почти изъ 900 томовъ, въ числѣ которыхъ упоминаются французская Энциклопедія и диксіонеръ Мореры.

По своему воспитанію Екатерина [2]) принадлежала къ этой школѣ. Съ ранняго дѣтства (р. 1729 г., 21 апр. с. с., въ Штетинѣ), ей пришлось вращаться въ кругу французовъ, разселившихся по Европѣ послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Она нерѣдко вспоминаетъ своихъ наставниковъ (m-lle Кардель, Лорана—кальвиниста, пастора Вагнера), которые не вселили ей особеннаго уваженія къ Лютеру, а себя называетъ «ученицей m-elle Кардель», которую признаетъ хотя и неначитанной, но умной и всезнающей. При господствѣ въ то время въ Европѣ французскаго просвѣщенія, французская литература заняла преимущест-

[1]) И. И. Шуваловъ имѣлъ въ Женевѣ своего агента для сношеній съ Вольтеромъ—Б. М. Салтыкова, письма котораго представляютъ настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисахъ (Les délices), тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера.

[2]) До мѵропомазанія—Софія-Августа-Фридерика.

великое значеніе въ ея образованіи. Екатерина предпочитала писать по-французски, хотя не писала на этомъ языкѣ правильно, недостатокъ общій, впрочемъ, и г-жѣ Жоффренъ, и французской аристократіи того времени. Къ нѣмецкому языку она прибѣгала въ крайности, а передъ своими друзьями хвалилась, что любитъ писать по-русски. Но правописаніе ея и здѣсь страдало. Впослѣдствіи она говорила статсъ-секрет. Грибовскому: «Ты не смѣйся надъ моею русскою орѳографіей; я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошо узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала: «полно ее учить, она и безъ того умна». Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, и это самое было причиною, что я плохо знаю правописаніе». «Но она говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ знала множество», прибавляетъ авторъ записокъ. Любила Екатерина иногда щегольнуть и латинской фразой.

Частые переѣзды Екатерины (Брауншвейгъ, Цербстъ, Киль, Гамбургъ, Берлинъ и др). содѣйствовали развитію въ ней наблюдательности и общительности, а шведскій вельможа гр. Гилленборгъ, находясь въ Гамбургѣ, замѣтилъ, что подроставшая Екатерина развита не по лѣтамъ и имѣетъ философскій умъ. Спустя пять лѣтъ (1745) онъ увидѣлъ ее уже въ Россіи и далъ ей наставленіе читать серьезныя книги [1]), а именно жизнеописанія Плутарха, біографію Цицерона, соч. Монтескье: «Причины величія и паденія Рима», которыя, хотя съ трудомъ, были найдены въ Петербургѣ и отчасти прочтены ею. Далѣе слѣдовали: записки Брантома, жизнь Генриха IV Перефикса, ист. Германіи Барра, соч. Платона, Всемірная исторія Вольтера [2]), словарь Бэйля, Духъ законовъ Монтескье, церк. лѣтописи Баронія (перевед. при Петрѣ В.), лѣтопись Тацита, письма Севинье. «Въ теченіе 18 лѣтъ скуки и уединенія (1744—1762) я поневолѣ прочла много книгъ», говоритъ Екатерина. Но, когда она стала читать Вольтера, то романы перестали ее интересовать. Она читала также Рабле и Скаррона, Монтэня, Мольера и Корнеля; любимцемъ ея былъ и авторъ Жиль-Блаза (Лесажъ)—писатели,

[1]) Екатерина II впослѣдствіи признавала вліяніе его въ своемъ первоначальномъ развитіи: «а когда я обѣщаю себѣ что-нибудь, то не помню, чтобы не исполнила», замѣчаетъ она по этому поводу.

[2]) Вѣроятно здѣсь разумѣется «Abrégé de l'hist. universelle». I—II, 1753.

въ которыхъ можно было найти всю соль стариннаго французскаго остроумія («старогальскую соль», по выраженію Тэна). Подъ вліяніемъ этихъ произведеній, она вполнѣ усвоила легкость изложенія и игривость тона, которыми такъ отличаются ея письма, представляющія вмѣстѣ съ тѣмъ образцы эпистолярнаго слога. «Могу васъ увѣрить, писала она Вольтеру, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно много вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы. Но гдѣ ихъ найти! и такъ я возвращаюсь къ этому первому возбудителю моего вкуса и виновнику моихъ самыхъ дорогихъ развлеченій. Конечно, если у меня есть какія нибудь свѣдѣнія, то я ему одному обязана».... «Ваши сочиненія пріучили меня мыслить», говоритъ она Вольтеру въ другомъ мѣстѣ [1]).

Какъ извѣстно, изученіе классической древности, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи эпохи просвѣщенія, какъ и въ эпоху возрожденія, и оказало несомнѣнное вліяніе на политическія мнѣнія какъ писателей, такъ и дѣятелей времени французской революціи. Понятно, почему чтеніе Тацита произвело въ умѣ Екатерины, по ея собственнымъ словамъ (записки), страшный переворотъ. Уже въ 1790 г. она дѣлала переводы изъ біографій Плутарха (Алкивіадъ и др.), причемъ пускается въ сравненія (жизнь Коріолана) между языческими и христіанскими обрядами, негодуетъ на его новѣйшихъ продолжателей («il ne faut jamais faire cela, car les modernes ne peuvent pas avoir le tact des anciens») и заявляетъ, что переводъ изъ него укрѣпляетъ ея духъ («cela me fortifie l'âme»).

Понятно, что, по направленію ума, Екатерина, не могла быть преданной своимъ обрядамъ, но отецъ ея былъ строгій лютеранинъ и не легко мирился съ мыслію о перемѣнѣ ею исповѣданія вѣры. Нѣкоторое время она поддерживала его въ этой увѣренности; но вскорѣ уже пишетъ ему, что, *не находя никакой почти разности между вѣрами греческой и лютеранской*, она рѣшилась перемѣнить исповѣданіе и обѣщаетъ прислать ему символъ вѣры. Въ слѣдъ за тѣмъ

[1]) Въ 1783 г., по поводу чтенія сочин. Вольтера и Монтескье, Екатерина замѣчаетъ Гримму, что всѣ новые писатели дѣлали часто «похищенія» изъ басенъ Бидпая и Локмана.

она вполнѣ входитъ въ свою роль. При Елисаветѣ она строго выполняетъ всѣ обряды, хотя и относится иногда къ нимъ критически.

Екатерина усердно пользовалась своимъ продолжительнымъ уединеніемъ въ цар. Елисаветы въ интересахъ самообразованія, игравшаго такое важное значеніе въ то время. Но область искусства ей не далась. «До смерти хотѣлось бы мнѣ слушать и любить музыку, писала она Гримму, но, что я ни дѣлаю, для меня это шумъ и больше ничего». Впрочемъ этимъ недостаткомъ отличались и другія женщины ея времени. Трагедіи ей не нравятся, а комедіи ее утомляютъ, пишетъ о ней французскій посолъ; она не любитъ музыки. Въ садахъ заботится только о розахъ; вкусъ свой она любитъ проявлять исключительно въ устройствѣ своего двора. Стихи ей также не удаются.

Франц. посланникъ Лопиталь (быв. въ Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ) отозвался, что у Екатерины «горячая голова», и одни ее сравнивали со св. Терезой, другіе съ Этной. «Я пишу нервознымъ стилемъ», говоритъ она о себѣ. Однажды зашла рѣчь о томъ, чѣмъ могла бы быть Екатерина въ частной жизни и притомъ мужчиной? Дипломаты судили разно: одинъ говорилъ—мудрымъ законовѣдомъ, другой—министромъ, третій—полководцемъ; но Екатерина возразила: «вы всѣ ошибаетесь; я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую кампанію не снесла бы головы». Своимъ друзьямъ она пишетъ, какъ она плаваетъ во главѣ флота или выступаетъ передъ отрядомъ, а въ моментъ самаго тяжелаго періода пугачевщины собиралась отправиться на мѣсто дѣйствій. Докт. Вейкардъ замѣчаетъ о ней: «стоитъ только разъ увидѣть императрицу, чтобы позабыть совершенно о всѣхъ непріятностяхъ»; но прибавляетъ: «впрочемъ жениться на ней потребовало бы чрезвычайной смѣлости». Въ 1780 г., послѣ свиданія съ нею въ Могилевѣ, импер. Іосифъ II замѣтилъ, что не легко быть вторымъ лицомъ при такой государынѣ.

Въ умѣ Екатерины укладывалась масса теоретическихъ вопросовъ—политическаго, религіознаго и нравственнаго характера, но философское направленіе она признавала необходимымъ и полезнымъ во всякой отрасли знанія, не исключая и медицины, безъ котораго она считала эту послѣднюю даже безполезною [1]). Къ концу цар. Елиса-

[1]) Напомнимъ прекрасныя слова Кл. Бернара: «Какъ экспериментаторъ, я избѣгаю философскихъ системъ, но при этомъ я нисколько не отрицаю тотъ *философ-*

веты Петровны относится собственноручная записка Екатерины II (писанная карандашемъ), касающаяся общихъ вопросовъ внутренняго управленія. Изъ нея видно, что уже тогда она набрасывала проекты мнѣній и правилъ, которымъ намѣревалась слѣдовать потомъ. «Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь Богъ, пишетъ она. Слава ея дѣлаетъ меня славною». Она утверждала, что «благо» и «справедливость», прямо заявленныя, въ состояніи побѣдить всякія препятствія. Она совѣтуетъ прислушиваться къ мнѣніямъ людей, высказываемымъ даже на рынкахъ. Она замѣчаетъ, что важны не столько общія реформы, сколько направленіе правительства, дѣйствующее смягчающимъ образомъ на мысли и нравы общества. Она говоритъ, что нужно сдѣлать отечество любезнымъ и тогда не опасно будетъ посылать молодыхъ людей учиться за границу. Снисходительность, примирительный духъ власти дѣлаютъ больше, чѣмъ милліоны законовъ. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ. Далѣе, она говоритъ о свободѣ, какъ дающей душу всему; сознается, впрочемъ вслѣдъ за Монтескье, въ своей слабости къ великимъ родамъ, какъ необходимымъ въ монархіи; указываетъ на необходимость обратить вниманіе на домашнее образованіе (и въ особенности женское), представляющее «грязный ручей»; высказывается противъ крѣпостнаго права; настаиваетъ на мѣрахъ противъ страшной смертности, господствующей въ деревняхъ, на поднятіи промышленности; возражаетъ противъ конфискаціи имущества, предварительнаго ареста помимо суда, противъ чрезвычайныхъ коммиссій; прибавляетъ, что не слѣдуетъ руководиться предразсудками, что должно уважать вѣру, но не давать ей вліянія на дѣла государственныя. Въ заключеніе она опять повторяетъ: «Рабство есть гражданская потеря, убивающая взаимное состязаніе, промышленность, художества, науки, честь и изобиліе» (со ссылкой на Энциклопедію).[1])

скій духъ, который не принадлежа ни къ какой системѣ, долженъ господствовать не только во всѣхъ наукахъ, но и во всѣхъ человѣческихъ знаніяхъ... Въ самомъ дѣлѣ, философія, съ научной точки зрѣнія, представляетъ вѣчное стремленіе человѣческаго ума къ познанію неизвѣстнаго. Философы всегда разрабатываютъ спорные вопросы, принадлежащіе къ области крайнихъ предѣловъ научнаго знанія, и потому сообщаютъ научной мысли движеніе, которое облагораживаетъ и оживляетъ ее... Они поддерживаютъ жажду неизвѣстнаго и тотъ священный огонь изслѣдованія, которые никогда не должны пропадать въ ученомъ».

[1]) Духъ вѣка настолько давалъ себя чувствовать, что даже Петръ III, въ свое кратковременное царствованіе, успѣлъ отмѣнить тайную канцелярію, секуляризировать

Про Вольтера говорили, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ четырехъ королей (Пруссія, Швеція, Данія и Россія), не считая второстепенныхъ принцевъ и принцессъ, великихъ герцоговъ и маркграфовъ. То былъ, по словамъ шведскаго историка Гейера, монархическій или аристократическій періодъ этой философіи; позднѣе долженъ былъ наступить періодъ демократическій: «Руссо началъ его, и съ тѣхъ поръ прекратилась философія великихъ»... Екатерина II вѣрила въ такъ называемый «просвѣщенный деспотизмъ», а этой религіи вѣка она осталась вѣрной до гроба.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина назначила повѣреннаго въ дѣлахъ при г-жѣ Жоффренъ, т. е. при ея литературномъ дворѣ, и вступила съ нею въ переписку. Къ событію 28 іюня Екатерина всегда относилась весьма щекотливо и легко понять какъ непріятно было для нея узнать, что событіе это было передано Вольтеру въ дуріомъ свѣтѣ; но затѣмъ Вольтеръ высказываетъ уже удивленіе передъ сѣверной Семирамидой и величаетъ ее (какъ и принцъ де-Линь) Екатериною «Великимъ». Съ этого времени Вольтеръ становится преданнымъ блюстителемъ ея интересовъ и славы, а она, въ свою очередь, является ревностною покровительницею Вольтера и его друзей. Между тѣмъ, какъ она вступаетъ въ близкія сношенія съ французскими философами, у нея возникаетъ борьба съ французскимъ правительствомъ, съ мин. Шуазелемъ, который въ Польшѣ, Швеціи и Турціи старается возбудить вражду противъ нея. Съ тѣхъ поръ всѣ непріятности для нея идутъ изъ Версаля, всѣ утѣшенія изъ Парижа и Ферне, и эта борьба отражается на ея перепискѣ. Разсужденія Вольтера о приближеніи смерти вызываетъ у нея сожалѣнія; она ласкаетъ старца и угождаетъ ему, какъ преданная дочь; она шлетъ ему табакерки собственной работы, шубы, портреты. Она увѣряетъ, что дорожитъ его сочиненіями болѣе, чѣмъ подвигами Александра Македонскаго, и что его письма болѣе пріятны ей, чѣмъ та угодливость, которую могъ бы оказать ей этотъ государь. Девизомъ своимъ она называетъ «пчелу» съ надписью «полезное». Она слѣдитъ за сочиненіями Вольтера, а присланное собраніе ихъ, вмѣстѣ съ его бюстомъ, помѣщаетъ въ своемъ кабинетѣ, какъ лучшее украшеніе. Понятно, какъ должны были льстить французскимъ писа-

---

монастырскія имущества, облегчить участь раскольниковъ, ограничить монополіи, разрѣшить вывозъ хлѣба за границу, понизить цѣну на соль и т. п., и эти распоряженія вызывали похвалы и вниманіе въ Западной Европѣ.

телямъ подобныя отношенія Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II, когда, чтобы добиться постановки новой драмы или получить кресло въ академіи, Вольтеръ долженъ былъ подчиняться многимъ унизительнымъ для себя условіямъ, когда даже мнѣнія Ньютона подвергались запрещенію во Франціи, а произведенія современной литературы преслѣдовались и могли появиться въ печати только въ Англіи или Голландіи. Переписка Екатерины съ Вольтеромъ сосредоточивается на вопросахъ о вѣротерпимости, о необходимости «одной власти», на внутренней и внѣшней политикѣ. Вольтеръ является защитникомъ Екатерины въ ея отношеніяхъ къ Петру III, въ дѣлѣ Мировича, въ процессѣ Арсенія Мацѣевича, стоявшаго будто бы только за принципъ «двухъ властей», въ ея политикѣ въ Турціи и Польшѣ, гдѣ давалъ себя чувствовать религіозный фанатизмъ—это больное мѣсто въ глазахъ современныхъ философовъ [1]), несмотря на то, что на польскомъ престолѣ сидѣлъ Станиславъ Понятовскій, «сдѣланный королемъ» Екатериною,—старый ея знакомецъ, другъ энциклопедистовъ.

Почти одновременно съ Вольтеромъ, у Екатерины возникаютъ сношенія съ д'Аламберомъ, которому она предложила быть воспитателемъ вел. кн. Павла Петровича (въ 1764 г. д'Аламберъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи наукъ), и съ Дидро, Энциклопедія котораго служила ей настольною книгою, гдѣ она надѣялась найти все, что ей необходимо. Она предлагала окончить печатаніе ея въ Ригѣ; а соч. Гельвеція (De l'homme), при посредствѣ ея посланника кн. Д. А. Голицына, было напечатано въ Лондонѣ (1773) и посвящено ей издателемъ. Она пріобрѣла библіотеку Дидро (1765), оставивъ ее въ его пользованіи до конца жизни и выплативъ впередъ 50,000 ливровъ пенсіи, какъ ея библіотекарю [2]). «Въ какое время живемъ мы, писалъ Вольтеръ по этому поводу,—Франція преслѣдуетъ философію, а скиѳы ей покровительствуютъ». Онъ называетъ Екатерину самой блестящей звѣздой Сѣвера, «ибо всѣ другія звѣзды оставили бы Дидро умереть съ голоду». «Мы втроемъ: Дидро, д'Аламберъ и я, воздвигаемъ вамъ алтари: вы сдѣлали меня язычникомъ. Мы всѣ миссіонеры, проповѣ-

---

[1]) Въ 1767 г. Вольтеръ издалъ брошюру въ пользу Россіи по вопросу о диссидентахъ, переведенную и на русскій языкъ.

[2]) «Было бы жестоко разлучать ученаго съ его книгами», пишетъ Екатерина по этому поводу, и такъ поступала она въ другихъ подобныхъ случаяхъ (бар. Корфъ, Миллеръ, Палласъ).

дующіе вѣру въ св. Екатерину, и мы можемъ похвалиться, что наша вѣра довольно распространена», замѣчаетъ онъ. И друзьямъ Екатерины удалось така добиться, чтобы исторія событій 1762 г. Рюльера не была напечатана, а о самыхъ этихъ событіяхъ Вольтеръ отзывался, какъ о мелкихъ семейныхъ дѣлишкахъ, не стоящихъ вниманія.

Г-жа Бьельке, другъ матери Екатерины, жившая въ Гамбургѣ—самомъ обширномъ въ то время торговомъ центрѣ Сѣвера—была повидимому чѣмъ-то въ родѣ нѣмецкой m-me Жоффренъ, и Екатерина усердно пользовалась ея услугами (1765—1774). Нужно ли сообщить, какъ она подала примѣръ привитія оспы, какъ собирала въ Москвѣ коммиссію уложенія, разъяснить таинственную смерть Іоанна VI, ослабить впечатлѣніе, произведенное пугачевскимъ бунтомъ или опровергнуть непріятную статью «Кельнской газеты» и «Авиньонскаго курьера»,—тотчасъ пишется письмо въ Ферне, Парижъ, Гамбургъ; и любопытно видѣть, что письма къ Бьельке и Вольтеру почти всегда идутъ рядомъ, помѣчены одинаковыми числами, говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ и содержатъ иногда однѣ и тѣ же остроты. Позже (съ 1773 г.) Екатерина вступаетъ въ сношенія съ Гриммомъ, этимъ посредникомъ между нѣмецкими дворами и французскими писателями, а потомъ ея дѣятельнымъ и наиболѣе интимнымъ корреспондентомъ, «прежде всего русскимъ» и вполнѣ зараженнымъ «екатеринофильствомъ». Вопросы законодательства, литературы, просвѣщенія, ея личныя дѣла и невзгоды служатъ предметомъ взаимнаго обмѣна мыслей обѣихъ сторонъ. Если Екатеринѣ не удалось пріобрѣсть Беккарію для разработки новыхъ законовъ и пришлось разочароваться въ Мерсье де-ла Ривьерѣ, то Дидро снабдилъ ее Фальконетомъ, съ именемъ котораго связано появленіе замѣчательнаго памятника искусства въ Петербургѣ—конной статуи Петра Великаго, вдохновившей потомъ Пушкина; а съ Фальконетомъ у Екатерины возникаетъ опять обширная переписка, посвященная вопросамъ литературы и искусства и общимъ парижскимъ друзьямъ....

Когда Екатерина оказала денежную поддержку жертвамъ фанатизма и несправедливости суда во Франціи (Каласамъ, 1761—1763 г. и Сирвенамъ, 1764)[1]), принятымъ подъ защиту Вольтеромъ, то по-

[1]) Въ 1788 г. былъ изданъ переводъ «исторіи о Каласахъ», въ которой изложены свѣдѣнія по дѣлу Сирвеновъ и данныя объ отношеніи къ нимъ Екатерины II.

слѣдній въ письмѣ своемъ къ кн. Д. А. Голицыну заявилъ, что если бы онъ былъ помоложе, то самъ отправился бы въ Россію и воспѣвалъ бы ее (Екатерину) всю дорогу отъ подножія Альпъ до Архангельска. По словамъ же Мишле, ничто такъ, какъ процессъ Каласа, не уронило окончательно французскаго духовенства и не унизило правительства. Понятно, почему Екатерина представлялась Вольтеру какъ бы ниспосланною ему свыше, даже божествомъ.... Въ интересахъ торжества излюбленныхъ идей, Вольтеръ выступилъ защитникомъ свѣтской власти. «Правительство тогда только хорошо, писалъ онъ, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ»...; а Екатерина въ своей перепискѣ гордилась тѣмъ, что она, по праву, есть «глава греческой церкви», въ противоположность супрематіи папы. Образцомъ пастыря-«нефанатика» она называетъ Димитрія Сѣченова, и Вольтеръ, въ письмахъ своихъ къ ней, твердитъ о томъ, что сердце его, какъ магнитъ, обращается къ сѣверу. Но затѣмъ Екатерина въ томъ же духѣ постарается представить и еписк. Гавріила (Петрова), и м. Платона, утверждая, что русскіе іерархи не имѣютъ ничего общаго съ католическими... Она увѣряетъ, что въ ея царствованіе православный, католикъ и магометанинъ уживаются мирно вмѣстѣ, и охотно, какъ мы видѣли, брала подъ свое покровительство жертвы нетерпимости во Франціи... Вольтеръ, въ свою очередь, привѣтствуетъ Екатерину, какъ защитницу терпимости въ Польшѣ, гдѣ она дѣйствовала въ пользу диссидентовъ.... Онъ желалъ, чтобы Іосифъ II и Венеція соединились съ Екатериною противъ турокъ, представляющихъ *позоръ* Европы. Онъ хотѣлъ видѣть покореніе Константинополя и возстановленіе греческаго царства, подъ покровительствомъ Екатерины, и вѣрилъ, что если когда турки и будутъ изгнаны изъ Европы, то непремѣнно русскими. Онъ желалъ видѣть въ Константинополѣ статую Екатерины, исполненную тѣмъ же Фальконетомъ. Понятно, что Екатеринѣ приходилось уже разочаровывать его въ подобномъ исходѣ своего предпріятія. Она подробно сообщаетъ ему всѣ перипетіи первой турецкой войны, и эти извѣстія имѣютъ характеръ своего рода манифестовъ и бюллетеней [1])... Пользуясь случаемъ, Екатерина восхваляетъ подвиги своихъ любимцевъ—Орловыхъ, сравнивая ихъ

[1]) Слово Платона, сказанное по случаю чесменской побѣды, въ память Петра В., какъ основателя флота, переводится на франц. языкъ Дашковой, которая и подноситъ его Вольтеру.

съ древними римскими героями. Въ такомъ же духѣ писала Екатерина и во время чумы въ Москвѣ, и во время пугачевскаго бунта, которые могли подавать за границею поводы къ самымъ неблагопріятнымъ для нея слухамъ, и Вольтеръ, подъ вліяніемъ ея писемъ, входитъ до того въ ея взгляды, что не замѣчаетъ даже того явленія, какое скрывалось за бунтомъ Пугачева. Въ порывѣ увлеченія онъ восклицаетъ: «Желаю, чтобы турокъ хорошенько побили, чтобы пушки бар. Тотта разорвало и чтобы Пугачевъ былъ безъ промедленія повѣшенъ»!

Примѣръ Екатерины дѣйствовалъ и на ея окружающихъ. Посредникомъ ея въ сношеніяхъ съ энциклопедистами былъ кн. Д. А. Голицынъ. Бецкій переписывался съ Дидро и Жоффренъ; гр. А. П. Шуваловъ и гр. А. Р. Воронцовъ—съ Вольтеромъ и Мармонтелемъ; Ив. И. Шуваловъ и кн. Юсуповъ посѣтили Вольтера; кн. Козловскій считалъ для себя за особенную честь быть посланнымъ отъ Екатерины въ Ферне; сыновей фельдмарш. Румянцова Гриммъ везетъ на поклонъ къ Вольтеру. Кн. Гр. Гр. Орловъ приглашаетъ Руссо въ свое помѣстье, а К. Г. Разумовскій разыскиваетъ его въ Страсбургѣ. Дашкова дважды побывала въ Парижѣ (1770 и 1780), проводила время въ бесѣдахъ съ Дидро и посѣтила Вольтера въ Ферне. П. С. Потемкинъ переводитъ соч. Вольтера и Руссо, а адмиралъ Грейгъ изучаетъ соч. Монтескье и Рейналя. Въ 1772 г. Екатерина пишетъ Вольтеру, что многіе офицеры, побывавшіе у него, въ восторгѣ отъ его пріема; а молодые люди жадничаютъ видѣть его и слышать его разговоры. Порошинъ обращалъ вниманіе вел. кн. Павла Петровна на соч. Монтескье и Гельвеція. Самъ Порошинъ намѣревался написать соч. «Государственный механизмъ», чтобы показать, что ни одинъ чинъ не долженъ быть пренебреженъ.

Пользуясь сношеніями съ современными мыслителями, Екатерина могла предаваться въ своей перепискѣ интересамъ науки и литературы; по ихъ идеямъ она писала свой «Наказъ». Она пользовалась ихъ услугами для пріисканія офицеровъ, моряковъ, хирурговъ, инженеровъ и ремесленниковъ, въ обиліи появляющихся при ней въ Россіи, а также для пріобрѣтенія художественныхъ коллекцій. Но, щедро одаривая своихъ корреспондентовъ мѣхами, шубами (Жоффренъ она пишетъ, что ей принадлежитъ по праву лишь горностаевая) и покупкою ихъ коллекцій или принимая на себя продажу часовъ съ фабрикъ Вольтера,

Екатерина дѣлала этимъ не одну любезность; она надѣялась, какъ говоритъ сама, уничтожить слухи, распускаемые Шуазелемъ, который старался представить свѣту, что она личность сумасбродная и безъ средствъ, какими документами наполненъ былъ весь архивъ французскаго посольства въ Петербургѣ, а подобные слухи вліяли на дворъ и министерство и позволяли распускать, по ея словамъ, павлиний хвостъ всѣмъ тѣмъ, кто былъ врагомъ Россіи и чьи виды шли въ разрѣзъ съ нашими.

Понятно, что распространіе идей современной философіи не могло остаться безъ вліянія. Екатерина хвалилась, что къ намъ доходятъ сочиненія, которыя запрещены Сорбонною и папою, и ихъ можно найти даже въ Сибири. Въ 1765 г. Вольтеръ издалъ «Философію исторіи», которая, по словамъ Казановы, въ числѣ 3000 экз. была распродана въ Россіи въ теченіе недѣли (?). Ее носили въ карманѣ, какъ молитвенникъ, а особы высшаго круга даже божились именемъ Вольтера. Въ библіотекѣ воспитательнаго дома находились соч. Декарта, Пуфендорфа, Локка, Вольтера и мн. др., а «Энциклопедія» аккуратно высылалась сюда по назначенію Бецкаго. Соч. Бильфельда (члена Берлинской акад. наукъ) было назначено Екатериной при воспитаніи ея сына и въ кадетскомъ корпусѣ [1]). Какъ извѣстно, она вмѣстѣ съ другими участвовала въ переводѣ книги Мармонтеля «Велисарій» (1767), представляющей смѣлый протестъ противъ нетерпимости, причемъ сама Екатерина перевела всю 9-ю главу, въ которой самовластіе подвергается безпощадному осужденію. Объ этомъ она писала автору, а переводъ книги Мармонтеля былъ посвященъ еп. тверскому Гавріилу, потомъ митрополиту. Депутаты въ коммиссіи уложенія основываются на началахъ естественнаго права, теоріи договора и гражданскомъ равенствѣ. Въ Московскомъ университетѣ произносятся рѣчи (Лангеръ) о связи законодательства съ философіей (1766); объ основаніи правосудія не на застарѣлыхъ мнѣніяхъ, не на порядкахъ, древностью введенныхъ, а на здравомъ разумѣ и пользѣ управляемаго общества, причемъ авторъ нападаетъ на пытки (1767); теорія законовъ излагается (1782—83) по Монтескье (Шнейдеръ, авторъ «Разсужденій на книгу Монтескье») [2]). Русскіе историки, какъ Щербатовъ и Бол-

[1]) Екатерина читала его «политическія наставленія»; авторъ уже слѣдовалъ Монтескье.

[2]) Сочин. Монтескье «Духъ Законовъ» переводились на русскій языкъ (ч. I, М. 1775).

тинъ, прилагаютъ воззрѣнія французскихъ и англійскихъ писателей (Вольтеръ, Монтескье, Юмъ и др.) къ событіямъ русской исторіи; а вопросы о свободѣ совѣсти и смертной казни тотъ же кн. Щербатовъ (въ своей Статистикѣ) разсматриваетъ съ точки зрѣнія современной философіи.

Съ начала цар. Екатерины усиливается посылка молодыхъ людей въ иностранные университеты для изученія наукъ политическихъ, юридическихъ, естественныхъ и медицинскихъ, богословія и восточныхъ языковъ (съ 1763—95 г. въ Лейпцигѣ училось 36 студ.; въ Геттингенѣ съ 1766—72 г.—5; въ Оксфордѣ—2, въ Гласго—4, въ Упсалѣ—2, въ Кенигсбергѣ—2, въ Килѣ съ 1766—1789 г.—15; нѣкоторые изучали медицину въ Парижѣ). Въ 1784—87 г. въ Страсбургскомъ университетѣ считалось 44—русскихъ и лифляндцевъ; но также посылались за границу офицеры, моряки, художники и дѣти купцовъ, для изученія торговли. Въ 1768 г., по иниціативѣ императрицы, возникаетъ особая «коммиссія для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій», на которую она назначила изъ собственныхъ средствъ по 5000 р. въ годъ и которая внесла въ русскую литературу не мало переводовъ греческихъ и римскихъ авторовъ и наиболѣе выдающихся новыхъ писателей по разнымъ отраслямъ знанія.

По примѣру г-жи д'Эпине, Екатерина открываетъ свой Эрмитажъ, извѣстный ея литературными собраніями, библіотекой и художественными коллекціями. Она пріобрѣтаетъ картины Теньера, Вувермана, Ванло, эстампы, камеи. Извѣстный Менгсъ пишетъ для нея картины; Рейфенштейнъ содѣйствуетъ пріобрѣтенію копій съ знаменитыхъ Рафаэлевыхъ ложъ, составляющихъ драгоцѣнное достояніе Императорскаго эрмитажа. Ей удалось пріобрѣсть архитектора Гваренги, портретиста Лампи, композитора Сарти. Она интересуется открытіями въ Помпеѣ и оказываетъ покровительство русскимъ художникамъ (Лосенку и др). «Она имѣла всѣ вкусы, не имѣя вкуса», говоритъ пр. де-Линь.

Но была еще стихія, оказавшая сильное вліяніе на образъ мыслей и характеръ царствованія Екатерины II—это народная. Екатерина говоритъ, что, по прибытіи въ Россію, она задалась цѣлью понравиться своему супругу, императрицѣ и націи. Елисавета Петровна старалась, чтобы будущая императрица Россіи усвоила русскіе нравы. Поэтому, съ первыхъ дней прибытія Екатерины, ее окружаютъ русскія камерфрау и прислуга. И Екатерина съумѣла воспользоваться

этими условіями. Изъ разсказовъ окружающихъ ее лицъ (гр. Румянцовой, Владиславовой, камерфрау и др.) она почерпаетъ много свѣдѣній о бытѣ русскаго двора за нѣсколько поколѣній, узнаетъ родословныя русскихъ фамилій, знакомится съ русскими нравами и и обычаями; она читаетъ церковнославянскія книги; усвоиваетъ народную рѣчь, русскія пословицы и пѣсни, которыми пользуется такъ умѣстно и въ своей перепискѣ, и въ литературныхъ произведеніяхъ. Къ ея времени (1760—80 гг.) относятся первыя изданія русскихъ пѣсенъ, сказокъ и былинъ (Чулкова, Новикова, Трутовскаго и др.; сборникъ Кирши Данилова, полагаютъ, былъ ей извѣстенъ), а также древнихъ русскихъ пословицъ. Но этому вліянію много содѣйствовалъ и тотъ контрастъ, который поражалъ ее въ вел. князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ. Чѣмъ болѣе онъ предавался своимъ голштинскимъ интересамъ, нѣмецкимъ нравамъ и идеализировалъ Фридриха II (портретъ котораго у него стоялъ на столѣ), тѣмъ болѣе Екатерина щеголяла русскою рѣчью и знакомствомъ съ Россіею. Признавая сама это, Екатерина заявляетъ, что «она прилагала величайшее стараніе, чтобы снискать любовь публики», и совершенно такого способа обращенія требовала потомъ отъ своей невѣстки. Въ другомъ наставленіи она требуетъ отъ нея «сообразоваться съ обычаями націи и имѣть рѣшительную охоту говорить на языкѣ этой обширной монархіи». На привѣтственную рѣчь англійскаго посланника гр. Букингама, сказанную на англійскомъ языкѣ, Екатерина отвѣчала по-русски....

Передъ парижскими друзьями Екатерина хвалится своимъ руссофильствомъ: «Не хвалите мой слогъ, пишетъ она Жоффренъ, это меня смущаетъ, я мало имѣю случаевъ писать по-французски; если бы вы выучились *по-русски*, это меня очень облегчило бы: я безпрестанно пишу на этомъ языкѣ». Она гордилась тѣмъ, что русскій текстъ «Наказа» написанъ вполнѣ русскимъ языкомъ и чуждъ иностранныхъ выраженій и словъ (русскій текстъ писанъ б. ч. собственноручно Екатериною). Въ числѣ ея выписокъ, во время занятій русскою исторіей, мы находимъ слѣдующую замѣтку изъ разсужденія Ломоносова: «Карлъ V, римскій императоръ, говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями [1]), итальян-

[1]) Любопытно, что Іосифъ II (1781 г.) совѣтовалъ Екатеринѣ писать туркамъ по-нѣмецки для вящшаго имъ внушенія.

скимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично; но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно онъ къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно». Она составила житіе Сергія Радонежскаго по разнымъ источникамъ и собственноручно написала его (издано въ Петерб., 1887 г.) съ замѣтнымъ желаніемъ удержать обороты церковно-славянскаго языка.... На придворныхъ выходахъ она кланяется *по-русски* (какъ кланяются мужчины или скорѣе монахи, замѣчаетъ графъ Эстергази). Она покровительствуетъ русскимъ модамъ. «Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, говоритъ она: онъ отличается догадкою, умомъ, силою. Я знаю это по 20-лѣтнему опыту царствованія. Богъ далъ русскимъ особое свойство». Въ письмахъ своихъ (къ Вольтеру и др.) она не разъ щеголяетъ громадностью Русской имперіи, которую, однако, любитъ называть «своимъ маленькимъ хозяйствомъ». Въ разсматриваемомъ отношеніи она имѣла преимущество даже передъ Фридрихомъ II, съ которымъ такъ часто соперничала въ покровительствѣ французской философіи. Нѣмцы справедливо упрекали Фридриха за его пренебреженіе къ отечественной литературѣ....

По вступленіи на престолъ, Екатерина оказала вниманіе Ломоносову и посѣтила его домъ (7 іюня 1764 г.), причемъ осматривала его мозаичныя работы и наблюдала физическіе и химическія опыты. Благодаря ея личному участію, стала возможною въ Академіи наукъ дѣятельность Шлецера, который является потомъ панегиристомъ и лѣтописцемъ ея царствованія. Миллеру, Щербатову, Новикову, Голикову были открыты архивные матеріалы, появившіеся въ свѣтъ въ ихъ обширныхъ изданіяхъ и трудахъ. Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный своимъ собраніемъ рукописей, въ значительной степени былъ обязанъ имъ Екатетеринѣ II. Она озаботилась собраніемъ русскихъ лѣтописей и памятниковъ (1781 и 1793 гг.) изъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ съ цѣлью ихъ изданія, и въ ея царствованіе русскія лѣтописи впервые были изданы въ такомъ количествѣ, какъ долго потомъ не издавались. При архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ) предпринимается описаніе сношеній Россіи съ иностранными державами. Появляются сборники и журналы, заключающіе въ себѣ матеріалы по исторіи и этнографіи Россіи (Старина и Новизна, Открываемая Россія, Повѣствователь древностей россійскихъ, Россійскій Магазинъ, Собраніе Записокъ о жизни и дѣяніяхъ Петра Вел. и др.).

По желанію Екатерины, Стриттеръ извлекаетъ изъ византійскихъ историковъ все, что относится къ славянамъ и Россіи.... Не зная прошлой жизни народа, говоритъ она не разъ, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ. Исторіографъ Миллеръ удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи, когда она была еще вел. княгинею; а въ своихъ историческихъ замѣчаніяхъ она нерѣдко высказываетъ мысли, съ такой настойчивостью проводившіяся потомъ школою славянофиловъ. Она отыскиваетъ славянскій элементъ въ отдаленныхъ странахъ Европы и даже въ Америкѣ («Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названіями», замѣчаетъ она въ одномъ набросѣ).... Говорятъ, она однажды сказала доктору Рожерсону, пускавшему ей кровь: «ну, теперь вы выпустили изъ меня послѣднюю нѣмецкую кровь», и только два раза, въ перепискѣ съ Гриммомъ, она упоминаетъ о своемъ нѣмецкомъ происхожденіи, причемъ, по поводу желанія султана отнять у нея Крымъ, она замѣчаетъ: «но вы вѣдь знаете, что нѣмецъ никогда не потерпитъ, чтобы его водили за носъ, и онъ всегда оберегаетъ болѣе всего именно эту часть тѣла».....

Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму, жалуясь на упадокъ французской комедіи и сожалѣя, что нѣтъ болѣе Вольтера, Екатерина восклицаетъ: «Настанетъ мелочной вѣкъ Лагарповъ [1]) и компаніи до той поры, когда взойдетъ звѣзда Востока: да, оттуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь хранится подъ пепломъ духа и силы». Тѣмъ не менѣе, она постоянно твердитъ, что Россія—«держава европейская» (Наказъ), такъ какъ она признавала основы цивилизаціи достояніемъ всего человѣчества. «Человѣческій умъ вездѣ одинъ и тотъ же», говоритъ она въ своей исторіи [2]).

Съ негодованіемъ встрѣтила Екатерина появленіе (1768) описанія Россіи въ «путешествіи» аббата Шаппа д'Отероша, въ чемъ она усмотрѣла новый ударъ ея врага герц. Шуазеля, и если не вполнѣ, то при значительномъ ея участіи былъ написанъ знаменитый «Антидотъ», въ которомъ исторія Россіи и состояніе страны, представленныя Шаппомъ, разсмотрѣны со всею горечью «сплошнаго памфлета», по словамъ Рамбо; но мнѣнія эти для насъ важны, какъ выраженіе обычнаго способа защиты со свойственною Екатеринѣ «горячностью». Точно также

[1]) Ж. Ф. Лагарпъ—французскій критикъ. Екатерина его не любила.

[2]) Безъ сомнѣнія, она слѣдовала здѣсь мнѣніямъ Монтескье и Вольтера объ одинаковости человѣческой природы и побужденій (страстей).

отнеслась потомъ она и къ появленію двухъ трудовъ по русской исторіи, написанныхъ французами (Левекомъ и Левлеркомъ) [1]), служившими прежде въ Россіи, противъ которыхъ, въ перепискѣ съ Гриммомъ, она подбираетъ наиболѣе сильные эпитеты, а затѣмъ сама берется за перо, чтобы написать русскую исторію, ознакомившись предварительно, при участіи московскихъ профессоровъ и другихъ лицъ, съ обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ.

Фридрихъ II полагалъ, что Екатерина II въ своихъ планахъ слѣдовала наставленіямъ Петра В., извлеченнымъ изъ его бумагъ. Имя Петра дѣйствительно вліяло на нее обаятельно. Его портретъ находился на ея письменномъ столѣ и вдохновлялъ ее въ дѣлахъ правленія. Уже на первыхъ порахъ она озаботилась воздвигнуть памятникъ Петру въ Петербургѣ, достойный его имени, и сама входила въ мельчайшія подробности произведенія Фальконета. Она, можно сказать, ревновала къ славѣ Петра, какъ это выразилось въ спорѣ ея съ гр. С. П. Румянцовымъ о значеніи реформъ послѣдняго. По вопросу о Польшѣ она долго держалась указаній, найденныхъ въ «мастерской» Петра Вел., т. е., «чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно, въ цѣлости!» Для этого въ Польшѣ посаженъ ею королемъ старый знакомецъ Станиславъ Понятовскій, «котораго мы дѣлали». Она вполнѣ вѣрила въ способности русскихъ людей и опять ссылалась на примѣръ Петра В., умѣвшаго находить ихъ даже между неграмотными... Она рѣшительно высказалась противъ передѣлокъ его реформъ, которыя по тѣмъ или инымъ соображеніямъ были допущены послѣ его смерти... когда, по ея словамъ, «царствовала невѣжества собственная корысть и борствовалась склонность къ старинныхъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непонимательствомъ новыхъ, введенныхъ Петромъ первымъ».

II.

Положеніе Екатерины на первыхъ порахъ было весьма трудное. Заявляя, что она избрана на престолъ «для обороны православнаго закона», она должна была считаться и «съ волненіемъ умовъ

[1]) Первый преподавалъ въ кадет. корпусѣ, потомъ членъ франц. института (Hist. de Russie, I—V, 1782—88); второй медикъ. Онъ издалъ: Hist. phys., morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, 6 vv., 1788—94. Противъ него писалъ Болтинъ.

послѣ переворота», получавшимъ иногда опасный характеръ (начиная съ дѣлъ Гурьевыхъ и Мировича до защиты правъ в. к. Павла Петровича, дававшей себя чувствовать во все ея царствованіе), и съ положеніемъ вещей, созданнымъ прежнимъ правительствомъ. «Нерѣдко случается, говоритъ она (по поводу вопроса въ Сенатѣ о допущеніи евреевъ въ Россію): что недостаточно быть просвѣщенну, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе *умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ*»....

Имѣя въ виду эти условія, мы поймемъ ея колебанія и компромиссы вначалѣ. «Меня принудятъ сдѣлать тысячу странностей, пишетъ она Понятовскому; если я уступлю—меня будутъ обожать; если нѣтъ—то не знаю, что случится»,—замѣчаніе, относящееся къ консерватизму той среды, съ которой ей приходилось имѣть дѣло на первыхъ порахъ. Недовольная дѣйствіями нѣкоторыхъ лицъ духовной іерархіи, вышедшихъ изъ южно-русскихъ школъ (Арсеній Мацѣевичъ, Павелъ Конюскевичъ и др.), она склонила свои симпатіи въ пользу другихъ лицъ, которыя готовы были слѣдовать политикѣ новаго правительства, всегда ли искренно (какъ Димитрій Сѣченовъ)—это другой вопросъ... Впослѣдствіи Екатерина писала Гримму (1778): «Прочтя страницу, я сейчасъ скажу, что авторъ ея съ добрымъ или съ дурнымъ сердцемъ. Всякій ищущій епископства получаетъ его не по своему краснорѣчію или знанію, но потому, насколько въ проповѣди, которую онъ произноситъ въ моемъ присутствіи, проглядываетъ сердечной доброты. Чтобы онъ ни говорилъ, но выдастъ себя, потому что это, безъ его воли и вѣдома, скажется всюду. Оттого у насъ много епископовъ, какихъ трудно сыскать во всѣхъ странахъ». Въ другой разъ она пишетъ, что «страхъ какъ боится людей съ двумя физіогноміями» [1]).

Еще въ 1762 г. Екатерина повторила распоряженіе Петра III о вызовѣ раскольниковъ изъ заграницы... Въ 1767 г., будучи въ Н. Новгородѣ, она хлопочетъ передъ м. Димитріемъ Сѣченовымъ о прекращеніи насилій надъ тамошними раскольниками со стороны духовенства. Вообще, и отношеніе правительства, и самая полемика противъ раскола (м. Платонъ, архіеп. Никифоръ Θеотоки) утрачиваютъ теперь свой прежній острый характеръ.... Правительство въ XVIII стол.

---

[1]) «Я никогда ни на кого не дуюсь», пишетъ она Жоффренъ. «Она легко прощала и никого ненавидѣла», замѣчаетъ о себѣ Екатерина въ другомъ мѣстѣ.

смотрѣло на расколъ преимущественно какъ на суевѣріе; но Екатерина, будучи занята въ 80-годахъ вопросомъ о школахъ, по этому поводу выразилась такъ: «въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно»... Опровергая въ 1769 г. мнѣнія «Кельнской газеты», высказанныя по поводу вызванныхъ ею иностранныхъ колонистовъ, она пишетъ Вольтеру, что «колонія въ Саратовѣ достигаетъ уже 27 т. душъ, что ей нечего опасаться вторженія татаръ и турокъ, что каждый округъ имѣетъ *церковь своего вѣроисповѣданія* и что тамъ въ продолженіе 30 лѣтъ не будутъ платить никакихъ податей»... Еще въ 1764 г. Екатерина закрыла контору новокрещенскихъ дѣлъ и обращеніе въ христіанство дозволила вести исключительно путемъ проповѣди... Она приняла во вниманіе жалобы казанскихъ татаръ и разрѣшила построить для нихъ 2 мечети, а также мечети для киргизовъ на границѣ. Она озаботилась точнымъ изданіемъ «Алкорана» [1]), который посылала потомъ своимъ заграничнымъ друзьямъ (Гримму, Циммерману) и очаковскому пашѣ. Въ своемъ «Наказѣ» Екатерина говоритъ: «Гоненіе умы человѣческіе раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестокія сердца», и въ 1773 г. она издаетъ указъ, въ которомъ выразилась: «Какъ всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали» (со ссылкою на 494, 495 и 496 ст. Наказа).

Мнѣніе Екатерины (1765 г.) по дѣлу Волынскаго, съ «наставленіемъ» ея своимъ потомкамъ о причинахъ недовольства подданныхъ—хорошо извѣстно. Но уже здѣсь она категорически высказалась противъ пытки, которая фактически была отмѣнена ею, и она держалась этого принципа даже въ политическихъ дѣлахъ, начиная отъ дѣла Мировича до позднѣйшихъ процессовъ [2]).

Представители философской мысли XVIII вѣка вѣрили въ возможность преобразованія общества двоякимъ путемъ: посредствомъ

---

[1]) По этому поводу Екатерина замѣтила: «Сдѣлано сіе не для введенія магометанства, но для приманки на уду».

[2]) Пытка отмѣнена въ Пруссіи въ 1740 и 1754 г., въ Даніи—1770, въ Австріи—1784—87, во Франціи—1789, въ Баваріи въ 1806 г. и т. д.; но бывали и значительныя отступленія.

воспитанія, школы, и законодательства, учрежденій, которыя не должны противорѣчить другъ другу. Гельвецій считаетъ законодательство правилою общественныхъ нороковъ и ему же приписываетъ силу поднять нравственный уровень народа... Монтескье (Духъ законовъ) и Кондорсе (Письма) стоятъ на той же точки зрѣнія. По мнѣнію Кенэ, главы физіократовъ, единственное средство противъ злоупотребленій коренится въ общественномъ воспитаніи: они невозможны, если нація просвѣщена. Государство обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстную форму, не только преобразовывать, но и вполнѣ измѣнить ее.... И Екатерина II на первыхъ порахъ задается двумя цѣлями: 1) преобразованіемъ воспитанія и 2) улучшеніемъ законодательства, сообразно съ современными воззрѣніями на нихъ. «Корень всему злу и добру—воспитаніе», говоритъ въ своемъ знаменитомъ «Докладѣ» (1764) Бецкій,—этотъ другъ энциклопедистовъ, поставленный Екатериной во главѣ воспитательной части въ Россіи († 1795 г.). Отсюда непосредственно вытекаетъ мысль—посредствомъ воспитанія произвести «новою породу, или новыхъ отцовъ и матерей». Точно также Екатерина II въ своемъ «Наказѣ» говоритъ: «Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія»,—и посвящаетъ въ немъ особую главу воспитанію, начинающуюся слѣдующимъ общимъ положеніемъ: «правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами». Мысль эта повторяется и въ другихъ актахъ Екатерины II, имѣющихъ отношеніе къ воспитанію, и въ ея педагогическихъ сочиненіяхъ. Стоя же во главѣ воспитательныхъ учрежденій, Сухопутнаго кадетскаго корпуса, Академіи художествъ и Смольнаго института (монастыря), Бецкій оказалъ несомнѣнное вліяніе на общественное воспитаніе въ Россіи. Въ основаніе его докладовъ положены тѣ же начала, на которыя мы указали выше. «Образованіе со времени Петра В., говоритъ онъ: имѣетъ цѣлью усвоить цивилизацію на столько, на сколько она пригодна была для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно *ученіе*, пріобрѣтеніе знаній для успѣшнаго отправленія той или другой службы. То было внѣшнее усвоеніе европейскихъ формъ, прикрывающихъ старое невѣжество. Опытъ показалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ *добраго, прямаго гражданина*; напротивъ, онъ становится вреденъ для того, у кого еще съ юныхъ

лѣтъ не вкоренена въ сердце *добродѣтель*.... При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ»... Начала эти повторяются во всѣхъ учебныхъ уставахъ Бецкаго. Но цѣль эта не можетъ быть достигнута пока дѣти останутся при старой породѣ, т. е. въ родительскихъ домахъ (припомнимъ замѣчаніе Екатерины о домашнемъ воспитаніи, представляющемъ грязный ручей).... По «Наказу» эта система воспитанія должна была произвести людей *средняго рода*. Поэтому при кадетскомъ корпусѣ, при академіи художествъ, были учреждены воспитательныя мѣщанскія училища, воспитанники которыхъ, отличавшіеся въ благонравіи и успѣхахъ, получали потомственную свободу.... Новыя воспитательныя учрежденія должны были внести въ общество новыя воззрѣнія и имѣть непосредственное вліяніе на него. Но они были недостаточны, а потому Бецкій хотѣлъ вліять на мнѣнія общества посредствомъ литературы. Съ этою цѣлью въ 1766 г. онъ составилъ извлеченіе изъ лучшихъ авторовъ о воспитаніи дѣтей, которое разослано было при особомъ указѣ Сената во всѣ присутственныя мѣста *для всеобщаго свѣдѣнія*....[1])

«Доклады» Бецкаго были наполнены мыслями Локка, Монтэня, Руссо и др. писателей этого направленія. Въ правилахъ физическаго воспитанія онъ слѣдовалъ сочин. доктора Саншеса [2])... При учрежденіи Московскаго воспитательнаго дома (1763), а затѣмъ Петербургскаго (1770), съ которыми полагалось прочное основаніе правильному призрѣнію незаконнорожденныхъ, были приняты во вниманіе уставы подобныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Голландіи, Франціи и Италіи, которыя посѣтилъ Бецкій... Предполагая, что питомцы ихъ со временемъ «составятъ третій чинъ въ государствѣ», Бецкій хотѣлъ дать имъ приличное воспитаніе и знаніе ремеслъ, чтобы они своими познаніями могли содѣйствовать развитію коммерціи и фабричнаго дѣла. Воспитанники распредѣлялись по наукамъ, искусствамъ, реме-

---

[1]) Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми естественными примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества (Спб. 1766). Оно имѣло три изданія.

[2]) Traité de l'éducation de la jeunesse 1760, написанный на тему, заданную женевскимъ человѣколюбивымъ обществомъ. Ему принадлежатъ также соч. о русскихъ баняхъ и др. Ант. Рибейро Санше, придворный докторъ, почетн. членъ Пет. Ак. наукъ лишенный этого званія при Елисаветѣ Петровнѣ, по подозрѣнію въ іудействѣ. Въ 1762 г. ему возвращено было званіе и назначена пенсія.

самъ и простымъ работамъ. Такимъ образомъ лучшимъ изъ нихъ открытъ былъ доступъ въ университетъ и академію художествъ. Приняты были мѣры, чтобы они не могли вновь стать крѣпостными. Дидро считался попечителемъ Моск. воспит. дома; Іосифъ II и Говардъ отозвались о немъ съ похвалою. Но воспитательные дома не могли удовлетворить всѣмъ нуждамъ. Въ связи съ этимъ стоитъ рядъ мѣръ, направленныхъ на улучшеніе акушерскаго дѣла, устройство родильныхъ госпиталей и т. п., въ которыхъ находятъ себѣ примѣненіе идеи современныхъ популяціонистовъ.

Воспитаніе собственно матерей семействъ, въ цѣляхъ той же общественной реформы, должно было создать другое спеціальное учрежденіе, устроенное по образцу Сенъ-Сира, на основаніи полнаго интерната. Но «воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ» (Смольный институтъ, на 200 воспитанницъ, съ капиталомъ 2,500,000 р.), относительно программы обученія, было поставлено гораздо шире («plus que St. Syr», по выраженію Вольтера); въ его уставѣ предписывается имѣть библіотеку, а въ воспитанницахъ «возбуждать охоту къ чтенію книгъ». Онѣ принимали участіе въ устройствѣ спектаклей (пьесы Вольтера, Сумарокова и др.). Рядомъ съ этимъ учрежденіемъ открыто было *мѣщанское отдѣленіе* (на 240 воспит.) съ элементарнымъ курсомъ преподованія. Екатерина любила посѣщать училище, вступала съ воспитанницами въ переписку и поддерживала сношенія по выходѣ ихъ отсюда. Съ преобразованіемъ въ 1764 г. Академіи художествъ, при ней было учреждено воспитательное училище для мѣщанъ. Въ 1766 г. преобразованъ Сухопутный кадетскій корпусъ, при которомъ является также мѣщанское отдѣленіе... Въ уставахъ Сухоп. корпуса и Акад. художества опять рекомендуется имѣть благоразумно собранную библіотеку, какъ для воспитанниковъ, такъ и для учителей, безъ которой невозможно знаніе ни художествъ, ни военнаго дѣла....

Вслѣдъ за Монтэнемъ и Локкомъ, Екатерина (инструкція для воспитанія внуковъ) и Бецкій большое значеніе приписываютъ физическому воспитанію [1]) и устраняютъ изъ своей системы тѣлесныя на-

[1]) Идеалъ Локка—благовоспитанный и благонравный человѣкъ; умная голова, говоритъ онъ (въ письмахъ), пускай набирается учености сама; Ньютонъ собственнымъ изученіемъ сдѣлался величайшимъ изъ математиковъ. Юношѣ онъ рекомендуетъ изучать природу и людей. Его книга: «О воспитаніи дѣтей» переведена на рус. языкъ въ 1760 г; «Опыты» Монтаня—въ 1762 г.

казанія—правило, общее всѣмъ учрежденіямъ того времени [1]). И Екатерина была послѣдовательна въ этомъ отношеніи: «хотя мы съ начала нашего царствованія, говоритъ она въ указѣ придворной и конюшенной конторамъ (1771): уже запретили, чтобы никто при дворѣ нашемъ изъ ливрейныхъ нашихъ служителей, *какого бы званія ни былъ, никѣмъ и ничѣмъ битъ не былъ*», но, въ виду нарушеній подобнаго рода, она снова напоминаетъ о запрещеніи наносить побои. Она издаетъ указъ противъ побоевъ и насилій, чинимыхъ въ дворахъ, когда, по замѣчанію Шлоссера, палка признавалась еще на континентѣ необходимымъ исправительнымъ средствомъ; а примѣръ свыше, въ силу подражанія, все таки долженъ былъ дѣйствовать. «Какіе недотыки нынѣ люди стали, говорилъ одинъ генералъ въ домѣ гетм. Разумовскаго: *нельзя выбранить*, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь»...

Другимъ важнымъ актомъ въ дѣятельности правительства было основаніе въ Петербургѣ (въ полов. 1765 г.) *Вольнаго экономическаго общества* подъ покровительствомъ императрицы. Оно имѣло непосредственное отношеніе къ интересамъ земледѣлія, на которомъ основывалось богатство страны. Подобныя общества существовали уже въ Шотландіи, Ирландіи, Англіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, но Россія предупредила Австрію и Пруссію. Въ немъ приняли участіе нѣкоторые придворные, лица высшей администраціи, члены академіи наукъ и медицинской коллегіи, профессора и писатели. Общество предприняло изданіе своихъ «Трудовъ», продолжающихъ выходить до сихъ поръ, разсылало вопросы по сельскому хозяйству въ провинціи, назначало преміи, сообщало свѣдѣнія (Робине) о Россіи для помѣщенія въ Энциклопедическомъ лексиконѣ. Но весьма важнымъ фактомъ въ жизни Общества было предложеніе задачи, поставленной самой Екатериной, объ общинномъ и участковомъ владѣніи землею на правѣ полной собственности (съ присылкою значительной суммы на премію и нужды Общества) и объявленной въ такомъ видѣ: «что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко права его на то или другое имѣніе простираться должны»? На эту тему послѣдовало 162

[1]) Требованія новой системы вносятся даже въ духовныя учебныя заведенія. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи инструкція моск. митр. Платона, и въ такомъ же духѣ дѣйствовали еще нѣкоторые архіереи (Ксенофонтъ, еп. владим., Симонъ Лаговъ, еп. рязан., Дамаскинъ Рудневъ, еп. нижегор., и др.). Такъ, во всѣхъ классахъ Владим. семинаріи были сдѣланы надписи: «poena corporalis prohibetur».

сочиненія изъ разныхъ концовъ Европы, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ и 7 на русскомъ языкѣ. Предпочтеніе изъ нихъ было отдано соч. Беарде де л'Абея, члену Дижонской академіи, которое и было напечатано вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ «Трудахъ» Общества (1768). Въ числѣ представленныхъ сочиненій былъ и трудъ русскаго юриста А. Я. Полѣнова. Оба автора стоятъ за освобожденіе крестьянъ съ правомъ собственности, но высказываютъ мнѣніе о необходимости предварительнаго просвѣщенія народа. Въ 1768 г. Общество назначило золотую медаль за книгу для народа, въ которой предложено было изложить, какъ воспитывать дѣтей въ интересахъ сохраненія здравія и наставленіе къ земледѣлію и скотоводству [1]). Съ 1780 г. В. экон. общество издавало отдѣльныя описанія губерній Россіи, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ по распоряженію Екатерины.

Извѣстно, какія опустошенія причиняла въ свое время оспа.— Еще не такъ давно умеръ отъ нея импер. Петръ II, и Екатерина разсказываетъ, какой ужасъ овладѣлъ ею въ послѣднюю эпидемію (1767). Поэтому она сама принялась за изученіе прививки оспы, результатомъ чего было приглашеніе изъ Англіи доктора Димсдаля, который сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ кадетскомъ корпусѣ и частныхъ домахъ, а затѣмъ привили оспу — императрица, вел. князь Павелъ Петровичъ и многіе жители столицы. Были принесены торжественныя поздравленія, выбита медаль, а Екатерина поспѣшила сообщить своимъ друзьямъ за границу, «что гора родила мышь: стоило ли кричать противъ этого и мѣшать людямъ спасать жизнь такими пустяками»! Открыты были оспенные комитеты и дома въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, даже въ Сибири. Смерть отъ оспы испанскаго инфанта (1771 г.), а затѣмъ Людовика XV (1774) подала поводъ снова Екатеринѣ, въ письмахъ къ Вольтеру и Гримму, высказать, «какъ стыдно въ XVIII стол. умирать отъ оспы: это просто варварство»! Распространеніе свѣдѣній объ оспопрививаніи и, стоящемъ въ связи съ нѣмецкою колонизаціею въ Россіи разведеніи картофеля (извѣстнаго въ Петербургѣ еще съ первой половины XVIII стол.), какъ необходимаго средства къ поддержанію населенія во время дороговизны хлѣба, возложены были на экономическое общество и медицинскую коллегію, преобразованную

[1]) Уже въ 1798—99 гг. было издано Обществомъ сочин. «Деревенское Зерцало или общенародная книга», въ 3-хъ частяхъ.

при Екатеринѣ (1763) изъ медицинской канцеляріи и получившую характеръ факультета. Въ кругъ обязанностей коллегіи входили, между прочимъ, забота объ улучшеніи медицинской части и пополненіе этой послѣдней русскими врачами.

Но уже съ первыхъ дней своего царствованія Екатерина рѣшилась дать странѣ новые законы, что́ вызывалось у нея какъ примѣромъ предшествовавшихъ законодательныхъ коммиссій и личнымъ знакомствомъ съ дѣлами, такъ и изученіемъ лучшихъ произведеній въ области современной литературы, каковы соч. Монтескье и Беккаріи; а рѣшить эту задачу она думала съ помощью депутатовъ, созванныхъ со всей имперіи, «чтобы лучше спознать каждой округи состояніе» (маниф. 14 дек. 1766 г). Плодомъ ея личныхъ занятій этимъ дѣломъ былъ извѣстный «Наказъ», подвергшійся въ своихъ идеяхъ двойной передѣлкѣ— со стороны приближенныхъ лицъ и членовъ коммиссіи Уложенія, и въ такомъ видѣ напечатанный; Екатерина не скрываетъ, что «она обобрала на пользу своей Имперіи президента Монтескье, не называя его. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣнъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ», прибавляетъ она [1]). Дѣйствительно, изъ 526 статей печатнаго Наказа приходится около 250 на «Духъ Законовъ» Монтескье и ок. 100 на соч. Беккаріи. [2]) Теоретическія воззрѣнія на власть (монархическую), законы и условія ихъ примѣненія преимущественно заимствованы изъ перваго источника, а статьи о преступленіяхъ и наказаніяхъ—изъ послѣдняго. [3]) Общій взглядъ Екатерины на характеръ и систему наказаній можетъ быть выраженъ ея словами: «По мѣрѣ какъ умы въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается и чувствительность каждаго особо гражданина, а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надо, чтобы строгость наказаній умалялась.

---

[1]) Письмо къ д'Аламберу. Въ другомъ мѣстѣ (письма къ Жоффренъ) она выражается: «Духъ Законовъ долженъ быть молитвенникомъ монарховъ со здравымъ смысломъ.... Я имѣю большую вѣру въ его (Монтескье) святость и, будь я папою, признала бы его святымъ, даже не выслушавъ рѣчей адвоката сатаны».

[2]) Въ 1769 г. писатель Ѳ. Г. Карнѣевъ, на основаніи идей Беккаріи, издалъ «Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ», посв. маршалу коммиссіи А. И. Бибикову; а кн. Щербатовъ, возражая Беккаріи по вопросу о смертной казни, указываетъ на мучительность другихъ наказаній (кнута).

[3]) Несмотря однако на двойную цензуру, Наказъ Екатерины вызвалъ восторженные похвалы со стороны друзей ея и запрещеніе во Франціи. Берлинская Академія наукъ избрала ее своимъ почетнымъ членомъ. «Чудное время переживаетъ Россія»! писалъ изъ Франціи кн. Д. А. Голицынъ.

Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого болѣе не боялись»[1]). Понятно, что наибольшимъ нападкамъ (между проч. Сумарокова) и измѣненіямъ Наказъ подвергся въ тѣхъ статьяхъ, которыя касаются свободы крестьянъ и отмѣны пытки.

Собраніе коммиссіи назначено было въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ, и состояло изъ депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій, уѣздовъ, городовъ и другихъ состояній, по выбору, не моложе 25 лѣтъ, которымъ избиратели должны были дать свои наказы. Въ 20 тогдашнихъ губерніяхъ было избрано 564 представителя. Всѣхъ засѣданій коммиссіи было 203, съ 31 іюля 1767 г., причемъ она засѣдала въ Москвѣ до 14 декабря 1767 г., а съ 18 февр. 1768 по 12 янв. 1769—въ Петербургѣ...[2]) Екатерина придавала большое значеніе этому предпріятію. Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ собранію, говорилось объ утвержденіи «истиннаго законодательства въ Россіи», а депутатамъ предлагалось «показать потомкамъ, сколь велико радѣніе ихъ объ общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія».

Коммиссія располагала значительнымъ собраніемъ матеріаловъ русскаго и иностранныхъ законодательствъ, начиная съ великой хартіи короля Іоанна, въ переводѣ на русскій языкъ; въ коммиссіи излагались мнѣнія извѣстныхъ писателей и публицистовъ; а маршалу ея Бибикову Екатерина препроводила журналы англ. парламента для руководства при составленіи предназначавшихся въ печать извлеченій изъ дневныхъ записокъ.

Если Екатерина хотѣла знать о желаніяхъ жителей различныхъ частей своей Имперіи, особенности которой сама узнала во время путешествія по Волгѣ, совпавшаго съ открытіемъ коммиссіи («это Имперія совсѣмъ особенная»),[3]) то она могла узнать эти желанія на столько, на

---

[1]) «Наказъ» Екатерины, по выраженію одного изъ нашихъ криминалистовъ, заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшіе предметы уголовнаго права и судопроизводства. Онъ былъ переведенъ на иностранные языки и неоднократно издавался.

[2]) Кромѣ большаго (общаго) собранія, коммиссія дѣлилась на 19 частныхъ ком. по роду дѣлъ. Въ числѣ депутатовъ состояло: отъ правит. учр. 28, дворянъ 161, отъ городовъ 208 (преим. купцовъ), казаковъ—54, крестьянъ—79, инород. 34. Въ составѣ правит. учр.—1 отъ синода. Для веденія выборовъ въ уѣздахъ избраны были предводители дворянства, а въ городахъ—головы.

[3]) Въ письмахъ къ Панину и Вольтеру она говоритъ о трудности законодательства: «какое различіе въ климатѣ, людяхъ, обычаяхъ и самыхъ понятіяхъ.... Это почти все равно, что создать цѣлый міръ, соединить части» и т. д.

сколько собранные сю депутаты представляли собою истинныхъ выразителей всѣхъ отдѣльныхъ частей страны. Однако, до сихъ поръ, какъ и долго спустя, эти классы, не представляли сколько нибудь общихъ интересовъ, и по самому строю не только Россіи, но и остальной Европы такого представительства въ данный моментъ и не могло быть. Поэтому понятно, что какъ въ заявленіяхъ депутатовъ, такъ и въ наказахъ, врученныхъ имъ, преобладали желанія и нужды сословнаго характера, съ очевиднымъ стремленіемъ получить возможно больше отъ всѣхъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнуться въ своихъ частныхъ, иногда весьма мелкихъ, интересахъ, причемъ отъ дворянства, купечества и даже духовенства «послышался, по мѣткому выраженію Соловьева, дружный и страшно печальный крикъ: «*рабовъ*»! Сословный антагонизмъ на столько давалъ себя чувствовать, что даже при обсужденіи такихъ вопросовъ, какъ смертная казнь, пытка, тѣлесныя наказанія, учрежденіе училищъ и банковъ,—преобладали сословныя тенденціи. Не менѣе давалъ себя чувствовать и религіозный антагонизмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ населеніе отличалось смѣшаннымъ характеромъ (инородцы, раскольники). Не будемъ однако строги къ этимъ заявленіямъ: подобнымъ же характеромъ отличаются и наказы духовенства и дворянства во Франціи до революціи и мнѣнія юристовъ и вотчинниковъ въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, коммиссіей, подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія, намѣчены были и нѣкоторые весьма существенные вопросы, каковы: учрежденіе училищъ и школъ для дѣтей обоихъ половъ, періодическихъ съѣздовъ дворянъ по уѣздамъ съ правомъ выбора предводителей и контролемъ надъ мѣстной администраціей; введеніе мировыхъ судей и упрощеннаго словеснаго суда; опредѣленіе крестьянскихъ работъ; замѣна подушной подати другимъ налогомъ; учрежденіе по городамъ банковъ; сохраненіе лѣсовъ и т. п.

«Среднее сословіе будетъ существовать, еслибы даже пришлось ему носить ваше имя, такъ какъ вы убѣждены по опыту, что это сословіе самое счастливое... Нужно будетъ создать его»..., писала Екатерина Жоффренъ во время составленія Наказа. Но эта мысль разбилась въ коммиссіи о тотъ же сословный антагонизмъ... Какъ во время выбора депутатовъ, такъ и въ самой коммиссіи снова обнаружились вполнѣ ясно мѣстныя тенденціи въ провинціяхъ, состоявшихъ на особомъ положеніи: въ Остзейскомъ краѣ, Смоленской губ. и Ма-

лороссіи. Но Екатерина, по поводу одного изъ такихъ заявленій, рѣзко замѣтила: «Они подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, а всероссійская». Она возражала противъ достоинства «римскаго права», смертной казни, пытокъ и ябеды, свойственныхъ остзейскимъ правамъ, въ защиту русскаго законодательства и противъ стремленія «быть нашими законодавцами». «Наши правила само человѣколюбіе писало, говоритъ она. Просвѣщенному вѣку судить о подобныхъ неистовствахъ»... Впрочемъ, въ этой точкѣ зрѣнія Екатерины II была и другая сторона, свойственная вообще правителямъ и публицистамъ XVIII стол. Совершенно также дѣйствовалъ Іосифъ II въ Венгріи, Бельгіи и Богеміи. «Я императоръ Нѣмецкой имперіи, говорилъ онъ въ 1785 г.: остальныя государства, которыми я владѣю, суть провинціи, составляющія вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ тѣло, котораго я глава»... Законодатели того времени, увлекаемые идеей общаго блага, не хотѣли признавать частностей и особенностей.

Мнѣнія иностранныхъ дипломатовъ и писателей были большею частью неблагопріятны коммиссіи; мнѣнія русскихъ поражаютъ своими крайностями. Въ значительной степени эти заключенія основываются на слишкомъ широкихъ требованіяхъ отъ работъ и дѣятельности коммиссіи. Екатерина сама скромнѣе судила о значеніи и характерѣ этой послѣдней. «Она, пишетъ Екатерина, *подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи*, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась... *Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія* не въ примѣръ болѣе прежняго... Стали о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ». Въ другомъ мѣстѣ Екатерина замѣчаетъ: «Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства».

Обширный матеріалъ, собранный коммиссіей и до сихъ поръ еще не изданный вполнѣ, а также рядъ проектовъ, принятыхъ во вниманіе при дальнѣйшей законодательной работѣ, служатъ лучшимъ памятникомъ дѣятельности коммиссіи. Но она имѣла и свои ближайшіе результаты. При закрытіи общей коммиссіи Бибиковъ предлагалъ ея членамъ дѣйствовать въ духѣ «Наказа» и распространять въ обществѣ его человѣколюбивыя начала, и еще во время ея засѣданій (по настоянію Сиверса) Екатерина распорядилась разослать тайную инструкцію губернаторамъ, въ которой предписывалось, чтобы впредь въ уголовныхъ дѣлахъ, тре-

бующихъ пытки, сообразовались съ X гл. Наказа, направленной противъ послѣдней, и хотя это распоряженіе породило неудовольствіе среди нѣкоторыхъ сенаторовъ и придворныхъ, но, ставъ извѣстнымъ, вызвало общую радость.[1]) Затѣмъ неоднократно дѣлались подобныя подтвержденія, требованіе это было распространено на военное и морское вѣдомство, а Сенатъ, въ случаѣ примѣненія пытки, ставилъ это на видъ мѣстнымъ начальствамъ, смягчалъ или вовсе отмѣнялъ наказанія виновнымъ. Даже во время Пугачевщины, опасаясь, «что Европа причтетъ насъ ко времени ц. Ивана Васильевича», Екатерина настаивала, «чтобы суровая казнь нигдѣ мѣста не имѣла, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были»... Въ учрежденіи о губерніяхъ она не дозволяетъ употребленіе орудій, закономъ запрещенныхъ. «Само человѣчество вопіетъ противъ оныя», писала Екатерина о пыткѣ и воспрещала вымогать показанія даже тѣлесными наказаніями.

Другой не менѣе важный принципъ, высказанный Екатериною въ Наказѣ, согласно съ Беккаріей, слѣдующій: «Человѣка не можно почитать виновнымъ *прежде* приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишать защиты своей, *прежде* нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные». И она неоднократно поддерживала это требованіе въ случаяхъ отступленія отъ указаннаго принципа, а князь М. М. Щербатовъ, далеко не благосклонный къ Екатеринѣ, говоритъ: «Мы не страшимся уже суровости пытки, ни чтобы скованнымъ быть привезеннымъ и безъ защищенія ввергнутымъ въ мрачныя темницы тайныя канцеляріи»[2]).

Несомнѣнно, что труды коммиссіи Уложенія, какъ видно изъ признанія самой Екатерины и хода послѣдующихъ реформъ ея царствованія, оказали непосредственное вліяніе на ея законодательную дѣятельность. Результатомъ ея были слѣдующіе акты: учрежденіе для управленія губерній 1775 г.; уставъ благочинія 1782 г.; планъ народныхъ училищъ (1782 г.) съ послѣдующимъ устройствомъ ихъ (уставъ 1786 г.); городовое положеніе 1785 г. и дворянская жалованная грамота того же года.

---

[1]) Самый «Наказъ» разосланъ былъ только въ высшія и центральныя учрежденія, причемъ опредѣлялся и кругъ служащихъ лицъ, имѣвшихъ право его читать.

[2]) Несмотря на вторичную отмѣну Екатериною (19 окт. 1762), эта послѣдняя продолжала существовать, хотя, конечно, не съ прежнимъ характеромъ.

Первая Турецкая война (1769—74), сопровождавшаяся раздѣломъ Польши и московскою чумою, и Пугачевскій бунтъ (1773—75) должны были отвлечь на нѣкоторое время вниманіе правительства отъ внутреннихъ дѣлъ; но вслѣдъ затѣмъ эти послѣднія опять получаютъ преимущественное значеніе... Екатерина писала Гримму, что она «одержима теперь *законобъсіемъ*». «Сломавъ рога Пугачева, мысли множествомъ вдругъ приходятъ», говоритъ она, и обѣщаетъ заняться школами, какъ только утихнетъ пугачевщина... Передъ Вольтеромъ Екатерина хвалилась, что ея «учрежденіе о губерніяхъ ни въ чемъ не уступаетъ «Наказу», хотя во всей этой массѣ не проглядываетъ ни умъ, ни геній, но зато заключается много пользы. За этимъ учрежденіемъ будутъ слѣдовать другія: о финансахъ, торговлѣ, полиціи и пр., а затѣмъ и изданіе Уложенія будетъ уже дѣломъ легкимъ и скорымъ». Она мечтала о соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ; хвалилась, что личная безопасность ограждена ею посредствомъ введенія въ производство дѣлъ «трехъ инстанцій»...

Въ необходимыхъ случаяхъ Екатерина, по обыкновенію, прибѣгаетъ къ «Энциклопедіи», въ которой она надѣялась найти все нужное и ненужное ей, къ произведеніямъ современной политической литературы и т. п. Но съ 1774 г. Блэкстонъ совершенно заполонилъ ее и притомъ остался уже главнымъ ея руководителемъ до конца царствованія по всѣмъ законодательнымъ и юридическимъ вопросамъ (напр., о дуэляхъ [1]), о контрактахъ и т. п.). «Блакстонъ, пишетъ она, не присылалъ мнѣ своихъ записокъ, а между тѣмъ онъ одинъ уже имѣетъ быть читаемъ ея величествомъ, и *его записки* со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель *предметовъ* и *мыслей*. Я ничего не сдѣлала изъ того, что имѣется въ его книгѣ; но это мои *нитки*, которыя я разматываю по своему»... Ясность и изящество изложенія сдѣлали Блэкстона центральною личностью въ той области, которая называется англійскимъ государственнымъ правомъ... Спокойно взвѣшиваетъ онъ всѣ pro и contra, сопоставляетъ факты и мотивы, разсматриваетъ прецеденты глубокой старины, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, а затѣмъ съ привычнымъ безпристра-

[1]) Манифестъ о дуэляхъ, направленный противъ нихъ и выясняющій начала и понятія о чести, изданъ былъ 21 апр. 1787 г. въ Кіевѣ, причемъ Екатерина опять ссылается на свой Наказъ (ст. 482).

стіемъ судьи произноситъ свой приговоръ. Понятно поэтому, что привлекало Екатерину въ его трудѣ. Въ его комментаріяхъ она находила необходимыя историческія справки и объясненія по весьма сложнымъ вопросамъ въ области государственнаго и гражданскаго права. И она постоянно обращалась къ его произведенію. Вотъ что писалъ по этому поводу англійскій посланникъ Гаррисъ (лордъ Мальмсбери): «Въ бесѣдѣ съ императрицей мы коснулись Блэкстона, причемъ она просто озадачила меня своими познаніями; по моему она сама годилась бы въ судьи, такъ хорошо ей извѣстны наши законы и наша конституція» [1]).

Въ настоящее время едва ли можно утверждать, что «Учрежденіе» Екатерины, составляя одну изъ лучшихъ комбинацій человѣческаго ума, вполнѣ принадлежитъ ей и не имѣетъ себѣ образца. Кромѣ указанныхъ выше авторитетовъ, составители его пользовались шведскимъ уложеніемъ 1734 г., трудами извѣстнаго французскаго юриста Потье и др....

Екатерина II удовлетворила желанія, высказанныя въ коммиссіи, о приближеніи административныхъ и судебныхъ органовъ къ населенію. Вновь возникающія губернскія правленія и палаты (1775 г.) представляютъ децентрализованныя коллегіи. Такимъ образомъ центръ тяжести управленія переносится въ губерніи, а коллегіи въ столицѣ, за исключеніемъ трехъ главныхъ, постепенно закрываются. Три главныя функціи государственной дѣятельности: управленіе (и полиція), финансы, судъ были раздѣлены въ губерніи. Двѣ главныя системы—выборъ [2]) и назначеніе короной введены почти въ равной степени. Двѣ низшія степени суда получили сословный характеръ, [3]) причемъ первая—суды первой степени находились въ уѣздѣ. Всѣ члены ихъ были выборные (на 3 года). По «Учрежденію» большая часть администраціи была мѣстнаго происхожденія... Притомъ «учрежденіе о губерніяхъ» распространялось на всю территорію, хотя вводилось постепенно. Въ результатѣ вышло, что губернскія учрежденія Екатерины оказались

[1]) Соч. Блэкстона переведено, по ея повелѣнію, проф. С. Е. Десницкимъ, учившимся въ Англіи, и даже было рекомендовано ею для чтенія въ кадетскомъ корпусѣ (Истолкованіе англ. законовъ, 3 ч. М., 1780—82; переводъ не оконченъ), вмѣсто соч. Вильфельда. Она написала подробный разборъ означеннаго сочиненія, до сихъ поръ неизданный.

[2]) Непосредственный или кандидатовъ.

[3]) Дворянство, горожане и казенные крестьяне всѣхъ наименованій.

одной изъ наиболѣе удачныхъ и наиболѣе прочныхъ русскихъ реформъ....

Весьма важнымъ, повидимому, актомъ являлось право созванія намѣстникомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, всѣхъ палатъ и представленія о неудобствѣ новаго закона [1]); но примѣненіе этого принципа не получило широкаго значенія.

Новымъ явленіемъ въ организаціи губернской администраціи представляются *приказы общественнаго призрѣнія*, на обязанности которыхъ возложено было завѣдываніе школами, больницами и собственно призрѣніемъ... Конечно, на первыхъ порахъ средства приказовъ были незначительны; но уже въ 1803 г. они имѣли въ обращеніи 5 мил. рублей и содержали изъ своихъ доходовъ нѣсколько сотъ благотворительныхъ заведеній.

Съ этого времени школа и благотворительность становятся дѣломъ общественнымъ, хотя въ самыхъ этихъ учрежденіяхъ, по отзывамъ современниковъ, было не мало наружнаго блеска. Въ связи съ «учрежденіемъ о губерніяхъ» стоитъ развитіе медицинской части въ провинціяхъ и устройство аптекъ, для которыхъ былъ изданъ уставъ въ 1789 г. Екатерина обратила вниманіе на положеніе умалишенныхъ: пока они помѣщались въ нѣкоторыхъ, нарочно назначенныхъ для того, монастыряхъ, но по «учрежденію о губерніяхъ» заботы о нихъ и устройство *особыхъ домовъ* возложены были на приказы общ. призрѣнія. Дѣятельность Пинеля во Франціи по улучшенію быта умалишенныхъ относится уже къ эпохѣ французской революціи: въ 1792 г. онъ снялъ оковы съ душевно-больныхъ парижскаго убѣжища Бисетръ.

Другимъ новымъ явленіемъ не только для губерніи, но и для страны былъ *совѣстный судъ*, совмѣщавшій въ себѣ нѣкоторые элементы мироваго суда и суда присяжныхъ. На организацію его несомнѣнно имѣли вліяніе соч. Беккаріи и черты суда по совѣсти или справедливости, найденныя Екатериною въ англійскомъ судопроизводствѣ, съ нѣкоторыми позаимствованіями изъ Habeas corpus акта (о напрасномъ арестѣ), горячими сторонниками котораго у насъ являются кн. М. М. Щербатовъ и гр. С. Р. Воронцовъ.

---

[1]) Останавливать исполненіе новыхъ узаконеній, когда, по единогласному мнѣнію всѣхъ мѣстныхъ коллегій, они признаны будутъ неудобными, представляя о томъ сенату,—заимствованіе изъ обычая французскихъ парламентовъ.

Съ образованіемъ губерній по «учрежденію» Екатерины II, число ихъ, въ интересахъ «блага народа», было увеличено вдвое. Мысль о среднемъ сословіи не покидала Екатерину до конца, о чемъ свидѣтельствуетъ и ея городовое положеніе, и количество «воздвигнутыхъ» ею городовъ; но попытка ея создать городское всесословное самоуправленіе не увѣнчалась успѣхомъ[1]). Уже послѣ собранія коммиссіи Екатерина сохранила уѣздныхъ предводителей дворянства и съѣзды; въ «учрежденіи о губерніяхъ» оно пріобрѣтаетъ новыя права въ мѣстномъ управленіи; жалованная грамота расширила предѣлы дворянскихъ корпорацій, дозволивъ имъ собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ. Изданіемъ «учрежденія» и «жалованной грамоты» Екатерина не только удовлетворила почти всѣ просьбы дворянства, но дала ему и много такого, о чемъ наказы не просили...[2]).

Екатерина не считала, однако, своей реформы въ области администраціи и суда законченною безъ преобразованія Сената, а его дѣятельность ее не удовлетворяла. И здѣсь опять сказывается эклектическій умъ Екатерины. Она знакомится съ дѣлами Сената за много лѣтъ, сличаетъ ихъ съ общими началами своего Наказа и обращается за справками къ неизмѣнному Блэкстону, изъ котораго дѣлаются для нея обширныя выписки. По дошедшимъ до насъ отрывкамъ и замѣткамъ объ этой реформѣ (1787—1795 гг.) можно судить, что Екатерина думала объ образованіи учредительнаго сената и судебныхъ сенатовъ въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани[3]).

Какъ же можно смотрѣть на учрежденія Екатерины и что внесли они въ жизнь русскаго общества? Что они имѣли сословный характеръ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; но таковы были и воззрѣнія тѣхъ авторитетовъ, которымъ слѣдовала Екатерина въ своей законодательной дѣятельности: Монтескье, Беккаріи (§ VII; ср. 180 ст. Большого Наказа). Съ другой стороны, въ учрежденіи Екатерины и актахъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ (уставъ о благочи-

[1]) Въ 1781 г считалось губерній, образованныхъ по новому положенію,—29, обстроенныхъ и новыхъ городовъ (переименованныхъ изъ селъ, но, конечно, это не содѣйствовало ихъ процвѣтанію, и впослѣдствіи многіе изъ нихъ снова обращены были въ прежнее состояніе)—144.

[2]) Въ интимной бесѣдѣ, по поводу послѣдней, Екатерина выразилась: «нельзя читать, чтобъ кровь не кипѣла» (Храповицкій, ст. 482).

[3]) Съ учрежденіемъ Совѣта (1768 г.) правительственное значеніе Сената падаетъ.

ніи, жалованныя грамоты), много отводится мѣста заботамъ, опекѣ власти относительно нуждъ и дѣятельности общества. Но таковы были воззрѣнія французскихъ энциклопедистовъ, послѣдователей физіократическаго ученія Кенэ, которыми питалась Екатерина. Таковъ общій духъ эпохи; тѣмъ не менѣе Екатерина дѣлаетъ значительный поворотъ въ сторону Монтескье, развивавшаго идею противодѣйствующихъ политическихъ силъ, на началахъ которой строилъ свою конституціонную систему авторъ «Духа законовъ».... Какъ бывало нерѣдко въ жизни русскаго общества, первые выборы отличались извѣстными достоинствами. И въ концѣ своего царствованія Екатерина съ похвалою отозвалась о двухъ первыхъ выборахъ, которые отвѣчали своей цѣли, какъ замѣчаетъ Грибовскій. Но затѣмъ мы встрѣчаемъ извѣстія о неряшливости выборовъ и уклоненіи отъ нихъ; а между тѣмъ власть генералъ-губернаторовъ (намѣстниковъ) хотя и облеченныхъ лестнымъ правомъ быть заступниками утѣсненныхъ, предоставленная имъ надъ всѣми управленіями, сдѣлала фиктивнымъ и самостоятельность суда...

Въ особенности Екатерина имѣла право дорожить «совѣстнымъ судомъ». «Совѣстный судъ, говоритъ она, есть пульсъ, показывающій нравы той губерніи. Одинъ только безсовѣстный отказывается отъ призыва въ совѣстный судъ». Съ другой стороны, любопытно, что она видѣла въ немъ чисто славянскій обычай [1]). Въ особенности его значеніе чувствовалось въ дѣлахъ о малолѣтнихъ, о волшебствѣ, суевѣріяхъ и т. п., взглядъ на которыя существенно измѣняется съ царствованія Екатерины. На разсмотрѣніе этого суда она отдаетъ дѣло о прекращеніи работъ на Фонтанной фабрикѣ. Отмѣна этого суда (имп. Павломъ) заставляла потомъ сожалѣть о немъ и желать его возстановленія... Но «уложенія» о наказаніяхъ Екатеринѣ не пришлось дождаться, какъ и окончанія работы о Сенатѣ. «Кончилось тѣмъ, что не время теперь дѣлать реформы», говоритъ Храповицкій (по поводу ея работъ о Сенатѣ) въ мартѣ 1788 г. Война съ Турціей и Швеціей, а затѣмъ событія во Франціи надолго поглотили вниманіе Екатерины.

---

[1]) «Совѣстный судъ есть славянскій обычай, говоритъ Екатерина. Саксонцы оный ввели въ Англію».

Правда, по закрытіи частныхъ коммиссій (1774), въ ихъ канцеляріяхъ, подъ наблюденіемъ ген. прокурора (кн. А. А. Вяземскаго), приготовлялся сводъ законовъ, но предпріятіе это не было доведено до конца. Такимъ образомъ Уложеніе царя Алексѣя и Воинскій уставъ Петра В. по прежнему оставались дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ [1]). Впрочемъ, жестокость уголовнаго кодекса продолжала имѣть мѣсто и на Западѣ. [2]) Съ учрежденіемъ приказовъ общественнаго призрѣнія полагается начало работнымъ и смирительнымъ домамъ.

Екатерина приняла содержаніе заключенныхъ на счетъ казны, такъ какъ до нея они содержались на свои средства или на счетъ пожертвованій и милостыни, и того же на первыхъ порахъ добивался въ Англіи извѣстный филантропъ Говардъ. Въ своихъ требованіяхъ относительно раздѣленія заключенныхъ по роду преступленій Говардъ ссылается на Наказъ Екатерины. Говардъ дважды посѣтилъ Россію (1781 и 1789 г.). Съ похвалою отзывается онъ о воспитательныхъ учрежденіяхъ Бецкаго, о военномъ госпиталѣ въ Кронштадтѣ, о Павловской больницѣ въ Москвѣ; но тюрьмы, какъ и на Западѣ, за небольшими исключеніями (напр. въ Голландіи), представлялись ему въ весьма печальномъ положеніи. [3]) Упомянемъ однако, что къ 1787 г. относится собственноручный проектъ Екатерины о тюрьмахъ, въ которомъ обращается вниманіе на раздѣленіе преступниковъ по категоріямъ преступленій, на устройство и состояніе тюремъ. Дѣятельность Говарда вызвала похвалы со стороны кн. Щербатова, а послѣдніе дни свои пришлось Говарду провести на рукахъ другого своего почитателя—Н. С. Мордвинова, въ Херсонѣ, который озаботился и постановкою ему памятника.

Въ 1777 г. Екатерина писала Вольтеру, что финансовая часть будетъ устроена на тѣхъ же началахъ, какія легли въ основаніе На-

---

[1]) Смягченіе наказаній выразилось лишь въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для дворянъ (съ Петра III и жалов. грам. 1785), именитыхъ гражд. и купцовъ 1 и 2 гильдіи (1785), священнослуж. въ духов. судахъ (1767), въ признаніи батоговъ «сущей казнью» (1775), въ замѣнѣ кнута плетью за кражи и т. п. Весьма существенно было то различіе, какое внесла Екатерина въ понятіе объ оскорбленіи величества «словомъ и дѣломъ» (Наказъ, ст. 482) и на примѣненіи котораго она настаиваетъ въ «манифестѣ о поединкахъ» и частныхъ рѣшеніяхъ по этимъ дѣламъ.

[2]) Таковы уголовный кодексъ Маріи Терезіи 1768 г., суровые приговоры въ царствованіе Іосифа II и др.

[3]) Въ 1785 г. Говарду воспрещенъ былъ въѣздъ во Францію.

каза: «жить и давать жить». Въ ея комиссіи была выработана примѣрная смѣта, а съ 1769 г. ведутся общія для всего государства окладныя книги. Финансовая часть получаетъ, въ ряду другихъ частей управленія, самостоятельное значеніе. «Торговля мое дѣтище», говоритъ Екатерина, и уже съ самаго начала своего царствованія (1762) она разрѣшила вывозъ хлѣба за границу, допущенный еще Петромъ III, и рѣшительнымъ образомъ высказалась противъ монополій, процвѣтавшихъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Она отмѣняетъ рядъ фискальныхъ мѣръ и мелкихъ сборовъ во внутренней торговлѣ. Архангельскъ былъ сравненъ въ правахъ по отпускной торговлѣ съ Петербургомъ, и уже въ концѣ XVIII столѣтія въ Архангельскѣ было болѣе 40 торговыхъ домовъ, 5 частныхъ верфей и до 600 купцовъ, ведшихъ самостоятельно торговлю. Судостроеніе поднялось до небывалой прежде высоты, а товары нерѣдко отправлялись за границу на корабляхъ, принадлежавшихъ русскимъ купцамъ. Въ 1781 г. былъ изданъ уставъ купеческаго водоходства. Екатерина покровительствовала учрежденію торговыхъ компаній (купца Владимірова для торговли въ Средиземномъ м., нижегородская и воронежская комп.). Казенные промыслы и торговля объявляются свободными (рыбный и тюленій, ревень, поташъ, смола, табакъ и др.). Видны постоянныя заботы объ удешевленіи соли. Въ 1775 г. всѣмъ и каждому предоставлено право заводить фабрики и станы [1]). «Я вовсе не охотница до геніальности по фискальной части и до изобрѣтеній по части мелочныхъ доходовъ, которые только не даютъ покоя людямъ и въ дѣйствительности очень маловажны», писала Екатерина Гримму по поводу соч. Неккера. [2]) Заботы ея о земледѣліи стоятъ въ связи съ усвоенными ею взглядами физіократовъ, хотя она не была чужда и нѣкотораго, свойственнаго ей вообще, эклектизма. Точно также ея тарифы (1766 г. отчасти, 1782 г.) соотвѣтствовали идеямъ физіократизма и свободной торговли, которыя достигаютъ почти полнаго развитія въ 1782 г.

---

[1]) Въ 1761 г. фабрикъ было 201, въ 1776 – 478, въ 1796 г. – до 2000. Въ одной изъ статей ремесл. положенія (ст. 105) опредѣляется число рабочихъ часовъ, а именно — 10 въ сутки (не ранѣе 6 ч. утра и не позже 6 ч. веч.)

Екатерина обратила вниманіе на И. И. Ползунова, изобрѣтателя паровой машины въ Барнаулѣ (1763 - 66), и на механика-самоучку И. П. Кулибина.

[2]) Въ указѣ 22 нояб. 1779 г. она говоритъ: «собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе».

Въ это время Екатерина интересовалась экономическою литературою. Съ идеями и сочиненіями Бодо, Тюрго, Кавo, Неккера, Галіани и проектами де-Калонна она была знакома. Понятно, какъ она должна была заинтересоваться споромъ во Франціи о свободной торговлѣ хлѣбомъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ принималъ близкое участіе Вольтеръ, сторонникъ идей Тюрго. Въ годъ изданія трактата Кондорсе о хлѣбной торговлѣ (1776), который защищалъ принципъ свободной торговли хлѣбомъ и котораго поддерживалъ Вольтеръ [1]), авторъ его былъ избранъ почетнымъ членомъ Петерб. Академіи наукъ. Получивъ соч. Неккера «о хлѣбной торговлѣ», она лестно отозвалась объ его книгѣ: «это въ родѣ Блакстона; книга Неккера удостоилась краснаго карандаша», замѣтила она. Но, познакомившись съ другими его трудами [2]), она называетъ ихъ уже скучными и одинаково безполезными или бьющими на эффектъ, какъ и проекты де-Калонна...

Шлецеръ говоритъ, что въ промежутокъ отъ смерти Петра В. до Екатерины II немыслимы были статистическія работы въ Россіи, такъ какъ въ нихъ легко могли усмотрѣть политическій умыселъ. Даже свѣдѣнія о вывозѣ и ввозѣ товаровъ считались тогда государственной тайной. При Екатеринѣ II Шлецеръ имѣлъ возможность впервые воспользоваться этимъ матеріаломъ. Въ свою очередь, популяціонистическое направленіе въ литературѣ и политикѣ западно-европейскихъ государствъ не осталось безъ вліянія на Россію. Екатерина обращаетъ вниманіе на значительную смертность въ Россіи и, начиная съ ея Наказа и коммиссіи объ Уложеніи (9-я секція— о размноженіи народа, земледѣліи, домостроительствѣ, искусствѣ и ремеслахъ), ею былъ принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ умноженію и сохраненію народонаселенія. Прямое и непосредственное вліяніе Шлецера въ организаціи статистики народонаселенія въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію. По его указаніямъ устанавливаются образцы метрическихъ записей, и, на основаніи собранныхъ данныхъ, приступлено было къ обработкѣ ихъ при Академіи наукъ. Сочиненія нѣмецкихъ популяціонистовъ, Бильфельда, Юсти, Зонненфельса,

---

[1]) Réflections sur le commerce des blés, Londres, 1776, а также его брошюры, написан. въ опроверженіе соч. Неккера о хлѣбномъ законодательствѣ.

[2]) De l'administration des finances de la France, P. 3 v., 1784, переведено на русскій языкъ подъ загл.: «Объ управленіи государственныхъ доходовъ Французскаго королевства». Спб. 1786; Compte rendu au roi, 1781.

пользовавшихся авторитетомъ въ глазахъ нѣмецкихъ правительствъ, несомнѣнно были извѣстны Екатеринѣ[1]). Четвертая перепись, состоявшаяся въ 1781 г., произведена была по правиламъ, изложеннымъ въ соч. Зонненфельса, а дальнѣйшая обработка всѣхъ данныхъ о народонаселеніи Россіи выполнена была въ изслѣдованіяхъ акад. Крафта и Германа, напеч. на французскомъ и нѣмецкомъ яз.,[2]) которыми могъ уже воспользоваться Мальтусъ въ своемъ сочиненіи о народонаселеніи (кн. II, гл. III). «Пусть будущій литераторъ, говоритъ Шлецеръ, исчислитъ всѣ подобнаго рода сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ самой Россіи до 1765 г., и сравнитъ съ ними то огромное количество большихъ и малыхъ сочиненій, трактующихъ о разныхъ мѣрахъ правительства по статистикѣ и большею частію до сихъ поръ неизвѣстныхъ за границею, появившихся между 1770—1790 г., вызванныхъ либеральнымъ образомъ мыслей императрицы, чтобы судить объ успѣхахъ въ области статистики», и тутъ же онъ указываетъ на обширный трудъ М. Д. Чулкова по исторіи русской торговли (Спб., 21 т., 1781—88, in 4-o), основанный на множествѣ неизданныхъ матеріаловъ. Прибавимъ къ этому, что въ 1772—73 гг. проф. Рейхель впервые читалъ въ Россіи (въ Москвѣ) курсъ статистики (по-латыни), тогда же изданный на русскомъ языкѣ.[3])

Коммиссія Уложенія, Учрежденіе о губерніяхъ и жалованныя грамоты содѣйствовали пробужденію общественной жизни и дѣятельности. По словамъ Болотова, реформы Екатерины «производятъ великое потрясеніе умовъ, заставляютъ всѣхъ дворянъ мыслить, хлопотать и заботиться». Онъ говоритъ, что эпоха эта «была по всей справедливости самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіемъ своимъ произвела во всемъ великія перемѣны». Другіе современники (Дашкова, Добрынинъ, кн. Ѳ. Н.

---

[1]) Въ это время появились переводы всѣхъ этихъ сочиненій на русскій языкъ: 1) Бильфельдъ: Политическія наставленія, 1768 и 1775, 2 чч., въ перев. проф. Барсова и кн. Ѳ. Шаховскаго, 2) Юсти: Основаніе силы и благосостоянія царствъ или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія», 3 чч., Спб. 1772—78, перев. Ив. Богаевскимъ; 3) І. Зонненфельсъ: «Начальныя основанія полиціи или благочинія», перев. проф. Гаврилова (М. 1787).

[2]) Впрочемъ, изслѣдованія эти не лишены значительныхъ недостатковъ.

[3]) Краткое руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политич., экономич. и учебнаго состоянія нѣк. знатнѣйшихъ европ. государствъ, М. 1775. Перев. слушат. Рейхеля Андрея Байбакова (впослѣд. архіеп. Аполлосъ).

Голицынъ, Винскій) указываютъ на улучшеніе управленія городовъ, дорогъ, торговли, способовъ образованія, нравовъ. Объявленіе о распоряженіяхъ правительства, какъ введеніе новыхъ учрежденій, избраніе на должности, открытіе намѣстничествъ, празднованіе мира, сопровождались собраніемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и съѣздами окрестныхъ дворянъ изъ ближайшихъ губерній. Послѣдніе бывали нерѣдко весьма многочисленны (въ Новгородѣ до 650, въ Твери до 500 чел.)[1]). «Никогда еще не видывалъ я толь великаго множества и знатнаго, и средняго, и мелкаго дворянства», замѣчаетъ Болотовъ. Съѣзды эти сопровождались фейерверками, маскарадами, театральными представленіями и т. п.; а пріѣхавшіе на нихъ занимались не одними удовольствіями (пили, ѣли, играли), но были заинтересованы и долженствующими совершиться событіями; о нихъ преимущественно разсуждали и были очень возбуждены. Понятно, что пріѣзжіе возвращались домой со множествомъ «новыхъ впечатлѣній», новыхъ интересовъ и новыхъ темъ для разговоровъ и размышленій...

Не говоря о Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ спектакли устраивались и въ частныхъ домахъ, появляются театры въ провинціальныхъ городахъ (Воронежъ, Харьковъ, Тула, Калуга и др.; были попытки устройства спектаклей и въ Иркутскѣ, и даже въ деревняхъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ), причемъ собиралось «великое множество народа», по выраженію Болотова, а въ числѣ пьесъ встрѣчаемъ и «Мѣщанина во дворянствѣ», и «Севильскаго цирюльника».

Съ другой стороны, несомнѣнно, что требованіе на первыхъ порахъ значительнаго контингента служащихъ лицъ не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій для самыхъ учрежденій, слабыя стороны которыхъ также отмѣчены современниками... Если многіе изъ этихъ недостатковъ зависѣли отъ подавляющаго вліянія администраціи и значительно умножившагося чиновничества, то не менѣе имѣла здѣсь значенія и апатія общества, не привыкшаго къ самодѣятельности...

Была и другая причина этихъ неудачъ — это отсутствіе образованія въ руководящей средѣ. «Дворяне, говорятъ намъ современники, почитаютъ невѣжество своимъ правомъ; человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но избѣгается. Дворянскіе съѣзды ча-

[1]) Чтобы судить о значеніи этихъ съѣздовъ, необходимо припомнить, что во Франціи, до революціи, даже 20 дворянъ не могли собраться для обсужденія какого-нибудь дѣла безъ дозволенія короля (Тэнъ).

сто отличались пьянствомъ и буйствомъ. Въ одной Тамбовской губ. болѣе сотни дворянъ судились за взятки, грабежи и воровство... Невѣжество въ законахъ было главнымъ основаніемъ издомства»[1]).

Но самый существенный вопросъ, съ котораго начала собственно Екатерина обсужденіе современнаго состоянія Россіи, остался неразрѣшеннымъ—мы разумѣемъ освобожденіе крестьянъ. Она не приступала къ нему ни въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ ставился онъ въ задачѣ Вольн. эконом. общества, ни въ томъ скромномъ видѣ (ограниченіе рабочихъ дней, регламентація обязанностей крестьянъ), какъ намѣченъ онъ былъ нѣкоторыми членами коммиссіи. Все, что сдѣлано было при Екатеринѣ въ этомъ отношеніи (не говоря о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и упорядоченіи заводскихъ работъ), ограничилось объявленіемъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ свободными, съ распространеніемъ свободы и на лицъ, съ которыми они вступали бы въ бракъ (хотя самый актъ воспрещался); запрещеніемъ вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя, обращать въ крѣпостныхъ безмѣстныхъ церковниковъ и военноплѣнныхъ и считать незаконнорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей, если эти послѣдніе не имѣли права владѣть крестьянами; наконецъ, сдѣлано было нѣсколько другихъ ограниченій, такъ сказать, отрицательнаго характера, которыя притомъ постоянно нарушались. За то крѣпостное право расширяется территоріально, посредствомъ прикрѣпленія къ землѣ (Слободская украина и Малороссія) и раздачи казенныхъ крестьянъ въ пожалованіе (въ Остзейскомъ краѣ, въ Малороссіи, въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, отчасти въ Великороссіи). Тѣмъ болѣе явленіе это представляется аномаліей, что Екатерина рѣзко и послѣдовательно указывала на несочувствіе свое и даже отвращеніе къ рабству. Вотъ что писала Екатерина ген.-прокур. кн. Вяземскому въ 1775, г., подъ впечатлѣніемъ еще пугачевскаго бунта: «Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ, и положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно. *Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо, не имѣвъ обо-*

[1]) Екатерина жаловалась на «неистовство молодыхъ людей», которымъ она думала своимъ манифестомъ о поединкахъ внушить правила чести (Храповицкій).

роны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно самая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе; кольми паче мстительной такой законъ, *какъ Сенатъ вздумалъ не кстати и не къ ладу издать*. И такъ прошу быть весьма осторожну въ такихъ случаяхъ, дабы *не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, если въ новомъ узаконеніи* не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно». А изъ сенатскихъ дѣлъ видно, что въ 1770-хъ годахъ составленіе означеннаго закона возложено было на коммиссію Уложенія...

Однажды (въ декабрѣ 1774 г.), съ озабоченнымъ видомъ, Екатерина сказала Далю: «Да, дѣло не легкое, оно не мало меня озабочиваетъ и все таки оно остается въ одинаковомъ положеніи. Гдѣ только начнутъ его трогать, оно нигдѣ не поддается». Впослѣдствіи Блудовъ утверждалъ, что онъ видѣлъ проектъ закона, составленный около этого времени, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 г., должны были стать свободными, т. е. получить право личной свободы безъ земли; но онъ не осуществился къ счастью крестьянъ, какъ думаютъ наши изслѣдователи по исторіи крѣпостного права.

Повидимому, такой исходъ дѣла лежалъ, съ одной стороны, въ мнѣніяхъ представителей эпохи просвѣщенія, которымъ Екатерина привыкла довѣрять, а съ другой—въ результатѣ, къ которому пришла коммиссія Уложенія. Князь Щербатовъ и другіе консерваторы, такъ любившіе ссылаться на Монтескье, находили у него мнѣнія, которыми они подтверждали свою защиту настоящаго порядка вещей. И Екатерина въ своемъ Наказѣ буквально выражается словами послѣдняго, когда говоритъ: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». Мы знаемъ, что и Беарде де-л'Абей и Полѣновъ вполнѣ сочувствуютъ освобожденію крестьянъ и утвержденію ихъ правъ на землю, но ставятъ осуществленіе ихъ въ зависимость отъ просвѣщенія.[1]) Точно также другіе отвѣты, представленные въ Вольное экономич. общество, предлагали, при освобожденіи крестьянъ, сохранить въ томъ или другомъ

[1]) Полѣновъ полагалъ, что не слѣдуетъ принуждать дворянство къ улучшенію быта крестьянъ, а лишь дѣйствовать на него примѣромъ, начавши реформы съ *дворцовыхъ крестьянъ*, между тѣмъ эти послѣдніе почти всѣ были уже освобождены отъ барщины и платили умѣренный оброкъ.

видѣ зависимость ихъ отъ помѣщиковъ или рекомендовали порядки, существовавшіе въ Остзейскихъ провинціяхъ. Мало этого. Два автора, несомнѣнно пользовавшіеся вліяніемъ на Екатерину, совершенно иначе отнеслись къ разрѣшенію настоящаго вопроса. Мы говоримъ о Мармонтелѣ и Вольтерѣ, отвѣты которыхъ удостоились почетнаго отзыва. Первый изъ нихъ полагаетъ, что нужно дать время владѣльцамъ населенныхъ имѣній сознать необходимость освобожденія. Вольтеръ говоритъ: «Справедливость требуетъ, чтобы государь освободилъ только церковныхъ сервовъ (въ силу извѣстнаго взгляда автора на духовенство) и своихъ собственныхъ[1])». Но что касается сеньеровъ, то Вольтеръ боится несправедливости, «если заставить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли примѣру государя; они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны». Замѣчательно также, что въ это время В. экон. общество, при посредствѣ своихъ «Трудовъ», усердно пропагандировало остзейскія поземельныя отношенія; но взгляды эти, однако, не имѣли очевидныхъ результатовъ...

Что касается коммиссіи Уложенія, то необходимо замѣтить, что она воспользовалась весьма обильнымъ матеріаломъ по данному вопросу, заимствованнымъ изъ узаконеній и правъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Но проектъ, выработанный коммиссіей о разборѣ родовъ государственныхъ жителей (повинности, продажа безъ земли, движимая собственность и т. п.) отличается такою односторонностью, что принятіе его только узаконило бы злоупотребленія помѣщичьей власти... Въ ближайшемъ поколѣніи существовало мнѣніе, что Екатерина отступила передъ столь громаднымъ дѣломъ вслѣдствіе постояннаго противодѣйствія придворной или дворянской партіи; но это не вполнѣ вѣрно. Въ пользу освобожденія, въ томъ или иномъ видѣ, высказывались наиболѣе выдающіяся изъ лицъ, близкихъ къ императрицѣ; а въ литературѣ означеннаго періода вопросъ этотъ разсматривается съ самой сочувственной стороны къ положенію и личности крестьянина, начиная съ самой Екатерины[2])... Между тѣмъ,

---

[1]) Всего жестче крѣпостное право держалось во Франшъ-Конте и особенно во владѣніяхъ монастыря Сенъ-Клодъ. По этому поводу Вольтеръ и написалъ тѣ памфлеты, которые такъ волновали общественное мнѣніе и подготовили окончательное уничтоженіе крѣпостничества.

[2]) Въ 1772—78 гг. вышелъ въ свѣтъ переводъ соч. Юсти, авторъ котораго возмущается рабствомъ. «Сочиненіе Юсти является первою и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательною попыткою изложить систематически начала науки полиціи и указать ея мѣсто въ ряду другихъ наукъ» (И. Е. Андреевскій).

многіе изъ дворянъ, освободившись отъ ужаснаго кошемара, тяготѣвшаго надъ ними во время пугачевщины, съ двойною энергіею принялись теперь за вымещеніе своихъ недавнихъ бѣдствій... Поэтому нельзя не признать, что трудность разрѣшенія этого вопроса, при извѣстномъ состояніи общества, гораздо ближе выясняется всей послѣдующей его исторіей до царств. Александра II включительно. Какъ извѣстно, Екатерина сравнила (въ бесѣдѣ съ тѣмъ же Далемъ [1]) предстоявшія ей опасности «съ американскимъ колоніальнымъ дѣломъ»; она не удовлетворялась мѣрами, принятыми Маріей Терезіей (какъ ограниченіе правъ помѣщиковъ, опредѣленіе повинностей крестьянъ, право выкупа земельныхъ участковъ); она хорошо знала распоряженія Іосифа II, гарантировавшія личную свободу крестьянъ; но, какъ часто бываетъ, за стремленіемъ къ достиженію болѣе широкихъ благъ, ею упускалось изъ вида то, что могло быть сдѣлано въ настоящій моментъ. Притомъ необходимо принять во вниманіе, что на Западѣ, какъ и въ Россіи, наибольшія трудности встрѣчались при разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи частно-владѣльческихъ крестьянъ, и даже, послѣ рѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ (въ Пруссіи Фридрихомъ II, въ Австріи Іосифомъ II), положеніе крестьянъ подвергалось все-таки новымъ опасностямъ. Во Франціи эдиктъ 1779 г. не имѣлъ большаго успѣха и въ 1789 г. здѣсь было еще значительное число несвободныхъ крестьянъ. Не менѣе поучителенъ ходъ этого дѣла и въ Даніи....

Въ другомъ положеніи находились государственные крестьяне. Вскорѣ по отобраніи монастырскихъ вотчинъ (1764 г.), при Екатеринѣ II былъ изданъ рядъ мѣръ, касавшихся ихъ управленія, а въ Учрежденіи о губерніяхъ (1775) государственные крестьяне получаютъ опредѣленную организацію и свой судъ. Дальнѣйшее развитіи этихъ началъ представляетъ положеніе для установленія сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ вѣдомства директора экономіи Екатеринославскаго намѣстничества, 1787 г., распространенное затѣмъ и на нѣкоторыя восточныя губерніи. Наконецъ Екатеринѣ II принадлежитъ обширный проектъ объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей, въ которомъ она думала примѣнить начала городоваго положенія къ сельскому быту [2]).

---

[1]) Рижскій таможен. инспекторъ, а потомъ тамож. совѣтникъ въ Петербургѣ.

[2]) Любопытно, что въ приложеніи къ нему помѣщены выписки изъ Плутарха, римскаго права, Блэкстона и извѣстнаго сочиненія по англійской конституціи Декольма (1771 и др.).

III.

Въ эпоху просвѣщенія заботы объ этомъ послѣднемъ въ обширномъ смыслѣ и въ частности о народныхъ школахъ должны были занимать всѣ правительства, затронутыя движеніемъ. Просвѣщеніе считалось наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для смягченія нравовъ и уменьшенія преступленій; но оно рекомендовалось также, какъ необходимая подготовительная ступень на пути къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Повидимому, Екатерина усвоила эту точку зрѣнія. Вопросъ о воспитаніи занималъ ее въ связи съ другими вопросами въ общей системѣ ея «учрежденій». Наказъ Екатерины II ограничился одними общими наставленіями о домашнемъ воспитаніи; но уже въ извѣстномъ «начертаніи» о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, 8-го апр. 1768 г., императрица говоритъ о *трехъ родахъ или степеняхъ учебныхъ заведеній*: низшихъ, среднихъ и высшихъ (т. е. начальныхъ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ); а въ числѣ частныхъ коммиссій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ собраніи», учреждена была «коммиссія о училищахъ». Мы знаемъ, какого рода были пренія объ училищахъ въ Большой коммиссіи; но гораздо подробнѣе и основательнѣе разсмотрѣны разныя стороны этого важнаго дѣла въ учебной коммиссіи. Члены коммиссіи выработали четыре проекта: 1) о низшихъ деревенскихъ училищахъ, 2) о низшихъ городскихъ училищахъ, 3) о среднихъ училищахъ и 4) объ училищахъ для иновѣрцевъ. И одновременно съ этимъ Екатерина сама интересуется общею системою училищъ. Такъ, въ половинѣ 1769 года она писала Вольтеру: «Дурное мнѣніе, которое вы составили себѣ о большей части университетовъ, утверждаетъ меня въ моихъ мысляхъ о нихъ. Всѣ эти учрежденія были основаны во времена весьма *мало философскія*. Рутина служитъ тамъ правиломъ. Былъ бы трудъ, достойный *генія* и философскаго ума, когда бы составить преобразованіе, по которому можно было бы *устроить* школы, имѣющія учреждаться въ будущемъ. Я бы первая послѣдовала *доброму примѣру*»... [1]).

[1]) Шлоссеръ о нѣмецкихъ университетахъ замѣчаетъ, что они, за исключеніемъ развѣ Лейпцигскаго, остались вѣрны своему характеру ученыхъ учрежденій конца среднихъ вѣковъ, а ихъ профессора нерѣдко съ преврѣніемъ смотрѣли на переворотъ

Вопросъ объ улучшеніи школъ и общественнаго образованія, подъ вліяніемъ литературы, является вполнѣ созрѣвшимъ на Западѣ. Въ Германіи, подъ вліяніемъ идей Ратиха и Амоса Коменскаго, а потомъ Руссо, развивается школа филантроповъ, оказавшая сильное вліяніе на народную школу, особенно въ Пруссіи, въ царств. Фридриха II. Указомъ 2 окт. 1763 г. онъ сдѣлалъ обязательнымъ для учителей педагогическое образованіе въ особыхъ семинаріяхъ, а для дѣтей 5—14 лѣтъ посѣщеніе народной школы. Такимъ образомъ учитель былъ превращенъ изъ ремесленника въ педагога... Даже въ католической Австріи, въ царств. Маріи Терезіи и Іосифа II, въ каждой провинціи была учреждена *нормальная школа*, въ которой будущіе учителя упражнялись въ искусствѣ преподаванія предметовъ, необходимыхъ въ школахъ. Въ большихъ городахъ и при монастыряхъ открылись образцовыя школы; городки, мѣстечки и даже деревни обзаведись своими такъ наз. «тривіальными школами», въ которыхъ методически подготовленные учителя стали учить главнымъ образомъ религіи, чтенію, письму и счету. Дальнѣйшее движеніе нѣмецкой школѣ даетъ Базедовъ, на котораго также оказали вліяніе идеи Руссо, высказанныя въ его «Эмилѣ». Онъ издаетъ «воззваніе къ друзьямъ человѣчества въ пользу школы и ея вліянія на общественное благополучіе» (1768), въ которомъ излагаетъ планъ элементарнаго, истинно человѣческаго обученія дѣтей; печатаетъ «методику» (Elementarwerk) воспитанія со множествомъ рисунковъ (1774), нѣчто въ родѣ дѣтской энциклопедіи; наконецъ, въ 1774 г., въ Дессау, онъ полагаетъ основаніе извѣстному *Филантропину*, изъ котораго вышло много учениковъ и послѣдователей его идей... Вліяніе школы филантроповъ отразилось и въ Россіи въ царств. Екатерины, въ «планахъ» Бецкаго, основанныхъ на благотворительно-воспитательныхъ началахъ. Въ свою очередь, Екатерина, прежде чѣмъ было окончено печатаніе перваго изданія сочиненія Базедова, препроводила ему (въ 1771 г.) 1000 рублей, а вел. кн. Павелъ Петровичъ 500 р. Въ 1776 г. Базедовъ обѣщалъ императрицѣ основать, въ честь ея имени, особое учрежденіе: Catharineum für Welt-

---

въ литературѣ, происходившій передъ ихъ глазами. Поэтому Шиллеръ горько жаловался потомъ, что въ нѣмецкихъ университетахъ нѣтъ мѣста для истиннаго просвѣщенія. Такимъ образомъ Екатерина имѣла основаніе говорить о нихъ такъ, какъ она пишетъ.

bürgerinnen; но затѣмъ она сдержаннѣе стала относиться къ его планамъ.[1])

Училищная реформа въ Пруссіи и Австріи оказала свое вліяніе и на Россію. Въ училищной коммиссіи принято было предложеніе о введеніи *обязательнаго обученія* для всего мужскаго населенія, по примѣру прусскихъ школъ (на счетъ прихожанъ), по опредѣленнымъ руководствамъ. Дѣвочки должны были приниматься въ школы по желанію родителей. Въ городахъ предлагалось ввести *обязательное обученіе*, не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ (чтеніе). Для инородцевъ предполагались подобныя же школы, подъ руководствомъ ихъ единоплеменниковъ. Для среднихъ училищъ былъ принятъ единственный типъ—гимназія, причемъ признавалось необходимымъ объединеніе школъ: съ уничтоженіемъ семинарій, въ гимназіяхъ должны были учиться какъ дѣти свѣтскаго происхожденія, такъ и готовящіяся къ духовному званію. Подъ помѣщеніе гимназій коммиссія предполагала обратить большіе монастыри. Гимназіи эти, на 120 учениковъ,—вполнѣ закрытыя заведенія, съ двумя отдѣленіями, для дворянъ и разночинцевъ.

Устройство университетовъ и проектъ его штатовъ, составленный профессорами Московскаго университета, подвергались обсужденію въ той же коммиссіи, но уставъ его не былъ выработанъ. Екатерина къ разработкѣ общаго плана училищъ привлекла также Дидро и Гримма. Гриммъ, очевидно, склонялся къ нѣмецкой системѣ. Сама императрица долго колебалась въ выборѣ этой послѣдней, но свиданіе ея съ импер. Іосифомъ II (въ 1780 г.) въ Могилевѣ и бесѣда съ нимъ о народныхъ школахъ въ Австріи окончательно склонили ее въ пользу нормальныхъ школъ; онъ же прислалъ ей руководства, бывшія въ употребленіи въ австрійскихъ школахъ. «Какъ бы то ни было, но будетъ великое благо, писалъ Гриммъ: просвѣтится народъ, станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ лучше владычествовать надъ людьми, нежели надъ животными». Іосифъ II рекомендовалъ Екатеринѣ для этого дѣла (еще въ Могилевѣ) серба Янковича де-Миріево. Такъ образована была въ 1782 г. коммиссія объ учрежденіи училищъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Завадовскаго (Эпи-

[1]) Екатеринѣ былъ извѣстенъ сатирическій романъ Шуммеля, осмѣивающій педагогическіе опыты Базедова (Spitzbart, Leipz. 1779). Шлецеръ жестоко нападалъ на пріемы и систему Базедова, а Гриммъ назвалъ его заведеніе прямо рекламой.

нусъ, Пастуховъ, Янковичъ). Вслѣдъ затѣмъ (въ 1783 г.) открывается главное училище въ Петербургѣ, ученики для котораго взяты были изъ Александроневской и др. семинарій, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи въ немъ курса, они могли поступить въ учительскую семинарію, а съ 1784 г. началась и подготовка учителей при томъ же училищѣ. Въ 1785 г. Екатерина посѣтила это послѣднее съ обычною торжественною обстановкою. Въ 1786 г. учительская семинарія была отдѣлена отъ училища. Съ 1782 г. принялись уже за составленіе учебниковъ, словарей, картъ и пособій. Въ 1783 г. петербургскія училища были преобразованы по новому плану, при значительномъ наплывѣ учениковъ (въ 1785 г.—1192), и съ того же года учреждаются училища въ разныхъ городахъ Петербургской губерніи. По утвержденному плану, народныя училища раздѣлялись *на малыя* (съ 2-мя классами), *среднія* (съ 3-мя) *и главныя* (съ 4 и двухгодичнымъ 4-мъ классомъ). Въ апр. 1786 г. повелѣно было открыть главныя народныя училища въ 25-ти губерніяхъ. По уставу 5 авг. 1786 г. главное училищное правительство находилось въ вѣдѣніи императрицы, въ губерніяхъ же завѣдываніе училищами сохранялось за приказами общественнаго призрѣнія....[1]) «Уставъ народныхъ училищъ въ Рос. имперіи» 1786 г. признается замѣчательнымъ законодательнымъ актомъ царств. Екатерины II: имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія; опредѣлена его система; создано отдѣльное учрежденіе для его завѣдыванія; указаны подготовительныя средства. Шлецеръ привѣтствовалъ учрежденіе училищъ, какъ самую выдающуюся изъ реформъ Екатерины II, которую онъ приравнивалъ даже къ побѣдамъ Румянцова надъ турками. Но была и разница между «положеніемъ» объ училищахъ въ Австріи и въ Россіи: духовенство не получило здѣсь никакой роли, какъ было, напротивъ, въ Австріи; съ другой стороны, мѣстная администрація и приказы общ. призрѣнія не могли служить столь обширной задачѣ, какая ставилась означеннымъ положеніемъ. Средства для школъ не были точно опредѣлены и, повидимому, правительство много разсчитывало на частныя пожертвованія... Открытіе училищъ въ губерніяхъ шло медленно; помѣщенія рѣдко удовлетворяли своему назначенію; преподаваніе въ главныхъ училищахъ признавалось черезчуръ обширнымъ. Даже въ

[1]) По уставу 1786 г. училища раздѣлялись на главныя (съ 4 классами) и малыя (съ 2 классами). Ученіе положено безплатное.

Московской губ., въ 1789 г., едва и въ половинѣ городовъ были заведены училища, и притомъ они не принадлежали къ лучшимъ. Екатерина сильно увлекалась вопросомъ о распространеніи народныхъ школъ и ожидала отъ нихъ многочисленныхъ и благихъ результатовъ. «Заведеніемъ народныхъ школъ, говорила она, разнообразные въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе и исправятся нравы. Импер. Марія-Терезія *примѣромъ одной школы* своей установила болѣе 800 школъ». Она полагала, что, благодаря школамъ, самъ собою падетъ расколъ. Строгія сужденія о школахъ вызывали ее даже на полемику...

Общій ходъ образованія въ этихъ училищахъ за цар. Екатерины представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1787 г. школъ было 165 съ 11157 учащимися; въ 1796 г.—316 съ 17341 учащ. [1]). Въ этомъ отношеніи Екатерина цѣнила даже дѣятельность іезуитовъ, которымъ она, подобно Фридриху II, разрѣшила оставаться въ Россіи и по прежнему заниматься народнымъ образованіемъ въ Бѣлоруссіи. «Правду сказать, эти мошенники—отличные люди, писала она Гримму. Такихъ школъ, какъ у нихъ были, никто не съумѣлъ еще устроить, хотя для этого и разграбили ихъ имѣнія».

Независимо отъ того, при Екатеринѣ были учреждены: въ 1772 г.—училище для купеческихъ дѣтей, въ Москвѣ, на средства П. А. Демидова; въ 1774 г.—Горное училище, на весьма широкихъ основаніяхъ, съ «ученымъ собраніемъ» при немъ, которое занялось составленіемъ *Горнаго словаря*, и съ типографіей (существовавшей по 1795 г. [2]); въ 1775 г.—греческая гимназія (или кадетскій корпусъ [3]); въ 1779 г.—землемѣрная школа (межевой институтъ). Въ 1785 г. артиллерійскій, инженерный и пажескій корпуса преобразованы были по системѣ, принятой въ сухопутномъ корпусѣ [4]), а во главѣ этого послѣдняго

---

[1]) Всѣхъ учившихся въ народныхъ школахъ съ 1781—96 г. было: мальчиковъ 164135, дѣвочекъ—12595.

[2]) Іосифъ II писалъ изъ Петербурга, что это учрежденіе поразило его полезностью своего обученія. Въ немъ находилось 70 казен. воспитанниковъ и 50 своекоштныхъ.

[3]) Въ Петербургѣ, на 200 воспитанниковъ; кромѣ общихъ предметовъ и новыхъ языковъ, въ немъ преподавались греческій и турецкій языки.

[4]) При этомъ, по требованію императрицы, въ пажескомъ корпусѣ введено было преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Точно также воспитанники сухопут. и морскаго корп., готовившіеся въ преподаватели, изучали латинскій яз., философію

съ 1789—94 г. стоялъ извѣстный педагогъ графъ Ангальтъ. Въ 1783 г. расширенъ курсъ преподаванія въ Смольномъ заведеніи, согласно съ планомъ «нормальнаго ученія» [1]). Въ 1787 г. медицинскія школы отдѣлены были отъ госпиталей съ болѣе теоретическимъ курсомъ, подъ названіемъ медико-хирургическихъ училищъ, и учреждены новыя медицинскія школы въ Петербургѣ при Калинкинской больницѣ (1783) и въ Елисаветградѣ при госпиталѣ, основанномъ Потемкинымъ (1788). Уже при Екатеринѣ намѣчено было преобразованіе петербургскихъ и московскихъ госпитальныхъ училищъ въ медико-хирургическія академіи, осуществленное въ ц. Павла. Въ Николаевѣ возникаетъ земледѣльческое училище, а вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе на улучшеніе земледѣлія и разработку земляного угля на югѣ Россіи [2]). Въ 1789 г. въ Омскѣ учреждается азіатская школа.

Въ царств. Екатерины вновь открыто семь духовныхъ семинарій (въ 1764 г. ихъ было 26 и 2 дух. академіи) и до 25 низшихъ духовныхъ училищъ. Въ числѣ первыхъ обращаетъ вниманіе Словенская семинарія, устроенная въ 1779 г. архіеп. Евгеніемъ Булгарисомъ [3]), въ Полтавѣ, доступная для дѣтей дворянъ и купцовъ. Сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ является другой грекъ—Никифоръ Ѳеотоки, преемникъ его по каѳедрѣ (впослѣдствіи архіеп. астраханскій). Оба они были «замѣчательные ученые новой эры», говоритъ Гервинусъ [4]). Преподаваніе въ Александроневской семинаріи было значительно расширено, а она получила значеніе главной семинаріи, имѣвшей цѣлью приготовлять учителей для другихъ семинарій. Изъ нея вышли между прочимъ Сперан-

---

и т. п. Въ первомъ изъ нихъ за цар. Екатерины II училось болѣе 4000, а во второмъ 2149 чел.; въ инжен. и артил. корпусѣ—свыше 1000 чел., не считая мѣщан. отдѣленій. Любимецъ Екатерины Зоричъ, переселившись (1778) въ Шкловъ (Могилев. губ.), основалъ здѣсь училище на 300 дворянскихъ дѣтей, преобразов. при Павлѣ I въ кадет. корпусъ (нынѣ 1-й москов. кад. корп.).

[1]) Въ цар. Екатерины (за 1764—94 г.) въ Смольномъ воспитывалось 1316 дѣвицъ, а окончило курсъ: 440 въ благор. отдѣл. и 410 въ мѣщанскомъ.

Въ нѣмецкомъ уч. св. Петра, преобразованномъ въ глав. народ. учил. нѣмецкихъ подданныхъ, училось свыше 250 учен. и до 100 ученицъ.

[2]) Училище находилось въ вѣдѣніи М. Ливанова, посланнаго, вмѣстѣ съ другими лицами, въ Англію, для изученія земледѣлія, и предназначавшагося въ профессоры Екатеринослав. ун-та. Онъ извѣстенъ сочиненіями по земледѣлію и скотоводству.

[3]) Членъ ученыхъ общ. и академій, авторъ многихъ сочиненій, переводчикъ на греч. языкъ «Наказа» Екатерины и Виргилія.

[4]) Здѣсь же съ 1782—86 г. состоялъ преподавателемъ и префектомъ Гавріилъ Бодони, впослѣдствіи экзархъ молдав. и митр. кишиневскій.

скій и эллинистъ Мартыновъ (учившійся первоначально въ полтавской семин.), переводчикъ греческихъ писателей на русскій языкъ. Расширено было также преподаваніе (съ 1765 г.) въ Харьковскомъ коллегіумѣ (введеніемъ новыхъ языковъ и математики), въ которомъ учился извѣстный писатель и переводчикъ Иліады—Гнѣдичъ[1]).

Коммиссія училищъ намѣтила Псковъ, Черниговъ, Пензу, Екатеринославъ для открытія въ нихъ университетовъ. Уже 4 сент. 1784 г. Екатерина дала, согласно выраженному желанію Потемкина, повелѣніе основать въ Екатеринославѣ университетъ съ академіей художествъ и музыки, причемъ для подготовленія молодыхъ людей сдѣлано было распоряженіе объ открытіи училищъ по городамъ Екатеринославскаго намѣстничества и Таврической области. Для него приготовлялись профессора и собирались коллеціи (библ. Евгенія Булгариса, самого Потемкина, минералогич. кабинетъ ген. м. Каховскаго), получившія потомъ другое назначеніе. Несомнѣнно, что смерть Потемкина помѣшала осуществленію этого широкаго замысла; но важно то, что сознана была необходимость развитія у насъ системы университетскаго образованія, для котораго вскорѣ наступили болѣе благопріятныя времена. Московскій университетъ пополняется многими русскими профессорами, а преподаваніе въ немъ на русскомъ языкѣ становится преобладающимъ (съ 1767 г.). Въ самомъ преподаваніи отражается вліяніе идей Геттингена, глазговской школы (Третьяковъ и Десницкій), а также идей Адама Смита и Канта. Послѣдній въ 1794 г. былъ избранъ въ поч. члены Академіи наукъ. Медицинскій факультетъ получаетъ право присуждать докторскую степень обучавшимся врачебной наукѣ[2]). При университетѣ возникаетъ рядъ ученыхъ обществъ: Вольное россійское собраніе, Ученое дружеское Общество, Общество любителей учености. Первое изъ нихъ издавало (1774—1783) журналъ («Опытъ трудовъ»), заключающій въ себѣ рядъ статей и матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи. Въ своихъ рѣчахъ профессора развиваютъ темы по тѣмъ вопросамъ, которыми наиболѣе интересовалось правительство (объ оспопрививаніи, о народномъ здравіи, о воспитаніи и т. п.), а нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ участіе въ переводахъ выдающихся произведеній ученой литературы. Профес-

[1]) Въ 1785 г. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о введеніи въ дух. училищахъ «нормальной» системы.

[2]) Въ 1787 г. въ Москов. университетѣ считалось всего 82 студента.

соръ Маттеи издаетъ описаніе греческихъ рукописей Синодальной библіотеки и произведенія нѣкоторыхъ языческихъ и христіанскихъ писателей, найденныя въ ней, на средства Потемкина, И. И. Шувалова и гр. Ѳ. А. Остермана [1]). Между тѣмъ выработанъ былъ проектъ богословскаго факультета въ Москвѣ, для подготовки къ которому посланы (1765—72 г.) студенты семинарій (12) въ заграничные университеты (въ Англію, Лейденъ и Геттингенъ); но этотъ планъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не осуществился.

Еще въ 1766 г. Екатеринѣ удалось, послѣ продолжительныхъ настояній, перезвать изъ Берлина знаменитаго Эйлера, [2]) въ Петерб. акад. наукъ, которой принадлежитъ вся послѣдующая его ученая дѣятельность († 1783 г.), сопровождавшаяся цѣлымъ рядомъ капитальныхъ сочиненій. Подъ его руководствомъ образовалось нѣсколько учениковъ (Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Фуссъ и др.). Три сына Эйлера остались служить въ Россіи. Русскіе члены Академіи наукъ (Котельниковъ, Озерецковскій, Кононовъ, Захаровъ и др.) читаютъ публичныя лекціи по математикѣ, физикѣ, химіи, естественной исторіи [3]). Въ своихъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ академія знакомила съ успѣхами наукъ на Западѣ и отводила значительное мѣсто произведеніямъ отечественной исторіи и литературы.

Съ 1768—1774 г. были снаряжены четыре ученыя экспедиціи (2 оренбургскія и 2 астраханскія) изъ членовъ академіи и другихъ лицъ (Палласъ, С. Гмелинъ, Гильденштедтъ, Лепехинъ, Фалькъ, Зуевъ и др.), собравшія и издавшія обширные матеріалы по описанію Россіи въ разнообразныхъ отношеніяхъ, которые не потеряли и до сихъ поръ своей цѣны; а одинъ изъ участниковъ въ экспедиціяхъ—Георги издалъ (1776—80) «Описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи», на

---

[1]) Въ 1779 г. при университетѣ учреждается Вольн. благород. пансіонъ (на 50 учен.). Въ гимназіи при Московскомъ университетѣ въ 1760 г. считалось 100 учениковъ, а въ 1787 г. свыше 1000; но казанская гимназія находилась въ печальномъ состояніи, а въ 1789 г. (52 учен.) она присоединена была къ глав. нар. училищу. Съ 1769 г. въ ней введено преподаваніе татарскаго языка.

[2]) При переходѣ Эйлера возникъ было вопросъ о пожалованіи его чиномъ, соотвѣтственно другимъ; но Екатерина отвѣчала: «я дала бы ему, когда онъ хочетъ, чинъ, еслибы не опасалась, что этотъ чинъ сравняетъ его со множествомъ людей, которые не стоятъ Эйлера. *По истинѣ его извѣстность лучше чина для оказанія ему должнаго уваженія*».

[3]) Но въ академическомъ университетѣ было всего 2—9 студ.; въ акад. гимназіи до 70 учениковъ (въ к. царств. Екатерины II).

нѣмецкомъ языкѣ (3 чч. и доп.) со множествомъ рисунковъ, переведенное на русскій и французскій языки. Академикъ Лаксманъ занимался изученіемъ Сибири въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ 1769 г. Россія принимала вторично (въ первый разъ въ 1761 г.) дѣятельное участіе въ наблюденіяхъ надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ. Съ этою цѣлью отправлены были три экспедиціи въ Лапландію, одна въ Якутскъ и нѣсколько наблюдателей къ Уралу. Сама императрица присутствовала при наблюденіяхъ въ Ораніенбаумѣ.

Въ 1783 г., по примѣру французской, основана была Россійская академія [1]), имѣвшая цѣлью разработку русскаго языка и составленіе словаря (Словарь Россійской академіи, I—V тт., Спб., 1789—1794) [2]).

По прежнему Екатерина всецѣло сохраняетъ интересъ къ умственной дѣятельности. «Теперь книгъ до шести читаю», сказала она однажды Храповицкому, по поводу чтенія сочиненій Фридриха II. « И для васъ нѣтъ теперь новаго въ литературѣ», отвѣчалъ онъ. Она читаетъ записки Юлія Цезаря и письма Плинія, соч. Плутарха и Тацита [3]); восхищается «Эпохами природы» Бюффона и вступаетъ съ нимъ въ сношенія [4]), при чемъ дѣлаетъ замѣчанія о древностяхъ Поволжья и Сибири; зачитывается надъ исторіей астрономіи Бальи и выписываетъ всѣ его сочиненія; увлекается «Первобытнымъ міромъ» Куръ-де-Жебелена,—и хлопочетъ о составленіи «всеобщаго словаря» [5]); подписывается (1778) на 100 экз. сочиненій Вольтера въ изданіи Панкука (Бомарше [6]). Про-

---

[1]) Съ 1841 г. она составляетъ отдѣл. рус. яз. и словесн. И. Ак. наукъ.

[2]) Въ послѣднемъ находится 43257 словъ.

[3]) Въ 1788 г. для нея пріобрѣтались переводы съ древнихъ писателей.

[4]) Русскій переводъ его «Естественной исторіи» предпринятъ былъ, по порученію Екатерины, при Академіи наукъ и издавался съ 1790—811 г. (10 частей in 4°).

[5]) Подъ вліяніемъ сочин. Куръ-де-Жебелена (9 тт., 1773—1782) и пользуясь своими учеными сношеніями и оффиціальнымъ положеніемъ, Екатерина предпринимаетъ собраніе матеріаловъ для всеобщаго словаря, изданіе котораго было поручено Палласу (Словарь сравнительный всѣхъ языковъ и нарѣчій, собран. Высоч. десницею имп. Екатерины II, 2 чч.. Спб. 1787—89; 2-е попол. изд. Янковича де-Миріево 4 чч., 1790—91). Въ обоихъ словаряхъ принято во вниманіе 272 языка.

[6]) «Дайте мнѣ творенія моего учителя, пишетъ она по этому поводу Гримму. Я хочу, чтобы они служили поученіемъ; хочу, чтобы ихъ изучали, вытверживали наизусть; чтобы умы питались имп: они образуютъ гражданъ, геніевъ, героевъ, авторовъ; отъ нихъ разовьется сотня тысячъ дарованій, которыя иначе затерялись бы во тьмѣ невѣжества».

изведенія современной философіи и политики не приходили для нея безслѣдно (Рейналь, Вольней, Боркъ и т. п.). «Опытъ о нравахъ» Вольтера она желала знать наизусть. Она слѣдитъ за выходомъ въ свѣтъ извѣстнаго соч. Гиббона; а по поводу современныхъ событій дѣлаетъ обращеніе къ примѣрамъ исторіи. По словамъ де-Линя, она знала исторію всѣхъ странъ. Между тѣмъ занятія русской исторіей заставили Екатерину познакомиться съ самыми источниками: такъ, она интересуется древнѣйшими памятниками (Остромирово и Реймское Евангелія, Слово о полку Игоревѣ), справляется съ русскими и польскими лѣтописями [1]), читаетъ исторію Курбскаго и многотомные труды Татищева, Щербатова, Болтина, восхищается записками Герберштейна. Съ другой стороны, занимаясь своими драматическими произведеніями, она имѣла терпѣніе перечитать «всѣ нелѣпости» масонской литературы. Во время переѣздовъ за нею слѣдуютъ сундуки съ книгами и бумагами [2]). Въ печальные минуты она «топитъ свое горе—въ чтеніи». Но едва ли кто изъ государей умѣлъ цѣнить такъ книжныя собранія, какъ Екатерина. Такъ, ею были пріобрѣтены библіотеки Вольтера, д'Аламбера, Галіани, Бюшинга, берлин. книгопродав. Фр. Николаи, д-ра Циммермана, книги и бумаги кн. Щербатова и Болтина; а библ. Миллера и коллекціи Палласа—на тѣхъ же основаніяхъ, какъ нѣкогда библ. Дидро.

Но и область искусства не была позабыта. Въ концѣ царствованія Екатерины ея Эрмитажъ заключалъ въ себѣ, не считая картинъ и ложъ Рафаэля, около 10000 гравюръ и рисунковъ и 10000 камеевъ. Кабинетъ натуральной исторіи помѣщался въ двухъ большихъ залахъ. Въ

При этомъ она настаиваетъ на хронологическомъ изданіи его сочиненій, а не по матеріямъ. «Я педантъ, прибавляетъ она, и люблю видѣть ходъ ума автора въ его твореніяхъ, и повѣрьте мнѣ, что такое расположеніе гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: я могу написать вамъ объ этомъ цѣлую диссертацію» и т. д.

[1]) Уже въ 1784 г. она писала Гримму: «Я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей». Ея кабинетъ представлялъ настоящій архивъ историческихъ матеріаловъ.

[2]) Въ составъ ея дорожной библіотеки входили почти все тѣже излюбленные ею авторы (Вольтеръ, Монтескье, Корнель, Севинье, Бэйль, Тацитъ, Авлъ Геллій, Мармонтель, Бюффонъ, Галіани—о торговлѣ хлѣбомъ, записки Сюлли и кард. Ретца; изъ англійскихъ писателей: Юнговы ночи, Робертсонъ и Юмъ (историки), Локкъ, исторія жизни Цицерона Мидльтона, Блэкстонъ. При этомъ она дѣлаетъ замѣчаніе: «Сочиненія Вольтера: *не выключая и маленькихъ бездѣлокъ, потому что они избавляютъ отъ рода скучнаго—изъ всѣхъ самаго худшаго*». И она рекомендуетъ этотъ реестръ вел. кн. Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ. Въ своихъ письмахъ Екатерина называетъ Вольтера «божествомъ веселости»

библіотекѣ находилось до 38000 книгъ. Петербургъ обязанъ Екатеринѣ многими изъ своихъ замѣчательныхъ зданій [1]).

Екатерина питала живой интересъ къ успѣхамъ знанія. Узнавъ о результатахъ опытовъ братьевъ Монгольфьеровъ (1783), она писала Гримму: «Поздравляю васъ съ воздушными колесницами, летающими вокругъ вашихъ головъ. Когда онѣ усовершенствуются, очень пріятно будетъ съѣздить отсюда въ Парижъ въ три дня». Любопытна также ея собственноручная записка (1771 г.) по поводу полученнаго ею извѣстія объ изобрѣтеніи во Франціи «нетонущаго морскаго судна», проектъ котораго она добивалась получить. Она приглашала знаменитаго Георга Форстера принять участіе въ экспедиціи для изслѣдованія Юж. ледовитаго океана, не состоявшейся по причинѣ второй турецкой войны, а потомъ на службу въ Россію. [2])

Вполнѣ понятно, что литературный кругозоръ Екатерины былъ весьма широкъ. Тассъ и Мильтонъ, Локкъ и Ньютонъ [3]), Руссо и аббатъ С.-Пьеръ [4]), Ричардсонъ и Фильдингъ, Стернъ и Альгаротти были ей извѣстны. Она читала (1785) Гомера, въ переводѣ Штольберга, Шекспира въ переводѣ Эшенбурга, и рѣшилась подражать ему въ своихъ пьесахъ, что было своего рода смѣлостью при ея поклоненіи Вольтеру, который въ это время неблагосклонно относился къ англійскому писателю (за то Дидро назвалъ его «готическимъ колоссомъ», какъ онъ съумѣлъ оцѣнить русскую музыку и народныя пѣсни) [5]). Но, ни въ ея письмахъ, ни

---

[1]) Екатерина любила изданія по архитектурѣ и въ ея кабинетѣ находились соч. М. Витрувія, Пиранези († 1778), посвященное памятникамъ древняго и новаго Рима, въ 16 тт., и др.

Георги издалъ обстоятельное описаніе Петербурга (нѣм. изд. 1790), перевед. на русскій и франц. языки.

[2]) Напомнимъ также объ экспедиціи Биллингса и Сарычева, отправленной для изслѣдованія сѣверовост. береговъ Сибири и ближайшихъ земель Америки (1786—92 г.).

[3]) По поводу событій въ Даніи она пишетъ Вьельке (1771): «Слыхали ли ихъ велич-ва о Ньютонѣ и Локкѣ? Врядъ ли они просвѣщеннѣе этихъ великихъ людей, которые основывали свои знанія на неоспоримомъ правилѣ, что дважды два четыре».

[4]) Защитникъ равнаго воспитанія мужчинъ и женщинъ. Его Annales Екатерина брала съ собою въ дорогу: «прекрасная книжечка», по ея выраженію.

[5]) Сумароковъ, называетъ Шекспира «непросвѣщеннымъ» и отказывается отъ заимствованій у него; но въ Россіи были уже поклонники послѣдняго, ставившіе въ образецъ его и англійскихъ поэтовъ (Жизнь и смерть Ричарда III, перевед. въ Н. Новгородѣ, 1787; Юлій Цезарь, изд. въ Москвѣ Карамзинымъ, 1787). Какъ извѣстно, Фридрихъ II сурово отзывался на счетъ Шекспира и «Гёца»—Гёте.

въ запискахъ не видно знакомства съ произведеніями Лессинга[1]), Клопштока[2]) Шиллера[3]) и Гёте[4]), хотя они издавались даже въ русскихъ переводахъ. Она съ удовольствіемъ читала романы Фр. Николаи[5]), Тюммеля, Виланда (Абдериты) и вообще отзывалась съ похвалою о нѣмецкой литературѣ[6]). Она интересовалась Винкельманомъ и ссылалась на Лафатера; но незнала о Гердерѣ, пока не сообщилъ ей о немъ д-ръ Вейкардъ. По прежнему единственнымъ мѣриломъ правильной оцѣнки понятій она считала философскій взглядъ на вещи.[7]) «Философскій духъ нуженъ вездѣ», говоритъ она. Это неуклонное настаиваніе Екатерины на преимущественно философскомъ направленіи своего ума, на философской оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій, заставляетъ насъ прослѣдить, на сколько она осталась вѣрной этимъ началамъ и признаннымъ ею авторитетамъ.

Если m-me Жоффренъ не рѣшилась, по преклонности лѣтъ, побывать въ Россіи, то Дидро, не смотря на всѣ опасности пути, «исполнилъ этотъ долгъ благодарнаго сердца» въ 1773—74 гг. На него была возложена отдѣлка (стилистическая) «плановъ и уставовъ» воспитательныхъ учрежденій въ Россіи, на франц. языкѣ (рус. изд. 1774 г. 2 ч.; 2-е изд. 1789—91, 3 ч.), что̀ онъ и выполнилъ (2 т. Амстердамъ, 1775; 2-ое изд. Невшатель, 1777). Мы знаемъ также, что Екатерина поручала ему выработать проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи, который онъ представилъ въ 1775 г. Но Дидро оказалъ услугу ей и своимъ друзьямъ и въ другомъ

---

[1]) На русск. языкѣ въ 1765 г. издается его „Молодой ученый“; въ 1784 и 88 гг. „Эмилія Галотти“ (2-е изд. перев. Карамзина); „Кладъ“ въ 1779 и 1788 гг.

[2]) Мессіада въ переводѣ 1785 г. („Мессія“).

[3]) Разбойники, перев. 1793.

[4]) Клавиго 1780; Страсти молодаго Вертера, 1781.

[5]) Въ его сатирическомъ романѣ „Sebaldus Nothanker“ отстаивалась свобода мысли и совѣсти противъ формализма и лицемѣрія.

[6]) На нее иногда нападала страсть читать нѣмецкія книги, а офранцуженному нѣмцу Гримму ей приходилось совѣтовать, что прочесть по-нѣмецки и между прочимъ многотомную „нѣмецкую библіотеку“ Николаи. Она чаще, чѣмъ Гриммъ, вставляетъ нѣмецкія фразы, а въ успѣхѣ нѣмецкой литературы готова была видѣть вліяніе Вольтера: „кто бы могъ думать, что этотъ жесткій языкъ способенъ къ такой пріятности“, замѣчаетъ она.

[7]) Узнавъ, что Гердеръ духовное лицо, Екатерина выразила удивленіе, какъ „онъ можетъ быть философомъ“.

отношеніи. Онъ старался доказать Екатеринѣ опасность союза съ королемъ прусскимъ и пользу сближенія съ Франціей.

Понятно, что Дидро былъ принятъ въ Петербургѣ такъ, какъ одна Екатерина умѣла принимать, по выраженію его и многихъ другихъ, а когда Дидро не рѣшался что-нибудь досказать, то она говорила ему: «продолжайте; между мужчинами все позволяется»[1]). И хотя она откровенно высказывала ему замѣчанія о несбыточности его теорій, но онъ писалъ въ Парижъ изъ Гаги: «Ахъ, друзья, что за государыня, что за необыкновенная женщина: это душа Брута во образѣ Клеопатры»! [2]) выраженіе, повторенное имъ и въ другой разъ [3]). Гриммъ дважды побывалъ въ Петербургѣ (1773—74 и 1776—77 гг.) и до конца жизни Екатерины оставался вѣрнымъ исполнителемъ ея порученій. Въ 1782 г. посѣтилъ Петербургъ сынъ знаменитаго Бюффона. Еще позже (1791) Сенакъ де-Мельянъ, переводчикъ лѣтописей Тацита, авторъ сочиненій по исторіи Франціи и общественнымъ вопросамъ, пожелавшій писать исторію Россіи XVIII стол. (сынъ его остался здѣсь на службѣ). Онъ написалъ параллель между Екатериной II и храмомъ св. Петра въ Римѣ; но удовлетворить требованіямъ Екатерины не могъ [4]). Уже въ 1786 г. Лафайэтъ писалъ Гримму: «Она—императрица всего міра во всемъ, что касается до наукъ, до открытій, до словесности, до философіи и до славы».

Мы знаемъ, что Екатерина предложила Дидро перенести изданіе его энциклопедіи въ Ригу; но это не понадобилось. За то въ Ригѣ былъ напечатанъ (1781—93) рядъ сочиненій Канта, начиная съ «Критики чистаго разума» (1781), столь смущавшей нѣмецкихъ мистиковъ.

---

[1]) Бьельке Екатерина писала: «признаюсь вамъ, что есть только двѣ женщины на свѣтѣ, съ которыми я могу говорить по получасу сряду; привычка-ли это или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мущинами».

[2]) Франц. послан. Беранже Дашкову сравнивалъ съ Корнеліей.

[3]) Уже по смерти Дидро Екатерина нашла въ его библіотекѣ тетрадь, озаглавленную: «Замѣчанія на Наказъ», которыя вызвали съ ея стороны (1785) новыя похвалы этому послѣднему (въ письмѣ къ Гримму) и нѣсколько горькихъ строкъ по адресу Дидро.

[4]) Изъ другихъ лицъ, посѣтившихъ Россію въ цар. Екатерины II, заслуживаютъ вниманія: Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ (1762—64), извѣстный потомъ писатель, авторъ «Павла и Виргиніи» и «Инд. хижины» (рус. перев. 1793 и 1794 гг.), I. Форстеръ-отецъ (1765), учен. страсб. унив. и писатель Л. Г. Николаи (съ 1769 г., потомъ президъ. Спб. акад. наукъ), англ. путеш. Коксъ (1778), поэтъ Клингеръ (съ 1780), оставшійся на русской службѣ, пр. де-Линь (1780 и 1787—88 г.) и др.

Понятно, почему Гердеръ, жившій самъ въ Ригѣ, проникся такимъ уваженіемъ къ Екатеринѣ. Рига представлялась ему даже второю Женевой.... Будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, Вольтеръ выражалъ желаніе побывать въ Петербургѣ, но Екатерина отклонила его предложеніе (какъ и Франклина): «Это было бы въ родѣ пріѣзда, короля шведскаго, писала она Гримму. Помните мои тревоги.... Вы можете ему представить, что Като хороша только издали», прибавляетъ она [1]). Смерть Вольтера (1778 г.) произвела сильное впечатлѣніе на Екатерину. Русскій посланникъ въ Парижѣ, кн. И. Ѳ. Барятинскій доставилъ ей подробное описаніе послѣднихъ дней жизни Вольтера и обстоятельствъ, сопровождавшихъ его погребеніе. Записка эта найдена была въ наше время въ Моск. архивѣ иностр. дѣлъ и напечатана; а въ 1780 г. Екатерина извѣщаетъ Гримма, что Іосифъ II, въ бытность свою въ Петербургѣ, заказывалъ торжественную обѣдню за упокой души Вольтера, «но я не люблю подражать», говоритъ она съ очевидной ироніей. Статуя Вольтера, работы Гудона, была поставлена въ «утренней залѣ». «Съ тѣхъ поръ какъ тамъ Вольтеръ, въ утреннюю залу ходятъ караваны», писала она. Даже въ самый разгаръ французской революціи Екатерина выдѣляла изъ среды писателей, обвиняемыхъ въ ней, Вольтера. Точно также Екатерина говорила принцу де-Линю: «Я сѣверная галла; я хорошо понимаю только *старую Францію*». Только Вольтера она называла своимъ добрымъ другомъ и открыто заявляла, что она обязана ему своимъ образованіемъ.... Въ Вольтерѣ она цѣнила прежде всего противника всякого рода фанатизма.... Одинъ Руссо не пользовался расположеніемъ Екатерины, хотя она и не обошлась безъ вліянія его идей. Смерть его, одновременная съ кончиною Вольтера (1778 г.; о лордѣ Чатамѣ, умершемъ тогда же, она упоминаетъ), прошла для нея безслѣдно [2]). Оно и понятно. Изъ

---

[1]) «Всѣ привыкли говорить Великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ «божественная Като» (Cateau), что соотвѣтствуетъ Дивѣ, слову, которое римляне прилагали къ императрицамъ», пишетъ Гриммъ.

[2]) «Я лишилась двухъ людей, которыхъ никогда не видала, которые меня любили и я ихъ почитала: Вольтера и Чатама», и т. д., пишетъ Екатерина Гримму. Въ 1782 г. она переносится мыслями къ Вольтеру и восклицаетъ: «Ахъ мой учитель, мой учитель! не таковы твои творенія (по сравненію съ критикомъ Лагарпомъ). Они запоминались невольно и даже несогласный съ тобой въ мнѣніи твердилъ тебя и подражалъ тебѣ. Вотъ что называется овладѣть умами и мнѣніями, на перекоръ людямъ».

всѣхъ философовъ прошлаго вѣка Руссо наиболѣе скептически относился къ Екатеринѣ и Россіи....[1])

Преданность Екатерины II современнымъ философскимъ идеямъ подтверждается и опредѣленіемъ въ наставники къ вел. кн. Александру Павловичу (род. 1777 г.) швейцарца Ц. Лагарпа (съ 1784 г.), «который вовсе не изъ льстецовъ и заставляетъ его въ большихъ пріемахъ глотать всякія горькія истины изъ исторіи и другаго рода», говоритъ Екатерина. Лагарпъ оставался наставникомъ Александра до к. 1794 г., и никакія инсинуаціи не успѣли подѣйствовать въ ущербъ его положенію; а оставилъ онъ Россію по другимъ причинамъ. «Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно», сказала она однажды Лагарпу. Переписка и учебныя тетради его ученика свидѣтельствуютъ намъ, что образованіе Александра велось въ духѣ той же философіи, а образцами историческаго героизма и добродѣтели выставляются въ нихъ лучшіе люди древняго міра. И вліяніе это казалось неотразимымъ...

Въ настоящее время выяснено, что Екатерина рѣшилась передать престолъ вел. кн. Александру Павловичу, устранивъ отъ него Павла Петровича, и что въ такомъ духѣ составлено было ея завѣщаніе. Вступивъ на престолъ, Александръ объявилъ, что будетъ царствовать «по законамъ и сердцу августѣйшей своей бабки Екатерины Великія и шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ».

Завязавъ сношенія (1785—1791) съ докторомъ Циммерманомъ («философомъ»)[2]), Екатерина снабжаетъ его реляціями на нѣмецкомъ

Она хотѣла пріобрѣсть всѣ мелочи пера Вольтера, для помѣщенія его произведеній въ особой залѣ, и планъ фернейскаго замка, для воспроизведенія послѣдняго въ Царскосельскомъ паркѣ.

[1]) Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ (1763 г.) и послѣ выхода въ свѣтъ «Эмиля» Руссо (1762) Екатерина наложила запрещеніе на эту книгу, какъ писанную «противъ закона и добрыхъ нравовъ». Тѣмъ не менѣе ей нравилась мысль (въ 1779 г.) быть погребенной «въ саду, на острову, какъ Ж. Ж. Руссо въ Эрменонвиллѣ».

[2]) Лейбъ-медикъ при ганноверскомъ дворѣ, врагъ мистицизма и масонства, авторъ соч. «объ уединеніи» (рус. перев. 1791, 1796; 2-е, изд. 1803), понравившагося Екатеринѣ. Онъ рекомендовалъ ей врачей и техниковъ, которыхъ Екатерина посылала въ губерніи, находившіяся подъ управл. Потемкина. Почти одновременно Екатерина приняла на службу докт. Вейкарда, автора сочин. «Врачъ-философъ», а черезъ Циммермана вступила въ сношенія съ извѣстнымъ художникомъ Рейнольдсомъ, директ. Лонд. акад. худ., присылавшимъ ей свои картины и рѣчи. Въ моментъ политическихъ затрудненій (1791), Екатерина направляла свои письма къ Циммерману черезъ Берлинъ, «чтобы тамъ,

языкѣ о военныхъ дѣлахъ, возраженіями на политическія нападки (иногда одновременно съ письмами къ Гримму) и своими драматическими произведеніями, направленными противъ Каліостро и масоновъ.

Подобное близкое отношеніе ея къ представителямъ современной мысли на Западѣ не могло не оказать, въ свою очередь, вліянія на русское общество. Уже съ самаго начала цар. Екатерины (съ 1765 г.) начинается длинный рядъ переводовъ на русскій языкъ произведеній Вольтера, то въ отдѣльномъ видѣ, то въ небольшихъ сборникахъ, большинство которыхъ приходится на 70-ые и 80-ые годы [1]). Общее количество ихъ насчитываютъ свыше 60 названій (изданій), а въ 1789 г. предположено было даже напечатать въ Москвѣ переводъ полнаго собранія его сочиненій. Независимо отъ того, переводились соч. Дидро [2]), д'Аржанса, Мерсье [3]), Гельвеція [4]), Мопертюи [5]), Руссо [6]), д'Аламбера [7]), Бюффона, Кондильяка (Логика), Мармонтеля и др. [8]). Еще въ 1767 г. въ Москвѣ издано было Херасковымъ собраніе «Переводовъ изъ Энциклопедіи» (3 чч.), Болтинъ перевелъ «Энциклопедію» до буквы *К.*,

---

раскрывъ (перлюстрація писемъ была распространена въ XVIII в.), увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣды»; «хочу доказать прусакамъ, что ихъ не боимся»; «дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти не можетъ», говоритъ она (Храповицкій).

Другое соч. Циммермана «о народной гордости» было также извѣстно Екатеринѣ и она позаботилась о его переводѣ, который послала автору.

[1]) Подробнѣе см. Языковъ: «Вольтеръ въ русской литературѣ» (Древ. и Н. Рос. 1878).

[2]) Побочный сынъ или искушеніе добродѣтели, ком. (1765, 1788), Чадолюбивый отецъ (1765, 1788), Мщеніе, нравоуч. пов. (1796).

[3]) Женевальдъ, драма (1778, 1788), Сны философическіе (1780), Вѣглецъ, драма (1784), Уксусникъ, драма (1785), Картина Парижа, обширное нравоописат. сочиненіе (ч. I, 1786), Судья, драма (1788), Мой спальный колпакъ (1789), Зоя, драма (1789), Наталья, драма (1794). Пьесы его имѣли большой успѣхъ на русской сценѣ (Драматическій словарь).

[4]) Духъ Гельвеція, Тамб. 1788.

[5]) Опытъ нравоучительной философіи, Сп. 1777.

[6]) Разсужденіе на вопросъ о томъ, возстановленіе наукъ и худож. способствовало ли исправленію нравовъ (1767, 1787, 1792), Новая Элоиза (1769), Разсужд. о началѣ и основаніи неравенства между людьми (1770 1782), Эмиль и Софія (1779), Исповѣданіе (1797) и др

[7]) Сочиненія. Спб. 1784; М. 1790 и др.

[8]) Его «Велизарій» имѣлъ нѣсколько переводовъ и изданій, не считая другихъ сочиненій.

Переводились также сочин. Монтескье, Мабли, Юма, Робертсона и др.

а Веревкинъ собирался перевести всю «Энциклопедію». Русскій читатель могъ въ то время читать на своемъ языкѣ и разсужденіе Руссо о неравенствѣ между людьми (1770), и проэктъ аббата Сенъ-Пьера о всеобщемъ и вѣчномъ мірѣ (1771), и соч. Гоббза «о гражданинѣ» (1776), и «Утопію» Томаса Моруса (1789). Въ русскомъ обществѣ появляются такъ наз. «вольтеріанцы» (Каринъ, Рахманиновъ, основавшій въ своемъ имѣніи—Казинкѣ, Тамб. губ., типографію для печатанія соч. Вольтера, кн. Горчаковъ, Карцовъ, Опочининъ, Клушинъ), и не только въ средѣ болѣе культурной, но и въ среднемъ классѣ, распространяются печатныя и рукописныя сочиненія указанныхъ корифеевъ, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ современные мемуары и литературныя произведенія. Французскій повѣренный въ дѣлахъ при петербургскомъ дворѣ Жене («онъ ярый демагогъ», по выраженію Екатерины) сообщаетъ объ успѣхѣ на русской сценѣ «Свадьбы Фигаро» Бомарше и отсюда дѣлаетъ слишкомъ широкія заключенія о вліяніи современныхъ политическихъ идей въ Россіи[1]). Воспитаніе часто ведется въ томъ же духѣ. Сынъ гр. А. С. Строганова (другъ импер. Александра) воспитывался (съ 1779 г.) подъ руководствомъ Жильбера Ромма, впослѣдствіи одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ конвента; въ домѣ П. А. Толстого находился Сеже, потомъ секретарь женевскаго революціоннаго комитета; въ домѣ Куракиныхъ—пруссакъ Брюкнеръ, истый вольтеріанецъ; въ домѣ В. П. Салтыкова—Маратъ, братъ члена конвента, перемѣнившій затѣмъ свою фамилію въ де-Будри. Воспитаніе гр. Строганова началось съ чтенія Мармонтеля (Велисарій) и древнихъ писателей. Роммъ цѣловалъ руку Екатеринѣ, написалъ сочувственный о ней отзывъ (про себя), поднесъ ей своего изобрѣтенія чернильницу съ искуснымъ механизмомъ. Наконецъ, онъ путешествовалъ со своимъ во-

[1]) Сочиненія Бомарше («лучшаго сочинителя комедій нашего времени») были переведены на русскій языкъ (Евгенія, ком. въ 5. д., М. 1770; Севильскій цирюльникъ, Спб. 1780, Калуга 1794; Фигарова женитьба, М. 1787) и имѣли большой успѣхъ, «какъ въ переводѣ, такъ и въ представленіи», по отзыву современника (Драматическій словарь). Первое изъ нихъ «очень любила» Екатерина; второе ей не нравилось. «Вѣроятно подражаніе древнимъ вывело на сцену этотъ дурной вкусъ», пишетъ она Гримму. Похваливъ Мольера за «неподдѣльную веселость», «свободу выраженій» и «отсутствіе двусмысленностей», о «Фигаро» она говоритъ: «это сѣть интригъ, на которую потрачена продолжительная работа и нѣтъ ни капли правдоподобія. Я ни разу не засмѣялась при чтеніи; можетъ быть игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ».

спитанникомъ по Россіи и заграницею (съ 1787 г.), гдѣ и застала ихъ революція, пока Екатерина не обратила вниманія на поведеніе молодого Строганова въ Парижѣ.

Между тѣмъ, когда въ Москвѣ затѣвался (въ 1789 г.) переводъ всего Вольтера, стало извѣстно (черезъ того же прот. Алексѣева, который думалъ причинить непріятности Платону въ дѣлѣ Новикова), что м. Платонъ неблагопріятно отозвался о перепискѣ съ нимъ императрицы. Но, узнавъ объ этомъ, Екатерина поручила передать послѣднему, «что сама собою та переписка весьма невинна, когда тотъ 80-тилѣтній старикъ старается своими сочиненіями прославить Россію и унизить враговъ ея; а потому, прибавляетъ она, письма, писанныя къ безбожнику, кажется не нанесли вреда ни церкви ни отечеству» [1]). И она распорядилась, чтобы переводъ сочин. Вольтера печатался не иначе, какъ съ одобренія митр. Платона.

Само собою ясно, что значеніе литературы въ цар. Екатерины II должно было значительно подняться, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, и расшириться въ своемъ вліяніи. Сама Екатерина писала и печатала весьма много и въ разнообразныхъ родахъ, заботясь притомъ, чтобы не только сочиненія, но и самые акты ея царствованія были переведены на иностранные языки, которые она разсылала своимъ друзьямъ и агентамъ. Вообще, ея законодательные акты нерѣдко весьма обширны и снабжены историческими примѣрами и нравственными сентенціями, въ интересахъ болѣе широкаго вліянія излюбленныхъ идей. Не менѣе обширна ея переписка и записки по разнымъ вопросамъ, далеко еще не изданныя вполнѣ. [2])

Съ царствованіемъ Екатерины связаны имена многихъ выдающихся писателей; но здѣсь важно то, что литература отзывалась на важнѣйшіе вопросы, затронутые Екатериною и связанные съ ея царствованіемъ. Екатерина умѣла вселять любовь къ литературѣ лицамъ, ея окружавшимъ (Гр. Орловъ, Потемкинъ, Ланской и др.),

---

[1]) Екатерина не преминула похвалиться, что перепискою съ Вольтеромъ она смѣнила Шуазеля, а по корреспонденціи съ Циммерманомъ—Герцберга (Храповицкій)

[2]) Екатерина выражалась, что она дня не можетъ прожить не писавши или видѣть вновь очиненнаго пера, чтобы не обмакнуть его и отказывалась отъ совѣта диктовать другому («тогда прощай и перо и мысли»). А на похвалы Гримма ея стилю, она отвѣчала: «Французская проза моя плоха, а нѣмецкая еще хуже. Знаете ли, въ чемъ источникъ языка Екатерины? Въ томъ, что она не знаетъ основательно ни одного языка.»

которыя старались вторить ея вкусамъ, а ея статсъ-секретари были прекрасные стилисты, принимавшіе близкое участіе въ ея литературныхъ трудахъ и правительственныхъ актахъ. Переводная литература ея времени знакомила читателей съ лучшими произведеніями французской и англійской беллетристики (нравоучительный, комическій и сатирическій романъ)[1]), и мѣщанской драмы и комедіи[2]), оказавшихъ свое вліяніе на развитіе русскаго театра[3]). Рядомъ съ этимъ въ широкихъ размѣрахъ развивается журнальная дѣятельность и Екатерина сама принимаетъ въ ней дѣятельное участіе (Собесѣдникъ, Всякая Всячина); появляются журналы въ провинціяхъ (въ Ярославлѣ, въ Тобольскѣ), рядъ ученыхъ изданій и сборниковъ (Древняя Рос. Вивліоѳика и ея Продолженіе; Спб. ученыя Вѣдомости, Повѣствователь древностей россійскихъ и т. п.)[4]). Чтобы судить объ этомъ литературномъ движеніи, достаточно сказать, что до Екатерины II насчитывается всего 15 періодическихъ изданій и сборниковъ, а въ ея царствованіе до 90.

Значеніе Н. И. Новикова, какъ издателя сатирическихъ журналовъ въ первую половину цар. Екатерины, хорошо извѣстно. Не напрасно поэтому отзывался о немъ И. В. Кирѣевскій, что Новиковъ—это тотъ человѣкъ, который подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа. Но, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, наступившихъ потомъ, сатира не умерла совсѣмъ. Въ 1789 г. является «Почта духовъ», изд. И. А. Крыловымъ, въ которой, какъ полагаютъ, принималъ участіе и Радищевъ, а затѣмъ «Сатирическій Вѣстникъ (1790—92; 2-е изд. 1795 г.) Н. И. Страхова, въ которомъ видятъ издателя, принадлежавшаго къ благородной группѣ гуманистовъ прошлаго вѣка, во главѣ которыхъ стоялъ Новиковъ. Въ 1793 г. Крыловъ и Клушинъ издавали «С.-Петербургскій Меркурій», въ предисловіи къ

---

[1]) Ричардсонъ, Фильдингъ, Гольдсмитъ, Смоллетъ, Свифтъ и Стернъ; Мариво. При Екатеринѣ большой успѣхъ имѣло также соч. Прево д'Эксиля: «Жизнь мистера Клевеланда» (Болотовъ), афоризмами котораго пользуется она сама въ одной изъ своихъ комедій.

[2]) Детушъ, Дидро, Бомарше; Лилло, Муръ, Шериданъ и др.

[3]) Въ 1765 г. въ Петербургѣ открывается частный народный театръ, а въ 1773 г. учреждается «публичный театръ», т. е. открытый для каждаго за установленную плату. Дмитревскій, во время своего пребыванія за границей, вступилъ въ близкія отношенія съ Лекеномъ и Гаррикомъ.

[4]) На изданіе Новиковымъ историческихъ памятниковъ Екатерина назначала не разъ щедрыя суммы.

которому говорятъ о множествѣ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, но заявляютъ, что они намѣрены издавать журналъ, «подобный журналамъ иностраннымъ, посвященнымъ литературѣ, критикѣ и театру, а также переводамъ изъ иностранныхъ писателей» (Вольтера, д'Аламбера, Руссо). Въ одной изъ его книженъ (за апр.) находимъ оду Клушина («Человѣкъ»), проникнутую, какъ и оды Державина, уваженіемъ «къ сану человѣка», а въ другой (августъ)—выдержки изъ «Вадима Новгородскаго».

Не считая ученыхъ академическихъ изданій, появляются журналы по естественной исторіи (Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи 1788—1790), медицинѣ (Спб. Врачебныя Вѣдомости, еженедѣльно, 1792—1794—первый медицинскій журналъ), сельскому хозяйству (Экономич. Магазинъ 1780—1789), собраніе драматическихъ произведеній (Россійскій Ѳеатръ 1786—1794) и т. п. Въ 1789 г. предпринимается изданіе, имѣвшее цѣлью «чрезъ разные роды твореній открыть путь къ ясному познанію главнѣйшихъ обязанностей человѣка въ особенности, а наипаче гражданина» («Бесѣдующій Гражданинъ», 3 части, съ эпиграфомъ изъ Наказа). Сдѣлана была попытка обсужденія судебныхъ дѣлъ въ литературѣ при посредствѣ спеціальнаго органа (Театръ судовѣдѣнія 1791, 6 частей), посвященнаго императрицѣ и представляющаго собраніе иностранныхъ и русскихъ судебныхъ процессовъ съ критическими замѣчаніями издателя (Вас. Новикова), проникнутыми сочувствіемъ къ отмѣнѣ пытки, улучшенію тюремъ (согласно съ Говардомъ), народному образованію и судебной гласности, которая, по мысли издателя, должна была оказать вліяніе на улучшеніе супроизводства.[1]) Съ 1790 г. (по 1830), подъ редакціей и при участіи московскихъ профессоровъ, сталъ выходить переводъ «Политическаго журнала», издававшагося въ Гамбургѣ «обществомъ ученыхъ мужей» и обстоятельно знакомившаго публику съ политическими событіями во всѣхъ странахъ.

Въ значительной степени этому литературному движенію содѣйствовалъ указъ 1783 г., дозволившій заводить частныя типографіи,

---

[1]) Князь Щербатовъ былъ также сторонникомъ судебной гласности; а Радищевъ въ извѣстномъ «Путешествіи» говоритъ: «Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть книгу Блэкстона вмѣсто святцовъ и принуждать ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь».

на правахъ фабрикъ и становъ [1]). Такимъ образомъ появляются типографіи во многихъ городахъ, при намѣстническихъ управленіяхъ и разныхъ учрежденіяхъ, не исключая Сибири (въ 1789 г. открыта была типографія въ Тобольскѣ), и даже въ селахъ—у любителей помѣщиковъ. Нѣкоторое время существовала типографія у раскольниковъ въ Клинцахъ (Черниг. губ.). Въ свою очередь, развитіе типографскаго дѣла отражается на умноженіи книжныхъ лавокъ.

До времени Екатерины II встрѣчается уже нѣсколько именъ женщинъ-писательницъ; но расцвѣтъ ихъ дѣятельности относится къ ея вѣку, а именно насчитываютъ до 70 именъ писательницъ, выступившихъ на литературное поприще въ это время, о которыхъ современники говорятъ иногда, какъ о «любительницахъ свободныхъ наукъ и художествъ». Многія изъ нихъ примыкали къ плеядѣ извѣстныхъ писателей или принимали участіе въ тогдашнихъ журналахъ. Въ Тамбовѣ кружокъ женщинъ-писательницъ группировался около Державина; а въ Рязани кн. Волконская образовала нѣчто въ родѣ литературнаго общества, въ которомъ произнесла рѣчь «О вліяніи женщинъ на изящныя искусства» и т. п. Само собою ясно, что почти всѣ русскія писательницы XVIII стол. принадлежали къ высшему кругу. Назначеніе кн. Дашковой директоромъ Академіи наукъ и превид. Рос. академіи подало поводъ иностранцамъ дѣлать замѣчанія относительно широкихъ правъ женщинъ въ Россіи. Не менѣе любопытно, что въ 1784 г., на счетъ Академіи наукъ, при участіи Дашковой, была напечатана книга «О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола» (перевед. въ Москвѣ, подъ руковод. прот. П. Алексѣева [2]).

Вліяніе новыхъ идей отражается и въ духовной литературѣ. Такъ, въ 1772 г., по желанію Екатерины, синодомъ предпринято было, при участіи архіеп. Гавріила и Платона изданіе сборника лучшихъ словъ

---

[1]) Со времени Петра В. до 1783 г. насчитываютъ до 20 типогр. при гражданскихъ, ученыхъ и воен. учрежденіяхъ въ столицахъ, а также въ нѣкоторыхъ городахъ. Съ 1771 г. стали выдаваться разрѣшенія на открытіе «вольныхъ» типографій.

[2]) Подлинникъ писанъ на латинскомъ языкѣ герметическимъ философомъ Г. К. Агриппою († 1534) и посвященъ Маргаритѣ Австрійской. Авторъ доказываетъ преимущество женщины передъ мужчиною и называетъ ее какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи вѣнцомъ созданія.

Въ «Московскомъ Ежемѣсяч. изданіи» 1781 г. Новиковъ проводитъ идею равнаго образованія мужчинъ и женщинъ (Разговоръ Аспазіи съ Аристиппомъ о томъ, прилично ли женщинамъ быть учеными).

на воскресные и праздничные дни, направленныхъ къ тому, чтобы содѣйствовать развитію чувства нравственнаго долга, сознанію общественныхъ обязанностей, искорененію суевѣрія и лицемѣрія, обмана, взяточничества, «жестокаго обращенія» съ рабами и т. п., при чемъ требовалось, чтобы сочиненія эти облечены были въ форму простую и общедоступную, которая привлекала бы слушателей живостію и легкостію изложенія; а источниками и пособіями должны были служить лучшія произведенія духовныхъ писателей, древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Такимъ образомъ, на страницахъ этого изданія помѣщены были сочиненія Іоанна Златоуста, Миніата, Сорена, Бурдалу, Мосгейма, Геснера [1]). Изъ русскихъ сочиненій здѣсь находятся поученія Гавріила, Гедеона Криновскаго и Платона, на долю котораго приходится болѣе одной трети всего собранія [2]).

Но никто, безъ сомнѣнія, не оказалъ такого сильнаго вліянія на издательскую дѣятельность, какъ Н. И. Новиковъ. Онъ, по справедливому выраженію И. В. Кирѣевскаго, не распространилъ, а создалъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію. Прежде него, по свидѣтельству Карамзина, были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, продававшія ежегодно на 10000 р. с., а черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ было 20 и книгъ продавалось на 200000 р. Кромѣ того Новиковъ завелъ книжныя лавки въ другихъ и самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи; распускалъ почти даромъ (отсюда долги на типографіи) тѣ сочиненія, которыя почиталъ особенно важными, и скоро не только вся Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Тогда Россія была, хотя не надолго, свидѣтелемъ событія почти единственнаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: появленія *общественнаго мнѣнія* [3]). Теперь возникаютъ литературныя общества, общественныя библіотеки (Тула, Калуга); развивается, по свидѣтельству Болотова, страсть къ газетамъ, чтенію, обширная рукописная литература. Въ помѣщичьихъ домахъ появляются библіотеки и коллекціи картинъ и эстамповъ.

---

[1]) Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, 3 чч., in fol., славян. шрифт. Спб. 1775 г., М. 1776 и нѣск. др. изданій. Синодъ распорядился, чтобы поученія эти читались во всѣхъ церквахъ.

[2]) Сочиненія Платона переводились и на иностр. языки. Вольтеръ отзывался о немъ: «qui a fait des sermons que l'ancien Platon grec n'aurait pas désavoués».

[3]) Кирѣевскій сравниваетъ дѣятельность Новикова въ этомъ отношеніи съ дѣятельностью «его славнаго современника»—Франклина, но «послѣдствія ея, говоритъ онъ, столь же различны, сколь отлична Россія отъ Соедин. Штатовъ».

Къ концу царствованія Екатерины относится проектъ публичной библіотеки—въ Петербургѣ; но той же цѣли служили здѣсь и частные клубы съ кабинетами для чтенія[1]). Въ Москвѣ возникновеніе вольной публичной библіотеки (безплатной) связано съ дѣятельностью того же Новикова.

Любопытный примѣръ помѣщика-литератора представляетъ А. Т. Болотовъ, авторъ многотомныхъ записокъ, находившійся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ В. экономич. обществомъ и Новиковымъ, а также состоявшій членомъ Лейпцигскаго экономич. общества. Онъ со вниманіемъ слѣдилъ за улучшеніями въ сельскомъ хозяйствѣ и успѣхами въ области электричества. Въ 1778—79 гг. онъ предпринялъ въ Москвѣ изданіе сельско-хозяйственнаго характера («Сельскій Житель»), а съ 1780—89 гг. издавалъ «Экономическій Магазинъ», въ видѣ приложенія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», издателемъ которыхъ былъ Новиковъ. Съ любопытствомъ слѣдилъ также Болотовъ за современными событіями, при чемъ составлялъ, по иностраннымъ извѣстіямъ (изъ гамбургскихъ газетъ) «исторію французской революціи», которую и читалъ потомъ въ кругу своихъ деревенскихъ пріятелей [2]). Вотъ какъ Болотовъ заканчиваетъ 1791 годъ своихъ записокъ: «Библіотека моя никогда не имѣла столь дружнаго и многаго приращенія, какъ въ сей годъ. Къ ней прибавилось болѣе 300 волюмовъ; а чтеніе мое въ сей годъ было такъ многочисленно, что въ теченіе всего года, по запискамъ моимъ, прочтено мною до 220 книгъ».

Примѣръ вліянія идей изъ другой сферы—даровитый самоучка (архіерейскій пѣвчій, а потомъ губерн. прокуроръ) Добрынинъ, авторъ оригинальныхъ записокъ. «Пользуясь свободою времени, читалъ я разныя книги, говоритъ онъ. Я сердился на пространство древне-греческой и римской исторіи, но былъ доволенъ *переводившимъ оныя* (соч. Ролленя и Кревьера) господиномъ Тредьяковскимъ... Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня, какъ на девятилѣтнемъ возрастѣ Бова-Королевичъ... Прочитавъ нѣкоторые *переводы* Лесажа, Вольтера и Монте-

---

[1]) Англійскій клубъ (съ 1770 г.), музыкальный (съ 1772), мѣщанскій (съ 1776) дворянскій (съ 1790). Со времени гр. Ангальта библ. Сухопут. кадет. корпуса была открыта для публики (Георги, Опис. Петербурга).

[2]) Тульскій намѣстникъ (Е. П. Кашкинъ) въ 1794 г. давалъ ему читать «революціонный альманахъ», бесѣдовалъ съ нимъ о книгахъ и политическихъ происшествіяхъ и читалъ съ нимъ же «Минерву» Архенгольца, которую выписывалъ.

скю, *мнѣ внушилось*, что проповѣди епископовъ греческаго Менятія, россійскаго Гедеона псковскаго (конечно въ указанномъ выше сборникѣ) суть спасительныя нравоученія, произведенныя усиліемъ навыка, ограниченнаго властью закона, но произведенія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственной глазъ подобныхъ имъ человѣковъ и оживотворяющія ощутительно душу *мыслящаго существа*»[1]).

Понятно, что міросозерцаніе, усвоенное вмѣстѣ съ этими идеями, не всегда удовлетворяло ихъ послѣдователей одною своею теоретическою стороною. Интересный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ, несомнѣнно образованный, ярославскій дворянинъ И. М. Опочининъ. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи. «Книги! Мои любезныя книги! Не знаю кому оставить ихъ? Я увѣренъ, что *въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны*. Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню. Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ, если бы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ въ презрѣніи сей свѣтъ». И затѣмъ, рѣшивши покончить съ собою (въ 1793 г.), онъ продолжаетъ: «Послѣ смерти нѣтъ ничего!... *Я никакой причины* не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно. А напослѣдокъ *самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе*, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу». Въ заключеніе, помѣстивъ переводъ одного изъ стихотвореній Вольтера, онъ прибавляетъ: «Безъ всякаго смущенія взираю я на смерть, предстоящую предъ моими очами»[2]).

Мы подошли къ тому моменту, когда совершается очевидный поворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ Екатерины, сопровождающійся явленіями, извѣстными въ исторіи подъ именемъ реакціи. Чѣмъ же вызывается этотъ переломъ, какъ онъ проявился у насъ и

---

[1]) Сперанскій говоритъ: «Въ Главной семинаріи (т. е. Александроневской) мы попали (послѣ 1790 г.) къ такому учителю, который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдывалъ намъ Вольтера и Дидерота». Въ Вугульмѣ читали соч. Мерсье и Вольтера (Винскій). И въ средѣ духовныхъ лицъ были поклонники и переводчики Вольтера, д'Аламбера и Руссо.

[2]) Историч. Вѣстникъ 1883, т. XI, 224—226.

почему Екатерина не устояла противъ общаго теченія? Вотъ вопросы, заслуживающіе вниманія и объясненія.

IV.

Связанная на первыхъ порахъ извѣстными отношеніями къ Фридриху II, Екатерина никогда не была расположена ни къ нему, ни къ его принципамъ. Уже въ 1765 г. она писала Жоффренъ: «Что бы вы не говорили, а я думаю, что я и король прусскій не ужились бы вмѣстѣ [1])». Постоянныя «интриги» Фридриха, которыми онъ самъ такъ хвалится («шалунъ въ политикѣ», по выраженію Екатерины), возвышеніе Потемкина (1775) и смерть Панина (1783) содѣйствовали сближенію Россіи съ Австріей, которое сопровождалось широкими планами о раздѣлѣ Турціи и дѣйствительными пріобрѣтеніями на югѣ. Съ этого времени отношенія къ Пруссіи не улучшались болѣе и даже грозили не разъ перейти въ прямо враждебныя. За то импер. Іосифъ II называется уже «нашимъ лучшимъ другомъ». Только въ кратковременное пребываніе въ Россіи гр. Сегюра (1785—1789) отношенія къ Франціи значительно смягчились [2]). Но съ 1787 г. до пол. 1791 г. Екатерина была отвлечена войнами съ Турціей и Швеціей, а потому она не могла сосредоточиться на событіяхъ во Франціи. Ей нравилось созваніе нотаблей (1787), которое она сравниваетъ со своею коммиссіею; она привѣтствуетъ вступленіе въ управ-

---

[1]) Хотя Екатерина выражалась: «Je peux m'accomoder de tous les caractères. Je suis comme Alcibiade à Sparte et dans Athènes». Тѣмъ не менѣе о Фридрихѣ II (по поводу его «Oeuvres posthumes») она отозвалась: «Покойникъ († 1786) былъ уменъ и постигалъ всѣ причины, а теперь трудно ладить съ глупымъ преемникомъ его престола» (Храповицкій).

[2]) Екатерина говорила, что Франція «болѣе другихъ державъ любитъ турокъ». Она помнила дѣйствія гр. Бонневаля и бар. Тотта въ Константинополѣ, посылку французскихъ инженеровъ и офицеровъ на помощь туркамъ и т. п., а Франція, преслѣдуя свои торговые интересы на Востокѣ, опасалась возможности раздѣла Турціи. Но Сегюру удалось въ 1786 г. заключить съ Россіей благопріятный торговый договоръ въ тотъ моментъ, когда англ. министръ считалъ безполезнымъ возобновленіе своего торговаго трактата (Англія присоединилась къ лигѣ прусскаго короля и курфирстовъ). Такимъ образомъ на долю Франціи доставались тѣ выгоды, которыя утрачивала Англія. Договоръ этотъ сохранялъ силу до смерти Людовика XVI. Екатерина думала уже воспользоваться услугами французскихъ инженеровъ, отозванныхъ изъ Турціи. Она утверждала, что Сегюръ понимаетъ силу Россіи и нигдѣ, кромѣ послѣдней, министромъ быть не желаетъ (Храповицкій).

леніе (вторично) Неккера и даже съ похвалою отозвалась о рѣшеніи короля созвать государственные чины, для котораго опять находитъ оправданіе въ своихъ дѣйствіяхъ [1]); но затѣмъ и къ Неккеру, и къ національному собранію она относится съ полнымъ негодованіемъ, а со времени взятія Бастиліи (14 іюля 1789 г.) со вниманіемъ начинаетъ слѣдить за событіями во Франціи, при чемъ не сочувствуетъ двойственному поведенію короля. Она утверждаетъ, что не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: «(Ла)Фаэта, какъ честолюбца, взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ! Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія», говоритъ она своему ст. секретарю [2]). И вслѣдъ за тѣмъ (съ сент. 1789 г.) она предсказываетъ уже дурныя послѣдствія для королевской власти. Она взываетъ къ мужеству Генриха IV, котораго такъ превозноситъ, къ тѣнямъ Буало и Вольтера; предвѣщаетъ Людовику (послѣ того какъ чернь принудила его поселиться въ Тюльери) участь Карла I англійскаго; ссылается на мнѣніе Кромвеля о бунтахъ и даже на отзывы Руссо о вольности (въ Польшѣ) [3]). Тѣмъ

---

[1]) «Онъ (король) такъ поступилъ въ разрѣшеніи затрудненій, какъ я въ положеніи о дворянствѣ, всѣ неясности отнесены къ милости», выразилась Екатерина въ янв. 1789 г. (Храповицкій); но почти одновременно (дек. 1788) она писала пр. де-Линю: «Я была воспитана въ любви и уваженіи къ республикамъ, но опытъ убѣдилъ меня, что чѣмъ болѣе собирается народу для разсужденія, тѣмъ болѣе слышно безразсудныхъ рѣчей». Историки (Токвиль, Сорель) указываютъ, какъ современныя правительства неясно представляли все значеніе современнаго движенія. И Екатерина готова была думать, что здѣсь «галлы силятся изгнать франковъ, но франки снова возвратятся», и «что изгнаніе дворянства—это изгнаніе галлами франковъ-побѣдителей» (письма къ Гримму 1793 г.), какъ бы въ соотвѣтствіе извѣстной теоріи Буленвилье. Національное собраніе представляется ей гидрою о 1200 головахъ; она соглашается относительно положенія дѣлъ съ мнѣніемъ Эдм. Борка—«англійскаго Демосѳена»; а защищая (1793) философовъ отъ упрека въ подготовкѣ революціи, всю вину взваливаетъ на адвокатовъ, прокуроровъ и т. п. людей, которые лишь прикрываются ихъ принципами; но нѣсколько позже (1794) она уже одинаково говоритъ объ «иллюминитахъ, мечтателяхъ и философахъ». Напрасно, однако, Гриммъ радовался, что Вольтеръ не дожилъ до настоящаго момента, а Екатерина негодовала на погребеніе его въ Пантеонѣ рядомъ съ Мирабо. Въ письмѣ къ аббату Шовелену (1764 г.) Вольтеръ ясно выразилъ свой взглядъ на предстоявшія событія.

[2]) Припомнимъ Румянцева, Мельгунова и др. Гримму она писала: «Что касается до Франклина, онъ долженъ былъ выдти, чѣмъ есть, коль скоро природа обдѣлила его государя способностью сдѣлать изъ него себѣ ближайшаго друга».

[3]) По поводу слуховъ о возможности отмѣны парламентовъ во Франціи она дѣлаетъ заключеніе, тождественное съ мнѣніемъ бывшаго тамъ американ. послан. Джефферсона.

не менѣе до самаго заключенія мира съ Швеціей она ограничивалась одними общими сужденіями на тему о бѣдствіяхъ Франціи и предсказаніями о неизбѣжномъ появленіи новаго Цезаря или Чингисъ-хана [1]), пока не взялъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ Густавъ III. Принимая эмигрантовъ, Екатерина естественно поддавалась ихъ внушеніямъ, но и въ самой коалиціи она участвовала только денежными средствами или наставленіями; а на всѣ, шедшія къ ней, приглашенія взять на себя руководящую роль и оказать дѣятельную помощь войскомъ, она отвѣчала указаніями на свои затрудненія на Востокѣ и въ Польшѣ, или на интриги противъ нея Англіи и Франціи. Съ половины 1790 г. революціонная агитація принимаетъ космополитическій характеръ, который долженъ былъ выразиться въ переводѣ прокламацій на всѣ языки, не исключая и русскаго, въ разсылкѣ эмиссаровъ и въ привлеченіи къ этой агитаціи иностранцевъ, жившихъ въ Парижѣ. Къ этому именно времени относится слѣд. замѣтка въ дневникѣ Храповицкаго (26 августа): «Повелѣніе къ Симолину, чтобъ въ Парижѣ всѣмъ русскимъ объявилъ приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію. Тамъ сынъ гр. Ал. Серг. Строганова съ учителемъ своимъ Роммомъ вошли въ члены клуба Якобиновъ de propaganda libertate» [2]). До Екатерины доходили слухи, что на ея жизнь намѣревались посягнуть, то якобинцы, то поляки-анархисты... «Въ концѣ XVIII в. должно быть убійство человѣка стали считать дѣломъ похвальнымъ, а потомъ увѣряютъ меня, будто Вольтеръ проповѣдывалъ такое ученіе. Вотъ какъ клевещутъ на людей», писала она Гримму... Дѣйствительно, въ дневникѣ Храповицкаго за 8 и 13 апрѣля 1792 г. читаемъ, что сдѣлано было распоряженіе о разысканіи франц. Бассевиля (о немъ писано изъ Германіи), проѣхавшаго черезъ Кенигсбергъ. Стало извѣстнымъ, что въ томъ же 1792 г. гр.

---

[1]) Приводимъ мнѣніе Екатерины о Юл. Цезарѣ: «Цезарь не былъ эгоистъ, пишетъ она Гримму. Геніемъ и отвагою онъ увлекался за предѣлы посредственности и становился выше самого себя. Онъ искалъ славы, во чтобы ни стало; она была его кумиромъ; онъ не давалъ себѣ пощады, а эгоистъ всегда щадитъ себя». «Когда же придетъ Цезарь?» взываетъ не разъ она.

[2]) Впрочемъ, и послѣ того русскіе посылались за границу: въ 1793 г.—Клушинъ (онъ не поѣхалъ) и др. Къ 1789 - 90 гг. относятся «письма русскаго путешественника» Карамзина, которыя, какъ и письма Фонъ-Визина (1778 г.), даютъ матеріалъ для характеристики другого теченія въ жизни русскаго образованнаго общества относительно идей и событій, имѣвшихъ мѣсто во Франціи.

Монтегю, подъ видомъ эмигранта, былъ принятъ въ черноморскій флотъ, а потомъ открылось, что онъ былъ якобинецъ и ему поручено было сжечь этотъ флотъ. Его отправили въ Петербургъ, на эшафотѣ надъ нимъ сломали шпагу и сослали на работы въ Сибирь [1]). Въ 1794 г. допрашивали какого-то эмигранта Дебру и т. п. Убійство Густава III (въ мартѣ 1792 г.) и замыслы революціонной партіи (1793) на жизнь короля прусскаго и герцога іоркскаго не могли не оказывать извѣстнаго вліянія и на Екатерину. Послѣ казни Людовика XVI она повелѣла истребовать отъ французовъ, пріѣзжающихъ въ Россію, присягу на вѣрность Людовику XVII и выслать тѣхъ изъ нихъ, которые откажутся отъ присяги. Къ этому присоединяется революціонное движеніе въ Польшѣ, сопровождавшее послѣдніе годы ея независимости.

Избраніе на престолъ Станислава Понятовскаго означало подчиненіе Польши—Россіи, и вполнѣ понятно, что Екатерина была недовольна колебаніями короля и уклоненіемъ его отъ извѣстнаго образа дѣйствій [2]). Проектъ вѣчнаго союза Польши съ Россіей $^{5}/_{16}$ окт. 1793 г. былъ дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же отношеній. Но тотчасъ послѣ принятія этого договора Екатерина потребовала уже распространенія присяги и на французовъ, проживавшихъ въ Польшѣ, такъ какъ тогдашняя дипломатія объясняла извѣстныя явленія въ политической жизни Польши вліяніемъ якобинскихъ принциповъ, усвоенныхъ поляками, и указывала на существованіе въ Варшавѣ тайнаго якобинскаго клуба.

Не станемъ судить о томъ, какъ отнеслись бы къ этимъ событіямъ Фридрихъ II († 1786) и Іосифъ II († 1790) [3]), но преемники ихъ обоихъ примкнули къ коалиціи. И въ Австріи, и въ Пруссіи насту-

---

[1]) Записки Энгельгардта. По оффиц. даннымъ, онъ былъ обвиненъ въ шпіонствѣ.

[2]) Въ одной изъ своихъ записокъ Екатерина писала: «Польша должна остаться какъ есть по конвенціямъ съ нею трехъ державъ». И впослѣдствіи, жалуясь Гримму (1792) на непостоянство польскаго короля, оскорбившаго «свою благодѣтельницу», она заявляла (полякамъ), что защищаетъ «польскую республику».

[3]) Впрочемъ, его непріязненное отношеніе къ дѣлу Соединенныхъ Штатовъ извѣстно. Екатерина по этому поводу писала: «Франклинъ, Динъ (Dean) за то, что выставляли вещи такими, какими они были, когда они находились въ Англіи, отнюдь не заслуживали быть повѣшенными: ихъ надлежало слушать и поступать по-англійски, не надлежало возбуждать американцевъ и потомъ дать перевѣсъ монарху, говорю это однимъ словомъ и всегда» (1778). Но въ другомъ мѣстѣ она заявляетъ: «Je ne l'aime pas—portrait de Franklin» (Храповицкій).

пили вполнѣ реакціонныя времена, сопровождавшіяся весьма печальными явленіями. Суровая цензура наблюдала за книгами и рѣчами; философскія и медицинскія сочиненія подвергались спеціальному просмотру. Обращеніе въ Пруссіи «Всеобщей Нѣмецкой библіотеки», издав. Николаи, было одно время воспрещено. Репрессія распространилась и на университеты. Уложеніе Фридриха II, которое должно было войти въ силу въ 1792 г., подверглось (1793 — 94) искусственнымъ искаженіямъ. Участь крестьянъ была значительно отягощена. Реакція коснулась Венеціи и Англіи, гдѣ также принимались репрессивныя мѣры. Habeas corpus актъ, по предложенію Питта младшаго, былъ отмѣненъ (въ нач. 1795 г.),—вызвавъ, правда, сильную оппозицію, во главѣ которой стоялъ Фоксъ,—и билль объ его отмѣнѣ примѣнялся съ большою суровостью.

Россія не осталась въ сторонѣ отъ вліянія этой политики..... 23 сент. 1792 г. Кондорсе былъ исключенъ изъ членовъ Академіи наукъ [1]). Говорятъ, что бюсты Вольтера и Фокса (противившагося участію Англіи въ коалиціи) были вынесены изъ галлереи Екатерины [2]). Въ настоящее время отвергнута легенда о преслѣдованіи Княжнина († 1791) за трагедію «Вадимъ Новгородскій», напеч. въ 1793 г., въ Россійскомъ Ѳеатрѣ (ч. XXXIX), Дашковой; но она была изъята оттуда, какъ опасная для власти и порядка, и уничтожена, а между тѣмъ, когда въ 1786 г. явилась трагедія Николева «Сорена и Замиръ», въ которой находились болѣе рѣзкія республиканскія мѣста, такъ что моск. главнокомандующій гр. Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ Екатеринѣ, то она замѣтила ему,

---

[1]) Какъ равно и Берлинской академіи, что̀ объясняется его отношеніемъ къ событіямъ 1792 года.

[2]) Послѣ извѣстнаго акта о нейтралитетѣ (1780), Екатерина чувствовала, что «Англія намъ вездѣ мѣшаетъ» (Храповицкій), а вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала всю трудность вести дѣло съ англійскимъ парламентомъ («довольно знаю исторію Англіи»). «Впрочемъ, прибавляетъ она, во всю мою жизнь я очень дорожила почтеніемъ англійскаго народа» (письмо къ Циммерману 6 іюня 1791 г.). И въ томъ же іюнѣ 1791 г. она распорядилась заказать въ Англіи мраморный бюстъ Фокса, который былъ поставленъ на колоннадѣ въ Эрмитажѣ, подлѣ Демосѳена. «Онъ краснорѣчіемъ своимъ не допустилъ Англію до войны съ Россіей», выразилась она. Другой же бюстъ, бронзовый, сдѣланный съ него, помѣщенъ былъ на колоннадѣ въ Ц. Селѣ «между Демосѳена и Цицерона».... «А мнѣ сказали, что Питтъ тому завидуетъ», замѣчаетъ Храповицкій. Любопытны также мнѣнія Екатерины по этому поводу въ письмахъ къ Гримму.

что этого дѣлать не слѣдовало, «ибо авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью», и сама распорядилась, чтобы Дашкова напечатала пьесу въ Рос. Ѳеатрѣ (ч. V) [1]). Точно также Державинъ, будучи уже сенаторомъ, навлекъ на себя въ 1795 г. неудовольствіе императрицы за поднесеніе ей тетрадки своихъ стихотвореній, въ которой находилось переложеніе 81 псалма, подъ заглавіемъ «Властителямъ и судьямъ»; но онъ успѣлъ оправдаться. Въ томъ же 1795 г. былъ удаленъ изъ Россіи ученикъ Канта, профессоръ древней словесности и эстетики въ Москвѣ — Мельманъ, по поводу высказанныхъ имъ мнѣній о независимости философіи и разума отъ религіи и за толкованіе нравственныхъ идей Канта. Указомъ 16 сент. 1796 г. повелѣвалось учредить цензуру въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и Рядзивиловѣ, а частныя типографіи, исключая особо дозволенныхъ, упразднить [2]). Выписка изъ-за границы книгъ была значительно стѣснена. Пѣвецъ «Фелицы» Державинъ признается, что онъ не могъ болѣе писать ей похвальныхъ одъ...

---

[1]) Гр. Завадовскій въ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову (17 нояб. 1798 г.), излагая дѣло о трагедіи «Вадимъ», прямо говоритъ: «Въ самой вещи изданіе *не ко времени*. Она была извѣстна городу и въ уборной государыни долго лежала, по обыкновенію, какъ всѣ новыя книги кладутся. На сихъ дняхъ *кому-то* захотѣлось *протоколовать* заключаемый въ ней ядъ».

[2]) Въ указѣ 15 янв. 1783 г. выражено: «типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій», а какъ легко въ это время разрѣшалось открытіе типографій можно судить по слѣд. случаямъ. Бригадиръ И. Г. Рахманиновъ, прозванный «большимъ вольтерьянцемъ», по выходѣ въ отставку (1791), переноситъ свою типографію изъ Петербурга въ с. Казинку Козловскаго уѣзда, Тамб. губ., гдѣ печатаетъ «Полное собр. всѣхъ донынѣ переведенныхъ и въ печать изд. соч. Вольтера» (3 ч. Козловъ, 1791; 1-е изд. его перевода напеч. въ Петерб. 1785—89), и единственнымъ цензоромъ ихъ оказывается козловскій городничій Сердюковъ. Дѣло это обстояло благополучно, пока они не поссорились (1793), послѣ чего, вслѣдствіе доноса, что типографія находится не въ Козловѣ, а въ с. Казинкѣ, и книги печатаются безъ разрѣшенія, возникло дѣло; книги были конфискованы (а ихъ оказалось свыше 5000, преимущ. сочин. Вольтера) и т. д.; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе искусной защиты обвиненнаго, дѣло это протянулось до цар. Павла: въ 1797 г. типографія сгорѣла съ запечатанными въ ней книгами, а остальныя книги, находившіяся у разныхъ лицъ, повелѣно было (1800 г.) собрать и «безъ изъятія сжечь». Рахманиновъ издалъ еще въ Петербургѣ «Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ» (Миллера), поднесенное черезъ гр. П. А. Зубова имп. Екатеринѣ.

Точно также Радищевъ, чтобы напечатать свою книгу: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» пріобрѣтаетъ печатный станокъ у Шнора и печатаетъ ее на дому съ помощью своихъ рабочихъ (крѣпостныхъ и служителей при таможнѣ).

Внѣшняя политика Екатерины II отличалась блестящими результатами. Въ этомъ ей не отказываютъ даже ея рѣшительные противники. Политику Екатерина считала своею стихіей [1]). Ея вліяніе въ нѣмецкихъ дѣлахъ, актъ о вооруженномъ нейтралитетѣ (1780), объявленный въ интересахъ мира и торговли и снова привлекшій къ себѣ вниманіе въ послѣднее время, мирное присоединеніе Курляндіи хорошо извѣстны [2]). Только ей удалось уничтожить послѣдніе остатки татарскаго владычества на сосѣдней территоріи съ присоединеніемъ Крыма (1783) и упрочить русское владычество на берегахъ Чернаго моря [3]), открывавшее широкія перспективы торговому и промышленному развитію этого края [4]). А въ занятіи Крыма и успѣхахъ русскихъ на Кавказѣ многіе тогда справедливо видѣли шагъ къ завладѣнію Константинополемъ [5]). Если Екатерина подавала къ тому поводъ и войнами съ Турціею, и нѣкоторыми своими дѣйствіями болѣе

---

[1]) «Дворъ Екатерины—средоточіе политики» (1787), замѣчаетъ Сегюръ.

[2]) Территорія Европ. Россіи (съ Кавказомъ) при Екатеринѣ II возросла съ 83876 кв. миль до 95173 кв. м. (въ Азіи она равнялась — 210621 кв. м.). Населеніе увеличилось съ 19 мил. до 36 миль. Уже въ 1781 г. она могла насчитать 78 одержанныхъ побѣдъ, 30 трактатовъ и конвенцій, 88 замѣчательныхъ указовъ и 123 указа, изданныхъ для облегченія народа. Русскій флотъ увеличился болѣе, чѣмъ втрое (67 лин. кораблей и 40 фрегатовъ). Но госуд. долгъ въ 1796 г.=свыше 200 мил.

[3]) Екатерина любила помѣчать иногда акты своего правленія отъ времени присоединенія Таврическаго царства. Послѣ этого она заинтересовалась исторіей генуэзскихъ колоній, результатомъ чего явилось сочиненіе (Travail entrepris pour l'impératrice Catherine II) Gaspar Luigi Oderico, Lettere Ligustiche, ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria, Bassano 1792, не исчерпывающее впрочемъ всего матеріала, собраннаго авторомъ. Уже въ 1788 г. кн. Д. А. Голицынъ издалъ: «Description physique de la Tauride relativement aux trois regnes de la nature, trad. du russe en français» (La Haye); а извѣстный митр. рим. катол. церквей Сестренцевичъ-Богушъ принимается за «исторію Тавриды», вышедшую въ 1800 г. въ 2-хъ томахъ».

[4]) Въ интересахъ развитія торговли съ Константинополемъ въ 1776 г. послѣдовало учрежденіе тамъ русскаго торговаго дома (Сидневъ, Джемсъ и комп.); купецъ Фалѣевъ завязываетъ сношенія изъ Херсона съ Франціей на своихъ корабляхъ; присоединеніе Крыма (1783) сопровождалось цѣлымъ рядомъ торговыхъ трактатовъ, предоставившихъ (1784—87) выгодныя условія для иностранныхъ государствъ съ черноморскими портами. Торговый оборотъ въ 1785 и 86 гг. въ этихъ послѣднихъ простирался до 1112500 р., а въ періодъ 1793—97 среднимъ числомъ до 1877871 р. (вывозъ 1146563 р., привозъ—718198 р.). Въ русскіе порты приходило ежегодно 370 кораблей, изъ числа которыхъ—164 подъ русскимъ флагомъ.

[5]) Въ дневникѣ Храповицкаго читаемъ: «Суворовъ и Мордвиновъ спятъ и видятъ, чтобъ войти съ флотомъ въ Царьградъ. Турки тотчасъ убѣгутъ; тамъ останется до 300000 грековъ—и вотъ наслѣдство в. к. Константину Павловичу» (ноябрь 1792).

интимнаго свойства [1]), то нельзя сказать, чтобы она не находила сочувствія этимъ планамъ и можно пожалѣть только, что они въ томъ или иномъ видѣ не осуществилась въ свое время. Тогда Гладстону не пришлось бы повторять упрековъ и пожеланій Вольтера. Если она могла жаловаться на французское правительство, находившее сочувствіе и въ общественномъ мнѣніи, за систематическую поддержку «марабутовъ» и обученіе турецкихъ солдатъ на европейскій образецъ, то все же она могла утѣшиться тѣмъ, что съ высшей точки зрѣнія не только въ лагерѣ ея друзей во Франціи (Вольтеръ проповѣдывалъ крестовый походъ противъ турокъ [2]) и сочувствовалъ греческому проекту, а Вольней прислалъ ей свои «Considérations sur la guerre actuelle des Turcs» (Londres, 1788), запрещенныя во Франціи, какъ

---

[1]) Воспитаніе и самое имя вел. кн. Константина Павловича; изображеніе его въ костюмѣ кесарей и греческій костюмъ самой Екатерины; надпись на одной изъ тріумфальныхъ арокъ (во время путешествія Екатерины) въ Херсонѣ: «дорога въ Константинополь»; медаль, выбитая въ честь предполагавшагося взятія Константинополя; покровительство многимъ греческимъ выходцамъ, въ надеждѣ «оживить грековъ», политическое паденіе которыхъ еще ранѣе признавала Екатерина и т. п. Въ учебныхъ атласахъ времени Екатерины (1790, для народныхъ училищъ) нѣтъ Турціи, а только ея области: Албанія, Ливадія, Морея, Молдавія, Булгарія, Бессарабія, Сербія, Македонія и т. д., съ очевидною цѣлью избѣгнуть названія «Турція». Но, намѣчая будущія границы «между трехъ имперій» (о судьбѣ славянъ еще мало думали): «Россійской, Римской и Греческой», Екатерина негодовала на другіе проекты, составлявшіеся въ противовѣсъ ея собственнымъ. Въ 1783 г. она писала Потемкину: «Французы посылаютъ Шуазеля Гуфьера (гр. Габріэль Флоранъ Огюстъ Шуазель Гуфье) посломъ въ Царьградъ; это тотъ, который «Voyage pittoresque de la Grèce» выдалъ (появлявшійся сначала выпусками, а въ 1782 г. изданный отд. томомъ) и къ оному предисловіе, гдѣ предлагаетъ изъ Греціи составить *республику*....; онъ весьма раздраженъ противъ насъ и описываетъ нашу войну противъ турокъ съ величайшею враждебностью. Тутъ на каждомъ шагу видна вражда Шуазеля съ товарищами противъ Россіи», замѣчаетъ она Гримму. Циммерману Екатерина писала: «Никогда не было у меня въ головѣ сдѣлаться императрицею грековъ или Греціи; я умѣю себя ограничивать. Но я желаю, чтобъ греки сдѣлались свободными и счастливыми *подъ властью государя христіанскаго, ихъ исповѣданія, и чтобы они перестали стенать подъ игомъ ужаснымъ и безчеловѣчнымъ*» и т. д.

[2]) Въ 1772 г. онъ писалъ: «Скоро уже четыре года, какъ я проповѣдую крестовый походъ противъ турокъ. Я убѣжденъ, что св. Марія Терезія, въ согласіи со св. Екатериной, также легко овладѣютъ Босфоромъ, какъ онѣ овладѣли Польшей (1-й раздѣлъ), освободятъ всѣхъ прелестницъ султанскаго короля и водрузятъ крестъ на св. Софіи. Какое прелестное зрѣлище: двѣ императрицы, взявъ за уши Мустафу, уводятъ его въ Азію».

направленныя въ пользу притязаній Россіи [1]), но и въ другихъ странахъ Европы раздавались тогда голоса за изгнаніе турокъ [2]).

Иное дѣло польскій вопросъ. Въ то время въ средѣ представителей русской политики были противники польскихъ раздѣловъ: Н. И. Панинъ, С. Р. Воронцовъ, Потемкинъ и др.; а планы о раздѣлѣ Турціи и Польши шли не отъ одной Россіи: въ 1791 г. они предлагались даже во Франціи. И Екатерина могла найти поддержку въ мнѣніяхъ болѣе независимыхъ людей, не говоря уже о «философахъ». Французскій представитель въ Россіи де-Кабръ, явно враждебный послѣдней, не находилъ въ фактѣ 1-го раздѣла Польши ничего безнравственнаго. Віомениль и Дюмурье, близкіе свидѣтели событій перваго раздѣла, сурово отзываются о конфедератахъ и Польшѣ, а д'Аламберъ, по поводу жалобъ послѣднихъ объ угнетеніи ихъ русскими войсками, указываетъ на болѣе ужасное положе-

---

[1]) Авторъ болѣе трехъ лѣтъ путешествовалъ по Востоку и въ 1787 г. напечаталъ „Voyage en Egypte et en Syrie", перевед. и на рус. яз. (М. 1791 2 чч., съ рисунк.). Другой француз. путешественникъ (Mémoires hist., polit. et géogr. des voyages du comte de Ferrières Saufeboeuf, faits en Turquie, en Perse et en Arabie 1782—89 2 vv. P. 1790), также признаетъ неизбѣжность раздѣла Турціи.

[2]) Еще въ 1684 г. императорскій посолъ въ рѣчи своей къ цц. Іоанну и Петру говорилъ: „Черное море страстно желаетъ принять васъ въ свои распростертыя объятія; вся Греція и Азія ожидаютъ васъ. Какъ прежде Россіи трудно было стать твердою ногою въ Крыму, такъ въ настоящее время вамъ легко это исполнить... Возьмите Константинополь, въ которомъ долженъ находиться престолъ вашихъ патріарховъ». Со времени 1-й тур. войны при Екатеринѣ II (1769—74) появляется цѣлый рядъ брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ въ подобномъ же духѣ: ожидали окончательнаго разгрома Турціи и изгнанія турокъ изъ Европы, а многіе видѣли въ самой войнѣ исполненіе пророч. Даніила и Апокалипсиса; между тѣмъ какъ Фридрихъ II требовалъ умѣренности и уступчивости при заключеніи мира и даже могъ думать о союзѣ Россіи, Пруссіи и Турціи (1779). Сближеніе съ Австріей при Іосифѣ II было дальнѣйшимъ развитіемъ восточной политики Россіи: предоставляя Іосифу II гегемонію въ З. Европѣ, Екатерина хотѣла имѣть такую же свободу въ дѣлахъ на Востокѣ. За то самыми опасными противниками русской политики въ Константинополѣ являются теперь прусскіе дипломаты. Въ 1789 г. на письмѣ Потемкина Екатерина сдѣлала слѣд. приписку: „наипаче же прусаки враги особы Екатерины II, и гдѣ могутъ умалять ея славу и честь.., тутъ не оставятъ приложить труда, а есть ли сыскать могутъ, ктобъ ее убилъ, то и сіе не оставятъ». Англичане позже (1790) выступили въ литературѣ въ защиту турокъ; но и въ Англіи появлялись соч., направленныя въ пользу политики Екатерины II, присоединенія Крыма и изгнанія турокъ, какъ Вил. Этона (Survey of the Turkish Empire etc.), быв. англ. конс. въ Константинополѣ и секр. англ. посольства въ Петербургѣ (Lond. 1799).

ніе крестьянъ въ Польшѣ, угнетаемыхъ тѣми же конфедератами [1]). Вольтеръ разсматривалъ этотъ вопросъ съ своей преобладающей точки зрѣнія—религіозной терпимости и привѣтствовалъ водвореніе порядка въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла [2]). Рейналь говоритъ: «Феодальное устройство Польши, какое существовало въ остальной Европѣ нѣсколько вѣковъ назадъ, рабство народа, охраняемое мнимою свободою, ея политическій строй—вотъ тѣ причины, которыя должны были повести къ паденію государства. Эта конституція можетъ разсматриваться не иначе, какъ собраніе деспотовъ противъ народа». Точно также смотрѣли на этотъ вопросъ извѣстный экономистъ, аббатъ Бодо, англійскій путешественникъ Коксъ, посѣтившіе Польшу, и мн. другіе. Руссо, на основаніи бѣдствій Польши, дѣлаетъ общее заключеніе о тягости ига свободы, которымъ пользуется Екатерина противъ французскихъ «демократовъ». И Руссо, и его поклонникъ принцъ де-Линь предостерегали поляковъ на счетъ ихъ «національнаго зла» и указывали на грозившія бѣдствія государству, если они не будутъ устранены. На той же точкѣ зрѣнія стояли и нѣкоторые политическіе дѣятели Польши (напр. извѣстный Сташицъ). Въ самой Польшѣ появляются брошюры (1791) въ защиту правъ диссидентовъ и политики Екатерины... Но всѣ эти добрые совѣты остались тщетными [3]). Конституція 1791 г. едва задѣла положеніе крестьянина. Безслѣдно промелькнула надежда на осво-

---

[1]) Уже Вико старался, съ своей точки зрѣнія, объяснить причины продолжительности „героическаго“ періода въ Польшѣ, характеризуемаго господствомъ аристократіи, и противодѣйствія появленію „человѣческой эпохи“, которая влечетъ за собою чистую монархію: «Кметы, говоритъ онъ, въ глазахъ высшаго сословія Польши не имѣли человѣческой природы и необходимость удержать ихъ въ этомъ состояніи заставила сохранять всѣми силами аристократію».

[2]) Вотъ почему Екатерина такъ любила обращаться къ памяти Вольтера. Указывая на отраженіе французскихъ событій въ Польшѣ (авг. 1790), она пишетъ: „Я думаю, что Вольтеръ и его сочиненія отвлекли бы отъ фанатизма и нелѣпостей настоящаго времени, которыя не могутъ продержаться; Вольтеръ не любилъ никакого фанатизма“. Напомнимъ, что Вольтеръ, въ извѣстномъ своемъ панегирикѣ, по поводу созванія Екатерининской коммиссіи (1767), болѣе всего радовался тому, что „въ ней сошлись послѣдователи греческой и латинской церкви, лютеране и кальвинисты, магометане и язычники, которые могли вмѣстѣ ужинать и брать съ одного блюда—какой матеріалъ для упрека католическимъ фанатикамъ Франціи и самой Сорбоннѣ, которой кстати было бы прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ!» прибавляетъ онъ.

[3]) Также безнадежно смотритъ на положеніе дѣлъ въ Польшѣ и Глеръ, въ недавно изданномъ, перепискѣ его съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ.

божденіе и вѣротерпимость и въ манифестахъ Костюшки. Да и не могло быть иначе, если въ самый моментъ опасности серьезно могли говорить о «фотіевской схизмѣ» и скорѣе соглашались отдать противнику милліонъ населенія, нежели «Ченстоховскую». А Екатерина какъ разъ въ это время занималась русскими лѣтописями и исторіей и потому могла выступить на защиту своихъ притязаній во всеоружіи историческихъ данныхъ. «Поляки сами не сдержали слова, замѣтила она въ 1793 г., и теперь беру я Украину въ замѣнъ моихъ убытковъ и потери людей. Владиміръ на Волыни мы теперь не взяли по причинѣ, но со временемъ надо вымѣнять у императора Галицію. Она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія турецкаго» [1]).

Во время послѣдняго раздѣла (6 апр. 1795) Екатерина писала Гримму: «Скотину Герцберга (прусск. министра, котораго она обличала уже въ томъ, что онъ не зналъ о населеніи предѣловъ древней Пруссіи славянами) слѣдовало бы хорошенько отколотить за то, что онъ исторію знаетъ столько же, какъ мой попугай. Онъ дерзаетъ говорить, что Россія овладѣла Полоцкомъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права, тогда какъ сдѣдовало бы сказать, что Россія всегда забывала о своихъ древнихъ правахъ, такъ какъ Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I своему старшему сыну Изяславу... Вотъ отъ этого-то старшаго сына Владиміра и произошли князья полоцкіе. Потомъ, будучи вел. кн. Литвы, Владиміръ I отдалъ Литву сыну своему Святославу, который умеръ бездѣтнымъ. Въ 1386 г. Ягайло или Яковъ, пятый сынъ Ольгерда, принялъ латинскую вѣру, женился на польской королевнѣ Гедвигѣ, наслѣдницѣ престола, и сталъ царствовать подъ именемъ Владислава, соединивъ такимъ образомъ Литву съ Польшей въ одно государство. Но государственный министръ неучъ, ничего этого не знаетъ; отъ чванства онъ сталъ грубъ и глупъ, какъ померанскій волъ, котораго мало кормятъ (покойный король, по его собственному признанію, морилъ его голодомъ). Поэтому онъ и не знаетъ, что вплоть до XVII стол. не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ, всѣ рѣшительно дѣла велись на русскомъ языкѣ, что во всѣхъ литовскихъ архивахъ бумаги писаны порусски и рус-

[1]) Любопытно, что въ спорѣ, вызванномъ появленіемъ «Jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam etc. explicatio» (Wind. 1772), противники (австрійцы и поляки) согласны были въ одномъ, что земли эти несомнѣнно русскія.

скими буквами, что годъ сотв. міра тотъ же, какой признается греческою церковью и даже до сихъ поръ греческій церковный индиктъ служитъ для этого указателемъ; во всѣхъ церквахъ тамошнихъ алтарь обращенъ на востокъ и т. д., и т. д. Какъ видите, я отбросила всякую вѣжливость въ своемъ ученомъ разсужденіи. Впрочемъ, вы и сами знаете: когда педанты бываютъ одержимы гнѣвомъ или хотятъ выказать усердіе, то не всегда соблюдаютъ правила вѣжливости въ своихъ разсужденіяхъ; я же, какъ вамъ тоже не безъизвѣстно, такъ много возилась съ архивами и лѣтописями, что теперь меня мудрено сбить съ толку».

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (сент. 1795 г.), по поводу выраженнаго поляками желанія сохранить по крайней мѣрѣ имя страны и титулъ ея правителя, Екатерина снова пишетъ Гримму: «Выслушайте о Польшѣ историческое Евангеліе, подлинность котораго я могу доказать письменными свидѣтельствами», и, указавъ на составъ земель древней Польши, она продолжаетъ: «Въ 1386 г. польская королевна Гедвига вышла замужъ за Ягайлу, вел. кн. литовскаго, происходившаго по прямой линіи отъ Владиміра I, вел. кн. русскаго, который отдалъ своему старшему сыну Изяславу Полоцкъ, а другому Литву, потомъ по наслѣдству перешедшую въ родъ этого Изяслава [1]). При раздѣлѣ я не получила ни единой пяди Польской земли; а Червонная Русь, Кіевское воеводство, Подолія, Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ и у поляковъ носили тѣ же названія [2]). Владиміръ былъ основанъ княземъ Владиміромъ I въ 992 г.,

---

[1]) Екатеринѣ хорошо были извѣстны генеалогическія попытки производить родъ литовскихъ князей отъ русскихъ, восходя до Владиміра I. На эту родственную связь ссылались еще москов. бояре, въ своихъ переговорахъ съ Литвою въ XVI в. Въ дневникѣ Храповицкаго подъ 4 мая 1793 г. читаемъ: „Сказывали, что Елагинъ (авторъ русской исторіи) дивится, откуда собранъ Родословникъ древнихъ князей россійскихъ, и многое у себя въ исторіи поправилъ.—Дошли до занятія Польши“... и т. д. „Родословникъ занимаетъ V-ю часть (Спб. 1793) „Записокъ касательно рос. исторіи“ и представляетъ генеалогію князей Рюрикова дома, сидѣвшихъ по всѣмъ русскимъ городамъ (и входившимъ въ составъ Литвы).

[2]) Фриманъ по поводу раздѣловъ Польши говоритъ: „Нужно помнить, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни одна часть первоначальнаго Польскаго государства не досталась Россіи. Россія получила обратно свою территорію, отнятую у нея Литвою и соединила большую часть самой Литвы съ областями, расположенными непосредственно на сѣверъ отъ нея. Древнее Польское королевство дѣлится между Пруссіей и Австріей, а древнѣйшая Польша выпадаетъ на долю Пруссіи“.

а Литва и Самогитія никогда не составляли коренныхъ частей Польши. Если же мнѣ не принадлежитъ ни единой пяди Польской земли, то я не могу принять титула польской королевы. Сверхъ того, коль скоро у націи отнято и самое имя, то, по моему мнѣнію, она это заслужила, потому что сама нарушала договоры, упрочивавшіе ея государственное существованіе, не принимала ничьихъ совѣтовъ и наконецъ дошла до такого разъединенія, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые въ чемъ бы то ни было согласились между собою и т. д. Вотъ вамъ поляки! Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни единой пядью Польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у прусскаго короля сына, у вѣнскаго двора эрцгерцога, и все это въ одно время, у испанскаго короля инфанта, у дома Бурбоновъ одного изъ принцевъ, у курфюрста саксонскаго просили они дочку, а у себя ставили законъ, чтобы королю быть только изъ рода Пястовъ. Вѣдь это безсмыслица, хотя все это у нихъ какъ-то легко укладывается»...

Если раньше Фридрихъ II могъ хвалиться передъ Вольтеромъ, какія улучшенія ввелъ онъ на доставшейся ему территоріи (освобожденіе крестьянъ, улучшеніе земледѣлія и путей сообщенія, школы) [1]), а, по свидѣтельству даже лицъ, враждебныхъ Екатеринѣ (какъ извѣстный Нѣмцевичъ), положеніе Бѣлоруссіи значительно улучшилось по присоединеніи ея къ Россіи [2]), то и сама Екатерина не преминула теперь похвалиться Гримму, что депутаты отъ Литвы и Курляндіи пріѣзжали не для того, чтобы предъявлять свои условія, но просто, чтобы просить уравненія съ другими областями государства, т. е. уч-

---

[1]) Съ переходомъ русскихъ земель отъ Польши къ Россіи, здѣсь сохраняется шляхетское землевладѣніе и начинается раздача крестьянъ русскимъ сановникамъ.

[2]) Вскорѣ послѣ 1-го раздѣла Екатерина нашла защитницу (1781) въ лицѣ молодой польки, быв. за кн. Сангушко (урожд. Годской), откровенно высказывавшей свои мнѣнія въ парижскихъ кружкахъ. „Пріятно слышать, писалъ Гриммъ, какъ она говоритъ о русской императрицѣ и заставляетъ молчать людей, позволяющихъ себѣ толковать о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ необходимыхъ понятій.... На дняхъ она охарактеризовала духъ правительства въ трехъ участкахъ Польши.—Замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, она сказала: если-бъ у меня была земля въ прусскомъ участкѣ, я сочла бы за счастье потерять половину, чтобы перенести другую въ Бѣлоруссію, а если бы мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи, и она подробно развила причину подобнаго желанія“.

режденія губерній; а, отпуская курляндскихъ депутатовъ, она распорядилась вручить имъ по экземпляру своего Наказа.

Такъ смотрѣла Екатерина II на означенный вопросъ въ его историческомъ развитіи.—Обратимся къ другимъ явленіямъ послѣднихъ лѣтъ ея царствованія.

Карлейль говоритъ: «Не лучше ли было бы для Наполеона потерять свой лучшій полкъ, чѣмъ покарать бѣднаго книгопродавца Пальма?» Понятно, что общія бѣдствія легче переживаются; отдѣльные случаи дольше остаются въ памяти потомства. И въ событіяхъ конца царствованія Екатерины есть эпизоды, съ которыми не легко мирится историкъ, хотя и пытается такъ или иначе ихъ объяснить. Мы разумѣемъ два дѣла—Радищева и Новикова, бывшія результатомъ общихъ политическихъ условій Европы и въ частности Россіи.

А. Н. Радищевъ учился въ Лейпцигскомъ унив-тѣ (1767—71) и уже здѣсь онъ зачитывался надъ сочин. Гельвеція, Мабли и Руссо... «Въ Радищевѣ, говоритъ Пушкинъ, отразилась вся французская философія его вѣка». По возвращеніи въ Россію онъ принимаетъ участіе въ «переводческой коммиссіи», для которой переводитъ на русскій языкъ одно изъ сочиненій Мабли [1]), и въ журналахъ (въ «Живописцѣ» Новикова, а потомъ въ «Почтѣ духовъ» Крылова). Онъ близко интересовался успѣхами въ наукахъ и общественными вопросами, о чемъ свидѣтельствуютъ позднѣйшая переписка его съ гр. А. Р. Воронцовымъ и собраніе его книгъ, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, политическаго и экономическаго содержанія [2]). Въ 1789 г. онъ издалъ «Житіе Ѳ. В. Ушакова съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій» (Спб.),—это воспоминаніе объ одномъ изъ своихъ товарищей по лейпцигской жизни, знакомящее вмѣстѣ съ тѣмъ съ міросозерцаніемъ той среды, въ которой вращался и самъ авторъ [3]). Радищевъ слу-

---

[1]) Размышленія о греческой истеріи и о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Спб. 1773.

[2]) Екатерина о немъ замѣтила: „Знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ".

[3]) Означенное сочин. занимаетъ V-ю часть Собр. сочин. Радищева и перепеч. въ „XVIII вѣкѣ" П. И. Бартенева (кн. II). Въ прилож. къ «житію» помѣщены сочин. Ушакова: 1) о правѣ наказанія и о смертной казни; 2) о любви; 3) письма о первой книгѣ Гельвеціева соч. «О разумѣ». Въ 1790 г. Р-въ напечаталъ: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего, о монументѣ Петра В." (Спб). Посмертное изданіе его сочин. (6 ч.) вышло въ Москвѣ въ 1807—1810 гг. (Собр. оставшихся

жилъ (состоя помощникомъ Даля) подъ начальствомъ такого просвѣщеннаго лица, какъ гр. А. Р. Воронцовъ [1]), который оцѣнилъ его знанія и дѣятельность и рекомендовалъ императрицѣ. Направленіе мыслей Радищева (деизмъ, политическія мнѣнія) вполнѣ сказалось и въ его примѣчаніяхъ къ соч. Мабли, и въ «житіи Ушакова»; но въ 1790 г. онъ напечаталъ въ своей домашней типографіи «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (Спб. 458) [2]), представляющее горячій протестъ противъ крѣпостнаго права (авторъ предлагаетъ проектъ *постепеннаго* освобожденія крестьянъ) и произвола вообще, съ явными указаніями на современные факты; а въ стилѣ и формѣ своего произведенія онъ подражалъ Рейналю (Исторія объ Индіяхъ) [3]) и Іорику (Путешествіе) [4]), но, кромѣ того, пользуется Руссо, Гердеромъ, Бэйлемъ. Екатерина сама написала замѣчанія на книгу Радищева и въ горячемъ спорѣ находила теперь, что «лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошихъ помѣщиковъ нѣтъ во всей вселенной» [5]), и тутъ же упрекаетъ автора за помѣщеніе указаннаго проекта. Заслуживаетъ упоминанія тотъ фактъ, что книга Радищева вызвала вниманіе пуб-

---

сочин. покойнаго кол. сов. А. Н. Радищева), куда вошли его стихотв. произведенія, обширный трактатъ „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“ (чч. II и III) и др. Полное собр. соч., напеч. въ 1872 г. П. И. Ефремовымъ, было уничтожено.

[1]) Президентъ коммерцъ-коллегіи, куда поступилъ Радищевъ въ 1777 г.

[2]) Точная перепечатка сдѣлана въ изд. А. С. Суворина (Спб. 1889) въ 100 экз.; заграничныя изданія напечатаны весьма небрежно.

[3]) Аббатъ Рейналь издалъ въ 1770 г. „Histoire philosophique du commerce des deux Indes“, значительно пополненную въ 1781 г. Обладая массою статистическихъ и коммерческихъ свѣдѣній и не малою долею противорѣчій и парадоксовъ, сочиненіе это представляетъ обличенія противъ жестокаго обращенія съ черными и несправедливости монополіи труда, сопровождаемыя настойчивымъ призывомъ къ улучшенію. Сорбонна осудила книгу, а парламентъ приговорилъ ее къ сожженію, авторъ же долженъ былъ оставить Францію, куда онъ возвратился только въ 1788 г. Екатерина не любила Рейналя и называла его „болтуномъ“ и „лжецомъ“ за то, что онъ написалъ, будто бы ей ничто не удается изъ всего, что она предпринимала. Переводъ его сочин. напечатанъ въ 1805—1809 гг., 6 чч. (въ сокращеніи).

[4]) Т. е. извѣстному „Сентиментальному путешествію“ Стерна, которымъ такъ восхищался“ и которому отчасти подражалъ Карамзинъ въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“. Переводъ этого сочин. (съ англ.) на рус. языкъ появился въ 1793 г., въ 3 чч.

[5]) Храповицкій дважды отмѣчаетъ, что Екатерина говорила о Радищевѣ „съ жаромъ и чувствительностью“. Ей не нравились похвалы его Мирабо и Франклину, которыхъ она не любила.

лики [1]). Тогдашній фактотумъ — Безбородко былъ враждебно настроенъ противъ книги, и его мнѣніе вѣроятно отразилось въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ. Судъ надъ авторомъ быстро прошелъ по всѣмъ инстанціямъ: въ уголовной палатѣ, въ сенатѣ и совѣтѣ, признавшихъ Радищева подлежащимъ смертной казни, на основаніи сохранявшихъ свою силу Уложенія, Воинскаго и Морскаго уставовъ и т. п. Екатерина замѣнила казнь 10-лѣтней ссылкой въ Сибирь (въ Илимскъ). Нѣкоторые полагали, что Екатерина осудила Радищева въ угоду «барамъ» (правда, она отмѣчаетъ вражду автора къ вельможамъ); но этого нельзя сказать: въ числѣ сановниковъ и среди членовъ совѣта нашлись ходатаи за Радищева; гр. С. Р. Воронцовъ былъ пораженъ суровостью приговора [2]) и не разъ вспоминаетъ о Радищевѣ въ сочувственномъ смыслѣ, а гр. А. Р. Воронцовъ остался покровителемъ его до самаго возвращенія изъ ссылки [3]). Заслуживаетъ также упоминанія, что былъ слухъ объ исходатайствованіи Потемкинымъ прощенія Радищеву.

Конечно, можно было только желать, чтобы Екатерина ограничилась замѣчаніями на книгу Радищева, какъ Юлій Цезарь, который, по поводу книги Цицерона «Катонъ», скрывъ свой гнѣвъ, ограни-

---

[1]) Книга издана въ 650 экз., изъ которыхъ до 50 экз. было роздано и пущено въ продажу, но затѣмъ они отбирались. Полагаютъ, что, по уничтоженіи ея, сохранилась въ цѣлости около 50 экз. (Сопиковъ, IV, 250). Послѣ цензурной подписи (оберъ-полиціймейстера Рылѣева, номинальной), авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и вставки.

Въ самомъ началѣ Екатерина заподозрила участіе въ соч. Радищева его товарища по Лейпцигу—Челищева (другіе подозрѣвали въ томъ Козодавлева, также учившагося въ Лейпцигѣ). Челищеву принадлежитъ весьма любопытное и обстоятельное «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.», отысканное и изданное въ наше время (Спб. 1886). Оно снабжено обильными статистическими данными. Важно, однако, то, что Челищевъ высказываетъ горькое сожалѣніе о неудовлетворенности народныхъ нуждъ, о суевѣріи народа и т. п. Напомнимъ, кромѣ того, о цѣломъ рядѣ сочиненій и статей вполнѣ публицистическаго характера, принадлежащихъ перу извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова, многія страницы которыхъ нисколько не уступятъ, какъ по силѣ выраженій, такъ и по изображенію современной дѣйствительности, произведенію Радищева. Но сочиненія эти оставались въ рукописяхъ и были изданы лишь въ наше время (новое изданіе подъ заглавіемъ: „Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, Спб., тт. I и II, 1896, 1898).

[1]) „La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême; quelle sentence et quel adoucissement pour une étourdie... cela fait frémir“.

[2]) По вступленіи на престолъ имп. Павла, Радищевъ былъ возвращенъ (23 нояб. 1796) на жительство въ деревню; имп. Александръ I (1801) возстановилъ его во всѣхъ правахъ, назначилъ членомъ ком. о сочин. законовъ и обезпечилъ его семью.

чился тѣмъ, что написалъ «Анти-Катона» и римляне хвалили его за такую умѣренность. Правда, Екатерина заявляла, что она сумѣла бы привлечь на свою сторону и Лафайэта...; но вышло иначе... Въ ея замѣчаніяхъ на книгу Радищева мы находимъ ключъ къ объясненію принятаго ею рѣшенія. Устранивъ изъ нихъ мелочи, легко видѣть, что причиною этого послѣдняго были два пункта обвиненій, проходящіе красною нитью въ ея отзывахъ о Радищевѣ: 1) что авторъ «зараженъ французскимъ заблужденіемъ» и 2) что онъ «исповѣдуетъ ученіе мартинистовъ и прочихъ теософовъ»,—и прямо относящіеся къ современному положенію вещей, съ которымъ, какъ мы видѣли, Екатерина стала считаться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но если первый изъ нихъ имѣлъ основаніе, то второй не находитъ себѣ подтвержденія ни въ жизни, ни въ сочиненіяхъ Радищева [1]).

Дѣло Новикова возникло на другой почвѣ. По складу своего ума, Екатерина, какъ и Радищевъ, не могла чувствовать симпатіи къ мартинизму [2]). Но этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ ея религіознымъ и умственнымъ міросозерцаніемъ. Екатерина постоянно и настойчиво высказывалась противъ «ханжества» и «фанатизма». Мистицизмъ, въ томъ или иномъ смыслѣ, былъ ей чуждъ. «Поздравляли себя, что никогда не вдавались ни въ балоны, ни въ шарлатановъ, разумѣя Сенъ-Жермена и Каліостра. Les savants aiment les ignorants», говоритъ Храповицкій [3]). Припомнимъ ея замѣчаніе относительно Гердера, какъ философа. Рядъ ея собственныхъ пьесъ касается «обольщенныхъ» и «обманутыхъ» шаманами, мистиками и мартинистами («мартышки»). «Къ числу величайшихъ уклоненій, которымъ предавался человѣческій родъ, принадлежитъ франкъ-масонство», писала Екатерина, вполнѣ сходясь въ этомъ отношеніи съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II; а она, какъ мы знаемъ, изучила всю масонскую литературу. Однажды она зло насмѣялась надъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ

---

[1]) Болѣе видные изъ масоновъ (напр. кн. Н. Н. Трубецкой) оправдывали кару, постигшую Радищева.

[2]) Въ своихъ показаніяхъ Радищевъ прямо заявляетъ: „Мартинистомъ не только никогда не былъ, но и мнѣніе ихъ охуждаетъ".

[3]) Екатерина не благоволила къ Сведенбергу, магнетизму, Штарку и даже къ Лафатеру. Послѣдователей магнетизма она сравнивала съ дервишами и шаманами. Къ Каліостро она относилась съ полнымъ презрѣніемъ и осмѣяла его въ своихъ произведеніяхъ наравнѣ съ масонами. Въ 1787 г. (Каліостро былъ въ Россіи въ 1779—80 гг.) она распорядилась о высылкѣ его, въ случаѣ пріѣзда на русскую границу.

прусскимъ. «Государыня мнѣ сказывать изволила, пишетъ Храповицкій, что недѣли двѣ король прусскій въ рубахѣ ходилъ со шпагой для видѣнія духовъ и, наконецъ, имѣвъ свиданіе съ Христомъ, не объявилъ намъ войны, по его запрещенію»...[1]) Свободомысліе, свойственное эпохѣ, не могло, конечно, не сказаться въ мнѣніяхъ Екатерины... По поводу одной, написанной ею эпитафіи, Храповицкій замѣтилъ: «эпитафія чиста и смѣла въ разсужденіи вѣры».

Напрасно было бы, однако, думать, что писатели и политики XVIII в. не придавали значенія церковному вопросу. Монтескье въ своемъ «Духѣ Законовъ» отводитъ извѣстное мѣсто духовенству и даетъ совѣты относительно допущенія новыхъ религій[2]). Вольтеръ и Фридрихъ II не могли примириться съ книгою Гольбаха «Система природы», а мнѣніе ихъ о народѣ въ этомъ отношеніи не менѣе извѣстно. По словамъ Іосифа II, самый невѣрующій человѣкъ долженъ быть религіозенъ par politique. Онъ не находилъ никакой надобности бороться съ католичествомъ, какъ таковымъ[3]). Передъ нимъ была установленная религія, исповѣдуемая весьма ревностно большинствомъ его народа. «Безъ духовенства, писалъ онъ, съ народомъ ничего не сдѣлаешь». Іосифъ относительно иновѣрцевъ полагалъ, что безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обязанностей прежде всего дѣлаетъ ихъ лучшими подданными и позволяетъ избѣжать невѣрія, гораздо болѣе опаснаго. Передъ изданіемъ знаменитаго указа (13 окт. 1781 г.) онъ писалъ Екатеринѣ, что «не можетъ выполнить все то, что казалось бы справедливымъ и разумнымъ».

Мы знаемъ взгляды Екатерины II на религіозные вопросы. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она дѣлаетъ распоряженіе о непристойности представленій на придворной сценѣ съ языческимъ характеромъ (1762); о недопущеніи въ Россію книгъ, которыя направлены «противъ закона» (т. е. вѣры) и «добраго нрава»[4]); она не согласилась на допущеніе перевода извѣстнаго соч. Арндта (О истинномъ христіанствѣ), такъ какъ

---

[1]) Ее возмущало, что масоны привлекали къ своему сообществу имя Вольтера.

[2]) Его „Духъ законовъ", сначала запрещенный въ Австріи, въ 1750 г. былъ допущенъ, несмотря на происки іезуитовъ.

[3]) Указомъ 11 іюня 1781 г. воспрещалось все, оскорбляющее религію, законы страны и нравы, и сужденіе объ этомъ принадлежало особой цензурной комиссіи, приговоры которой смягчались только личнымъ вмѣшательствомъ императора.

[4]) Сюда относятся «Эмиль» Руссо, «Письма жидовскія» д'Аржанса и т. п.

онъ былъ воспрещенъ до нея[1]). Занимаясь русской исторіей, она составляетъ житіе Александра Невскаго «безъ чудесъ»; но, по поводу сравненія ея со св. Терезой, она пишетъ m-me Жоффренъ, что «почтеніе ея къ святымъ не переходитъ черезъ границы святыхъ греческой церкви»; а на замѣчаніе другой своей корреспондентки, отвѣчаетъ, что посты ей полезны. «Я принадлежу къ числу тѣхъ, пишетъ она, которые считаютъ баловствомъ не подчиняться этому церковному закону, къ которому большинство у насъ очень привязано»[2]).

«Странный вопросъ на исповѣди, замѣтила однажды о себѣ Екатерина, какого никогда не дѣлалъ: «вѣруешь ли въ Бога»? Я тотчасъ сказала tout le symbole, а ежели хотятъ доказательствъ, то такія дамъ, о которыхъ они и не думали. Я вѣрую всему, на семи соборахъ утвержденному, потому что св. отцы тѣхъ временъ были ближе къ апостоламъ и лучше насъ все разобрать могли». Во время пребыванія въ Кіевѣ она усердно посѣщаетъ мѣстныя святыни. Своихъ приближенныхъ она спрашиваетъ—говѣли-ли они?[3]) Съ другой стороны, она щадитъ даже народныя вѣрованія. «При про-

---

[1]) Іог. Арндтъ († 1621), извѣстный писатель-моралистъ, издалъ означенное сочиненіе въ 4-хъ книгахъ, переведенное на всѣ европейскіе языки и въ томъ числѣ на русскій (Симономъ Тодорскимъ), какъ говорятъ, по желанію Ѳеофана Прокоповича. Въ 1735 г. переводъ этотъ напеч. былъ въ Галле. Попытка (1783) перепечатать тоже изданіе, съ исправленіями, въ Россіи не имѣла успѣха; но въ 1784 г. трудъ Арндта (вмѣстѣ съ другими его сочин., въ переводѣ И. П. Тургенева), появился въ изданіи Новикова. Въ силу запрещенія, наложеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ (1743), Екатерина не согласилась дать на него разрѣшеніе (1787 г.); но, по справкѣ, всѣ экземпляры этого перевода оказались раскупленными, а такъ какъ въ настоящемъ случаѣ замѣшаны были вліятельныя лица, то и самое дѣло предано было молчанію.

[2]) Вольтеръ попытался было завести рѣчь объ отмѣнѣ цѣлованія руки у духовенства; но Екатерина отвѣчала ему: „Уже 10—12 лѣтъ какъ священники начали отнимать свои руки, одни изъ учтивости, а другіе изъ уничиженія... Позвольте, чтобы этотъ обычай самъ собою потихоньку истреблялся“ (1774).

[3]) Радищевъ далъ показаніе, что онъ не былъ у исповѣди 5 или 6 лѣтъ. „До меня считали тѣхъ, кои не пріобщались; мнѣ самому тотъ вопросъ былъ сдѣланъ“, говоритъ Храповицкій (14 февр. 1787 г.). Но это еще не даетъ вѣрнаго представленія объ «умоначертаніи» означенныхъ лицъ. Въ теченіе всего XVIII в. дѣлались подобныя подтвержденія и однако оказывалось, что по многу лѣтъ у исповѣди не бывали состоявшіе въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, ихъ жены и дѣти, разночинцы, посадскіе и т. д. Поэтому установлены были „исповѣдные штрафы“, накоплявшіеся до значительныхъ цифръ. Подобныя же распоряженія издавались и въ цар. Екатерины II, съ замѣною лишь штрафовъ для несостоятельныхъ другими взысканіями, кромѣ „тѣлеснаго наказанія“.

щаньи, сообщаетъ Храповицкій съ ея словъ, Спиридовъ вздумалъ просить *узелковъ*; вдругъ непонятны были его рѣчи, но рѣшились въ тотъ же день послать къ нему образъ Іоанна Войственника, съ коимъ онъ отправился, и во время сраженія при Чесмѣ надѣлъ на шею, на голубой лентѣ. Есть люди, которые колдовство съ набожностью мѣшаютъ mais il faut profiter des opinions populaires». По поводу ссылки кн. Трубецкаго (масона), когда на вопросъ крестьянина, «зачѣмъ ссылали барина»? другой отвѣтилъ: «сказываютъ, что искалъ другаго Бога«, а тотъ замѣтилъ: «такъ онъ виноватъ, на что лучше *русскаго Бога*»,— «очень хвалили cette naïveté и не разъ мнѣ подтвердили», говоритъ Храповицкій.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру (1770) Екатерина пожелала ему стать папою, утверждая, что тогда «двѣ главы церквей восточной и западной не только будутъ въ прямой перепискѣ, но ихъ увидятъ связанными дружбою, обстоятельство до сихъ поръ еще не существовавшее. Я предвижу заранѣе великое благо для христіанства, говоритъ она. *Я объявляю, что я буду умѣренна, но тверда безъ упрямства*». Эту твердость она обнаружила своею поддержкою диссидентовъ въ Польшѣ и послѣдующею церковною политикою въ присоединенныхъ областяхъ. Въ 1793 г., по поводу стараній неаполитанскаго двора выдать одну изъ дочерей короля за вел. кн. Константина Павловича, она писала гр. Разумовскому: «Греческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей, а потому латинское или греко-латинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено въ мою семью». Греческую церковь она сравнивала съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни. Къ Лютеру она относилась съ очевиднымъ пренебреженіемъ, а во время французской революціи она писала (Гримму), что протестантскія правительства хорошо бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, такъ какъ это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ всякой непріязненной религіи, противъ безнравственной и преступной заразы.

Между тѣмъ, «исканіе внутренней церкви» [1]) и сношенія съ западнымъ міромъ привели къ распространенію въ Россіи масон-

[1]) Одинъ изъ наиболѣе искреннихъ масоновъ И. В. Лопухинъ напечаталъ книгу „О внутренней церкви“ съ приложеніемъ составленнаго имъ же „Нравоучительнаго катихизиса истинныхъ франкмасоновъ“. Лопухинъ, какъ и Новиковъ, одно время склоненъ былъ къ вольтеріанству.

ства. Съ 1776 г. миссіонеромъ его является извѣстный Шварцъ, побывавшій передъ тѣмъ даже въ Остъ-Индіи. Въ 1778—80 гг. масонство царило въ Московскомъ университетѣ; а въ 90-хъ гг. въ разныхъ городахъ Россіи насчитывали до 800 членовъ. Есть основаніе полагать, что первое дѣло противъ Новикова, возникшее въ к. 1785 г., было результатомъ внушеній лица, желавшаго сдѣлать, между прочимъ, непріятность м. Платону. Дѣйствительно, этому послѣднему вслѣдъ затѣмъ поручено было испытать Новикова «въ законѣ православномъ»; но м. Платонъ заявилъ, что «желательно, чтобы во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ онъ». Однако, Екатерина не перемѣнила своего мнѣнія о Новиковѣ: «c'est un fanatique», отозвалась она о немъ въ 1788 г. [1]).

Политическія обстоятельства значительно усилили нерасположеніе Екатерины къ масонамъ. Предполагаемая связь масонства съ революціей (напомнимъ также близость къ послѣднему герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, неудачи котораго, какъ вождя коалиціи, приписывали сношеніямъ его съ революціонерами) [2]) вызывала гоненія противъ иллюминатовъ и масоновъ, одновременно съ преслѣдованіями Новикова и его кружка. Къ этому присоединились внутреннія причины, имѣвшія значеніе въ глазахъ Екатерины: сношенія московскихъ масоновъ съ иностранными, подтверждавшіяся ихъ перепискою и дипломами, выданными Ферд. Брауншвейгскимъ (при враждебныхъ отношеніяхъ Пруссіи), и, невыяснившаяся вполнѣ, связь ихъ съ велик. княземъ Павломъ Петровичемъ.—Эти пункты и занимаютъ главное мѣсто въ процессѣ масоновъ, возникшемъ въ 1792 году. Екатерина стала ясно различать *прежнее* и *новое* масонство; лица, благосклонныя къ масонамъ, подпадаютъ подозрѣнію (Куракинъ, Репнинъ); а при назначеніяхъ на административныя мѣста—вопросъ о масонскихъ мнѣніяхъ играетъ видную роль [3]). Растопчинъ (отличившійся, впрочемъ,

---

[1]) Какъ извѣстно, на счетъ „дружескаго общества“ воспитывались нѣкоторые изъ учениковъ семинарій, занимавшіе потомъ видныя мѣста въ духовномъ мірѣ. Но въ апрѣлѣ 1792 г., по поводу дѣла Новикова, Екатерина сдѣлала распоряженіе: „Имена восьми семинаристовъ нужно знать, паче же тѣхъ, кои постриглись, дабы не попались въ кандидаты епархіальные для епископства“.

[2]) Мирабо называлъ его „Алкивіадомъ“.

[3]) „Въ числѣ бумагъ Кутузова (жившаго въ Берлинѣ) найдены письма преступника Радищева, изъ которыхъ три показались мнѣ достойными свѣдѣнія Вашего

богатой фантазіей) сообщаетъ, что Екатерина имѣла свѣдѣнія о замыслѣ масоновъ (въ Москвѣ), имѣвшемъ будто бы цѣлью лишить ее жизни. Результатомъ произведеннаго розыска было заключеніе Новикова въ Шлюссельбургѣ на 15 лѣтъ; другіе же изъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу членовъ поплатились ссылкою въ деревни [1]). Во время процесса Радищева Екатерина (по поводу похвалы его Франклину) отозвалась, что онъ «бунтовщикъ, хуже Пугачова», а о Новиковѣ выразилась, что онъ «умный, но опасный человѣкъ» и «мартинистъ — хуже Радищева», и въ этомъ отношеніи она не перемѣнила своего мнѣнія до конца..... Въ 1794 г. Екатерина писала Гримму: «Елагинъ умеръ, и исторія его вѣроятно останется неоконченною; но послѣ него остались сочиненія о масонствѣ—удивительная чепуха, изъ которой явствуетъ, что онъ сходилъ съ ума».

Несомнѣнно, что современныя политическія событія произвели глубокое впечатлѣніе на Екатерину и оказали свое вліяніе на образъ ея мыслей. Мы знаемъ, что въ 1788 г. она писала принцу де-Линю: «Я была воспитана въ любви и уваженіи къ республикамъ; но опытъ убѣдилъ меня, что чѣмъ болѣе собирается народу для разсужденія, тѣмъ болѣе слышно безразсудныхъ рѣчей» [2]). Съ другой стороны, продолжая сохранять уваженіе къ своему «учителю», она еще ранѣе стала сомнѣваться въ удобопримѣнимости его началъ. Такъ, въ іюлѣ 1781 г. она пишетъ Гримму (тирада эта писана по-нѣмецки): «Какъ полезно, когда каждый молодой человѣкъ въ умѣ своемъ беретъ кого нибудь за образецъ: въ моей молодости я все хотѣла поступать по идеямъ и писаніямъ Вольтера; ну, а что изъ этого вышло, можете судить сами»; а мы знаемъ, что ей приходилось разочаровываться и въ успѣшномъ ходѣ ея «учрежденій», и въ быстромъ ростѣ училищъ, на которыя она возлагала такія надежды.

Величества", доносилъ 27 мая 1792 г. моск. главноком. кн. Прозоровскій, и понятно, насколько это сообщеніе могло имѣть значеніе относительно послѣдующей судьбы Радищева.

[1]) Иностранная библіотека Новикова, „знатной цѣны стоившая", въ большой своей части подверглась истребленію: русскихъ книгъ, изданныхъ имъ, считалось на 700000 р.—Павелъ I, по вступленіи на престолъ, освободилъ Новикова и др. лицъ, потерпѣвшихъ съ нимъ.

[2]) Въ своей эпитафіи она замѣчаетъ „отъ природы веселонравная, съ душею республиканскою».

Отъ времени до времени Екатерина обращалась къ прежнимъ планамъ, но политическія обстоятельства ее подавляли [1]). Они вызывали ее на печальныя заключенія о XVIII вѣкѣ, который она иногда называетъ «желѣзнымъ» [2]).

Ловкій дипломатъ Безбородко, какъ видно, не стоялъ на высотѣ умственныхъ интересовъ, въ чемъ быть можетъ сказался схоластицизмъ его школы, а Зубовъ («дуралеюшка») не могъ замѣнить въ трудныхъ обстоятельствахъ Потемкина—это чувствовала сама Екатерина [3]). «Да и всѣ теперь, какъ улитки, станутъ высовывать головы», замѣтила она. «Я отрѣзалъ тѣмъ, что все это ниже Ея Величества», говоритъ Храповицкій. «Такъ, да я стара», возразила Екатерина...

Тѣмъ не менѣе она искала выхода изъ настоящаго положенія вещей. Такимъ образомъ она снова обращается къ реформѣ Сената (въ авг. 1795 г.), признавая, что «сенатская канцелярія одолѣла Сенатъ, который, замѣтила она, хочу я отъ канцеляріи освободить» [4]). Въ другой разъ зашла рѣчь о законахъ, «которые никакъ не удалось сдѣлать неподвижными», по ея выраженію. Обыкновенно она не позволяла говорить при себѣ дурно о Петрѣ Вел. и любила въ минуты опасности указывать на его примѣръ; но подъ конецъ царствованія у нея проскальзываетъ иногда досадливая нота на счетъ его преобразова-

---

[1]) „Упражнялись въ законодательствѣ и въ исторіи. Теперь за законы не могу приняться, но думаю, что могу взяться за исторію' (Храповицкій, 1-е дек. 1789). .... „Ничего не читаю, кромѣ относящагося къ XIII в. россійской исторіи. Около сотни старыхъ лѣтописей составляютъ мою подручную библіотеку. Пріятно рыться въ этомъ старомъ хламѣ. Остальное время уходитъ на дѣла, которыя съ каждымъ днемъ умножаются" (письмо къ Гримму 9 мая 1792 г.).

[2]) Письма къ Гримму. Подъ 5 мая 1789 г. въ дневникѣ Храповицкаго записано: „Какое меланхолическое время! Трое зарѣзались. Это изъ ежедневнаго рапорта губернаторскаго, и сказано въ отношеніи къ собственному безпокойству".

[3]) Перемѣна этой декораціи наглядно описана Храповицкимъ (12 окт.—17 окт. 1791). „Проснулись въ огорченіи и слезахъ (по случаю смерти Потемкина). Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться... Продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить? Все будетъ не то .. Онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, меня не продавалъ; его не можно было купить" и т. д. Въ другой разъ, припоминая своихъ „пособниковъ", она напомнила отзывъ Гр. Орлова о Потемкинѣ: „уменъ какъ чортъ", прибавивъ: „онъ незнаетъ другаго государя" (Храповицкій, 12 мая 1787 г.).

[4]) Раздѣленіе Сената на департаменты (1763), развитіе власти генералъ-прокурора, учрежденіе Совѣта (1768) и введеніе губернскихъ учрежденій (1775) постепенно ослабляли прежнее значеніе Сената и содѣйствовали низведенію его почти на степень судебной инстанціи.

ній. При всемъ томъ умственные интересы не покидали Екатерины до конца. Такъ, она поручаетъ бывшему послан. въ Турціи и Польшѣ, Я. И. Булгакову, перевести на рус. языкъ обширное соч. д'Андрэ-Бардона: «Образованіе древнихъ народовъ, содержащее обычаи духовные, гражданскіе, домашніе и воинскіе грековъ, римлянъ, восточныхъ и западныхъ народовъ», съ 365 гравированными эстампами, которое и вышло въ свѣтъ въ 1795 г. (Спб.), въ 4-хъ томахъ.

V.

Что же внесло царствованіе Екатерины II въ жизнь русскаго общества?

Екатерина съ замѣчательнымъ увлеченіемъ говоритъ о Россіи, о своемъ призваніи: «Я люблю еще не распаханныя страны. Повѣрьте мнѣ, онѣ суть наилучшія. Я тысячу разъ говорила вамъ, что я годна только для Россіи... Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ болѣе святой природы (sancta natura): все изыскано и искажено искусственностью». Она неоднократно повторяетъ Гримму: «Знайте, милостивый государь, знайте, что никогда Россійская имперія, никогда не будетъ разрушена», и она выписываетъ длинную тираду изъ соч. Куръ-де-Жебелена: «Первобытный міръ» (ч. VIII, стр. 58) въ подтвержденіе своей мысли. «Вы говорите, пишетъ она въ 1789 г., что, по отзывамъ безумцевъ, нѣтъ болѣе Екатерины. Но если бы ея не было, Россійская имперія не переставала бы существовать, и ее конечно не разрушитъ ни Фальстафъ [1]), ни Фридрихъ-Вильгельмъ, ни даже въ соединеніи съ другомъ Абдулъ-Гамидомъ. *У насъ прибываютъ силы отъ самаго времени*». «Россія велика сама по себѣ, и что я ни дѣлаю, подобно каплѣ, падающей въ море», пишетъ она Потемкину (1786). Съ другой стороны, признавая все значеніе восточной политики Россіи и ея миссіи въ Азіи, Екатерина постоянно и рѣшительно заявляетъ, что Россія со временъ Петра Вел.—страна *европейская*. «Когда изъ нынѣшняго затруднительнаго обстоятельства выйдемъ съ честію и славою, то великое уваженіе получимъ въ Европѣ», замѣчаетъ она въ 1788 г. И послѣ Екатерины иная политика для Россіи признавалась уже невозможною (слова импер. Александра I).

---

[1]) Фальстафъ—Густавъ III.

На основаніи «изученія исторіи» Екатерина вѣрила въ миссію «великихъ людей», которыхъ она иногда иронически называетъ «тиранами». «Сильно ошибаются, что меня пугаетъ чье-либо достоинство, говоритъ она: напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только *героевъ* и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой склонности къ глупцамъ, а ихъ много на свѣтѣ и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается»...[1]) Тѣмъ не менѣе она была убѣждена, что недостатка въ людяхъ нѣтъ. «Всякая страна доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на семъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало быть, могутъ со всѣмъ управиться... Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо. Сверхъ того, по временамъ, я любила *свѣжія головы*, которыя очень полезны рядомъ съ головами болѣе умудренными— это вводныя лица въ пьесѣ: во время и кстати выпущенныя на сцену, они только оживляютъ дѣйствіе»... Понятно, что она требовала, чтобы монархъ былъ человѣкъ просвѣщенный. «Надо быть хорошо воспитану и очень просвѣщенну, чтобы отличать истинное просвѣщеніе отъ ложнаго, различать намѣренія отъ словъ и слова отъ дѣлъ. Человѣкъ, не имѣющій воспитанія, будетъ въ этомъ случаѣ или слабъ, или тиранъ, смотря по его уму; лишь воспитаніе и знаніе людей могутъ указать настоящую мѣру», читаемъ въ одной изъ ея позднѣйшихъ записокъ.

Если нѣкоторые замѣчали (Дидро), что «идеи, перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ совсѣмъ другой цвѣтъ», то все таки „Наказъ“ Екатерины оказалъ несомнѣнное вліяніе на направленіе умовъ и состояніе русскаго общества. Ссылки на „Наказъ» Екатерины въ иностранной литературѣ весьма часты. Говардъ обращается къ ея авторитету, а Гердеръ, переселившись въ Ригу

---

[1]) Героизмъ, попрежнему, рисовался передъ нею въ своихъ классическихъ формахъ. „Древніе всегда старались съ мужествомъ переносить невзгоды и боролись съ ними: тутъ высказывалось истинное величіе ихъ душъ, сильный умъ и закаленная доблесть. Герои новыхъ временъ должны бы имъ подражать; они должны бы питать свой духъ чтеніемъ древнихъ писателей, которое развило бы въ нихъ и укрѣпило всѣ свойства, необходимыя для совершенія великихъ дѣяній“, пишетъ Екатерина Гримму (14 сент. 1790 г).

(его родина Пруссія не нравилась ему своимъ милитаризмомъ), спѣшитъ отблагодарить свое новое отечество похвальными одами, въ которыхъ онъ воспѣваетъ просвѣщенную дѣятельность Петра В. и Екатерины II. Подъ вліяніемъ же „Наказа“ у него является мысль написать сочиненіе о культурѣ народовъ и Россіи, народу которой онъ предсказываетъ блестящую будущность. Такъ зародились его знаменитыя „идеи къ философіи исторіи человѣчества“. Но „Наказъ“ Екатерины несомнѣнно оказалъ вліяніе и на русскую литературу, которая усердно пропагандируетъ идеи равенства и уваженія къ человѣческой личности. „Безразсудъ долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ“... «Развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ»... „Подлой человѣкъ есть тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баринъ, графъ или князь; а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ“, говорится въ „Трутнѣ“ (сс. 80, 147—149; ср. также «Живописецъ» 26—30). Идея человѣка, какъ человѣка, понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ: „сердца наши преклоняются только передъ достоинствомъ; монархъ—нищій въ сравненіи съ человѣкомъ“, читаемъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» того же Новикова (слова Юнга) [1]). И Державинъ привѣтствовалъ рожденіе вел. кн. Александра Павловича словами: «Будь на тронѣ человѣкъ»!

Тому же подъему чувства человѣческаго достоинства должна была служить отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Отъ него освобождаются: священнослужители, дворяне, именитые граждане, купцы 1-й и 2-й гильдій, депутаты коммиссіи объ Уложеніи, наконецъ воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній и училищъ. Кромѣ того, тѣлеснымъ наказаніямъ запрещено было подвергать нижнихъ служителей въ

---

[1]) Въ журналахъ Новикова не'разъ затрогивается вопросъ о положеніи крестьянъ. „Считай за порокъ повелѣвать рабами“ и т. д., говорится въ рѣчи Исократа къ Демонику (Москов. Изданіе 1781); а въ одной изъ эпиграммъ (Вечерняя Заря 1782) встрѣчаемъ слѣд. стихи:

„Мечтонъ душъ съ тысячу крестьянъ своихъ имѣетъ,
„Но самъ онъ безъ души“ и т. д.

Какъ извѣстно, указомъ 19 февр. 1786 г. отмѣнялось употребленіе въ прошеніяхъ выраженій „челомъ бьетъ“ и „рабъ“, которыя съ этого времени замѣняются словами: „приноситъ жалобу“, „вѣрный подданный“ или „подданный“.

этихъ послѣднихъ, какова бы ни была ихъ вина, „чтобы примѣры *суровости* и строгости не были видны воспитанникамъ *и не пріучали ихъ къ суровости*[1]). Врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ нѣтъ..., слѣдовательно одно искусство воспитанія отвращаетъ непреложно *всякую варварскую необходимость въ наказаніяхъ*“[2]). Если мы примемъ во вниманіе, что не задолго до того русская школа, по свидѣтельству Екатерины, отличалась самою грубою системою наказаній, а нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя тѣлесныя наказанія царили въ ней въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и даже въ наше время возможны еще споры по этому предмету, то гуманныя идеи екатерининскихъ педагогическихъ правилъ должны быть поставлены на подобающую высоту.

Екатерина II до послѣдняго времени мечтала о созданіи третьяго сословія, которое должны были дать ея воспитательныя учреж-

---

[1]) Нерасположеніе Екатерины къ этого рода наказаніямъ выражалось и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ 1765 г., по поводу дѣла одного купца, присужденнаго, за произнесеніе непристойныхъ словъ, къ аресту, она приписала на рапортѣ москов. главноком. гр. П. С. Салтыкова: „Спасибо гр. П. С., что онъ какъ мало возможно сѣчетъ. Изволь и впредь такъ поступать“. Въ 1774 г. она писала А. И. Бибикову, посланному для усмиренія пугачевскаго бунта, слѣдующее: „Пожалуй, прикажите секретной комиссіи осторожной быть въ разборѣ и наказаніи людей: при распросахъ какая нужда сѣчь? *Двенадцать лѣтъ* тайная экспедиція (слѣдов. она существовала съ 1762 г.) ни одного человѣка при допросахъ *не сѣкла ничемъ*, а всякое дѣло начисто разобрано было и всегда болѣе выходило, нежели мы желали знать“. Въ свою очередь, кн. Репнинъ, по вступленіи въ должность литов. ген. губ. (1795), въ областяхъ, недавно присоединенныхъ отъ Польши, требовалъ, „чтобы *никакое судебное мѣсто* не дерзало отнюдь употреблять въ изысканіи истины и для достиженія оной, *пытокъ или какихъ подобныхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній*..., а надлежитъ достигать до истины свидѣтельствами посторонними, кроткими увѣщаніями и.... въ послѣдней крайности присягою, дабы довести подсудимаго до признанія“...

[2]) Напомнимъ еще, что въ 1770 г., когда правительству стало извѣстно о злоупотребленіи властью инспектора надъ студентами, посланными въ Лейпцигъ, майора Бокума, то изъ Кабинета послѣдовало ему слѣдующее внушеніе: „Вѣдать вамъ надлежало, что не только *всякія тѣлесныя наказанія*, но и въ выговорахъ *всякая суровость*, *гнѣвъ и брань*—какъ средства благопристойному и разумному воспитанію, каковымъ по намѣренію своему всемилостивѣйше жалуетъ Е. И. В. отправленныхъ для того въ Лейпцигъ дворянъ, *совсѣмъ безчестныя*, непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя, изъ данной вамъ инструкціи, такъ какъ *и изъ всѣхъ* за собственноручнымъ Е. В. подписаніемъ, къ безсмертной имени ея славѣ состоявшихся *воспитательныхъ уставахъ*, какъ-то: въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (Смольный институтъ), кадетскомъ корпусѣ и академіи художествъ, хотя въ семъ послѣднемъ мѣстѣ не дворянскія, но разночинническія дѣти воспитываются,—*совсѣмъ* исключены“.

денія и новыя училища, а имя „гражданина", пущенное въ ходъ французскими философами (прежде всего Руссо), не менѣе усердно пропагандировалось, какъ ею самой, такъ и современной литературой [1]). Съ тою же цѣлью была составлена книга „О должностяхъ человѣка и гражданина", изд. по высочайш. повелѣнію въ 1783 г., для чтенія въ народныхъ городскихъ училищахъ, въ которой излагаются: краткая психологія, наставленія о здравіи, правила благопристойности, обязанности родителей, дѣтей, слугъ; о гражданскомъ союзѣ, о любви къ отечеству, о наукахъ, художествахъ и промыслахъ, о домоводствѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали о журналѣ, посвященномъ развитію той же темы.

Если авторомъ извѣстнаго изреченія о „десяти виновныхъ" слѣдуетъ считать Петра Вел. (Уставъ Воин., гл. V, п. 9), то Екатерина такъ усердно пропагандировала это изреченіе, что оно было впослѣдствіи приписано ей вполнѣ. Еще Карамзинъ сказалъ: „Главное дѣло сей монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей" [2])...

Духъ гуманности, вытекающій изъ основныхъ взглядовъ на человѣка и его природу, проникаетъ и въ другія сферы дѣятельности. Въ ряду этихъ отношеній церковная политика Екатерины II имѣетъ свое значеніе. Отчасти намъ извѣстны взгляды Екатерины на этотъ предметъ. Съ 1770-хъ годовъ правительство дозволяетъ открыто сво-

---

[1]) „Вы знаете мое глубокое уваженіе къ этому слову („гражданинъ"). Какъ скоро оно произнесено, нужно умолкнуть", писала Екатерина Гримму (1778 г., 2—4 марта).

[2]) Возражая почти по всѣмъ пунктамъ Радищеву, Екатерина о казняхъ Ивана Грознаго въ Новгородѣ замѣтила: „въ чемъ, по истинѣ сказать, мѣру не нашелъ» и она опасалась въ Пугачевщину, чтобы насъ не причли ко временамъ ц. Ивана Васильевича... „О Пассековой сказано: она бы при имп. Аннѣ высѣчена была кнутомъ, а при имп. Елисаветѣ сидѣла бы въ тайной", замѣчаетъ Храповицкій.. „Я сказалъ, прибавляетъ онъ далѣе, что тогда страхъ и опасеніе замѣняли нынѣшнее почитаніе и усердіе". Вопросъ о прежней суровости интересовалъ современниковъ Екатерины. Н. И. Панинъ собралъ отовсюду донесенія о колодникахъ („превеликая о томъ книга") и съ удивленіемъ разсказывалъ, «что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно», на основаніи чего «можно разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ». (Порошинъ). Въ 1745 г. сержантъ Ярославовъ за непристойныя рѣчи о правительствѣ, произнесенныя имъ въ пьяномъ видѣ, подвергался пыткамъ, а въ 1778 г. отст поруч. Мневскій, привлеченный къ слѣдствію за рѣчь, составленную отъ имени вел. кн. Павла Петровича противъ «правителей», былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія.

боду вѣры раскольникамъ; отмѣняетъ двойной окладъ и преслѣдованія за ношеніе бородъ и старинной одежды; допускаетъ ихъ къ свидѣтельству и отправленію общественныхъ обязанностей по выборамъ; запрещаетъ всякія притѣсненія ихъ за вѣру [1]). Раскольничьи общины въ Москвѣ и на Иргизѣ, обладавшія значительными средствами, успѣли достигнуть цвѣтущаго состоянія; но особенной свободой пользовались раскольники, поселившіеся въ тепломъ краѣ, подъ покровительствомъ Потемкина, который хотѣлъ выхлопотать имъ назначеніе особаго епископа. Наконецъ, устанавливается извѣстное соглашеніе на началахъ „единовѣрія“... Узнавъ о появленіи вновь въ Сибири самосожигателей и самоутопленниковъ, правительство предложило имъ возвратиться въ ихъ дома безъ всякаго страха и опасенія [2]). И если отношенія эти не могли установиться на болѣе широкихъ основаніяхъ, то не слѣдуетъ забывать, что сектантскій вопросъ давалъ себя чувствовать, въ томъ или иномъ видѣ, въ Австріи, Франціи и даже въ Англіи [3]).

Въ теченіе первой половины XVIII ст. волшебство и т. п. проявленія невѣжества преслѣдовались, какъ суевѣріе. Но Екатерина въ своемъ Наказѣ высказываетъ иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. „Обвиненіе въ волшебствѣ и еретичествѣ, говоритъ она, можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено“. Не признавая же въ такого рода процессахъ исключительно религіозной точки зрѣнія, Сенатъ въ 1772 г. издаетъ распоряженіе о запрещеніи духовнымъ особамъ

---

[1]) И въ 1790 г., давая распоряженія кн. Прозоровскому „о недопущеніи потаенныхъ и нелѣпыхъ сборищъ масоновъ,“ Екатерина прибавляетъ: „чтобы отъ этого не вышло притѣсненія раскольникамъ, которымъ отнюдь не слѣдуетъ наносить какое-либо препятствіе въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, къ которымъ они, по ихъ предубѣжденію, не обыкли допускать разно съ ними мыслящихъ“.

[2]) Въ 1772 г., въ виду появленія скопческой ереси въ Орловскомъ уѣздѣ, Екатерина указала предѣлы разслѣдованія, а именно „чтобы дѣло сіе трактовали, какъ обыкновенное гражданское, а отнюдь не инако; и для того въ раздѣленіи винъ стараться, чтобы наказаны были преступленія“, а притомъ „чтобы невиннымъ людямъ не было привязокъ и притѣсненія“.

[3]) Еще въ 1775 г. въ Австріи повторено было предписаніе противъ насильственнаго обращенія протестантовъ и въ томъ-же году Говардъ, выступившій кандидатомъ въ депутаты англ. палаты общинъ и потерпѣвшій неудачу, писалъ Саймонду: „Правительство употребило всѣ усилія, чтобы диссидентъ не попалъ въ депутаты“.

вступать въ слѣдственныя дѣла о чародѣйствахъ, какъ подлежащихъ гражданскому суду [1]). Въ 1775 г. дѣла о кликушахъ и колдовствѣ подчиняются совѣстному суду; наконецъ въ 1782 г., съ изданіемъ устава о благочиніи, всѣ вообще виды суевѣрія, а равно хулы и споры противъ вѣры отнесены къ вѣдомству полиціи и свѣтскаго суда [2]).

Но, какъ мы знаемъ, Екатерина смотрѣла на подобныя уклоненія, въ силу религіозныхъ и нравственныхъ условій, съ болѣе широкой точки зрѣнія. „Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся *народныя школы*, то невѣжество истребится самособою; тутъ насилія не надобно", говоритъ она.

При учрежденіи Московскаго университета Ломоносовъ считалъ необходимымъ, въ числѣ привилегій его, положить: «духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ». Екатерина могла утѣшиться, что ея просвѣтительныя стремленія находили поддержку по крайней мѣрѣ въ ряду представителей высшей

---

[1]) Рекомендуя въ 1769 г. осторожность въ подобныхъ дѣлахъ, Сенатъ прибавляетъ, чтобы «не произвесть существительнаго вида инквизиціи». Но, какъ трудно было вначалѣ самому Сенату усвоить эту точку зрѣнія, видно изъ слѣд. письма Екатерины къ кн. Вяземскому: „Куда какъ я бы любопытна была видѣть вашихъ колдуновъ. Ну какъ статься, чтобы пуская по вѣтру червей за человѣкомъ, онъ бы отъ того умеръ? И подобнымъ баснямъ въ Сенатѣ вѣрятъ и потому осуждаютъ! Виноваты они въ томъ, что отъ Бога отреклись, а что черта видѣли, то всклепали на себя. Мое мнѣніе есть, чтобъ сихъ людей привести сюда, чтобы съ ними толковѣе поговорить". И нѣсколько позже (1770), по поводу другаго подобнаго дѣла (о порчѣ), Сенатъ отпустилъ обвиняемыхъ домой, издалъ обличительный указъ противъ глупыхъ судей и подвергъ наказанію мѣстную администрацію. По вопросу о волшебствѣ Екатерина ссылается на «Духъ законовъ». А между тѣмъ еще во многихъ странахъ Европы (въ Швейцаріи до 1782 г., въ Польшѣ и Венгріи до 90-хъ годовъ XVIII стол.) имѣли мѣсто процессы вѣдьмъ. Михаловскій, разсказывая въ своихъ запискахъ о сожженіи «вѣдьмы» въ Житомирѣ, замѣчаетъ: „Когда впослѣдствіи я передавалъ это въ присутствіи короля на одномъ изъ его обѣдовъ, разсказъ мой былъ встрѣченъ общимъ хохотомъ. Тѣмъ не менѣе смѣявшіеся надъ этимъ разсуждали сами серьезно о чудесахъ Каліостро и Месмера".

[2]) Въ дневникѣ Храповицкаго (31 янв. 1782 г.) читаемъ: „По полученному отъ Еропкина донесенію о схваченномъ бродягѣ, называющемся монахомъ Захаріемъ, велѣно снять съ него желѣзныя вериги, потому что не долженъ никто самъ себя изнурять или себѣ вредить, и хотя дѣло уваженія не великаго достойно, но понеже онъ фанатикъ, то нужно скорѣе изслѣдовать".

іерархіи... Но особенно горячимъ защитникомъ ихъ, въ широкомъ смыслѣ слова, является ученикъ Геттингенскаго университета (1766—1772) [1]), а потомъ епископъ нижегородскій (1783—94) Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ [2]). Восторженный поклонникъ науки, онъ постоянно обращаетъ свой взоръ къ ней. „Какой прекрасный видъ, какую пріятную картину представляютъ намъ тѣ народы, которые *науки* и *художества* любятъ, которые въ нихъ денно и нощно упражняются!... Тамъ нѣтъ невѣжества, тамъ нѣтъ закоснѣлыхъ предразсудковъ... Тамъ нѣтъ ни волшебниковъ, ни чревобѣсниковъ, ни кликушъ, ни хиромантиковъ, ни другихъ симъ подобныхъ обманщиковъ, понеже ничему такому тамъ не вѣрятъ»... Защитникъ всесторонняго образованія, онъ говоритъ: «*Весьма несправедливо, да и безчеловѣчно нѣкоторые политики умствуютъ, что простаго народа или низшаго состоянія людей просвѣщать не надобно.* Они-де такъ покорны не будутъ и управлять-де ими трудно. Напрасно такъ думаютъ». Напротивъ, онъ утверждаетъ, что всѣ общественные пороки проистекаютъ отъ «непросвѣщенія» и «остатковъ варварства». Поэтому, говоритъ онъ,

---

[1]) Недавно основанный (1734), но поставленный въ весьма благопріятныя условія (прежде всего благодаря свободѣ преподаванія), Геттингенскій унив. вскорѣ занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ нѣмецкихъ университетовъ. Напомнимъ слова Пушкина:

«Съ душею прямо геттингенской,....
Поклонникъ Канта...
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь»....

[2]) Еще въ Геттингенѣ, онъ заявилъ себя учеными трудами — переводами: части лѣтописи Нестора на нѣмецкій яз., издан. въ отрывкахъ въ 1771 г. проф. Гаттереромъ, и Богословія Платона на латин. яз. (Спб., 1774); изданіемъ соч. Ѳеофана Прокоповича „De processione Spir. Sancti“, съ дополн. и примѣч. (Гота, 1772); перев. на рус. языкъ соч Сульцера: „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей“ (М. 1780, 1787). Затѣмъ, имъ были изданы сочин. Ломоносова (3 чч., М. 1778); Слова и сочин. м. Платона (12 т. М 1780); написаны: „Библіотека Россійская или свѣдѣнія о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ“ (Спб. 1881; М. 1891), съ историческимъ введеніемъ; „Словарь языковъ разныхъ народовъ въ Нижегород. епархіи обитающихъ“ (рукоп.), вызван. филологическими занятіями Екатерины II; слова на разные случаи, тогда же изданныя; наконецъ, утраченное разсужденіе: „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“. Съ 1783 г. Дамаскинъ состоялъ членомъ Россійской академіи († 1795). О немъ см. Я. Горожанскій: „Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, еп. нижегор., его жизнь и труды“. К. 1894.

«благоразумнаго и человѣколюбиваго правительства знакъ есть—стараться дать пристойное просвѣщеніе и простому народу». Подтверждая, что самая лучшая религія — христіанская, онъ прибавляетъ: — «такая, которая кривыми толками, суевѣріемъ и корыстолюбіемъ не изгажена». Съ благодарностью вспоминаетъ онъ о посылкѣ Екатериною молодыхъ людей за границу для обученія разнымъ языкамъ и наукамъ, которые должны были быть употреблены для просвѣщенія другихъ, здѣсь обучающихся. Онъ указываетъ на открытіе училищъ и на введеніе *новаго метода* обученія. Наконецъ, онъ радуется и тому, что «кромѣ сего, въ скорости ожидаемъ еще и *открытія новыхъ университетовъ*»... «Истинный гражданинъ, говоритъ Дамаскинъ, почитаетъ и любитъ науки, какъ драгоцѣннѣйшій даръ, съ небесъ ниспосланный; ему нѣтъ ничего несноснѣе, какъ видѣть свое отечество, покрываемое тьмою глубокаго невѣжества и прегрубаго варварства».

Поклонникъ екатерининскихъ реформъ и учрежденій, Дамаскинъ является защитникомъ самой *широкой терпимости*, и заявляетъ, «что духовныя особы тогда вспомоществуютъ къ возвышенію общества, когда закону учатъ народъ съ кротостью, снисхожденіемъ, долготерпѣніемъ, когда къ распространенію благочестія и поправленію нравовъ въ народѣ употребляютъ не мечъ тѣлесный, но мечъ духовный: то есть глаголъ Божій... Но когда, напротивъ того, поступаютъ строго и нечеловѣколюбиво: тогда нельзя ожидать отъ нихъ возвышенія народа, но паче пониженія и уменьшенія».

Какая противоположная нота чувствуется въ этихъ строкахъ послѣ извѣстныхъ мнѣній Арсенія Мацѣевича и др. лицъ, сошедшихъ со сцены въ началѣ царствованія Екатерины!

На указанной выше широкой основѣ просвѣщенія Дамаскинъ утверждаетъ и *любовь къ отечеству*, которая можетъ быть «простонародная и непросвѣщенная» или «благородная и просвѣщенная».... «Первая есть дѣйствіе природнаго побужденія и простирается только на свою землю, на своихъ гражданъ; прочіе же всѣ люди суть для нея ничто». Но «въ наши лучшія и просвѣщеннѣйшія времена, говоритъ онъ, любить свое отечество только простонароднымъ образомъ—не довольно—требуется еще другая—*истинная любовь къ отечеству*. Она проистекаетъ *изъ единаго человѣколюбія* и выражается въ томъ, что добродѣтельный гражданинъ любитъ своего согражданина не для того

только, что онъ той же съ нимъ земли, того же народа, того же отечества; но что онъ *таковъ человѣкъ, какъ и онъ*... Въ разсужденіе сего онъ смотритъ не что гражданину только, но и что человѣку, *яко человѣку*, полезно и нужно. Отсюда желаніе благотворить, *дѣлать добро всякому человѣку*, какого бы онъ общества ни былъ, и въ этомъ находить внутреннее утѣшеніе. Счастлива та страна, въ которой находятся такіе любители отечества»!.. Но для возбужденія въ себѣ подобной любви «требуются великія добродѣтели, а ихъ нельзя имѣть безъ благоподатливаго *просвѣщенія*».

Любопытно, что проповѣдникъ не забылъ коснуться и наиболѣе щекотливаго вопроса—положенія крестьянъ. «О коль бы безопасно, *коль бы цвѣтуще было состояніе народовъ, когда бы половина только тѣхъ дарованій, которыя истощены бываютъ ко удержанію въ нихъ невѣжества, скудости и рабства*, употреблены были *на доставленіе имъ просвѣщенія, достаточнаго пропитанія и благоразумной вольности*». Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ то, что «дикій и въ варварствѣ взросшій человѣкъ, *получа случай къ освобожденію себя отъ утѣсненія*, всегда грубѣйшіе и безчеловѣчнѣйшіе къ тому употребляетъ *способы*...»

Развитіе подобныхъ идей въ обществѣ, сдѣлавшихся достояніемъ и церковной каѳедры, лучше всего объясняетъ намъ, насколько сознаніе о высокомъ назначеніи человѣка, безотносительно къ его положенію, являлось нравственнымъ побужденіемъ въ дѣятельности лучшихъ людей того времени.

Обратимся къ дѣйствительности. Передъ нами, близкій сперва къ вольтеріанству [1]), а потомъ масонъ—Новиковъ: вся жизнь его уходитъ *на организацію благотворительнаго дѣла въ широкомъ смыслѣ слова*, то въ видѣ сбора пожертвованій и изданія журналовъ (Утренній Свѣтъ, Вечерняя Заря и др.), на устройство (въ Петербургѣ) начальныхъ училищъ для бѣдныхъ и сиротъ, то въ созданіи общественной благотворительности по образцу Вѣнскаго института для бѣдныхъ (призрѣніе нищихъ, больницы), то въ учрежденіи опредѣленнаго общества для

[1]) Такъ, и въ 1784–85 гг., въ журналѣ „Покоящійся Трудолюбецъ“, признаваемомъ лучшимъ, Новиковъ говоритъ: „Истинная святость заключается во внутренней добродѣтели“. „Кто бы ни былъ Вольтеръ, хотя впрочемъ и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо болѣе былъ полезенъ для общества, нежели все полчище пустосватовъ“... и т. д.

содѣйствія образованію учащимся (въ Москвѣ)[1]), то, наконецъ, въ привлеченіи къ дѣлу во время голода 1787 г., богатаго заводчика (Походяшина), который вручилъ Новикову до 300000 р., на удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ, по выслушаніи рѣчи послѣдняго въ масонскомъ собраніи, не считая вложенныхъ имъ на поддержку «типографскаго общества» свыше 500000 р., и умеръ послѣ разоренія компаніи, въ нищетѣ, но съ неизмѣннымъ уваженіемъ къ масону—иниціатору этого дѣла...

Радищевъ отправляется въ отдаленную ссылку. И кто же является его покровителемъ? Его главный начальникъ, рекомендовавшій его императрицѣ, гр. А. Р. Воронцовъ, нѣкогда другъ Вольтера, президентъ коммерцъ-кол., сенаторъ и совѣстный судья Петербурга, будущій канцлеръ. Заботы его о Радищевѣ начинаются съ момента его заключенія и продолжаются до возвращенія изъ ссылки при импер. Павлѣ I: онъ возмущается, что, по ошибкѣ, на Радищева надѣли оковы[2]); шлетъ письма ко всѣмъ начальникамъ губерній на пути его слѣдованія до Илимска, прося о снисхожденіи и вниманіи къ узнику; получаетъ отъ нихъ увѣдомленія объ уходѣ за нимъ; беретъ на себя содержаніе его съ дѣтьми въ Сибири; высылаетъ ему книги, журналы, газеты и физическіе инструменты; заботится о его семьѣ, утѣшаетъ его отецъ и ведетъ вполнѣ дружескую переписку съ ссыльнымъ[3]). И въ тоже время гр. С. Р. Воронцовъ, русскій послан-

---

[1]) Въ 1781 г., по иниціативѣ проф. Шварца, при Москов. унив. возникаетъ „собраніе университетскихъ потомцевъ", имѣвшее литературный характеръ, а съ 1782 г, „дружеское ученое общество", полагавшее между прочимъ цѣлью приготовленіе молодыхъ людей къ учительскому званію (ихъ было свыше 50 чел.), посылку ихъ за границу и т. п. Педагогич. семинарія существовала еще съ 1779 г.

[2]) Послѣднія, по распоряженію императрицы, были сняты, для чего и отправленъ вслѣдъ за нимъ курьеръ.

[3]) Въ „Архивѣ кн. Воронцова" (тт. V и XII) напечатано до 75 писемъ Радищева, 1782—800 гг., которыя имѣютъ значеніе не только для характеристики этихъ отношеній и біографіи Радищева, но и для исторіи Сибири (состоянія края, торговли и т. п.). Въ нихъ постоянно упоминается о письмахъ къ нему Воронцова. Послѣдній назначилъ на содержаніе Радищева 800 руб. въ годъ, сумму по тому времени значительную. Не менѣе характерно, что иркутскій намѣстникъ Пиль, извѣщая Воронцова о Радищевѣ, называетъ его „Александръ Николаевичъ" и прибавляетъ: „Смѣю увѣрить, что *они тамъ, кромѣ скуки, никакой нужды не претерпятъ*". Далѣе пишетъ, что онъ отправилъ въ Илимскъ: „колясочку на рессорахъ, случившуюся у меня, въ чемъ *они и могутъ тамъ ѣздить*" (Арх. кн. Воронцова, XXIV, 214).

никъ въ Англіи, въ письмахъ къ брату, выражаетъ сожалѣніе о приговорѣ надъ Радищевымъ (см. выше) и не разъ вспоминаетъ о немъ въ своей перепискѣ. Ему хотѣлось, чтобы Радищевъ былъ употребленъ къ дѣламъ въ Сибири по своимъ способностямъ.

Быть можетъ, это единственный примѣръ подобнаго отношенія высшаго сановника къ своему подчиненному въ моментъ тяжкаго бѣдствія, его постигшаго. Чѣмъ же руководствовался А. Р. Воронцовъ въ своемъ гуманномъ подвигѣ? «Единственно по человѣчеству», какъ онъ выражается.

Въ 1793 г. скончался въ Вѣнѣ чрезвычайный посолъ (съ 1761 г.) кн. Д. М. Голицынъ, стяжавшій любовь жителей столицы своими благотвореніями и покровительствомъ ученымъ и художникамъ, завѣщавъ на устройство и содержаніе больницы въ Москвѣ 850000 р., доходы съ двухъ своихъ вотчинъ и картинную галлерею, обращенную въ деньги; 10000 р. въ пользу харьковскаго коллегіума, учрежденнаго при участіи его отца; доходъ съ имѣній въ пользу богадѣленъ и школъ, заведенныхъ имъ въ деревняхъ, а также отпустить на волю «всякаго званія дворовыхъ людей съ женами и дѣтьми и простить всѣ недоимки, какія могли оказаться на крестьянахъ по день его кончины». При этомъ онъ увѣщеваетъ своихъ наслѣдниковъ, «*яко человѣковъ*, содержать всѣхъ его крестьянъ въ отеческомъ призрѣніи, *какъ-то и при мнѣ было*, и не отягощать ихъ свыше силъ человѣческихъ, *помня*, что и они суть *ближніе наши*».

Горячій послѣдователь идей Новикова, И. В. Лопухинъ, оставивъ службу въ гвардіи, поступаетъ совѣтникомъ въ уголовную палату въ Москвѣ, гдѣ задается цѣлью «наблюдать, чтобы *невинный не былъ никогда осужденъ*, а виноватый не избѣжалъ наказанія, но, *по человѣколюбію, сколь можно болье умѣреннаго*, не удаляясь отъ силы законовъ».. «Жестокость въ наказаніяхъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, есть только плодъ *злобнаго презрѣнія человѣчества* и одно—всегда безполезное тиранство».

Извѣстный уже намъ Опочининъ въ завѣщаніи объясняетъ одинъ изъ мотивовъ своего недовольства окружающей средой: онъ проситъ отпустить на волю его слугъ и отдать весь хлѣбъ, находящійся въ амбарахъ, крестьянамъ; а масонъ Нармацкій въ глухой Казанской провинціи поучаетъ своихъ сосѣдей-помѣщиковъ о вредѣ крѣпостнаго права, за что и потерпѣлъ отъ нихъ....

Передъ нами прошелъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ столь завидную роль играетъ, по выраженію нашего поэта[1]), «святѣйшее изъ званій: *человѣкъ*»... Напомнимъ еще прекрасныя слова Гизо (въ IV-мъ томѣ его мемуаровъ), обращенныя къ тому времени: «Много простится, говоритъ онъ, тому вѣку симпатіи и искренней, человѣческой вѣры, *потому что онъ много любилъ*»...

Исторія, въ ея общемъ ходѣ, представляетъ картину прогресса мысли и дѣятельности человѣка. Будемъ же справедливы! Каковы бы ни были недостатки и слабости людей того времени, но не слѣдуетъ забывать, что эти люди были *отцами* тѣхъ *дѣтей*, которыхъ мы обыкновенно называемъ людьми сороковыхъ годовъ, а на долю этихъ послѣднихъ пришлось осуществить и тѣ задачи, о которыхъ ихъ предшественники могли только лишь мечтать.

В. Иконниковъ.

---

[1]) Жуковскій: На рожденіе вел. кн. Александра Николаевича (1818 г.).

Примѣчанія. *Къ стр. 184.* Вслѣдствіе введенія штатовъ 1764 г., было упразднено свыше 56% монастырей и пустыней (въ Великороссіи въ 881—496). Нѣкоторые изъ нихъ потомъ вновь возстановлены (В. Звѣринскій, Матеріалъ для ист. топогр. изслѣд. о монастырях въ Рос. имперіи).

Къ стр. 193. По выходѣ (1785) русскаго перевода «Мессіады» Клопштока, Екатерина писала Дашковой: «Je dois avouer que je ne comprends trop rien à ce poème dans l'original: cependant je crois fort qu'il fera grand plaisir à nos mystiques et j'espère que la vente en sera fructueuse» (Mém., Paris 1859, III, 184).

Къ стр. 211. Въ царств. Фридриха II дѣятельность Канта была оцѣнена, а его философія пользовалась покровительствомъ (мин-во фонъ-Цедлица); но при преемникѣ Фридриха, въ министерство Вельнера, извѣстнаго своимъ религіознымъ эдиктомъ (1788), Канту грозила опасность (указъ 1794 г.), вслѣдствіе чего онъ обязался молчаніемъ относительно вопросовъ религіи, а профессора Кенигсбергскаго унив. должны были дать подписку въ томъ, что они не будутъ читать ничего о кантовской философіи религіи.

Литературныя изображенія имп. Екатерины II и ея царствованія.

Въ мѣсяцы, послѣдовавшіе за окончаніемъ столѣтія со дня смерти Екатерины II, въ русской, а также и въ иностранной литературѣ, явился цѣлый рядъ обзоровъ дѣятельности и заслугъ этой императрицы. Въ большинствѣ очерковъ не было дано всеобъемлющей цѣльной картины славнаго царствованія. Были представлены, правда, болѣе или менѣе объективныя, научныя и осмотрительныя общія оцѣнки этого правленія какъ въ академическихъ рѣчахъ В. С. Иконникова [1]) и Перетятковича [2]), такъ и на страницахъ ежемѣсячной русской прессы въ статьяхъ В. А. Бильбасова [3]), В. О. Ключевскаго [4]) и Д. А. Корсакова [5]), но о Екатеринѣ все еще не произнесено, кажется, даже самаго общаго сужденія, въ которомъ могло бы сойтись большинство историковъ; все еще какъ бы подвергается пересмотру вопросъ, дѣйствительно ли можно признать эту государыню великою согласно съ голосомъ ея современниковъ, и передъ историкомъ выникаетъ въ этомъ случаѣ одна изъ весьма трудныхъ проблемъ.

Въ виду непорѣшенности послѣдней достойно сожалѣнія, что остались въ моментъ поминокъ внѣ надлежащаго вниманія, пересмотра и объясненія съ точки зрѣнія вѣковой перспективы памятники, наиболѣе важные и интересные для всесторонней оцѣнки личности и дѣятельности Екатерины II,—литературныя произведенія, во многомъ объясняющія тайну популярности этой царицы въ ея время,

---

[1]) См. предыдущую статью.

[2]) Записки Имп. Новороссійскаго университета, т. LXX (1897): «О значеніи царствованія императрицы Екатерины II въ русской исторіи», стр. 19—42.

[3]) Русская Старина, 1896, № 11: «Памяти императрицы Екатерины II», стр. 241—280.

[4]) Русская Мысль, 1896, № 11.

[5]) Историческій Вѣстникъ 1897 г., № 1.

популярности, не исчезнувшей и теперь, не взирая на омраченіе памяти о ней обвиненіями, не перестающими раздаваться какъ въ серьезной, такъ и въ легкой литературѣ, а также и въ устной молвѣ, основанной на живомъ преданіи. Литературныя произведенія о Екатеринѣ являются теперь весьма важными историческими документами суда надъ нею ея современниковъ. И объ одномъ изъ этихъ документовъ вполнѣ вѣрно сказанное кн. Вяземскимъ почти четверть вѣка назадъ въ «Отмѣткахъ при чтеніи историческаго похвальнаго слова Екатеринѣ II, написаннаго Карамзинымъ», этого «честнаго и скромнаго памятника, воздвигнутаго литературнымъ ваятелемъ, художникомъ мысли и слова[1])»: «чувство пресыщается и окончательно притупляется, когда оно исключительно обращено на однообразіе текущаго и на господствующіе пріемы и краски того или другаго дня. Въ отношеніи къ литературѣ особенно полезно и отрадно возвращаться безъ пристрастія и приговора, заранѣе замышленнаго, къ источникамъ, которые нѣкогда утоляли и прохлаждали нашу нравственную и умственную жажду. Твореніе Карамзина, о которомъ идетъ рѣчь, не просто образцовое произведеніе искусства: оно сверхъ того можетъ удовлетворить троякимъ требованіямъ, въ отношеніи историческомъ, гражданскомъ и общежитейскомъ». Повторяемъ, это Слово Карамзина, наряду съ нѣкоторыми другими литературными произведеніями, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, объяснитъ намъ, почему Екатерина II остается великой не на словахъ только, въ традиціонномъ титулѣ, но и въ искреннемъ признаніи со стороны многихъ людей послѣдующаго времени, несмотря на непріязнь цѣлаго ряда критикъ ея личности и дѣлъ, доходящую даже до озлобленія.

Подвергаясь ожесточеннымъ нападкамъ, Екатерина II раздѣляла нерѣдко судьбу общества, во главѣ котораго стояла, и народа, которымъ правила. Какъ въ изображеніяхъ ея самой, такъ и въ изображеніяхъ Россіи ея времени въ публицистической, поэтической и исторической литературѣ уже съ прошлаго вѣка за границею и у насъ постоянно замѣчалось два теченія: съ одной стороны раздавались сочувственные либо восторженные отзывы, а съ другой выставлялись картины, нарисованныя весьма темными красками.

---

[1]) Складчина. Литературный сборникъ, Спб. 1874, стр. 625—626.—Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева, т. VII, Спб. 1880, стр. 345—373.

Остановимся нѣсколько на этомъ двоякомъ отношеніи къ Россіи времени Екатерины II и къ самой этой императрицѣ, начиная съ прошлаго вѣка.

Несомнѣнно, что Екатерина II въ огромной степени оправдала то, что́ обѣщала уже въ своихъ первыхъ манифестахъ и что́ сказала затѣмъ о себѣ въ своемъ Наказѣ: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы живемъ для нашего народа» [1]). Она вполнѣ сроднилась съ народомъ, которымъ правила, старалась усвоить даже русскій языкъ, къ которому не относилась такъ пренебрежительно, какъ Фридрихъ II—къ своему родному. Лелѣя честолюбивыя мечты и стараясь поражать міръ грандіозными затѣями, она имѣла въ виду «славу гражданъ, государства и государя» и думала о величіи Россіи въ ея цѣломъ. Оттуда ея общерусская идея и великое дѣло возсоединенія русскихъ земель, жившихъ уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отторженною жизнію, участіе въ раздѣлѣ Польши (хотя первая мысль о послѣднемъ не принадлежала Екатеринѣ); оттуда же движеніе къ Черному морю, завершавшее въ этомъ отношеніи дѣло Петра. При Екатеринѣ II Россія, уже со временъ Петра В. занявшая видное политическое мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, возвысилась еще болѣе и увеличилась территоріально такъ, какъ никогда еще не расширялась со времени Іоанна III. Громкія побѣды, блескъ двора, а болѣе всего высокія умственныя качества и правительственныя способности самой императрицы подняли Россію въ собственномъ ея самосознаніи и во мнѣніи остальной Европы и доставили ей весьма значительный авторитетъ извнѣ. Екатерина выказала значительную силу практическаго ума и проницательности, а также неустанное попеченіе о благѣ страны, ставшей ея отечествомъ. Заботясь о внутреннемъ процвѣтаніи своего государства не менѣе, чѣмъ и о внѣшнемъ его величіи, и предпринимая разнаго рода реформы, Екатерина много сдѣлала, а еще болѣе трудилась для народнаго преуспѣянія въ духѣ «философіи просвѣщенія». Вообще мало царствованій въ исторіи, которыя ознаменовались бы такимъ богатствомъ результатовъ.

Этимъ объясняется нѣкоторое измѣненіе къ лучшему въ мнѣніи Запада о Россіи въ правленіе Екатерины и преклоненіе предъ самой Екатериной, преимущественно со стороны философовъ «просвѣщенія» и

[1]) Гл. XX, ст. 520.

нѣкоторыхъ поборниковъ послѣдняго внѣ Россіи и также со стороны приверженцевъ переворота 1762 г. и мѣръ Екатерины внутри русскаго государства и чтителей ея государственной дѣятельности.

Съ вступленіемъ на престолъ Екатерины II, французскіе литераторы передоваго направленія, встрѣтившіе въ ней ревностную почитательницу, предлагавшую имъ поддержку уже съ самаго начала царствованія [1]), начинаютъ распространять молву по Европѣ о великихъ преобразованіяхъ, затѣянныхъ въ странѣ, слывшей дотолѣ варварскою, о водвореніи въ ней цивилизаціи гигантскими и колоссальными предпріятіями и о томъ, что Скиѳы, проснувшіеся отъ вѣковаго сна, уже оказывались какъ бы призванными продолжать цивилизаторское дѣло Запада, въ частности—Франціи.

Въ «Вавилонской принцессѣ» (1768) Вольтера говорилось о Германіи, Россіи, Скандинавіи: «Въ этихъ обширныхъ государствахъ люди осмѣлились сдѣлаться разумными, между тѣмъ какъ вездѣ еще думали, что только до тѣхъ поръ можно управлять народомъ, пока онъ глупъ».

C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière,

возгласилъ Вольтеръ въ «Epître á l'Impératrice de Russie, Catherine II» (1771) [2]), повторяя сказанное имъ раньше въ одномъ изъ писемъ къ той же императрицѣ: «Наступитъ время, я постоянно то говорю, когда весь свѣтъ къ намъ будетъ приходить съ сѣвера» [3]).

Не только императрица, но и другіе русскіе образованные люди старались поддерживать такое доброе мнѣніе о Россіи: они выказывали наравнѣ съ другими просвѣщенными лицами горячій интересъ къ писаніямъ, мнѣніямъ и судьбѣ «философовъ». Такъ, князь Г. Г. Орловъ въ письмѣ къ Руссо 1766 г. предлагалъ послѣднему убѣжище въ своей деревнѣ подъ Петербургомъ. Руссо отклонилъ это приглашеніе [4]), какъ отказались жить въ Россіи Дидро и Даламберъ и какъ не поинтересовался побывать тамъ и Вольтеръ. Но на сѣверъ потянулись французскіе добровольцы, Richelieu, Damas, Langeron, ставшіе

---

[1]) Екатерина предлагала уже въ 1762 г. философамъ закончить въ Россіи изданіе Энциклопедіи.

[2]) Въ послѣднемъ полномъ изданіи «Oeuvres complètes de Voltaire», Par., Garnier Frères, это посланіе помѣщено въ t. X, p. 485—438.

[3]) См. письмо отъ 27 февраля 1767 г.

[4]) Эта переписка давно уже имѣется въ русскомъ переводѣ (съ 20-хъ годовъ нашего вѣка).

служить подъ знаменами Потемкина и Суворова, какъ Лафайетъ сражался подъ сѣверо-американскими знаменами. Въ турецкихъ походахъ Потемкина участвовалъ и принцъ De Ligne, назвавшій Екатерину «Catherine le Grand». Король польскій и Іосифъ II, императоръ австрійскій, знаменитый поборникъ «просвѣщенія», не долюбливавшій первоначально Екатерины, сопутствовали русской императрицѣ въ новоприобрѣтенныхъ ея южныхъ владѣніяхъ до самаго Крыма, гдѣ красовалась тріумфальная арка со словами: «отсюда путь въ Константинополь». Іосифъ заявилъ, что онъ былъ бы счастливъ служить генераломъ при безсмертной Екатеринѣ[1]). Справедливо говорятъ, что дотолѣ еще не видали такого путешествія, скорѣе походившаго на тріумфальное шествіе и въ существѣ бывшаго дорого стоившей фееріей.

Но на ряду со всѣмъ этимъ не легко было Западу покончить съ печальнымъ наслѣдіемъ прошлаго и съ вѣковыми предразсудками противъ Россіи. Это было тѣмъ труднѣе, что было немало мрачныхъ явленій во внутренней ея жизни, распространялись разсказы обо всемъ томъ, начиная съ разсказа Рюльера о катастрофѣ 1762 г., и ходили многіе темные слухи о томъ, что̀ творилось внутри Россіи; русскій дворъ слылъ однимъ изъ самыхъ распущенныхъ въ Европѣ; русская внѣшняя политика наступательнаго и завоевательнаго характера возбуждала опасенія, а въ тѣхъ, противъ кого была прямо направлена,— ненависть. Оттуда неблагосклонное и непріязненное отношеніе къ Екатерининской Россіи многихъ современниковъ на Западѣ.

Уже сами главы философскаго движенія и просвѣщенія XVIII в. могли подпадать иногда сомнѣніямъ касательно русскихъ порядковъ. Тѣмъ болѣе впадали въ сомнѣнія относительно русскаго народа и правительства другіе иностранцы.

При дворѣ Людовика XV не жаловали Екатерины. Французскій министръ маркизъ de Choiseul, французскій посолъ въ Константинополѣ de Vergennes относились съ недовѣріемъ къ замысламъ русской политики; французскій посолъ Corberon писалъ въ 1778 г. о Россіи: «меня спросятъ, какъ управляется эта страна и на чемъ она держится. Она управляется случаемъ и держится естественнымъ

---

[1]) Ср. въ предсмертномъ его посланіи къ Екатеринѣ выраженіе о себѣ, какъ о «le plus loyal de ses amis et le plus juste de ses admirateurs».

равновѣсіемъ подобно огромнымъ глыбамъ, которыя сплочаетъ собственный вѣсъ».

Путешественники и другіе иностранцы, бывавшіе въ Россіи въ царствованіе Екатерины [1]) и имѣвшіе возможность присматриваться поближе, совсѣмъ не раздѣляли благосклоннаго мнѣнія Вольтера и энциклопедистовъ о Россіи. Напротивъ, они отзывались о ней скептически, обращая вниманіе преимущественно на темныя стороны придворныхъ круговъ и на угнетенное положеніе крестьянства, не замѣчая здоровыхъ началъ, таившихся въ тиши русской жизни и обѣщавшихъ болѣе свѣтлое будущее, и оставляя безъ вниманія средніе круги русскаго общества, давшіе Россіи столь многихъ славныхъ дѣятелей.

Иностранные путешественники признавали, что по внѣшности нѣкоторые русскіе измѣнились къ лучшему, но и эти сравнительно немногіе русскіе не усвоили качествъ европейца, требующихъ труда и личнаго усилія, и подражаютъ только худшимъ сторонамъ образованнаго европейца. Вообще русскій народный геній, по мнѣнію этихъ путешественниковъ, лишенъ оригинальности и склоненъ къ подражательности, при чемъ европейская культура не внѣдряется глубоко въ русскую натуру, и послѣдняя остается бездѣятельною и непроизводительною, пассивною. Этотъ недостатокъ генія—результатъ воздѣйствія почвы и климата. Въ теченіе 60 лѣтъ, протекшихъ съ той поры, какъ Петръ указалъ своему народу способныхъ учителей, русскіе не могутъ выставить, по словамъ Chappe d'Auteroche-a [2]), побывавшаго въ Россіи передъ вступленіемъ на престолъ Екатерины, имени, которое можно было бы привести въ исторіи наукъ и искусствъ; исключеніе представляетъ лишь одинъ Ломоносовъ, который и всюду въ иномъ мѣстѣ былъ бы выдающимся академикомъ. Всякое хорошее начинаніе у русскихъ остается не доведеннымъ до конца. Нравы русскихъ татарскіе. Дружба, добродѣтель, нравственность, честность здѣсь—слова, лишенныя смысла. Ожидать созданія великаго государства такимъ народомъ, подавляемымъ деспотизмомъ и страхомъ, нечего, и ошибочно думать, что оно когда-нибудь станетъ страшно

---

[1]) Въ числѣ ихъ былъ знаменитый итальянскій поэтъ Альфьери, заѣзжавшій въ Петербургъ, о чемъ онъ кратко упоминаетъ въ своей автобіографіи.

[2]) См. объ его книгѣ и о возраженіи, приписываемомъ Екатеринѣ и гр. Шувалову, въ статьѣ *Щебальскаго*: «Екатерина II, какъ писательница. V. Antidote». Заря, 1869, № 6.

Европѣ. Шаппъ указывалъ на нашихъ оборванныхъ и голодныхъ солдатъ, на неспособность или продажность нашихъ петербургскихъ министровъ, на слабость нашего Кронштадтскаго флота, на пустынность русской имперіи, на уменьшеніе ея населенія подъ вліяніемъ бѣдности отъ чрезмѣрныхъ налоговъ, голода, рабства, войнъ, возстаній, выселенія въ Сибирь, эпидеміи.—Эти иноземные наблюдатели, не чуждые недоброжелательства и мало понимавшіе Россію, преподавали русскому народу еще съ XVII в. и почти до нашихъ дней совѣты хранить миръ, сосредоточиваться въ наименѣе безплодныхъ частяхъ своей территоріи, благодаря чему онъ могъ бы ускользнуть отъ неизбѣжныхъ нереворотовъ и распаденій[1]).

Въ противовѣсъ такимъ пессимистическимъ толкамъ и взглядамъ Екатерина въ «Антидотѣ» и перепискѣ съ иностранными литераторами выдвигала на видъ и добрыя стороны русскаго народа, напр. легкость управленія имъ посредствомъ кротости; но внутри самой Россіи Екатерининскаго времени слышалось много рѣчей о цѣломъ рядѣ безотрадныхъ явленій въ ея жизни. Параллельно хвалебнымъ возгласамъ въ честь Екатерины и ея сподвижниковъ достигла расцвѣта и сатира. Пользуясь ею для характеристики изображаемаго ею общества, не слѣдуетъ однако забывать, что сатира, уже въ силу своей основной особенности, склонна впадать въ карикатурность и улавливать лишь темныя стороны жизни. Но, конечно, реформы Екатерины, столь прославленныя въ журналистикѣ первой половины ея правленія, уже не удовлетворяли въ годы Революціи болѣе молодое поколѣніе, скорбѣвшее о томъ, что у насъ не было доведено до конца практическое осуществленіе просвѣтительныхъ идей, напр. освобожденіе крестьянъ. И такъ явилось къ концу царствованія Екатерины путешествіе Радищева, повторявшее во многомъ рѣчи болѣе ранней сатиры Екатерининскаго времени, но въ конечной цѣли шедшее далѣе правительственныхъ взглядовъ[2]). Русская передовая литература послѣдующаго

---

[1]) Эти и подобные толки иностранныхъ путешественниковъ представляютъ не разъ удивительное совпаденіе съ нѣкоторыми мѣстами политическихъ памфлетовъ, о которыхъ см. въ статьяхъ *А. В. Розова*: «Кто былъ виновникомъ перваго раздѣла Польши (Голосъ поляковъ—современниковъ событія)»—Весѣда, 1872, №№ 8—10.

[2]) Въ 1790 г. по поводу «Путешествія» Радищева, Екатерина во взглядѣ на положеніе крестьянъ проявляетъ оптимизмъ, какого была чужда въ началѣ своего правленія: «Лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей

времени также не удовлетворялась порядками и нравами временъ Екатерины. Вспомнимъ изображеніе людей «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма» въ комедіи Грибоѣдова и отзывъ Чаадаева.

Столь основательные наши новѣйшіе историки, какъ гг. Дубровинъ, Семевскій, ярко изобразили грубость и невѣжество, господствовавшія даже въ средѣ сословія, которое, казалось бы, долженствовало быть наиболѣе образованнымъ—дворянскаго. Г. Гольцевъ, не отрицая значительнаго смягченія нравовъ къ концу прошлаго вѣка, утверждаетъ, что русское законодательство XVIII в. не всегда имѣло благотворное значеніе, поворачивало иногда какъ бы назадъ и было ослабляемо въ своемъ воздѣйствіи деморализующимъ вліяніемъ двора и высшаго общества [1]).

Историки литературы на основаніи чисто литературныхъ данныхъ также рисуютъ безотрадныя картины невѣжества, грубости и низкаго нравственнаго уровня русскаго общества временъ Екатерины, въ которомъ мишура замѣняла истинныя достоинства просвѣщенія; средства для поддержанія фальшиваго блеска, который такъ любили въ XVIII в., были доставляемы угнетеніемъ народа. Французскій славистъ Л. Леже считаетъ Екатерининское время эпохой чрезвычайнаго невѣжества и грубости, при чемъ видимо увлекается въ крайность типами,

---

вселенной». Ср. ниже идиллическую картину у Карамзина и подобныя фразы даже въ «Планѣ исторіи... Екатерины II-й» кн. Щербатова и наоборотъ цѣлый рядъ порицаній Екатерининскихъ порядковъ и дѣлъ въ «Оправданіи моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ» (1789 г.) того же Щербатова.

[1]) Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка, изд. 2-е, Спб. 1896. Ср. передовую статью въ газетѣ «Русь», 1880, № 1: «Что сохранилось отъ величаваго умнаго и стройнаго законодательства Екатерины, которое, дѣйствительно, казалось, завершало собою зданіе? Въ итогѣ окажется немного и притомъ важности далеко не крупной. Что осталось къ нынѣшнему дню отъ ея великолѣпныхъ грамотъ городамъ и сословіямъ? отъ дарованныхъ ею такихъ широкихъ, такихъ, повидимому, либеральныхъ формъ самоуправленія, особенно же дворянству, которому былъ ввѣренъ въ губерніяхъ и высшій судъ, и полиція, и право выбора отъ предсѣдателей палатъ до послѣдняго становаго? Ничего почти, кромѣ опыта столѣтней неудачи. Мало того. Оказалось, что почти и корней ничто не пустило; ничего не пришлось вырывать съ болью: довольно было отставить..... у насъ... обыкновенно думаютъ, что XVIII вѣкъ, разрѣзавъ русскую исторію на двое, далъ отвѣтъ на всѣ задачи, поставленныя древнею Русью, и явился самостоятельнымъ творцомъ Россіи новой. Именно самостоятельнаго творчества ему и недостаетъ, и не ему было суждено рѣшить вопросы, заданные старою жизнью» и т. д. Можно бы предложить по этому поводу вопросъ автору касательно губернскихъ учрежденій Екатерины, мѣстнаго дворянскаго самоуправленія и т. п.

встрѣченными имъ въ сатирической литературѣ Екатерининскаго времени и въ особенности въ комедіи.

Словомъ, въ изображеніи Россіи Екатерининскаго времени находимъ разногласіе, хотя и не очень значительное, потому что преобладаніе темныхъ красокъ въ изображеніяхъ Екатерининской Россіи въ цѣломъ опирается съ перваго взгляда на болѣе или менѣе сходныя и прочныя фактическія основанія.

Еще болѣе рѣзкихъ противорѣчій находимъ въ сужденіяхъ о самой Екатеринѣ II. По отзывамъ однихъ, она выдѣлялась надъ общимъ фономъ невысокаго уровня, какъ ярко свѣтящая звѣзда, а по представленію другихъ, далеко не была такимъ путеводнымъ свѣточемъ. И опять такая двойственность сужденій ведетъ свое начало изстари, еще со временъ Екатерининскаго царствованія, и повторялась какъ въ иностранной литературѣ, такъ и въ нашей.

Въ особенности славу Екатерины II распространили по свѣту французскіе писатели просвѣщенія, Вольтеръ и энциклопедисты. Русская императрица занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ числѣ государственныхъ дѣятелей XVIII в., являвшихся чтителями модной философіи просвѣщенія того вѣка и стремившихся къ реформамъ сверху по предвзятымъ идеямъ. Врядъ ли она руководилась при этомъ только вѣяніемъ моды. Она не уступала Фридриху II въ искренней любви къ французской литературѣ и философіи XVIII вѣка [1]). Она уже въ молодые годы много и усердно читала, хотя и безпорядочно, «отъ скуки», и оцѣнила Монтескье, Бэйля и первые томы Энциклопедіи. Но по преимуществу она была ученицею Вольтера, къ которому относилась съ постояннымъ энтузіазмомъ; она слѣдовала идеалу монархіи, какой былъ провозглашаемъ и отчасти указываемъ Вольтеромъ и другими философами въ царствованіи Генриха IV. Она увлекалась грандіозными затѣями не только въ области внѣшней политики, но и внутреннихъ реформъ, желала быть великой монархиней Сѣвера, достоинства которой признавали бы и передовые люди Запада, и была очень чувствительна къ мнѣнію послѣднихъ. Ее манила перспектива творчества, преобразованія и упорядоченія ея громадной имперіи путемъ мудрыхъ законовъ, согласныхъ съ общимъ благомъ. «C'est presque

---

[1]) Объ отношеніи Екатерины къ философіи XVIII в. см. въ статьѣ проф. *Виппера*: «Екатерина II и просвѣтительныя идеи запада», Міръ Божій, 1896, № 12.

un monde à créer, à unir, à conserver», писала она однажды Вольтеру, который былъ главнымъ ея наставникомъ въ теоретическомъ осмысленіи этой задачи ея.

Какъ о томъ заявила Екатерина въ письмѣ къ Вольтеру 1763 г., она была почитательницею его произведеній уже съ 1746 г., читая съ той поры по преимуществу ихъ[1]), и была весьма много обязана ему своимъ развитіемъ. Въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ Екатерина выказывала неоднократно искреннее и глубокое уваженіе къ тому, кто «plaida, avec toute l'étendue de son génie, la cause de l'humanité». Въ мартѣ 1771 г. она писала: «Я не хочу потерять ни одной строки изъ того, что вы пишете. Судите по этому объ удовольствіи, которое я нахожу въ чтеніи вашихъ произведеній, объ уваженіи, которое я къ нимъ питаю, и о дружбѣ, которую внушаетъ мнѣ святой Фернейскій отшельникъ, называющій меня своей любимицей». Переписка Екатерины съ Вольтеромъ началась годъ спустя послѣ восшествія ея на престолъ и продолжалась до смерти Фернейскаго отшельника. Въ теченіе всего этого времени Екатерина постоянно знакомила вождя общественнаго мнѣнія XVIII в. со своими замыслами и дѣлами управленія, при чемъ, конечно, придавала желательное освѣщеніе сообщаемымъ свѣдѣніямъ и старалась распространить доброе мнѣніе о русскомъ народѣ, что замѣчается и въ перепискѣ ея съ другими литераторами.

Вольтеръ съ своей стороны относился въ высшей степени дружественно и даже утонченно-льстиво къ Екатеринѣ, которую называлъ звѣздою и Семирамидой Сѣвера, радуясь видѣть въ ней не только продолжательницу Петра, но и государыню безъ предразсудковъ, безъ суевѣрія, искавшую блага и осуществлявшую его по мѣрѣ возможности, единомышленницу, содѣйствовавшую тріумфу разума, толерантности и свободы совѣсти. За все это Вольтеръ называлъ Екатерину «благодѣтельницею рода человѣческаго (bienfaitrice du genre humain)». Въ «Epître à Catherine» Вольтеръ писалъ:

---

[1]) Ср. у *Бильбасова*, Исторія Екатерины второй, т. I, Спб. 1890, стр. 298 и слѣд. Въ этомъ сочиненіи сообщены данныя о самообразованіи Екатерины посредствомъ чтенія. Въ письмѣ къ Гримму читаемъ: ...«cependant fort longtemps nous lisions, relisions et étudions tout ce qui sortait de sa plume, et j'ose dire que par lui j'ai acquis un tact si fin, que je ne me suis jamais trompée sur ce qui était de lui ou n'en était pas».

Elève d'Apollon, de Thémis et de Mars,
Qui, sur ton trône assis, fais fleurir les beaux arts,
Qui penses en grand homme, et qui permets qu'on pense,
Toi qu'on voit triompher des tyrans de Byzance,
Et des sots préjugés, tyrans plus odient.....[1])

Въ письмѣ отъ 27 мая 1769 г. Вольтеръ говорилъ, что смотрѣлъ на дѣла ея царствованія какъ на событія, которыя становились для него нѣкоторымъ образомъ лично его касающимися. «Колоніи, всякаго рода искусства, хорошіе законы, терпимость—мои страстишки». Какъ Вольтеръ говорилъ комплименты своей почитательницѣ, подобно Дидро, усвоявшему ей «прелести Клеопатры» наряду съ «душею Цезаря» либо Брута, видно хотя бы изъ слѣдующаго письма 76-ти лѣтняго философа въ августѣ 1770 г. по поводу успѣховъ русскихъ въ войнѣ съ турками: «я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, помочь вамъ убить нѣсколькихъ турокъ; говорятъ, что христіанину такое дѣло кажется весьма угоднымъ Богу. Это не подходитъ къ моимъ правиламъ толерантности; но люди полны противорѣчій, и сверхъ того Ваше Величество кружитъ мнѣ голову». Въ мартѣ 1774 г. Вольтеръ писалъ о Дидро, находившемся въ то время въ Петербургѣ: «я никогда не имѣлъ утѣшенія видѣть этого единственнаго человѣка; онъ второе лицо въ этомъ мірѣ, съ которымъ я хотѣлъ бы бесѣдовать. Онъ говорилъ бы мнѣ о Вашемъ Величествѣ,—нѣтъ, не о Величествѣ: это не то, что́ я хочу сказать, а о вашемъ превосходствѣ надъ мыслящими существами, потому что другія существа я считаю ничѣмъ. Мое сердце, какъ влюбленное, обращается къ сѣверу». Если во всемъ этомъ была доля лести, то во всякомъ случаѣ лести весьма разумной и исходившей изъ благороднаго источника. За комплиментами у Вольтера скрывалась серьезная сущность, и Вольтеръ восхвалялъ Екатерину не за лестное только вниманіе, какое она выказывала, и не въ надеждѣ только на матеріальныя выгоды.

Съ своей стороны и Екатерина не ради только доброй славы выказывала особое вниманіе къ философамъ просвѣщенія и щедро одаряла ихъ. Культъ Вольтера, перваго человѣка французской націи, какъ выразилась Екатерина въ письмѣ къ Гримму, она продолжала и трога-

[1]) О времени и мѣстахъ напечатанія этого посланія см. *Bengesco*, Voltaire, Bibliographie de ses oeuvres, t. I, Par. 1882, p. 246.

тельно выразила и послѣ его смерти [1]). Очевидно, существовало вполнѣ искреннее отношеніе съ ея стороны къ вождямъ просвѣщенія, за что они платили ей тѣмъ же. «Мы трое, Дидро, Даламберъ и я, воздвигаемъ вамъ алтари, писалъ Вольтеръ Екатеринѣ; вы сдѣлаете меня язычникомъ. Я вѣрнѣе съ обожаніемъ у ногъ Вашего Величества, чѣмъ съ глубокимъ почтеніемъ жрецъ вашего храма». И этотъ жрецъ примѣнялъ къ Екатеринѣ слова церковной пѣсни: «Te Catharinam laudamus, te Dominam confitemur». Вожди просвѣщенія, Парижскіе и вообще французскіе друзья Екатерины II, говорили предъ всей Европой о мудрыхъ законахъ Екатерины, о ея славныхъ реформахъ, которыя въ глазахъ ревнителей просвѣщенія на Западѣ какъ бы еще ярче оттѣняли медлительность и боязливость западныхъ правительствъ. Переписка Вольтера съ Екатериной стала какъ бы общеевропейскимъ событіемъ благодаря обнародованію ея [2]). Поддержка со стороны Вольтера много содѣйствовала прославленію Екатерины и поднятію ея авторитета внѣ и внутри Россіи. Русское читающее общество могло знакомиться съ этимъ западнымъ панегиризмомъ чрезъ посредство переводовъ, читать оду Вольтера къ Екатеринѣ, напечатанную въ «Вечерахъ» въ переводѣ Богдановича, и переписку Вольтера съ императрицей [3]).

Наряду съ Вольтеромъ и Дидро, и многіе другіе изъ французскихъ писателей пользовались благосклоннымъ вниманіемъ и щедротами русской императрицы и были ея хвалителями. Лишь немногіе, какъ Даламберъ, Ж. Ж. Руссо, отнесшійся недовѣрчиво къ дѣятельности Екатерины и отказавшійся отъ Гатчинскаго гостепріимства, и Рейналь, стояли въ сторонѣ отъ хвалебнаго хора.

Въ послѣдній кромѣ поборниковъ просвѣщенія вошли и многіе другіе. Неравнодушіе славолюбивой императрицы къ лести и тщесла-

---

[1]) См. о покупкѣ Екатериною библіотеки Вольтера статью *P. Bonnefon*: «Une correspondance inédite de Grimm avec Wagnière»—«Revue d'Histoire littéraire de la France» 1896 № 4.

[2]) Обнародованіе это началось довольно скоро. См., напр., Bengesco, IV, 77.

[3]) Еще въ началѣ нашего вѣка было повторено изданіе русскаго перевода этой переписки: «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ г. Вольтеромъ съ 1763 по 1778 годъ. Перев. съ франц. Ч. I—II. Спб. 1802». Теперь имѣется популярное изданіе г. Чуйко.

віе были хорошо подмѣчены[1]) современниками, и тѣмъ и другимъ пытались воспользоваться иногда риѳмоплеты въ хвалебномъ тонѣ, какихъ было немало въ прошломъ вѣкѣ. Оттуда громкія прославленія Екатерины въ одахъ иностранныхъ поэтовъ, напр., въ стихотвореніяхъ знаменитаго поэта бури и натиска (Sturm und Drang) Ленца и итальянца Дж. Касти, а также въ привѣтствіяхъ, которыя были подносимы Екатеринѣ при посѣщеніи ею присоединенныхъ отъ Польши областей[2]).

Должно однако сказать, что и наиболѣе искренніе и усердные хвалители Екатерины не сошлись съ нею всею душею.

Вольтеръ, быть можетъ, потому что зналъ по опыту съ Фридрихомъ, чѣмъ можетъ окончиться ближайшая дружба съ коронованными особами, не поѣхалъ въ Россію, чтобы видѣть «Семирамиду Сѣвера», и долго отлагалъ свое посѣщеніе до перенесенія столицы ея поюжнѣе, въ «Кіовію», либо въ Константинополь.

Когда Дидро и Гриммъ прибыли въ 1773 г. въ Петербургъ, Екатерина писала Вольтеру: «Я не знаю, очень ли они скучаютъ въ Петербургѣ; что до меня, то я разговаривала бы съ ними, не утомляясь, всю жизнь». И Дидро былъ сначала щедръ въ потокахъ рѣчей и обильныхъ гордымъ краснорѣчіемъ декламацій, длившихся по нѣсколько часовъ, и забывалъ въ пылу увлеченія даже этикетъ. Но императрица охладила этотъ пылъ замѣчаніемъ, что его великіе принципы могутъ составить очень интересное сочиненіе, но для дѣла не годятся. «Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ; между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе»; послѣ цѣлаго ряда бесѣдъ съ Екатериной Дидро увидѣлъ, что она не нашла возможнымъ принять предлагаемыя имъ нововведенія, на которыя смотрѣла, какъ на могшія перевернуть все вверхъ дномъ въ ея имперіи, остался не совсѣмъ доволенъ императрицей и прекратилъ съ той поры разговоры съ нею о политикѣ. И съ другой стороны, императрица не мало забавлялась его энтузіазмомъ. «Удивительный человѣкъ, говорила она потомъ, но нѣсколько слишкомъ старый и нѣсколько

---

[1]) См. напр., Древняя и Новая Россія, 1879, октябрь, «Русскій дворъ въ 1780 году», стр. 83, приводимое ниже свидѣтельство Щербатова и др.

[2]) См. о нихъ у Бильбасова: Ист. Ек. II, т. XII.

слишкомъ юный» [1]). Тѣмъ не менѣе, отношенія ихъ оставались дружественными и въ послѣдующее время.

Оставляемъ въ сторонѣ переписку Екатерины съ Гриммомъ, которая длилась въ непринужденномъ тонѣ до кончины императрицы: Гриммъ былъ не только самымъ искреннимъ почитателемъ ея, но и ея Парижскимъ повѣреннымъ и исполнителемъ порученій, и обмѣнъ мыслями съ нимъ не имѣетъ для насъ того значенія, что, напр., переписка съ Вольтеромъ.

Изъ хвалителей Екатерины, не принадлежавшихъ къ вождямъ просвѣщенія, иные круто потомъ поворачивали въ противоположную сторону. Такъ, Кастеръ, выѣхавъ изъ Россіи и будучи, быть можетъ, недоволенъ неуспѣхомъ своей оды въ денежномъ отношеніи, написалъ «Il poema Tartaro», гдѣ, какъ бы по образцу рамки «Сказки о царевичѣ Хлорѣ», въ исторіи будто бы татарскихъ дѣятелей XIII-го в. представилъ въ самомъ неприглядномъ видѣ дворъ Екатерины и разыгрывавшіяся тамъ любовныя исторіи [2]),—совершенно въ томъ же духѣ, что и Байронъ въ «Донъ Жуанѣ» [3]), оттѣняя преимущественно темныя стороны и забывая преобладавшія свѣтлыя. Другіе иностранные писатели, современные Екатеринѣ, стѣснялись еще менѣе Кастера и выпускали иногда весьма грязные памфлеты.

Въ годы революціи популярность Екатерины во Франціи должна была совершенно упасть, тѣмъ болѣе, что и русская императрица, подобно другимъ государямъ, отнеслась враждебно къ революціоннымъ взрывамъ, начиная съ разрушенія Бастиліи: въ культѣ просвѣтительныхъ идей XVIII в. она не шла далѣе ученій Вольтера и монархическаго идеала XVII в. и не раздѣляла ученія о народовластіи, выведеннаго изъ писаній Руссо: она не желала разстаться съ прерогативами самодержавія. Тогда даже бюстъ Вольтера былъ снятъ Екатериной съ пьедестала. Въ свою очередь, тогдашніе Парижскіе послѣдователи ученій философовъ съ одобреніемъ смотрѣли на балаган-

---

[1]) О пріѣздѣ Дидро въ Петербургъ и вообще о сношеніяхъ съ нимъ Екатерины имѣется уже обстоятельная литература. Она указана у *Waliszewski*, Autour d'un trône, cinqu. éd, Par. 1894 p. 171. Тамъ же указанія и относительно другихъ философовъ. См. еще статью: «Дидро въ Петербургѣ», Древняя и Новая Россія 1880, іюнь; *Ducros*, Diderot l'homme et l'écrivain, Par. 1894, pp. 84—130: «Diderot et Catherine II».

[2]) См. о поэмѣ Кастера у Вильбасова, Ист. Екат. Второй, т. XII, ч. I, стр. 560—561, и рефератъ И. И. Глушенка.

[3]) Canto VI, XCII и др.

ную пьесу Sylvain-a Maréchal-я «Послѣдній судъ королей», въ которой Екатерина представала въ низменнокомическомъ видѣ на ряду съ другими монархами Европы: въ пьесѣ изображалась сцена на отдаленномъ вулканическомъ островѣ, будучи отвезена на который, Екатерина отличается дикими подпрыгиваніями и затѣмъ вступаетъ въ споръ съ папою изъ-за куска морскаго сухаря; возникаетъ большая драка, во время ея разверзается вулканъ и поглощаетъ всѣхъ ея участниковъ. Революціонный «Moniteur» выставилъ Екатерину своего рода Мессалиной, но она сочла ниже своего достоинства принимать мѣры противъ распространенія этого памфлета. «Cela ne regarde que moi», надменно сказала она, и листокъ свободно обращался въ имперіи.

Такимъ образомъ, за предѣлами Россіи наиболѣе восхваляли Екатерину Вольтеръ и энциклопедисты. Она была дорога имъ, какъ союзница и послѣдовательница ихъ идей, и это были не только самые видные, но вмѣстѣ и самые почтенные изъ панегиристовъ Екатерины на Западѣ. И нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ плохо ее знали; Вольтеру, напр., были извѣстны слухи, ходившіе касательно отношеній Екатерины къ Петру III, о томъ, что ее попрекали за нѣкоторыя bagatelles à propos этого ея супруга, но, по словамъ письма къ m-me du Deffand, Вольтеръ считалъ неумѣстнымъ вмѣшательство постороннихъ въ семейныя дѣла и споры. Многіе же другіе современники Екатерины за предѣлами Россіи относились къ ней враждебно. Нападкамъ Екатерина подвергалась какъ за личныя качества, такъ и за политическія дѣянія. Должно имѣть въ виду, впрочемъ, что политическіе памфлеты, вызванные раздѣлами Польши, авторомъ проекта этихъ раздѣловъ, повидимому, признавали не Екатерину и къ ней относились на первыхъ порахъ не такъ враждебно, какъ къ другимъ виновникамъ паденія Польши.

Въ нашей литературѣ замѣчается та же двойственность въ изображеніяхъ Екатерины II, что̀ и въ иностранной.

Съ одной стороны читаемъ рядъ хвалебныхъ отзывовъ и одъ, которыми наполнена литература Екатерининскаго времени.

Люди просвѣщенные, въ особенности литераторы, болѣе другихъ чтили Екатерину, какъ покровительницу науки и литературы, получившей болѣе или менѣе широкое общественное значеніе впервые при этой государынѣ и благодаря ея личному участію «въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ», какъ выразился Но-

виковъ. Литература наполнилась выраженіями благодарнаго чувства, между проч. и признательности за свободу, которой сподобилась (о послѣдней см. ниже). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней стали нерѣдки порывы энтузіазма, характеризовавшаго вообще послѣдователей просвѣщенія XVIII в., и въ частности проявленія восторга, какимъ прониклось русское образованное общество въ правленіе Екатерины подъ вліяніемъ ея идей, реформъ и политическихъ успѣховъ. Трудно найти другое время, когда были бы такъ довольны своей дѣятельностью, собой и верховною властью. Въ благоговѣйныхъ обращеніяхъ образованныхъ и благонамѣренныхъ людей къ императрицѣ чуялось искреннее чувство, а не лесть. Лучшіе, образованнѣйшіе умы того времени составляли хотя малый, но тѣсный кружокъ, съ одинаковымъ благоговѣніемъ относившійся къ великимъ дѣламъ славнаго царствованія [1]). Большинство литераторовъ соединяли съ волею императрицы все благое. Отсюда несогласное съ ея установленіями и мнѣніями, представлявшее противоположность послѣднимъ, подвергалось осмѣянію и сатирическому изображенію, получившему тогда сильное развитіе. Сатира Екатерининскаго времени отличалась самымъ искреннимъ уваженіемъ къ правительственному направленію и преслѣдовала лишь злоупотребленія. Сознавая свою связь съ правительственными преобразованіями, сатирики того времени не отдѣляли своего дѣла отъ дѣла Екатерины и, подобно поборникамъ «философскаго» просвѣщенія на Западѣ, твердо уповали на скорое наступленіе въ Россіи золотого вѣка вслѣдствіе совокупныхъ усилій правительства и литературы. Безъ этой приправы не обходились обличенія и порицанія; и къ послѣднимъ непремѣнно присоединялось прославленіе Екатерины, и наоборотъ. Она одна стояла выше порицаній и была поставляема всѣмъ въ образецъ. «Нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ», выразился благородный Новиковъ.

Помимо такого вполнѣ искренняго отношенія къ Екатеринѣ, цѣлый рядъ хвалебныхъ произведеній явился, какъ одно изъ выраженій литературныхъ нравовъ XVIII в. и послѣдствій тогдашняго меценатства. Ода, утвержденная въ нашей литературѣ Ломоносовымъ и достигшая затѣмъ широкаго господства [2]), стала однимъ изъ

[1]) *А. Аванасьевъ*, Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ, М. 1859, стр. 105—106.

[2]) Объ условіяхъ, содѣйствовавшихъ распространенію и развитію оды въ нашей литературѣ XVIII-го в., см. въ ст. *Грыцка* (Елисеева): «Очерки исторіи русской лите-

самыхъ распространенныхъ пріемовъ панегиризма. Она имѣла немало серьезнаго значенія и достоинствъ, но часто доходила до пошлости и вырожденія[1]). Потому Новиковъ воздержался совсѣмъ отъ похвалъ одамъ Петрова, котораго иные называли «уже вторымъ Ломоносовымъ», а Сумароковъ нападалъ на оды, называя ихъ «вздорными». Съ послѣдняго начинается рядъ писателей, возстававшихъ противъ высокопарности, отсутствія правды и чувства, противъ безсмысленности и пространности въ тогдашнихъ одахъ. Ко времени появленія «Фелицы» это недовольство овладѣло уже многими. Княжнинъ напечаталъ въ «Собесѣдникѣ» слѣдующее стихотвореніе, выражавшее это недовольство опошлѣвшею литературною формою, но не ея содержаніемъ:

Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать.
Онѣ всегда Екатерину,
За риѳмой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску крину,
И въ чинъ пророковъ становясь,
Вѣщая съ Богомъ будто съ братомъ,
Безъ опасенія перомъ
Въ своемъ восторгѣ взаймы взятомъ,
Вселенну становя вверхъ дномъ,
Отсель въ страны богаты златомъ
Пускали свой бумажный громъ;
Насъ по уши обогащали
И Индъ и Гангъ порабощали.
Но сколь ни щедры въ чудесахъ,
Они которы предвѣщали,
Все сказанное въ ихъ стихахъ
Ничто предъ громкими дѣлами
Царицы правящія нами.

ратуры» и проч. Современникъ 1865, № X, стр. 248 и слѣд. Объ отсутствіи критики въ русской литературѣ XVIII в. см. у *Тихонравова*: Сочиненія, т. III, ч. I, М. 1898, стр. 138 и слѣд.

[1]) См. о томъ въ ст. *Галахова*: «Сочиненія Кострова и Аблесимова», Отеч. Зап. 1851, № 11.

Въ «Одѣ къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанной нѣкоторымъ татарскимъ мурзою», т. е. Державинымъ, свернувшимъ съ проторенной дороги и облекшимъ похвалы покровомъ остроумнаго вымысла [1]), явилось, наконецъ, лирическое произведеніе, свободное отъ надоѣвшихъ уже многимъ тривіальностей и вмѣстѣ доставившее полное удовлетвореніе общему подъему гуманнаго чувства и ликованію упоенія, характеризовавшему время Екатерины.

Эта ода, напечатанная въ 1-й книжкѣ журнала «Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова», вышедшей въ свѣтъ 20-го мая 1783 г., была однимъ изъ самыхъ крупныхъ литературныхъ событій Екатерининскаго времени. Послѣ нея продолжали являться оды, восхвалявшія «безсмертную славу героевъ», «цвѣтущее состояніе Россіи», словомъ продолжалось виршеплетство въ торжественномъ тонѣ, преобладавшее въ большинствѣ одъ Державина [2]). Но оно уже не достигало успѣха, какой достался на долю знаменитѣйшей изъ одъ Державина.

Въ слѣдовавшее за Екатерининскимъ время тѣ самыя литературныя произведенія, которыя изображали въ печальномъ видѣ порядки и общество того времени приблизительно такъ же, какъ въ «Фелицѣ», отмѣчали наряду съ хорошими сторонами народнаго русскаго характера доступность, доброту и справедливость государыни въ противоположность недостоинству ея дворянства. Это видимъ въ «Капитанской дочкѣ» Пушкина, въ «Словесной крохѣ хлѣба» Кохановской. Общій взглядъ на Екатерину II въ такихъ произведеніяхъ тотъ же, что и въ анекдотахъ о ней, вошедшихъ теперь даже въ христоматіи [3]). Эти анекдоты принадлежали къ преданіямъ, которыя долго жили въ русскомъ обществѣ и народѣ [4]). Рядъ русскихъ хвалебныхъ поэтическихъ произведеній въ честь Екатерины заканчиваетъ стихотвореніе А. Н. Апухтина, послѣднія слова котораго:

---

[1]) Указанія на эстетическія достоинства этой оды см. въ характеристикахъ поэзіи Державина, собранныхъ въ изданіи *Венгерова*: Русская поэзія, вып. V, Спб. 1895, стр. 84 и слѣд. «Примѣчаній и дополненій».

[2]) Объ одахъ 1786 г. см. у Тихонравова, l. c., 205 и слѣд. Оды Капниста, въ томъ числѣ и «Ода на истребленіе въ Россіи званія раба», не составляютъ исключенія.

[3]) См. рядъ анекдотовъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г., стр. 2076—2126, подъ заглавіемъ: «Черты Екатерины Великой», гдѣ они перепечатаны изъ книжки 1819 г.

[4]) См. интересныя данныя о томъ у *E. Dupré de Saint-Maure*, L'hermite en Russie, Par. 1829, p. 98 suivv.: «L'impératrice Catherine règne encore ici; le grand seigneur, le marchand, le gentilhomme campagnard, le paysan, le vieux soldat, le manoeuvre, tous parlent de cette souveraine avec enthousiasme, tous la bénissent» etc.

Живи, живи, Екатерина,
Въ безсмертной памяти народа твоего.

Совсѣмъ на другой сторонѣ стоятъ отрицательныя сужденія объ этой императрицѣ.

Они исходили иногда отъ лицъ, весьма близкихъ къ Екатеринѣ. Такъ, кн. Е. Р. Дашкова писала однажды князю А. Б. Куракину: «остается желать, чтобы упражненія и все то, что вы заслуживаете, награждая ваши желанія, могло отвлечь васъ отъ досадъ и скуки, которой, оставаясь въ Россіи, человѣкъ вашего духа мыслей подверженъ.—Я со своей стороны сносной жизни здѣсь не вкушаю, какъ только въ деревнѣ. И вы изъ села ко мнѣ пишете, но то село не Троицкое, а Царское. О хозяйкѣ онаго я нѣкогда сказала: «Quel dommage qu'elle aie une Cour»; но важныя ея упражненія и все, что ее окружаетъ, препятствуютъ, чтобы великими ея дарованіями можно было пользоваться, почему вы остаетесь въ томъ положеніи, что друзьямъ вашимъ жалѣть, что вы при дворѣ» [1]).

Даже главный пѣвецъ Екатерины, Державинъ, какъ бы провидѣлъ возможность развѣнчиванія этой государыни въ будущемъ. «Сія мудрая и сильная государыня, читаемъ въ его запискахъ, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться и вознестись до надлежащаго величія; но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать, можетъ быть, и опасалась; ибо ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ со своими любимцами, а особливо въ послѣдніе года съ нихъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ».

Въ напечатанномъ лишь въ настоящемъ столѣтіи сужденіи кн. Щербатова въ его сочиненіи «О поврежденіи нравовъ» читаемъ такую

[1]) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, кн. VII, изд. подъ ред. Смольянинова, Саратовъ, 1898.

характеристику Екатерины: «Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой имперіей, естли женщина возможетъ поднять сіе иго, и естли однихъ качествъ довольно для сего вышняго сану. Одарена довольной красотою, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предъ-пріятельна и нѣкое чтеніе имѣющая. Впрочемъ мораль ея состоитъ на основаніи новыхъ философовъ, то есть не утвержденная на твердомъ камени закона Божія, а потому какъ на колеблющихся свѣтскихъ главностяхъ есть основана, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ же того ея пороки суть: любострастна и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ; исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и не могущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, а наконецъ толь переимчива, что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ [1])... Сама Императрица, яко самолюбивая женщина, не только примѣрами своими, но и самымъ одобреніемъ пороковъ является — желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе; изъ окружающихъ ее Бецкой, человѣкъ малаго разума, но довольно пронырливъ, чтобъ ее обмануть» [2]). И т. д.

Скажемъ сразу, что многія изъ этихъ сужденій кн. Щербатова подлежатъ самой тщательной критической провѣркѣ, разъ авторъ отводитъ въ своей характеристикѣ такое видное мѣсто низменнымъ побужденіямъ и какъ бы не вполнѣ согласенъ съ этимъ въ другомъ сочиненіи [3]). Изъ этой характеристики можно принять безъ особыхъ оговорокъ далеко не все—указаніе на вліяніе философовъ и легкой морали XVIII в., а также на честолюбіе Екатерины и любовь къ лести [4]).

---

[1]) Сочиненія князя М. М. Щербатова, Т. II. Подъ ред. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова, Спб. 1898, стр. 226.

[2]) Тамъ же, стр. 230—231.

[3]) См. въ томъ же томѣ Сочиненій князя М. М. Щербатова «Планъ исторіи Ея Императорскаго Величества славно царствующей надъ нами Императрицы Екатерины II», стр. 68: «я тщусь безъ лести описать дѣла такого государя, который всю жизнь свою употребляетъ дѣлать счастливыми подверженные подъ власть его народы» и т. д.

[4]) Ср. еще стр. 259: «...охуляю я ея удовольствіе, показуемое во всякомъ случаѣ, когда ей льстятъ и возвеличиваютъ».

Въ своихъ мемуарахъ она сама не разъ даетъ понять, что мечта о русской коронѣ непрерывно увлекала ее съ раннихъ лѣтъ. Эти же мемуары Екатерины II содержатъ наилучшее объясненіе того пути, по которому въ концѣ концовъ направилась эта высоко даровитая и духовно дѣятельная личность, бывшая «философомъ» уже въ 15 лѣтъ, прошедшая тяжелую и не могшую благотворно воздѣйствовать житейскую школу при Елисаветинскомъ дворѣ и не нашедшая въ своемъ супругѣ даже обыкновеннаго здраваго смысла, не говоря уже о полномъ отсутствіи любви съ его стороны. Вообще записки Екатерины II—весьма важный памятникъ въ силу чистосердечія признаній и хорошаго анализа собственнаго характера писательницы [1]). Прочитавъ ихъ, можно многое понять въ ея характерѣ и поступкахъ и въ силу того вынести прощеніе и симпатію къ этой, хотя и подвергшейся тлетворному воздѣйствію легкой и шаткой морали XVIII в., но все-таки во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени привлекательной личности. Екатерина не давала полной и губительной силы даже своей слабости [2]), не покидавшей ея до самой кончины, и, что ни говорить, главной страстію ея была забота о величіи Россіи и своемъ собственномъ въ качествѣ русской императрицы.

Наряду со Щербатовымъ долженъ быть поставленъ авторъ знаменитаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» (1790) [3]), А. Н. Радищевъ. Уже въ его «Житіи Ѳ. В. Ушакова» (1789 г.) можно было читать выраженія въ родѣ слѣдующаго: «дивиться не должно, что противорѣчіе въ подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчіе, или, лучше сказать, единое напоминовеніе справедливости произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе. Сіе въ самодер-

---

[1]) См. объ этихъ мемуарахъ у *Sainte-Beuve*: Nouveaux lundis, t. II: «Memoires de l'impératrice Catherine II».

[2]) Ср. замѣчанія о «moral descent» Екатерины въ The Fortnightly Review, 1896, Novemb., 678-679. По справедливому замѣчанію г. Бильбасова (Ист. Екат. II, т. II, Лонд. 1895, стр. 98), въ Екатеринѣ «сердце сердцемъ, а равумъ разумомъ. Екатерина не дозволяла своимъ сердечнымъ привязанностямъ вліять на рѣшеніе вопросовъ, зависящихъ отъ разсудочныхъ соображеній». Замѣтимъ, что Екатерина исканіемъ сердечныхъ привязанностей, обуревавшимъ ее во всю ея жизнь, нѣсколько напоминаетъ другія даровитыя и знаменитыя личности, какъ, напр., M-me de Staël и осудившую нашу императрицу Байрона.

[3]) См. объ этой книгѣ *А. Бурцевъ*, Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ, ч. IV, Спб. 1897, стр. 156—195.

жавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластія Государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже въ расположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что, пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ».

Новѣйшіе русскіе историки склоняются неоднократно къ отрицательнымъ сужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя находимъ уже въ приведенныхъ словахъ Державина и у исторіографа прошлаго вѣка, кн. Щербатова. Еще у всѣхъ, вѣроятно, въ памяти то порицаніе, которому подвергся недавно со стороны нѣкоторыхъ критиковъ г. Чечулинъ, между проч.—и за панегиризмъ внѣшней политикѣ Екатерины въ духѣ Державина на тему: «Громъ побѣды, раздавайся», повторенную потомъ Жуковскимъ въ царствованіе Александра I. Не разъ высказывались мнѣнія, что блескъ личности Екатерины и ея подвиговъ—блескъ мишурный, дорого обходившійся и намъ и другимъ; указывалось на несоотвѣтствіе дѣлъ Екатерины ея словамъ, производилось сопоставленіе конца ея царствованія съ первой его половиной, указывалось на печальную участь крестьянства въ царствованіе Екатерины, въ особенности малороссійскаго, и т. п.

Итакъ, уже съ прошлаго столѣтія въ изображеніи Екатерины II и Россіи ея времени какъ въ иностранной литературѣ, такъ и въ русской, замѣчается двойственность, и послѣдующее время, въ томъ числѣ и наше, далеко не всегда избѣгало преобладанія подобной же односторонности. При этомъ постепенно усиливалось болѣе темное освѣщеніе: чѣмъ ближе подходимъ къ концу нашего вѣка, тѣмъ менѣе становится панегиричнымъ тонъ рѣчей о знаменитой императрицѣ, и прежній панегиризмъ подвергается уже рѣзкому осужденію.

Но возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли такъ предосудительно съ точки зрѣнія исторической правды преобладаніе похвалы въ сужденіяхъ о Екатеринѣ, и неужели льстецами или поверхностными наблюдателями были ея панегиристы?

Для правильнаго отвѣта на этотъ вопросъ необходимо выяснить происхожденіе панегиризма въ отзывахъ о Екатеринѣ, обратившись къ уясненію источниковъ его въ ея же время.

Для полной и правильной оцѣнки историческихъ дѣятелей не лишено глубокаго интереса вниканіе въ сужденія о нихъ, высказанныя выдающимися современниками ихъ. При этомъ въ иныхъ случаяхъ по-

хвалы современниковъ могутъ имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ бываютъ дѣятели и явленія, къ которымъ важно примѣнять не столько критику недостатковъ, сколько критику достоинствъ.

Намъ кажется, что, произнося приговоръ о такихъ личностяхъ, какъ Екатерина II, въ особенности важно уяснить, *за что* и какъ прославляли ихъ просвѣщенные и доровитѣйшіе современники въ литературѣ. Къ такимъ литературнымъ отзывамъ стоитъ прислушаться повнимательнѣе, если только они исходили отъ людей, стоявшихъ болѣе или менѣе высоко въ умственномъ и моральномъ отношеніи и внимавшихъ болѣе или менѣе горячо велѣніямъ правды и совѣсти.

Русская литература времени Екатерины II имѣла такихъ дѣятелей. Обаятельная личность Екатерины II, идеи, реформы и блескъ ея царствованія и ея слава вдохновили талантливаго поэта, какого не было до того времени въ новой Россіи, и снискали сочувственную и остающуюся доселѣ классической оцѣнку со стороны просвѣщеннѣйшаго и благороднѣйшаго литератора младшаго поколѣнія времени Екатерины II. Мы говоримъ о Державинѣ, пріобрѣвшемъ себѣ громкую извѣстность между прочимъ своею одою «Фелица», которая оставила далеко за собою всѣ предшествовавшія и послѣдовавшія стихотворенія въ честь Екатерины, и о Карамзинѣ, написавшемъ ей «Похвальное Слово», заслуживающее особаго вниманія въ ряду публицистическихъ разсужденій, посвященныхъ прославленію этой государыни. Оба эти произведенія явились въ историческіе моменты, когда общее направленіе и значеніе царствованія Екатерины II достаточно или вполнѣ уже выяснились: «Фелица»—въ 1782 г., когда была составлена и коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ и когда былъ поднесенъ уже Екатеринѣ инвентарь ея царствованія; «Похвальное Слово» Карамзина—20 лѣтъ спустя, послѣ царствованія Павла, въ началѣ царствованія Александра I, возвратившаго Россію на путь, по которому она слѣдовала при Екатеринѣ II.

Было бы совсѣмъ несправедливо ставить эти произведенія въ одинъ рядъ съ другими и повторять избитыя фразы о лести. Для опроверженія такого обвиненія достаточно, кромѣ тѣхъ данныхъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, сравнить хвалы Карамзина и Державина съ соотвѣтственными прославленіями у другихъ писателей, напр., «Слово» Карамзина — съ «Похвалою Екатеринѣ Великой» сенатора Заха-

рова [1]), а оду Державина съ соотвѣтственнымъ стихотвореніемъ Ленца, написаннымъ весною 1781 г. и, быть можетъ, не оставшимся въ неизвѣстности для нашего поэта, вообще склонявшагося болѣе всякаго другого къ нѣмецкому вліянію.

Стихотвореніе знаменитаго поэта «бури и натиска» носитъ заглавіе: «Empfindungen eines jungen Russen der in der Fremde erzogen seine allerhöchste Landesherrschaft wieder erblickte» [2]). Отдѣльныя мысли этого произведенія, начиная съ уподобленія Екатерины божеству (wie eine Gottheit), повторяются и у Державина. Ср., напр., тяжеловатые стихи, которыми начинаетъ похвалы Екатеринѣ Ленцъ и въ которыхъ онъ прославляетъ созданіе Екатериною единой націи изъ сотни народовъ и ихъ счастіе:

So ward ich denn noch dazu aufgehoben
Das Angesicht zu sehn, das unter Still und Nacht
Und Sturm und Sonnenschein wie eine Gottheit oben
So manches Tagewerk ausbildend schon vollbracht
Und Völker, welche sie in hundert Sprachen loben,
Zu einer Nation gemacht.

---

[1]) Спб. 1802. Въ этой «Похвалѣ», написанной, по словамъ автора (стр 102), «прежде изданія Историческаго Похвальнаго Слова Екатеринѣ Великой Сочиненнаго Г-мъ Карамзинымъ», но напечатанной по выходѣ послѣдняго въ свѣтъ, расточаются въ изобиліи льстивые эпитеты и Александру I. Перечень другихъ печатныхъ произведеній Захарова см. у *Геннади*, Справ. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, т. I, Берл. 1876, стр. 25—26. Извѣстно немало похвальныхъ словъ, явившихся въ правленіе Екатерины. Сюда относится «Похвала истинной любви, сочин. на день восшествія на престолъ имп. Екатерины II, Ивана Владыкина», Спб. 1770. Назовемъ, далѣе «Слово, произнесенное великой Самодержицѣ всея Россіи, Екатеринѣ II, мудрѣйшимъ Евгеніемъ (Булгарисомъ) въ день полученія въ епископы, 1-го октября 1775 г., въ Москвѣ, въ Греческомъ монастырѣ»; см. *Д. Шестакова* Рукописныя собранія Аѳона—Ученыя Записки Имп. Казанскаго университета 1897, № 12, стр. 17. Упомянемъ еще о восхваленіи Екатерины и описаніи Петербурга на персидскомъ и русскомъ языкахъ, вышедшемъ въ Петербургѣ въ 1793 г. и начинающемся словами: «Сіе сочин. въ похвалу Е. И. В. Государыни Екатерины Второя, написалъ стихами рабъ Божій посланникъ Магометъ, сынъ Магомета Мохсина, по прозв. Атрефи».—Слова по случаю открытія намѣстничествъ, выборовъ дворянскихъ и другихъ и вообще на разные торжественные случаи были довольно многочисленны. См. еще о брошюрѣ Палладоклиса у Бурцева, Описаніе, II 358—359 и т. п. За сообщеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣдѣній приносимъ благодарность В. С. Иконникову.

[2]) Gedichte von J. M. R. Lenz. Herausgeg. von K. Weinhold, Berl. 1891, № 103, S. 240—242. См. еще далѣе, № 102, S. 244: «Auf des Grafen Peter Borissowitsch Scheremetieff vorgeschlagene Monument», гдѣ также есть хвалебныя строки въ честь Екатерины.

Da stehn sie um sie her, mit Flammen in den Blicken
Die Glücklichen, den Segen auszudrücken,
Der ihr seit der Vereinigung
Von einer halben Welt gelung...,

и соотвѣтственную картину, которою *также начинается описаніе* дѣлъ Екатерины у Державина:

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ, на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Какъ блѣдно восхваляетъ Ленцъ человѣчность той, которая

..... so menschlich herrscht, dass jeglichem Talente
Die Fessel von den Händen sinkt,
Sie die selbst da, wo Titus zwingen könnte,
Nie anders als durch Freiheit zwingt
Die selbst die Schmeichelei durch unbesungne Schritte,
Womit sie nach der Wahrheit rang,
Offt durch das Gegentheil, offt durch die weisre Mitte
Zu heilsamer Beschämung zwang.

Сравн. у Державина:

Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риемы можетъ плесть...
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и праду говорить. И т. д. [1])

[1]) Интересно, что и въ стихотвореніи Державина «На новый годъ» (см. ниже) упоминаются «Титы», какъ о Титѣ говоритъ и Ленцъ въ разсматриваемомъ стихотвореніи.

Словомъ, изліяніе чувствъ у Ленца лишено поэтической образности и уступаетъ русской одѣ въ художественности изложенія [1]), а также въ полнотѣ задушевности, а по мѣстамъ прямо переходитъ въ лесть.

То же должно сказать и о пусто-реторичной одѣ Касти, явившейся въ свѣтъ около того года, въ которомъ была написана «Фелица» [2]), и о другихъ одахъ на иностранныхъ языкахъ, и о многихъ изъ нашихъ отечественныхъ хвалебныхъ гимновъ.

---

[1]) Должно, впрочемъ, сказать, что и у Державина справедливо отмѣчали по мѣстамъ какофонію и недостатокъ литературнаго вкуса, какъ, напр., въ стихахъ оды къ Фелицѣ:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Ср. (25-е) примѣч. Грота къ этому стиху и хотя бы у Waliszewski, Autour d'un trône, p. 249.

[2]) Брошюра in-4°, въ которой помѣщено стихотвореніе Касти, не вошедшее въ собраніе сочиненій послѣдняго, носитъ заглавіе на первомъ листкѣ: «A Caterina II Imperatrice di tutte le Russie canzoni. di Gio: Batista Casti». Годъ изданія не обозначенъ. За этимъ заглавнымъ листомъ слѣдуетъ на двухъ страницахъ обращеніе въ прозѣ къ «Imperial Maestá», въ которомъ говорится, что въ признаніи славы Екатерины одинаково согласны ея подданные и иноземцы: первые чувствуютъ благодѣтельныя послѣдствія мудраго и кроткаго правленія императрицы (savio e dolce governo), вторые изумлены шумомъ ея славныхъ дѣяній; первые искренно выражаютъ благодарность и любовь, вторые воздаютъ безкорыстно дань уваженія самой возвышенной доблести и самой лучезарной заслугѣ (alla virtù più sublime e al merito più luminoso). Авторъ обращается къ «Incomparabil Principessa» съ просьбою о позволеніи ему, совершателю ея «возвышенныхъ качествъ», присоединить къ общему голосу и свой, «per manifestare al Mondo l'alta impressione, che fa nel suo core, e nel suo spirito il maestoso spettacolo d'una Grande, e Perfetta Sovrana adorata da' suoi popoli, ammirata dall' Universo, e benemerita dell' Umanita». Самыя «canzoni» помѣщены на стр. 5—12, а за ними на стр. 15—22 находимъ въ той же брошюрѣ «Per la felice nascita di Alessandro Principe Imperiale di tutte le Russie canzone». Канцоны полны напыщенныхъ похвалъ съ классическими прикрасами. Земля уже тѣсна для славы Екатерины. Поэтъ слышалъ громкіе возгласы изъ тысячи устъ на берегахъ Тибра и Арно, сначала онѣмѣлъ, а потомъ сказалъ: и я еще молчу? И онъ принимается за прославленіе Екатерины:

Tu Magnanima sei, Tu Saggia, e Grande,
A Te sol di quei pregi il Ciel fe dono,
Che fra ben mille Eroi divide, e spande.

Поэтъ справедливо указываетъ на «idee grandi e sublimi», которыми природа надѣлила Екатерину, на то, что она выполняла и превосходила предначертанія Петра В., но врядъ ли можно согласиться съ похвалою въ стихахъ:

Tu in cor di virtù gl'innati semi
Risvegli, e nutri...

Выдающіяся русскія хвалы Екатеринѣ, на которыхъ мы остановимся теперь по преимуществу,—произведенія, вылившіяся изъ глубины искренно тронутаго сердца и содержащія вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнныя историческія данныя. «Фелица»—одно изъ литературныхъ произведеній, наиболѣе ярко охарактеризовавшихъ высшій кругъ общества того времени и вмѣстѣ оттѣнявшихъ почти одинокое положеніе просвѣщенной и дальновидной государыни среди ея сподвижниковъ, стоявшихъ гораздо ниже ея по характеру, уму и политическому образованію; въ «Похвальномъ же Словѣ» Карамзина интересны тѣ, нашедшія въ немъ полный отзвукъ, стремленія и чувства, которыя были пробуждаемы и явились добрымъ результатомъ правленія Екатерины, и любопытенъ тотъ идеалъ монарха, какой сложился и на Руси подъ вліяніемъ этого правленія у людей, раздѣлявшихъ идеи философовъ XVIII в. до-революціонной поры. Екатерина II пыталась осуществить этотъ идеалъ, подпавъ, конечно, и всѣмъ ошибкамъ, которыя вообще влекли за собою космополитизмъ и универсализмъ XVIII в. и отъ которыхъ остался болѣе или менѣе свободенъ Монтескье, въ этомъ отношеніи плохо понятый Екатериной. Въ названныхъ произведеніяхъ Державинъ и Карамзинъ являются выразителями подъема духа и энтузіазма, характеризовавшаго Екатерининское время, благоговѣнія и уваженія къ Екатеринѣ и духу ея царствованія (не говоримъ—ко всѣмъ ея дѣламъ) большинства современнаго ей образованнаго свѣтскаго русскаго общества. «Фелица» и «Похвальное Слово» взаимно поясняютъ и дополняютъ другъ друга. Карамзинъ посвятилъ большую часть «Слова» обозрѣнію дѣлъ Екатерины. Въ «Фелицѣ» же обращено на нихъ сравнительно не такъ много вниманія и подвигамъ

Большая половина стиховъ посвящена риторическому изображенію побѣдъ русскаго оружія, а истинныя заслуги, внутренняго правленія Екатерины отмѣчены кратко, блѣдно и невыразительно, именно развитіе богатства въ странѣ, благодаря поощренію промышленности, облагороженіе нравовъ юношества, которое

Gentil costume, e uman dover apprende,
E la via dell' onor sicura, e certa,

открытіе школъ, благосклонность къ искусствамъ и иноземнымъ дарованіямъ и стремленіе доставить утѣшеніе удрученнымъ и счастіе. Въ канцонѣ на рожденіе Александра I восхваляется на ряду съ Екатериною и Павелъ,

Che nel saggio parlar, nelle chiare opre
L'anima grande ognor viepiù discopre.

Екатерины удѣлено почти столько же мѣста, какъ и изображенію ея, такъ сказать, домашняго быта и личныхъ качествъ.

Послѣднее обстоятельство зависѣло *отчасти* отъ самой формы, данной Державинымъ одѣ.

Какъ извѣстно, мысль о построеніи послѣдней и о наименованіи Екатерины Фелицею явилась у Державина при чтеніи «Сказки о царевичѣ Хлорѣ» (1781), написанной императрицею для ея малолѣтнихъ внуковъ [1]). Въ этой сказкѣ Екатерина предостерегала ихъ отъ вліянія льстивой и развратной толпы [2]). Смыслъ аллегоріи тотъ, что только терпѣніемъ при руководствѣ просвѣщеннаго ума можно достигнуть добродѣтели, а слѣдовательно—и счастія. Аллегорія сказки о царевичѣ Хлорѣ являлась, такимъ образомъ, воплощеніемъ одной изъ излюбленнѣйшихъ идей просвѣщенія XVIII-го в., удѣлявшаго такое значеніе путеводству разума [3]).

Сочинивъ эту сказку, Екатерина выказала въ себѣ заботливую и умную воспитательницу своихъ внуковъ, какъ бы вторую Фелицу. Державинъ, и прежде уже искренно благоговѣвшій къ Екатеринѣ и выражавшій то какъ въ стихахъ [4]), такъ и въ письмѣ отъ имени Казанскаго дворянства, вновь былъ сердечно тронутъ «идеею и цѣлью высокой писательницы; русскій умъ его, который ему самому недавно указалъ новый путь въ творчествѣ, былъ увлеченъ оригинальными подробностями и красками разсказа. Голосъ Екатерины пробудилъ новую струну въ душѣ Державина—онъ написалъ Фелицу» [5]).—Благо-

---

[1]) На такое назначеніе своей сказки указала сама Екатерина въ инструкціи Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей. См. Соч. имп. Екат. II, изд. Смирдина, 1849, Т. I, 225.

[2]) См. въ статьѣ *Пятковскаго*, прилож. къ соч. Фонъ-Визина, изд. Глазунова, 1866, стр. XLV.

[3]) Сравн. начало «Фелицы» и сказку о царевичѣ Хлорѣ съ концепціею холма въ 1-й пѣснѣ Дантова «Ада» въ его аллегорическомъ значеніи.

[4]) Перечень стихотвореній въ честь Екатерины II, написанныхъ Державинымъ съ 1767 г. до Фелицы, см. въ Соч. Державина, 2-е изданіе Академіи Наукъ, т. I, Спб. 1868, стр. 102—103.

[5]) Слова Грота—«Современникъ» 1845 г., № 11, «Фелица и Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова», стр. 120.—Въ стихотвореніи Державина« На новый годъ» (1781) читаемъ:

Отъ должностей въ часы свободны
Пою моихъ я радость дней;
Пою Творцу хвалы духовны
И добрыхъ я пою царей.

даря сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ, Державинъ возымѣлъ въ своей одѣ счастливую мысль избѣжать оффиціальнаго тона и представить государыню въ образѣ Фелицы, Киргизъ-Кайсацкой царевны (—богини блаженства, по его объясненію этого имени [1]), а себя ея мурзою [2]), и вслѣдствіе того чрезвычайно тонко восхвалилъ Екатерину подъ покровомъ остроумнаго вымысла. Исповѣдываясь въ своихъ недостаткахъ, къ которымъ присоединяетъ недостатки всего высшаго круга, Державинъ обращается къ Фелицѣ будто за совѣтомъ, какъ жить «пышно» [3]) и въ то же время «правдиво». Ставя ее своимъ идеаломъ, поэтъ, естественно, долженъ былъ говорить въ особенности только о тѣхъ ея добродѣтеляхъ, которыя представляли возможность служить *ему* примѣромъ. А эти послѣднія принадлежали преимущественно Екатеринѣ,

---

Пріятнѣй гласы становятся
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ матерь я пою.
Петры и Генрихи и Титы *)
Въ народныхъ вѣкъ живутъ сердцахъ,
Екатерины не забыты
Пребудутъ въ тысящѣ вѣкахъ.
Уже я вижу монументы,
Которыхъ свергнуть элементы
И время не имѣютъ силъ.

Слова эти показываютъ, что личность Екатерины сильно вдохновляла поэта уже за долго до выхода въ свѣтъ «Фелицы» и что онъ ставилъ ее рядомъ съ самыми знаменитыми въ XVIII в. государями Европы. Повидимому, уже въ январѣ 1781 г. Державинъ прославлялъ въ какомъ-то стихотвореніи Екатерину, и такъ какъ первая Державинская ода въ честь ея, появившаяся послѣ 1780 г., была «Фелица», то съ достовѣрностію можно полагать на основаніи приведенной выдержки, что эта ода была въ умѣ поэта уже въ 1781 г., т. е. въ томъ самомъ, въ которомъ появилась и сказка о царевичѣ Хлорѣ. Такъ думалъ и г. Бартеневъ. См. Записки Гавр. Ром. Державина съ дитер. и историч. примѣч. П. И. Бартенева, изд. Русск. Бесѣды, М. 1860, стр. 237. Гротъ, основываясь на показаніи Собесѣдника (XVI, 6), что ода сочинена «въ исходѣ 1782 г.», отнесъ ее къ послѣднему. Мы принимаемъ свидѣтельство Собесѣдника въ томъ смыслѣ, что ода получила лишь окончательную отдѣлку въ концѣ 1782 г.

[1]) Имя Фелица не имѣетъ ли отношенія къ франц. «Félicité»?

[2]) О мурзахъ есть упоминанія и въ сказкѣ Екатерины. Державинъ подъ вліяніемъ послѣднихъ могъ вспомнить при этомъ удобномъ случаѣ и о своемъ восточномъ происхожденіи, о которомъ впервые заговорилъ въ «Фелицѣ». Ср. у Грота, Соч. Держ., изд. Ак. Н., т. I, стр. 716.

[3]) Въ первомъ изданіи оды читаемъ вмѣсто этого слова другое: «честно».

*) Разумѣются столь популярные въ XVIII стол. французскій король Генрихъ IV и римскій императоръ Титъ.

какъ личности. Только при случаѣ Державинъ могъ сказать частнѣе о заслугахъ императрицы на пользу государства, что, дѣйствительно, мы и видимъ. *Этого* требовалъ принятый имъ скромный планъ оды.

У Державина Фелица предстаетъ, какъ «кроткій мирный Ангелъ», который «правитъ проступки снисхожденіемъ, не давитъ людей, какъ волкъ—овецъ» и «всегда склоняется прощать»; Екатерина «любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ, тверда, пріятна въ дружбѣ, не горда, здраво о заслугахъ мыслитъ, воздаетъ достойнымъ честь, не дорожитъ своимъ покоемъ». За такія свои достоинства и благодѣянія для народа, проистекшія изъ нихъ, «благостью великая, какъ Богъ», она названа «премудрою, богоподобною, ниспосланною съ небесъ»; «Фелицы слава—слава Бога».

Равнымъ образомъ и Карамзинъ отдаетъ императрицѣ справедливую дань уваженія за ея «кротость, человѣколюбіе» и «скромную любезность», за ея «пріятность ума, проницательность взора» и «знаніе человѣческаго сердца». Но при этомъ онъ расширяетъ кругъ оцѣнки и ставитъ еще въ особую заслугу Екатеринѣ «ревностное желаніе довершить начатое Петромъ [1]), просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея счастіе на столпахъ незыблемыхъ и согласить всѣ части правленія». И въ Словѣ Карамзина Екатерина прославляется за «дѣятельную мудрость правленія», представляется лучезарнымъ свѣтиломъ и божествомъ.

Такимъ образомъ въ общемъ мнѣніи о Екатеринѣ и характеристикѣ ея у обоихъ выдающихся ея современниковъ въ русской литературѣ усматривается значительное сходство. Старшій и младшій литературные корифеи сошлись во многомъ, существенно касавшемся ея личности, несмотря на то, что Карамзинъ писалъ двадцатью годами позднѣе Державина, а главное—когда предмета восхваленій уже не было въ живыхъ [2]).

Такое сходство во взглядахъ литераторовъ различныхъ поколѣній объясняется тѣмъ, что Екатерина казалась равно великой боль-

---

[1]) Ср. извѣстный, столь часто варьировавшійся, возгласъ въ русской литературѣ Екатерининскаго времени: «Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу».

[2]) Карамзинъ, повидимому, съ гордостію причислялъ себя къ современникамъ Екатерины: «И я жилъ подъ ея скипетромъ! и я былъ щастливъ ея правленіемъ!» восклицаетъ онъ.

шинству своихъ современниковъ въ средѣ русскихъ просвѣщенныхъ людей [1]), и въ этомъ отношеніи установилась извѣстная традиція.

Послѣдняя внутри Россіи исходила и распространялась изъ круговъ лицъ, подпадавшихъ обаянію личности императрицы при сопоставленіи ея съ людьми, ее окружавшими, съ ея предшественниками и предшественницами на престолѣ и съ ея преемникомъ.

Подобное сопоставленіе съ примѣсью сатиризма, столь развившагося въ царствованіе Екатерины, находимъ, между прочимъ, и въ одѣ Державина. Поэтъ отъ своего лица исповѣдывается въ недостаткахъ и порокахъ, свойственныхъ всему тогдашнему высшему русскому обществу. Это одна изъ интереснѣйшихъ частей оды, придающая ей немало цѣны. Державинъ пренаглядно обрисовываетъ тогдашняго царедворца, и передъ читателемъ весь день послѣдняго какъ на ладони. Чтобы судить о вѣрности портрета съ оригиналами [2]), достаточно вспомнить, какъ принята была ода или, лучше сказать, ея сатира императрицею и придворною аристократіею. Государыня разослала экземпляры Фелицы многимъ изъ своихъ приближенныхъ, собственноручно подчеркнувъ тѣ мѣста, которыя относились къ лицу, получавшему оттискъ. Эти намеки вызвали неудовольствіе, и многіе замѣчали императрицѣ, что ода полна указаній на личности; нѣкоторые же явно озлобились на сочинителя, какъ, напр., прежній его покровитель кн. Вяземскій. Дѣйствительно, въ одѣ нельзя было не узнать многихъ высоко стоявшихъ въ то время людей, каковы, напр., Потемкинъ, Орловъ, Вяземскій, Нарышкинъ. Державинъ собралъ всѣ слабости, ярче бросавшіяся въ глаза въ каждомъ изъ первостепенныхъ вельможъ, свелъ эти подробности и отдѣльныя черты во-едино,—и вышелъ образъ, подходящій къ типу. Русская сатира 1769—1774 годовъ также напа-

---

[1]) По словамъ Хомякова, она была предметомъ любви и восторга во всѣхъ краяхъ Россіи. Соч. Хомякова, I, 682. Конечно, было немало и недовольныхъ ея идеями и началами, напр. въ пору изданія Наказа, но въ общемъ «было какое-то очарованіе, которымъ жилъ тогда Русскій народъ; было восторженное настроеніе, безмѣрно далеко отстоящее отъ нынѣшняго унынія и, очевидно, слишкомъ высокое и напряженное, чтобы удержаться на этой высотѣ».

[2]) Изображеніе пира въ «Фелицѣ» напоминаетъ 6-ю строфу въ одѣ «Къ первому сосѣду». «Ясно видно, говоритъ Гротъ, что поэтъ въ обоихъ случаяхъ рисовалъ тѣже картины дѣйствительности, глубоко запечатлѣвшіяся въ его воображеніи. Такъ въ его поэзіи вездѣ отражается современная жизнь съ ея рѣзкими особенностями». Современникъ 1840, т. XL, стр. 142.

дала на чрезмѣрную любовь къ пустымъ удовольствіямъ и громила праздность и пустоту жизни въ высшихъ слояхъ русскаго общества. Сатирическія картины въ одѣ Державина, по сжатости и вмѣстѣ наглядности изображаемаго, могутъ быть поставлены довольно высоко, хотя нельзя сказать, чтобы характеристика въ нихъ отличалась при этомъ глубиною. При восхваленіи императрицы Державинъ видимо увлекся ея превосходствомъ надъ всѣми ее окружавшими, къ которымъ принадлежалъ и самъ. И вотъ, возводя императрицу на ступени идеала, поэтъ повергается передъ нею въ прахъ въ сознаніи своего моральнаго и умственнаго ничтожества и вмѣстѣ ничтожества всѣхъ другихъ:

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ....
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели святой.

Вельможа такъ говоритъ у Державина:

Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Слѣдуетъ перечисленіе этихъ прихотей. Данное Державинымъ изображеніе знатнаго общества Екатерининскаго времени должно быть признано вполнѣ вѣрнымъ, въ томъ числѣ и оттѣненіе разврата, составлявшаго почти общее явленіе. Не была вполнѣ свободна отъ послѣдней вины и Екатерина, но при этомъ на первыхъ порахъ она была, дѣйствительно, выше даже лучшихъ людей своей среды и справедливо заявляла Вольтеру, что на Западѣ лица, стоявшія во главѣ правительства, могли пользоваться совѣтами, шедшими изъ самого общества, въ Россіи же было наоборотъ.

Контрастомъ, выставленнымъ въ одѣ, Державинъ хотѣлъ и преподать урокъ испорченному свѣту, и еще болѣе возвысить императрицу, и, дѣйствительно, производитъ сильный эффектъ. Вельможи выѣзжали въ открытыхъ экипажахъ,—Екатерина ходила пѣшкомъ [1]). У аристо-

[1]) Надлежитъ при этомъ вспомнить указъ, изданный Екатериною въ 1775 г. въ обузданіе роскоши. Послѣдняя наряду съ расточительностію отличала все время Екатерининскаго царствованія.

кратовъ былъ роскошный столъ,—Екатерина отличалась умѣренностію и довольствовалась простою пищею. Знать проводила время въ праздности,—Екатерина, напротивъ, не теряла его и постоянно употребляла на пользу государству. Она сама говоритъ, что иногда работала по 14 часовъ. Все это изображеніе, конечно, производитъ впечатлѣніе; но послѣднее было бы разительнѣе, и Екатерина была бы вознесена еще выше, еслибы Державинъ показалъ глубже противоположности въ духѣ и дѣятельности вельможъ, съ одной стороны, и Екатерины, съ другой. Въ одѣ не находимъ того [1]), и тогдашняя аристократія изображена по преимуществу внѣшнимъ образомъ—со стороны ея эпикурейской жизни. Приверженность ея къ праздной жизни, званымъ обѣдамъ, нѣгѣ и увеселеніямъ—вотъ что обратило на себя особое вниманіе Державина. Въ этомъ отношеніи послѣдній былъ правъ, но не сталъ выше другихъ сатириковъ своего времени и не далъ новаго смысла изображаемому [2]). Недостатокъ глубины въ изображеніи русскаго общества въ Фелицѣ объясняется отчасти непреднамѣренностію сатиры въ разсматриваемой одѣ, употребленіемъ сатиризма мимоходомъ, а не для воздѣйствія на кого-нибудь обличеніями. Самъ Державинъ называлъ «шуткою» свои намеки на жизнь вельможъ. Если онъ и затронулъ кого-нибудь такъ, что многіе узнавали себя въ одѣ, то это не имѣлось непремѣнно въ виду [3]). Поэтъ, не мѣтя ни въ кого

---

[1]) Правда, въ одномъ мѣстѣ (строфа 24) Державинъ даетъ нѣсколько указаній, на дѣятельность вельможъ съ хорошей стороны, но онъ говоритъ тамъ какъ бы нехотя, не съ полнымъ убѣжденіемъ, и это мѣсто оды какъ-то не ясно.

[2]) Впрочемъ, отъ него и нельзя было ожидать особо глубокаго взгляда на жизнь. Это былъ человѣкъ съ поэтическимъ талантомъ, но безъ основательнаго образованія. Его не занималъ такъ смыслъ явленій, какъ Фонъ-Визина. Ср. объ отношеніи Державина къ современной дѣйствительности замѣчаніе *Галахова*: Исторія р. слов., т. I, отд. 2. *Ср. Волконскій*, Очерки Русской Исторіи и Русской Литературы, Спб. 1896, стр. 179—180: «умы были на ходулях, интересы были возбуждаемы не стремленіемъ проникнуть въ суть вопросовъ, а желаніемъ дорости до утвержденнаго образца; образуется какъ бы пустое пространство между умственными интересами и интересами жизни. Державинъ пытается заполнить эту пустоту... однако картины эти (современнаго общества—въ «Фелицѣ») не заполняютъ этого пробѣла: не сообщая никакой реальности его поэзіи, онѣ остаются просто образцами дурнаго литературнаго вкуса».

[3]) Когда еще задолго до напечатанія оды Потемкинъ потребовалъ ее у Державина, и когда посланный за нею Шуваловъ посовѣтовалъ поэту выбросить изъ стихотворенія намеки на временщика, Державинъ отвѣтилъ: «извольте отослать, какъ они (стихи) есть; если что выкинемъ, то покажемъ умыселъ на личное оскорбленіе князя, чего у меня и въ умѣ никогда не было; а писаны стихи забавно, насчетъ

въ особенности, хотѣлъ написать оду во вкусѣ императрицы, которая подала ему примѣръ такой сатиры все тою же своею сказкой о царевичѣ Хлорѣ [1]). Многіе грѣшки, изобличаемые поэтомъ въ одѣ, водились и за нимъ самимъ [2]). Такимъ образомъ, въ основаніи сатиры

всѣхъ слабостей человѣческихъ, и больше ничего». Тоже замѣтила и императрица: «если авторъ и коснулся страстей нѣкоторыхъ особъ, къ императрицѣ приближенныхъ, то не по злорѣчію, а единственно въ общемъ видѣ человѣчества».

[1]) Въ послѣдней описаны Врюзга и Лентягъ, лица, играющія роль въ сказкѣ, и эти же имена встрѣчаемъ и въ первомъ изданіи оды (въ «Собесѣдникѣ»), гдѣ было сказано:

«Между Лентягомъ и Брюзгой».

Въ собраніи же стихотвореній Державина не находимъ уже собственныхъ именъ Лентяга и Брюзги; тамъ читаемъ ихъ въ формѣ нарицательныхъ:

Между лѣнтаемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

[2]) См. примѣч. Грота къ стихамъ:

Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра,

которые можно принять въ буквальномъ смыслѣ, а также къ стиху:

За библіей, зѣвая, сплю.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ оды поэтъ относится даже съ сочувствіемъ къ описываемому, такъ, напр., проникнуто одушевленіемъ изображеніе пира. Державинъ хотѣлъ какъ бы оправдать нѣкоторымъ образомъ вельможество въ своемъ лицѣ тѣмъ, что

..... льзя ль не заблуждаться
Намъ слабымъ смертнымъ въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти?
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?

Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ:

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.

Подобная же мысль проводится въ «Признаніи»:

Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

Приведемъ по поводу этихъ словъ замѣчаніе Грота, которое можно повторить и о нѣкоторыхъ другихъ великихъ поэтахъ, начиная съ Гёте (ср. Фауста послѣдняго): «насъ не должно поражать, что Державинъ въ дѣйствительной жизни самъ не всегда

въ Фелицѣ лежитъ шутка, конечно,—поучительная, да и шутка эта не вполнѣ рѣшительна [1]).

Но, какъ бы то ни было, насъ интересуетъ здѣсь по преимуществу та часть оды, которая прямо посвящена Фелицѣ и ея дѣламъ, и мы разсмотримъ теперь, какія заслуги императрицы были отмѣчены обоими выдающимися русскими панегиристами ея, которые кажутся намъ заслуживающими вниманія болѣе другихъ.

Прочитавъ внимательно оду и Слово, можно сказать, что послѣднее во многомъ можетъ служить комментаріемъ первой и представляетъ какъ бы развитіе стиховъ Державина, при чемъ у поэта изложеніе дѣлъ Екатерины оказывается довольно безпорядочнымъ и болѣе поверхностнымъ, у Карамзина же оно строго систематично и возводится къ лучшимъ принципамъ «просвѣщенія» XVIII-го вѣка, послѣдовательницею которыхъ была Екатерина.

Что до личнаго характера Екатерины, то нѣкоторыя мѣста Похвальнаго Слова вполнѣ напоминаютъ намеки Оды: оба писателя просла-

---

удовлетворялъ требованіямъ высшаго нравственнаго закона. Въ немъ живутъ какъ бы два человѣка: одинъ въ минуты творчества съ величавымъ, недосягаемымъ идеаломъ человѣческаго достоинства, другой въ треволненіяхъ житейской суеты, со всѣми страстями и слабостями человѣческой природы... Довольно, что въ минуты вдохновенія онъ служилъ великимъ идеямъ человѣчества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ ни у кого изъ другихъ поэтовъ». Русскій Вѣстникъ 1866, № 2, «Характеристика Державина, какъ поэта».

[1]) Обращаясь къ Фелицѣ, Державинъ задаетъ вопросъ:

Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ:
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ-жь добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
. . . . . .
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаетъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?

Отвѣтъ таковъ:

У трона развѣ Твоего.

Послѣдній стихъ какъ будто ослабляетъ и ограничиваетъ предыдущія замѣчанія касательно вельможъ тѣмъ, что не всѣ окружавшіе тронъ Екатерины подходили подъ данную поэтомъ характеристику. Но это замѣчаніе сдѣлано вскользь, и прибавка «развѣ» не выражаетъ полной увѣренности.

вляютъ императрицу за твердость и мужественность ея характера и умѣніе ловко направлять корабль государства среди бурь и невзгодъ [1]). Оба упоминаютъ о привлекательности обращенія императрицы [2]), ея кротости, снисходительности и мягкости [3]), но лишь Карамзинъ попы-

---

[1]) «Ты въ напастяхъ равнодушна»,

замѣчаетъ Державинъ. «Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская», говоритъ Карамзинъ. Замѣтимъ, что сама Екатерина отмѣчала въ себѣ постоянную бодрость: «Пойдемъ бодро впередъ!»—поговорка, съ которою я провела одинаково и хорошіе и худые годы», говорится въ одномъ изъ ея писемъ.

...изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Лова подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять,

читаемъ у Державина. «Небо, говоритъ Карамзинъ, какъ бы для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище».

[2]) Державинъ въ четырехъ стихахъ:

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ....

сказалъ то, что Карамзинъ выразилъ въ нѣсколькихъ десяткахъ строкъ, именно о любезности, простотѣ, искренней веселости и ласковыхъ словахъ Екатерины на дворцовыхъ вечеринкахъ, гдѣ въ ней забывали государыню.

[3]) Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь,
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
. . . . . .
Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть,

возглашаетъ Державинъ Фелицѣ. «Не могу я умолчать при семъ въ похвалу царствованія Екатерины II, что милосердіе ея и старанія *исправлять нравы наши* заслуживаютъ, какъ наше благодареніе, такъ и признаніе потомства», говоритъ даже Щербатовъ: II, 123. У Карамзина находимъ соотвѣтственныя строки въ упоминаніи о Тайной канцеляріи: «Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, Тайнаго судилища; но подъ Ея собственнымъ мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спо-

тался психологически «Феноменъ Монархини, которой всѣ войны были завоеваніями и всѣ уставы щастіемъ Имперіи», изъяснить «только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души», и отмѣтилъ ея« мудрость».

Изъ дѣлъ правленія вниманіе обоихъ писателей привлекли заботы императрицы объ упорядоченіи имперіи [1]), о правдѣ и правосудіи [2]) и о процвѣтаніи литературы [3]), гуманизующее воздѣйствіе которой Екатерина высоко цѣнила, какъ послѣдовательница философовъ XVIII в. [4]).

войными гражданами... въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги Ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь Сибирскихъ»... «Великая въ Герояхъ сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность Своего пола, которая вступалась за нещастныхъ, за самыхъ виныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда». См. выше отзывъ Касти.

[1]) Похвала дѣламъ Фелицы начинается такою картиною упорядоченія имперіи

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить.
Изъ разногласія согласье
. . . . . .
Ты можешь только созидать.

Этими словами изображается новое раздѣленіе имперіи и устройство областнаго управленія, бывшія слѣдствіемъ Учрежденія о губерніяхъ. Карамзинъ весьма подробно останавливается на этомъ учрежденіи и разносторонних пользахъ, изъ него проистекшихъ и могущихъ произойти.

[2]) У Державина:

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь.
. . . . . .
Фелицы слава—слава Бога,
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.

«Монархиня, замѣчаетъ авторъ Слова, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ подданнымъ дальніе виды Своей мудрости и государственнаго блага, спѣшила утвердить правосудіе, защиту собственности въ гражданскомъ обществѣ»: подразумѣвается указъ о лихоимствѣ, изданный въ 1762 г.

[3]) У Державина, говорящаго преимущественно о благосклонномъ отношеніи Екатерины къ поэзіи, употреблены выраженія, свидѣтельствующія о сравнительно узкомъ взглядѣ его на литературу (см. слѣд. примѣчаніе); Карамзинъ говоритъ: «Словесность была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства Екатерины». «Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе».

[4]) Державинъ не пояснилъ, почему Екатерина заботилась такъ о развитіи у насъ словесности, у Карамзина же находимъ мысль, отсутствующую въ «Фелицѣ»:

Особенное вниманіе и восторгъ возбуждали и въ Державинѣ, и въ другихъ поэтахъ дарованная Екатериной свобода слова и вообще свобода:

Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

—

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь[1])
И о Себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

—

Фелицы слава—слава Бога,
Который,
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки.

Вотъ сколькими стихами справедливо почтилъ поэтъ это великое благодѣяніе императрицы[2])! Карамзинъ также говоритъ о заведеніи воль-

---

«Она знала ея (т. е. словесности) сильное вліяніе на образованіе народа и щастіе жизни». Карамзинъ разсматриваетъ съ большимъ воодушевленіемъ литературную дѣятельность, которой императрица посвящала свободные часы, и покровительство Екатерины литературѣ. Державинъ не восторгается такъ этимъ благодѣяніемъ, какъ Карамзинъ. Въ то время какъ первый говоритъ не безъ тривіальности:

Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ,

и, такимъ образомъ, ставитъ очень невысоко поэзію, «ума забаву», какъ онъ характерно выражается, согласно со взглядомъ на поэзію, долго бывшимъ въ ходу въ XVIII стол., между прочимъ и въ нѣмецкой поэзіи до Клопштока; Карамзинъ называетъ словесность «посланницею Неба».

[1]) Ср. выше въ «Epître» Вольтера: «permets qu'on pense».

[2]) Онъ справедливо назвалъ нѣкоторые поступки Екатерины неслыханными. См. примѣры ея великодушія: *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопам. людей русской земли, I, М. 1836, стр. 78. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе стихъ:

И знать и мыслить позволяешь.

ныхъ типографій и о томъ, что учрежденная при этомъ цензура была не только благоразумна, но и снисходительна[1]). Должно, впрочемъ, сказать, что Екатерина не во всемъ дозволяла свободоязычіе. Если долго въ ту пору правительство мало обращало вниманія на печать, то—потому, что книга, по словамъ лица, близкаго къ тому времени, была «нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна». Но, какъ бы то ни было, въ печати и въ общежитіи правительство Екатерины, дѣйствительно, предоставляло гораздо болѣе свободы, чѣмъ прежде. Теперь можно было

..... пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Гдѣ правила Екатерина,
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить, и т. д.

Карамзинъ выражается гораздо отчетливѣе объ этомъ замѣчательнѣйшемъ явленіи государственнаго правленія и внутренней жизни русскаго общества въ царствованіе Екатерины: «Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земли должны властво-

---

Ср. въ «Изображеніи Фелицы» (1789 г.). (Соч. Держ., I, 276):

Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить.

Даже въ одѣ на кончину Екатерины («Память 6-го ноября 1796 г.»), сочиненной Капнистомъ, находимъ упоминаніе, что при ней

Мы крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вѣщать.

[1]) Карамзинъ признавалъ цензуру «необходимою въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать». Екатерина въ области цензуры поступала, «какъ мудрый законодатель»; «Монархиня презирала и самыя дерзкія осужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія и не могли имѣть вредныхъ послѣдствій для государства». Замѣчанія о свободѣ прессы при Екатеринѣ см. въ названной статьѣ Грицька, стр. 251 и слѣд.

вать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину: Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель.... Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились».

Дѣйствительно, если оставимъ въ сторонѣ дѣла Арсенія Мацѣевича, Новикова и Радищева, изъ всѣхъ русскихъ государей XVIII-го вѣка, не исключая и Петра В., Екатерина II-я одна выказала кротость въ правленіи, и замѣчаніе Карамзина, что въ ея царствованіе «лица оживились», вполнѣ вѣрно.

Изъ чего произошла такая благодѣтельная особенность правленія Екатерины, неслыханное дотолѣ отношеніе власти къ народу, оба разсматриваемые писателя выясняютъ сходно, но при этомъ Карамзинъ выражается болѣе отчетливо: Екатерина «уважала въ подданномъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для щастія въ гражданской жизни... Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми просвѣщенными» [1]). Еще яснѣе Карамзинъ указалъ причину перемѣны въ системѣ правленія, упомянувъ въ другомъ мѣстѣ Слова, что вмѣстѣ съ Екатериной воцарилась «философія» XVIII в. [2]).

Карамзинъ приходитъ въ восторгъ при описаніи дѣятельности Екатерины на пользу просвѣщенія, соотвѣтствовавшаго этой философіи. Державинъ также вскользь отмѣтилъ, что Екатерина

Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ.

---

[1]) У Державина читаемъ:

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей.

—

Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;
Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Итакъ, по мнѣнію Державина, Екатерина понимала взаимныя обязанности и права подданныхъ и государей и не считала себя вправѣ быть тиранкой.

[2]) Въ запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи», написанной въ 1811 г., заслуга Екатерины охарактеризована такъ: «Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей.... Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній разума».

Карамзинъ развиваетъ эту мысль въ своемъ «Похвальномъ Словѣ» и краснорѣчиво восхваляетъ Екатерину за основаніе Воспитательнаго и Сиротскаго домовъ, упоминаетъ о женскомъ училищѣ для мѣщанъ, о «дарованіи истиннаго бытія Академіи художествъ», о поднятіи Кадетскаго корпуса, о Корпусахъ Морскомъ и Артиллерійскомъ, объ училищахъ Греческомъ, Горномъ, Лекарскомъ и Судоходномъ и, наконецъ, о народныхъ училищахъ, учрежденныхъ «вездѣ—въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири, чтобы разлить, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству», и предназначенныхъ дѣйствовать «на первые элементы народа» [1]). Карамзинъ какъ бы подтверждаетъ, что правъ былъ Державинъ, когда сказалъ, что Фелица

..... окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ.

Карамзинъ по обыкновенію ставитъ еще болѣе широкое опредѣленіе просвѣтительной дѣятельности Екатерины. «Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и таланты въ Россіи, Она на всѣ страны міра, на всю область ума распространила свои благодѣянія, и славу Свою возвышала, такъ сказать, славою всѣхъ отмѣнныхъ дарованій, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ воззрѣніемъ Екатерины и горѣли ревностію величать ту, которая воцарила съ собою философію, и тайныя желанія мудраго человѣколю-

---

[1]) При оцѣнкѣ заслугъ Екатерины нерѣдко отмѣчаютъ во второй половинѣ нашего вѣка, главнымъ образомъ, эту сторону дѣятельности Екатерины. См. статьи: *Я. К. Грота*, Заботы Екатерины II о народномъ образованіи по ея письмамъ къ Гримму (Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXVI, кн. I (1881); гр. *Д. А. Толстого* Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ Архива Академіи Наукъ; Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи (Приложенія къ т. LI Записокъ И. Ак. Н., №№ 2 и 3, 1885 г.); Городскія училища въ царствованіе имп. Екатерины II (Приложеніе № 1 къ LIV-му т. Зап. Ак. Н., 1887); *В. Мочульскаго* Просвѣщеніе на югѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II (Рѣчь), Одесса 1897, и другія рѣчи, относящіяся къ юбилейной литературѣ (напр. *А. И. Діаконова* «Заботы императрицы Екатерины II о народномъ образованіи», К. 1897); *Е. А. Кивлицкаго* «Учебныя заведенія въ Западной Россіи въ 1783—1803 гг. (содержаніе этого реферата см. въ «Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нест.-лѣт., кн. IX, отд. I, стр. 38—42); *В. Каллаша*, Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія? М. 1896; *П. Адамова*, Заслуги императрицы Екатерины Великой въ исторіи женскаго образованія (Филологич. Записки 1896, вып. V—VI); *А. Воронова*, Ноябрьскіе юбилейные дни женскаго образованія въ Россіи (Новое Время 1896, № 7434).

бія обратила въ государственные уставы.... Европа съ удивленіемъ читаетъ Ея переписку съ ними—и не имъ, но Ей удивляется».

Оставляемъ въ сторонѣ остальные перечни славныхъ дѣлъ Екатерины [1]). Мы думаемъ, что и приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы составить заключеніе о характерѣ и смыслѣ похвалъ, въ изобиліи наполняющихъ оба сравниваемыя произведенія.

Въ «Фелицѣ» дано простое и даже не систематическое перечисленіе доблестей императрицы. Державинъ не объяснилъ государственнаго значенія *всѣхъ* ея уставовъ и дѣлъ, что̀ по преимуществу имѣлъ въ виду Карамзинъ. Во многихъ мѣстахъ поэтъ ограничился только намеками на благодѣянія Екатерины и вообще говорилъ обо всемъ этомъ весьма кратко. Нѣкоторые подвиги императрицы, напр., ея внѣшняя политика, совсѣмъ не нашли мѣста въ Одѣ. Все это обусловливалось, какъ мы видѣли, отчасти самою формою и задачею «Фелицы», въ которой вдобавокъ Державинъ не могъ распространяться, какъ лирикъ. Съ другой стороны, онъ могъ опустить многое, не вполнѣ понимая его пользу и цѣну [2]).

---

[1]) У Державина послѣднія перечислены сжато въ двухъ строфахъ, не вполнѣ удачныхъ по выраженію мысли:

Фелицы слава-слава Бога,
Который брани усмирилъ и т. д.
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать и т. д.

У Карамзина находимъ соотвѣтственныя замѣчанія о попеченіяхъ Екатерины касательно торговли и указаніе на благодѣянія, дарованныя Грамотою дворянству.—Мы совсѣмъ проходимъ молчаніемъ первую часть Слова Карамзина, посвященную побѣдамъ Екатерины, хотя современники ея были въ особенности поражаемы удачами и блескомъ ея внѣшней политики.

[2]) Справедливо замѣтилъ г. Елисеевъ: «Политическое развитіе даже въ лучшихъ людяхъ было очень слабое, ничтожное. Какія дѣти въ сравненіи съ императрицею были наши образованнѣйшіе люди XVIII столѣтія!» Отечеств. Записки 1868, № 1, отд. I, стр. 95 и 104. Не удивительно послѣ этого, что Державина увлекали побѣды императрицы, умъ ея, наружность, блескъ ея царствованія. Не удивительно, если ея знаменитый Наказъ, заслуги ея относительно народнаго просвѣщенія не внушали ему одъ, если о нихъ не сказано почти ни слова, или сказано очень мало въ «Фелицѣ». Да и вся-то «какъ отнеслась литература къ Наказу? Поняла-ли она, что разработка вопросовъ, данныхъ Наказомъ, и есть ея настоящее дѣло, какъ истинно полезное для общественнаго развитія, а не плетеніе виршей? Ничего подобнаго, никакого слѣда подобной попытки мы не встрѣчаемъ въ нашей литературѣ XVIII столѣтія. Напротивъ, литература отнеслась къ Наказу такъ, какъ только и могла отнестись по своему младенческому состоянію, чисто поребачески». Ibid., 108.

Но, признавая послѣднее, нельзя все-таки обвинять такъ безусловно Державина, какъ осуждаютъ нѣкоторые, говоря, что въ «Фелицѣ» не видно глубокаго взгляда на дѣла Екатерины, и представлено только *внѣшнее* перечисленіе ихъ и доблестей императрицы, безъ истиннаго пониманія ихъ внутренняго значенія [1]). Замѣчаніе это приложимо далеко не ко всѣмъ стихамъ оды. Державинъ, повторяемъ, могъ не понимать нѣкоторыхъ дѣлъ императрицы, но пусть намъ укажутъ, кто изъ тогдашнихъ поэтовъ лучше его очертилъ самое Екатерину и ея нравственный образъ, кто лучше понялъ ея духъ? Конечно, нѣкоторыя похвалы Екатеринѣ, какъ похвалы современника, не могутъ имѣть такой не подлежащей заподазриванію достовѣрности, какъ голосъ потомства. Но несмотря на то, Фелица Державина чрезвычайно походила на настоящую, на живую. Поэтъ не оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, ея Наказа, но въ своей Фелицѣ воплотилъ тѣ качества, какія требовались послѣднимъ отъ государей [2]). И изъ дѣлъ Екатерины Державинъ ставилъ многія очень высоко, обнаруживъ въ то же время ихъ пониманіе. Онъ «питалъ самое глубокое сочувствіе къ гражданской доблести правительства, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, которыхъ изъяснителемъ явился онъ, какъ одинъ изъ передовыхъ людей того времени» [3]). Возьмемъ хотя бы одинъ стихъ:

Проступки снисхожденьемъ правишь.

---

[1]) *Караулов*, Очерки исторіи русской литературы, т. I, 1865, стр. 468.

[2]) Обращаясь къ Екатеринѣ, Державинъ говоритъ:

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,

и проч. (см. выше). Въ Наказѣ (гл. XX, ст. 482) читаемъ: «Слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣже самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столь двойнаго смысла заключало, какъ все сіе; такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе Величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе?»

[3]) *Гротъ*, Характеристика Державина какъ поэта, Р. Вѣсти. 1866, № 2, стр. 463. Ср. замѣчаніе Бѣлинскаго о торжественныхъ одахъ Державина и одахъ къ Фелицѣ: «Въ первыхъ онъ является болѣе оффиціальнымъ, чѣмъ истинно вдохновеннымъ

Въ снисхожденіи Екатерины къ мелкимъ проступкамъ Державинъ видѣлъ средство исправленія («правленія») виновниковъ ихъ. Онъ угадалъ въ этомъ случаѣ истинное побужденіе Екатерины. А понимать факты, не значитъ ли постигать ихъ источникъ, цѣль, пользу или вредъ?—Мы могли бы представить и болѣе примѣровъ того, что Державинъ сумѣлъ проникнуть въ душу Фелицы, но это отвлекло бы насъ далеко отъ цѣли настоящаго очерка; мы ограничимся замѣчаніемъ, что Державинъ въ «Фелицѣ» удачно выполнилъ свою задачу, какъ лирикъ [1]), а не какъ политикъ и публицистъ. Онъ задался обрисовкой и прославленіемъ *личности* Екатерины, не ставя себя въ тоже время въ положеніе оффиціальнаго хвалителя. Самая маскировка, избранная имъ, помогала ему представить государыню прежде всего, какъ человѣка. Соотвѣтственно тому мы видимъ въ «Фелицѣ» болѣе характеристику самой Екатерины, чѣмъ ея царствованія, изображеніе же послѣдняго не полно, да и врядъ ли имѣлось въ виду авторомъ.

Необходимо войти, при обсужденіи и оцѣнкѣ разсматриваемой оды, въ побужденія, изъ которыхъ она проистекла. Державинъ написалъ оду къ Фелицѣ, не думая о напечатаніи ея, и она случайно дошла до свѣдѣнія императрицы [2]). Къ этой одѣ вполнѣ примѣнимы слова Державина въ его обращеніи къ Екатеринѣ: «когда я тебя вижу съ благороднымъ жаромъ трудящуюся въ исполненіи твоей должности, приводящую въ стыдъ государей, труда трепещущихъ и которыхъ тягость короны увлекаетъ; когда тебя вижу разумными распоряженіями обогащающую своихъ подданныхъ; гордость непріятелей ногами попирающую, намъ море отверзающую, и твоихъ храбрыхъ воиновъ—споспѣшествующихъ твоимъ намѣреніямъ и великому сердцу, все подъ

поэтомъ. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отдѣляются отъ одъ, посвященныхъ Фелицѣ. И не мудрено: послѣднія имѣли корень свой въ дѣйствительности, а первыя были плодомъ похвальнаго обычая согласовать лирный звонъ съ громомъ пушекъ и блескомъ плошекъ и шкаликовъ. Притомъ же легче было *чувствовать* и *понимать мудрость и благость монархини*, чѣмъ провидѣть значеніе войнъ и побѣдъ ея, объясняющихся причинами чисто политическими». Сочиненія Бѣлинскаго, т. VII, М. 1861, стр. 136.

[1]) По мнѣнію Державина, «гимнъ и ода изображаютъ только чувства сердца въ разсужденіи какого предмета, а не дѣйствіе его» (предмета) (Разсужденіе о лирической поэзіи).

[2]) Сочин. Держ., изд. И. Ак. Наукъ, т. VIII, Спб. 1880, Жизнь Державина, стр. 295 и слѣд.

власть Орла покоряющихъ; Россію подъ твоей державой счастіемъ управляющую, и наши корабли—Нептуна презирающіе и досягающіе мѣстъ, откуда солнце бѣгъ свой простираетъ: тогда, не спрашивая,—нравится ль то Аполлону, моя Муза въ жару меня предупреждаетъ и тебя хвалитъ» [1]). Такъ обр., ода къ Фелицѣ вылилась изъ глубоко благоговѣвшей и благодарной души, какъ проявленіе ея чувствъ. Можно повѣрить словамъ оды:

Почувствовать добра пріятство,
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ;

и можно признать, что Державинъ писалъ, только побуждаемый влеченіемъ души, чувствовавшей при этомъ «пріятство». Онъ, выразившійся о добродѣтели:

Она мой духъ и умъ плѣняетъ,

могъ искренно восторгаться изданы личностію Екатерины и, не думая о лести, называть императрицу «богоподобною» и «небесною вѣтвью». Насъ не должно удивлять, что потомъ Державинъ отзывался о Екатеринѣ не съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ «Фелицѣ» [2]). Важно, что въ самомъ этомъ отзывѣ поэтъ отличалъ себя отъ прочихъ стихотворцевъ, *цеховыхъ* по его выраженію. Онъ сознавалъ свое преимущество передъ ними, состоявшее въ томъ, что онъ не могъ хвалить, если не былъ вдохновляемъ *высокимъ* идеаломъ. То же сознавалъ онъ и высказалъ и раньше. Въ его бумагахъ найденъ Гротомъ «Эскизъ первоначально задуманной оды къ Екатеринѣ», въ которомъ читаемъ: «Я не могу богамъ, не имѣющимъ добродѣтели, приносить жертвы и никогда и для твоей хвалы не скрою моихъ мыслей: и

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 151.

[2]) Кромѣ приведеннаго выше мы находимъ въ его Запискахъ такое мѣсто: «По желанію императрицы, чтобы Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово, но не могъ онаго сдержать по причинѣ разныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенять такъ своего духа, чтобы поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда *вблизи увидѣлъ подлинника человѣческій* съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ, для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства».

сколь твоя власть ни велика, но еслибы въ семъ мое сердце не согласовалось съ моими устами, то бъ никакое награжденіе и никакія причины не вырвали бъ у меня ни слова къ твоей похвалѣ» [1]).

Итакъ, принимаясь за сочиненіе оды къ Фелицѣ, Державинъ послѣдовалъ влеченію души, и искренни были его слова:

Послушай, гдѣ ты ни живешь:
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ Тебя просилъ,

какъ искрення была и вся Ода.

Конечно, на нашъ взглядъ Державинъ впадалъ въ преувеличеніе, говоря:

И *всѣмъ* изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь,

или восклицая:

О коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить;

но мы можемъ извинить поэта Екатерины: у него передъ глазами было прежнее время, и, сравнивая его со своимъ, Державинъ справедливо признавалъ послѣднее блаженнѣйшимъ. Кого не поразитъ представленная въ одѣ разница между временами Екатерины II и Анны Іоанновны? Необходимо сверхъ того стать на точку зрѣнія того круга лицъ, къ которому принадлежалъ Державинъ, т. е. дворянскаго. Какъ извѣстно, Екатерина еще расширила дворянскія вольности, дарованныя манифестомъ Петра III, и поставила дворянство въ исключительно привилегированное положеніе благодаря предоставленнымъ ему правамъ и преимуществамъ. Замѣтимъ, что и потомъ Державина не покидала мысль, что Россія процвѣтала въ царствованіе Екатерины [2]),— мысль, встрѣчающая и у Карамзина [3]). Въ словахъ послѣдняго можно

---

[1]) Соч. Держ., I, 151.

[2]) Въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ: «да благословенна будетъ память такой государыни, *при которой Россія благодѣйствовала* и которую долго не забудетъ».

[3]) Въ самомъ началѣ Слова читаемъ: «Всѣ обожали великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія — подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными

усматривать не столько риторизмъ, сколько идиллизмъ и близорукость городскаго жителя и дворянина—не больше. Ту же ошибку умиленнаго сердца, отдыхавшаго отъ ужасовъ прошлаго, допустилъ раньше Ломоносовъ, и послѣ него повторяли очень часто другіе, и въ томъ числѣ Державинъ. Послѣднему было естественно толковать о народномъ счастіи. Онъ справедливо называлъ «неслыханною» снисходительность императрицы. Неслыханными казались ему и многія другія качества Екатерины. На нихъ онъ обращалъ особое вниманіе, тогда какъ не сдѣлалъ почти ни одного намека на ея побѣды: онъ зналъ, что прославленіемъ успѣховъ Екатерины на военномъ поприщѣ онъ не возвеличилъ бы ее такъ, какъ изображеніемъ тѣхъ ея достоинствъ, которыя были «неслыханны». Вотъ стихи, изображающіе одно изъ послѣднихъ:

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ средства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Эти слова, могшія явиться въ торжественной одѣ только въ царствованіе Екатерины, говорятъ и за нее и за искренность автора «Фелицы». Вообще въ этомъ стихотвореніи поражаетъ смѣлость и непринужденность тона какъ въ изображеніи сильныхъ вельможъ, такъ и въ нравоученіяхъ, которыя можно прочесть между строкъ. Можетъ быть, эти уроки были встрѣчены благосклонно потому, что были приправлены благоговѣніемъ, и «истина» говорилась «съ улыбкою».

Совершенно другой способъ прославленія Екатерины и описанія ея дѣяній избралъ Карамзинъ. Его интересовала не только лич-

---

льдами пустынной Сибири—никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасательное дѣйствіе Ея правленія; и для тѣхъ была она Божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость».

ность Екатерины, но еще болѣе—начала, которыми она руководилась въ своемъ правленіи. Послѣднее, когда писалъ Карамзинъ, было отдѣлено отъ настоящаго цѣлымъ царствованіемъ, хотя и кратковременнымъ. Потому Карамзинъ перечисляетъ всѣ мѣропріятія Екатерины и уставы, останавливаясь почти на каждомъ изъ нихъ и стараясь выяснить его пользу. Вообще онъ понималъ дѣятельность Екатерины гораздо лучше Державина, хотя и онъ не обошелся безъ промаховъ; близкое прошедшее нерѣдко яснѣе и понятнѣе настоящаго.

Для правильнаго пониманія Похвальнаго Слова Екатеринѣ необходимо принять во вниманіе и цѣль его.

Недаромъ оно явилось на зарѣ новаго царствованія, въ то время, когда только еще начинались преобразованія, задуманныя Александромъ I, и недаромъ было посвящено имени этого государя. Карамзинъ, много интересовавшійся тогда политикой и занимавшійся публицистикой, понялъ, что въ началѣ реформъ представлялось самое удобное время для выраженія мыслей о желательномъ правленіи. Ободренный принятіемъ двухъ своихъ одъ, Карамзинъ рѣшился наглядно изложить свои идеи, соединивъ ихъ съ примѣромъ Екатерины [1]), которую поставилъ въ образецъ государямъ [2]). Онъ прибѣгъ подъ покровъ славы покойной государыни при раскрытіи своихъ собственныхъ идей потому, что, по его словамъ, Александръ I, «восходя на престолъ Россіи и желая объявить волю свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: «Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Карамзину казалось, что Екатерина стремилась привести въ исполненіе большинство политическихъ идей, которыя были и для него завѣтными. «Воинская слава Героини затмѣвается въ ней славою образовательницы государства». Карамзинъ восторгался духомъ царствованія Екатерины, хотѣвшей управлять не рабами, а людьми, и знавшей права послѣднихъ. По мнѣнію оратора, «самое высшее искусство монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ должно употреблять власть

---

[1]) См. Вѣстн. Евр. 1866, т. IV, ст. *Погодина*: «Идеи Н. М. Карамзина, какъ публициста».

[2]) «О Монархи міра! Екатерина и жизнію и смертію Своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ!» Въ заключеніи Слова, въ рѣчи, вложенной въ уста Екатерины, читаемъ: «... я указала вамъ великую цѣль: теките къ ней осѣненные Моими лаврами, путеводимые Моими законами»!

свою: ибо благополучіе самодержавія есть отчасти кроткое и снисходительное правленіе... Несчастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего мнѣнія». Екатерина дозволяла это. Она была кротка, зная въ то же время надлежащія границы кротости. Можно было бы привести и другія требованія, какія Карамзинъ предъявлялъ идеальному монарху и которымъ, по его взгляду, удовлетворяла Екатерина [1]), но и приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы видѣть причины высокаго мнѣнія Карамзина о Екатеринѣ. Онъ признавалъ за нею рѣшительныя преимущества передъ другими славными монархами. «Она успѣла затмить самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣстныя намъ по Исторіи; дѣла единой Государыни могли-бы прославить многихъ Государей.—И слава Екатерины принадлежитъ Ей самой. Генрихъ IV былъ царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоитъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Людовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! Екатерина, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей—но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душею, ея вдохновеніемъ; сіяли заимствованнымъ отъ нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца; Она отличала нѣкоторыхъ, и сіе отличіе было мѣрою ихъ важности.... политика, внутреннее образова-

---

[1]) Возможно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Карамзинъ не одобрялъ правленія Екатерины уже тогда, когда писалъ ей Похвальное Слово, какъ усматривалъ недостатки ея царствованія 9 лѣтъ спустя—во время составленія записки «о древней и новой Россіи», но то были частности. Восхваливъ Екатерину и тамъ, Карамзинъ продолжаетъ: «Но согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ... Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости и краснѣемъ за человѣчество. Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время... Въ самыхъ Государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности... Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также открылись при сей Государынѣ... Екатерина—великій мужъ въ главныхъ собраніяхъ Государственныхъ—являлась преступною въ подробностяхъ Монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема...». Общее заключеніе Карамзина однако таково: «сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва-ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ жить тогда, а не въ иное время».

ніе и законодательство Россіи... были единственно твореніемъ ума Екатерины. Ея министры исполняли только волю Ея—и Россія имѣла щастіе быть управляемою однимъ великимъ Геніемъ во все долговременное царствованіе Екатерины».

Во взглядѣ Карамзина на Екатерину нельзя не признать идеализаціи. Таковая была отчасти свойственна его характеру, а отчасти связывалась съ его общими воззрѣніями и философско-историческою теоріею.

Карамзинъ принадлежалъ къ лучшимъ людямъ, воспитаннымъ культурою времени Екатерины, и совмѣщалъ въ себѣ благороднѣйшія стремленія XVIII-го в., въ томъ числѣ и пресловутую «чувствительность» послѣдняго въ смыслѣ сочувствія ко всему доброму, прекрасному и великому. Карамзинъ уже отъ природы былъ надѣленъ благодушіемъ. Чувствительность XVIII-го в. усилила это настроеніе. «Направляемый ими, онъ смотрѣлъ на людей и природу съ доброй, свѣтлой точки зрѣнія, глазами расположенія и любви» [1]), и можетъ быть причисленъ къ выдающимся оптимистамъ XVIII-го в., начиная съ Шефтсбери. Справедливо замѣтили, что въ его личности «надъ всѣми способностями преобладала способность любить. Карамзинъ любилъ людей не въ отвлеченныхъ образахъ»..., но «въ плоти и крови. Ко всѣмъ героямъ своихъ повѣстей онъ относился съ глубокимъ сочувствіемъ и уклонялся отъ изображенія людей порочныхъ, а живыхъ людей онъ даже идеализировалъ» [2]). Избѣжать идеализаціи не могъ онъ и въ Похвальномъ Словѣ.

Отчасти изъ такого кроткаго, мягкаго и любящаго характера Карамзина, склонявшагося и способнаго къ идеализаціи личностей, вытекало усвоеніе имъ ученія о громадномъ въ исторіи значеніи великихъ людей,—«ученія, столь важнаго для нравственнаго воспитанія и столь удобнаго для исторической живописи, хотя и не вполнѣ вѣрнаго исторически» [3]). Великіе люди, по мнѣнію Карамзина, «полубоги человѣчества», «любимцы неба», «рѣшатъ судьбу человѣчества», пода-

---

[1]) *Галахов*, Карамзинъ, какъ оптимистъ. Отеч. Записки 1858, № 1, стр. 140.

[2]) *Щебальскій*, Николай Михайловичъ Карамзинъ. Русскій Вѣстникъ 1866, № 11.

[3]) Выраженіе *Бестужева-Рюмина*: «Карамзинъ, какъ историкъ». Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 1, стр. 9, и въ отдѣльной книгѣ «Воспоминаній и характеристикъ».

вая другъ другу руки[1]). Такъ и наши великіе люди XVIII-го в., Петръ I и Екатерина II, находятся въ тѣснѣйшей связи между собою: «они другъ другу, на величественномъ Θеатрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку!»... Въ оправданіе Карамзина нельзя не признать, что примѣненіе къ Екатеринѣ его ученія о роли великихъ людей было довольно удачно: *личность* Екатерины имѣла огромное значеніе въ средѣ ея дѣятельности, являясь издали почти единымъ свѣточемъ, какъ то показываетъ и Державинская «Фелица»; недаромъ сама Екатерина вѣрила въ значеніе великихъ людей и героевъ.

Напередъ понятно, какъ, послѣ причисленія Екатерины къ великимъ людямъ, станетъ смотрѣть на нее въ общемъ Карамзинъ. Вѣрный своей теоріи о такихъ людяхъ, Карамзинъ будетъ видѣть въ великой императрицѣ «полубога человѣчества», который указалъ «великую цѣль»[2]). Вѣрный своему нравственному складу, восторгаясь величіемъ Екатерины, ораторъ проститъ ей тѣ слабости, какія замѣтитъ въ ней.

---

[1]) Вотъ ученіе Карамзина о великихъ людяхъ: «Зерцало вѣковъ. Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! Какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ».—Въ нашемъ вѣкѣ роль личности въ исторіи подвергалась неоднократному обсужденію. Особый интересъ представляетъ мнѣніе Карлейля, по которому истинно-великій человѣкъ—«всегда труженикъ», и неизмѣнное его призваніе—служить людямъ. «Онъ первый рабочій на поденномъ трудѣ своихъ ближнихъ, первый мститель за неправду, первый восторженный цѣнитель всего благого. Если онъ—государь, то ему нѣтъ покоя, пока хотя одинъ изъ его подданныхъ обойденъ въ своихъ насущныхъ нуждахъ, если онъ—мыслитель, ему нѣтъ отдыха, пока хотя одна ложь считается неложью. Дѣятельность его не терпитъ остановокъ, и онъ вѣчно стремится къ идеалу, хотя бы и недостижимому. Если онъ разъ уклонился отъ своего пути—онъ уже согрѣшилъ, если онъ разъ поставилъ свое я выше общихъ интересовъ, онъ уже не герой». Теорія о великихъ людяхъ была отрицаема Маколеемъ и подвергнута безпощадной критикѣ Спенсеромъ, но, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть признана вполнѣ опровергнутой.

[2]) Ср. выше выдержку, приведенную въ примѣч. 2-мъ на стр. 289.

Похвальное Слово подтверждаетъ эти соображенія. Изъ многихъ мѣстъ его, идеализующихъ Екатерину, какъ великую личность и избранницу Судебъ, приведемъ слѣдующее: «Она безпрерывными шагами текла къ Своему великому предмету; писала уставы на мраморѣ, неизгладимыми буквами; творила во-время, и потому для вѣчности, и потому дѣлъ Своихъ не передѣлывала, и потому народъ Россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непремѣнныхъ, подобно законамъ міра. Европа удивлялась щастію Екатерины: Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое щастіе». Иной разъ ораторъ впадаетъ въ явный риторизмъ: «Екатерина преломила бы скипетръ Царскій, восклицаетъ Карамзинъ, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, естьлибы они не служили Ей средствомъ ощастливить Россіянъ».

Въ силу такого воззрѣнія на Екатерину и своего природнаго благодушія, а также оптимизма XVIII в. и чувства искренней благодарности гражданина, Карамзинъ отнесся снисходительно къ погрѣшностямъ и слабостямъ своей героини. Какъ настоящій патріотъ, онъ забылъ даже несправедливость покойной государыни въ отношеніи къ нему самому, и рѣдко въ комъ можно встрѣтить такое безпристрастіе! Но при всемъ томъ его нельзя обвинять въ умышленномъ искаженіи и скрашиваніи неприглядныхъ фактовъ, хотя бы и ради патріотическихъ цѣлей [1]).

Если Карамзинъ невѣрно истолковывалъ факты, это дѣлалось имъ неумышленно: вездѣ онъ старался быть правдивымъ. Прежде чѣмъ восхвалять Екатерину, онъ принялъ рѣшеніе говорить только правду [2]).

---

[1]) Такое скрашиваніе предполагалъ Погодинъ, по мнѣнію котораго Карамзинъ «умѣлъ возвыситься надъ личностями, частностями и мелочами и хотѣлъ только почтить благодѣянія, разлитыя императрицею Екатериною въ отечествѣ, чтобы ея преемникъ выразумѣлъ основательно ея достоинства и вмѣнилъ себѣ въ обязанность идти по слѣдамъ ея».

[2]) Въ началѣ Слова Карамзинъ восклицаетъ: «Горе тому, кто, представляя себѣ Екатерину, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава». Онъ не имѣлъ въ виду льстить Александру, хваля великую бабку его. Онъ зналъ, что лесть «не ужалитъ орла, подъ небесами парящаго», и отвращается отъ нея, называя ее «гнуснымъ гадомъ, пресмыкающимся въ прахѣ». Свою похвалу Екатеринѣ Карамзинъ ставилъ выше похвалъ, расточавшихся ей при жизни ея: «И самаго недостойнаго Государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ:

Это рѣшеніе выполнено, на нашъ взглядъ, не вполнѣ удовлетворительно. Наряду съ вѣрной исторіи оцѣнкою дѣяній Екатерины [1]) по мѣстамъ можно встрѣтить преувеличенія [2]). Но для насъ важно, что Карамзинъ восхвалялъ Екатерину преимущественно за ея идеи. Этимъ объясняется, что онъ отвелъ такъ много мѣста Наказу. Онъ сознавалъ, что многое и не сдѣлано Екатериною, но, по его мнѣнію, въ томъ не ея вина; важно было начало, полагавшее основаніе болѣе свѣтлому будущему [3]). Если есть невѣрности въ частностяхъ, то общій взглядъ на царствованіе Екатерины не представляетъ крупныхъ ошибокъ.

Такимъ образомъ, Державинъ оказывается въ «Фелицѣ» поэтомъ-сердцевѣдцемъ, исполненнымъ благороднаго одушевленія. Въ Карамзинѣ же, какъ въ авторѣ «Похвальнаго Слова» Екатеринѣ, можно

ибо его боятся, или гнусные льстецы хотятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки выпадетъ, когда Монархъ платитъ дань общему року смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу Истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ царя, произноситъ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютъ его».

[1]) По поводу Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія Карамзинъ замѣчаетъ: «Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ; скажемъ—что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства». Карамзинъ хорошо понялъ причину того, что и Наказъ, и Коммиссія не имѣли полнаго вліянія на государственный строй Россіи, и этотъ выводъ, какъ и нѣкоторые другіе, можетъ быть принятъ историческою наукою.

[2]) Карамзинъ, подобно Державину (тоже и у Ленца—см. выше—и у Касти), постоянно толкуетъ о народномъ счастіи въ правленіе Екатерины. Напримѣръ, по поводу введенія въ дѣйствіе Учрежденія о губерніяхъ, Карамзинъ пишетъ: «Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разставаться съ мирными Пенатами, чтобы въ отдаленіи искать защиты отъ притѣснителя, суда на хищнаго сосѣда или потребностей для жизни своей. Уже каждое селеніе означаетъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пастыря и оратая». Что это было за правосудіе, извѣстно.

[3]) Карамзинъ такъ заключаетъ первую часть Слова: ..... «пожалѣемъ о краткомъ вѣкѣ смертнаго! Когда бъ Монархи были только Законодателями, то Екатерина, безъ сомнѣнія, успѣла бы образовать Россію совершенно; но труды ихъ столь безчисленны, столь разнообразны, что умъ обыкновенный теряется въ сей необозримости. Внѣшняя политика, внутреннее правленіе, трудное и на многіе предметы обращенное правосудіе, занимая всю душу, истощаютъ ея дѣятельность, которая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ глазъ историка, не менѣе нужна и спасительна для государствъ; и которая, подобно тонкимъ, едва замѣтнымъ нитямъ ручейка, мало по малу образующимъ свѣтлую рѣку, обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя только чрезъ большее пространство времени, представляя картину народнаго щастія, удовольствія и порядка».

признать благороднаго, весьма образованнаго и умнаго патріота и вмѣстѣ писателя, не только хорошо владѣвшаго перомъ, но и выказавшаго крупный историческій талантъ въ справедливой оцѣнкѣ царствованія Екатерины.

Какъ Державинъ считалъ Фелицу достойною удивленія и подражанія со стороны ея подданныхъ въ ея умѣньѣ «пышно и правдиво жить, укрощать страстей волненье и счастливымъ на свѣтѣ быть», такъ Карамзинъ ставилъ ее въ идеалъ государямъ. Оба, равно преклоняясь передъ нею и признавая ее достойною безсмертія, были равно безкорыстны въ похвалахъ ей [1]). Они совершали при этомъ не только гражданскій подвигъ [2]), но и дѣло болѣе или менѣе справед-

---

[1]) Если Державинъ получилъ за свою оду 500 червонцевъ, то изъ того еще не слѣдуетъ, что онъ писалъ для награды. Екатерина не за похвалы наградила его. По справедливому замѣчанію Грота (Современникъ 1846, № 12, стр. 233), «Она отличила въ немъ не столько поэта, сколько подданнаго, который въ произведеніи своемъ обнаружилъ, вмѣстѣ съ талантомъ, доблесть души, драгоцѣнную для общества». Замѣтимъ, что Державинъ, какъ поэтъ, почиталъ своею обязанностью «говорить царямъ истину и правду». Не желая льстить Екатеринѣ, онъ написалъ «Фелицу» въ формѣ иносказательной. Въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ о Екатеринѣ: «хотя я и писалъ стихи въ похвалу ея торжествъ, всегда однако обращался съ аллегоріями, или какимъ другимъ тонкимъ образомъ къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ».

[2]) «Старыхъ литераторовъ, говоритъ Погодинъ (Вѣстн. Евр. 1866, IV, стр. XIII), упрекаютъ въ лести. Никакая лесть не опасна, сопровождаемая подобными уроками. Нѣтъ, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ не льстили, а учили царей между строками кажущейся лести». «Державинъ не льстецъ», говоритъ также Хомяковъ. Напомнимъ еще взглядъ Рылѣева въ стихотвореніи «Державинъ»:

Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ...
Повсюду чести неизмѣнный,
Царямъ ли правду говорилъ,
Иль поражалъ порокъ надменный.

Иначе судитъ о характерѣ Державина Грыцько (Елисеевъ; цит. ст., стр. 270 и слѣд.), различающій, впрочемъ, при оцѣнкѣ людей XVIII в., «патріархальныя понятія того времени и современныя понятія». Ср. приведенныя нами слова Грота о раздвоеніи Державина. Послѣдняго нельзя вполнѣ освободить отъ обвиненія въ лести временщикамъ (Ср. Waliszewski, Autour d'un trône, p. 166), но во всякомъ случаѣ «Фелицу» нельзя причислить къ продуктамъ лести. При чтеніи ея, Екатерина заплакала и спросила кн. Дашкову, кто бы могъ такъ коротко знать ее, что такъ хорошо описалъ ее? Не значитъ ли это, что, по выраженію Грота (Р. Вѣстн. 1866, № 2, стр. 468), «поэтъ уяснилъ ей самой идеалъ, который она стремилась осуществить собою»? Ср. въ Запи-

ливой и возвышавшей душу оцѣнки, которой не можетъ не принять во вниманіе и безпристрастный историкъ, и чувства обоихъ благородныхъ и великихъ нашихъ писателей не могутъ хотя бы отчасти не передаваться и намъ—позднѣйшему потомству.

Итакъ, выдававшіеся широтою взгляда либо способностію глубокосердечно воспринимать благородныя начинанія дѣятели литературы Екатерининскаго времени, какъ за границей, такъ и у насъ, Вольтеръ, Державинъ, Карамзинъ высоко поставили Екатерину въ своей общей оцѣнкѣ ея личности. За свѣтлыя черты характера, просвѣтительную дѣятельность и провозглашеніе и также слѣдованіе гуманнымъ началамъ, составлявшимъ лучшую часть прогрессивнаго движенія прошлаго вѣка, названные писатели прощали Екатеринѣ ея недостатки и промахи, которыхъ не могли забыть ей порицатели ея правленія начиная съ «персоначальнаго хулителя» ея, Петра Ивановича Панина, въ томъ числѣ писатели столь же честные и просвѣщенные, но оказавшіеся болѣе нетерпимыми въ отношеніи къ Екатеринѣ и болѣе односторонними, каковы въ душѣ своей заклятый врагъ Екатерининскаго двора кн. М. М. Щербатовъ, А. Н. Радищевъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ всѣ тѣ люди младшаго поколѣнія времени Екатерины, которые, не удовлетворяясь сдѣланнымъ ею, желали еще большаго [1]). Послѣдніе, быть можетъ, забывали, что въ исторіи не можетъ быть быстрыхъ скачковъ и что для успѣха извѣстныхъ идей въ обществѣ нужна постепенная подготовка хотя лучшей части послѣдняго къ воспрія-

---

скахъ Храповицкаго подъ 27 іюня и 11 іюля 1789 г. о докладахъ по дѣлу Державина, когда императрица прочла изъ «Фелицы»:

Еще же говорятъ неложно и *проч.*

Въ этой одѣ, какъ и во многихъ другихъ, по словамъ Гоголя, «многое такъ сказано сильно, что еслибы даже нашелся такой Государь, который позабылъ бы на время долгъ свой, то, прочитавши сіи строки, вспомнитъ онъ вновь его и умилится самъ предъ святостью званія своего».

[1]) Интересное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находимъ въ Карамзинской запискѣ «о древней и новой Россіи»: «...особенно въ послѣдніе годы ея жизни, дѣйствительно слабѣйшіе въ правилахъ и исполненіи, мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину, отъ привычки къ добру уже не чувствуя всей цѣны онаго и тѣмъ сильнѣе чувствуя противное, доброе казалось намъ естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ порядка вещей, а не личной Екатерининой мудрости, худое же ея собственною виною». Ср. въ статьѣ г. Ключевскаго.

тію ихъ, подготовка, которая и составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ Екатерины. А первые, какъ Державинъ и Карамзинъ, напрасно толковали о всенародномъ счастіи въ правленіе Екатерины, забывая то, что̀ приводило въ такое негодованіе благородныхъ печальниковъ угнетеннаго народа, напр. Радищева въ прошломъ вѣкѣ, негодовавшихъ на усиленіе закрѣпощенія крестьянъ въ царствованіе Екатерины [1]).

Нельзя признать совсѣмъ правыми ни хвалителей [2]), ни порицателей Екатерины, но если производить сравнительную оцѣнку сужденій тѣхъ и другихъ, то нельзя не сказать, что первые ближе вторыхъ подошли къ справедливости, какая должна быть соблюдаема при обсужденіи столь всегда несовершенныхъ личностей и дѣлъ человѣческихъ. Конечно, абстрактныя похвалы со стороны вождей французскаго просвѣтительнаго движенія, далекія отъ полнаго знакомства со страною «варваровъ», какъ все еще именовали русскихъ, основанныя лишь на общихъ соображеніяхъ по обычаю XVIII-го в., не представляютъ для насъ особой цѣны. Онѣ свидѣтельствуютъ лишь наглядно о томъ фактѣ, который составляетъ одну изъ несомнѣнныхъ заслугъ Екатерины, о полномъ пріобщеніи ею Россіи къ союзу чисто европейскихъ государствъ и о признаніи того Западомъ; то было первое вполнѣ сочувственное отношеніе къ Россіи послѣ цѣлаго ряда вѣковъ пренебрежительнаго отношенія къ ней Запада, начиная со времени средне-вѣковой католической теократіи. Невозможно также присоединиться къ хору тѣхъ неразумныхъ русскихъ хвалителей, которые уже въ свое время вызывали справедливое негодованіе неумѣренностію и льстивостію своихъ хвалебныхъ гимновъ и панегириковъ [3]). Но, съ другой стороны, нельзя не признать счастливой цар-

[1]) Замѣтимъ, что народъ не соединялъ съ именемъ Екатерины представленія объ утѣсненіи. Кромѣ памяти народа о «матушкѣ царицѣ» народныхъ пѣсенъ, отзывы которыхъ приведены въ концѣ статьи г. Вильбасова, укажемъ еще на малороссійскую пословицу: «За царыци ільи паляныци, а за цара нема й сухара».

[2]) Къ перечисленнымъ прежде прибавимъ И. Е. Срезневскаго, о похвалѣ котораго Екатеринѣ II см. въ Ж. М. Н. Пр. 1898, № 6.

[3]) Кромѣ приведенной выше выдержки изъ стихотворенія Княжнина, можно бы указать и другія подобныя порицанія; такъ, въ «Сатирѣ первой и послѣдней» В. Капниста (см. его «Сочиненія», Во градѣ св. Петра, 1796 г., стр. 53) читаемъ:

Иные, чтобъ себя предъ свѣтомъ отличить,
Усердіемъ своимъ стремятся помрачить
Дѣла Монархини, воспѣвъ ихъ недостойно,
Нелѣпымъ голосомъ и низко и нестройно.

Ср. еще на стр. 55—56 того же произведенія.

ственную личность, умѣвшую создавать почтеніе къ себѣ даже въ средѣ враговъ [1]), внушать неподдѣльный восторгъ, пріобрѣтать уваженіе людей, подобныхъ Новикову и Карамзину, и ставшую предметомъ такой оды, какъ «Фелица». Въ ряду одъ XVIII в. мы не найдемъ другой, которая была бы такимъ слiяніемъ искренней, восторженной похвалы и правды безъ лести, а также истолкованіемъ и осмысленіемъ благородной и просвѣтительной государственной дѣятельности, являвшимися какъ бы и своего рода дальнѣйшей программой ея. Историкъ, который будетъ описывать въ послѣдующее время дѣянія Екатерины, не представитъ ея, конечно, съ такой сердечной теплотою и одушевленіемъ, съ какими изображали ее Карамзинъ и Державинъ, но эти писатели заставляютъ забыть многія изъ предубѣжденій противъ Екатерины.

И мы не можемъ не признать, что Екатерина, не бывшая ревностною искательницею истины и любившая показной блескъ, не была устойчива въ своихъ начинаніяхъ; но въ объясненіе послѣдняго мы не должны забывать, что она, по своимъ идеямъ, долго была почти одинока въ Россіи, не имѣла надлежащаго количества сподвижниковъ, соотвѣтствовавшихъ ея стремленіямъ, да и сверхъ того, по ея собственнымъ словамъ, не довѣряла «людямъ системы»; оттуда ея невниманіе къ проектамъ Дидро. Обладая практическимъ умомъ наряду съ любовью къ наукѣ и литературѣ, Екатерина, по вступленіи на престолъ, увидѣла довольно скоро, какъ трудно было примѣнять на практикѣ во всей полнотѣ идеи просвѣтительной философіи, увлекавшія ее въ годы молодости. Въ силу того она не улучшила даже положенія казенныхъ крестьянъ, раздавала ихъ своимъ любимцамъ, и въ общемъ положеніе крестьянъ ухудшилось. Послѣ того отмѣна званія раба, характеризующая систему Екатерины, имѣла мало практическаго значенія. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что эта императрица была не всегда послѣдовательна въ осуществленіи своихъ

---

[1]) См., напр., въ «Głos JW. Seweryna Rzewuskiego, hetmana polnego koronnego, na Sessyi Konfederackiej dnia 31 Stycznia 1793 Roku miany» (печатный листокъ): «Wie cały świat, iż Wielka owa Katarzyna, która Nam w zamian zaufania Naszego w Niey bez granic, podała swą Przyiacielską Rękę, była iedna, która ustawnie o nowy rozbior Kraju nalegana; ustawnie go wrodzona Wielkością duszy swoiey odrzucała; bardziey sławy Imienia Zaszczycielki sprzymierzeńcow swoich, niż korzyści nowonabytego Kraiu chciwa» и т. д.

болѣе раннихъ идей, иногда шла даже въ разрѣзъ съ ними, усиливъ крѣпостничество и сословную рознь, а въ годы Революціи значительно отстала отъ нихъ и подпала преувеличеннымъ, иной разъ совсѣмъ неосновательнымъ, опасеніямъ, какъ то показала, кромѣ дѣла Новикова, еще катастрофа, постигшая «Вадима Новгородскаго» [1]). Но вспомнимъ при этомъ, что ужасы революціи отшатнули отъ французскихъ идей даже такихъ людей свободной мысли и мечтателей, какъ Шиллеръ и англійскіе поэты Уордсуортъ и Кольриджъ, бывшіе первоначально приверженцами этихъ идей, а главное—годы поворота и реакціи (1785—1796) не искоренили результатовъ лучшихъ лѣтъ правленія Екатерины; ихъ не уничтожили ни неурядицы въ финансовомъ управленіи и нестроенія, характеризовавшія послѣднее время этого царствованія [2]), ни мельчавшій фаворитизмъ, ни попытки развитія корпоративной организаціи дворянства и городскаго населенія, порожденныя слѣдованіемъ идеямъ Монтескье.

Для правильности общей оцѣнки царствованія мы должны принимать во вниманіе всю совокупность фактовъ и рѣшать въ ту или другую сторону по большинству и важности ихъ. Въ данномъ случаѣ такими важнѣйшими фактами являются не только великій государственный смыслъ Екатерины и ея благія общія стремленія, духъ ея царствованія, много содѣйствовавшій укорененію новыхъ, лучшихъ началъ государственной, общественной и личной жизни, но также и множество несомнѣнно добрыхъ дѣлъ ея, начиная съ государственной благотворительности. Эти дѣла Екатерины, каковы: заботы о воспитаніи и образованіи, поднятіе значенія литературы, уничтоженіе званія раба и т. п., были вызваны отчасти тою «философіею», которой слѣдовала императрица. Благодаря уваженію Екатерины къ Вольтеру и энциклопедистамъ, на Руси разлилось широкой волной легкое, не-

---

[1]) Трагедія «Вадимъ Новгородскій» и указъ о сожженіи ея перепечатаны у Вурцева: Описаніе рѣдкихъ Россійскихъ книгъ, ч. I, Спб. 1897, стр. 106—175.

[2]) См. въ «Сочиненіяхъ князя М. М. Щербатова», т. I, Спб. 1896, стр. 629—682: «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1778 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же нещастіе», и тамъ же стр. 682—720: «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года, при началѣ турецкой войны». О русскомъ войскѣ въ концѣ царствованія Екатерины см. замѣчанія Ланжерона, приведенныя въ статьѣ Брикнера: Русская Мысль 1896, № 11.

продуманное вольнодумство, не имѣвшее прочныхъ устоевъ [1]), а вмѣстѣ съ нимъ и развращеніе. Но не надо забывать, что просвѣтительное умственное и литературное движеніе прошлаго вѣка содержало въ себѣ немало и благотворныхъ началъ. И послѣднія, помимо нѣкоторыхъ несомнѣнно печальныхъ воздѣйствій, указанныхъ уже Щербатовымъ и также Карамзинымъ въ запискѣ «о древней и новой Россіи», повліяли въ общемъ весьма благотворно на созиданіе новой Россіи. Екатеринѣ II принадлежитъ весьма видная доля въ этомъ созиданіи, и потому мы можемъ съ полнымъ правомъ примкнуть къ одушевленію лучшихъ писателей времени Екатерины, прославившихъ обаяніе ея личности, ея основныхъ идей и ея добрыхъ дѣлъ. Мы можемъ раздѣлять ихъ сочувствіе общему духу царствованія Екатерины, ея дѣламъ и словамъ, также имѣвшимъ немало значенія. Справедливо замѣтилъ кн. Вяземскій, что «слова, падающія въ народъ съ высоты престола, имѣютъ всегда отголосокъ въ народѣ, не только въ настоящемъ, но часто, кажется, до новаго дня въ будущемъ» [2]). Гуманныя начала, одушевлявшія Екатерину, не были всецѣло водворены ею въ русскомъ государственномъ и общественномъ строѣ и проведены во всѣхъ мѣрахъ, но въ широкомъ признаніи ихъ оффиціальная Россія стала впервые въ уровень съ вѣкомъ [3]). Императрица была авторитетнѣйшею и главною распространительницею просвѣтительныхъ и либеральныхъ идей, которыя были какъ бы откровеніемъ для Россіи Екатерининскаго времени. Съ той поры началось истинное слiяніе общеевропейскихъ началъ культуры съ народностію въ Россіи, что было тѣмъ легче, что въ существѣ эти начала не были чѣмъ-нибудь новымъ по сравненію съ завѣтами истиннаго христіанства. Та новая порода людей, о созданіи которой воспитаніемъ мечтала Екатерина и ея сподвижники, начала появляться къ концу ея царствованія и въ непосредственно слѣдовавшее за нимъ время. Гуманныя начала стали проникать болѣе или менѣе глубоко въ русскую жизнь, развилась «чувствительность» въ широкомъ мыслѣ этого слова и у

---

[1]) См. ст. *Ф. А. Терновскаго*: «Русское вольнодумство въ вѣкъ Екатерины»—«Труды Кіевской Духовной академіи» 1869 г.

[2]) Стр. 635 «Отмѣтокъ».

[3]) Справедливо говоритъ Knox Johnson въ «Fortnightly Rev.» 1896, Novemb., p. 672: «She is here, in spite of all that has been said, exactly where we invariably find her, neither a day in front of her age nor a day behind».

насъ [1]), и подъ вліяніемъ всего этого выдвигались такіе благородные, отдававшіе себя общему благу, дѣятели, какъ Новиковъ. А на ряду съ ними сколько явилось менѣе замѣтныхъ и извѣстныхъ поборниковъ и исповѣдниковъ новыхъ идей [2])! Послѣднія несомнѣнно входили въ русскую жизнь, и тѣмъ открывалась дорога дальнѣйшему преуспѣянію. Всѣмъ этимъ русское самодержавіе вступало на новый путь со времени Екатерины. «Нѣкоторыя изъ предполагаемыхъ преобразованій и государственныхъ попытокъ ея, какъ напр. созваніе депутатовъ со всей Россіи [3]), не вполнѣ развились и осуществились; но и сами положенныя, набросанныя начала, хотя не дозрѣли до событія, не менѣе того оставили слѣды по себѣ [4]), сами собою были они уже благотворительны. Они внесли въ общество новыя понятія и новыя стремленія. Они, такъ сказать, перевоспитали общество, или, по крайней мѣрѣ, значительную часть его... Эти силы (неочевидныя, неосязательныя), которыми располагала Екатерина, послѣ временнаго молчанія, сочувственно и ободрительно отозвались въ первыхъ годахъ царствованія любимаго ею внука, онѣ отзываются и нынѣ» [5]).

---

[1]) О «чувствительности» конца прошлаго вѣка и переходѣ ея въ общественныя стремленія, между прочимъ и въ дѣйствительной жизни, напр., въ личности Радищева, см. въ ст. *Алексѣя Н. Веселовскаго*: «Чувствительный и холодный», Русскія Вѣдомости 1897, № 119; тамъ же говорится и о продолженіи этихъ Карамзинскихъ типовъ въ послѣдующія времена русской жизни.

[2]) Назовемъ хотя бы Друковцева, о которомъ см. замѣчанія А. А. Котляревскаго въ «Чтеніяхъ въ истор. Общ. Нестора-лѣтописца», II, К. 1888, стр. 108—111. Нѣсколько свѣдѣній о Друковцовѣ см. у Бурцева I, 55 (о «Бабушкиныхъ сказкахъ» его).—Ср. *Архангельскій*, Императрица Екатерина II въ исторіи русской литературы и образованія, Каз. 1897, стр. 56—57; В. С. Иконниковъ, Значеніе царствованія Екатерины II, стр. 93 и слѣд.

[3]) По мысли Екатерины, депутаты вызывались въ качествѣ свѣдущихъ людей, могшихъ сообщить правительству необходимыя справки и заявить желанія, которыя могли быть приняты имъ во вниманіе. Правительство не думало при этомъ поступаться самодержавіемъ, при которомъ возможна, по мнѣнію Екатерины, слѣдовавшей въ этомъ за Монтескье, и свобода, «разумъ вольности, который въ сихъ державахъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію, какъ и самая вольность».

[4]) Это можно сказать, напр., о Наказѣ, который не остался безъ вліянія на жизнь.

[5]) Слова кн. Вяземскаго. Ср. у Виппера l. c., 10: «Екатерина заимствовала у Монтескье мысль, осуществленіе которой такъ занимало потомъ людей александровскаго времени; именно: она желала найти въ неограниченной монархіи своего рода конституціонную норму, сообразовать функціонированіе ея учрежденій съ извѣстной

Такимъ образомъ, царствованіе Екатерины ознаменовалось крупнымъ ростомъ и значительными успѣхами нашего самопознанія и самосознанія и подготовило лучшія начинанія царствованія Александра I[1]) и дальнѣйшія лучшія теченія русской жизни. Оно было важною и весьма видною ступенью въ подъемѣ и движеніи новой Россіи къ преуспѣянію въ духѣ новоевропейской гражданственности, ограждающей свободу и достоинство личности.

Могучее споспѣшествованіе этому движенію, неизбѣжно сопряженному съ поднятіемъ чувства личнаго достоинства, ростомъ народнаго самосознанія и дѣйствительнымъ проникновеніемъ лучшими началами культуры, и составляетъ главную заслугу Екатерины II. Заслуга эта, какъ мы видѣли, была хорошо понята и отмѣчена уже лучшими русскими литераторами—современниками Екатерины, сужденія и чувствованія которыхъ мы изложили, и они много помогаютъ намъ въ уразумѣніи великаго значенія царствованія этой императрицы въ исторіи русскаго народа.

Н. Дашкевичъ.

твердой основой, съ фундаментальнымъ закономъ». Ср. еще у Архангельскаго стр. 59—60 и В. С. Иконникова, стр. 104.

[1]) Какъ извѣстно, Александръ I даже своимъ воспитателемъ имѣлъ человѣка, который былъ первоначально приверженцемъ и распространителемъ тѣхъ самыхъ философскихъ идей, которыми вдохновлялась и Екатерина въ лучшіе годы своего царствованія. Само собою разумѣется, что Александръ I подпадалъ и позднѣйшимъ воздѣйствіямъ, напр. ново-французскимъ государственнымъ идеямъ либерально-централистическаго пошиба.

Россія временъ Екатерины II-й въ „Il Poema Tartaro", G. Casti.

Въ 1782 г. итальянскій поэтъ Касти читалъ при вѣнскомъ дворѣ многимъ придворнымъ только что написанную имъ «Татарскую поэму» [1]). Заинтересованный разговорами объ этомъ произведеніи Іосифъ II пожелалъ и самъ ознакомиться съ поэмой, и авторъ поднесъ ему хорошо переписанный и дополненный нѣкоторыми эпизодами экземпляръ. Прочитавъ поэму, императоръ счелъ благоразумнымъ временно удалить Касти отъ двора и поэтому посовѣтовалъ ему отправиться въ Константинополь, вручивъ ему для этой цѣли 300 цекиновъ. Все это произошло вскорѣ послѣ пріѣзда Касти изъ Петербурга въ Вѣну, куда онъ поспѣшилъ вернуться въ надеждѣ занять свободную, благодаря недавней передъ тѣмъ смерти Метастазіо, вакансію придворнаго поэта. Онъ пользовался тогда уже довольно громкой извѣстностью талантливаго стихотворца и раньше жилъ нѣсколько лѣтъ при дворѣ въ Вѣнѣ, гдѣ, повидимому, пріобрѣлъ большое благоволеніе Іосифа II, который отправилъ его съ сыномъ министра Кауница въ путешествіе по Европѣ. Во время этого путешествія Касти удалось побывать и въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ при дворѣ Екатерины II, присмотрѣлся къ Россіи и, вернувшись въ Вѣну, а можетъ быть и въ бытность свою въ Петербургѣ, написалъ «Il Poema Tartaro» — «Татарскую поэму», имѣющую своимъ содержаніемъ современную автору русскую жизнь, а дѣйствующими лицами—многихъ историческихъ дѣятелей Екатерининской эпохи. Авторъ старается дать возможно полную картину русской жизни, не скупясь на характеристики и описанія, хотя освѣще-

[1]) *Giambattista Casti.* Il Poema Tartaro.

ніе этой картины слишкомъ односторонне, и критика бичующаго автора не всегда безпристрастна.

Поэма состоитъ изъ 12 пѣсенъ, написанныхъ октавами. Ея дѣйствіе, перенесенное авторомъ на времена крестовыхъ походовъ, развивается въ Азіи, въ татарскомъ царствѣ, преимущественно въ столицѣ этого царства, Каракорѣ. Подъ татарскимъ царствомъ, конечно, нужно разумѣть Россію, подъ Каракорой—Петербургъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе поэмы:

Молодой, богатый ирландскій дворянинъ Томасъ Скардассаль, охваченный всеобщимъ энтузіазмомъ, продаетъ все свое имѣніе, чтобы принять участіе въ одномъ изъ крестовыхъ походовъ (1230). Походъ кончается неудачно; въ сраженіи подъ Газой султанъ Мелекъ-Сала разбиваетъ крестоносцевъ на-голову, и нашъ герой между многими другими попадаетъ плѣнникомъ въ Каиръ. Отсюда Мелекъ-Сала посылаетъ его въ подарокъ вавилонскому калифу, который въ скоромъ времени, чувствуя большую симпатію и довѣріе къ молодому плѣнному, дѣлаетъ его надзирателемъ своихъ висячихъ садовъ. Здѣсь Томасъ знакомится съ одной изъ женъ султана, прекрасной Зельмирой, безумно влюбляется въ нее, и Зельмира отвѣчаетъ ему взаимностью. Когда же калифъ, въ видѣ особаго своего благоволенія къ Скардассалю, желаетъ сдѣлать его своимъ великимъ евнухомъ, то влюбленные бѣгутъ изъ Вавилона въ Черкассію къ отцу Зельмиры, правителю этой страны. Почти добравшись до родины Зельмиры, бѣглецы наталкиваются на татарскій лагерь и попадаютъ въ плѣнъ къ Батту, татарскому вождю, внуку Чингисъ-Хана. Молодой Менго, родственникъ Батту, увлекшись красотой Зельмиры, отбираетъ ее у Томаса, котораго самъ Батту скоро приближаетъ къ себѣ и дѣлаетъ своимъ полковникомъ. Въ это время изъ столицы—Каракоры—приходитъ извѣстіе, что Оттай (т. е. Петръ III) умеръ, и Батту спѣшитъ къ столицѣ въ надеждѣ занять татарскій престолъ. Но Турракина (такъ авторъ называетъ Екатерину II; иногда онъ называетъ её Каттуной), жена умершаго царя, провозглашаетъ въ это время себя императрицей. Томасъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ Батту попадаетъ въ Каракору и здѣсь во время торжественной аудіенціи, данной новой императрицей въ честь Батту, знакомится съ какимъ-то грекомъ Сивеномъ. Послѣдній уже давно живетъ въ Каракорѣ и хорошо знаетъ этотъ городъ. Скардассаль очень нравится Сивену; онъ принимаетъ въ немъ большое

участіе и постепенно знакомитъ его съ жизнью и обычаями чужой для него страны.

Красота и воспитанность Томаса однако не остаются незамѣченными при дворѣ. Сама императрица отличаетъ его среди другихъ, приближаетъ къ себѣ и производитъ въ генералы; такимъ образомъ онъ скоро становится важнымъ лицомъ въ государствѣ, принимаетъ близкое участіе въ дѣлахъ правленія и между прочимъ сопровождаетъ Каттуну въ ея путешествіи на поклоненіе великому Фо, во время котораго она переводитъ на татарскій языкъ какой-то арабскій романъ (здѣсь авторъ, очевидно, говоритъ о Велизаріи Мармонтеля, переведенномъ Екатериной II во время путешествія по Волгѣ). Однако Скардассаль не долго пользуется своимъ блестящимъ положеніемъ. Происки вельможи Тотò (Потемкина) заставляютъ его не только лишиться своего величія, но и быть сосланнымъ въ отдаленныя области Азіи. Въ изгнаніи Томасъ сводитъ дружбу со своимъ начальникомъ Боццономъ, другомъ Чингисъ-Хана, т. е. Петра Великаго. Этотъ Боццонъ разсказываетъ нашему герою много интереснаго о своемъ великомъ другѣ, отзываясь о немъ съ восторженными похвалами. Въ это время въ Каракорѣ происходитъ возмущеніе; Каттуна и Тотò лишаются власти и, въ свою очередь, ссылаются въ изгнаніе на тотъ же островъ, гдѣ находится Томасъ; послѣдній возвращается въ Каракору и тамъ, вскорѣ по возвращеніи, умираетъ на рукахъ своей бывшей возлюбленной, Зельмиры, ставшей уже супругой новаго татарскаго правителя, молодого Менго.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе поэмы, не богатой дѣйствіемъ, но обильной описаніями и разсужденіями.

При чтеніи ея читатель выноситъ странное впечатлѣніе какой-то пестрой смѣси прекрасныхъ художественныхъ описаній, мѣткихъ замѣчаній, огромной, хотя поверхностной и односторонней, наблюдательности, съ далеко несимпатичными, чтобы не сказать болѣе, и неприличными сценами, въ которыхъ авторъ довольно безцеремонно рисуетъ намъ внутреннюю жизнь своихъ героевъ,—съ цѣлыми страницами, гдѣ нѣсколько рѣзко прорывается злобная насмѣшка какъ бы обойденнаго вознагражденіемъ придворнаго піита.

Вмѣстѣ съ Сивеномъ, устами котораго говоритъ авторъ, читатель осматриваетъ весь тогдашній Петербургъ. Какъ добросовѣстный, но въ тоже время не особенно любящій то, что показываетъ, про-

водникъ-авторъ не пропускаетъ ничего при осмотрѣ. Онъ не скупится на замѣчанія: вы слышите его мнѣнія объ образованіи, воспитаніи, искусствѣ, религіи Россіи; узнаете, что онъ думаетъ о народѣ[2]), войскѣ, дворѣ, государственныхъ дѣятеляхъ. И отзывы эти далеко не лестны,—они проникнуты какимъ-то озлобленіемъ, какимъ-то безнадежнымъ разочарованіемъ, и, слушая ихъ, выносишь слишкомъ безотрадное впечатлѣніе о тогдашней Россіи. Не любитъ Сивенъ-авторъ монголовъ и не скрываетъ этого. «Я не знаю народа болѣе невѣжественнаго и суевѣрнаго, чѣмъ монголы«[3]), замѣчаетъ онъ. «Вглядись въ эту народную массу, разсмотри ее во всей ея природной дикости, въ ея природномъ костюмѣ! Грязь, грубая глупость, дикость»[4]). «Погруженный во мракѣ невѣжества, терпящій и холодъ и голодъ, гнетъ свою спину народъ подъ давящимъ игомъ тяжелаго рабства»[5]). «Человѣкъ оцѣнивается дешевле коровы и лошади, его продаютъ, покупаютъ, обмѣниваютъ»[6]). . . . . И не видитъ авторъ никакой

---

[2]) Canto II, str. 104.

Che fia poi se osservar vuolsi il costume
E della nazion la massa intiera
Abbandonata al suo natio costume
E alla selvaggia sua natura vera?
Tutto è fetôr, schifezza, e sucidume,
Stolidezza brutal, sembianza fiera,
E palesando ognor l'indole prava,
Torpe nei petti lor anima ignava.

[3]) Canto III, strof. 26.

Il popolo mogol, di cui non scerno
Il più superstizioso e più ignorante.

[4]) Ibid., str. 67.

Ma se nella gran massa il guarolo interni
Vedrai che ancora la nazion conserva
La natural rozzezza...

[5]) Canto II, strof. 60.

Il freddo inver, la fame e la fatica
Soffre la plebe alli disagi avvezza...

[6]) Ibid. strof. 75.

Curva lo schiavo popolo la schiena
Sotto dell' oppressor giogo pesante:
Men che il giumento e il bue l'uom si valuta,
Si compra, si rivende, e si permuta.

надежды, чтобы дикость эта могла быть даже современемъ уничтожена. Не вѣритъ, что въ ней могутъ быть внутреннія силы къ тому, чтобы народъ этотъ могъ пріобщиться общей культуры [7]). Плохи рабы, да и владѣльцы ничуть не лучше. Въ самихъ господахъ нѣтъ ничего порядочнаго, истинно благороднаго, культурнаго. Сами они также невѣжественны и грубы, какъ ихъ рабы, и не могутъ понять благодѣтельнаго вліянія облагораживающей цивилизаціи. «Да и какъ имъ оцѣнить, какъ почувствовать могучіе стимулы возвышающаго душу благородства, когда они съ самаго дѣтства привыкли къ грубости нравовъ и чувствъ, живя у необразованныхъ грубыхъ родителей, когда они никогда не слышали добраго слова наставника, не испытали на себѣ ни малѣйшаго вліянія, которое могло бы воспитать и образовать ихъ» [8]). А если случится, что найдутся воспитатели и наставники, то и отъ этого пользы мало. «Какіе воспитатели, Богъ мой, какіе наставники!» восклицаетъ Сивенъ: «иностранки, пріѣхавшія издалека попытать счастья, зачастую выгнанныя изъ отечества за пороки и развратъ; презрѣнные бродяги, обманщики,— вотъ люди, отъ которыхъ татарскія дѣти поучаются благородству и получаютъ образованіе» [9])!

---

[7]) Canto III, str. 10.

.... il Mogol per lettere non sorse
Chiaro giammai, nè sorgerà mai forse.

[8]) Canto II, str. 84.

Ma come mai costor poss on far stima,
Come sentir gli stimoli possenti
Di quell' onor che gl' animi sublima
Se a' lor rozzi costumi e sentimenti
Assuefatti, dall' infanzia prima
Visser fra inculti e xotici parenti;
Nè voce mai di precettor, nè cura
Diede agli spirti lor forma e coltura?

[9]) Ibid., str. 108.

Ma quai custodi oh Dio! quai precettori!
Straniere donne da lontan venute
A tentar sorte, e di lor patria fuori
Espulse, come infami o dissolute:
Vagabondi spregevoli, e impostori
I fanti son da cui la gioventute
Apprese le maniere e i sentimenti,
A chi inspirolli lor sol convenienti.

Выростутъ такіе юноши, поступятъ на службу, чаще всего на военную, нарядятся въ пышный костюмъ, нахватаются внѣшняго лоска, а подъ нимъ остается та же грубость, то же невѣжество, та же пустота. «Ты видишь только видъ добродѣтели, это лишь тѣнь воспитанія; внутрь монгола оно не проникаетъ» [10]). «Многіе изъ нихъ стараются подражать манерамъ, выраженіямъ, модамъ персовъ и китайцевъ (т. е. европейцевъ); но если въ этомъ подражаніи полагать истинное благородство, то, пожалуй, и медвѣжатъ и обезьянъ можно назвать благородными и благовоспитанными. А посмотри поглубже и увидишь того же монгола» [11]). Не можетъ монголъ стать европейцемъ; нѣтъ въ немъ внутренней способности къ воспріятію европеизма. Все это одна внѣшность, все наносно, и вся эта культурность отпадаетъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. «Увидишь монгола внѣ Монголіи и скажешь, пожалуй, что онъ очень похожъ на перса или араба, такъ онъ тщательно скрываетъ свою природную татарскую грубость и прикрывается внѣшностью цивилизаціи, а вернется на родину,—тотчасъ же принимаетъ національный характеръ, сбрасываетъ съ себѣ поддѣльный чужестранный лоскъ и становится еще больше монголомъ, чѣмъ былъ прежде [12])».

---

[10]) Canto II, str. 99.

Non troverai che di delicatezza
Un' ombra: e un' apparenza di virtute
Non penetra al mogol dentro la cute.

[11]) Ibid., str. 97.

Di gentilezza poi se mi ragioni,
Ti dirò che del perso e del chinese
Qui più d'uno lo stil, le espressioni,
Le mode, i vezzi ad imitare attese:
Se tu però la gentilezza poni
Sol nelle altrui maniere ad arte apprese
Nei motti, negli scorci e negl' inchini,
Chiama gentili pur scimie e orsacchini...

Canto III, str. 66.

.... Ma se li miri ben da capo a piedi,
S'acconcin pur, sempre il mogol ci vedi.

[12]) Ibid., str. 101.

Vedi il mogollo fuor di Mogollia
Dirai che al perso e a l'arabo somiglia;
La tartara rozzezza asconde e oblia,
E di posticcia umanità, s'abbiglia:

Нѣтъ въ нихъ внутренняго содержанія: «занимаются монголы пустяками и вовсе не думаютъ объ общественномъ благѣ» [13]). Служба, какъ таковая, ихъ не интересуетъ, да они и не занимаются ею. Правда, этого и не нужно, потому что обязанности служащаго совсѣмъ другія. «Если ты спросишь меня, говоритъ Сивенъ Скардассалю, въ чемъ заключаются обязанности военнаго человѣка,—я тебѣ скажу: цѣлые дни проводятъ они въ передникъ важныхъ особъ, толкутся тамъ вмѣстѣ со слугами и лакеями, сонливые, бездѣльные, торопясь исполнять надменные приказы, капризы и прихоти строгаго начальника или его заносчивой супруги» [14]).

Въ свободное отъ занятій время они занимаются азартной игрой, развратомъ. Дома они деспоты и относительно жены, и дѣтей, и слугъ. И всегда и вездѣ монголъ остается монголомъ, потому что ни характеръ, ни нравы его не измѣнились подъ внѣшнимъ лоскомъ европеизма, а только къ своимъ порокамъ онъ прибавилъ чужіе [15]). «И не могло быть иначе», говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ поэмы, дѣлая характеристику Петра Великаго, «потому что никто не долженъ надѣяться, что въ короткое время можно измѣнить обычаи и

Qua torna, e tosto l'indole natìa
Ed il natio carattere ripiglia;
La vernice depon falsa e straniera,
E ritorna mogol più che non era.

[13]) Canto III, str. 47.

D'aura vana il mogol si pasce e gode;
Lo strepito e la pompa delle imprese
Sol ama; e l'util publico non cerca....

[14]) Canto II, str. 85.

Passati poscia al marzial mestiere,
Quai sien gli impieghi lor se mi domandi,
Jo ti dirò, che le giornate intiere
Stansi nelle anticamere de' grandi
Confusi col lacchè, col cameriere
Sonnolenti, oziosi; e a'fier comandi
Soggetti ed ai capricci ed alle voglie
Dell' aspro duce o dell' altera moglie

[15]) Canto XI, str. 69.

Il mogol di costume e di natura
Non cangiò, no, ma vie peggior divenne,
E sotto la vernice di coltura
Vizi adottò stranieri, e i suoi ritenne...

идеи цѣлаго народа» [16]). Тутъ кстати замѣтимъ, что, отдавая должное заслугамъ Петра I, считая его истинно великимъ и говоря, что если у русскихъ есть хоть проблески культуры, то этимъ они обязаны Петру [17]), Касти дѣлаетъ ему упрекъ въ поспѣшности, съ которою онъ желалъ реформировать Россію. «Онъ слишкомъ рѣзко, говоритъ Касти, принялся за реформы, желалъ ускорить достиженіе результатовъ и насильственными мѣрами думалъ измѣнить огромную монархію. Отъ этого и результаты оказались скороспѣлыми и далеко несовершенными» [18]).

Итакъ, русское общество, какимъ его рисуетъ Касти, слишкомъ безотрадно. Все это грубые, испорченные дикари, и число порядочныхъ людей въ этой огромной толпѣ такъ незначительно, прибавляетъ онъ, что они едва замѣтны; исключенія такъ рѣдки, что о нихъ не стоитъ и говорить [19]). Тѣмъ болѣе, что, если порядочному человѣку и удалось бы выбиться на свѣтъ, то всесильное коварство всегда становится ему поперекъ дороги и отрѣзаетъ путь къ проявленію своихъ способностей [20]). Великіе умы и таланты очень рѣдки, да вовсе и не цѣ-

---

[16]) Canto XI, str. 68.

[17]) Canto XI, str. 65.

E credo io ben, che fra li vanti suoi (т. е. Петра I)
Annoverar come primier si debbe,
Che se ombra di coltura hanno i mogolli
Tutl'è gloria di lui, egli formolli.

[18]) Ibid., str. 68.

Ma perchè troppo.....
L'opra forzò per affrettar l'effetto
E con violenti metodi presunse
Dell' ampia monarchia cangiar l'aspetto;
Perciò l'intento a conseguir non giunse,
Se non che prematuro ed imperfetto:
Che in breve tempo alcun sperar non dee
De' popoli cangiar gli usi e le idee.

[19]) Canto II, str. 105.

Nell' ampia folla il numero dei buoni
È scarso sì che vi si scorge appena;
E si rare ne son le eccezioni,
Che di parlarne in ver non val la pena...

[20]) Canto II, str. 105.

Pur, se talun di rette intenzioni
Talor montar si vegga in sulla scena
La cabala possente all'erta stassi,
Le vie gli tronca e gli attraversa i passi.

нятся; истинныя заслуги и достоинства остаются въ пренебреженіи [21]; вездѣ царитъ подхалимство, пролазничество, показной блескъ, игра въ хорошія идеи. «Видѣлъ я пышное царство и видѣлъ пренебреженныя заслуги. Видѣлъ блестящія идеи, остававшіяся безъ всякого приложенія, читалъ великіе проекты, блиставшіе въ книгахъ. Изъ-подъ пышной наружности просвѣчиваетъ природное варварство, какъ фосфоръ, издали свѣтящійся въ потемкахъ; а посмотри вблизи,—увидишь кусокъ гнилого дерева» [22]. И дальше: «слѣпое благоволеніе даетъ неограниченную власть тому, кто ея вовсе не заслуживаетъ, и отъ каприза попавшаго въ силу зависитъ общественное благо—честь трона» [23])

И вотъ авторъ даетъ намъ характеристики этихъ «попавшихъ въ силу» [24]). Передъ читателемъ проходитъ, одинъ за другимъ, цѣлый рядъ

---

[21]) Ibid., str. 74.

Quindi ciascun scaltro impiegar procura
La vile adulazion, l'ossequio indegno,
Ch'ella è l'unica via, la via sicura
Per adempir qualunque rio disegno:
Torto e oscuro sentier prende, e trascura
Rendersi per virtù di premio degno:
Quindi merto ed onor ponsi in non cale,
E sol menzogna e falsità prevale.

Canto III, str. 10.

Non proteggono i grandi i chiari ingegni:
Non ne premiano il merto e la fatica....

[22]) Canto II, str. 67.

Vidi il fasto regnar, vidi negletto
Il merto, e rari i gran talenti e ingegni:
Splendide idee prive osservai d'effetto,
Sol brillar nei volumi i gran disegni,
E traspirar sotto il pomposo aspetto
Vidi della natia barbarie i segni;
Fosforo tal fra l'ombre un chiaro lume
Spande da lunge e presso è un sucidume.

[23]) Canto II, str. 78.

Dal capriccio di quei che in auge sono
Pende il pubblico ben, l'onor del trono.

[24]) Canto II, str. 47.

Gl'incliti eroi son questi, onde ascoltavi
Le eccelse lodi celebrar sovente:
Conoscili or quai son barbari e schiavi,
O venduti o venali, e anche al presente

государственныхъ дѣятелей Екатерининскаго царствованія. Мы видимъ: братьевъ Орловыхъ, Румянцева, Безбородка, Потемкина и др. Здѣсь авторъ даетъ полную свободу своему раздраженію, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и еще болѣе усиливаетъ рѣзкость сарказма, не заботясь о полнотѣ и правильности портрета, а выбирая лишь смѣшныя и несимпатичныя стороны характеризуемаго лица.

Особенно не любитъ онъ Потемкина, и много строфъ поэмы Касти пестрятъ именемъ Тото, какъ онъ его называетъ. Я приведу нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, относящихся къ Потемкину:

«Ловкій говорунъ и хитрый царедворецъ; всесильный деспотъ, въ рукахъ котораго находится судьба всякаго монгола; расхититель общественной казны, трусъ на войнѣ и лѣнтяй въ мирное время, располагающій по произволу и государствомъ и войсками. Во всемъ татарскомъ царствѣ нѣтъ человѣка болѣе гордаго, болѣе надменнаго и заносчиваго. Его хитрость, высокомѣрное обращеніе, блескъ, мотовство и способъ дѣйствій съ кредиторами сдѣлали его предметомъ всеобщей ненависти» [25]).

Nella rozzezza lor simili agli avi:
L'ignoranza vedrai fiera, insolente;
Vedrai col labbro il cor sempre in contrasto,
E la viltà mista all' orgoglio e al fasto.

Ibid., str. 96.

Perchè non dir piuttosto il menzognero,
Il vigliacco, il crudel, il furbo, il ladro;
Ed usar s mil altra antonomasia
Per caratterizzar gli eroi dell' Asia?

[25]) Canto II, str. 12.

.... Toto era per dioi ben altra cosa.
Non v'era in tutta quanta Tartaria
Anima più superba e ambiziosa.
L'immensa avidità, la furberia
La maniera sprezzante e imperiosa,
Le pompe, il lusso, il fasto il e l'angheria
Che co'suoi creditor usar solea
Dell' odio universal scopo il rendea.

Ibid., str. 13.

Parlator franco e cortigian sagace....

Ibid., str. 14.

D'agni mogollo era in sua man la sorte
E disponea dell' armi e dello stato.

«Въ его переднихъ и пріемныхъ толпятся постоянно, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе, князья и графы, вся монгольская знать. Долго ждутъ они его выхода, и вотъ, наконецъ, послѣ продолжительнаго отдыха, выходитъ онъ изъ кабинета въ бѣльѣ и ночномъ колпакѣ, покусывая изрѣдка то фрукты, то пирожное. Вся толпа преклоняется передъ нимъ, онъ не удостоиваетъ никого не только слова, но и взгляда, отвергая прошенія движеніемъ бровей. Если же ему захочется оказать кому-нибудь особую честь, то онъ швыряетъ ему въ лицо объѣдки фруктовъ».

Ограничиваюсь приведенными выдержками, полагая, что онѣ могутъ дать довольно ясное представленіе о взглядахъ автора на описываемаго имъ «попавшаго въ силу человѣка».

Центральнымъ лицомъ поэмы является, однако, Турракина, Каттуна, Толейкона: все это имена Екатерины II. Къ ней Касти питаетъ не больше симпатіи, чѣмъ и къ другимъ русскимъ. Превознося въ своей поэмѣ Іосифа II, выставляя его идеаломъ мудраго правителя, Касти для того, чтобы ярче оттѣнить его достоинства, сгущаетъ мрачныя краски, когда рисуетъ Екатерину II.

Ibid., str. 15.

Correan vilmente a corteggiar uom tal'e
Principi e duchi e nobiltà mogolla
Piene eran l'anticamere e le sale.

Ibid., str. 16.

Fra putti e fra buffoni ei giace intanto
Sconciamente sdrajato in sul soffà....

Ibid., str. 17.

Dopo lungo indugiar dal gabinetto,
Mordendo ad or ad or canditi o frutta
Esce in mutande e in berretin da letto;
Allor s'incurva a lui la turba tutta
Nè la degna l'altier d'un guardo o detto
E col cipiglio i supplici ributta:
E se vi ha alcun che d'onoror gli piaccia
Gli getta bacche e torsi in sulla faccia.

Ibid., str. 37.

..... egli è il dispoto,
Dissipator de' pubblici tesori;
Vigliacco in guerra e scioperato in pace,
Volge l'arme e gli affar come a lui piace.

Но, очевидно, онъ не соразмѣрилъ ни похвалъ, ни порицаній, и Іосифъ II, вѣроятно не желая ссориться съ Екатериною II, поспѣшилъ, какъ я уже замѣтилъ, хотя временно, удалить его изъ Вѣны. Читая «Татарскую поэму» и слѣдя постепенно за обрисовкой портрета Екатерины II, мы замѣтимъ нескрываемое желаніе автора доказать читателю, во что бы то ни стало, что Императрица эта была женщиной, для которой слава или, точнѣе, тщеславіе составляло все. Касти на каждомъ шагу заявляетъ, что въ ней не было ничего серьезнаго, никакихъ солидныхъ убѣжденій, никакихъ устойчивыхъ взглядовъ на управленіе; что вездѣ и всегда единственнымъ двигателемъ ея дѣйствій было не что иное, какъ ненасытное желаніе тщеславной женщины сдѣлаться извѣстной, заставить, во что бы то ни стало, говорить о себѣ весь міръ. Для этой цѣли она не пренебрегаетъ средствами, задариваетъ иностранныхъ писателей, составляетъ показные проекты, проникнутые идеями гуманныхъ реформъ, дѣлаетъ наудачу самые рискованные шаги во внѣшней политикѣ. Предоставимъ, однако, говорить автору.

«Безмѣрная, страстная жажда славы дѣлаетъ то, что иногда она кажется дѣйствительно великой въ своихъ дѣяніяхъ. Слава и только слава порождаетъ въ ней и идеи и даетъ силу ея уму. Въ сердцѣ татарской царицы постоянно кипитъ амбиціозное желаніе изумить міръ, добиться имени великой героини; для этого она привлекаетъ къ себѣ прославленныхъ глубокимъ умомъ и крупными дарованіями писателей Аравіи, Китая, Бухаріи и Персіи. Чтобы внушить къ себѣ болѣе довѣрія, добиться большаго авторитета въ государствѣ, Каттуна стремится захватить вліяніе на внѣшнія дѣла вмѣшательствомъ во всевозможные трактаты, военные, мирные или союзные, всякаго другого государства, какъ бы ни было оно далеко»[26]). «По какому то

---

[26]) Canto XII, str. 29.

... Brame di gloria immoderate, ardenti
Fan che talor di donna assai maggiore
E nella gesta appaia, e ne'talenti.

Canto XII, str. 30.

Gloria le idee, gloria i pensier le estolle,
Nello spirto il vigor gloria le infonde,
Amor, gentil costume ed un cor molle
E maniere le dà dolci e gioconde.

врожденному инстинкту Каттуна во всѣ грандіозныя идеи, интересующія общество, вкладываетъ значительную дозу тщеславія; она постоянно желаетъ, чтобы идеи эти съ пышностью и блескомъ шумѣли на весь міръ. Въ этомъ шумѣ—все, а послѣ все равно, похвалу или порицаніе, пользу или вредъ принесутъ эти идеи» [27]). А потому и увлеченія идеями великихъ философовъ XVIII в. для Касти не имѣютъ значенія. Онъ считаетъ ихъ дѣтскими и несерьезными. «Слышалъ я не разъ, говоритъ онъ, что Турракина увлекается, какъ дѣвочка, восточными романами; но полная впечатлѣній отъ ихъ чтенія, она не взвѣшиваетъ и не обдумываетъ вычитанныя идеи, а только строитъ колоссальные, гигантскіе проекты, затѣваетъ романическія предпріятія лишь для того, чтобы о ней говорили всѣ иностранныя государства» [28]).

---

[27]) Canto VII, str. 4.

.... la tartara regina
Cui ferve in petto ambiziosa brama
Di stupefar la terra, e d'eroina
Eccelsa e grande acquistar nome e fama:
Perciò i scrittor d'Arabia e della China,
Di Buccaria e di Persia alletta e chiama,
Che per talenti e per saper profondo
Famosi in prosa e n' versi ammira il mondo.

Canto VI, str. 96.

Per darsi maggior credito e importanza
Cattuna inoltre vuol avere influenza,
Non ostante qualunque lontananza,
Nei trattati di ogni estera potenza
O di pace, o di guerra, o d'alleanza,
E di qualunque affar di conseguenza.

Canto III, str. 42.

..... per costante istinto innato
Cattuna nelle idee più grandiose
Che interessano il publico e lo stato,
Di vanità ripone un gran dose,
Vuol che con pompa e splendido apparato
Si rendan note al mondo e strepitose;
Questo è il gran punto, e poscia poco importa
Se lode o biasimo, utile o danno apporta

[28]) Canto II str. 90.

Udìi sovente dir che Turrachina
Contrasse pei romanzi orientali
Fisso e deciso gusto da bambina;
Piena perciò d'impressioni tali,

Такимъ образомъ, авторъ старается какъ бы свести на нѣтъ все значеніе дѣятельности Екатерины; и, вѣроятно, лишь для того, чтобы внушить читателю довѣріе къ своимъ словамъ, онъ притворяется судьей безпристрастнымъ, не только порицающимъ недостатки, но цѣнящимъ и хорошія стороны судимаго имъ лица. Поэтому онъ съ похвалою отзывается о желаніи Екатерины составить «Новое уложеніе» и оправдываетъ ее въ неудачѣ ея знаменитаго «Наказа». «Каттуна задумала создать новой кодексъ, говоритъ онъ, и эта мысль самая лучшая изъ всѣхъ ея дѣяній. И я всегда буду хвалить то, что заслуживаетъ похвалы [29])», прибавляетъ онъ скромно. И тутъ же, восхваляя Екатерину за написаніе «Наказа», Касти не можетъ однако удержаться отъ ехидныхъ замѣчаній, которыя дѣлаютъ похвалы довольно сомнительными: «Каттуна, желая дать руководство тѣмъ лицамъ, которымъ хотѣла поручить великое созданіе новаго уложенія, для этой цѣли насобирала разныхъ мыслей, наставленій, сентенцій и фразъ, которыя вычитала и которыхъ наслышалась отъ мудрыхъ чужестранныхъ писателей, и сочинила изъ нихъ томикъ [30])»—«и этого для женщины много [31])». «Но, говоритъ онъ, полное отсутствіе философовъ и правовѣдовъ, характеръ и обширность страны, боязнь возбудить недовольство и возмущеніе, неукрощенное варварство и невѣжество дикихъ бродячихъ народовъ, все это сдѣлало предпріятіе невыполнимымъ, хотя это не умаляетъ славы того, кто его заду-

---

Non pria le giuste idee pesa e combina,
Ma sempre gigantesche: e colossali
Forma proggetti, e romanzesche imprese,
Onde ne parli ogni lontan paese.

[29]) Ibid. III, str. 38.

[30]) Ibid. III, str. 38, 39.

[31]) Ibid.

Di formarlo (т. е. «Уложеніе») Cattuna il pensier ebbe,
E questa è la meglior di sue gran viste,
Nè mai negherò lode a chi si debbe;
Sicchè volle a color darne un' idea,
Cui commetter la grande opra volea.
E a tale effetto avendo insiem raccolto
Quanti pensier, quanti precetti, e quante
Frasi e sentenze aveva d'autori tolto,
E da savi stranier udito avante,
Fenne un volume; e ciò per donna è molto....

слилъ [32])». И какъ бы раскаявшись въ этомъ невольномъ оправданіи Екатерины, Касти продолжаетъ: «Въ этомъ томикѣ ты не замѣтишь ни благородства, ни силы стиля, не увидишь признаковъ мужскаго законодательнаго генія: все это женское писанье, слабое, неопытное перо, не привыкшее вести къ добродѣтели человѣческія сердца силою философскаго наставленія [33])».

Много разъ въ своей поэмѣ авторъ говоритъ о томъ, что истинныя заслуги не цѣнятся въ Россіи; въ этомъ упрекаетъ онъ и Екатерину II: «Каттуна разсѣваетъ щедрою рукой огромныя богатства лишь на показъ, для фальшиваго блеска, чтобы изумить своихъ приспѣшниковъ, а истинныя заслуги остаются безъ награды,—пуста царская казна для того, кто дѣйствительно трудится въ потѣ лица [34])». Это пренебреженіе заслугами, повидимому, оскорбляетъ чувство справедливости негодующаго автора, и движимый негодованіемъ онъ ри-

---

[32]) Canto III, str. 40

Che se nel fatto la total mancanza
Di filosofi e di giureconsulti,
La natura dei luoghi e la distanza,
La tema d'eccitar lagni e tumulti,
L'indomita barbarie e l'ignoranza
Di popoli selvaggi erranti e incolti;
Vano l'assunto e impraticabil rese;
Pur non toglie la gloria a chi l'imprese.

[33]) Ibid., str. 41.

Vero è però ch'ivi non già di stile
Scorgi la nobiltà, la robustezza;
E non legislator genio virile,
E non d'idee sublimità e giustezza:
Ma di scriver prurito femminile,
Debil, non franca piuma, e non avvezza
A trarre alla virtù gli umani petti
Col tuon di filosofici precette.

[34]) Canto II, str. 70.

Per ostentazion, per fasto vano,
. . . . . ampi tesori
Spande Cattuna in ver con larga mano,
Di che stupidi son gli ammiratori:
Ma senza premio è il merto, e sparge invano
Su gli studi e fra alarmi opra e sudori,
Che per giusta mercede e per salari
Son poveri ed esausti i regi erari.

суетъ такую неприглядную картину современной ему Россіи. Внѣшній блескъ, подъ которымъ скрывается внутренняя нищета, невѣжество, тщеславіе, высокомѣріе, отсутствіе культуры, изящнаго вкуса, царство несправедливости, лести, разврата, суевѣрія, порабощеніе ума, гнетъ мысли, деспотическое отношеніе сильнаго и богатаго къ слабому и бѣдному, порочность, продажность,—вотъ главныя черты нашего общества, въ изображеніи Касти, начиная отъ народной массы и кончая престоломъ.

Наши свѣдѣнія о Касти и о его отношеніяхъ къ русскому двору слишкомъ скудны для того, чтобы съ увѣренностью сказать, былъ ли этотъ мрачный взглядъ на Россію вызванъ именно негодованіемъ культурнаго человѣка противъ дѣйствительно окружающаго его невѣжества, или на мнѣніе поэта повліяло его личное недовольство и озлобленіе противъ Екатерины II и другихъ придворныхъ, можетъ быть не достаточно милостиво и внимательно къ нему относившихся. До насъ дошло одно очень интересное произведеніе Касти, которое именно можетъ заставить читателя нѣсколько усомниться въ безпристрастіи негодованія автора «Татарской поэмы». Живя при петербургскомъ дворѣ, Касти поднесъ Екатеринѣ хвалебную канцону, въ которой, превознося ее до небесъ, онъ называетъ ее eccelsa sovrana, augusta, immortal donna и т. п. Тонъ этой канцоны настолько расходится съ общимъ тономъ поэмы, именно въ его взглядѣ на Екатерину II, что не безынтересно будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ нея.

Находя, что Екатерина сдѣлала завиднымъ на многіе вѣка время своего царствованія, что земля слишкомъ мала для ея славы, поэтъ продолжаетъ: «Ты великодушна, мудра, ты велика, тебѣ единой небо даровало столько талантовъ, сколько оно раздѣляетъ между тысячами героевъ. Сама природа съ дѣтства назначила тебя на тронъ, обогатила умъ твой великими, возвышенными идеями для того, чтобы всякій правитель видѣлъ въ тебѣ славный и достойный примѣръ». «Ты будишь сердца людей, питая врожденныя въ нихъ сѣмена добродѣтели и щедрою рукою одаряя справедливость, мудрость, доблесть, пріобрѣтаешь и любовь своихъ и хвалы чужихъ». «Чрезъ тебя грубое, невѣжественное юношество поучается благородству, познаетъ долгъ человѣка, находитъ истинный и безопасный путь къ чести. Изъ устъ твоихъ онъ слышитъ законы истины и добра. Ты открываешь школы

знанію и ихъ оберегаешь. Ты даешь пріютъ чужестраннымъ талантамъ и искусствамъ. Ты поднимаешь изъ бѣдности приниженную заслугу». «И если духъ Великаго Петра, пребывающій въ блаженствѣ среди Ликурга, Солона, Ромула и Кира, обратитъ свой взоръ на твое государство, о! какъ радостно ему будетъ увидѣть, что ты не только выполнила, но и превзошла его предначертанія» и т. д... въ томъ же хвалебномъ тонѣ. Можетъ быть, эта концона не произвела особеннаго впечатлѣнія на Екатерину II, и ея авторъ не былъ достаточно щедро вознагражденъ императрицей, и, можетъ быть, это обстоятельство отчасти повліяло на усиленіе мрачнаго тона «Татарской поэмы», проникнутой ненавистью къ Россіи, которой авторъ и не считаетъ нужнымъ скрывать. «Къ высокомѣрной гордости, говоритъ онъ, я питаю ненависть бо́льшую, чѣмъ Демосѳенъ питалъ къ Филиппу и Туллій къ Клавдію. Вотъ почему вся желчь во мнѣ поднимается, когда я говорю о низкомъ, высокомѣрномъ монголѣ [35])».

Какъ поэтъ, Касти отличался большимъ поэтическимъ талантомъ, необычайной легкостью и смѣлостью стиха, мѣткостью и остроуміемъ въ выраженіяхъ. Онъ обладалъ умомъ наблюдательнымъ, но наблюдательность эта не глубока; нерѣдко попадаются скорѣе остроумныя, чѣмъ глубокія по мысли замѣчанія. Владѣя почти въ совершенствѣ формой, онъ не всегда увлекаетъ и даже удовлетворяетъ читателя содержаніемъ своихъ произведеній. Какъ человѣкъ, онъ представляется намъ вполнѣ сыномъ своего времени.

Giambattista Casti родился въ 1721 г. въ Montefiascone, маленькомъ городкѣ близъ Рима. Былъ отданъ въ мѣстную семинарію и шестнадцати лѣтъ получилъ тамъ же званіе учителя словесности. Затѣмъ имѣлъ каноникатъ, но званіе это мало отвѣчало его склонностямъ, онъ бросилъ это мѣсто и сталъ скитаться по бѣлу свѣту. Съ раннихъ поръ онъ заявилъ себя талантливымъ стихотворцемъ; будучи въ Римѣ, попалъ въ члены поэтическаго общества Аркадіи и затѣмъ окончательно обратился къ писанію стиховъ. Исканіе куска хлѣба,

---

[35]) Canto XI, str. 5.

. . . . . cotant' odio
Porto all' orgoglio, quanto non potronne
Demostene a Filippo, e Tullio a Cladio,
Perciò contro il mogol superbo e vile
Mi sento in sen spesso esaltar la bile.

желаніе взять отъ жизни больше удовольствій, заставляли его переѣзжать изъ города въ городъ, пріискивая покровителя, который могъ бы оплатить его дарованіе. Выгодное, модное въ то время, мѣсто придворнаго поэта становится цѣлью его стремленій, и вотъ мы видимъ его то въ Римѣ, то во Флоренціи, то въ Парижѣ. Его знакомство съ пѣвцомъ Гуардуччи, имѣвшимъ связи при Флорентійскомъ дворѣ, доставили ему входъ ко двору; а вскорѣ, благодаря тому, что стихи его понравились супругѣ Леопольда II, онъ получилъ мѣсто придворнаго поэта. Говорятъ, что его поэтическая слава началась съ того момента, какъ онъ сталъ писать новеллы, въ которыхъ, кромѣ безмѣрнаго цинизма, было слишкомъ много нападокъ на духовенство, за что, будто-бы, онъ былъ отлученъ отъ церкви. Это отлученіе обратило, будто-бы, на него вниманіе читателей и положило начало его извѣстности. Во Флоренціи онъ имѣлъ случай быть представленнымъ пріѣхавшему туда Іосифу II Австрійскому. Послѣдній былъ такъ очарованъ поэтомъ, что взялъ его съ собою въ Вѣну, гдѣ Касти провелъ много лѣтъ, видимо пользуясь большимъ расположеніемъ императора. Отсюда онъ, какъ я уже сказалъ, путешествовалъ по Европѣ, былъ въ Петербургѣ и по возвращеніи изъ него ѣздилъ въ Константинополь. Только при Францискѣ II ему удалось наконецъ получить мѣсто придворнаго поэта при Вѣнскомъ дворѣ. Но въ 1796 г. мы его видимъ уже въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни до дня своей смерти, 6 февраля 1803 или 16 февр. 1804 г.

Вѣчная жизнь полупаразита при дворахъ, общій низкій уровень нравственности общества 2-й половины XVIII в., особенно придворнаго, могли только убить въ Касти всѣ нравственныя начала. Не обладая сильными нравственными устоями, льстивый въ силу обстоятельствъ, иногда дерзкій и злобный, зачастую употреблявшій свой талантъ на то, чтобы добиться милости сильныхъ міра, Касти въ то же время былъ человѣкъ образованный, чующій новое движеніе, и, несмотря на свою личную нравственную неприглядность, умѣлъ цѣнить хорошее въ другихъ. Но безхарактерность и любовь пожить мѣшали ему радикально измѣниться и примкнуть къ лучшимъ людямъ своего времени, какъ Парини. Подъ старость его нравственный обликъ значительно измѣнился къ лучшему, но грязныя страницы его поэзіи слишкомъ затемняютъ ея свѣтлыя стороны и сильно вредятъ ихъ

автору. И вотъ эта то нравственная несостоятельность Касти въ сильной степени отразилась и на «Татарской поэмѣ».

Читатель предубѣждается какъ-то противъ автора, довѣріе къ справедливости его теряется и, несмотря на очень многія правдивыя страницы, вся поэма, къ сожалѣнію, производитъ впечатлѣніе произведенія, продиктованнаго раздраженіемъ недостаточно вознагражденнаго придворнаго поэта.

И. Гливенко.

Изъ жизни Кіевской губерніи конца прошлаго вѣка.

I.

Генералъ-губернаторское внушеніе полякамъ (1796 г.).

Въ дѣлахъ *Таращанскаго* уѣзднаго суда, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, находится одно любопытное дѣло 1796 г., касающееся поляковъ, уроженцевъ Кіевской губ., вернувшихся «съ бывшей *революціи*». Дѣло [1]) принадлежитъ къ производству *Пятигорской* дворянской опеки и носитъ такое мудреное заглавіе: «Дѣло по предложенію его высокопревосходительства г. генералъ-аншефа, сенатора, здѣшней губерніи генералъ-губернатора... Тимофея Ивановича *Тутолмина* о объявленіи письменно здѣшняго уѣзда дворянамъ, дабы они родственникамъ своимъ, возвратившимся съ бывшей революціи, соблюденіемъ *подданнической вѣрности*, предостереженіемъ и наставленіемъ клонили, а равно и протчихъ, къ жизни отечеству полезной».

Дѣло состоитъ изъ 4 документовъ и, къ сожалѣнію, не имѣетъ конца. Но судь дѣла ясна изъ письма Тутолмина отъ 4 сентября, къ Пятигорскому уѣздному предводителю дворянства Яну *Залевскому*, жившему въ Брусиловѣ. Въ дѣлѣ хранится не подлинное письмо Тутолмина, а очень дурная копія его, очевидно сдѣланная человѣкомъ, плохо знакомымъ съ русскою рѣчью и владѣвшимъ дурнымъ почеркомъ. Оттого нѣкоторыя мѣста письма не разобраны и замѣнены точками.

---

[1]) См. въ вязкѣ 6-й описи дѣло № 4.

Отъ разсужденій генералъ-губернатора вѣетъ большою наивностью, когда, напр., онъ высказываетъ такіе афоризмы, что жизнь польской молодежи «безъ службы» есть «постыдное препровожденіе молодости», или когда онъ вѣритъ въ «вольнодумство, отъ праздности рождающееся»... Вообще, письмо отличается именно тѣмъ «неосновательнымъ умствованіемъ», въ которомъ генералъ-губернаторъ обвиняетъ польскую молодежь...

Привожу цѣликомъ это оригинальное отеческое внушеніе Тутолмина:

«Милостивый государь мой!

Съ крайнимъ соболѣзнованіемъ извѣщаюсь, что молодые дворяне, *возвратившіеся* въ домы послѣ *бывшей революціи*, находясь теперь при родителяхъ своихъ и родственникахъ въ праздности и безъ всякой службы, позволяютъ себѣ несовмѣстную и предосудительную *вольность въ словахъ* своихъ, или обнаруживаютъ малое по молодости понятіе о вещахъ и прямыхъ своихъ пользахъ, или мѣшаясь разсужденіями *въ непринадлежащія дѣла*, слѣдуютъ... неосновательному умствованію *суетныхъ гаданій*. Я хотя и надѣюсь, что по воспитанію и чувствамъ, свойственнымъ благородству, будетъ къ обузданію того и къ осторожности достаточнымъ единое по сему предлогу настоящее замѣчаніе мое. Но при всемъ томъ прошу и рекомендую вамъ, милостивый государь мой, яко первенствующему по избранію сочлену благородныхъ дворянъ вашего уѣзда, объявить всѣмъ тѣмъ, чьи дѣти и родственники, бывшіе въ революціи, находятся теперь при нихъ, что въ случаѣ дальнѣйшей неосторожности со стороны ихъ и паче поступковъ *подданической вѣрности* противныхъ, они собственно... будутъ за то *въ отвѣтѣ*, поелику родительскою властію всего удобнѣе и ближе могутъ и долженствуютъ они воздержать и поправить въ дѣтяхъ *порочный образъ мыслей*, вредное и... *постыдное препровожденіе молодости безъ службы* и пользы государству, въ коемъ нынѣ состоятъ, и ту скорость, съ каковою часто обнаруживаютъ они *вольнодумство*, отъ праздности раждающееся, и кроющуюся еще въ юныхъ сердцахъ *запальчивость*, зажженную вреднымъ примѣромъ соблазна и преступническихъ внушеній неблагомыслящихъ людей, бывшихъ виною толикаго многихъ пострадания и несчастій. Впротчемъ, мнѣ весьма прискорбно поступать на предписаніе толико непріятное, но я уповаю, что всѣ тѣ, до кого сіе касается..., почтутъ оное и дол-

гомъ званія моего, и опытомъ нелестнаго... усердія и доброжелательства, съ каковымъ и съ совершеннымъ почтеніемъ я особенно къ вамъ ...и всегда пребуду

Вашимъ, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою

Т. Тутолминъ».

Далѣе идетъ выписка изъ журнала Пятигорской дворянской опеки, отъ 18 сентября:

«Слушалъ предложеніе его высокопр—ва г. генералъ-аншефа, сенатора, Минскаго, Волынскаго, Подольскаго и Брацлавскаго генералъ-губернатора ...Тутолмина, о напоминаніи нѣкоторымъ молодымъ дворянамъ, возвратившимся съ бывшей революціи..., не занимающихся службою, отечеству полезною и честь званію ихъ пріобрѣтающую, но ведя жизнь предосудительную, занимаются *праздноръчіемъ* и разсужденіями имъ непонятными и несвойственными, и дабы о таковомъ замѣчаніи и предосторожности... объявить письменно дворянамъ сего уѣзда, дабы родители и родственники... предостереженіемъ и наставленіями своими клонили оныхъ, а равно и протчихъ, къ жизни отечеству полезной.—*Опредѣлено:* о полученіи предложенія... Тутолмину отрапортовать, а въ выполненіе онаго о семъ напоминаніи владѣльцовъ и прочихъ дворянъ Пятигорскаго уѣзда особыми письменными увѣдомленіями повѣстить, съ надлежащимъ о предосторожности внушеніемъ, а оное предложеніе впредь для вѣдома и замѣчанія пріобщить къ прочимъ орегинальнымъ повелѣніямъ въ сохраненіе».—Журналъ подписанъ предводителемъ дворянства и протоколистомъ дворянской опеки.

27 сентября Залевскій отправилъ Тутолмину рапортъ съ изложеніемъ своего журнальнаго постановленія.

Послѣдній документъ дѣла—«обвѣщеніе» предводителя, разосланное дворянамъ Пятигорскаго уѣзда. «Обвѣщеніе» писано на польскомъ языкѣ и излагаетъ письмо Тутолмина и журналъ дворянской опеки.

На оборотѣ «обвѣщенія» (это черновой экземпляръ) сохранилось начало самаго интереснаго документа дѣла—именнаго списка дворянъ, которыхъ касалось генералъ-губернаторское внушеніе. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло только начало этого любопытнаго списка—приведены имена двухъ лицъ, которымъ слѣдовало послать «обвѣщеніе»: Доминика *Адамовича*, 50 лѣтъ, и сына его Доминика же, 16 лѣтъ. Продолженія

списка нѣтъ, и, такимъ образомъ, исчезла возможность возстановить имена кіевскихъ дворянъ, «возвратившихся съ бывшей революціи».

II.

Къ исторіи старообрядческихъ поселеній въ Кіевской губерніи.

Старообрядческія поселенія появились въ Кіевской губерніи съ прошлаго столѣтія, наполняясь выходцами изъ Великороссіи, Стародубья и Бѣлоруссіи. Они разбросаны въ разныхъ мѣстахъ губерніи, но преимущественно въ Черкасскомъ и Радомысльскомъ уѣздахъ. Самыя крупныя старообрядческія общины находятся въ г. Черкасахъ, въ мѣстечкахъ Смѣлѣ и Чернобылѣ, въ слободахъ Красиловкѣ и Замошьѣ. По даннымъ 1864 г.[1]), въ Черкасахъ было 1016 старообрядцевъ, въ Смѣлѣ 290 чел., въ Чернобылѣ 566 чел. и т. д. Исторія этихъ крупныхъ общинъ, сохранившихъ свою своеобразную жизнь среди массы чуждаго имъ населенія, должна быть очень любопытна и поучительна. Особенно здѣсь интересна борьба старообрядческихъ общинъ съ попытками землевладѣльцевъ закрѣпостить вольныхъ выходцевъ, усѣвшихся на ихъ земляхъ, на извѣстныхъ договорныхъ условіяхъ.

Объ одной изъ подобныхъ попытокъ закрѣпощенія вольныхъ старообрядцевъ въ м. *Смѣлѣ* разсказываетъ одно дѣло *Черкасскаго* уѣзднаго суда, 1798 г., сохранившееся въ Московскомъ Архивѣ М—ва Юстиціи[2]).

Г. Похилевичъ въ своихъ «Сказаніяхъ» мелькомъ говоритъ объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Смѣлянской старообрядческой общины, именно: «поселеніе раскольниковъ въ Смѣлѣ относится къ концу минувшаго столѣтія, когда кн. *Любомірскій*, въ 1782 году, дозволилъ раскольникамъ-пилипонамъ, за условную плату, 827 рублей ассигнаціями, поселиться на его земляхъ, прилежащихъ къ Смѣлѣ, гдѣ они населили дер. *Гречковку*, а частію поселились въ самомъ мѣстечкѣ... Когда въ 1828 году, по рѣшенію Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе заведенной Гречковскими раскольниками съ помѣщикомъ графомъ

---

[1]) См. *Л. Похилевича* «Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губ.» сс. 146, 148, 149, 152, 612, 613, 644, 646.

[2]) 1-й описи, 3 вязка, дѣло № 49.

Самойловымъ тяжбы, о припискѣ ихъ по ревизіи къ своимъ крестьянамъ, они отсуждены отъ помѣщика, то Гречковскіе раскольники всѣ переселились въ Черкасы» (с. 644), а въ дер. Гречковкѣ (иначе *Новокняжа*) поселились малороссы (с. 646).

Но архивное дѣло разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ гораздо подробнѣе и вноситъ въ данныя г. Похилевича нѣсколько дополненій. Изъ дѣла оказывается, что попытка закрѣпостить старообрядцевъ м. Смѣлы возникла еще въ концѣ прошлаго вѣка, когда Смѣлянское имѣніе перешло къ г. гр. А. Н. Самойлову, племяннику кн. Потемкина-Таврическаго, пріобрѣвшаго Смѣлу отъ кн. Ксаверія Любомірскаго.

Когда именно основалась здѣсь старообрядческая община—точно указать нельзя. Но извѣстно изъ разсматриваемаго дѣла, что «договоръ» общины съ кн. Любомірскимъ былъ заключенъ въ 1786 году. На это прямо указываютъ представители общины, которые вели процессъ съ гр. Самойловымъ. Это были, какъ выражаются документы—«ищущіе вольности, великороссійской породы люди» Софронъ *Родіоновъ*, Петръ *Афанасьевскій* и Борисъ *Крицынъ*. По ихъ словамъ, «по выходѣ изъ Россіи» старообрядцы поселились «въ м. Смѣломъ *вольно, по договору*» 1786 г. съ прежнимъ владѣльцомъ мѣстечка кн. Ксаверіемъ Любомірскимъ. Подробныхъ условій «договора» они не приводятъ, но упоминаютъ одно «основаніе» его: если кто изъ старообрядцевъ не будетъ имѣть долговъ и «ни въ чемъ виновнымъ не окажется», то можетъ продать свой домъ въ Смѣлянскомъ имѣніи и «куда хощетъ пойти». «На такомъ точно основаніи» они жили при Любомірскомъ.

Во время «ревизіи» 1785 г. Черкасскій земскій исправникъ поручикъ Иванъ *Чорба* потребовалъ отъ старообрядцевъ письменныхъ «ревизскихъ сказокъ» объ ихъ семействахъ, съ заявленіемъ—«куда *пожелаютъ приписаться*». Старообрядцы подали сказки городничему *Карпову* и заявили Нижнему Земскому суду «о причисленіи ихъ города Черкасъ *въ мѣщанство*». Съ тѣхъ поръ Карповъ считалъ ихъ Черкасскими мѣщанами, проживающими въ Смѣлѣ и Гречковкѣ, и какъ таковымъ «давалъ имъ отъ себя въ разныя мѣста для промыслу билеты» на право проѣзда.

На бѣду старообрядцевъ «ревизія» какъ разъ совпала съ переходомъ Смѣлянскаго имѣнія отъ кн. Любомірскаго къ кн. Потемкину, а отъ послѣдняго къ гр. Самойлову. Управитель графа, подавая «ревизіальную сказку» въ 1795 г., включилъ въ число подданныхъ графа

и всѣхъ старообрядцевъ м. Смѣлы и с. Гречковки—«мимо вѣдома» старообрядцевъ и совершенно «ненадлежащимъ образомъ», такъ какъ они «во владѣніи» графа никогда не были... Тогда-то старообрядцы и стали «искать вольности», такъ неожиданно у нихъ отнятой гр. Самойловымъ.

Собственно на этомъ и оканчивается фактическая сторона всего дѣла по даннымъ разсматриваемыхъ документовъ. Скудость фактовъ объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ не сохранилось производства Черкасскаго повѣтоваго земскаго суда, гдѣ разбирался, какъ въ первой инстанціи, процессъ старообрядцевъ съ гр. Самойловымъ. Сохранившіеся же документы говорятъ собственно о сношеніяхъ по дѣлу старообрядцевъ «гражданскаго департамента Кіевскаго главнаго суда» съ Черкасскимъ земскимъ судомъ. Все дѣло состоитъ изъ 4 документовъ, полученнымъ земскимъ судомъ: 3 указовъ главнаго суда и одного указа Кіевскаго губернскаго правленія.

Указы главнаго суда заслуживаютъ изложенія уже по тому одному, что они рисуютъ открытую борьбу Черкасскаго земскаго суда съ центральнымъ судебнымъ мѣстомъ края—съ Кіевскимъ главнымъ судомъ. Въ Черкасахъ открыто держали сторону гр. Самойлова и старались закрѣпить за нимъ старообрядцевъ... Не имѣя законныхъ поводовъ для закрѣпощенія вольныхъ людей, такъ ясно и убѣдительно доказывавшихъ свою вольность, земскій судъ прибѣгнулъ къ излюбленному подьяческому пріему—тянулъ дѣло до послѣдней возможности, не дѣлая окончательнаго постановленія и оказывая явное неповиновеніе главному суду...

Но Кіевскій главный судъ отлично раскусилъ пріемы Черкасскихъ подьячихъ и ретиво сталъ на защиту «ищущихъ вольности» людей, посылая выговоръ за выговоромъ Земскому суду. Эта борьба тѣмъ интереснѣе, что обѣ стороны вступаютъ въ пререканія между собою по разнымъ вопросамъ права и процесса. Особенно любопытны доводы кіевскаго губернскаго прокурора *Леонтовича* въ пользу удовлетворенія иска старообрядцевъ о вольности, при чемъ онъ дѣлаетъ ссылки на разныя постановленія правительства по этому предмету.

Содержаніе «представленія» Леонтовича находимъ въ указѣ главнаго суда отъ 4 августа 1798 г. Указъ сначала излагаетъ содержаніе полученнаго отъ Черкасскаго земскаго суда рапорта о томъ, что этотъ судъ разсматривалъ дѣло старообрядцевъ съ «дѣдичемъ» Смѣлянскихъ

имѣній гр. Самойловымъ «въ сроки прошедшаго святотроицкаго засѣданія» и нашелъ, что между представленными сторонами документами «суть и таковые, коихъ по силѣ правъ разсматривать тотъ судъ не могъ», а потому производство дѣла прекратилъ и отослалъ его въ гражданскій департаментъ главнаго суда.

Далѣе указъ 4 августа излагаетъ «представленіе» Кіевскаго губернскаго прокурора, сообщенное главному суду губернскимъ правленіемъ. Передавши сущность процесса, прокуроръ Леонтовичъ всецѣло становится на сторону старообрядцевъ и говоритъ, что гр. Самойловъ «не имѣлъ никакого права чуждыхъ людей, не заживших въ крестьянствѣ ни одной земской давности десятилѣтней и никому, кромѣ одной короны, въ холопство не принадлежащихъ, за собою записать»...

Прокуроръ напоминаетъ, что манифестомъ «о сочиненіи ревизіи», отъ 22 ноября 1781 г., между прочимъ предписывалось—«наблюдать, чтобы каждый внесенъ былъ въ вѣдомость, состоянію его свойственную». На этомъ основномъ положеніи ревизіи особенно настаивало «предложеніе» покойнаго генералъ-фельдмаршала, сенатора, генералъ-губернатора, гр. Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, отъ 23 марта 1784 г., данное Кіевскому намѣстническому правленію. Послѣднее съ своей стороны разъяснило подчиненнымъ присутственнымъ мѣстамъ, что указанное правило касается тѣхъ лицъ, «коихъ тотъ указъ засталъ въ томъ мѣстѣ не временно и не случайно зашедшихъ» туда, а постоянно или давно тамъ живущихъ, и не касается лицъ, «пребывающихъ въ селеніяхъ безъ всякихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ».

Отсюда прокуроръ заключаетъ, что гр. Самойловъ и его управитель, зная о «вольности» Смѣлянскихъ старообрядцевъ, записали ихъ при ревизіи 1795 г. «въ число своихъ крестьянъ не надлежаще» и «въ противность» Высочайшему указу «о сочиненіи ревизіи», 12-ая статья котораго предписываетъ: «писать каждаго въ вѣдомость, состоянію его свойственную», а 13-ая статья говоритъ: «за злоупотребленія при сочиненіи той ревизіи поступать порядкомъ уголовныхъ дѣлъ».

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ узаконеній—продолжаетъ прокуроръ—«не надлежитъ» болѣе требовать отъ старообрядцевъ новыхъ доказательствъ ихъ вольности, такъ какъ они своими «письменными доводами» уже вполнѣ *доказали* принадлежность свою къ мѣщанскому

званію. Что касается гр. Самойлова, поступившаго въ этомъ дѣлѣ «*самовластно* и *неправильно*», то онъ долженъ за то «отвѣтствовать» предъ закономъ. Въ частности прокуроръ ссылается здѣсь на «билеты», которые выдавали старообрядцамъ городничій Карповъ и земскій исправникъ Чорба и которые свидѣтельствовали о принадлежности старообрядцевъ къ мѣщанскому сословію. Ту же «вольность» старообрядцевъ подтверждаетъ и письменное «сознаніе» Чорбы и Карпова, поданное ими въ повѣтовый судъ. Со стороны же гр. Самойлова Леонтовичъ не видитъ ни одного, основаннаго на актахъ доказательства, а лишь «*неправильное притязаніе*»...

Такъ какъ Черкасскій повѣтовый судъ отказывается постановить рѣшеніе по дѣлу, требуя отъ старообрядцевъ какихъ-то новыхъ доказательствъ, то прокуроръ «*вторично* представляетъ» губернскому правленію: «не угодно-ли будетъ предписать *строжае* указомъ» Черкасскому суду, чтобы онъ, «не изневоляя сихъ просителей (старообрядцевъ) на формальное искательство, *рѣшилъ* оное дѣло соображеніемъ казеннаго права, по точности узаконеній, безъ замедленія», и донесъ бы о томъ губернскому правленію, на дальнѣйшее «усмотрѣніе» прокурора. До окончательнаго же рѣшенія дѣла прокуроръ находитъ справедливымъ выдавать попрежнему старообрядцамъ билеты «на проходъ и проѣздъ», куда имъ нужно, такъ какъ «они съ однихъ по *промысламъ* заработковъ себя содержатъ и казенныя подати уплачиваютъ». Билеты слѣдуетъ выдавать старообрядцамъ не изъ экономіи гр. Самойлова, «которой они ни по чему не принадлежатъ», а отъ городничаго Карпопа, о чемъ ему и предписать отъ губернскаго правленія.

Выслушавъ это заключеніе прокурора Леонтовича и разсмотрѣвши нѣкоторые документы дѣла, главный судъ «приказали»: такъ какъ дѣло прислано изъ повѣтоваго суда «безъ положенія по оному резолюціи», то *отослать* его обратно «для рѣшенія по силѣ правъ и представленныхъ документовъ», при чемъ предписать суду—«рѣшить дѣло *особымъ порядкомъ*», съ предоставленіемъ тяжущимся сторонамъ права апелляціи. Кромѣ того, велѣно отослать въ повѣтовой судъ «невѣдомо въ какомъ званіи присланные» имъ 6 рублей, за вычетомъ судебныхъ издержекъ—«печатной пошлины», «восковыхъ» и др.

Именно этихъ 6 р. касается второй указъ главнаго суда, отъ 12 августа: такъ какъ на лицо въ Кіевѣ нѣтъ никого изъ тяжущихся

сторонъ, кто бы могъ уплатить почтовыя издержки по пересылкѣ дѣла въ Черкасы, то главный судъ изъ 6 р. взыскиваетъ 70 к. «вѣсовыхъ и полупроцентовыхъ денегъ», а остальные 5 р. 30 к. отсылаетъ при дѣлѣ въ повѣтовый судъ. Взысканіе судебныхъ издержекъ, повидимому, предоставлялось повѣтовому суду.

Третій указъ главнаго суда, отъ 8 октября 1798 г., касается существа дѣла и вызванъ новымъ отказомъ повѣтоваго суда рѣшить дѣло старообрядцевъ именно такъ, какъ предписывалъ главный судъ...

Черкасскій судъ находитъ, что «рѣшеніе» по дѣлу старообрядцевъ имъ поставлено и извѣстно главному суду, именно: судъ предоставилъ старообрядцамъ «вѣдаться» съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ гр. Самойловымъ «формою суда», но старообрядцы, «поупрямившись, позва брать и пошлинъ платить не хотѣли», хотя раньше вели дѣло лично. Повѣтовый судъ полагаетъ, что эта «резолюція» не была «опровергнута» главнымъ судомъ, самъ же повѣтовый судъ своего рѣшенія «перемѣнять не властенъ», а предоставляетъ это главному суду. Послѣдній предписалъ—рѣшить дѣло старообрядцевъ какимъ-то «другимъ порядкомъ», но повѣтовый судъ не знаетъ никакого «другаго порядка», кромѣ принятаго имъ: онъ разсуждаетъ о старообрядцахъ, какъ о «прочихъ пришельцахъ, доискивающихся своей вольности»... Теперь повѣтовый судъ проситъ «снабдить наставленіемъ» относительно дальнѣйшаго хода дѣла, такъ какъ «не находитъ права—по какому закону въ рѣшеніи онаго дѣла поступить?»...

Этотъ рапортъ повѣтоваго суда разсмотрѣнъ прокуроромъ Леонтовичемъ, который сдѣлалъ слѣдующее «представленіе» въ главный судъ:

Прокуроръ рѣшительно осуждаетъ повѣтовый судъ за то, что онъ «не уважилъ» предписанія главнаго суда объ окончательномъ рѣшеніи дѣла и тянетъ процессъ безъ всякихъ законныхъ поводовъ, вслѣдствіе чего старообрядцы «доведены до крайняго разоренія»... Прокуроръ снова уличаетъ во лжи повѣтовый судъ, утверждающій, «будто бы» старообрядцы при ревизіи 1795 г. «не подавали сказокъ» о своемъ причисленіи къ мѣщанству: напротивъ, точно установлено, что эти сказки они подали въ свое время городничему Карпову и въ Черкасскій нижній земскій судъ. Существуетъ и другое, такое же точное и документальное доказательство «вольности» старообрядцевъ—

ихъ «договоръ» 1786 г. съ прежнимъ владѣльцемъ Смѣлы кн. Ксаверіемъ Любомірскимъ: по этому договору старообрядцы «вольно жительствовали» въ Смѣлѣ по выходѣ изъ Россіи.

Имѣя «таковые неоспоримые законные доводы» въ пользу признанія вольности старообрядцевъ, повѣтовый судъ поступилъ «не резонно», отвергая всѣ эти факты и вводя въ дѣло «одно только *затмѣніе* на сущую справедливость»... Настоящее дѣло «не такого рода, каковые бываютъ между помѣщиками и другими людьми», когда необходимо представлять въ судъ «всѣ документы». Дѣло же старообрядцевъ «личное, сопряженное съ казеннымъ интересомъ, почему и долженъ былъ повѣтовый судъ къ рѣшенію онаго приступить по тѣмъ неоспоримымъ документамъ», какіе представлены просителями, «не утруждая начальствъ таковыми неправильными его (суда) рапортами, клонящимися единственно *въ угодность отвѣтной сторонѣ*»...

Точно также «не резонно» поступилъ и гр. Самойловъ: «знавши непринадлежность ему сихъ просителей», онъ самовластно записалъ ихъ при ревизіи своими подданными...

Выходя изъ всѣхъ этихъ основаній, прокуроръ Леонтовичъ предлагаетъ главному суду: «не угодно-ли будетъ—Черкасскому повѣтовому суду *въ наставленіе* предписать, чтобы онъ въ рѣшеніи такова дѣла поступилъ по точной силѣ сего Высочайшаго указа, и просителей изъ несвойственной имъ статьи *исключить*, а *написать* ихъ *въ мѣщанскую* статью города Черкасъ»... За неисполненіе же прежняго указа главнаго суда и за то, что повѣтовый судъ, «продержалъ оное (дѣло) безъ всякаго дѣйствія немалое время, а тѣмъ просителей довелъ до крайняго разоренія—не оставить безъ взысканія за то съ присутствующихъ онаго (суда) *штрафу*».

Главный судъ «приказали: Черкасскому повѣтовому земскому суду подтвердить, и подтверждается симъ указомъ, дабы онъ *окончательное* по сему дѣлу рѣшеніе учинилъ—*свободны-ли* они, просители, быть должны, или остаться подданными, ко учиненію какового рѣшенія упомянутые въ декретѣ указы не могутъ препятствовать».

Послѣдній документъ дѣла — указъ Кіевскаго губернскаго правленія Черкасскому повѣтовому суду, отъ 25 октября 1798 г. Указъ говоритъ, что означ. губернское правленіе потребовало отъ Новороссійскаго губернскаго правленія отобрать показаніе отъ бывшаго Черкасскаго земскаго исправника поручика Ивана Чорбы, нынѣ живущаго въ

Елисаветградскомъ уѣздѣ: «точно-ли подаваны были ему отъ *двухъ обществъ старообрядцевъ*, слободы Новокняжой и мѣстечка Смѣлой, сказки (во время ревизіи 1795 г.), и приняты-ль оныя, или же нѣтъ, и почему?»... Новороссійское губернское правленіе отвѣтило, что послало указъ съ этимъ запросомъ Елисаветградскому нижнему земскому суду, но отвѣта его еще не имѣетъ.

Очевидно, Черкасскій повѣтовый судъ снова не исполнилъ указа главнаго суда и снова затянулъ дѣло, поднявши вопросъ о ревизскихъ сказкахъ, поданныхъ старообрядцами въ 1795 г., т. е. объ одномъ изъ «неоспоримыхъ документовъ» просителей... Дальше, вѣроятно, нашлись у Черкасскаго суда и другіе поводы тянуть дѣло «въ угодность отвѣтной сторонѣ»... Энергія прокурора разбивалась объ эти подьяческія уловки и искусство пускать дѣло «въ отложку» и «подъ сукно»... Затѣмъ пошли скитанія дѣла «по инстанціямъ», и только черезъ 30 лѣтъ Смѣлянскіе и Гречковскіе старообрядцы получили полную свободу отъ притязаній гр. Самойлова: г. Похилевичъ говоритъ (с. 644), что только въ 1828 г. Государственный Совѣтъ рѣшилъ процессъ старообрядцевъ съ гр. Самойловымъ въ пользу первыхъ. Не легко далось старообрядцамъ отстоять свою «вольность» и подавить рабовладѣльческіе аппетиты гр. Самойлова!...

III.

Дѣло объ истребленіи еврейскаго урода.

Разсматриваемое дѣло, любопытное въ бытовомъ отношеніи, производилось въ 1798 году въ г. *Богуславѣ* — въ его городническомъ правленіи, нижнемъ земскомъ судѣ и городовомъ магистратѣ, а окончательно рѣшено въ департаментѣ уголовныхъ дѣлъ Кіевскаго главнаго суда[1]).

Дѣло началось слѣдствіемъ, произведеннымъ Богуславскимъ городничимъ *Луниным*ъ о мѣстной мѣщанкѣ, еврейской повивальной бабкѣ Ривкѣ *Шимоновой*, обвинявшейся «въ утайкѣ и истребленіи *урода*», рожденнаго еврейкою Фульцею *Менделевичъ*. Послѣдняя жила

---

[1]) См. въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи — *Кіев. Палаты Угол. суда* 1 опись, 7 вязка, дѣло № 181.

въ селѣ *Медвинъ*, Богуславскаго повѣта, и была замужемъ за Богуславскимъ мѣщаниномъ Волькою Менделевичемъ.

На допросѣ, снятомъ городничимъ Луниным, повивальная бабка Ривка Шимонова показала нижеслѣдующее: 15 іюня 1798 г. пріѣхали къ ней въ городъ изъ Медвина еврей Волька Менделевичъ, съ женою Фульцею, матерью и еврейскимъ «фурманомъ». Фульца была «въ крайнемъ изнеможеніи, отъ невозможности рожденія дитяти». Войдя въ хату Ривки, Фульца закричала: «Ривцю! ратуй мене! что-то въ меня въ брухѣ нынѣ есть неплохое»... Ривка принялась хлопотать около больной и распрашивать свекровь о болѣзни Ривки. Свекровь, раньше осматривавшая невѣстку, высказала предположеніе, что у Фульцы «не дитя»...

По обычаю, на Фульцу надѣли какую-то «жидовскую шапку» и завязали ей «крѣпко уши, дабы того родившагося отъ нее, буде то *чудовище*, голосу не слыхать»...

Черезъ полтора часа, въ полдень, Фульца «стала оное съ великимъ мученіемъ родить: вопервыхъ показался *хвостъ*, необыкновенно дѣтскому корпусу, а послѣ *двѣ заднія лапы съ когтями*, такъ какъ бы у *кота*, а затѣмъ и *переднія двѣ лапы* такія жъ, а напослѣдокъ *голова свинячья*, въ коей не было ни глазъ, а ни ушей, само же во всемъ своемъ корпусѣ голое, безъ шерсти, съ *черною* чрезвычайно тонкою *кожею*, но безъ волосу»...

Перепуганная Ривка, которой—какъ сама она говоритъ—«*таковыя чудовища у евреекъ неоднократно случалось брать*», схватила сапогъ своего мужа, вложила туда рожденнаго урода и «побивши обухомъ ему голову, пробила дерева осиноваго колкомъ ему щелепы и выбросила на дворъ, гдѣ его заразъ ходящія по городу свиньи и съѣли. При чинимомъ же оною бабкою чудовищу убійства оное испускало *голосъ* наподобіе *щура*. Она жъ Ривка оное чудовище затѣмъ убила, что по ихъ *еврейскому обряду* такъ ведется»...

При родахъ присутствовала только мать Вольки Менделевича. Изъ трехъ «наймичекъ» Ривки—двѣ «русскія» ничего не видѣли и не слыхали, такъ какъ хозяйка «ихъ съ хаты выгнала», а третья наймичка еврейка Маля «слышала изъ сѣней только того чудовища гласъ». Привозившій Менделевичей фурманъ видѣлъ въ сѣняхъ показанное бабкою «чудовище уже неживое».

Послѣ родовъ Воля Менделевичъ уѣхалъ домой, въ с. Медвинъ, а жена его Фульца осталась до выздоровленія у повивальной бабки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ Ривка Шимонова разсказала «главной повивальной бабкѣ» въ Богуславѣ «то страшное и чудное происшествіе» съ Фульцею Менделевичъ, а раньше молчала о томъ «съ своего недомыслу»...

Спрошенная городничимъ Богуславская повивальная бабка мѣщанская вдова Ефросинья *Шатилиха* показала: 15 іюня встрѣтила она на базарѣ еврейскую повивальную бабку (не Ривку, а другую), которая предложила ей идти къ Ривкѣ «для осмотру рожденнаго еврейкою чудовища». Онѣ пошли туда. Шатилиха осталась въ сѣняхъ, а еврейка вошла въ хату и вынесла оттуда «сапогъ, съ котораго вынула на подобіе звѣря, называемаго *кота*», и показала Шатилихѣ «одной», безъ свидѣтелей. Шатилиха такъ описываетъ этого «звѣря»: «при совершенно подобномъ видѣ кота примѣтила она на томъ и подобно какъ на рыбѣ *сомъ* кожа; какая жъ у того чудовища голова, она признать не могла, поелику гдѣ слѣдуетъ быть головѣ—разбито оное бабкою топоромъ. Убила жъ оное чудовище сказанная бабка для того, что оное по рожденіи будучи живое кричало такъ, какъ маленькій поросенокъ или кошка»... Шатилиха посовѣтовала Ривкѣ заявить объ уродѣ старшей повивальной бабкѣ, что Ривка исполнила 19 іюня.

«Штатная» повивальная бабка Богуславскаго повѣта Агафья Иванова *Скребицкая* подтвердила, что Ривка Шимонова дѣйствительно заявила ей о рожденіи еврейкою Фульцею Менделевичъ «чудовища съ хвостомъ» и проч. Скребицкая описываетъ его со словъ Ривки, но прибавляетъ, что чудовище «кричало разными голосами». Скребицкая подтверждаетъ также, что и она отъ Ривки слышала, «будто бы ей, Ривкѣ, уже таковыя *чудовища у евреекъ брать неоднократно случалось*»...

Городничій допросилъ еще наймичку Ривки, Малку Ицкову, жительницу мѣстечка *Тараща*, *Пятигорскаго* повѣта. Малка увѣряла, что ничего не видѣла и не слышала, такъ какъ во время родовъ хозяйка выгнала на дворъ ее и двухъ русскихъ работницъ. Фульца Менделевичъ скоро оправилась и уже 17 іюня уѣхала въ с. Медвинъ.

21 іюня городничій Лунинъ сообщилъ Богуславскому нижнему земскому суду снятые въ городническомъ правленіи допросы и пред-

ложилъ суду произвести «изслѣдованіе» въ с. Медвинѣ—снять допросы съ семьи евреевъ Менделевичей. Судъ командировалъ туда «дворянскаго засѣдателя» суда *Кундеревича*, который и доставилъ въ Богуславъ Менделевичей и ихъ фурмана. Евреи находились въ городѣ «подъ присмотромъ». На судѣ они показали слѣдующее:

Фульца Менделевичъ (она же по отцу *Рѣзничка*): ей 30 лѣтъ, имѣла 6 дѣтей нормальныхъ, изъ нихъ 4 живы доселѣ. За 12 дней до рожденія урода почувствовала она боль «похожую къ рожденію дитяти». Родовъ она не ожидала и не допускала возможности ихъ, такъ какъ «не имѣла обыкновенныхъ женскихъ признаковъ». Когда боли усилились, она поѣхала съ мужемъ и свекровью къ Ривкѣ Шимоновой. Что съ нею было у Ривки—Фульца не помнитъ отъ мучительныхъ болей, и что̀ именно она родила—«не видѣла, однако знаетъ, что не дитя»... Слышала она впрочемъ, какъ Ривка требовала топоръ, выходила въ сѣни, а вернувшись, сказала Фульцѣ, что она родила «не дитя, а чудовище»... Ривка стала описывать ей это чудовище, но Фульца отказалась слушать—прервала Ривку и просила замолчать... Во время родовъ Фульца чувствовала, что рождаетъ что-то «живое»...

Воль Менделевичъ, мужъ Фульцы, показалъ нижнему земскому суду: ни онъ, ни мать его родовъ не ожидали, такъ какъ Фульца не только «беременною не была, но и никакихъ признаковъ до самого того дня (15 іюня) не имѣла». При родахъ Воль не присутствовалъ, а когда позже вошелъ въ хату, Ривка сказала: «Фульца хотя спаслась отъ мученія, но родила не дитя, а чудовище»... Ривка хотѣла было описать «чудовище», но Воль, «прервавъ ея рѣчь, просилъ, дабы болѣе объ немъ не говорила»... Ривка замолчала. Затѣмъ Воль спросилъ ее: «что она съ тѣмъ чудовищемъ учинитъ?»—Ривка отвѣчала: «я знаю, что съ нимъ дѣлать! мнѣ *не первой разъ* уже случалось таковыя чудовища воспринимать»... Воль не сталъ болѣе распрашивать бабку. Начальству же онъ не объявилъ о рожденіи урода «по незнанію въ томъ порядка, а болѣе, что *по еврейскому обряду* о такомъ чудовищѣ *объявлять* никому *не годится*»... Дома, уже успокоившись отъ пережитыхъ волненій, Воль узналъ отъ жены и матери, «что тое чудовище было съ 4 ногами, съ хвостомъ, и черное, безъ кожи (?), слѣпое, и безъ ушей»...

Мать Вольки заявила нижнему земскому суду, что она и сама Фульца не ожидали родовъ. Роды были мучительные. Свидѣтельница

описала «чудовище» во всемъ согласно съ Ривкою и вполнѣ подтвердила разсказъ послѣдней объ истребленіи урода.

Фурманъ Менделевичей Гойшѣй Лейбовичъ показалъ, что, когда онъ послѣ родовъ вошелъ въ сѣни, Ривка «*показывала* ему родившееся отъ Фульцы чудовище съ 4 лапами, съ хвостомъ, черное, безъ шерсти»...

26 іюня Богуславскій нижній земскій судъ постановилъ такое рѣшеніе: имѣя въ виду, что находящіеся подъ слѣдствіемъ евреи и еврейки виновны лишь въ томъ, что «о чудовищѣ начальству не объявили», въ чемъ однако они «извиняются, яко обрядъ еврейскій таковъ, что о чудовищахъ никому не годится объявлять», при чемъ наиболѣе всѣхъ виновна Ривка Шимонова, убившая урода, то судъ «опредѣлилъ»—всѣхъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ до рѣшенія дѣла «оставить на ихъ жительствахъ», безъ права отлучки, о чемъ дать знать Богуславскому городничему и Медвинскому «соцкому».

1 іюля судъ препроводилъ слѣдствіе городничему Лунину, а тотъ отправилъ его въ Кіевское губернское правленіе. Послѣднее, по разсмотрѣніи дѣла, предписало городничему: на основаніи указа 13 февраля 1718 г., еврейскую повивальную бабку Ривку Шимонову «за утайку родившагося урода и за истребленіе онаго отдать къ сужденію по законамъ въ надлежащій судъ». Городничій передалъ дѣло о Ривкѣ въ городовой магистратъ.

23 августа 1798 г., Богуславскій городовой магистратъ, «слушавъ дѣло» о «колодницѣ» мѣщанкѣ Ривкѣ Шимоновой, «опредѣлили»:

Ривка истребила урода «по одной своей глупости и незнанію россійскихъ законовъ», которые (ссылка на указъ 13 февр. 1718 г.) предписываютъ—«человѣчьи, скотскіе, звѣриные и птичьи уроды приносить въ каждомъ городѣ комендантамъ», за что приносителямъ полагается плата—за живого человѣческаго урода 100 рублей и т. д.; а кто будетъ уличенъ въ утайкѣ и истребленіи уродовъ, съ тѣхъ »штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя». Такимъ образомъ, Ривка «подвержена сему штрафу». Но оказывается, что указъ 13 февр. 1718 г., «по присоединеніи города Богуслава отъ Польши къ Россійской имперіи и по открытіи въ ономъ правительствъ, не былъ объявленъ» жителямъ Богуслава и его повѣта; Ривка не знала вышеупомянутаго указа, а «медицинскіе чины» города—лекарь и повивальная бабка—ничего «не приказывали» ей относительно сохраненія и предъявленія начальству уродовъ. Извѣстно также, что Ривка изъ

«бѣднаго состоянія» и собственнаго дома не имѣетъ—взыскать требуемый закономъ денежный штрафъ не изъ чего, «а отработать по старости и дряхлости своей не способна».

Городовой магистратъ, такъ гуманно отнесшійся къ проступку бѣдной еврейки, вспоминаетъ, наконецъ, законы о «сумнительныхъ вещахъ»: «лучше 10 винныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить» («Воинскаго процесса» II ч., 5 гл., 9 пунктъ). Затѣмъ приводятся еще два аналогичныхъ закона: а) «Статутоваго права» раздѣлъ 14, артикулъ 3, параграфъ 5 и б) «Книги порядка судовъ мѣскихъ или городскихъ» 10 часть, страница 152-я.

На основаніи этихъ законовъ о «сумнительныхъ вещахъ» и по вышеуказаннымъ соображеніямъ, Богуславскій городовой магистратъ «полагаетъ свое *мнѣніе*: оную колодницу, еврейскую бабку Ривку Шимонову *оставить* по старости и неимуществу ее *безъ* всякаго денежнаго взысканія и тѣлеснаго *наказанія*. А дабы она впредь подобныхъ уродовъ истреблять не отваживалась, внушить ей силу вышеписаннаго 718 году, февраля 13-го дня указа, и на основаніи оного обовязать ее поручительною подпискою. Но не чиня по сему исполненія, представить все подлинное дѣло» въ департаментъ уголовныхъ дѣлъ Кіевскаго главнаго суда «на разсмотрѣніе», а пока отдать Ривку Шимонову «на надежныя поруки».

Это «мнѣніе» подписали: «войтъ» Максимъ *Балановскій* и 6 «лавниковъ»—4 русскихъ (Андрей Цворупа, Гаврило Марчевскій и др.) и 2 еврея (Мендель Ямпольскій и Сруль Юдковичъ).

2 сентября 1798 г., департаментъ уголовныхъ дѣлъ Кіевскаго главнаго суда, «слушавъ присланное на ревизію» изъ Богуславскаго городоваго магистрата дѣло о Ривкѣ Шимоновой—«утвердилъ» рѣшеніе магистрата и 16 сентября послалъ о томъ указъ. 21 сентября магистратъ увѣдомилъ главный судъ, что Ривка «отпущена свободною».

Н. Оглобинъ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Двѣ замѣчательныя рукописи XIII вѣка.

I.

Румянцевскій Музей въ Москвѣ пріобрѣлъ въ 1893 году привезенное изъ Румыніи Евангеліе апракосъ съ слѣдующею записью:

Въ лѣ҃. ѕ҃. ѱ҃. ч҃а Ско
нечашасѧ книги.
сиꙗ ∴ м҃ца окт҃ꙗ
е҃і. д҃нь. ст҃а. люкиꙗна
прозвютора ∴ бл҃го
словить а нѣ кленѣ
ть а кеде боудоу исе
кривило исправлѧ
те ∴ с си же писало
ювсикии. попович е
ст҃а. иѡана. азъ
грѣшнии. г҃и помози
рабоу своюмоу. ко
ли сѧ женило горги
и. кнѧзе а ѡ҃ць ю
моу в оугры ходи
ло. тогдꙑ сконча
шасѧ книги сиꙗ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Двѣ замѣчательныя рукописи XIII вѣка.

I.

Румянцевскій Музей въ Москвѣ пріобрѣлъ въ 1893 году привезенное изъ Румыніи Евангеліе апракосъ съ слѣдующею записью:

Въ лѣ҃. ѕ҃. ѱ҃. ча҃ Ско
нечашасѧ книги.
сиꙗ ⁘ мц҃а окт҃ꙗ
е҃і. дн҃ь. ст҃а. люкиꙗна
прозвютора ⁘ бл҃го
словить а нѣ кленѣ
ть а кеде боудоу исе
кривило исправлѧ
те ⁘ с си же писало
ювсикии. попович е
ст҃а. иѡана. азъ
грѣшнии. г҃и помози
рабоу своюмоу. ко
ли сѧ женило горги
и. кнѧзе а ѡц҃ь ю
моу в оугры ходи
ло. тогды сконча
шасѧ книги сиꙗ.

Князь Георгій этой записи, женившійся въ 1283 году,—Юрій Львовичъ, а его отецъ, ходившій, по записи, въ томъ же году въ Угрію,—Левъ Даниловичъ галицкіе, какъ видно изъ галицко-волынской лѣтописи по Ипатскому списку.

Храмъ святаго Іоанна, при которомъ отецъ писца былъ священникомъ, едва ли не тотъ самый, при которомъ съ небольшимъ сто лѣтъ раньше былъ священникомъ заказчикъ Добрилова Евангелія [1]).

Оно написано на пергаменѣ, въ листъ, въ два столбца, на 140 листахъ. Нѣсколькихъ листовъ не достаетъ [2]).

Рукопись писана въ высшей степени небрежно, съ массою описокъ, недописокъ, пропусковъ, что необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ данныхъ ея языка. Главная особенность ея орѳографіи, особенность, характеризующая нѣсколько другихъ русскихъ памятниковъ XII—XIV вѣковъ,—смѣшанное употребленіе *з* и *о*, *ъ* и *е*, одной буквы каждой пары вмѣсто другой (сравни договоръ Смоленска съ Ригою 1229 года): пророко, им. ед., видѣхо тя, 1 л. ед., юдинъчадаго 1 об. и т. п. (смотри также запись).

Языкъ Евангелія 1283 года вполнѣ свободно можетъ быть названъ церковно-славянскимъ языкомъ русскаго извода. Въ немъ не разъ встрѣчаются слова съ русскимъ *ж* вмѣсто церковно-славянскаго *жд*, съ полногласіемъ и т. д.; *ѫ*-са нѣтъ, а *ѧ* употребляется въ значеніи *я*. Главныя особенности языка тѣ же, что въ галицко-волынскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣковъ; именно:

послѣдовательное употребленіе *ѣ* вмѣсто *е* въ словахъ на *ение* (исполнѣнья 1 об., знамѣнии 3 и т. п., часто), въ словахъ на *тель* (учитѣль 3 об., дѣлатѣль 25 об., утѣшитѣль 26 об. и др.), въ формахъ мѣстнаго ед. (по нѣмь, по сѣмь) и друг.;

спорадическое употребленіе *и* вмѣсто *ѣ* и на оборотъ: видяше 11 об. (=вѣд-), свѣдиньа 6 об., самариискъ 14 об., пинязь 40 об., никии 50, никы 57 об. (=нѣ—), заприти 52 об., 68, на овчи купили, въ купили 11 (= — ѣли); учиньѣ 47, о учиньи 73 (при учѣньѣ),

---

[1]) Запись Добрилова Евангелія 1164 года—въ нашихъ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка», К. 1884, стр. 1.

[2]) Краткое описаніе этой рукописи въ *Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ* 1893 года, № 11, и въ «Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1892—1894 г.», М. 1895, стр. 1—3.

свидит*и*льствуюмъ 3 об., въ отечестьвьи сво*и*мь 134, июдѣ*и*мъ 16 об. (дат. мн.), Евс*и*вии (запись); исконѣ;

спорадическое употребленіе *в* вмѣсто *у* и на оборотъ: огньмь не *в*ъгасающимь 126 об., учися *в*ь Ісуса 102 об., *в*ъмрѣти 78 об., не *у*зложи рукы 13, искаху *у* праздьникъ 12 об., *у* пустыни, *у* Капернаумѣ и друг.

Мелкія особенности языка Евангелія также отчасти свойственны галицко-волынскимъ текстамъ:

за умножѣнь*я* 71 об. (вин. ед.);

срѣбро 45, 45 об., 52 и др.;

идѣте *у*гнь вѣчныи 61 (=у *у*гнь?);

другъ къ другу *и*стязашася 121, праведнаго *И*лва 133;

ющ*и* 104 и друг. (нѣсколько разъ).

Всѣ эти черты не представляли бы особаго интереса, если бы рядомъ съ ними не было рѣдкихъ сравнительно чертъ болгарскихъ.

Это прежде всего *я* (ѧ) вмѣсто *ѣ* и на оборотъ: въ вс*я*мь мирѣ 1 об. (сравн. гал.-вол. вс*ѣ*мь), уношю одяна въ одежю 8 об., фарис*я*и 33, не бр*я*жеши 42, на жр*я*бяти 69 об., кам*я*нь 71 (сравн. гал.-вол. кам*ѣ*нь), вид*я*ша 93 об., вѣд*я*ша 100 об., о мн*я* 105 об., приидете об*я*дуити 107 об., обр*я*тоша 122, н*я* имать 135 об. (при н*ѣ* имать и т. п.), стар*я*шинамъ 139, бр*я*мя 119, лицем*я*ри 109 об. (еще: блажать тя вс*я* роди 110 об.);—ненавид*ѣ*и 10 об. (прич.), вход*ѣ*и 133 об., хот*ѣ* 92, мн*ѣ*ще 106, вид*ѣ*ть 22 об., 69 об., 99 об. (3 л. мн.), помышльния въход*ѣ*те въ сердца ваша 105 об., вы же с*ѣ*деть въ градѣ 23 об. (2 л. мн. повел. н.), обр*ѣ*щете 43 об., гр*ѣ*деть 127 об., жена ражаюте дѣт*ѣ* 27, въвережеть м*ѣ* въ купѣль 11, узрите м*ѣ* 27, исповѣсть м*ѣ* прѣдо человѣкы 31, на погребѣнью м*ѣ* створи 79 об., поставлю т*ѣ* 45 об.; Марья Ияковл*ѣ* 8 об., ближен*ѣ*го своюго 31, птиц*ѣ*ми 49 об., нарицѣются 106, отягч*ѣ*ли 138 (сравни: стоя и грѣюся 91 об., прич., уч*е*ще 100, вс*е*къ 31 об., о вс*е*комь глаголѣ 127 об., отвѣщ*е* имъ Ісусъ 19, отвѣщ*е*въ 92, не осуж*е*ить 32, 2 л. мн. повел. н., възлеж*е*ху 34 об., муж*е* не знаю 132, сердц*е* ваша 57 об., мн. ч.).

Затѣмъ это—формы имен. п. ед. числа вмѣсто другихъ падежныхъ формъ того же числа: имать живот*о* вѣчнаго 6, глаголы живот*ъ* вѣчнаго имаши 12, въ прѣплъвлению праздьник*ъ* 12 об., вниди в радость господь своюго 45 об., отъ дух*ъ* свята 120 об., радость вашея никто

же не възмете 27, приступиша ко Ісусъ 44, придъ (аор.) ко гробъ 68, азъ во отець и вы во мнѣ 86, очистися отъ проказа 33.

Можно еще отмѣтить слѣдующія особенности языка, извѣстныя намъ отчасти изъ средне-болгарскихъ, отчасти изъ южно-славянскихъ вообще текстовъ:

глаголя, непьщюя (1 л. ед. ч.), сравни ср.-болг. ѧ вмѣсто ѭ; негодую (прич.) 54 об., сравн. ср.-болг. ѭ вмѣсто ѧ;

въ пустыну 3 об., плуну 19 об., разлючаѭть 40, Лазору, зв.;

содомъ десять 116; сравн. ср.-болг. и ново-болг. седъмъ.

Формы мѣстоименія *вьсь* часто начинаются буквами *св* вмѣсто *вс* (какъ въ сербскомъ языкѣ): надъ *св*ѣми 4 об., *св*и (им. мн.) 13, 18, своя *св*я ижденеть 18, *св*ю Галилѣю 32 об., *св*е тѣло 33, во *св*ѣи славѣ 33 об., на *св*ѣхъ бѣсѣхъ 51 об. и т. п. [1]).

Нижеслѣдующія особенности языка могутъ быть объясняемы и какъ русскія (галицко-волынскія), и какъ болгарскія или вообще южно-славянскія.

воск*р*сниѥ 2 об. въск*р*шю 10, въ уск*р*шѣньѥ 6 об., вск*р*си 69 об., к*р*воточива 35 об., на ут*р*ници 99 (сравни: с*р*дца 60 об., въ в*р*ътоградѣ 91 об., въ в*р*ьтьпѣ 99, ум*р*ъша, прич., 98, т*р*ъкраты 83);

пуст*и*ню 51 об., ст*и*дяхуся 54 об., грѣшн*и*и (ед. ч.), запись, сыръ (=сиръ) 86; сравн. т*и*сяща 38;

ск*у*зѣ 51 об., 57, *у*брѣтоша 51 об., поясъ усньянь *у* чреслѣхъ своихъ (=о чреслѣхъ) 124; сравн. вѣруяи *ву* мя 67 об., *ву*збужю 67;

Ио*в*ана 111, И*в*ана 107, при Ианъ (часто), трепетъ и *ву*жасъ 103, Капернаѵумъ 8.

Не входя въ оцѣнку приведенныхъ данныхъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что часть болгарскихъ чертъ въ языкѣ Евангелія (*я*=*ѣ*, формы имен. п. вмѣсто другихъ падежныхъ формъ) болѣе или менѣе рѣдки въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ, а такая черта, какъ *св* въ формахъ мѣстоименія *вьсь*, даже совсѣмъ неизвѣстна намъ ни изъ средне-болгарскихъ, ни изъ южно-славянскихъ вообще текстовъ тѣхъ же столѣтій. Изъ этого можно сдѣлать то заключеніе, что болгарскія и вообще южно-славянскія особенности не заимствованы писцомъ Евангелія изъ книгъ, а внесены въ текстъ рукописи изъ живаго говора писца. Иначе говоря, мы имѣемъ право

---

[1]) Сравни *тко* ѥсть=кто въ Добриловомъ Евангеліи 1164 года, листъ 17 об.

сказать, что писецъ Евангелія говорилъ не чистымъ русскимъ языкомъ, а смѣсью русскаго языка съ болгарскимъ, въ которой однако, судя по записи, русскіе элементы преобладали.

II.

Евангеліе 1283 года, какъ мы видѣли, представляетъ собою церковно-славянскій текстъ русскаго извода съ болгаризмами. Другое Евангеліе апракосъ, которое мы будемъ называть Софійскимъ, такъ какъ оно находится въ Народной Библіотекѣ г. Софіи, № 199, имѣетъ другой языкъ—средне-болгарскій, но съ многочисленными руссизмами.

Оно написано на пергаменѣ, въ четвертку, и, судя по письму, современно Евангелію 1283 года, т. е. относится ко второй половинѣ XIII вѣка. Описки въ немъ—обычное дѣло.

Мы не будемъ останавливаться на обычныхъ особенностяхъ средне-болгарскаго языка—на мѣнѣ ѫ и ѧ (между прочимъ: идѧща 3 об., глаголахѧ 21, идѧ, 1 л., 22 об., оттѧду 48), на употребленіи *ѣ* вмѣсто русскаго *я* (*ѣ*ко, мор*ѣ*, корабл*ѣ*, род. ед.), на употребленіи *ъ* вмѣсто *ь* и на оборотъ. Мы приведемъ лишь слѣдующія интересныя черты, болгарскаго происхожденія:

нѣсъмъ 146 об. (1 л. ед.), просьвтѧсѧ лице (3 л. ед.) 195; сѫтъ=сътъ 36;

с*а*мо=сѣмо (не разъ); сравни: о годинѣ с*о*и 116;

молѧхѧт*о* и 26, въпрашахѫт*о* и 31, молѣхѫт*о* и 33 об. и др. (рядомъ: вьпрашахѫт*и* и 110, прославит*и* и 135 и др.);

вѣр*у*вашѫ 8 об., 9 и др., вьзрад*у*ватисѧ 11 об. и др. (часто);

сынов*ы* 24 (им. мн.), июде*ие* и т. п. (им. мн.), вы*е*=вы 11 об., 12 и др. (им. мн.).

Сверхъ того, неизлишне обратить вниманіе на неправильное употребленіе падежныхъ формъ: никто же не можетъ знамени*я* сихъ творити 5, четырьми десѧть и шесть лѣтъ 6 об., иди вь кѫпѣл*и* силуямлѧ 31, изгнаны бѫдѫтъ въ тьм*ѣ* кромѣшнѫѧ 51 об., дльжень тьм*а* (тв.) талантъ 60 об., въ дому своем*у* 73 об., не по пѣнѧз*а* ли свѣщахъ с тобоѫ, Исусу бывшу вь Виѳаниѫ вь дому Симона 121 об., по вьскрьсени*е* его 156 об., над двер*еи* гроба 160 об., два дльжника бѣста заемодавецъ единому 174 об., въ тыѫ нощъ 199 об.

Руссизмы разсыпаны по всему тексту и благодаря имъ языкъ Софійскаго Евангелія—въ своемъ родѣ нѣчто единственное.

На мѣстѣ ѫ не разъ стоитъ *у*, и на оборотъ, на мѣстѣ *у*, ѹ, стоятъ ѫ и ѧ: вѣр*у* 12, слав*у* 114 об., испльнен*у* 39, 144, годин*у* 170, геон*у* 179 об., град*у* 87 (=грѧдѫ, 1 л.); глаголахѫ же слѣща (дат.) 31, къ единому глагол*ѧ* 152, не доставьшу вынѫ (=вину) 8 об.; въ сем обоѫ заповѣдиѫ 66, отъ обѣщенѣѧ злодѣя 155 об. (дв.), подобно неводѫ вьвръжену въ море и събравшѫ 176 об.

Употребленіе ѧ на мѣстѣ *я*, *а* съ одной стороны (по-русски) и *ѣ*, *е* съ другой (по-болгарски) и на оборотъ довольно обычно:

идѧста 3, творѧшесѧ 3, хотѧхѫ 27 об., назарѧнина 14, самарѧнинѫ (род.) 24, кланѧтьсѧ 25, всѧкѫ (и всѣкѫ) 39 об., вѣси всѧ 42, умльчѧ (3 ед.) 65, ис корабл*ѧ* 71, и др.; прозр*ѧ* (3 ед.) 31, 31 об., вид*ѧ* 37, 65, узр*ѧ* 48, сѧ усьмн*ѧ* 58, сѣдѧте (повел.) 123 об., ѣвѧ (=явѣ) 127;

въ своѧ приде 1, мирь своѧ любиль бы 16 об., прияшѫ, прияхомь 1, яшѫ 6 об., 31 об., ѧли бысте 12, ѧты=ѧти (неопр.) 14 об., стоя бѣ 3 об., стояи 7, имѣяи 7, слушая 10, чая 13 об., умирая 14 об., любьве божиѧ не имате 11 об., отъ Аримаѳеѧ 13 об., отъ Галилеѧ 45, хлѣбь ячьныхъ 28 и друг.; обрѣтохъ Месиѧ 4, изити въ Галилеѧ 4, яды плъть моя и пии крьвъ моя 18 об., за твоя бесѣдѫ 26, създа своя храминѫ 48 об.[1]); жены ужасиша ны бывшаѧ у гроба 2 об., видѣ ризы лежащѧ 2, узрите аггелы всходящѧ и нисъходящѧ 4 об., обрѣте продаѫщаѧ овцѧ и волы и пѣнѣжникы сѣдящѧ 6, доколѣ душѧ нашѫ вьземлеши 29, егда своѧ овцѧ глашаеть и изгонить ѧ 28 об., слушаѧ (прич.) 10 об., стоѫ и слышѧ 34 и др.; не погубѧ нѫ вскрѣшѧ и азъ (1 л.) 15 об.;

горѣ (прич.) 3 об., свѣтильникь горѣ и свѣтъ 11 об., женѣи 25 об., имѣщу 60 об., мнѣ (1 л. ед.) 44, вѣжѫть 85 (еще: не ищѧ волѣ моя 11);

жежѫ (1 л. ед.) 24, честь (=чѧсть) 36, 161 об., книгы глаголеть 160; рядъ другихъ формъ 3-го лица множ. ч. имѣетъ *е* вмѣсто церк.-слав. ѫ передъ *ть*.

Соотвѣтственно съ употребленіемъ ѧ-са, ѫ также является на мѣстѣ *я*, *а*, *е*:

---

[1]) Здѣсь можно видѣть не *я* вмѣсто ѧ, а форму имен. ед. вмѣсто другихъ формъ женскаго рода.

изъгнѫ изь цр҃кве 6, прихождѧхѫ 6 об., бѣжѧ*ша* 14, трѫждѧтсѧ 50, винѫ (род.) не имѧтъ 8 об., ина знаменыѫ 8 об., ѫшѫ хлѣбы (=ящѧ) 13, ѫко (=яко) 26, сына божиѫ 32 об.;

дщи злѣ бѣснуѧтьсѧ 69 об., душѫ (зв.) имаши много добра 84 об., сьтворилъ ѫси 170 об., вьселисѧ вь Капернаумъ вь помориѫ вь прѣдѣлѣхь завлонихь 165 об., вы въсмѣѧтесѧ 179.

Сверхъ того, ѫ и *а* употребляются одна буква вмѣсто другой въ формахъ им. и вин. п. ед. ч. женскаго рода: принеси рѫк*а* твоя въ ребра моя 8, въ сѫбот*а* 19 об., видѣ тьщ*а* его лежѧщ*а* 50, вьложи рѫк*а* своѫ 52 об., ѫть за рѫк*а* 53, любѣ (3 ед.) же Ісус Марѳ*ѣ* и сестр*а* еѫ и Лазара 112 об.; бѣ сѫботѫ 18 [1]).

Наконецъ, есть одинъ случай употребленія ѫ-са вмѣсто *о*: дрѣво познанѫ бѫдеть 55 об., очень похожій впрочемъ на описку.

Изъ другихъ особенностей мы должны отмѣтить слѣдующія:

употребленіе *и* вмѣсто ы и на оборотъ;

и вмѣсто *ѣ*: мнѣтисѧ (=мни—) 7, жен*и* (дат.) 26;

ѣ вмѣсто *е* и на оборотъ: отврьзѣтьсѧ (3 л. ед.), нѣ сѫть 144, 144 об., нѣ ськрушитсѧ 160, нѣ имуть 191 об.; ожив*ѣ* (3 ед.);

ь передъ плавнымъ: растьрьза 148, гьрличищі двѣ 167, пьр'та 184 об.;

ъ вмѣсто *о* въ рѫждье 40;

ф вмѣсто *ѳ* и на оборотъ (не разъ);

полногласную форму и ч въ *толочи* вь двери 88;

формы род. тебѣ, себѣ (не разъ) и дат. тебѣ, себѣ (часто).

Эти особенности—болѣе или менѣе несомнѣнныя черты русскаго языка (галицко-волынскаго нарѣчія).

Въ заключеніе упомянемъ еще объ *д* въ Андоній, Костендинъ, ѧндикостия и т. п. и о мѣстоименіи *еговь* 146 об.

Мы не будемъ входить и здѣсь въ оцѣнку приведенныхъ данныхъ. Средне-болгарскій языкъ Софійскаго Евангелія, богатый живыми элементами, имѣетъ массу руссизмовъ.

Послѣдніе не получаютъ себѣ объясненія, если мы предполагаемъ нахожденіе въ рукахъ писца русскаго текста или вообще знакомство его съ русскими книгами и орѳографіей. Очевидно, писецъ говорилъ

---

[1]) И здѣсь можно видѣть формы им. ед. вмѣсто формы вин. женскаго рода, или на оборотъ.

такимъ говоромъ, въ которомъ были элементы и болгарскіе (въ большинствѣ) и русскіе (въ меньшинствѣ), т. е. смѣсью болгарскаго языка съ русскимъ.

Этотъ говоръ въ чистомъ видѣ мы находимъ въ двухъ припискахъ писца, изъ которыхъ первая повторена дважды:

1) грѣшникъ *я* (руссизмъ);

2) Богъ да прости калугерицѧ отъ грѣхъ, *оти* (болгаризмъ) и донесѣше хлѣбъ мѧкь и яица, да сѧ насыт*ѧ* (1 л. ед., болгаризмъ).

Вообще Софійское Евангеліе, не смотря на то, что оно среднеболгарское, представляетъ по языку значительное сходство съ Евангеліемъ 1283 года, русскимъ. Существенное различіе между ними въ томъ лишь, что писецъ перваго списывалъ съ средне-болгарскаго оригинала, а писецъ втораго—съ русскаго.

Существованіе двухъ только такихъ памятниковъ, какъ описанные нами, не мѣшало бы предполагать случайность. Вѣдь русскіе попадали иногда въ Болгарію и болгары въ Россію и, можетъ быть, занимались перепискою книгъ, внося въ тексты особенности своего смѣшаннаго языка [1]). Но наши Евангелія не стоятъ одиноко. Ихъ особенности нерѣдки въ молдавскихъ памятникахъ XV—XVI вѣковъ (документовъ и лѣтописей). Языкъ документовъ (за исключеніемъ тѣхъ, которые представляютъ собою копіи съ образцовъ составленныхъ въ Краковѣ или въ Вильнѣ) или русскій съ болгаризмами, или болгарскій съ руссизмами. Въ немъ мы находимъ. напримѣръ: видѧвше, прядъ нами, пятдесѧтъ, зѧта (=зятя), болѣринъ, пану Симя логоесту (грамота 1442 года, *Уляницкій*, № 54), т. е. именно такія черты, которыя мы видѣли въ Евангеліяхъ. Языкъ лѣтописей [2]) представляетъ полную смѣсь русскихъ и болгарскихъ элементовъ. Въ немъ мы встрѣчаемся съ тѣми же особенностями.

III.

Запись Евангелія 1283 года показываетъ, что его писецъ былъ подданнымъ галицкаго князя и, слѣдовательно, жилъ въ его владѣніяхъ. Но гдѣ именно?

---

[1]) Одинъ изъ писцовъ Кормчей 1284 года, работавшихъ въ Рязани, былъ сербъ, и его письмо представляетъ смѣсь особенностей русскаго языка съ сербизмами.

[2]) *J. Bogdan*, Cronice inedita atingătoare de istoria Rominilor. Bucureşti, 1895.

Очевидно, въ той части галицкаго княжества, гдѣ русскія поселенія сходились съ болгарскими. Это могло быть въ южной части нынѣшней Галиціи, въ восточной части нынѣшней Буковины и въ сѣверной части нынѣшней Молдавіи. Нахожденіе здѣсь болгарскихъ поселеній засвидѣтельствовано молдавскою лѣтописью, недавно изданною профессоромъ Богданомъ. Въ ней подъ 1486 годомъ мы читаемъ: «бысть разбой (=битва) съ Хроетомъ *у Блгарехъ на Сиретя*, и ятъ бисть [1]).

Софійское Еьангеліе не имѣетъ записи. На основаніи близости особенностей его языка къ особенностямъ языка Евангелія 1283 года, мы должны считать его написаннымъ въ одномъ изъ болгарскихъ поселеній, сосѣднихъ съ русскими, т. е. въ Молдавіи или Буковинѣ.

То обстоятельство, что Софійское Евангеліе имѣетъ языкъ среднеболгарскаго извода (въ то время какъ Евангеліе 1283 года—русскаго извода), не должно насъ удивлять. Молдавія и Буковина XIII вѣка, хотя были въ большей или меньшей политической зависимости отъ галицкаго князя, въ церковномъ отношеніи подчинялись болгарскому патріарху, и ихъ письменность XV вѣка, намъ хорошо извѣстная по значительному числу дошедшихъ до насъ рукописей этого времени, была на церковно славянскомъ языкѣ средне-болгарскаго извода.

А. Соболевскій.

---

[1]) *J. Bogdan*, Cronice inedite atingatoare de istoria Romînilor. Bucureşti, 1895, стр. 44. Сравни въ *Сборникѣ* Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, книга IX, стр. 271.

Двѣ библіографическихъ рѣдкости.

I.

Народная библіотека въ Софіи имѣетъ, подъ № 209, переплетенный сборникъ печатныхъ книжекъ in 8°, польскихъ и русскихъ, конца XVI и начала XVII вѣковъ, въ которомъ, между прочимъ, находятся слѣдующія изданія.

1) Иже въ свѧтыхъ
оц҃а на́шего Іѡа́ннѧ
Златооу́стаго.
Бе́сѣда избра́ннаѧ, ѡ
въспитанїи чадъ.
Въ Лвовѣ.
Въ Дроука́рни бра́т-
ской.
Лѣта, ѿ Рж҃тва̀ Хв҃а.
҂а҃ ѧ҃ ѳ҃.
Індїктїѡна, з҃.
Іоу́лїа, к҃ѳ.

Оборотъ заглавнаго листа: гербъ братства и стихи на него.

Далѣе: «На Злотоустаго, и до чителникѡвъ». Стихи на юго-западно-русскомъ языкѣ, съ многочисленными полонизмами.

Начала нѣтъ: 1-я имѣющаяся въ наличности страница съ помѣтою: в҃.

На страницѣ л҃е: (Василія Великаго) ѿ исповѣданїа вѣры, на неже подписасѧ Еѵстаѳїй Севастїйскїй Еп҃пъ.

Послѣдняя страница, съ заключительнымъ четверостишіемъ, —м.

Каратаевъ. № 199.

2) Elemen | taria insti | tutio Latini sermo | nis et pietatis | Christianae. Cracoviae. Wirzbięta. 1575.

Азбука, склады латинскіе и польскіе, молитвы и нравственныя наставленія. Строка польская и строка латинская. Безъ конца.

Въ польской библіографіи неизвѣстна.

3) Dla dziatek |. Nauka | Czytania pisma | polskie°.

Миніатюра на заглавномъ листѣ такого содержанія: за столомъ сидятъ отецъ и мать; отецъ держитъ въ рукахъ длинную розгу, мать рѣжетъ хлѣбъ. Трое дѣтей въ просительныхъ позахъ.

Азбука, склады, молитвы на польскомъ языкѣ, наставленія. Крупный шрифтъ; рядъ мелкихъ гравюръ.

Очень небольшая тетрадка.

Въ концѣ: W Krakowie | W Drukarni v Dziedzicow Jakuba Sybeneychera. 16011 (?).

Въ польской библіографіи неизвѣстна.

4) Nauka ku czytaniu | Pismá Polskiego z | figurami przyłożone są nabożne Modlitwy y Psálmy.

Азбука, склады, молитвы. Рядъ мелкихъ гравюръ.

Очень маленькая тетрадка.

Въ концѣ: We Lwowie. Roku 1599.

Въ польской библіографіи неизвѣстна.

5) Наѹка кѹ читаню и розѹмѣню писмѣ словѣнского. тѹ ты ѡ стой тройци, и ѡ человѣчнїи гдни.

Подъ этимъ титуломъ азбука и начало складовъ. (Заглавнаго листа не было).

Въ низу первой страницы:

в вилнн. в дрѹкарни Бр҃а. рс҃ѯ҃ а҃ф҃чѕ. а ѿ сѯ҃ мїра с҃мтнсмно р҃д.

Далѣе продолженіе складовъ, молитвы, символъ вѣры, титла безъ начала и конца, остатки грамматики, наставленія.

Безъ конца; сохранность плохая.

Каратаевъ, № 146.

6) Ламинтѣ домѹ княжатъ шетрскихъ.

Эта книжка, плохо, къ сожалѣнію, сохранившаяся, не имѣетъ перемѣты ни страницъ, ни листовъ.

Заглавной листъ съ слѣдующимъ титуломъ:

Ла́ментъ
до́мѹ кнѧжа́тъ
ѡстро́зскихъ.
на́ зе́шлы с того свѣта
ꙗ҆сне ѡсвѣцонымъ
кн҃жатем алеѯа́ндром
конъстантиновичом
кн҃жатем ѡстро́зским
воево́дою волы́ньским.
В ро́кѹ ти́сѧчно шесть со
третемъ. мц҃а деке́врїа
в҃ дн҃ѧ.

Оборотъ заглавнаго листа: гербъ князей Острожскихъ. Слѣдующая страница: стихи на гербъ.

Начала «Ламента», конца и нѣсколькихъ листовъ въ серединѣ нѣтъ.

Вотъ текстъ того, что сохранилось отъ этой библіографической рѣдкости (съ раскрытіемъ тителъ, но съ сохраненіемъ особенностей правописанія и языка).

(Рѣчь вдовы).

Нѣкгды южъ неосвѣтитъ ани головы твоеи волосъ,
не будетъ тыжъ услышанъ в ушахъ моихъ твой голосъ.
Анѣ ся очи мои утѣшатъ смотрячи на твою тваръ,
охъ неидзная якихъ дочекаламся смутныхъ хмаръ.
Жадная година бы тежъ найсвѣтлѣйшая не здасть ми ся быти ясна,
южъ бовѣмъ свѣча всѣхъ потѣхъ моихъ на вѣки згасла.
За нещаслившую себе на свѣтѣ надъ иншихъ маю,
и жадное вдовы в такомъ жалю не знаю.
Которая бы разомъ оплаковала и свое вдовъство,
и дѣтокъ своихъ малыхъ жалостное сиротъство.
Лечъ ижъ богъ вдовам' обронцею а сиротамъ отцемъ кажетъ себе звати,
позволиламъ себе в' оборону, а дѣтки в' опеку ему офѣровати.

Отъ небожчика до жоны.

Жалостная матко якими бымъ тя мѣлъ тѣшити словами,
видячи тя нещасливую межи бѣлыми головами.

Былась ми малжонкою а тепер' естесь вдова,
несподѣваный то у тебе титулъ тые смутные слова.
Тым' тя тѣшу жемъ нѣкгды безъ волѣ твоее нѣчого не справовалъ,
и абысь в покою по мнѣ зостала туюмъ ти дорогу торовалъ.
До того тѣшъся потомками при тебѣ зосталыми,
в тыхъ мене обачишъ бо не будутъ такъ оспалыми
Абы обычаевъ моихъ в собѣ выображати не мѣли,
а хоть бы тымъ сами того не хотѣли альбо не умѣли.
Теды самая натура то в нихъ справитъ и покажетъ,
и имъ то суть сынове мои значне то в них' окажетъ.
Тым'ся тѣшь жемъ по смерьти в особѣ сыновъ моихъ зосталъ,
и если мя кто за живота видѣти на свѣтѣ не засталъ.
Нехай же мя в живыхъ зверьцадлахъ сынохъ моихъ бачитъ,
а ласкаве на ихъ малый взростъ позрѣвши спомянути мя не забачитъ.

До товарышовъ.

Васъ товарышовъ своихъ прошу ласкаве мя споминайте,
а если бымъ кому здалъся неправъ мудре розезнайте.
Еслимъ то учинилъ умыслъне цили заданеемъ[1]) причины,
нехай же тую вину не я отношу але кто иный.
Если бы тежъ и умыслъне яко жъ мусѣло то бити,
не есть то дивъ в такъ великихъ справахъ поблудити.
Все то милость ваша пріятельская перебачити можетъ
бо гнѣвъ держати и вамъ то самымъ нѣчого не поможетъ.
А подобно жаденъ не можетъ' догодити всѣх' людій воли
бы тежъ хотѣлъ быти и добрымъ и злымъ к воли.

Отъ отца до сыновъ.

До васъ сыновъ моихъ по мнѣ на свѣтѣ позосталыхъ,
оборочаю речъ наслѣдуйте продковъ своихъ в' вѣре сталыхъ.
Зоставую вамъ отчизну вашу всю в цѣлости,
которой обронцами и дѣдичами будьте в' смѣлости.
Служѣте речи посполитой потужне а вѣрне,
животъ скромный ведучи ховаючися помѣрне.

---

[1]) Въ подлинникѣ: задаѣмъ.

Мене мѣйте прикладомъ и мое прудкое розстане,
бомъ власне якъ презъ сонъ былъ' который приноситъ спане.
Прото если который з васъ пащеки тое смерти прескочитъ,
а напо́тымъ доросши лѣтъ' в' свѣтѣ кохатися схочетъ,
Памятайтеся абысте его заживали бачне,
станъ ваш' княжацкій учтивостью оздобячи значне.
Бо которая роскошъ тут' на свѣтѣ человѣку смакуетъ,
тая ся по смерти в горкость прикрую опакуетъ.
Памятайте жесте с княжатъ рускихъ острозскихъ вышли,
ихъ вѣру дѣльность, и набожность мѣйте на мысли.
Вами хочу похвалитися перед' маестатомъ,
божимъ, кгды з васъ жаденъ не будет' апостатом'.
Отъ вѣры кгрецкое апостольское церкви въсточное,
дому нашему и славнымъ продкомъ нашимъ пожиточное.
Продкове бовѣм' ваши кгды вѣру якъ тарчъ держали,
непріятели дому ихъ завше пред' ними дрыжали.
Тою были славни тою маетности набылѝ,
которую чого боже уховай если бысте позбылѝ.
Тогды намятайте, мое слово же з вѣрою сполечне,
утратите учтивость маестатность и здорове конечне.
Лечъ абы през' сталость вѣры ваших' княжацкихъ становъ,
домъ нашъ и я з нимъ доброю славою з' мертвых' повстанувъ.

До слугъ.

Слуги мои вѣрные которые сте ми за живота служили,
если сполечне зо мною альбо для меня праци сте зажили.
Пе́венемъ же мое постановене абы заразъ плачено,
и по моей смерти в дому моемъ не будетъ трачено.
То мя тѣшитъ жемъ заслугы не завюлъ нѣкому,
кто едно кольвекъ служилъ моему дому.

До всѣхъ посполите.

Народе христіянскій межи которымымъ слынулъ,
поневажъ же южъ вѣкъ мой отъ мене уплынулъ,
и свѣтъ тотъ цудный в' окомгненюмъ минулъ.

. . . . . .

(Нѣтъ одного или двухъ листовъ).

голый мой титулъ тылко межи вами зосталъ,
Зоставилемъ вамъ по собѣ подобныхъ' собѣ чтыри лѣторостъки,
с корене дому моего с тѣла и кръве моее выростки.
Тые о мнѣ посвѣдчати будутъ жемъ колись на свѣтѣ былъ,
мало на нюм' побывавши врыхлѣмъ его и позбылъ.
Всѣхъ васъ сполечне христіянъ прошу споминате мя.
Александромъ мя звано вшакъ вѣдаете мое имя.
Поки свѣтъ тотъ стоитъ и поки народъ рускій тръвати будетъ,
вшелякого стану чоловѣкъ прошу нехай мя не забудетъ.

О томъ, поком' тотъ ламентъ.

Еслисмо слыхали того пана зацность и славу,
вѣдаймо тыжъ его и святобливую справу.
Которого богъ самъ былъ взбудилъ на сесь часъ кгвалтовный,
умѣлъ себе и всѣхъ при собѣ боронити якъ клейнот' коштовный.
Двигалъ речи посполитое справы знамените,
и що вѣрному слузѣ боже.....
(Нѣтъ одного или нѣсколькихъ листовъ).
.... рати лечъ ся всѣ разбѣгнутъ.
Прожнось ся теды отче мой плачучи надо мною струдилъ,
а вшакесь мя на тотъ свѣт' не безсмертного породилъ.
А ижемъ ся уродилъ тедымъ былъ еще виненъ и умерети,
бо ми того не доставало отъ чегом' ся не могъ отперети.
Протомъ ижъ натуры чоловѣчее прирожоный бѣгъ,
якъ в пороженью такъ в' отхоженью з' свѣта прудко перебѣгъ.
Смерть бовѣмъ кождому з насъ долгъ есть а не неволя,
не припадокъ страфунку лечъ божая воля.

Ксюнже Янушъ до брата.

Вшелякое тѣло своему члонку помогает' терпѣти болю,
Прото и я чинити мушу серца моего волю.
Которая якимъ ми быти кажетъ такимъ мушу,
бы наветъ з' жалю отстрадати здоров'е и душу.
Кгдыжъ ми нинѣ члонокъ кровью споеный моего тѣла,
смерть окрутная роздѣлила якъ сама хотѣла.
Крывавое серце такими жъ слезами плакати ми кажетъ,
а снать отъ того болю ажъ до смерти не уляжетъ.

Що жъ я жалостный в раненом' серци за розмову знайду,
зо всѣх' мя сторонъ нещастье обточило где едно кольвекъ пойду.
В бѣдахъ уродилемся, с которыхъ иле кроть выбрънути хочу,
и нѣкгды не могу подобно ся в нихъ скончу.
Нещастье великое котороеся усадило на мя,
чуло тя серце мое знаючи твоего гербу знамя.
Скоро бымъ едно хотѣлъ тебе и твоего страху позбыти,
и вытхнувши отъ болю серцем' и умысломъ тя забыти.
Али внетъ новинами затрьвожишъ моего серца силы,
которыхъ тяжкость ледво смыслы серца моего зносили.
Учинивши бовѣмъ в вѣку моего всего день единъ,
в которомъ мѣлемъ только перемѣнъ иле в день годинъ.
С поранку бовѣмъ вѣку моего ламентъ чинилемъ по брату,
в полудню по малжонцѣ своей розумѣючи же то южъ рату,
Остатнюю отдалемъ по своих' милых' пріятелех' смерти,
. . . . . .

По всей вѣроятности, передъ нами трудъ одного изъ преподавателей Острожскаго училища, не особенно богатый содержаніемъ (какъ и большая часть произведеній этого рода) и составленный въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ по отношенію къ происходившей въ то время борьбѣ православія (на сторонѣ котораго былъ покойный) и католичества (котораго приверженцемъ былъ его братъ).

Внѣшняя форма «Ламента» — длинные стихи, риемованные, но не имѣющіе правильнаго размѣра и этимъ нѣсколько напоминающіе стихи Острожской Библіи 1581 года.

II.

Московская Типографская библіотека владѣетъ рѣдчайшею польскою книжкою (№ 4217), которой не указано у Эстрейхера и которая представляетъ для насъ кое-что интересное.

Прежде всего она принадлежитъ «студенту свободныхъ наукъ» Ѳомѣ Евлевичу, повидимому тому самому, который около 1630 года былъ ректоромъ Братскаго училища въ Кіевѣ[1]).

Затѣмъ она посвящена Могилевскому братству и имѣетъ цѣлью поученіе жителей Могилева.

---

[1]) *Голубевъ*, Исторія Кіевской Духовной Академіи, К. 1886, стр. 218; сравни нашъ разборъ этого труда въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887 г. № 3, стр. 49.

Наконецъ, говоритъ о величіи и силѣ древней Руси и передаетъ намъ представленіе южно-русскихъ образованныхъ людей первой половины XVII вѣка о древнемъ Кіевѣ и Галичѣ.

Labirynt
Abo
Drogá záwikłána:
Gdzie piękna Mądrość z powinności swey Pp. Mohylowiánom y im niektorym w przedsięwzięciách swych podobnym krotszą y dáleko lepszą drogę pokázuie.
Napisana
Przez
Thomasza Jewlewicza
studenta náuk wyzwolonych.
Do Bráctwá młodszego Mohylowskiego nowo poczętego ku sobie cále vprzeymego. rć. rć.
W Krakowie,
W drukárni Fránciszká Cezárego
Roku P. 1625.

Оборотъ заглавнаго листа:

Brácstwu młodszemu Mohylowskiemu nowopoczętemu,
Thomasz Jewlewicz naniższe służby záleciwszy etc.

Mądrość swey mowy iáko Páni można
Ma pospolicie ma nieco z osobná:
Lecz ia vbogi z małym piorkiem szerzyć
Ják mi kazálá nie chcę się osmielić.

Bo nie do końcá pániey trzeba słuchác
Zwlaszczá gdy każe rozgniewána fukać:
Páni ná stronie a sługa bez winy
Częstokroć płáci grzbietem swym nowiny.

Snác y ten skrypcik cierpiałby obmowy;
Rożne muszą być w rożnych głowach mowy:
Stárzy dziecinę brodą by płoszali
Duchowni by mię iák syn karáli.

Przeto wam tylko sercem swym chętliwym
Dam kártę młodą młodzieńcom gorliwym:
Ktorych gdy sprawy w pięknym będą wzroście
Ná co więtszego kárty mey przyroście.

Ták komu wiersz ten nie będzie smákować
Ten iuż do Pániey musi ápellować
Piękney Mądrości: iać w prawdzie nie winien
Co mi kazálá pisáć był powinien.

Начало таково:

Sapientia

Ja mądrość ktora ten świat na ręku piastuie
Władnę, mnożę, rozszerzam, bogace ratuje
Twierdza napotężnieysza Rzeczompospolitym...

Содержаніе не представляетъ интереса. Приводимъ лишь то, что касается древней Руси, Кіева и Галича.

A ponieważ moja rzecz i błędy postrzegać
I wszelkie państw szlachetnych upadki ratować
Miedzy inszemi zacny słowiański narodzie
Chcę zabieżeć nieszczęściu i twej niepogodzie
Ktorą jesteś strapiony aż do samych kości
Będąc niegdy w krolewskiej slicznej wysokości.
Twym przodkom chcesz li oczy podać w głębsze lata
Obaczysz iż wielka część hołdowała świata
Bo od zmarzłego morza o brzeg Adryanski
Opierał się swym państwem cny narod słowianski
Więc i pierwsza Rossya przodkow swych stopami
Postępuiąc słynęła zacnemi sprawami:
Serca czerstwością, ogniem pobożności wdzięcznym
Wzorem zgody, miłości przyjacielem wiecznym.
Jej to sławy klejnot był co dzisia mniemacie
I o wilku zelaznym na bajkie składacie
Kiedy miasto Kijowskie siedm mil w okoł miało
Abo gdy w sobie cerkwi pięć set zamykało.
A w tych nie tylko srebra złota sklepom wnętrznym
Ale go dostawało i wierzchom zewnętrznym.
Także w liczbie storakiej świecąc monasterze
Dziwnie miasto zdobiły w kosztownym ubierze.

Jako się rano słońce z za gory wytoczy
Do jasnego więc koła wabi ludzkie oczy:
Tak się ku temu miastu wszystkich zapatrzania
Wabiły i porządnych spraw do uważania.
Nie sądźcie i Halicza z twarzy terazniejszej,
Bo zaledwie cień ostał piękności przedniejszej.
Nie sądźcie i drugich miast Rusią założonych,
Teraz przez was potomkow srodze roztargnionych.
Lecz żem niektorych już z was w błędzie napomniała,
Was cni Mohylowianie minąć też nie miała
Mieszczanieście w prawdzie są od Boga uczczeni
A w darach go nikomu nieupośledzeni
I oszem z łaski tegoż wiele rzeczy macie
W ktorych jeszcze u wielu przodek otrzymacie
Rado się wszystko sypie pierwej wam na łonie
Niżeli zamyslicie o dobrej swej stronie
A wierzcie że słońce przed waszymi wroty
Stoi jeszcze lecz myślcie nim cofnie obroty...

Далѣе говорится нѣчто о козакахъ запорожскихъ, въ прославленіе ихъ.
Въ концѣ гравюра, изображающая трехъ козаковъ.

А. Соболевскій.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Духовное завѣщаніе мстиславскаго каштеляна Семена Войны — 1599 г., 1-го марта.

У польскихъ писателей принято разсматривать извѣстную въ исторіи фамилію «Война», какъ несомнѣнный польскій шляхетскій родъ, съ принадлежностью его къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Изъ этой фамиліи, по ихъ описанію (см. Encykłopedyja Powszechna—«Wojna»), многія лица засѣдали въ сенатѣ и были каштелянами, подканцлерами, подскарбіями, референдаріями вел. княж. Литовскаго, епископами и проч. Но наиболѣе выдающеюся личностью между ними былъ виленскій епископъ *Венедиктъ Война*. Изъ шести своихъ братьевъ, онъ, какъ первородный, родителями своими, по обычаю того времени, былъ предназначенъ для духовнаго званія. По окончаніи Виленской іезуитской академіи, онъ принялъ посвященіе и сдѣлался виленскимъ каноникомъ. Въ этомъ санѣ поѣхалъ онъ для довершенія своего образованія за границу: былъ въ Падуѣ, посѣщалъ и другіе извѣстные университеты и, наконецъ, нѣкоторое время прожилъ въ Римѣ. По возвращеніи Венедикта Войны на родину, король Стефанъ Баторій сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и виленскимъ прелатомъ, а въ 1576 г. далъ ему трокское пробощство, на которомъ онъ оставался 20 лѣтъ. У виленскаго кардинала Радивила онъ служилъ правою рукою. Сигизмундъ III, по словамъ Бернарда Маціевскаго, по «ходатайству литвиновъ», назначилъ его виленскимъ епископомъ въ 1600 году. Умеръ Венедиктъ Война въ Падуѣ 22 нояб. 1615 г. Цихотскій называетъ его «рыцаремъ христіанской вѣры, устрашеніемъ для иновѣрцевъ» и удостовѣряетъ, что онъ «въ Вильнѣ предъ королемъ склонилъ множество иновѣрцевъ къ принятію католицизма».

Но вотъ предъ нами духовное завѣщаніе роднаго брата этого выдающагося католическаго ревнителя-епископа—*мстиславскаго каштеляна Семена Войны*. Это—знаменательный документъ, прежде всего, какъ непреложное и неоспоримое свидѣтельство того, что историческая фамилія «Война»

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

«Во имя Отъца, Сына и Светого Духа, в Троицы Светой нероздельного Бога нашого, станься такъ. Аминь.

«Ижъ каждый чоловекъ, на тотъ дочасный светъ родивыйся, долгу смерътэльному есть подданый, а часу и годины зошстья своего с того суетного света ведати не можеть,—для того кождому чо(ловеку) хрестиянскому годиться завжды на умысле и бачнос(ти мети слова) Сотворителя своего, которие черезъ уста пророковъ Его ..... и черезъ Единородного Сына Его, Господа Бога и Спаса нашого Исуса Хри(ста, до) верныхъ Его светой милости мовячи в писапияхъ пропокихъ и Евангелией све(той), яко правдивый тэстамэнтъ, намъ составилъ, а водлугъ приказанья Его светое милости животы наши на томъ суетномъ свете ку чти а фале Его светой милости провадечи, на часъ смертный паметати и кождого часу поготовю быти велить, яко пророкъ Светымъ Духомъ в псалмехъ мовить: «Поминаймо, яко прахъ есмо, чоловеки, и, яко трава, днее наши: яко кветъ польный, такъ отпадаетъ»; а о готовости нашой кождого часу у Евангелией мовить: «коли бы чоловекъ ведалъ, которое бы ночи мелъ злодей прийти и подкопати домъ его, онъ бы чулъ и стерегъ и не далъ подкопывати дому своего в тотъ часъ; такъ же и вы не ведаете, коли часъ вашъ смертный прийдеть; того деля будте готови завжды, и благославеный чоловекъ тотъ, которого господинъ его пайдетъ чуйно»; а в писании апостольскомъ объявляеть намъ, ижъ «животъ нашъ естъ яко пара: нине естъ, а завтра умираеть, занюжъ всякое тело, яко трава, и всяка слава чоловека, яко кветъ земный, усыхаетъ и отпадаеть; а слова Господни пробываютъ во веки: и небо, и земля проминуть, а слово Господне не мимо идеть». О чомъ ижъ на многихъ местцахъ писмо светое насъ постерегаеть, абыхмо на часъ смертный завжды наметали, чому, водле повинности хрестиянское, щире верить, а в Збавителю Одкупителю своемъ, в милосердью Его светой ми-

лости, правдивую надею покладати, а часъ смертный и отходъ с того суетного жыття передъ страшный судъ Сотворителя своего ку поволанью черезъ посла Его светого часу назначоного ижъ каждому хрестиянскому чоловеку в серцу и мысли своей мети и о томъ мыслить и на кождый часъ готовому быти речъ повин(ная),—про то я, Семенъ Война, кашталянъ мстиславский, староста по(штовский), поморский и кгорждовский, паметаючи на тотъ долгъ..... (пев)ный смертэльный, ижемъ естъ смерти подданый, и маючи....., ижъ нетъ на томъ свете ничого пэвнейшого надъ смерть, а непэвнейшого (надъ часъ) смерти припалый, бачечи тэжъ на томъ мизэрномъ свете того много, кгды хто, не могучи росправити писмомъ в домовстве своемъ, часу несподевалого и з наглого якого припадку с того света сходить, в таковомъ домовстве великие ростырки, свари и незгоды бывають, и в добро ся не оборочаеть, чому я з доброго а здорового умыслу моего забегаючи, и часъ смертэльный в памети завжды маючи, и хотечи з добримъ розмысломъ и достаточною и никимъ до того не намовленою волею своею вси речи напродъ малъжонце..... мои вси и маетность мою розправити, умыслилъ есми тотъ тэстамэнтъ (мой) справити и, достаточней водле воли и здорового умыслу моего справленый, завжды при собе мети, и все домовство и маетность, з учътивое отчизны, такъ же з зобранья за помочъю и з дару Божого и с почътивое выслуги моее набытую, в томъ тэстаменте моемъ ознаймити, и ку тому, што по животе моемъ кому ма быть, волю мою ознаймить, кгдыжъ, якомъ родивыйся, на тотъ светъ ничого зъ собою не принесъ, такъжо и понести зъ собою ничого не могу, але абы за Божъю помочъю учътивое отчизны и доброго набытья и почътивое выслуги моее доброе, почътивое, милое потомъство мое по животе моемъ побожне, хрестиянске, з боязню Божою на томъ дочасномъ свете уживати могли, такъ зостанавляю, то естъ, напродъ: кгды Панъ Богъ, Сотворитель мой, часъ смертный на мене допустити рачить, тогды духа моего поручамъ Гѳсподу Богу, Сотворителеви моему, в руцэ Его светые, Которий не водлугъ великости греховъ моихъ, але водлугъ Своего великого светого Бозского невымовленого милосердья грешной души моей милостивъ будеть, а тело мое грешное земли прэдаю, занюжъ отъ земля взято бысть и в землю опять возвратится; естъли во именахъ моихъ на маетъности моей, в земли Жомоитъской лежачой, Панъ Богъ, Творецъ мой, с того суетного света мене збе-

реть, тогды то злецаю первородному милому сыну моему пану Матфею Войне, писару короля его милости великого князства Литовского, тивуну ужвентскому и поюрскому, и подъ блогославенствомъ моимъ родительскимъ розказую, абы заразъ прибывши до тела моего, до домовства маетности моее, которая есть з ласки Божое вольна и никому ни в чомъ не заведена, и обославши всихъ милыхъ детей моихъ, братью и сестръ своихъ и зятевъ моихъ милыхъ, абы зъехали, по словеси эвангэльскому, где мовитъ: «идеже есть трупъ, тамъ ся зберутъ орли», и мають тело мое допровадити до Вильна, до цэркви соборное светое Живоначальное Тройцы, манастыра виленъского, и, возвавши ихъ милость..... братю и кровныхъ моихъ, тело мое погрести у той цэркви соборной, местцо вольное обравши. Который погребъ а обыходъ телу моему грешному по обычаю закону нашого старожитного греческого со всякою пристойною учътивостью отъправити мають з маетъчности моей, и тамъ же заразъ, при погребе тела моего, мають дати на тую цэрковъ Божую светое Троицы, на оправу тое цэркви, сорокъ копъ грошей, а на цэрковъ тэжъ Божую соборную Пречистое Богородицы у Вильни, на оправу тое цэркви, отписую двадцать копъ грошей; также на шпиталь до Светое Тройцы и до Светого Спаса по десети копъ грошей. А естли бы тэжъ у вот.... моей, в именахъ отчизныхъ будучи мне, Панъ Богъ часъ смертный на м(ене до)пустити рачилъ, тогды грешное тело мое дети мои мають..... в манастыру Пречистое Богородицы в Пинъску, в лищи..... и родителей нашихъ ку фале Божой наданомъ, в склепе при телехъ родителей моихъ, также зо всякою пристойною учътивостью, водлугъ закону нашого греческого, и тотъ накладъ на погребъ тела моего, якомъ ту вышей поменилъ, тамъ дати. При томъ тэжъ надаю вечными часы до цэркевей Божихъ в именахъ нашихъ отчизныхъ, в повете Пинскомъ лежачихъ: до Поречъя и до Молодова, ку фале Божой до прэстола Божого речи цэрковные, на реестре моемъ меновити описаные, которие, водлугъ того реестру и воли моее, маеть сынъ мой панъ Матфей тамъ до цэркевей Божихъ роздати. А при томъ и то, чогомъ кольвекъ за живота моего и з молодости летъ моихъ з милосердья Сотворителя моего заживалъ и штомъ з ласки Его светое милости мелъ и кому што за доброть и учътивые заслуги повиненъ былъ, то тожъ мерою отмерить и должное воздати, по словеси Господню, ижемъ есть повиненъ, в семъ тэстаменте моемъ ознаймую,

то есть, напервей, ижемъ в молодости летъ моихъ з ласки а милосердья Пана Бога, Сотворителя моего, обдаренъ былъ доброю, цнотливою малъжонкою з дому учътивого, шляхетского, дочкою зацне врожоного пана Федора Федоровича Мановскаго, писара скарбного великого князства Литовского, восковничого виленского, з малъжонки его, зацное кнежны Овдотьи Багриновское Друцкое, врожоною, панъною Федорою Мановскою, которую-мъ з воли Божое в станъ светый малъженъский за себе вземъши, взяломъ по той малъжонце моей милой, пани Федоре Мановской, посагу в грошахъ готовыхъ, в золоте, клейнотахъ, ланцухахъ, серебре, перлахъ, в шатахъ и в ыныхъ речахъ рухомыхъ дванадцать сотъ копъ грошей литовскихъ и имене Поштовское, которое отецъ ее панъ Мановский, писарь скарбный, яко выслугу свою, отдаляючи отъ того именья.... и близкихъ своихъ, вечнымъ правомъ мне самому и той д(очцэ своей, а) малъжонъцэ моей милой, пани Федоре даровалъ и записалъ (и пра)во свое, на тое именье належачое, до рукъ моихъ отдалъ, чого я с тою малъжонъкою моею милою до животовъ нашихъ уживали; але ижъ Панъ Богъ, Сотворитель нашъ, нами грешными людьми, яко створеньемъ Своимъ светымъ, по Его светой воли всегда справовати, а яко з милосердья и дару Своего светого доброю малжонъкою Панъ Богъ чоловека с потехою его даруеть, такъ тэжъ за грехъ зъ жалемъ сэрдечнымъ тогожъ милого приятеля с того мизэрного света до фалы Своее светое одыймуеть,—тымъ же даромъ Божимъ, доброю, цнотливою малъжонкою, звышъ помененою пани Федорою, я отъ Пана Бога, Сотворителя моего, в молодости летъ моихъ объдаренъ будучи и в стане светомъ малъженъскомъ учътиве з нею зъгодливе мешкаючи, милосердье Божое надъ собою узнаваючи, учътивое потомство детки мои—сыны и дочки—з нею сплодилъ; которие ижъ по смерти матки ихъ, малъжонки моей милой пани Федори, малыми осиротелыми на тотъ часъ зостали,—про то я, маючи в себе на великомъ баченью и в сэрдэчной памети моей верное, цнотливое, повольное, у великой покори склонное, статэчное захованье и заслуги тое малъжонъки моее милое, пани Федори Мановское, и верънную, сталую, сэрдечную милость ее ку собе дознавши, ижъ по увесь часъ живота своего, в стане светомъ малъженскомъ зо мною мешкаючи, цнотливе, верне, спрязливе, в покоре и тихости ку мне, малъжонъкови своему, заховывала, здоровъя моего, яко верной, цнотливой малъжонъцэ пристоитъ, постерегала и во всемъ ми добре

услуговала; и то тэжъ не мней на бачности маючи, ижемъ в маетности немалый посагъ, якомъ вышей поменилъ, по той малжонъцэ моей милой пани Федоре взялъ и то все на власный пожитокъ и потребы мои выдалъ, за што все, якомъ ту вышей поменилъ, ижемъ за живота тое малжонки моее милое пани Федори, про короткость веку ее на томъ свете, в мешканью зо мною никоторое нагороды ей, малжонъцэ моей милой, учинити не могъ, про то деткамъ моимъ, с тою малъжонкою моею милою пани Федорою Мановскою набытымъ, властному потомъству ее, ласкою и милостью моею родительскою пометаючи, з ласки а милости моее родительское то чиню и такъ зоставую: ижъ тое именье мое Почътово, которое мне самому и малъжонъце моей пани Федоре отъ пана Мановского, писара скарбного, отца тое малъжонъки моей, даровано, записано и утвержоно есть, которого именья, водлугъ права моего, половица властне мне самому належить и шафунку моему, на кого-бымъ кольвекъ право мое влилъ, подлегаеть, а половица тое малъжонъки моее милое пани Федоры спада на властное потомство ее, на которое-мъ тэжъ в будованью дворномъ.... многихъ речахъ властного накладу моего немало, на тисечу копъ грошей наложилъ, такомъ и кгрунтовъ немало до того прикупилъ; а такъ тое все именье Поштово зо всимъ, яко се въ собе маеть, з дворомъ, з будованьемъ, з людьми, селы: Андрушкань, Беневичи, и зо всимъ тымъ, што кольвекъ в томъ дворе моемъ будеть, ничого не выймуючы, с пашнею, з быдломъ, съ стадомъ свирепемъ, з людьми и ихъ повинностями тымъ детемъ моимъ музъчизного рожаю сыномъ моимъ, з малъженъкою моею пани Федорою Мановскою набытымъ: пану Матфе́ю, писару короля его милости великого князества Литовскаго, (и братьи его) Вицэнътому, Анъдрею, Бэнэдикту Войпамъ, заставую и вечными часы описую, и тое право мое на половицу того именья моего, (водлугъ) описовъ небощика пана Мановского, писара скарбного, пана..... милого, маючое, на тые детъки, сыны мои, вливаю; до чого дочки (мои), с тою малъжонъкою моею пани Федорою набытые: пани Овдотья, пани Марина и пани Ганъна, ничого мети не мають, только в половицы того именья Поштовского на часть матки ихъ, малъжонъки моей Федоры, одно въ людяхъ и земляхъ на ровные части з братею ихъ, сынами моими звышъ мененымі, мети, альбо за то слушную нагороду отъ тыхъ сыновъ моихъ, братьи своей, приняти мають. А к тому, што

господарь король его милость и великий князь Жикгимонтъ-Августъ з ласки своее господарское за верные а почътивые службы мои село у волости Вилькейской Бочуново на вечность мне дати рачилъ, з людьми, в томъ селе на волокахъ оселыми, зо всими кгрунты, такъ польными и сеножатными волоками в Побиржахъ и з застенками, такъ, яко-мъ я самъ того села зо всимъ отъ немалого часу, яко выслуги моее, в спокойномъ держанью и вживанью былъ, и тое село Бачуново зо всимъ, яко ся в собе маеть, и што тамъ тэжъ кольвекъ кгруптовъ, землку тому именью моему Поштову прикупилъ, то все тымъ жо детямъ, сыномъ моимъ, з малъжонкою моею милою пани Федорою набытымъ, при томъ именью Поштовскомъ зоставую и дарую вечными часы; чимъ, яко властною отчизною, шафовати тымъ сыномъ моимъ вышей мепованымъ вольно будетъ. Ку тому тэжъ еще з особливое милости моее родительское, за учтивые заслуги малъжопъки моей милое пани Федоры, матъки тыхъ же детей моихъ, даю, дарую вечнымъ правомъ тымъ же сыномъ моимъ звышъ поменепымъ: пану Матфею, писару короля его милости, и братьи его сыномъ моимъ: Вицэнтому, Анъдрею, Бэнэдыкту Войнамъ, именье мое властное купленое, прозываемое Жобишки, тамъ жо в Поштове лежачое, з дворомъ, с пашнею дворною, зо всимъ домовствомъ, з людьми оселыми, зъ землями оромыми и зо всимъ, яко се тое именье само в себе маетъ и што в немъ есть (въ грани)цахъ, обыходехъ своихъ, зъ застенками ограничоными (тымъ же сыномъ) моимъ милымъ за учтивые заслуги матъки ихъ, малъжонъки моей милой пани Федори, зоставую и на вечные часы у в отъчизну ихъ имъ дарую, до чого всего другые дети и потомъки мои, такъ музчизного, яко и женьского рожаю, не маютъ ничого мети вечными часы; до которыхъ именей маетности моей звышъ мененое по животе моемъ звышъ помененные сынове мои въехати и в моцъ, справу свою и держанье зо всимъ взяти маютъ, в чомъ Панъ Богъ, Сотворитель нашъ, блогославенство Свое светое и зъгодную братскую милость дать имъ рачъ! С тою малъжонкою моею милою, пани Федорою Мановскою, дочки мои властные девочъки три набытые: пани Овдотья, пани Марина а пани Ганъна Войновны, ижъ по смерти матки своей, малъжонъки моей милое пани Федори, безъ матки ихъ в сиротстве малые при мне, родицу ихъ, зосталые, которыхъ ижемъ за милосердьемъ Божимъ в боязни Его светой милости добре, учтиве

выховавши, такуюжъ милость мою родительскую тымъ девочкамъ моимъ милымъ, яко и сыномъ моимъ, братьи ихъ рожоной, учинилъ и, за милосердьемъ Его светымъ, въсихъ тыхъ трохъ девочокъ, дочокъ моихъ милыхъ, в станъ светый малъженский за добрихъ, учътивыхъ, зацныхъ шляхтичовъ выдалъ есми, давши имъ з маетности моей добрую выправу и слушный посагъ, яко милымъ деткамъ моимъ. А ижемъ, за помочъю пана Бога Творца моего, я самъ за живота моего тые девочки, дочки мои милые, в станъ светый малъженский выдалъ и добре выправилъ з маетности моее, прото вжо сынове мои, братья ихъ, по животе моемъ никоторое выправы з добръ моихъ отчизныхъ, выслужоныхъ, купныхъ и набытыхъ дати имъ не повиньни, кгдыжемъ самъ з маетности моей добре и учътиве тыхъ дочокъ моихъ выправилъ, которая выправа ихъ значне се показуетъ з оправы ихъ, которая отъ малъжонъковъ ихъ, зятей моихъ милыхъ, на описехъ вена ихъ описана есть; ведь же к тому з милости моее редительское и с тое властное маетности моее, которую на сыны мои звышъ менованые вливаю, описую то, ижъ маютъ дати сынове мои: панъ Матфей, панъ Вицэнтый, панъ Анъдрей и панъ Беняшъ, сестрамъ своимъ, дочкамъ моимъ милымъ: паней Овдотьи, паней Марине и паней Ганне, полтораста копъ грошей. А ижъ, по зестью с того света суетного мълъжонъки моей милое пани Федори Мановское, з воли а презренья Божого и судомъ Его светымъ взяломъ за себе (в станъ) святый малженский з дому учътивого, зацного, шляхетского дочку войского (жо)мойтъского, тивуна биржинянского, небощика пана Себестыяна Миколаевича, пани Гальшку Себестыяновну, по которой малжонцэ моей пани Гальщэ панове братя ее рожоные: панъ Миколай, панъ Сэбестыянъ а панъ Петръ Сэбэстыяновичи, дали посагу у выправе речми рухомыми, фантами, а не готовыми грошми, всего шацункомъ триста копъ грошей литовскихъ, которихъ речей, у выправе по той малжонъцэ моей данныхъ, панове Сэбэстыяновичи, братья малъжонки моей, а швакгрове мои, реестръ подъ печатьми своими и с подписомъ рукъ своихъ и тэжъ подъ печатьми людей зацныхъ до рукъ моихъ дали, а одъ мене противный реестръ подъ моею печатью и с подписомъ руки моей того посагу панове Сэбэстыяновичи, швакгри мои, взяли, которого посагу, всихъ тыхъ речей и фантовъ рухомыхъ и штожъ кольвекъ мог..... пани Гальшка Сэбэстыяновна в домъ мой зъ собою принесла.....

бралъ, а на пожитокъ мой жадный, ани на дети мои не оборочалъ ..... нивши за то на маетности моей властной слушную оправу, тотъ весь посагъ, штожъ кольвекъ малъжонка моя в домъ мой внесла, все то, яко речъ мою рухомую, совито веновне заплачоную, при той малжонцэ моей пани Гальще в рукахъ ее зоставивши, а на пожитокъ мой и детей моихъ с того николи отъ нее не беручи, описаломъ былъ на тотъ часъ противъ того внесенья той малжонце моей милой пани Гальщэ Сэбэстыяновне оправу совито на третей части именья моего властного, на королю его милости Жикгмонте-Августе, в Пане Бозе зошломъ, пане нашомъ, выслужономъ и на вечность мне унривильеваномъ, в земли Жомойтъской, у волости Жоранъской лежачомъ, прозываемаго Жоранахъ, шестьсотъ копъ грошей, на што-мъ и листъ мой веновный подъ печатью моею и подъ печатьми людей добрихъ, с подписомъ руки меей на онъ часъ, в року семьдесятъ третемъ, месеца сеньтебра осмого дня, даломъ, и тотъ листъ мой потомъ на враде кгродскомъ Жомойтъскомъ, в року семдесятъ пятомъ, мѣсеца июля второго дня, зозналъ, а две части того всего именья моего Жоранского вольные, никому ничимъ не заведеные а ни описаные на онъ часъ зоставуючы, которий же описъ и сознанье мое кгродское отъ малжонки моее пани Гальшки на онъ часъ отдано было до рукъ ихъ милостей пановъ Сэбэстыяновичовъ, братьи ее, для переносу до книгъ враду земъского Жомойтъского, чого ижъ панове швакгрове мои, маючи в себе часъ немалый тую оправу, не вчинили, за чимъ бы ся тая оправа моя звутлить мусела,—прото я, яко мне доброму малъжонъку малъжонъки моей милой пани Гальшки пристало, постерегаючи и на сумненью своемъ того не покладаючи, а щирую звыклую милость мою малъжонъскую ку той малъжонъцэ моей милой пани (Гальщэ) маючи, тую выправу внесенья ее утвержаючи, яко тое именье (Жо)ранское долъгомъ позычонымъ шестьсотъ копъ грошей (литовскихъ) малъжонъцэ моей милой пани Гальцэ листъ мой записный подъ (моею печатью) и с подписомъ руки моее и с печатьми людей зацныхъ далъ былъ и т(отъ листъ) передъ врадомъ земъскимъ Жомойтъскимъ на рокохъ судовыхъ земскихъ въ року осмъдесятъ осмомъ, о светомъ Михале сужоныхъ, созналъ; а малъжонъка тэжъ моя, пани Гальшка, тотъ перший записъ мой, на оправу вена внесенья ее на третей части того именья моего Жоранскаго, в року семдесятъ третемъ, месеца

сеньтебра осмого дня ей даный, также и сознанья моего выпись кгродский жомойтъский, в року семдесятъ пятомъ, месеца июля второго дня одъ мене сознаный, листомъ своимъ описнымъ, очевисто отъ нее данымъ, уморила и внивечъ обернула, и тотъ листъ свой также передъ врадомъ земъскимъ Жомойтъскимъ, на тыхъ же рокохъ судовыхъ земскихъ, в року осмъдесятъ осмомъ, въ Росейняхъ сужоныхъ, сознала; которые листы, опись и сознанье малъжонъки моей пани Гъльшки мне даныи, и прэпись зъ листу и зэзнанья моего ей даного при иныхъ справахъ, листехъ, привильяхъ моихъ есть; а потомъ, за прозбою и жаданьемъ малъжонъки моее милое пани Гальшки, тую суму пенезей звышъ меновеную, шестьсотъ копъ грошей, с того именья моего Жоранского знесши, на другое именье мое купленое, прозываемое Мазуришки, у волости Вилькейской лежачое, внесъ есми и опись мой подъ печатью моею и с подписомъ руки моей и подъ печатьми некоторыхъ людей добрихъ на то малъжонъце моей пани Гальщэ року деветьдесятого, месеца сеньтебра осмого дня даломъ и тогожъ року деветидесятого тотъ описъ мой на враде кгродскомъ Жомойтъскомъ, на рочкохъ сентябровыхъ, осмого дня сеньтебра зозналъ есми; а малъжонъка моя пани Гальшка описъ мой перший, которимъ есми первей того тую суму пенезей позычонымъ обычаемъ на именье мое Жоранское внесъ былъ, до рукъ моихъ отдала и тое право свое, которое на именье мое Жоранское отъ мене мела, уморила и на враде кгродскомъ Жомойтъскомъ тогдыжъ, року деветьдесятого, месеца сеньтебра осмого дня, листъ свой мнѣ давши сознала, который листъ и сознанье ее врадовое при иныхъ листахъ и справахъ моихъ оставую. Которое именье мое звышъ меновапое Мазуришки за тымъ листомъ и описомъ моимъ малъжонъка моя пани Гальшка отъ року деветьдесятъ шостого, вшелякие пожитки зэ збожа и домовства на свой властный пожитокъ оборочаючи, держала и сама вживала, а я с того именья моего по тотъ увесь часъ жадного пожитку на себе не мелъ а ни вживалъ до отданья тое всее сумы пенезей, шести сотъ копъ грошей; которуюжъ суму пенезей шестьсотъ копъ грошей, всю сполна за внесенье вена ее позычонымъ обычаемъ на томъ именью моемъ Мазурискомъ ей описаную, хотяжъ и тое право, ей, малъжонъцэ моей, на тую суму пенезей шестьсотъ копъ грошей даное, напотомъ вонтлить мусело, однакъже, яко мне (доброму) малъжонъку малъжонъки моее пани

Гальшки пристало, постерегаючи и на сумненью того не покладаючи, я самъ в року деветьдесетъ шостомъ, месеца сеньтебра осмого дня, в именью моемъ Поштове готовыми грошми малъжонъцэ моей пани Гальцэ отдалъ и заплатилъ; на тотъ же часъ малъжонъка моя пани Гальшка, взявши и отличивши отъ мене всю тую суму пенезей шестьсотъ копъ грошей, тое именья Мазуришки мне отдала и право, которое отъ мене, то есть листъ мой заставный и сознанья моего на враде кгродскомъ Жомойтскомъ выписъ, мне отдала, такъже вси справы, листы, твердости, на тое (именье) мое Мазуришки належачие, которие-мъ зреестровавши до рукъ (ей, пани малъ)жонцэ моей, далъ былъ, водлугъ того реестру моего вси с(правы до рукъ) моихъ отдала, и надъ то листъ свой с печатью и с подписомъ руки своее соз(нанья своего), же тую суму пенезей всю сполна шестьсотъ копъ грошей отъ мене взяла и тое именье мое Мазуришки мне подала, дала ми; в которомъ листе своемъ описуетъ и то, же ма на враде признать, ижъ ее тая сума пенезей сполна отъ мене дошла, а тое именье мое Мазуришки з владзы и держанья своего заставного мне подала. Прото я, тое именье мое Мазуришки освободивши и во владзы, держанью, вживанью и шафунку моемъ, яко властность куплю мою, маючы, такъ в томъ тэстамэнте а духовницы моей з упреймого щирого умыслу моего ознаймую, ижъ по животе моемъ тое именье мое Мазуришки зо всимъ, яко властную куплю мою, маючи сэрдэчную любовъ мою родительскую ку сыну моему милому первородному пану Матфею Войне, писару короля его милости великого князства Литовского, тивуну поюрскому и ужвентскому, узнаваючи заслуги его сыновские ку собе а хотечи паметку милости моее родительское по себе ему зоставить, тое именье мое Мазуришки зо всимъ по животе моемъ тому сыну моему милому первородному пану Матфею Войне дарую, вечность права моего на него вливаю вечными часы, до чого иные сынове мои, братья его, ничого мети не мають, а ни то в делъ ровный межи ними з ыными имены, маетностями моими, ити не маеть; ведь же сынъ мой панъ Матфей повиненъ будеть дати дочкамъ моимъ милымъ, а сестрамъ своимъ рожонымъ: паней Овдотьи, паней Марине и паней Ганне, с того именья моего Мазуриского по двесте золотыхъ польскихъ; а то панъ писарь, сынъ мой, повиненъ учинити, ижъ есми ему, вынявши з делу, отдаливши отъ того иныхъ детей моихъ, даровалъ и записалъ есми тое именье мое

властное купленое Мазуришки. А при томъ именье мое Жораны, в земли Жомойтской, у волости Жоранской лежачое, властная выслуга моя, которое господарь король его милость, въ Пане Бозе зошлый панъ нашъ Жикгимонтъ-Августъ, за верные, учътивые службы мои з ласки его королевская милость на вечность мне дать и упривильевать рачилъ, тое именье мое зо всимъ, што к нему належить, то есть з дворомъ, з селы, (з людьми) тяглыми, данными, с пашнею дворною, зъ ставы, млыны, лесы .... з озери, зо всимъ на все, яко се тое именье мое само (въ собе, в границахъ и обы)ходехъ своихъ маеть и яко того именья самъ заживаю, (ничого) нигде инъде не отдаляючи, которого именья в кгрунтехъ и лесехъ немалая широкость естъ, тое именье мое Жораны зо всимъ по животе моемъ малъжонъцэ моей милой паней Гальцэ Сэбэстыяновне доживотнымъ держаньемъ до живота ее зоставую, естли бы тэжъ по животе моемъ на вдовъемъ стольцу седела, а замужъ не шла и детямъ моимъ милость материстую зъ себе показывала и чинила, што ма быть подъ обороною и дозоромъ ихъ милости пановъ опекуновъ, в той духовницы моей (помененыхъ). А вечность права моего на тое все именье мое Жораны детемъ моимъ музчизного рожаю, сыномъ, якъ с першою малъжонъкою моею пани Федорою Мановскою, такъ з другою малъжонъкою моею пани Гальшкою Сэбэстыяновною, спложонымъ, отдаю и на нихъ вечность права моего упривильеваного вливаю, и тымъ, яко властностью, выслугою моею, водлугъ воли и щирого умыслу моего шафуючи, такъ зоставую: ведь жо малъжонъка моя пани Гальшка, на томъ имепью моемъ Жоранскомъ доживотне на вдовьемъ стольцы мешкаючи, маеть и повинна будетъ тымъ детемъ моимъ—сыномъ, з нею, малъжонъкою моею, спложонымъ, вспоможенье накладъ до наукъ ихъ, яко доброй матцэ чинить пристоитъ, а дети мои повинни ей, яко родительцэ своей, услуговать и в учтивости меть, яко добримъ сыномъ чинить пристоить; а по животе малъжонъки моее пани Гальшки тое именье мое Жораны, зо всимъ, вцале вольное, никому не заведеное ни в чомъ, маетъ прийти на сыны мои властъные, з обема малъжонъками моими звышъ меновными спложоные. А што ся дотычеть дочокъ моихъ, з малъжонъкою моею пани Гальшкою спложоныхъ, ижемъ дочку мою милую панъну Баръбару в станъ светый малженский самъ выдалъ за учътивого человека и зацного врадника земского пана Лукаша Мамонича, скарб-

ного великого князства Литовского, старосту дисенъского, которой дочцэ моей милой, пани Барбаре, з властное маетности моее посагъ пенезьми готовыми и досить значную з немалымъ коштомъ моимъ в речахъ, охэндожностяхъ выправу, черезъ мене самого справленую, водлугъ реестру моего, подъ печатью и с подписомъ руки моее пану скарбному отъ мене даного, черезъ руки малъжонъки моее пани Гальшки подалъ; прото вжо сынове мои отъ выправы тое дочки моее милое пани Барбары вольни суть. А другое дочки моее, панъны Олены, естъли бымъ за живота моего самъ в станъ малженский выдати не могъ, тогды по животе моемъ сынове мои вси з добръ и маетностей моихъ повинни будутъ той дочцэ моей панне Олене, сестре своей, пятьсотъ копъ грошей дати; а к тому малъжонъка моя пани Гальшка той дочцэ нашей охэндожности в речахъ рухомыхъ, отъ мене справленыхъ, вделити маеть, кгды жемъ я ей, малъжонъцэ моей, з милости моей малъженъское, досить не мало речей рухомыхъ, охэндожности в золоте, серебре, ланцухохъ, клейнотахъ, в шатехъ едвабныхъ (и в иншихъ) многихъ речахъ справовалъ и купилъ, чого всего, коли ся што (купило або) справило, реестръ, правдиве писаный, зоставую, абы ведомость забранья маетности моей и расходовъ потомъству моему зоставлена была. К тому тэжъ во властной справе тое малъжонъки моей пани Гальшки правуючисе и правне доходечи ей властности ее материстое зъ ихъ милостью паны Сэбэстыяновичи, братьею ее рожоною, паны швакгри своими, часъ немалый, почавши отъ року осмдесятъ шостого ажъ до року деветдесятъ первого, черезъ летъ шесть, у суду земъского Жомойтъского и в Трибунале, не мяломъ на то гроша готового, осмъ(сотъ) копъ грошей, наложилъ. Мяломъ тэжъ в заставе у трохсотъ копахъ (грошей) именье Дубяны отъ ихъ милости пановъ швакгровъ моихъ—пана Миколая, (пана Сэбэс)тыяна, пана Петра Сэбэстыяновичовъ—и в томъ же именью особливе (на три части) того именья пану Петру Сэбэстыяновичу даломъ былъ пенезей моихъ властныхъ полтораста копъ грошей, то-мъ всего на томъ именью мелъ полпетаста копъ грошей; а ижъ тое именье Дубяны спустошоное и вельми в будованью опалое, кромъ жадно(го до)статку, которого не было ничого мне заведено и подано было, и на то, направуючи его, не мало гроша готового наложилъ. Которое именье Дубяны ихъ милость панове швакгрове мои з угоды малъжонъцэ моей пани Гальще, сестре своей, правомъ своимъ

вечностью пустили, а тую суму пенезей триста копъ грошей, в которой тое именье мне ихъ милость заставили были, малъжонъка моя пани Гальшка сама отдала. Ямъ тэжъ тое именье зо всимъ накладомъ моимъ и с статкомъ домовымъ, такъ тэжъ и сумы пенезей полътораста копъ грошей, пану Петру Сэбастыяновичу на три части тогожъ именья даное, малъжонъцэ моей пани Гальцэ пустилъ и право мое, котороемъ на то в себе мелъ, малъжонъцэ моей отдалъ, и тотъ увесь накладъ и утраты мои, которыемъ, правуючисе въ кривде малъжонъки моее, яко се тутъ вышей правдиве поменило, подняв и маетности моее властное не мало ущербилъ,—то-мъ все чинитъ з щирое милости моее, ку малъжонъцэ моей маючое, якожъ тое именье Дубяны зо всимъ тымъ накладомъ моимъ сама малъжонъка моя за суму пенезей вечностью пану Рудомине продала и тую суму пенезей всю сама на заставу иное маетности на пожитокъ свой удала, с чого я жадного гроша за нагороду накладовъ моихъ отъ малъжонъки моее пани Гальшки не бралъ, ани собе привлащалъ, але все то, штожъ кольвекъ малъжонъка моя пани Гальшка внесенья своего, за котороемъ добре совито готовыми грошми, якомъ ту вышей поменилъ, заплатилъ, также и то, штомъ за працами и немалымъ накладомъ моимъ правуючисе властности ее доходилъ, и тое все при ней зоставилъ, што все малжонка моя во владзы и в шафунъку своемъ сама за живота моего м(ела), а ямъ самъ до потребы моей ничого отъ нее, малъжонъки моее, не бралъ; прото и (тые) сынове мои отъ того по животе моемъ вольни быти маютъ . . . . . Именье, въ повете Троцкомъ лежачое, неподалеку Трокъ, проз(ываемое Михнишки), которое-мъ купилъ на вечность у пани Ивановое Бобоедовое . . . . . китянки, тое именье мое Михнишки на выхованье детокъ моихъ . . . . . Григорья и Александра для науки ихъ в справе и владзы, держанью его милости князя Бэнэдыкта Войны, пробоща троцкого, пана брата моего милого, по животе моемъ быть ма до того часу, покуль тые детки мои малые до летъ своихъ дойдуть. Которое именье мое Михнишки з ными имены моими отчизными, материстыми, в томъ тэстамэнте моемъ помененными, в ровный делъ сыномъ моимъ ити маеть. А при томъ именья наши отчизные, материстые, по животе родителей нашихъ,—(све)тое памети небощика пана Войны Мифеевича Гричины, кашталяна мстиславского, старосты ожского и переломъского, пана отца нашого милого, и малъжонъки его ми-

лости пани Богданы Янушовны Любальское, пани матки нашое милое, на мене, спольне з ихъ милостью паны братьею моею рожоною правомъ нашимъ прирожонымъ по родителехъ нашихъ спалые, то есть: Молодово, Осовница, Новая Воля, Порече, Гощэ, Ворочевичи, Любеле, Богдановщина, в поветехъ великого князства Литовского лежачие, двори з будованьемъ дворнымъ, зъ стадомъ вшелякимъ домовымъ, зъ гумны, зъбожемъ вшелякимъ, въ гумнахъ складеным и в шпихлерахъ зъсыпанымъ, и с пашнями дворными, зъ селы, з бояри, з людьми тяглыми и данниками, челедью невольною, зо всими кгрунты, пущами, ловами, бобровыми гоны, зъ ставы, млыны, реками, озерми, деревомъ бортнымъ и входами въ Гощи и пожитками ихъ, з данью грошовою, медовою, житною, овсяною, сенною и зо всимъ на все, яко то небощикъ панъ Мстиславский, панъ отецъ нашъ и малъжонъка его милости, пани матухна наша, держали и вживали и по животехъ своихъ намъ, потомкомъ своимъ, зоставили,—в тыхъ всихъ именахъ нашихъ звышъ помененыхъ и во всихъ добрахъ, пожиткахъ, к нимъ належачихъ, ижемъ ещо делу ровного зъ ихъ милостью паны братьею моею до того часу не учинилъ, але по животехъ родителей нашихъ в доброй зъгоде а щирой милости нашой братской зъ ихъ милостью паны братью моею заедино пребываючы, тыхъ всихъ именей и добръ нашихъ водлугъ застановенья, з милости нашой братской межи нами учиненого, вси есмо то, што бы на которого з насъ часть пожитковъ в рокъ приходило, то кождому з насъ собе брати и уживать вольно; также листы и привилея, твердости и вси справы на именья и добра наши, што по животехъ родителей нашихъ в схованью ихъ милости было, то все зреестровавши, тамъ же, во именью нашомъ головномъ Молодове, ув опатренью его милости пана Григорья Войны, кашталяна берестейскаго, пана брата нашого, до делу нашого зоставили; тамъ же и некоторие речи рухомые, што ми ся по родителехъ нашихъ на часть мою зостали, одъ мене в Молодове зоставлены суть. Про то, естли бы в тыхъ всихъ именахъ и добрахъ нашихъ отчизныхъ звышъ помененыхъ, не учинивши мне зъ ихъ милостью паны братею моею поровнанья и во всемъ делу ровного, Панъ Богъ Сотворитель мой с того суетного света до хвалы Его светое взять мя рачилъ, тогды ихъ милость панов братьи моей милое о то покорне прошу, абы ихъ милость звыклую доброть и щирую лю-

бовъ ихъ милости ку мне, брату своему, завжды..... маючую, и по животе моемъ деткамъ моимъ милымъ, такъ с першою малъжонъкою моею пани Гальшкою спложонымъ, заровно, однако, яко ку крви своей, показовать рачили, а в тыхъ всихъ именахъ нашихъ звышъ помененыхъ и во всихъ добрахъ, ку нимъ належачихъ, делъ ровный межи ихъ милостью паны братьею моею належить, побожне, справедливе во всемъ, во всихъ именахъ, добрахъ и пожиткахъ.... належачихъ, зъ собою розделили и деткомъ моимъ милымъ музского рожаю, сыномъ, з обема малъжонъками моими спложонымъ, посту(пили)..... которихъ то все вольно, никому ни в чемъ не заведено, яко на властный ..... потомъковъ моихъ вечнымъ правомъ вливаю. А до того часу, поколь сынове (мои) молодшие, з малъжонъкою моею пани Гальшкою набытые, до летъ своихъ за по(мочью) Божою дойдуть, маетъ сынъ мой первородный панъ Матфей, писаръ короля его милости, изъ братьею своею, сынами моими, летъ дорослыми, тые имена и добра мои отчизные, на части мои з делу ровного отъ ихъ милости пановъ братьи моей милое зосталые, за ведомостью ихъ милости пановъ опекуновъ, до рукъ и в справу свою взяти и с тыхъ всихъ добръ моихъ отчизныхъ на выхованье и на науку сыначковъ моихъ менъшихъ, братьи своей, потребы додавати повинни будуть, постерегаючи того пильно, абы тые сыначки мои малые доброе выхованье и науку мели. А кгды тые вси сынове мои, з малъжонъкою моею милою пани Гальшкою спложоные, за помочъю Божою дойдутъ летъ своихъ, тогды сынъ мой милый панъ Матфей, писарь короля его милости, з братьею своею во всихъ именахъ и добрахъ ихъ отчизныхъ звышъ помененыхъ, в поветехъ великого князства Литовскаго лежачихъ, делъ (ров)ный тымъ сыномъ моимъ молодшимъ, братьи своей, при ихъ милости пановъ опекуновъ дати и поступити маеть. Што ся тэжъ дотычетъ речей моихъ рухомыхъ в золоте, в серебре, в пенезяхъ готовыхъ и в долъгохъ, на листехъ, квитехъ описаныхъ, в шатахъ, ринъштунъкахъ, кони, цэны, медзи всего спрату моего домового, чого всего реестръ списанный остаточне при мне завжды з написомъ руки моей естъ,—тые вси речи мои рухомые, яко властъность мою, у шафунку своемъ маючы, кому што по животе моемъ з милости моее ма быть презъ ихъ милость пановъ опекуновъ отдано, то в томъ реестре моемъ рукою моею властною написано есть, и такъ, воли моей абы се досить стало, прошу.

А листы, привилея, твердости на именья и добра мои належные, на заставы и долъги, што тэжъ на реестре списано есть, тые вси справы, самъ зреестровавшы, з реестромъ моимъ даю до рукъ и схованья его милости князю Бэнэдыкту Войне, пробощу троцкому, брату моему милому: то его милость по животе моемъ до летъ вс-(ихъ детей) моихъ милыхъ в себе мети. А яко вси дети мои малые летъ доростутъ..... што межи детей моихъ належитъ, роздати маетъ..... потребную и пристойную в томъ же тэстаменте моемъ (вси речи) рухомые—маетность небощицы зошлое малъжонъки моей милое, (пани Федори) Мановское, о томъ ознаймую детемъ моимъ, властному потомству тое малъжонъки моее пани Федори я самъ, еще за живота ее отъ нее, малъжонъки моей, взявши, на потребы мои обернулъ, а некоторую часть и дочкамъ моимъ милымъ, съ тою малъжонъкою моею пани Федорою спложонымъ, выдаючи ихъ в станъ светый малъженъский, то, што бы на нихъ прийти мело, отдалъ. Про то дети мои, с тою малъжонъкою моею пани Федорою набытые, никоторое маетности матки своее у малъжонъки моей пани Гальшки Сэбэстыяновны поискивати не мають и во всемъ ся ку ней з учътивостью спокойне заховати мають. А слугомъ моимъ дворнымъ, которие при мне уставичне служили, з маетности моей ма быть дано сто копъ грошей на отправу ихъ. Якожъ вси тые речы, звышъ в томъ тэстамэнъте моемъ помененые, я, Семенъ Война, статэчне, з добъримъ розмысломъ и уваженьемъ моимъ, за доброго здоровъя моего, водлугъ воли моей росправу описавши, опекунами тэстамэнъту моего малъжонъцэ моей пани Гальцэ и деткамъ моимъ милымъ, з нею набытымъ, зоставую ихъ милости пановъ: его милость князя Бэнэдыкта Войну, кустоша виленскаго, пробоща троцкого, сэкрэтара короля его милости, его милость пана Кгабриеля Войну, подканцлерого великого князства Литовского, старосту мэрэцкого и красносельского, пановъ братью мою милую. А сына моего милого первородного пана Матфея Войну, писара его королевское милости великого князства Литовского, его милость пана Сымона-Льва, войского троцкого, его милости пана Лукаша Мамонича, скарбного великого князства Литовского, старосту дисенского, пановъ злтевъ моихъ милыхъ, яко однакихъ у вери нашой старожитной закону греческого цэркви светое хрестиянъское восточное, за едино зо мною в животехъ нашихъ прэбываючихъ и цэремоний, а обыходовъ погребу телъ

нашихъ умеетныхъ, абы по животе моемъ погребъ грешного тела моего, якомъ ту описалъ, по закону нашому учътиве отправенъ былъ, о то прошу. А ижъ бы речи и справы, в томъ тэстамэнте моемъ описаные, во всемъ вцале захованы и держаны водлугъ тое воли и описанья моего были, пильне и покорне ихъ милости пановъ опекунове, пановъ братьи и крви повинной моей, прошу. А сынови моему милому, первородному пану Матфею, и братьи его, сыномъ моимъ милымъ, и паномъ зятемъ моимъ милымъ, подъ благословенъствомъ моимъ родительскимъ, розказую, абы взглядомъ Пана Бога, Творца нашого, а з самое щирое прирожоное добротливое милости своее братское и повинное, а сынове и зяти мои милые с повинности ихъ и послушенства ихъ сыновского ку мне, яко родителю своему, чаючого о то ся завжды старали и укладали, яко бы се тое застановенье мое, в томъ тэстамэнте моемъ описаное, на всемъ выполнити могло. А малъжонъка моя и вси детки (мои), а особливе тые меньшие детки мои, з малъжонкою моею пани Гальшкою сложные,..... оборону в долеглостяхъ ихъ завжды мети и щирую повинную..... а зычливую крэвную до всего доброго ихъ зычливость отъ ихъ милости ку собе мели. А таковую в справахъ отумарлыхъ печу самъ Панъ Богъ ихъ милость паномъ опекуномъ платити будеть. А малъжонъка и детки мои, во всемъ ку ихъ милости утечку маючи и ласкавую зычливость а в долеглостяхъ помочъ и оборону отъ ихъ милости относечи, служить ихъ милости за то винни будуть. Якожъ я, тотъ тэстамэнтъ мой з добримъ розмысломъ учинивши, печать мою до него приложилъ есми и, рукою моею властною подписавши, просиломъ о приложенье печатей (людей) зацныхъ, шляхтичовъ: его милости пана Лукаша Гричину, пана Матыса Яновича а пана Щасного Юражича, возного господарьского..... земянъ господарьскихъ, у великомъ князстве Литовскомъ оселыхъ; которые ихъ милости за прозбою моею печати свои приложили до того тэстаменту моего, и тотъ тэстаментъ, росправу учътиваго домовства моего смэртэльного; коли мя Панъ Богъ до хвалы своее светое с того суетного света поволать рачитъ, и, маючи завжды часъ смертэльный на умысле сэръца моего, яко-мъ ту вышей с продку водлугъ науки писма светого поменилъ, зъготованый при собе, яко готовость мою маючую за живота моего завжды мети звыкъ, которого естли быхъ за живота моего не одменивши, с того света зъшолъ, тогды тотъ тэ-

стаментъ мой по животе моемъ ихъ милость панове опекунове, в томъ тэстамэнте а духовницы моей описаные, до рукъ своихъ взяти и то водлугъ того тэстамэнту моего заховываючысе, разсправу въ домовстве моемъ учинити мають, и тотъ тэстамэнтъ, або духовница моя, по животе моемъ во всемъ при моцы зостанетъ а ни отъ кого жадными причинами правными и неправными никоторое приганы мети не маеть и мочи не будеть, але вцале ни в чомъ непорушона зостати маеть. Писанъ у Поштове, року Божого нароженья тисеча пятьсотъ деветдесятъ девятого, месеца маръца первого дня. Семенъ Война, кашталянъ мстиславский, самъ власною рукою. Łukasz Gryczyna, ręką swą własną. Oczewysto proszony pieczętarz do tego tastamenta ja, Matys Ganowycz, pieczec swę pryłozył y ręką podpysał. За устною а очевистою прозбою его милости пана Семена Войны, кашталяна мстиславского ..... возный ...».

(Четыре кустодійныя печати).

«Року 1599, мѣсеца июля 5 дня, на враде, у суду кгродского, в рочки у Трокахъ, тотъ тестаментъ его милости пана Мстиславского черезъ пана Юрья Володковича именемъ ихъ милости пановъ опекуповъ, в томъ тестаменте описаныхъ, оповеданъ и до книгъ вписанъ. Иванъ Бая, наместникъ троцкий. Миколай Кгудеевскій, судья кгродский, рукою.

«Roku Pan. 1599, octo. 25 d. ich mcz. panowie Woinowie, potomkowie w Bodze zmarłego jego mcz. pana Myscislawskiego, przez sługę swęgo urodzonego pana Jana Konopnickiego ten thestament ku aktykowaniu opowiedziawszy pokładali. Stephan..... Piotr Adamkowycz, podsendek. Миколай Бурба, писарь».

Матеріалъ для біографіи «друкара» Тимофея Александровича.

Въ періодъ 1625—1630 г. въ Кіевѣ, кромѣ Лаврской типографіи, существовали еще двѣ частныя: Тимофея Александровича и Спиридона Соболя, издавшія въ указанный періодъ времени всего лишь семь книгъ [1]). Такъ какъ типографское дѣло при своемъ началѣ далеко не было тѣмъ, чѣмъ является оно въ наше время, такъ какъ всѣ роды этого труда сосредоточивались тогда въ одномъ лицѣ даже въ типографіяхъ такихъ богатыхъ учрежденій, какъ Лавра,—то тѣмъ болѣе раздѣленія его не могло быть въ частныхъ типографіяхъ, и «друкаръ» представлялъ собою въ одно и тоже время и наборщика, и корректора, и редактора, и часто автора, т. е., онъ долженъ былъ имѣть сноровку и къ механической работѣ и имѣть научныя свѣдѣнія по тому предмету, по которому печаталъ книги. Отсюда понятенъ интересъ къ личности первыхъ на Руси «сѣятелей словеснаго сѣмени». О личности одного изъ названныхъ частныхъ типографовъ въ Кіевѣ мы и печатаемъ далѣе матеріалъ, найденный нами въ книгахъ Центральнаго архива и въ собраніи рукописей Археографической коммиссіи.—Тимофей Александровичъ Вербицкій, какъ называетъ онъ самъ себя на печатныхъ книгахъ, вышедшихъ изъ его типографіи, былъ кіевскимъ обывателемъ, мѣщаниномъ, и въ тоже время товарищемъ Запорожскаго войска. Въ 1624 году, возвратясь изъ Запорожья, Александровичъ пріобрѣтаетъ на Подолѣ у такого же обывателя г. Кіева и запорожскаго козака Іосифа Никифоровича Путивльца, за 200 копъ литовскихъ грошей, домъ недалеко отъ церкви св. Спаса; судя по высокой цѣнѣ, дворъ Путивльца долженъ былъ занимать

---

[1]) Вотъ эти книги: «Часословъ», 1625 г.; «Часословъ», 1626 г; «Лимонарь, сирѣчь цвѣтникъ патріарха Софронія», 1628 г. (предполагается два изданія этой книги); «Минея общая», 1628 г.; «Октоихъ», 1629 г.; «Апостолъ», 1630 г. («Петръ Могила», С. Голубева, т. I, стр. 410).

огромное пространство; по обоимъ сторонамъ его шли улицы, ведшія въ «мѣсто», главнѣйшую часть города; во дворѣ находились пекарня, сѣни, свѣтлица, комната, комора, пивница, а въ саду баня; Путивльцу этотъ дворъ былъ подаренъ кіевскимъ подвоеводой Михаломъ Мышкой-Холоневскимъ; въ этомъ-то дворѣ, надо думать, и была открыта Александровичемъ типографія. Изъ записи о продажѣ мы видимъ, что козакъ Александровичъ въ это время не имѣлъ еще семьи. Послѣ исполненія всѣхъ фармальностей по пріобрѣтенію двора, Александровичъ отправился въ г. Острогъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ закрылась типографія по смерти своего основателя князя Константина (Василія) Константиновича Острожскаго. Поѣздка Александровича туда, вѣроятно, имѣла цѣлью что-либо собрать, найти, разузнать по типографскому дѣлу; цѣль эта, конечно, не могла оставаться тайной въ Острогѣ, сравнительно малолюдномъ городѣ; здѣсь онъ подвергается, повидимому безъ всякой причины, тяжкимъ побоямъ со стороны какого-то пана Бучайскаго; но для послѣдняго достаточнымъ поводомъ могло служить то обстоятельство, что онъ встрѣтилъ въ Александровичѣ, въ 1-хъ, запорожца, а, во 2-хъ, человѣка, намѣревающагося распространять «схизматицкія» книги и тѣмъ препятствовать св. уніи греческаго исповѣданія съ римскимъ костеломъ; въ обоихъ случаяхъ Александровичъ долженъ былъ представляться п. Бучайскому человѣкомъ крайне вреднымъ и опаснымъ. Inde ira,—«бытье», «мордованье», «раны» и «вязенье» въ замкѣ. Несмотря однако на эту первую неудачу, Александровичъ началъ и велъ задуманное дѣло въ теченіе пяти лѣтъ, уступивъ лишь силѣ обстоятельствъ, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи. По всей вѣроятности, онъ былъ однимъ изъ членовъ той извѣстной богатой семьи кіевскихъ мѣщанъ Александровичей, которые въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ занимали важнѣйшія мѣста въ городскомъ управленіи въ эпоху господства Магдебургскаго права.

Первый изъ печатаемыхъ нами документовъ важенъ также и съ другой стороны: онъ сообщаетъ біографическія подробности еще о двухъ мало извѣстныхъ въ исторіи лицахъ — кіево-печерскомъ друкарѣ Берындѣ и запорожцѣ Путивльцѣ, погибшемъ во время козацкой войны 1638 г.

Прежде всего, конечно, является вопросъ — не одно-ли и тоже лицо Памва Берында, «справщикъ книгъ и типографіи Печерской директоръ», и упоминаемый въ записи Александровича «друкаръ» Стефанъ Берында? Въ виду того, что Памву Берынду уже въ 1619 году мы встрѣчаемъ въ Лаврѣ іеромонахомъ [1]), остается поэтому предполагать, что Стефанъ былъ братъ, сынъ или родственникъ Памвы, работавшій, вмѣстѣ съ послѣднимъ, въ

[1]) «Петръ Могила», С. Голубевъ, т. I. стр. 393 и слѣд.

Лаврской типографіи и до сихъ поръ почти нигдѣ не упоминавшійся въ изданныхъ актахъ и памятникахъ. Судя же по участію Стефана Берынды въ качествѣ свидѣтеля при покупкѣ Александровичемъ двора, можно думать, что онъ, подобно покупателю, былъ кіевскимъ обывателемъ и «зацнымъ паномъ».

Имя Путивльца, запорожскаго козака, который въ 1638 г. шелъ съ юга на помощь Остранину, намъ неизвѣстно; въ «Діаріушѣ» Окольскаго оно не названо. Въ записи Александровичу мы видимъ въ немъ кіевскаго обывателя, состоятельнаго домовладѣльца, преданнаго, однако, интересамъ козачества и пребывающаго «за Порогами»; въ «Діаріушѣ» онъ — предводитель отряда, «господарь», который, послѣ неудачной схватки съ польскимъ отрядомъ, ради спасенія козацкихъ головъ и силъ для будущей борьбы, добровольно жертвуетъ собой, чтобы умилостивить польскихъ предводителей; только доброй волей его на самопожертвованіе можно объяснить трогательную сцену прощанія съ нимъ козаковъ: «нехай твоя голова за всѣ наши головы; прощай насъ, сподару», говорили они со слезами. Запись сохранила быть можетъ для потомства имя этого героя — Іосифъ Никифоровичъ. Въ лѣтописи, правда, упоминается еще другой Путивлецъ, бѣлоцерковскій сотенный атаманъ, но онъ назывался Василіемъ, «Васкомъ», не былъ запорожцемъ и не игралъ выдающейся роли въ козачествѣ. Что дѣйствительно Іосифа Путивльца въ 1642 году уже не было въ живыхъ, видно изъ того, что въ это время кіевскій войтъ Мееедовичъ въ приписке къ акту о внесеніи его въ актовую книгу упоминаетъ только объ Авдотьѣ Путивльцовой, совершенно умалчивая объ ея мужѣ.

Слѣдуетъ, намъ кажется, обратить вниманіе и на то обстоятельство, что наши документы лишній разъ свидѣтельствуютъ о томъ, что даже въ XVII вѣкѣ и при томъ въ такихъ крупныхъ центрахъ общественной жизни, какъ Кіевъ, мѣщанское сословіе не обособилось еще отъ козацкаго и переходъ изъ одного состоянія въ другое свободный и безпрепятственный, если оба эти званія не совмѣщались одновременно въ одномъ и томъ же лицѣ: запорожскій козакъ есть въ тоже время и обыватель кіевскій, кіевскій мѣщанинъ.

Нельзя, однакоже, не замѣтить въ записи стремленія козачества отдѣлиться отъ мѣщанства и слиться со шляхетствомъ польскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ ссылки на Литовскій Статутъ и постановленія Берестейскаго сейма 1566 относительно права продажи шляхтой своихъ имѣній, такъ и указанія на свою «волность и свободу земскую шляхецкую», съ присвоеніемъ себѣ договаривающимися сторонами права предъявить запись въ какомъ угодно повѣтѣ и судѣ, городскомъ или земскомъ, какъ дѣлала шляхта. Но шляхта, какъ извѣстно, не допускала въ свои ряды лицъ, подобныхъ Путивльцу

и Александровичу, и имъ оставалось держаться мѣщанства и суда «мѣстскаго», мѣщанскаго, что и дѣлаютъ контрагенты настоящаго договора о продажѣ, предъявляя его въ книги «мѣстскія» кіевскія и называя себя обывателями «мѣста».

Любопытенъ, наконецъ, этотъ документъ и для характеристики козацкой семейной жизни и для опредѣленія положенія женщины и ея юридическихъ правъ. Какъ семейный союзъ, мужъ и жена представляетъ собой одно лице («два въ плоть едину»), и въ этомъ союзѣ и тотъ и другая равноправны: «една за обедве, а обедве за одну особу разумѣючи и почитаючи и одна по другой особе ручачи и записуючися»; мужъ довѣряетъ женѣ продать ихъ общее недвижемое имущество, и жена продаетъ его, какъ лице юридически полноправное, и не только сама признаетъ запись отъ своего имени, какъ совладѣлица, но обязывается потомъ «и малжонка своего до признаня на вряде ставити», малжонка, который такъ самоотверженно боролся за свободу вѣры и независимость народа «свѣтскимъ мечемъ», какъ его «товарищъ», «друкаръ», боролся духовнымъ.

Д. Истоминъ.

I.

Запись о продажѣ женой запорожскаго козака, кіевскаго обывателя, Овдотьей Путивльцевой, отъ своего имени и по довѣренности отсутствующаго своего мужа, двора съ постройками въ Кіевѣ товарищу Запорожскаго войска, кіевскому же обывателю, «друкару» Тимофею Александровичу,—1-го сентября 1624 г.

Я, Овдотья Сидковна, малженка пана Иосифа Никифоровича Путивца, козака его кр. мл. запорозского, обывателя киевскаго, на сесь часъ за Порогами будучого, а мнѣ нижевыраженую речь справити черезъ листы свои розсказаного, зобополные малжонкове, една за обедве, а обедве за едну особу разумѣючи и почитаючи, и една по другой особе ручачи и записуючися, отступивши, зрекши и отп.....вшися доброволне права своего, намъ належного, и вшелякихъ оборонъ и добродѣйствъ, правныхъ и овшемъ неправныхъ, намъ въ ниже писаной справѣ служачихъ, а во всемъ съ потомствы и вшелякою маетностю нашею лежачею и рухомою под тот лист, доброволный запис нашъ, и под всѣ его лѣкгамента доброволне поддаючи и записуючися, чиню явно и сама на себе и именем малжонка своего тым моим листом вечистое продажѣ дому нашого, доброволнымъ записомъ, въ каждого вряду, суду и права, на каждомъ местцу, каждому, кому бы одно колвекъ о том вѣдати албо тот наш лист, запис, читаного тепер, и на потом завжды слышати належало, вызнаваю, иж мы, не будучи ни от кого примушени а ни намовени, але по доброй воли своей, сами межи собою намовивши и нарадившися, будучи потребни суммы пенежнои, а маючи у (се)бе двор, то ест, пекарню, сѣни, светлицу, комнату, а в тыле.. комору, пивницу, в огороде або в саду мыльню, дом наш власный, никому ничим не пенный и ни от кого перед тым, а ни от нас тепер, ни в суме пенежной и ни в чом иншом, никим способом незаведеный, але волный и свободный, на кгрунте волном

под правом и волностю земскою шляхецкою, в месте Киеве, межи двох улиц, з лѣвого боку мимо црковъ стго Спса на место Киевское идучих, вороты через улицу против ворот дому Скрылева, зъ одного боку от домовъ Семена рыболова и Аврама Петровича кгрунтом лежачий, нам правом даровным от урожоного его мл. пана Михайла Мышки-Холоневского, бывшого подвоеводего киевского, на вечност пришлый, и вѣдаючи теж и то з статуту права (Литовского, на сойме Берестейскомъ въ року шестдесят) шестом ухваленого, иж кождому волному волно ест вшелякою маетностю своею лежачою и рухомою, ведлугъ волѣ и уподобаня своего, яко хотечи, шафовати и диспоновати, с ким хотечи, зменяти и, кому хотечи, заставити, продати, даровати и на црков Божию отказати и записати,—пре тож и я, Овдотя, за писанем и росказанем през листы малжонка своего, сама от себе и именем его и потомковъ нашихъ, при могоричниках, людей зацных, то ест, при гдну отцу Иеву Бударазском, сщеннику киевоспаском, и при пану Стефане Беринде, друкару, помененый дворъ нашъ, зо всѣм будованемъ и огорожею, з садом и огородом, при том дворѣ будучим, и зо всѣм тым, што в том дворѣ укопано и прибито и чим прикрыто ест, и ово згола зо всѣми и вшелякими (приналежностями и пожитка)ми, поменеными и непоменеными, тепер будучими и на потом выпайтися могучими, ку тому двору належачими, ничего въ том дворѣ во всем, а ни в жадной его части, на себе самих, на потомков и щадков наших и ни на кого иншого не уймуючи и не заставуючи, и овшем от себе самих, детей, потомков, близких, кревных, и от обчих и посторонних людей отдаляючи, але зо всѣм титулом и правом своим старым, тепер при нас будучим и на потом, если бы у кого иншого болшей, на тот двор служачим, нашедшимся, уцтивому пану Тимофееви Александровичу, товаришови теж войска его кр. мл. Запорозского и обывателеви киевскому, ему самому и, даст ли Богъ, малжонце его и потомству их на теперешние пришлые, потомные, неотзовные и (вечные) часы за певную, готовую, отличоную и до рук наших тепер зараз разом отданую и дошлую суму пенезей, то ест, за двесте копъ грошей личбы литовское, продали есмо и с тоее сумы всее, которая мене, Овдотю Путивцовую, и потомковъ наших от пана Тимофея вся сполна разом за тот нашъ двор дошла, тым же листом продажным, записом нашимъ, сама от собе, малжонка своего, детей, потомковъ, близких, кревных и повинных наших и от обчих и по-

сторонних людей пана Тимофея на вечные часы квитуем, и тот двор наш менованый, зо всѣмъ его помененемъ, пану Тимофееви тепер зараз през возного енерала воеводства Киевскаго шляхетного Федора Мостицкого и через сторону, при нем будучую, в моц и держане, спокойное уживане и волный шафунокъ завели, и в досконалую (поссе)сию подали, и уступили, а сами с того (двора своего) зреклися есмо и зрекаемся, за чим юж от часу дати того листу, запису нашого, пан Тимофей волен ест и будет в том дворе спокойне мешкати, вшелякие пожитки, с того двора приходячие, безпечне уживати и инших привлащати, тым двором и пляцом и всею тоею маетностю, яко своею власною, ведлугъ воли и найлепшого пожитку и уподобаня своего, шафовати и диспоновати, и таким же способом, с ким хотечи, зменяти, и, кому хотечи, заставити, в наемъ давати, арендовати, продати, даровати и на црковъ Божию отказати и записати; до которого то юж двора, пляцу, будованя, саду и огороду и пожитков до того належачих мы сами, продавцы, потомство близкое, кревные и повинные наши, и нихто з обчих и посторонних людей жадного уступу, дѣла и потребы мѣти и някое перешкоды в том всем так пану Тимофееви, яко, даст ли Богъ, малжонце его и потомству их, и каждому, яковым бы колвекъ способомъ от пана Тимофея, малжонки его и потомства их тот двор и всѣ его пожитки албо якую их част держачому, чинити мочи не будем, а овшем мы, продавцы, (еслибы) от каждого такового, в тых добрах, от насъ проданыхъ, в держаню и уживаню пану Тимофееви албо от него (?) тот двор любъ якую его част держачому перешкоду якую чинячого албо чинити хотячого, и тот лист, доброволный запис нашъ, в чом колвекъ нарушаючого, и тым нарушенемъ пана Тимофея и каждого от него тот двор держачого до якое турбации албо до кошту приводячого, своим власным грошом, коштом и накладом особами и працею своею маем и повинни будем боронити, заступовати, тот двор освобожати и лист запис тот теперешний в зуполной моци на вечност заховывати тыле разъ, иле бы того потреба указовала, до часу и лѣт, в праве посполитом описаных, а то под закладом албо заруками на врядъ перед который-колвекъ, если бы што приточити мѣло, и на сторону въ том нарушеную по пятидесят копъ грошей (личбы) литовское и под нагороженемъ з особна шкод стороне нарушоной, за тым поднятых, голым словом шацованых; а где бысмо пана Тимофея, ведлугъ того запису и слушности самое, в том заступовати и

боронит не хотѣли и в чом-колвекъ (тому листови, добровольному запису на)шому, противилися або либысмы о то яковим-кол(векъ спо)собомъ до якого-колвекъ уряду припозвани, теды тот вряд и суд, скоро вглянувши в тот лист вечистое продажѣ, доброволный запис нашъ, зараз яко заруки, такъ всѣ шкоды и наклады, на голое рѣчене слова на нас обоих або одной которой особе присудивши, всказати и на вшеляких добрах або маетностях наших, лежачих и рухомых, гдеж-колвек маючих, а в недостатку маетности, теди и на самих особах наших або одной которой скутечную екъзекуцию учинити мает и повинен будет, нѣгде нам апелеват и жадных оборон и добродѣйств правных и овшем неправных заживати не допускаючи под винами, в праве посполитом описаными, а заплативши заруки и шкоды нагородивши, пред ся тот лист наш вечистое продажѣ, доброволный запис, в каждого вряду, суду и права завше на всѣ вѣчные часы в зуполнои моцы хован и держан быти маетъ; который тот лист, запис наш, я тепер сама признати, а потом и малжонка своего до признаня на вряде ставити маю и повинна буду; або тым же листом, записом моим, даю волност и моц зуполную пану Тимофееви тот наш лист у яком-колвекъ повѣте и суде кгродскомъ и земском признати, через очевистое признане свое, и до книгъ актиковати и записати. Которое очевистое признане его и записане в книги того запису нашого такъ важно и моцно быти мает, яко бысмо мы, продавцы, сами, особами своими очевисто ставши, признали и записали; и на то я, Оксиня (Овдотя?) Садковна, сама от себе и именем малжонка своего (и потом)ков наших, пану Тимофееви Александровичу дала тот мой лист вечистое продажѣ двора и пляцу нашого, доброволный запис, до которого, за очевистою прозбою моею, их мл. панове и приятелѣ наши, нижей выражоные, при печатех своих поподписоватся рачили. Писан у Киеве, року ,ᵃ҃ᵡ҃кд, м-ца септембра дня первого [1]).

Крыштофъ Шанявский, з Шанявъ, очевисто прошоный печатар, власною рукою.

Устне (прошоны)й печатар от Овдотѣ Сидковны Путивцовое подписался: Теодор Мостицкий, енерал, рукою власною.

---

[1]) Ниже находятся четыре печати съ неясными на нихъ изображеніями; печати соединены тонкимъ, шелковымъ шнуромъ краснаго цвѣта, стягивавшимъ листы документа.

Устне прошоный печатар от помененое особы Юрей Веръховский, рукою вл.

Року ҂ах҃мк, м-ца ноембря г҃ дня, тот лист вечистое продажы дому Путивцова и малжонки его на вряде мѣскомъ Киевскомъ презентовано, и сама малжонка, очывисто стоечы на вряде, тую продажу признала. *Змайло Мефедовичъ, войт киевский, рукою вл.*

На оборотѣ приписка: «Запис оригинал(ный) Тимофею *друкар(у)* на дворъ у Киеве». «Року ҂ах҃кд, м-ца сентебра первого дня».

«До книгъ мѣскихъ киевских есть вписанъ и скорыкгованъ».

Настоящій документъ хранится въ собраніи рукописей Кіевской археографической коммиссіи подъ № 137.

II.

Жалоба кіевскаго мѣщанина, типографа, Тимофея Александровича о нанесеніи ему тяжкихъ побоевъ въ г. Острогѣ п. Лавриномъ Бучайскимъ,— 24 апрѣля 1625 года.

Року тисеча шестъсотъ двадцатъ пятого, месяца априля двадцатъ четъвертого дня.

До уряду и книгъ нинешъних кгродских, в замокъ его королевской милости Луцъкий и до мене Теодора Кузмича, будучого на тотъ час наместъника подстаростъва Луцкого, присылал славетный Тымофей Алексанъдровичъ, мешъчанинъ киевъский, шляхетного Миколая Сычевъского, возного, оповедаючи жалосне и обтежъливе ускаржаючися на противко его милости пану Лавринови Бучайскому о то, ижъ кгды речоный Тымофей, друкар, року теперешънего, тисеча шестъсотъ двадцат пятого, месяца априля шеснадцатого дня, приехавъши по потребах своих до места Острога, и тамъ, в ринъку, потребы свое справовал, теды преречоный панъ Бучайский, поткавши оного на рынъку, без данъя собе жадное причины, челеди и помочъником своим оного взяти, держати росказавъши, сам обухом билъ и мордовал, и ранъ синихъ, кровъю набегълых, то естъ, по плечах, руках, хрибте, ногах позадавал и, тымъ се не конътенътуючи, оного, взявъши до замку, до вязенъя

приватъного отъдал, и тамъ дни килка у вязенъю тримал, ажъ за ледво, за вложенем се в то людей инъших, оного з вязенъя выпустил, о што все менованый возный, зоставивъши принъципалови своему, который тепер для окрутъного збитя сам персоналитер тутъ станути не можетъ, волное чиненъе ширшое протестации и тое мелиорации, скоро бы толко до лепъшого здоровъя припол, именем тогожъ принъципала своего, противъко его милости пану Бучайскому светчилсе и протестовал; а на огледанье того збитъя просил о придане возного; на которого реквизыцию придалом возного, которого собе способити можетъ, и, тое оповеданье принявъши, до книгъ записати казал,— и есть записано.

Книга Центр. архива при университетъ св. Владиміра № 2448, л. 635.

Описаніе иконописи Кіево-Печерской лавры.

Печатаемая нами рукопись хранится въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры подъ № 204; она состоитъ изъ 69 листовъ, съ двумя пришитыми въ концѣ, на которыхъ другимъ почеркомъ и чернилами сдѣланы дополненія пропущенныхъ, вѣроятно, переписчикомъ XVIII в. мѣстъ болѣе древняго оригинала; трехъ первыхъ листковъ не достаетъ въ рукописи; нѣтъ также и заглавнаго листка.

Водный знакъ бумаги—малый двуглавый орелъ съ короной, встрѣчающійся въ рукописяхъ начала XVIII в.

Форматъ рукописи—четвертая доля писчаго листа бумаги.

Переплетъ рукописи—кожанный корешокъ и бумажныя доски.

Рукопись содержитъ въ себѣ описаніе иконописи на стѣнахъ Великой Соборной лаврской церкви и относится, по времени написанія, къ 1719 или слѣдующимъ ближайшимъ годамъ, хотя, по содержанію, она должна быть отнесена къ болѣе отдаленному времени, а нѣкоторыя части, быть можетъ, къ первымъ вѣкамъ существованія св. обители, о чемъ мы подробнѣе говоримъ въ особой статьѣ по поводу этой рукописи.

При печатаніи Описанія иконописи было признано болѣе удобнымъ слѣдующее:

а) надстрочныя буквы вносить въ текстъ;

б) сокращенія въ словахъ не раскрывать и опущенныя буквы не вставлять, такъ какъ пониманіе сокращенныхъ словъ нисколько не затруднительно отъ этого;

в) славянскія цифры замѣнить арабскими;

г) древнеславянскую пунктуацію замѣнить современной для удобства чтенія и относительно прописныхъ буквъ принять правила современной орѳографіи;

д) тексты изъ Священнаго Писанія набирать не церковно-славянскимъ шрифтомъ, а обыкновеннымъ курсивомъ, такъ какъ вся рукопись писана скорописью XVIII в., а не уставомъ или полууставомъ.

е) ошибки въ подлинникѣ оставлять безъ исправленія и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе важныхъ, снабжать ихъ примѣчаніями или отмѣчать вопросительными знаками и словомъ «sic»; и, наконецъ,

ж) всѣ приписки на поляхъ рукописи снести въ подстрочныя выноски.

Описаніе иконописи печаталось подъ наблюденіемъ дѣйств. члена Общества Нестора-лѣтописца *И. М. Каманина*.

Считаемъ долгомъ выразить благодарность Духовному Собору Кіево-Печерской лавры за разрѣшеніе печатанія рукописи Описанія и гг. библіотекарямъ лавры: бывшему *о. Игнатію* и настоящему *о. Димитрію*, за оказанное ими содѣйствіе при работахъ нашихъ въ Лаврской библіотекѣ.

М. Истоминъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ігумени и архимандриты стія великія чудотворнія лавры Печерскія Кіевскія.

1) Ігуменъ прпд. Антоній, мнстря создател и в нем братій и всѣхъ російскихъ іноковъ началникъ, поживе лѣтъ 90; преставися в лѣто Гсдне 1073.

2) Ігуменъ прпд. Ѳеодосій, тояжде лавры разширителъ и в ней и во всей Російской земли монастирехъ общого іноческаго житія началникъ, преставися в лѣто Гсдне 1074, мая 5 д.(sic).

3) Ігуменъ прпд. Варлаамъ, родомъ болярнъ, потомъ ігумен мнстря стго великомученика Димитрія, в року 1056.

4) Ігуменъ прпд. Стефанъ; сей церковъ Печерскую, стим Антоніем благословенную и стим Ѳеодосіемъ начатую, соверши; и при нем мнстръ новъ согради и в онь братію от ветхаго мнстря пресели, потомъ другій монастыръ на Кловѣ Положенія Ризы Бгородичны созд. и бистъ в немъ ігуменъ; таже епспъ владимерскій; успе 1094 лѣт.

5) Ігуменъ прпд. Никонъ; сей за стго Антонія постригаше монаховъ и за стго Ѳеодосія, в отсутствіи его, мѣсто началствія содержаше; у Тмуторокани созда монастыр и стую церковъ Печерскую чудеснѣ украси иноками (иконами?), преставися в лѣто 1088.

6) Ігуменъ прпд. Іоанъ; за сего стая Печерская церковъ року 1089 кіевскимъ митрополитомъ Іоанномъ остся, и в нію мощи прп. Ѳеодосія сут пренесенни.

7) Ігуменъ Ѳеоктистъ; сей устрои вписану быти имени прп. Ѳеодосія в синодикъ церковній между стми, потомъ избранъ бисть епспъ чернѣговскій 1112 року.

8) Ігуменъ Прохоръ, иже бистъ на пренесеніи честныхъ мощей стихъ мч. Бориса и Глѣба, лѣта 1123.

9) Ігуменъ Тимофей; сей раку прпд. Ѳеодосія отъ злата и гривенъ, и сребра 500, яже Георгій князь суждальской в року 1130 присла, содѣла.

10) Ігуменъ Пименъ блаженній; сей молитвою сирадъ мертваго грѣшника премѣни в благовоніе.

11) Архимандритъ Акиндинъ; сего тщаніемъ списашася стихъ печерскихъ житія; успе 1147 года.

12) Архимандритъ Поликарпъ, прпд.; сей списа житія стихъ печерскихъ, Сімоном блаженнимъ, епископом суждалскимъ, свѣдительствованная; в старости глубоцей 1182, іюля въ 20 д., преставися.

13) Архимандритъ Василій, прпд.; сей молитвами стго Поликарпа отъ всѣхъ согласно в [1]) презвит. избран в архимандрита.

14) Архимандритъ Ѳеодосій.

15) Архимандритъ Агапитъ.

16) Архимандритъ Серапіонъ, потомъ бистъ епископъ володимерскій и ростовскій, преставися: 1275 [2]) года.

17) Архимандритъ Агапитъ преставися в лѣто 1259.

18) Архимандритъ Іоаннъ.

19) Архимандритъ Азарія.

20) Архимандритъ Варсонофій.

21) Архимандритъ Давидъ.

22) Архимандритъ Авраамій.

23) Архимандритъ Никифоръ.

24) Архимандритъ Ігнатій.

25) Архимандритъ Никола.

26) Архимандритъ Макарій.

27) Архимандритъ Іоаннъ.

28) Архимандритъ Іоасафъ.

29) Архимандритъ Ѳеодосій Войниловичъ.

30) Архимандритъ Филаретъ.

31) Архимандритъ Сѵлвестръ.

32) Архимандритъ Васіанъ Шишка.

---

[1]) Вѣроятно въ рукописи стояло «в».

[2]) Надъ датой—«в» и сокращеніе слога «го».

33) Архимандритъ Васіанъ.

34) Архимандритъ Іона.

35) Архимандритъ Сѵлвестръ.

36) Архимандритъ Іоаннъ почи о Гсдѣ 109(70. Sic!)[1].

37) Архимандритъ Григорій.

38) Архимандритъ Іоакимъ.

39) Архимандритъ Ігнатій.

40) Архимандритъ Макарій.

41) Архимандритъ Варлаамъ.

42) Архимандритъ Іона, той бысть на соборѣ Виленском в лѣто 1509.

43) Архимандритъ Антоній.

44) Архимандритъ Петръ.

45) Архимандритъ Никандръ.

46) Архимандритъ Генадій.

47) Архимандритъ Протасій.

48) Архимандритъ Іларіонъ Пѣсочинскій.

49) Архимандритъ Мелетій Хребтовичъ, епспъ владимерскій и берестинскій[2]), умре 1565.

50) Архимандритъ Никифор Туръ преставися 1596 года.

51) Архимандритъ Елисей Плетенецкій, муж мудръ и стъ, полнъ лѣтъ, успе 1624 року.

52) Архимандритъ Захарій Копистенскій преставися въ року 1626.

53) Петръ Могила, воеводичъ земли Молдавской, архимандритъ печерскій, митрополит кіевскій, преставися 1646 года.

54) Архимандритъ Іосифъ Тризна.

55) Архимандритъ Інокентій Гизел преставися в року 1683, на архимандріи живъ лѣтъ 33.

56) Архимандритъ Варлаамъ Ясѣнскій быст лѣтъ 7, потом мит. кіевскій; преставися в лѣто 1708.

57) Мелетій Вуяхевичъ быст лѣтъ 6, преставися в лѣто 1697.

---

[1]) Вѣроятно—«1470», потому что въ подлинникѣ эта дата означена славянскими цифрами ҂АЧО, невозможнымъ числомъ, которое станетъ вѣроятнымъ, если предположить, что переписчикъ XVIII в., по неразборчивости, быть можетъ, поставилъ вм. у подобную ему букву ч.

[2]) Вмѣсто «берестейскій», какъ должно было бы быть.

58) Архимандритъ Іоасафъ Кроковскій быст 12 (лѣтъ?), потомъ митрополит кіев.; умре в лѣто 1718.

59) Архимандритъ Іларіонъ быст недель 9; в лѣто 1709 избрася и преставися.

60) Архимандритъ Аѳанасій Мирославскій преставися в року 1714 [1]).

Создатели, ктитори и благодѣтели св. великой чудотворной лавры Печерской Кіевской.

1) Кнзь кіевскій Изяславъ Ярославичъ даде гору на построеніе цркви и мнстря ветхаго; преставися в лѣто 1078 и погребенъ в цркви Прстія Бдци Десятинной.

2) Кнзь кіевскій Святославъ Ярославичъ даде на созданіе цркви каменнія и монастыря великаго поле и сто гривенъ злата и самъ на основаніе ровъ нача копати; успе 1072.

3) Кнзь кіевскій Всеволодъ Ярославичъ великій любитель обители Печерской и всего духовного чина; при семъ совершися и остися великая стая црковъ Печерская; преставися 1093 года и погребенъ в стой Софіи.

4) Кнзь володимерскій и луцкій Ярополъкъ Ізяславичъ далъ на монастир Печерскій Невелскую, Деревлянскую и Луцкую волости; преставися 1087 года.

5) Кнзь кіевскій Михаилъ-Святополкъ Изяславичъ преставися 1112 года и положен въ цркви стго Михаила Золотоверхого.

6) Кнзь кіевскій и всеросійскій первовѣнечный цар Владимир Всеволодовичъ Мономахъ почи 1126(sic) года.

---

[1]) На полѣхъ другимъ почеркомъ и чернилами приписано: «всечестний отц архиман. Іоаникій Сенютович стія обители Печер. престав. ро. 1729, мца ноем. 12 (передъ этимъ числомъ въ подлинникѣ стоятъ двѣ вертикальныя черты, изъ коихъ первая дважды перечеркнута) числа противъ 13, в нощи, 4 години, а заховали 16 числа, в ндлю; 12 числа била среда, а 18 четвер.; такъ 5 недел бил недуж ровно».

Ниже сдѣлана новая приписка, чернила и почеркъ которой также не похожи на почеркъ и чернила верхней приписки и всей рукописи. Нижняя приписка отдѣлена горизонтальной чертой отъ верхней; содержаніе ея таково: «всечестний оцъ архимандрит Роман Кона преставися року 1786, мца септевриа 13 числа, в нощи, 11 години, на Обновленіе храма прсд Воздвиженіемъ, в неделѣ противъ понеделка; Обновленіе храма било въ понеделокъ, а Воздвиженье во вторник».

Подъ послѣднимъ словомъ проведена вторая горизонтальная черта, а ниже ея приписано еще: «по утрени, 11 години, противъ Обновленія храма».

7) Князь кіевскій Мстиславъ Володимеровичъ Мономаховичъ скончася 1129 года.

8) Князь кіевскій Ярополкъ Владимировичъ умре въ лѣто 1140.

9) Князь кіевскій Глѣбъ Всеславичъ даде въ обитель сту шестсотъ гривенъ сребра и пятдесятъ злата, скончася року 1119.

10) Князь кіевскій Георгій Володимеровичъ Мономаховичъ преставися въ лѣто 1158.

11) Князь кіевскій и смоленскій Ростиславъ Мстиславич скончася лѣта 1168.

12) Князь володимерскій и суждалскій и всея Росіи самодержецъ Андрей Юревичъ Боголюбскій, прозиваемій Китай; сей городъ Василковъ и Мическъ з мнстрм., мстръ сто-Николскій Пустинній Кіевскій, Новгородскій, Елецкій-Чернѣговскій и ставропѣгію въ Печерскомъ монастирѣ утверди; преставися року 1175.

13) Князь кіевскій и галицкій и самодержецъ всеросійскій Романъ Мстиславичъ успе 1205 року.

1) Князь слуцкій и кіевскій Александер, или Олелко, Владимеровичъ успе 1455.

2) Князь кіевскій и слуцкій Симеонъ Олелковичъ; сей обнови церковъ Печерскую, Батіемъ разоренную, 233 года въ запустѣніи бывшую; умре 1471 и погребенъ в ней.

3) Князь слуцкій и кіевскій Василій Симеоновичъ Олелковичъ умре 1495 лѣта.

4) Князь Георгій Олшанскій.

5) Князь Володимер Олшанскій.

6) Князь Борисъ Олшанскій.

7) Князь Ѳеодор Сангушко Олгердовичъ.

8) Князь Андрей Сангушко Олгердовичъ.

9) Князь Александер Сангушко Олгердовичъ.

14) Князь Острозскій Іоаннъ.

Князь Острозскій Константинъ Івановичъ, воевода троцкій, гетманъ великаго князства Литовскаго [1]), по многихъ побѣдахъ, якіе чрез 70 лѣтъ житія своего имѣлъ 63, почи году 1533 и погребенъ зде.

15) Князь Острозскій, воевода кіевскій, маршалок земли Волинской, Василій Костантиновичъ прест. 1608.

---

[1]) Въ подлинникѣ «листовного».

12) Князь Корецкій Ѳеодоръ.

15) Князь Корыбутъ-Вишневецкій Михаилъ умре року 1584.

16) Князь Симеонъ, сынъ Африкана князя воронежскаго.

17) Князь Георгій Суждалскій Симоновичъ тысяцкій, иже на искованіе раки прпд. Ѳеодосія даде пятсотъ гривенъ сребра, а злата пятдесятъ гривенъ, и гривну, коже самъ понаше, у сто гривенъ злата.

Княгиня Глѣбова, дщи князя Ярополка Изяславича, даде въ монастир Печерскій сто гривенъ сребра, а 50 злата; по смерти пять селъ и вся имѣнія тому ж монастиреви вручи; почи року 1158.

Княгиня Островская Татіана преставися року 1531.

13) Князь Корибутъ-Вишневецкій Александеръ.

14) Князь Корибутъ-Вишневецкій Вонифатій [1]).

В томъ же стом олтарѣ на правой сторонѣ:

Всю тую сторону заняти Хрствим Воскресеніемъ такъ: намалеват Хрста воскресшаго посредѣ, а около Хрста намалеват 12 явленій Воскресенія: на едной сторонѣ шесть, а на другой шесть.

1 явленіе: агглъ единъ, на каменѣ сѣдяй, Магдалинѣ Маріи и другой Маріи, без ароматъ пришедшим, благовѣститъ, глаголя: *Воста, якоже рече; рците ученикомъ, яко воста от мертвихъ* (Мат., 28).

2 явленіе: мироносицъ, бѣжащихъ от гроба, Хрстсъ воскрешшій устрѣтши гллет: *Радуйтеся! и они, познавши Хрста, поклонишася, емшеся за нозѣ Его* (Мат., 28).

3 явленіе: нѣціи от кустодий, агглом, сидящим на гробѣ, имущим зракъ, яко молнию, и одѣяніе бѣло, яко снѣгъ, устрашени, пришедши в град, архиереем извѣствуютъ Хрста воскрешша (Мат., 28).

4 явленіе: мироносици три: Марія Магдалина, Марія Ияковля, и Саломи, з ароматми приходят на гроб, восиявшу слонцу, и, вшедше в гробъ, видятъ аггла в одеждѣ бѣлой, глаголюща къ нимъ: *Воста, нѣстъ зде* (Марко [2]), 6 (sic).

5 явленіе: жени многіи, пришедшія съ Хрстом от Галилея, въ едино(sic) от суботъ с аромати рано приходатъ на гробъ и, внутръ

---

[1]) Нумерація въ перечнѣ «Создателей, ктиторовъ и благодѣтелей» не имѣетъ порядка и послѣдовательности и часто повторяется; три имени не отмѣчены нумеромъ.

[2]) Здѣсь въ оригиналѣ пробѣлъ.

бивше, видят два мужа въ ризахъ блещащися, в нихъ стояща, *Нѣсть зде, воста*, глаголюща (Лука, 24).

6 явленіе: сѣи апстли Петръ и Іоаннъ, за извѣщеніем женъ мироносицъ, приходят на гробъ и видят ризи и сударъ главнии, и вѣруютъ (Іоанъ, 20).

7 явленіе: Марія плачет внѣ у гроба и зритъ двохъ англовъ, въ бѣлихъ ризахъ сидячихъ, единаго у главѣ, единаго у ногу, глаголющихъ: *Жено, что плачеши* (Іоанъ, 20)?

8 явленіе: Марія, плачущаяся и возвращающиися (sic) от гроба, видитъ Іиса во образѣ вертогра-дара[2]), глаголюща къ ней: *Маріе!* (Іоанъ, 20).

9 явленіе: два ученика Лука и Клеопа, на Емпаусъ (sic) идущіи, Хрста воскрешшаест бесѣдуют и преламанія хлѣба познаютъ, глюще: *Воистинну воста Гсдь* (Лука, 24).

10 явленіе: является Іс седми ученикомъ на мори Тиверіадстем и от чудесной рибъ ловитви первѣе Іоану, таже и протчіим, познавается; тамо ст. Петру паству овецъ вручаетъ (Іоанъ, 21).

11 явленіе: стает Іисъ, воставши от мертвихъ, дверемъ затворенним, средѣ ученикъ и показует им руцѣ и нозѣ; таможде и Ѳомѣ повелѣвает осязати руцѣ и нозѣ и ребра и глет: *Блаженни не* (*видѣ*)[1]) *видѣвшіи и вѣровавшіи* (Іоанъ, 20).

12 явленіе: едино-надесяте[2]) ученици в горѣ Галилеи кланяются Хсрту воскрешшу и глющу: *Шедше, научите вся язики, крстяще их въ імя Отца и Сна и Ст. Дха* (Мат., 28).

Таже вишше Хс. возносящъ на небо; вишще же Хрста воскрешшаго болшими лѣтерами написати сия: *Воста за оправданіе наше* (к Ром., 4).

Въ томъ же стом олтарѣ по лѣвой сторонѣ малевать:

Дха Стго в видѣ голубиномъ горѣ въ облакахъ.

Нижей Дха Стаго, в тѣхъ же облакахъ или под облаками близко, от края облаковъ до другого края, седмъ даровъ Дха Стаго такъ. Ісаия(sic):

1 даръ Дха Стаго — Дхъ премудрости: Соломонъ на престолѣ сидит судящий; около компартименту надпис: *Дахъ ти срдце смисленно и мудрост* (Царст., 3).

[1]) Sic—слогъ *видѣ* повторенъ два раза по ошибкѣ.

[2]) Въ подлинникѣ это слово написано раздѣльно.

2 даръ Стаго Дха—Дхъ разума: стий пророкъ Даніил з хартіею, соние излагая царем; надпись: *Бъ даяй премудрост мудрія и неведущимъ смышленія* (Даніилъ, 2).

3 дар Дха Стаго—Дхъ совѣта: Хусия, совѣтникъ Авесоломовъ; надпис: *Благъ совѣтъ Хусия и Гсдь заповѣда разорит совѣтъ Ахитофелъ* (Царот. 2, глав. 17).

4 даръ Дха Стаге — Дхъ крѣпости: Сампсонъ лва растерзаяй; надпис: *Сниде на Сампсона Духъ Гсднь, восхити лва и растерза и* (Суд., гл. 14).

5 даръ Дха Стаго — Дхъ свѣдѣнія: Веселеилъ скимнотворецъ; надпис: *Наполнихъ*(sic) *Веселеила Дха Божія премудрости и смышленія* (Исход., глава 31).

6 даръ Дха стаго — Дхъ страха Божія: намалеватъ Товию старого; надпис: *От младенчества своего всегда Бга бояся и заповѣди его сохраняше* (Товія, глава 2).

7 даръ Дха стаго — Дхъ благочестія: Авраамъ; надпис: *Аз есмь Бъ твой; блюдуги предо Мною и буди непороченъ* (Быт., глава 17).

Между сими под оболоками и на повѣтру и на главах стихъ дванадесят апстлъ, низу писанних, и Прсвтой Бци, средѣ стихъ апстлъ будучой, такъ, якъ на Сошествіи Ст. Дха обичай ест сидячих малевати; на коегождо главѣ язики огненніи, и на нѣкіих языкахъ писати явленіе Стаго Дха, ст. Павлом к Корифом писанная в главѣ 2, си ест, премудрост, разумъ, вѣра, дарованіе исцѣлений, дѣйствіе силам, пророчество, разсужденіе духовом, роди языковъ, сказаніе языкомъ и протчая вишписанная явленія; и под облаками надпис великими лѣтерами: *Вся сия дѣйствует единъ и тойжде Дхъ, раздѣляя властию коемуждо, якоже хощетъ* (к. Кор., глава 12).

Горѣ, в небеси, между Хрстом вознесшимся и Дхом Стим, въ свѣтлости писмо: *Бъ нашъ на небесехъ и на земли вся, елико восхотѣ, и сотвори* (Псалом 113).

По бокам Тайной вечери, по правом боку, три Стителие Стий Іяковъ, братъ Бжий, з хартиею; писаніе: *Молим тя, Бже, Отче нашъ*[1]), *яко да на дары сия, въ честь Хрста Твоего пред Тобою предложеннія, млстивно призриши и в них благоволиши, и низпослеши на жертву стую Твою Дха Твоего Стаго, и сотвориши хлѣбъ сей тѣло Хрста*

[1]) Въ оригиналѣ это слово написано надъ строкой.

Твоего и чашу сію кровь Христа Твоего (Преданія Апстлъ, книга 6, глава 12).

Стій Василій Великій з хартією; писаніе: *Хлѣбъ убо сей*[1]) *сотвори самымъ честнымъ тѣлом Гсда и Бга и Спса нашего Іисса Христа* (Стаго Васил. Литур.).

3) Стій Іоаннъ Златоустій з хартією; писаніе: *Тебѣ приносимъ словесную сію и безкровную службу и просимъ и молимся и молимъ ся дѣемъ: посли Дхъ Твой Стій на ны и на предлежащія дары сія, и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа Твоего* (Ст. Іоаннъ Златоуст., Литур.).

4) Стій Климентій з хартією[2]); писаніе: *Благодаримъ Тебѣ, Бже Отче, о пречистой плоти и кровь животворящой Сина Твоего, Гсда нашего Іисса Христа, за насъ излiянной, иже противо образнія сія приложихомъ, да, иже намъ предаде, сего смерть воспоминаемъ, с нимъ же Тебѣ слава в вѣки. Аминь.* (Ст. Клим., Прѣд. апост., глава 26).

5) Стій Ігнатій Бгоносецъ з хартією; писаніе: *Хлѣба Бжія хощу, хлѣба небеснаго, хлѣба живота, иже есть плоть Христа Сина Бжія, и питія Бжія желая, кровь Того, иже есть любви нетлѣнную и животъ вѣчный* (Ігнатій, Посл. к Римляномъ).

6) Стій Германъ, патріархъ цариградскій, з книгою; на ней: *Призри на ни, недостойныя рабы Твоя, Стому Твоему сему жертвеннику, яко херувимском* (sic), *предстоящія престолу, на немъ же Единородный Сынъ Твой и Бгъ нашъ, предлежащихъ ради страшныхъ таинствъ, препочиваетъ, и освяти всѣхъ насъ, да божественныхъ сихъ причащающеся, священнии сединимся самому Христу, истинному Бгу нашему* (Молит. литур. преждесщен.).

Малевати посему у фрамузи олтарной, вижей оконъ:

Хрстос распятий; по сторонамъ в компартиментахъ—шесть стихъ таинъ; въ первомъ, на правой сторонѣ, тайна стаго Крещенія: Хрстос, крещаемии от Іоанна в Іордани; где, отверсту небеси, Дхъ Стій, въ лици голубинном сходяй; надпис: *Той есть крестя Духом Стим* (Іоанъ, 1).

---

[1]) Слово это пропущено въ оригиналѣ и приписано на полях.

[2]) Къ этому мѣсту въ подлинникѣ отнесена приписка, сдѣланная на полях: «*Чашу же сію самою чстною кровію Гсда и Бга и Спса нашего Іисса Христа*».

Въ другомъ, на лѣвой сторонѣ, тайна стаго Покаянія: дверем затворенним, но воскресеніи, вшедши, Хрс. глаетъ: *Пріймите Дхъ Стъ; имъ же отпустите грѣхи—отпустятся, и имъ же держите—держатся* (Іоан., 20).

В третом, на правой сторонѣ, тайна Священства: ученици в Галилеи горѣ кланяются Хрсту, глаголющу къ нимъ[1]): *Шедше научите вся языки* (Мат., 28).

В четвертом, на лѣвой сторонѣ, тайна Миропомазанія: сошествіе Ст. Дха; надпис: *Исполнишася вьси Дха Ста* (Дѣян., глава 2).

В пятомъ, на правой сторонѣ, тайна Елеопомазанія: Хртосъ посилает учениковъ своихъ, дая имъ власти на дхи нечистия; надпись: *Мазаху елеомъ мнози недужнія, и исцѣлеваху* (Іяковъ, 6).

Въ шестомъ, на лѣвой сторонѣ, тайна Супружества: бракъ в Конѣ(sic) Галилейскомъ (Іоанъ, глава 2); надпис: *Тайна сия велика есть;* или сие надписаніе: *Еже Бъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мат., глава 19).

Стая тайна Евхаристіи, нижей оконъ, на горнемъ сѣдалищи: Тайная вечера обичнѣ; надпис: *Сие творите въ Мое воспоминаніе* (Лук., 22).

Между окнами Прстую Бцу и стаго Іоанна Богослова, пред крестом стоячихъ; по бокам, под крестом, противо оконъ, не едном (sic) боку—положеніе в гробъ Хрство; на другом—метаніе жребя о ризѣ Хрствой; вишше же Хрста распятаго написати болшими лѣтерами: *Преданъ бысть за прегрѣшенія наша* (къ Римл., 4).

Память, что внутръ великой стой Печерской церкви малеват, почавши от самой глави, около, по стѣнам.

В главѣ, внутръ, посредѣ:

Стая Троица: Бгъ Оцъ ветхи денми, Бгъ Снъ съ крестом, Бгъ Дхъ Ст. въ видѣ голубицы; средѣ надпис: *Ст. Ст. Ст. Гсдь Савао, исполнь вся земля слави Его* (Ісаи, гл. 6).

Таже около, в оболокахъ девят хоровъ стихъ агглъ, именно: Серафими огненніи з сердци горящими в рукахъ; Херувими, в крилахъ имѣючіи престол, з престолъ слави на сидѣни зготованим[2]);

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ надъ строкой слово «надпись» зачеркнута.

[2]) Описаніе херувимовъ не ясно въ подлинникѣ.

Господствія (sic) въ коронахъ, скипетри в руках держачіи; Сили въ шлемахъ з мечи и котами (sic)[1]) и проч., Власти, в руках свѣтъ держачіи; Начала, дховних и мирских начал знамена в рукахъ держачіи; Архангели з мѣрилами в руках; Аггли, дни в руках держачіи; надпис: *Благословите Господа вси аггли Его* (Псал. 102).

В шіи между окнами

12 стихъ апстолъ, койждо на каменехъ, въ Апокалипси писаних, стоят з хартиями исповѣданія вѣри, особъ стоячіи, именно: св. Петръ на камени гаспис; ст. Павел на камени сапфир; от.(sic) Іяковъ Зеведеовъ на камени халкидон; ст. евлстъ Іоанъ на камени смарагдъ; ст. Андрей на камени сордонибъ; ст. Матѳей на камеии сардій; ст. Филиппъ на камени хрисолитъ; ст. Ѳома на камени вариллосъ; ст. Варфоломей на камени топазіонъ; ст. Іяковъ Алфеовъ на камени хрисопрассон; ст. Симон Зилот на камени иакинфъ; ст. Іюда Іяковлъ на камени америстъ; надпис: *Сихъ двнадесяти посла Іс, заповѣдавъ им, гля: хотяще* (sic), *проповѣдуйте, глюще, яко приближися цртвіе нбсное* (Мат., 10).

Под стими апстолми, по рогам, спущєяся нижей, чтири евгелисти: ст. Матѳей з лиром(sic) члвка, ст. Іоаннъ з лицом[2]) ола(sic), ст. Марко з лиром(sic) лва, ст. Лука з лицом телца,—стий пророкъ Іезекіилъ(sic) в главѣ первой описаними.

4 фрамуги, на якихъ великая стоит глава:

1) Фрамуга на востокъ внутръ олтара; въ той писати в лаврових[3]) вѣнцах стителей израдиѣйших, сколко можно вмѣстити.

2) Фрамуга з полудня отъ предѣла ст. Іоанна Бгослова; в той писати сст. 70 апстоловъ в вѣнцах разиаго цвѣта, поегождо(sic) по имени очию(sic).

3) Фрамуга от полунощи предѣла ст. Стефана; в той малеват прорковъ разних въ лаврахъ или корпартиментахъ(sic).

4) Фрамуга от запада з приду (? sic!) в црквь; той маловат родъ Хрстовъ—царей, в Матѳеи въ 1 главѣ менованихъ а маловат в квѣтах от древа такъ, якъ от корене Іесеова.

---

[1]) Несомнѣнно должно быть: копіями?

[2]) Здѣсь «лиром» исправлено въ «лицом».

[3]) Въ оригиналѣ это слово написано съ разрывомъ, какъ два отдѣльныя.

Подъ фрамугою от предѣла вернего[1]) стаго Андрея, вновь вибитого, да подъ фрамугою напротивъ от предѣла Преображенія Хва, на стѣнахъ; такожде подъ трема фрамугами хору от западу и двохъ побочних, и на обоих сторонахъ подъ фрамугами хорними, вижей крилосовъ,—на тѣхъ всѣхъ сонми[2]) мѣстахъ малеват сонмъ стихъ вселенскихъ соборовъ, якъ найлучший, з писаній, что на якой дѣйствовалося собори[3]). В паперти, по правой сторонѣ от дверей, ко гробу прдибнаго Ѳеодосія, а далѣй за гробомъ просто на стѣнѣ малеват архимандритовъ печерскихъ преставлщихся, а по лѣвой сторонѣ от дверей просто но (sic! до?) іконостаса и за иконостас малеват ктиторовъ сто-печерских; вишше же ихъ, в довждъ(sic) проз всю папортъ (намалеват небо по преждием и звѣздами, а в звѣздах препдх печер.; на правой сторонѣ и на лѣвой стих князей и стлей російских, стих Антонія и Ѳеодосія въ двох болшихъ звѣздах, Бцу в слцу: посредѣ жена облеченна въ .....

В олтари великомъ)[4]). . . . . .

. . . . . .

За жертовником низу, под окном: оумовеніе ногъ; надпис: *Образ дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан., гл. 13).

Вышей сего, на правой сторонѣ окна: Петръ отрицается Хрста; вопрошающей его робини отвѣщает: *Не знаю человѣка* (Мат., глав. 26).

По лѣвой сторонѣ, тамже: Петръ, пѣтелю гласящу, кается, горцѣ рыдая: *Помяну Петръ гл Іисов, плакася горко* (Мат., глав. 26).

Над окном олтарним: мленіе Хрстово въ вертоградѣ и тріехъ оучниковъ спасеніе(sic); тамже, выше гзимса: небо и въ облаках агглъ, чашу и крстъ въ рукахъ держащій; надпис: *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мат., гл. 26).

На двох сторонах стѣнныхъ 12 страстей Хрстовихъ въ дванадцяти евліахъ, в пятокъ страстный обичнѣ чтомыхъ:

1 евліе страстей Хрствих: *Нынѣ прославися Сн чловчскій* (Іоан., глава 13)—Хрстос, сидя между учники, возведши очи на небо, завѣтъ творя, глет. . . . . .

---

[1]) Несомнѣнно, должно быть: верхнего.

[2]) Седми?

[3]) Очевидно, переписчикъ неправильно прочелъ здѣсь болѣе древнія сокращенія.

[4]) Эти взятыя въ скобки слова написаны на подчищенномъ мѣстѣ, мелко и видимо втиснуты въ текстъ, какъ пропускъ. Точками означены пробѣлъ и неразобранное мѣсто.

Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ нѣсколько строкъ.

2 евліе страстей Христовыхъ: *Изыде Іисъ со ученики своими на онъ паки потока Кедрска* (Іоан., глава 18)—Христос от Іуди лобзаніемъ предается, от спири и тисущника (sic) ятий и связанный ведется; Петръ урѣзуетъ оухо Малху, и прочая.

3 евліе страстей Христовыхъ: *Вонны, елше Іисса, ведоша къ Каяфѣ, архіереови, идеже книжницы и старцы собрашася* (Мат., 26)—Христосъ въ дому Каяфы пред книжники и старцы судятъся(sic); вины осужденія на свиткахъ подаются; 1 вина: *Аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ* (Іоан., 11); 2 вина: *Обрѣтохомъ Сего, развращающа языкъ нашъ* (Лук., 23); 3 вина: *Возбраняетъ кесареви дань даяти* (Лук., 23); 4 вина: *Глетъ себе Христа Цря быти* (Лук., 23); 5 вина: *Долженъ есть оумрети, яко себе Сна Божія сотвори* (Іоан., 18); 6 вина: *Всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю* (Іоан., 18); 7 вина: *Сей рече: могу разорити церковь Божію и тремы денми создати ю* (Мат. 26); Каіафа раздираетъ ризы своя, глаголя: *Хулу гла*; прочіим отвѣщающим: *Повиненъ есть смерти.*

4 евліе страстей Христовыхъ: *Ведоша Іисса от Каіафѣ въ претор* (Іоан., гл. 18)—Пилатъ въ претор судитъ Іисса, вадящим на не(sic) Іудеомъ, и, не обрѣте ю(sic) в Немъ вины, хощетъ пустити Его; но, прошеніем убѣжден, Варавву разбойника свободна творитъ; Іисса же, биенни(sic) и поруганя, предастъ, да распнется.

5 евліе страстей Христовыхъ: *Видѣвъ Іуда, предавый Іисса, яко осудиша* (Мат., гл. 27)—собраным въ церкви архиреом и старцем, пришед Іуда и раскаяся о преданіи Христовѣ, повергаетъ сребники, гля: *Согрѣшихъ, предахъ кровь неповинную*, и шед удавляется.

6 евгліе страстей Христовыхъ: *Вонны ведоша Іисса вънутрь двора, еже есть преторъ* (Мар., глав. 15)—Христосъ, от Пилата осужден на распятіе, в преторѣ от воиновъ поругаем, вѣнцем терновимъ вѣнчается, въ препруду облячится; тростію по главѣ біенъ бывает, заплеваемъ, *цръ іудейскый* іменуем и, аки црь, покланяемъ посмѣятелнѣ, от вои (?) претерпѣваетъ, потом паки во своя ризи одѣянъ на пропятіе оуготовляется.

7 евліе страстей Христовыхъ: *Пришедша на мѣсто, нарицаемое Голоѳа, еже естъ Краніево мѣсто* (Мат., глав. 27)—Іисъ ведется на пропятіе, нося крстъ, Симону Куринею помогающу, и приходитъ на мѣсто, оуготованное къ распятію, нареченное Краніево мѣсто; по Нем иде нѣкто от ученикъ Его издалеча и жены многія знаеми плачуще.

8 евліе страстей Хрстовыхъ: *Ведяху съ Іисомъ и ина два злодѣя с Ним оубити* (Лук., 23)—распятіемъ(sic) бываетъ Іисъ и с Ним два злодѣя, от вои и кнзей поругается, оцтомъ напаяется, метаются жребія о ризахъ, от злодѣя единаго хулится, а от другаго исповѣдуем бываетъ.

9 евгіе страстей Хртовыхъ: *Стояху при крестѣ Хрстѣ Мати Ею и сестра Мтере Его* (Іоанъ, 19)—Хрстосъ распятій въручаетъ Мтръ Свою стому апслу Іоану Бгослову, гля къ Мтри: *Се синъ Твой; потомъ къ ученикъ*(у?): *се Мти твоя*; таже слце померкаетъ, завѣса церковная раздирается на двое; Іисъ, рекши: *Совершишася, преклонь главу, предаде дхъ.* И, сія зря, сотникъ прославляетъ Бга, гля: *Воистину, Члвкъ сей праведенъ бѣ.*

10 евліе страстей Хрстовихъ: *Прийде Іосифъ, иже от Аримавея, благообразенъ совѣтникъ* (Мар., глав. 15)—Іосифъ стій, дерзновенно пришедъ въ домъ Пилатовъ, проситъ сняти с крста тѣло Іисово и погребсти е; Пилат оудивися скорой Хрстовой кончинѣ, призвавши сотника и от его увѣдавъ, соизволи дати тѣло Хрстово Іосифови.

11 евліе страстей Хрстовихъ: *Моли Пилата Іосифъ, иже от Аримавеа, оученикъ сый Іисовъ* (Іоан., глава 19)—Іосифъ и Никодим снемлютъ тѣло Хрстово с крста и, обвивши его ризами съ аромати, в вертоградѣ в гробѣ новомъ каменном погребаютъ и каменемъ великимъ покриваютъ, но(sic) якое погребаніе Магдалина Марія и Марія Іосіева смотряетъ(sic).

12 евліе страстей Хрстовыхъ: *Во утрій день, иже сст по пятцѣ, собрашася архіерее и фарисее и Пилатъ* (Мат., глава 27)—архіереи и фарисеи, въземіе кустодію от Пилата, поставляютъ у гроба Хрстова и печатю печатлѣютъ.

На фрамугѣ, при входѣ до жертвенника, писать фѣгури страстей Хрстовыхъ ветхаго завѣта:

1 фѣгура—Авелъ оубіенъ от Каина; надпис: *Каинъ закла брата своего* (1 Іоан.).

2 фѣгура—Авраам жретъ сина Ісаака; надпис: *Вѣрую приведе Авраам Ісаака* (Еврѣом, глав. 11).

3 фѣгура—Іосифа связанна в ровъ въметаютъ; надпис: *Ходите убіени*(?) (Быт., глава 37).

4 фѣгура—Іону в море ввергают; надпис: *Іону вьвергоша в море, и уста море* (Іоан., глав. 1).

5 фѣгура—агнецъ единолѣтній, на пасху жремий; надпис: *Іако Агнецъ на заколеніе ведеся* (Ітка [1]), глава 8).

6 фѣгура—змій, на древо вознесенний; надпис: *Всякъ оуяденный видѣвъ и оживетъ* (Числъ, глав. 21).

7 фѣгура—крстъ древяний, в хлѣбъ вложенний; надпис: *Вложим древо въ хлѣбъ его* (Іерѣмѣя, глава 11).

8 фѣгура—Мойсей каменъ оударяетъ; надпис: *Порази каменъ, и потекоша води* (Псал. 77).

9 фѣгура—левъ спячий; надпис: *Оусну, яко левъ бысть* (Глава 49).

10 фѣгура—слонце заходячіе; надпис: *Сяце позна западъ свой* (Псал. 103).

11 фѣгура—гроно виноградное, от двоих несенное; надпис: *Ходихомъ на землю, и се плодъ ея* (Числъ, глав. 13).

12 фѣгура—зерно пшенично в земли; надпис: *Аще зерно пшенично умретъ, многъ плодъ сотворит* (Іоан., гл. 12).

Тие всѣ 12 фѣгуръ малеватъ в компартиментахъ, размѣривши всю тую фрамугу занятъ.

Прибавочніѣ фѣгиры (sic):

13 фѣгира—Ное, вином упоенъ, обнаженъ поколѣла(sic), лежитъ (Быт.(?), глав. 9); надпис: *Аз бих поношеніе их* (Псал. 108).

14 фѣгура—Мойсей крстъ простер руки, на горѣ стояй, млится (Исход, 17); надпис: *Руцѣ мои на ополченіе* (Псал. 145).

15 фѣгура — Давид црь, гонимий от сна Авесо-лома и от Симся(sic), каменіем наметаем; надпис: *Се синъ мой ищетъ дши моея* (2 Царст., 16).

16 фѣгура—братія Іосифова ризу его окровлену показуютъ отцу своему Іаковъ(sic); надпис: *Познай, аще риза сна твоего естъ сіе* (Битія, 17).

17 фѣгура -- Ахіор, привязанний к древу от Олоферна (Юдие, глав. 7); надпис: *Прокленутъ и тіи, и ти благословищи* (Псал. 108).

18 фѣгура—члвкъ добра рода отходит на стран пріати царство; гражденно(sic) же(?) его, не любящіи его, послаша за ним, отрицающе имъ над собою црство; надпис: *Не хощем* (?), *да сей* (?) *царствуетъ над нами* (Лука, 19).

---

[1]) Исаія?

19 фѣгура — дѣлателе винограда убиваютъ сна домовита, присланнаго к ним; надпис: *Пришдѣте, убіем его* (Мат., 21).

20 фѣгура — жиди зиждутъ синагогу, камень, иже знаменуетъ Ха, проч от менутвше[1]), на яко(мъ?) и церковъ Хрства противо зиждется: надпис: *Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть въ главу угла* (Псаломъ 117).

Олтарь собора стаго архистратига Михаила якъ маетъ писатися:

Верху, вище кзимса, скроз в подовжъ небо, полно агглов цѣлыхъ, дополних и глави съ крилами, толко взывающихъ и глющихъ; *Ст , Ст., Ст., Гсдь Саваоѳъ; исполнь небо и земля слави Его* (Ісаи, 6). Сам же Гсдь Саваоѳъ, сѣдящий тамъ же на небѣ от бостока(sic), около его серафимы шестокрылныи стоят и тожде съ аггми поютъ лѣніе.

Нижей Бга Отца Богъ Дхъ Стий въ равной славѣ, что и Бгъ Оцъ, агглами окрестъ обстоимъ и славословимъ.

Нижей Бга Дха Стаго, под кзимсами, вижей окна, соборъ всѣхъ стихъ агглъ, имущъ посредѣ себѣ Хрста Младенца; вижей ихъ на хартіи писмо: *Кто, яко Гсдь Богъ нашъ, на высокихъ живочий и насмиреннія призираяй на небеси и на земли* (Псал. 112).

Нижей, под окном, седмъ аггловъ предстоящихъ: стий архангелъ Михаилъ з копіею(sic); ст. архангелъ Гавріилъ з лѣлѣею; стий Рафиил(sic) въ едной руцѣ Товію малаго, в другой врачевство держитъ; ст. архангелъ Уріилъ пламенній мечъ держитъ; ст. архангелъ Селапіилъ руку(sic) бичъ в рукахъ держитъ; Егудіилъ, руцѣ согбеннѣ и чотки на рукахъ держащъ; Варіилъ архангелъ, лѣлѣю, рожу и проч. цвѣтъ въ полѣ держащій; хартія над ними, и на хартіи сіа: *Видѣхъ седмъ аггл, иже пред Бгмъ стоя-ху*[2]) (Апок., 6).

На той же стенѣ по бокамъ окна: на правомъ боку, три аггли Авраамскии гостячии; надпис: *Явися Аврааму Богъ* (Бытіа, 18); на лѣвом боку, два аггла у Лота гостятъ; надпис: *Прийдоста два аггла, Лот же вставъ стрѣте я*(sic) (Битіа, 19); или: агглъ с небесе, возбраняющъ Аврааму жрети Ісаака, гля: *Аврааме, Аврааме! не возложи руки твоея на отрочища* (Битіа, 22).

---

[1]) «т» въ этомъ словѣ поставлено не на своемъ мѣстѣ и имѣетъ форму какой-то другой буквы.

[2]) «ху» написано отдѣльно отъ остальнаго слова.

На двоихъ сторонахъ в томъ же олтарѣ: на правой странѣ шест и на лѣвой шест вѣденій из Аполипса; на правой сторонѣ, первое вѣденіе (Апокалипсъ, глава 22)—Іоан кланяетъся агглу, агглъ же возбраняет, гля: *Виждъ ни кревритъ твой, убо есмъ Бгу поклонися.*

Виденіе 2 (Апокал., глава 1)—аплъ, стоящъ пред ортаремъ(sic), имущъ кадилницу злату полну ѳиміана; и се гласы, громи, блистанія и трусы великія; надпис: *Изыде димъ кадилній* [1]) *молитов стыхъ от руки аггла пред Бга.*

Вѣденіе 3 (Апокал., глава 14)—агглъ с книгою Еѵглія, летущъ посредѣ неба и глаголющъ: *Убойтеся Бга и дадите Ему славу.*

Вѣденіе 4 (Апокл., глава 18)—агглъ, сходящъ с небесъ, с областію и славою вопиею [2]), глющъ: *Паде, паде, Вазилонъ* (sic) *великій; тамо низу град Вавилонъ падетъ.*

Виденіе 5 (Апокал., глава 19)—агглъ стоитъ на слци и глетъ: *Прійдите, съберитеся на вечер великую Бжію.*

Виденіе 6 (Апокал., глава 11)—агглъ, вземши камень великъ, яко жерновъ, верже в море, гля: *Тако стремленіемъ верженъ будетъ Вавилонъ.*

Виденіе 7 (Апокал., глава 7)—чтири аггли стоят на четирехъ оуглехъ земли, держаще 4 вѣтри; тамъ же инъ агглъ от востока слца, имый печатъ, сі естъ, крстъ Бга жива, глющъ къ ним: *Не вредите на землю, ни море, дондеже запечатлѣемъ рабы Бга нашего.*

Виденіе 8 (Апокал., глава 10)—агглъ, стоящъ едною ногою на мори, а другою на земли, оболченъ въ облакъ, имый лице, яко слце, дугу(?) на главѣ, в руцѣ книгу разгбену, стій Іоанъ Богословъ, от рукъ аггла пріемълющъ; съ небесе гласъ: *Иди и приими книжницу разгнутую.*

Виденіе 9 (Апокал., глава 14)—облакъ свѣтелъ и на облацехъ сѣдяй подобенъ Сну члвчску, имѣяй на главѣ вѣнецъ златъ, а в руцѣ серпъ остръ; к нему же агглъ, из храма изшедий, глетъ: *Посли серпъ Твой и жни.*

Виденіе 10 (Апокал., глава 12)—бранъ на небеси: Михаилъ и аггли его змія, з единомислним его, свергаютъ с неба, и гласъ съ не-

---

[1]) Слово въ оригиналѣ написано раздѣльно.

[2]) Sic! веліею?.

беси: *Нынѣ бысть спасеніе и сила, и царство Бга нашего, и область Христа Его.*

Виденіе 11 (Апокалип., глава 20) — агглъ сходитъ с небесе, имущъ[1]) в рукахъ ключъ бездни и уже велико, и, емши съпадшаго змія с небесе и связавши, заключаетъ въ безднѣ на тисячу лѣтъ; надпис: *Видѣхъ агла, сходяща с небеси, имуща ключъ бездны* (Апокал., 20).

Виденіе 12 (Апокал., глава 21)—агглъ съ горы высокой показуетъ стому Богослову градъ Іерусалимъ, съходящъ съ небесе от Бга, гля: *Се скинія Бжія съ чловки* (Апокал, 21).

В томъ олтарѣ ст. Михаила, при царскихъ вратехъ, на фрамузѣ малевати слѣдующія:

1) Агглъ въ пустини при источницѣ води Агарѣ является; надпис: *Обрѣте Агаръ агглъ Гсда Бга у источника воды* (Бытіа, глава 16).

2) Лѣствица, утвержденна на земли до небесъ, аггли восхождаху и нисхождаху по ней, и Бгъ верху ея (Бытіа, 28); надпис: *Се лѣствица, и аггли Бжіи восхождаху и нисхождаху по ней* (Бит., 28).

3) Іаковъ стрѣтъ на пути аггловъ ополчившихся и глетъ: *Полкъ Бжій си* (Бытіа, 22).

4) Валаамъ, пророкъ языческъ, яздяй на осляти, ему же агглъ Бжій, стояй з мечемъ, претит (Числъ, 22); надпис: *Валаамъ узрѣ агла Бжія, предстояща на пути* (тамже).

5) Агглъ берется(sic) съ Іаковомъ; надпис: *Не пущу тебе, аще не благословиши мене* (Быт., глава 32).

6) Гедеону, млачащу пшеницу, являетъся агглъ: *Гсдь с тобою, мужу сылный* (Судей Ізраил., глава 6).

7) Агглъ явися Маною и женѣ его, благовѣствуя Сампсана(sic) сна, гля: *Се зачнеши и родиши снъ* (Суд. Ізрал., глав. 8).

8) Агглъ, поражаяй люди; Двдъ проситъ: *Азъ есмъ согрѣшивый, азъ есмъ пастыръ злостворивый* (2 книг. Царствъ, глава 24).

9) Ілію, стояща[2]) под садомъ, агглъ будитъ, гля: *Востани, яждъ и пій* (3 Царст., 19).

10) Снидѣ агглъ Гспднъ и уби[3]) от полку ассирійскаго сто восьмдесятъ пять тысячей (4 Царст., глав. 19).

---

[1]) Въ подлинникѣ исправлено изъ «ишущъ».

[2]) Спяща?

[3]) Въ этомъ словѣ первая буква отдалена.

11) Агглъ провадитъ Товію; надпис: *Аггль Гспднъ благій споспѣшитъ вся благая* (Товія, гл. 5).

12) Агглъ Рафіилъ(sic) стояй, Товіа же старый со всѣмъ домомъ падоша на землю; надпис: *Азъ есмь Рафіилъ*(sic) *аггль, единъ от седми, предстоящихъ пред Богомъ* (Товія, 12).

13) Агглъ Гспднъ въ пещи с трема отроки; надпис: *Благословенъ Бъ, Иже посла аггла Своего и изя отраки*(sic) *Своя. Аггль Гспдня отя*(?) *пламень огненный от пещи* (Даніил, 2).

14) Даніилъ в ровѣ между львами, тамъ-же и агглъ, возбраняй львомъ; надпис: *Богъ посла аггла Своего и затвори уста львова* (Даніил, 6).

15) Агглъ Аввакума з пищею несе к Даніилу в ровъ (Даніил, 14): *Аггль Гспдъ постави Аввакума в Вавилонѣ верху рва* (тамъ же).

16) Агглъ нощію изводитъ Петра ис темници; надпис: *Аггль Гспденъ нощію отверзе двери темничи* (Дѣян., 5).

17) Агглъ діакона Филиппа отсылаетъ до евнуха, гля: *Аггль Гспдъ рече къ Филиппу: востани и иди на полудне* (Дѣян., 8).

18) Агглъ Корнилія о Петрѣ возвѣщаетъ, гля: *Корниліе виде аггла Божія, сшедша къ нему* (Дѣян., 10).

19) Агглъ изводитъ Петра ис темници; надпис: *Аггль Гспдъ прійде, и свѣтъ восія въ храминѣ* (Дѣян., 12).

20) Агглъ Ірода поражаетъ; надпис: *Внезапу порази Ірода аггль Гспдъ* (Дѣян., 12).

Отче нашъ:

1) Бгъ Отцъ въ облацехъ; около Его на хартіи: *Отче нашъ! Иже еси на небесех.*

2) Імя Божіе, поеврейску писаное; аггли около, Стъ, Стъ, Стъ, глющіи: *Да стится Імя Твое.*

3) Триангулъ въ свѣтлости; около аггли и чловци, родовъ(sic)[1]) в два или в три, въ славѣ: *Да прійдет царствіе Твое* (Мат., 6).

4) Книга Евлія; надпис: *Да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли* (Мат., 6).

5) Рука, съ небеси подающая хлѣбъ; надпис: *Хлѣбъ нашъ насущній даждъ намъ днес* (Мат., 6).

6) Чловкъ, цар, должника кланяющася прощаетъ и долгъ отпущаетъ (Мат, 18): *Остави намъ долги наша.*

---

[1]) Вм. рядовъ.

7) Закхей, пред Хрстом стояй, возвращаетъ седмерицею, что в кого взялъ: *И ми оставляемъ должникомъ нашимъ.*

8) Древа плодородно; на немъ змій держитъ яблоко в устѣхъ; надпис: *Не поведи нас в искушеніе.*

9) Діавол, в образѣ лва, рикаяй, ходит, ища, кого поглотит (1 Пет. 5): *Избави насъ от лукаваго.*

10) Бгъ Отцъ на небеси, а на земли царіе—корони, вожди—щити и мечи, воини—пальми побѣдніе покладаютъ, глюще: *Твое естъ царствіе и сила и слава во вѣки. Аминь* (Мат., 6).

Блаженства (Мат., глав. 5):

1) *Блажени нищіи дхомъ, яко тѣхъ царствіе небесное:* Лазар нищій, при вратехъ богатого лежащій, его-ж душу аггли в царство несутъ (Лук., 16).

2) *Блжени плачущіи, яко тіи утѣшатся:* жиди, плѣненніи въ Вавилонъ, над рѣкою Вавилонскою сѣдяще, плачутъ.

3) *Блжени кротціи, яко тіи наслѣдят землю:* а Моисей, Ааронъ и прочіи евреи мѣрат въ наслѣдіе землю обѣщанную (Числ., 30).

4) *Блжени алчущіи и жаждущіи правди, яко тіи наситятся:* Мойсей, Авраамъ, Ісаия, Симеонъ и прочіи Хрста, Правду, от Бога намъ даннаго, ожидающіи.

5) *Блжени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ:* Товія, Іовъ и прочіи.

6) *Блжени чистіи сердцем, яко тіи Бга узрятъ:* Даніилъ пророкъ, Іосифъ, Іоанъ Богословъ и прочіи.

7) *Блжени миротворци, яко тіи снве Бжіи нарекутся:* Хс. Гсдь, посилай ученики Своя проповѣдати, глет к ним: *Глите: миръ дому сему* (Мат., 10).

8) *Блженни изгнанни правди ради, яко тѣхъ ест црство небесное:* Авель, Іоанъ Пртча.

9) *Блжени есте, егда поносят вы и нжденут ви, всяк золъ глъ на ви лжуще Мене ради:* Апстли стіи, на соборѣ обличени и изгнанни, радуются, яко за Імя Гсдне сподобишася безчестіе прияти (Дѣян., глава 5).

10) *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесехъ:* в небѣ аггли знаменія многие почестей держатъ; низу, на земли,

ость(sic)[1]) чловѣкъ, кождого блаженства по единому, зрящій на небо стоя, чающій пріяти кождо себѣ мзду.

Надпис вѣри: *Вѣроваша словеси Его* (Псал. 105).

Надпис любви: *Въ сердцу моем сокрих словеса Твоя* (Псаломъ 118).

Надпис надежди: *На словеса Твоя оуповахъ.*

З словесъ, яже на крстѣ:

1) *Отче, отпусти имъ, не вѣдят бо, что творят* (Лук., 23): Бгъ Отцъ горѣ въ облаках; Хс. же распятій въ тѣнѣ, въ далекости; под ним распинатели.

2) *Днесь со Мною будеши въ раи* (Лук., 23): Хс, распятій между двома разбойниками, въ тмѣ, глтъ разбойника(у?).

3) Хс распятій, гляй къ Матери Своей, под крестомъ стоячой: *Жено, се снъ Твой!* таже къ ученику, таможде сущему: *Се Мати твоя* (Іоан., 19).

4) *Или, или, лама савахфани* (Мат., 26): Хс распятій близ смерти в облаках; Богъ Отцъ въ мглѣ.

5) *Жажду*: губу напоенную оутом(sic)[2]) на трост воини вонзают; Хс распятій въ далекости (Іоан., 19).

6) *Совершишася* (Іоан., 19): шестий день, в онже соверши Бгъ вся дѣла, намалевать.

7) *Отче! въ руцѣ Твои предаю дхъ Мой* (Лук., 23): Хс на крстѣ, испущающъ душу; Бгъ Оцъ въ облакахъ, з ассистенцею стихъ аглъ, преклонся пріймуетъ.

8) Сотникъ, смотря на Хрста распятаго, исповѣдуетъ: *Воистину, Чловѣкъ сей Снъ бѣ Бжій* (Мар., 15).

9) Гробъ Хрстовъ каменемъ великим приваленъ, и мироносици отдалече в мрацѣ присядятъ: *Пріемъ тѣло Іосифъ и положи е*[3]) *в новомъ своем гробѣ* (Мат., 26).

10) Крстъ на Голгофѣ и прочая орvдія(sic)[4]) стих страстей.

7 добродѣтелей ествних и преестественних:

1) Вѣра—книга Evлie; надпис: *Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ* (2. Кор, 12).

---

[1]) Осмъ?

[2]) Вм. оцтом.

[3]) Въ подлинникѣ слова: «и положи е», написаны слитно.

[4]) Въ срединѣ слова вм. «у»—«v».

2) Люби (sic)[1] — сердце горящее; надпис: *Держитеся любви*[2] (1 Кор., 14).

3) Надежда — котва; надпис: *Упованіе, аки котву, имами души тверду и извѣстну* (Евр, 6).

4) Стій апстлъ Павелъ з хартиею; на ней: *Нинѣ пребиваютъ вѣра, надежда, люби*(любы?)—*трое сіе* (1 Кор., 17).

5) Цѣломудріе — лоза виноградная, отребленая ножем; надпис: *Да множайшій плод принесет* (Іоан., 15).

6) Разумъ — глава, имущая очеса напреди и заб(д?)и; надпис: *Вѣсть прежняя и бити хотящая разсмотритъ* (Премудрост., глав. 8).

7) Правда—мѣрило равномѣрно; надпис: *Возлюбѣте правду судящіи землю* (Премуд., 1).

8) Мужество — домъ, на камени созданний; надпис: *Не падеся, основана бо бѣ на камени* (Мат., 6).

9) Соломонъ съ хартиею; на ней: *Цѣломудрію и разуму премудрость учит, правдѣ же и мужеству, ихъ же потребнѣе ничтоже ест в житіи члчском* (Прем., 8).

10) Премудрости созданній храм; въ немъ же трапеза; на ней хлѣбъ и вино; надпис: *Премудрост уготова свою трапезу* (Прит., 9).

Степеней клиричества 9.

1 степен—дверникъ, одѣянъ въ подстихар, ключи держитъ.

2 степень—заклинатель, въ подстихарѣ, з крестом и ст.[3]).....

3 степень—свѣщеносецъ, въ подстихарѣ, с свѣщею.

4 степень—чтецъ, в подстихарѣ, съ книгою Апстлом на амвонѣ: стый мч. Тимофей; мая 3.

5 степень—пѣвецъ, въ подстихарѣ, з Псалтирю на амвонѣ: ст. Романа пѣвца.

6 степень—поддякон, въ стихарѣ, накрест опоясан, крстъ на процесіи носяй.

7 степень—діакон, в стихарѣ, з ораремъ, рипиду держитъ: ст. мч. Лаврентій.

---

[1]) Несомнѣнно, должно быть «любы».

[2]) «Любви» исправлено изъ «любве».

[3]) Точками означено слово, которое невозможно прочесть, потому что переписчикъ XVIII в., по всей вѣроятности, не разобравъ его, срисовалъ; нѣкоторое сходство замѣчается со словомъ: «Библія».

8 степень—іерей, в ризах, ст. Еѵліемъ: Іосиф пресвитер; ноемвріа 9.

9 степень—архиерей, въ одеждѣ стителской, съ крстомъ: стый Іоанъ посник, потриярх цариглад(sic); септемвр 2.

Тако нас да непщуетъ[1]) *члвкъ, яко слуги Хртви и строители тайнам Бжіим* (1 Кор., гл. 4).

Седмъ покаянія образи:

Ст. Петръ апслъ плачущійся; хартія: *Помяну Петръ глъ Іисовъ, и извед*(sic) *вонъ*[2]) *горко* (Мат., глава 25).

Ст. апст. Павел з посланіем: *Нѣсам достоин нарещися апстлъ, зане гоних црквь Бжію* (1 Кор., гл. 15).

Ст. црь Двдъ з хартиею: *Тебѣ единому согрѣших* (Псал. 50).

Ст. Димса розбойникъ с крстом; на хартіи: *Помяни мя, Гсди, егда*[3]) *приидеши во царствіи си* (Лук., 25).

Закхей митаръ; писаніе: *Се полъ-имѣнія*[4]) *моего даю нищимъ.*

Ст. Марія Магдалина: *Отпущаются грѣхи ея мнози, яко волюби*(sic) *много* (Лук., 7).

Манасія, црь іудейский: *Согрѣших, Гсди, согрѣшилъ и беззаконія моя азъ свѣмъ* (Молит. Манасіи, цар іудейского).

По сторонам фрамуги црских вратъ[5]):

Два херувими з надписаніемъ; на едной сторонѣ над херувимом: *Херувими славы*; на другой сторонѣ над херувимом: *Осѣняющіи олтар.*

Іереи, глава 9.

Имуще дерзновеніе, братіе, въходъ Стихъ кровію Іисъ Хрстовою, его же обновил есть намъ путь новъ и живъ завѣсою, сирѣчь плотію Своею, и Архиереа[6]) *велика въ дому Божіи, да приступаемъ со истинним срдцемъ и извѣщеніемъ вѣры, очищени срдца от совѣсти лукавія и измовени тѣлеса водою чистою, да держимъ исповѣданіе, упованіе неуклонно* (к Еѵреом, глава 10).

---

[1]) Первая половина слова написана отдѣльно отъ второй.

[2]) «Плакася»—пропущено.

[3]) Въ словѣ «егда» буква «г» изображена въ видѣ вертикальной черты.

[4]) Это слово написано раздѣльно, а «сеполъ» слитно.

[5]) Эти два слова замѣняютъ два зачеркнутыхъ «дверной двоим».

[6]) Въ этомъ словѣ буквы «а» и «р» отдѣлены отъ остальной части его.

Имами олтарь, от негоже не имутъ власти ясти, служащіи сѣни.

Тѣмъ же Іисъ да остить люди Своею кровіею внѣ вратъ пострадати изволилъ; тѣмже оубо исходим к Нему внѣ стана, поношенія Его носяще, не имами бо здѣ пребывающаго гриба(sic), *но градущаго*[1]).

Взискуемъ, тѣмъ же оубо приносим жертву хваленія выну Богу сирѣчь[2]).

Плодъ оустенъ исповѣдающихся имени Его.

Благотворенія же и общенія не забивайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ (к Евреом, глава 8).

Црство непоколѣбимо пріемлющу имами блюдат, еюже служимъ благоугодно Бюви съ благоговѣніемъ и страхомъ, ибо Бъ нашъ огнь подаяй естъ (к Евреом, глава 12).

Приступисте къ Сионстей горѣ и ко граду Бга живаго, Іерслиму нбсному, и тмамъ аггловъ, торжествуй, и церкви первородныхъ, на нбсѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Бгу, и дхом прѣдникъ совершенныхъ, их Ходатаю завѣта новаго Ісу и крови кропленія, лучше глящей, нежели Авелева (къ Евр., гл. 12)[3]).

Врата трои на сѣверъ	врата Рувимля врата Іудина врата Левіина	Врата трои къ югу	врата Симеона врата Исахарови врата Завулоня
Врата трои на востокъ	врата Іосифова врата Веніаминова врата Данова	Врата трои къ морю	врата Гадова врата Асирова врата Неѳалимля (Іезикіилъ, глав. 48).

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ.

[2]) Здѣсь также пробѣлъ.

[3]) Послѣ слова «первородныхъ» находится пробѣлъ въ полстроки и всѣ затѣмъ остальныя слова текста написаны густо и мелко, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы не дѣлать переноса на слѣдующую страницу, которая вся занята исчисленіемъ «вратъ».

У жертвенницѣ при огнѣ:

Пятъдесят мужъ съ пятдесятникомъ стыи Іліа, на горѣ сидя, огнемъ, съ небесе падшимъ, попаляетъ (4 Царст, глава 1).

Или: Надавъ и Авсудъ(sic), сыни Аарона, чуждимъ огнемъ в кадилницахъ кадящіи, огнемъ, съ небесе падшим, потребляются (Левит, 10).

Тамже у жертвенници при умивалницѣ:

Неемамъ(sic) сyріанинъ въ Іордани погружается (4 Цар., 5).

Тамже у жертвенницѣ:

Купелъ Силоамля: агглъ, возмущаай воду (Іоан., глава 5).

1) Неясит пустиннія уподобилъся неясити пустин (Псалом 104).

2) Агнецъ закланний: *Азъ, яко агнецъ крокий*(sic), *иже носится къ жертвѣ* (Іеремея, 8).

3) Древо дубъ, листвія распростерто имѣяй: *Азъ, яко дубъ, распрострот вѣтвія Моя* (Іс. Сирот.(sic), глава 24).

4) Лоза виноградная обрѣзаема: *Да множайшій плод пренесет* (Іоан, глава 15).

5) Ст. Мойсей, жезломъ поразивъ камен, изводит воду: *Порази камень и потекоша воды* (77 псал.). *Камень бѣ Хс* (19 Co ro(sic) [1]).

6) Манна съ небесе падующая: *Брашно посла им до обилія* (77 псал.); Мойсей стоя жезломъ показуетъ на Хса распята: *Се хлѣбъ, Иже дастъ Гдь яи*(sic) *вам* (Герое(sic), глава 16) [2]).

Надпис вѣры: *Вѣроваша словеси Его* (Псал. 25); надпис люби(ы?). *В сердцу моем скрих словеса Твоя* (Псаломъ 118); надпис надежди *На словеса Твоя оуповах.*

Шестъ аггловъ з хартіами:

1 агглъ з хартіею; на ней: *Принесѣте Гсдви отчествія языкъ.*

2 агглъ з хар.; на ней: *Принесѣте Гсди славу и честь.*

3 агглъ з хар.; на ней: *Принесѣте Гсди славу имени Его.*

4 агглъ з хар.; на ней: *Принесѣте жертви и входите во двори Его.*

---

[1]) Ссылка эта несомнѣнно срисована переписчикомъ.

[2]) Въ подлинникѣ почти по срединѣ страницы проведена черта, которой, какъ будто, что-то отдѣлялось.

5 агглъ з хар.; на ней: *Поклонѣтеся Гсдви во дворѣ стомъ Его.*

6 агглъ з хар.; на ней: *Рцыте во языцѣхъ, яко Гсдь воцарися* (Псаломъ 95)[1]).

. . . . . .

1) Агглъ, руцѣ согбени имѣяй: *Жертва Бгу дхъ сокрушенъ.*

2) Сердце, чтерми гвоздми прободенно, на олтар леж.: *Срдца сокрушена и смиренна Бгъ не уничижит.*

3) Кадило на олтари курится: *Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою.*

4) Ст. трiе отроки въ пещи горящой молятся дшею сокрушенною и дхомъ смиренним: *Да прияти будемъ.*

5) Агглъ з хартiею; на ней: *Пожри Бгви жертву хвалы, и воздажди Вишнему обѣти твоя* (Псал. 49).

6) Ст. проркъ Давидъ кающiйся: *Пожрите жертву правди и оуповайте на Гда* (Псал. 4)[2]).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Пророки:

Хартия—Моисей: *Благословенiе, аще послушаете заповѣди Га Бга; клятва же, аще не послушаете* (2 закон., глав. 1).

Хартiя—Ааронъ[3]): *Млю Тя, Гсди: не возлагай на ны грѣха* (Чис., гл. 12).

Хартiя—Iсусъ Навин: *Убойтеся Гсда; послужите Ему правдою и истиною* (Iис. Нав., 29).

Хартiя—Гедеонъ: *Гсди, Гсди, видѣх агла Бжiя лицем къ лицу* (Суд. Iлѵ(?)[4]) 6).

Хартiя—Ефоай: *Гсди, что изидетъ из вратъ домъ моего противъ мнѣ, да будетъ се Гсдви* (Суд. Iил., гл. 11).

Хартiя—Маное: *Гсди, члвкъ Бжiй, егоже посла, да прiйдет къ нимъ*(?) (Суд. Iил., гл. 15).

Хартiя—Самсонъ: *Аднай Гсдь, Гсди силъ, помяни мя нынѣ и оукрѣпи мя* (Суд. Iил., гл. 16).

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ одна строка пробѣла.

[2]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ въ 4—5 строкъ.

[3]) Первое «А» отдѣлено.

[4]) Эти буквы написаны по предположенiю.

Хартія—Самуилъ: *Бойтеся Бга и работайте Ему по истинѣ всѣмъ сердцемъ* (Цар., 12).

Хартія—Давидъ: *Се есть домъ Божій и се олтар на всесожженія Іилю* (Парал., 22).

Хартія—Наѳанъ: *Гсдь отятъ согрѣшеніе твое от тебе, не имаши умрети* (2 Цар, глава 12).

Хартія—Самѣи(?) (3 Reg., 12(?)): *Глетъ Гсдь: не взидѣте, ни побѣдитеся съ братіею своею, съ снами Іилевими* (3 Цар., 12).

Хартія — Илія: *Ревнуя, поревновахъ по Гсдѣ Вседержителѣ* (2 Цар., гл. 19).

Хартія—Елисей: *Отче, Отче, колесница Іилева и конници ея* (4 Цар., глава 2).

Хартія—Варакъ: *Азъ*[1]) *Гсдеви воспою и восхвалю Бга Израилева* (Суд. Іилевъ, 5).

Хартія—Ананія: *Благословенъ Бгъ отецъ нашихъ, препѣтый и превозносимый во вѣки* (Прор. Даниил, глава 3).

Азарія: *Благословенно имя славы Его стое* (Прор. Дан., глав. 3).

Мисаилъ: *Благословенъ еси на прѣтолѣ царствія Твоего* (Прор. Дан., глава 3).

Хартія — Варухъ: *Великъ дар Божій и долго мѣсто власти Его* (Вар., глав. 3).

Хартія—Захаріа: *Благословенъ Гсдь Бгъ Ізраилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людем Своим* (Лук., глав. 1).

Ст. прор. Ахіа (3 Reg. 12(?)): *Воставит Себѣ Гсдь царя над Илемъ, и накажетъ Гсдь Бгъ Іиля* (3 Цар., глав. 14).

Азария: *Гсдь съ вами, яко бисте съ Нимъ* (2 Парал, 15).

Іозіилъ: *Со упованіемъ стойте, узрите помощь Гсдню* (2 Парал, 20).

Еліезеръ: *Яко имѣлъ еси любовь со Ахозіею, порази Гсдь люди твоя* (2 Парал, 20).

Одидъ: *Се гнѣвъ Бга отецъ нашихъ противо Іюди* (2 Парал, 20).

Ездра: *Благословенъ Гсдъ Бгъ отецъ нашихъ, Иже даде въ сердце цареви, да прославит домъ Гсдень, иже въ Іерусалимѣ* (1 Ездра).

Неемія: *Бгъ нбси; той Бгъ нашъ* (Неем, 2).

Товія: *Благослови, душе моя, Гсда, яко свободи Іерлимъ, градъ Свой, от всѣхъ скорбей* (Товія, 13).

---

[1]) За этимъ словомъ слѣдуетъ пробѣлъ въ подлинникѣ.

Іовъ: *Гсдь дасть, Гсдь взятъ; буди имя Гсдне блаюсловенно во вѣки* (Іовъ, 1).

Енохъ: *Се прійдетъ Гсдь тмах стыхъ аггъ Своихъ сотворити судъ* (Іюда, 1).

Сумеонъ: *Видѣстъ очи мои спніе Твое* (Лук , 2).

Ахіоръ: *Бъ нбсный защитель ихъ естъ* (Юдиѳ, 5).

Елкана: *Прославляющаго мя прославлю, и, уничижай мя, безчести будетъ* (1 Цар., 2).

Хартіа—Елдадъ: Числъ, 11.

Хартіа—Модадъ: Числъ, 40.

Хартіа—Еву: *Нечестиву ли даеши помощь* (2 Парал, 19).

Хартіа—Агавъ: *Мужа, егоже ест поясъ сей, тако свяжутъ въ Іерслимѣ* (Дѣян., 21).

На прорки всѣхъ мѣсцъ, с прежднимиⁱ) кулками, 33.

Гадъ—хар.: *Избери самъ себѣ, что хощеши* (2 Цар., 24).

Хар.—Самей: *От Гсда бистъ глъ сей* (3 Цар., 12)

Хар.—Аддо, или Іоамъ: *Се олтарь разсядется* (3 Цар., 15(?)).

Хар.—Ананаія(sic): *Се азъ отверзу наслѣдіе Вааса* (3 Цар., 16).

Ликъ пророков оуже намалю(вавъ?)[2]).

1) Іаковъ, братъ Гсднь.

2) Семіонъ, братъ Гспднь.

3)[3]). . . . . .

4) Ананіа.

Іосія: *Нѣсть истыни, ни млсти, ни свѣдѣнія Бжія; на земли, клятва, и лжа, и убой, и татба и любодеаніе розсиполося по земли* (4 глава).

Іоиль: *Остите пост, проповѣдите цѣлбу, соберите старци и вся живущіа на земли в дом Бга вшего* (1 глав.).

ⁱ) Послѣдній слогъ написанъ отдѣльно.

²) Эта строка, написанная, очевидно, художникомъ на древнемъ оригиналѣ, такъ же какъ и слѣдующіе двѣ строки, несомнѣнно ошибочно вставлены сюда переписчикомъ XVIII в. съ другаго листа; при 3-мъ имени переписчикъ замѣтилъ свою ошибку, остановился, оставивъ пробѣлъ, и началъ продолжать имена пророковъ; но такъ какъ имя Ананіи было уже написано, то и здѣсь переписчикъ остановился, оставивъ лишь другой пробѣлъ; нельзя не видѣть въ этой ошибкѣ, что переписчикъ, по невнимательности, взялъ одинъ листокъ вмѣсто другого.

³) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ въ одну строку.

Амосъ: *Взищите добра, а не зла, яко да живете; и будетъ с вами Гсдь Бъ Вседержитель* (5).

Авдій: *Якоже сотвори, сице будетъ ти* (1).

Іона: *Елико обьщахъ, воздамъ тебѣ в спніе мое, Гсдви* (2 глав.).

Михея: *Гсдь свѣтъ мнѣ* (1 глав.).

Наумъ: *Гсдь терпеливъ, и велика крѣпостї Ею* (1 глав.).

Аввакумъ: *Презоривый и обидыевій муж и величай, еже ничесоже не скончаетъ* (2 глав.).

Софоніи: *Убойтеся отъ лица Гсда Бга, зане близ день Гдн* (1 глав.).

Аггей: *Созиждите храм,—и блговолю в нем и прославлюся, рече Гсдь* (1 гл.).

Захарія: *Злоби койждо брата своего да не помните, ни вражди в сердца своих* (7 глав.).

Малахіи: *Внятъ Гсдь, и услыша, и написа книги памятніи пред Собою боящимся Гсда и говѣющим Имени Его* (3 глав.).

На хартіяхъ святыхъ апостолъ напис:

1) Петръ: *Благословенъ Бъ и Отецъ Гсда нашего Іиса Хрста, пррождей насъ во упованіе живо* (1 Петръ, 1).

2) Павелъ: *Единъ Гсдь, една вѣра, едино крещеніе, единъ Бъ и Отецъ всѣхъ, Иже надъ всѣми и всѣми и во всѣхъ насъ* (Ефес, 4).

3) Іаковъ Зеве.: *Миръ братіи и любовь съ вѣрою от Бга Отца и Гсда Іиса Хрста, блдть со всѣми любящими Гсда нашего Іиса Хрста въ нетлѣніи. Аминь* (Ефес, 6).

4) Іоанъ: *Утѣшителя имамы ко Отцу, Іиса Хрста, Праведника, и Той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ точію, но и всего мира*[1]) (1 Іоанъ, 2).

5) Андрей Первоз: *Обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо Хрстсъ* (Іоанъ, 1).

6) Филиппъ: *Ею же писа Моисей въ Законѣ и пррцы, обрѣтохомъ Іиса, Иже отъ Назарета* (Іоанъ, 1).

7) Ѳома: *Гсдь мой и Бъ мой* (Іоанъ, 20).

8) Варѳоломей: *Единому Премудрому Бгу, Іису нашему, Іисъ Хрстомъ, Гспдемъ нашимъ, слава и величіе, держава и власть прежде всего вѣка, нынѣ и во вся вѣки. Аминь* (Іуда, гл. 1).

---

[1]) Въ подлинникѣ «все ѡмра».

9) Матѳей Митар.: *Хс Іисъ прійде в мир грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим., 1).

10) Іаковъ Алфеов: *О всемъ да славится Бъ Іисъ Хрстомъ, Ему же есть слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь* (1 Пет., 4).

11) Симонъ Зилотъ: *О имени Іисовѣ всяко колѣно поклонится нбсныхъ и земних и преисподних, и всякъ и исповѣсть, яко Гсдь Іисъ Хрстс во славу Бга Отца* (Фил., 2).

12) Іуда Іаковль: *Гсди, что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мирови* (Іоанъ, 4).

У ст. Іоана: *В началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бга, и Бъ бѣ Слово* (Іоанъ, 1).

У ст. Матѳея: *Роди Сына Своего Первенца и нарече имя Ему Іис* (Мат., 1).

У ст. Мар.: *Іисъ крестися от Іоана в Іордань, видѣ Духа, яко голуба, сходяща и глас* (у ст. Луки) [1] *быст съ нбсе; Ты еси Снъ Мой возлюбленній, в Немже благоволит* (Мат., 1).

Духъ [2] *Стый найдетъ на Тя, и сила Вишняго осѣнитъ тя; тѣмъ же и Раждаемое от Тебе Стое наречется Снъ Бжій* (Луки, 1).

1) Црь Соломонъ з хартіею; на ней: *Все сотвореніе приведетъ Бъ на судъ во всякомъ презрѣнія, ащели блю, ащели лукаво* (Еккле-сіастъ, глава 12).

2) Стый прорк Ісаия з хартіею: *Гсдь на судъ пріидетъ со старци людей и с кнзи ихъ* (Глава 3).

3) Стый проркъ Іоиль з хартіею: *Великъ день Гсдн, великъ и свѣтелъ зѣло, и кто стерпитъ его* (Іоиль, глава 2)?

4) Стый проркъ Малахіа с хартіею: *Се Гсдь Вседержитель, и кто стерпит день пришествія Его, и кто постоитъ въ видѣніи Его* (Глава 3)?

5) Стый проркъ Даніилъ з хартіею: *Судище сѣде, и книги отверзошася* (Глав. 6).

6) Стый апслъ Филиппъ з хартіею: *Паки грядущаго со славою судити живихъ и мертвих.*

---

[1]) Эти слова «у ст. Луки» вставлены сюда по ошибкѣ и должны быть помѣщены двумя строками ниже, гдѣ начинается текстъ изъ Евангелія Луки.

[2]) Здѣсь словъ «у ст. Луки» недостаетъ; они вставлены, по ошибкѣ переписчика, двумя строками выше

7) Стый Іеронимъ — во оужасѣ[1]) двѣ трубѣ; една къ одному, другая къ другому оуху, сія глютъ словеса: *Востанѣте, мертвіи, грядѣте на суд!* Там же при нем на хартіи, любо без хартіи, сія: *Аще ямъ, аще пію, аще ино что творю, — всегда гласъ во ушесех моихъ сей слышу, гласящій: востанѣте мертвіи, грядѣте на судъ! Колико день суда помышляю, ввесь дшею и тѣломъ содрагаюся; тако в настоящимъ вѣцѣ веселитися должно, яко да всегда*[2]) . . . . . *грядущаго суда горесть въ памяти пребиваетъ* (Ст. Іерним на Матѳея).

8) Стый Ефрем Сѵринъ з хартиею: *Во истинну страшенъ есть и великъ день судный; страшно вспмъ тако судище, яко без свидѣтеля явятся вся дѣла же и рѣчи, и помысли, и хотѣнія, егда тайни нша страшній Судія на свѣтъ изведетъ вся* (Ефрем, слово 84 о судѣ).

Стму Герману, патріарху цариград., на книзѣ писанна: *Призри на ны, недостойныя раби Твоя, стому Твоему сему жертвеннику, яко херувимскому предстоящыя прстлу, на немже Единородный Снъ Твой и Бгъ нашъ предлежащихъ ради страшныхъ таинствъ преполчиваетъ, и ости всѣхъ насъ, да, бжественныхъ сихъ причащающеся стнѣ, соединимся самому Хрсту, истинному Бгу нашему* (Молит. лѵтур. преждесщен.).

Оу стаго Павла на книзѣ: *Да скажется нн началомъ и властем на нбсныхъ црковію много различная премудрость Бжія* (Ефес, глав. 3).

Оу стаго Дионисіа Ареопагита: *Нбсное естество все в девяти именах бюсловія изясняетъ, яже Бжественний Оучитель въ три тройственная расположи раздѣленія: первое сіе, иже неотступно съ Бюм пребывать и Ему прилѣпляется и паче всѣхъ непосредственнѣ соединяется, стѣйшіи бо прстли и многоочитіи и шестокрилніи чины, херувим еврейским именем и серафим нареченніи, прежде всѣхъ ближайшіи Бюви предстоятъ; второе — власты, господствія, силы; третіе и нбсныхъ іерархіи конечное англовъ, архангловъ, начал раздѣленіе* (Стый Діонисій в книг Цркѵной іерархіи, глав. 6).

Оу стаго Іероѳея: *Хрстосъ, Снъ Бжій, Совершенній въ насъ несовершенихъ и в совершенныхъ ангелахъ, више совершенія и никоегоже съ ними въ совершеніи имѣяй соравненнея* (в книзѣ: О именах Бжественних, глав. 2, стый Діонисій).

[1]) Ушесѣхъ?.

[2]) Пробѣлъ въ оригиналѣ.

Чинъ, число стыхъ соборовъ помѣстних; всѣхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ:

1) Соборъ Антіохійскій, помѣстный, на Павла Самосатенскаго, епспа антіохійскаго, глагвшаго Хрста проста быти члвка; его же, сана и престола извергше, анаѳему предаша; быст в лѣто Гсдне 272, при Авремѣ(sic) царь.

2) Помѣстный собор, иже въ Анкирѣ, митрополіи Галатийской, бистъ по смрти Максимиана мучителя, въ року 300, о семъ, како подобает отвергшихъся Хрста и паки кающихъся пріймати; сей стій собор изложи правилъ 25.

3) Помѣстный собор третій въ Неокесаріи, градѣ Каппадокійскомъ, въ лѣто (три)[1]) триста четвертоенадесят, при[2]) Ликинію мучителю, быст тринадесяти стыхъ епспъ, тіи, иже прежде въ Анкирѣ бяху; иматъ правилъ пятнадесятъ[3]).

4) Помѣстный собор Янгрійскій в Янгрѣ, четвертій[4]), Пафлигонійскомъ(sic) градѣ, по Никейскомъ первом соборѣ, въ року триста тридесятомъ, при Константинѣ црѣ, сынѣ великого Константина, бистъ на Евстафіа еретика; иматъ правил двадесят.

5) Помѣстный собор бистъ въ Антіохіи Сарстѣ(?), пятій, року триста четиредесятого, при Константинѣ царѣ, сынѣ великого Константина, по(пя)ти[5]) лѣтехъ скончанія его, имат правил церковныхъ 25, двадесят пять.

6) Помѣстный собор бысть въ Лавдикіи, шесный, градѣ Фригистемъ, року триста четиредесятъ пятого; тридесятъ два епсни написа к церковному устроенію правил 58.

7) Помѣстный собор въ Сардиніи бысть року седмидесятъ осмъ, при царѣхъ, великого Константина царя снехъ, Костантіи и Константину, триста четиредесятъ девятого: стыхъ отцъ 341[6]), идеже символъ Никейскій оутвердися и правила церковные 21[7]) написаны.

---

[1]) Слогъ «три» дважды повторенъ.

[2]) Слова «тоенадесят при» приписаны на поляхъ другимъ почеркомъ и чернилами.

[3]) Зачеркнуто: «тоенадесять».

[4]) Здѣсь несомнѣнно перепутаны слова.

[5]) Пропущенный слогъ «пя» надписанъ надъ строкой.

[6]) Зачеркнуты въ подлинникѣ слова: «триста четиредесять единъ». Надъ цифрами 341 и 21 въ подлинникѣ стоитъ ихъ славянское изображеніе.

8) Помѣстный собор, иже осмій, въ Карѳагене бысть, в року 410 двадесять едино, въ царство римско Онор[1]) константино-полского[2]) Ѳеодосіа Малаго, 217, четириста десятомъ, стых оцъ[3]) 138 (двѣстѣ седмнадесять) (имат правил)[4]) сто тридесять осмъ[5]).

На дванадцати при входѣ въ церковь штопахъ:

1) Стіи апстлы Петръ и Іоанъ хромого, пред дверми церковними лежаща, исцѣлиста, гля: *Еже имамъ, сіе ти даю: во имя Іиса Христа востани и ходи* (Дѣян., глава 3).

2) Хс 38 лѣтъ члвка, при овчей купели лежаща, здрава творитъ, гля: *Востани, возми одръ твой и ходи* (Іоаннъ, 5).

3) Пять дѣвъ мудрихъ съ свѣтилники горящими; надпис: *Готовыя вныйдоша на бракъ* (Іоаннъ, 15).

4) На немъ же бяху пять дѣвъ буихъ, глющіи: *Гспди, Гспди, отверзи намъ! Отвѣщаетъ: не вѣмъ васъ* (тамже).

5) *Петръ, изшедъ вонъ, плачетъ горко* (Мат., 26).

6) Павелъ, облиставщу свишше свѣту, падъ на землю: *Гспди, что мя хощеши творити* (Дѣян., 9).

7) Другъ толцетъ у двери друга, прося трехъ хлѣбовъ: *Просьте, и дастся вам; толцьте, и отверзется* (Лука, 11).

8) Лазар, лежай пред враты, гноенъ, нищъ: *Лазар лежай пред враты* (Лука, 16).

9) Блуднаго сна пріемлетъ отцъ: *Возвращающаюся пріемлетъ отцъ* (Лука, 15).

10) *Не браните дѣтемъ приходити ко Мнѣ* (Мат, 19).

11) Члвкъ, молящійся благоговѣннѣ: *Кто взидет на гору Гсдню или кто станетъ на мѣстѣ стомъ Его, неповинныи рукама и чистъ сердцемъ* (Псал., 23)?

12) Стій прорѣкъ Давидъ, моляйся: *Вныду в домъ Твой, поклонюся къ церкви стѣй Твоей* (Псал., 5).

1) Стій Василій Великий, архіепспъ Кесаріи Коппадоки, з хартією либо книгою; на ней: *Еретикъ естъ, иже вѣрою чуждъ; а иже по-*

---

[1]) Пробѣлъ въ оригиналѣ.

[2]) Это слово въ подлинникѣ раздѣлено на два.

[3]) Зачеркнуто здѣсь «имат правил», а дальше эти слова надписаны надъ строкой.

[4]) Въ описаніи этого собора слова совершенно перепутаны переписчикомъ.

нѣкоему незнаему вопрошенію, той есть расколникъ; собирающій же сихъ или о инѣхъ непокориви; сіи суть подцерковници, иже, отлучившеся сами от соборныя цркве и иную создавше, особно собираются, и прочая; от еретика крещеніе непріятно, от расколника же и от подцерковника приятно (Глава 21, 22, 23, 24, 25: к стму Амфилохію, Діодору и инѣмъ посланная правила ст. Василіа, 90).

2) Стый Діонисій, архіепспъ александрійскій, з хартіею; на ней: *Вопрошающымъ насъ: в который час начати подобаетъ о воскресеніи Гсдни радост, отвѣщаетъ имъ: яко засвѣта и прежде нощи вечеряютъ, якоже малодушныи и невѣжливыи, повинуем; до четвертіа стражи нощи претерпѣвающія похваляемъ; среди же сею времени вечерявшим не стужаемъ* (Глава 26 и прочая тогож стаго канона, 4).

3) Стый Петръ Александрійскій съ хартіею; надпис: *Среду и пятокъ да постимъся; понеже среди бо есть того ради честъ имуще, яко в ню на Хрство преданіе совѣтъ бысть; въ пятокъ же спасенная страсть; в неделю же, радующеся воскресенія Хрства, на колѣнѣ же преклоняем* (Глава 27, прочая а отвергшихся во время гоненія и паки кающихся правила 14).

4) Стый Григорій, неокесарійскій епспъ и чудотворецъ; хартіа; на ней правила: *Не токмо разбивати скаредно есть и странно, но и лихоимствовати чужих срамно, ради прибытка прикасатися, всякъ оубо таковый Бжія церкве отриновень* (Глава 28 и прочая о бывшыхъ в нашествіи варвар правил 12).

5) Стый Аѳанасій Великій, архіепспъ александрійский; книга или свитокъ; на немъ правила: *Блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Бъ по закону: не оженивыйся нѣсть согрѣшныхъ, но толикихъ даровъ не пріемлетъ, елико не оженивыйся Гсда ради пріемлетъ; бо и той, принося плодъ, иже в придесять, а иже чистое еглское изволивъ житіе, еже в дѣвствѣ пребиваты, дивна имат дарованія; приносит бо совершенъ плодъ, иже во сто* (Глава 29 и прочая—къ Аммону мниху и Руфіану епспу; правила 4).

6) Стый Григорій Богословъ съ книгою; на ней правило: *Ветхаго Завѣта двадесять двѣ книги; Новаго же Завѣта сія суть: Матѳей написал евреомъ чудеса Хрстова, Марко—Италіи, Лука—Ахаіи, всѣмъ же—Іоаннъ Проповѣдникъ; проповѣданія стыхъ апстлъ и 14 посланія Павла апстла, 6 же соборныхъ: Іаковле едино, два Петрова,*

три Іоанна, Іюдиноже есть седмое; и сѣ все имаши; прочая же, кромѣ ихъ, не суть ближняя (Глава 1).

7) Стый Амфилохій, епспъ иконійскій съ книгою; правило: Ветхаго Завѣта *книги: Битія, Исходъ, Левитикъ, Числа, Вторый законъ, Іисусъ Навинъ, Судій, Ружь*(sic), *Царствъ, 4 Паралипомен, Іова, Псаломскія книги Соломона, Притчи, Екклесіяст и Пѣсни пѣсней, 12 пророкъ: Іосію, Амоса, Михея, Іоиля, Авдія и Товію, Іону, Наума, Аввакума, Софонія, Аггея, Захарію, Малахія, съ ними же чтири пророкъ: Ісай, Іеремѣй, Іезекіилъ, Даниила, к симъ же Ездир. Новаго Завѣта: 4 евангелисты токмо: Матѳей, Марко, Лука, Іоанны; книги Лукины вторыя; Павла дважди седмь, соборныхъ посланый седмь; откровеніе Іоанново. Нѣціи убо прилагаютъ множайшія, но неложное правило да будетъ Богодухновенныхъ писаній слово к селенію*[1] *в дни нашей.*

8) Стый Григорій Нискій; книга; на ней правила: *Трое видится*[2]*..... словесное, плотное*(sic) *и яростное; всѣхъ же убо словеснаго грѣси горше суть; подобаетъ же во всякомъ грѣсѣ покаянія теплаго смотрѣти, а не времене* (къ Литонію, епспу мелетинскому, глава 31 и прочая тогож правилъ[3])..... 8).

9) Стый Тимоѳей, архіепспъ александрійскій, съ книгою; правила: *Службы бывающи въ церкви, не подобаетъ приходити еретикомъ, аще необѣщаются покаятися и бѣжати от ереси своея* (глава 32, и прочая тогож правил 14).

10) Стый Ѳеофилъ, епспъ александрійскій, съ книгою; правила: *Вдовицы, и нищіи, и пришелцы, странныи от церкве да питаются и всякое угодіе да пріемлютъ, и никто же церковнаго*[4] *что своею да не творитъ: не сребролюбиву бо подобаетъ быти служителю Божію* (глава 2 и протчая тогож правила 13).

11) Стый Кириллъ, архіепспъ александрійскій, з книгою; правила: *Сокровища и стяжанія церковнія не подвижна и неотемлема и непродаема церкви подобаетъ хранити; аще кто от исправленія и оутверженныхъ богоносними отцы подвигнетъ что, къ тому таковаю нѣтъ, како нарещи строеніемъ, но преступленіе и попраніе повелѣ-*

---

[1]) Это слово написано надъ строкой надъ зачеркнутымъ.

[2]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

[3]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

[4]) Въ подлинникѣ это слово повторено два раза.

мій умъ Бгу невестіе (глава 34 съ сыми вишписанными тогож стаго къ домну Евлогію александрийскому, къ Максиму, Генадію архимандриту и епископъ пентаполскимъ и ливійскимъ на Несторіа и проч. правило 19).

12) Стый Генадій, патріархъ константино-полскій [1]); свитокъ; на немъ правила: *Продаде и купяй на сребрь сщенство, оба проклятію анаѳеми подлежатъ* (Соборное посланіе къ папѣ римскому).

. . . . . [2]).

Собора Перваго Вселенскаго, иже въ Никеи, правил 20.

Собора Втораго Вселенскаго, иже въ Цариградѣ, правил 8.

Собора Третіа Вселенскаго, иже въ Ефесѣ, правил 19.

Собора Четвертаго Вселенскаго, иже въ Халкидонѣ, правил 30.

Собора Пятаго Вселенскаго, иже въ Константинѣ градѣ, правилъ [3]) нѣст.

Собора Шестого Вселенскаго, иже въ Константинѣ градѣ, правилъ 102.

Собора Седмаго Вселенскаго, иже въ Никеи, правил 22.

Персоны и имена стителей вишписанныхъ [4]):

1) Стій Василій Великій бяше возврастом высокъ, тѣлом сухонявъ и чернъ въ образѣ, видом похил, гробоносъ, брови окружени, браду же имѣя долгу и сѣдку, въ мислѣ челом высоко, кротокъ, средовѣкъ, в сѣдинах доволенъ (Прологъ, генвар. 1).

2) Стій Деонисій, епспъ александрійскій, словом и житіем украшенъ, а того, стар ли или млад бе, не явствует (Прилогъ, октов. 5).

3) Стаго Петра александрійскаго также въ прологу, яко въ Печерскаго, не являтъ (ноемрія 25).

4) Стый Григорій, неокесарійскій епспъ, каковъ бѣ, не явствуетъ же (Прилогъ, ноемрія 17 дня).

5) Стій Аѳанасій Вел. бяше видѣніемъ смиренъ, возврастомъ мало плещист, низокъ, усмѣхливъ, лицем благопотребенъ, приплѣшивъ, носом похил, недолгою брадою,

---

[1]) Слово это въ подлинникѣ раздѣлено на два слова.

[2]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ въ одну строку.

[3]) Въ подлинникѣ слѣдовавшая за этимъ словомъ цифра 102 зачеркнута и замѣнена словомъ «нѣст».

[4]) Такъ какъ описаніе наружности святителей не относится къ «памяти, что малевать», а взято изъ другой рукописи, служившей, очевидно, руководствомъ для художника какъ «малевать», изъ такъ называемаго *Лицеваго Подлинника*, *Образника*, *Персональника*», разныя редакціи котораго извѣстны на Руси съ XI в. (См. И Сахарова: «Изслѣдованія о русскомъ иконописаніи», Кн. 1-я. Спб. 1849), и ошибочно вставлено сюда переписчикомъ XVIII в., — то всю эту вставку мы и отличили особымъ шрифтомъ.

но широкою, челюстми полонъ, оусти малими, не вѣло сѣдъ, ни велми бѣлъ, но ис русивъ облеки (Прилог, генвар. 18).

6) Стій Григорій Богословъ баше по тѣлесному образу лицем смирен, блѣдъ въ малѣ, вѣжди возвишены и густи; тихъ призрѣніемъ; брадою недолгою, но густою и широкою, къ краемъ ея продимлена, плѣшив, сѣдъ власы (Прилог, іануар 25).

7) Стый Амофилохій, епспъ иконійскій, многими лѣти пасый стадо Хрстово, и словеси православнія учинивъ, и в глубокую старостъ достигъ съ миромъ того (Прилогъ, ноемврія 23)

8) Стій Григорій Нусійскій, братъ Василіа Великаго, въ доброй старости по Гоу отиде; по тѣлесію муже воображенія [1]), подобенъ брату своему Василію, обаче [2]) сѣдинавъ и понизок (Прилог, іануарія 10).

9) Стаго Тимоѳея, епспа александрійскаго, в прилогахъ нѣстъ.

10) Ѳсофила александрійскаго такъ же.

11) Стій Кириллъ, архіепспъ александрійскій, баше скудъ видомъ, лице продолгдало, брови части и велми окружени, чело возлевно ноздрами, гугнивъ, долгыи перстви, оусты надебелна, плѣшъ, густиною и долгаго брадою, аки русъкую [3]), сѣдъ (Прилогъ, іануарія 18).

12) Генадіа, патріарха цариградскаго, в прилогахъ нѣстъ, токмо слово его февруар. 19.

Реестръ, что малеватъ и по харътіахъ писать за крилосами на склепеннія.

По правой сторонѣ, за правимъ крилосомъ, около Христа з евгліемъ стояща, въ облакахъ, сіи значними лѣтерами писать: *Блдат и истинна Іисъ Хрстомъ бысть* (Іоан., 1).

Тамже по горах [4]) четири евангелисти:

Іоанъ; на еvгліи: *Возвѣщаетъ къ вамъ Животъ вѣчный, Иже бѣ у Отца явися намъ* (Іоан , 1).

Матѳей; на еваглії: *На имя Его языци уповаютъ* (Мат., 12).

Марко; на еваглії: *Пріиде Іисъ, проповѣдая еvгліе царствіа Божіа* (Марко, 1).

Лука; на еvгліи: *Сій есть, хотя избавити Іиля* (24).

По лѣвой сторонѣ, за лѣвим крилосом: Моvсей пррокъ на горѣ, огнем димящійся, съ скрижалми; верху его во облацѣ Имя Бжія, по еvрейску писанное; около его писаніе: *Законъ Моисеемъ данъ бысть* (Іоанъ, 1).

---

[1]) Въ подлинникѣ, вѣроятно, было: «по тѣлесному же воображенію»; далѣе пробѣлъ въ подлинникѣ.

[2]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

[3]) Первая часть слова: «русъкую» («русъ») не только оторвана отъ второй, но отдѣляется еще запятой.

[4]) Несомнѣнно, должно было быть «по рогахъ».

По рогам четири пророки: Ісаіа, Іезекіил, Іеремѣя, Даніилъ, з свитками.

Ісаіа; на свитку писмо: *От Сіона изійде законъ и слово Гсдне из Іерслима* (Ісаи, 2).

Іеремѣя з свитком; на немъ писано: *Азъ даю словеса Моя в уста твоя* (Іер., 5).

Іезекіилъ з хартіею; на немъ(sic) словеса: *Не хощу смерти грѣшника, глетъ Гсдь* (Іезк., 18).

Даніилъ з свиткомъ; написано: *Буди Имя Гсда Бга блсвенно от вѣка и до вѣка* (Даніил, 2).

Стый иконостасъ Великой црви.

1 блятъ. Спситель дополный, з греческа, по стародавному имать быти маліованъ; на томбѣ Хс, на горѣ сѣдяй, учитъ оучники (Мат., 5); или: стый проркъ Іеремѣя зъ свиткомъ: *Сей Бъ нашъ на земли явися и съ члвки поживе* (Іерем., 2); надписъ: *Образом обрѣтеся, яко члвѣкъ* (к Филип, 2); или: *Имя Ему Іисъ* (Лук., 1).

2 блятъ. Бгомати, млдца Ха на рукахъ держащая, дополна, по стародавну зъ греческа; на томбѣ стый проркъ Ісаія з хартіею: *Се Два въ чревѣ пріиметъ и родитъ Сна* (Ісай, глава 7); надписъ: *Мрія обрѣте благодать у Бга* (Лук., 1); или: *Имя Двѣ Марія* (Лук., 1).

3 блятъ. Оуспеніе Престія Бцы обычнѣ писать: Бгоматер на одръ лежащу, Ха душу держаща, апстловъ одръ окружающихъ; на томбѣ: ковчегъ на горѣ съ голубицею, сучецъ масличенъ во оустѣхъ имущею; дуга на облацѣх под горою; Ное съ синами, приносяй жертву, молится: *Се знаменіе завѣта между Бгомъ и члвки* (Быт., глав. 9); ..... [1]) надписъ: *По рождествѣ Два и по смерти жива* (Пѣснь 9); или: *Не умре Два, но спит* (Мат., глав. 9).

4 блятъ. Образъ прпдбныхъ печерскихъ Антонія, Ѳеодосія и всѣхъ по имени; на томбѣ: Авраамъ въ нбо здѣздами украшено смотрящій: *Возри на нбо и счти звѣзди; тако будетъ сѣмя твое* (Быт., глав. 15); надписъ: *Паче пѣска оумножатся* (Псал. 138).

На дверехъ сѣверныхъ: Стій архистратигъ Михаилъ вооруженній; надпис: *Азъ есмъ архистратигъ сыли Гсдня*; на хартіи при похвахъ: *Разрѣши сапогъ твой от ногу твоею, мѣсто бо, на немжде ты стоиши, сто есть* (Іисус Нав., глав. 5).

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

На дверехъ южныхъ: Стій апстлъ первомчникъ архидіаконъ Стефанъ; надпис: *Стефанъ исполненъ вѣри и Дха Ста* (Дѣян., глав. 6); на хартіи: *Се вижу нбса отверста и Сна члвча одесную сидяща Бга* (Дѣян., глав. 6).

По правой сторонѣ въ предѣлѣ стыхъ аггл̀ъ.

1 блятъ. Хс въ облацѣ, на херувимѣхъ сидячий; надпис: *Сидяй на херувѣмѣхъ* (Псал. 79); на томбѣ Хс во пустини, имѣяй служащих Себѣ стихъ аггл̀ъ; надпис: *Аггли служахуу Ему* (Мар.).

2 блятъ. Прстая Бца въ облацѣ окрожаема херувими и серафими; надпис: *Чстнѣйшая херувим и славнѣйшая серафимъ*; на томбѣ кіотъ завѣта, двома херувимома осѣняеми; надпис: *Кіотъ стыни.*

3 блятъ. Соборъ стыхъ аггл̀ъ девять хоровъ; по бокам седмъ предстоящих и стій архаггл̀ъ Михаилъ посредѣ; надпис: *Вси аггли стояху окрстъ престола* (Апок., глава 2); на томбѣ бранъ стыхъ аггл̀ъ съ демони; надписъ: *Бысть бранъ на нбси Михаилъ и аггли его* (Апок., глава 12).

По лѣвой странѣ между сѣверними дверми въ предѣлѣ.

1 блятъ. Образъ Ха Спсителя Страстный съ надписаніем: *Се члвкъ* (Іоан, глава 19); на томбѣ агнецъ — ветхозаконная пасха; надпис: *Пасха естъ Гсдня* (Исход, глав. 12).

2 блятъ. Образъ болѣзный Дви Бци съ надписаніемъ: *Тебѣ самой дшу пройдет оружіе* (Лук., 2); натом бѣ Ноеммин̀ь жена посредѣ инихъ женъ; надпис: *Не зовите мене Ноеммин, но зовѣте мене Горка* (Суд., 1).

3 блятъ. Стій Іоанъ Прдтча съ хартіею: *Уговайте*[1]) *путь Гсдн̀ь, прави творите стези Ею* (Мат., глав. 3); надпис: *Прорк Вишняго* (Лук., глав. 1); на томбѣ стій Іоанъ перстом показуетъ Ха къ себѣ идуща, глаголя: *Сей естъ Снъ Бжій* (Іоанъ, 1); или, въ мѣсто стаго Прдтчи, стый Іоанъ Златоустій съ книгою: *Имуще дерзновеніе въходити во Стая, да приступаем съ истиннимъ сердцем* (къ Еврѣом, глав. 10); надпис: *Пастир ѣст овцам* (Іоан, 10).....

На томбѣ Авель, приносяй жертву Бгу, надпис: *Авель пастир овцам бяше* (Быт., глав. 4).

[1]) Слогъ «то» пропущенъ въ оригиналѣ.

Верху намѣстнихъ иконъ праздники.

По правой сторонѣ, над Спасителемъ:

Вѣханіе Гсдне; надписаніе: *Осанна, благословенъ грядій во имя Гсдне* (Мат., 40).

Воскрніе Хво; надписъ: *Воста оправданія ради нашего* (къ Рим., глава 6).

Вознесеніе Гсдне; надписъ: *Гсдь вознесеся на небеса и сѣде одесную Бга* (Мар., 16).

Сошествіе Стаго Дха; надписъ: *Коемуждо дается явленіе Дха на ползу* (1 к Кор., 12).

Преображеніе Гсдне; надписъ: *Преобразися пред ними* (Мат., глава 17).

Крещеніе Гдне; надпис: *Крестився Іс, и се отверзошася Ему нбса* (Мат., глав. 2).

Над образомъ Бцы:

Рождество Бцы; надписъ: *Имя Двъ Марія* (Лука, глав. 1).

Въведеніе; надписъ: *Внійду въ дом Твой;* или: *Изволих примѣтатися въ дому Бга моего.*

Благовѣщеніе; надписъ: *Се зачнеши во чревѣ и родиши Сна* (Лук., 1).

Рождество Хво; надписъ: *Родися вам днес Спсъ* (Лук., глава 2).

Стрѣтеніе Гсдне; надписъ: *Вознесоста родителн отроча Іиса* (Лук., 2).

Оуспніе Бцы; надписъ: *Иде въ горняя со тщаніемъ* (Лук., глава 1).

Вишше праздниковъ.

Посредѣ архіерей сидящъ з книгою отверзенною; на ней писаніе: *Азъ избралъ васъ и положихъ васъ, да ви идеде*(sic) *и плодъ принесете* (Іоан, 15); тамъ же: *Шедше въ миръ весь, проповѣдите еѵгліе всей твари* (Мар., глава 16); надписъ: *Апстлъ и архіерей исповѣданія ншего Ісъ Ха.*

Тамъ же, при архіереи, на десной странѣ:

Прстая Бца зъ хартіею: *Ихъ же Ми далъ еси, во вѣки сохрани невредженны* (со дерзновеніемъ Мти речи къ Рожденному; канонъ, пѣснь 8).

На лѣвой странѣ:

Стій Іоанъ Предтча з хартіею: *Прійми мя, Сте стих, млящася о цркви владицѣ!* (вопіетъ Прєдтча; канон, пѣснь 7).

Стіи 12 апстли Хсви:

1) Стій Петръ, въ едной руцѣ крстъ, а въ другой хартію держащій, съ написаніем: *Вѣрую въ Бга Отца, Вседержителя, Творца нбу и земли.*

2) Стій Павелъ, в едной руцѣ мечъ, а въ другой хартію держай, съ написаніем: *Тако нас да непщуетъ чловкъ, яко слуги Хви и строители таинъ Его* (1 къ Кор., 4); или: *Благодатію Бжіею есмь, еже есмь* (1 къ Кор., 15).

3) Стій Іаковъ з мечемъ и з хартіею написанною: *Въ Іса Ха, Сна Его единороднаго, Гсда нашего.*

4) Стій евглистъ Іоанъ Бгословъ зъ книгою написанною: *Зачатого от Дха Ста, рожденнаго зъ Дни Мріи;* там же казанъ съ елеемъ кипящъ и чаша зо травою опровеенна(sic).

5) Стій Андрей з крстомъ и хартіею: *Страдавшаго при Понтійстемъ Пилатѣ, распятаго, умершаго и погребеннаго.*

6) Стій Филиппъ съ крстомъ и хартіею: *Во адъ сошедшаго и третій день воскрешшаго*; а подъ ногами его каменіе.

7) Стій Варѳоломей, ножъ съ кожею своею содранною и хартіею въ рукахъ держащъ сію: *Возшедшаго на нбса и сидящаго одесную Бга Отца.*

8) Стій Матѳей евглистъ въ едной руцѣ зъ книгою: *Грядущаго судити живыхъ и мертвихъ*; въ другой руцѣ дзида(sic), низу облащенна, или пламен огня при ногахъ.

9) Стій Ѳома; въ едной руцѣ копія, въ другой свиток: *Вѣрую въ Духа Стаго.*

10) Стій Іаковъ Алфеовъ съ крстомъ и хартіею: *В стую соборную црковъ, стих общеніе.*

11) Стій Симон Зилотъ, въ едной руцѣ пилу, а въ другой хартію держащъ сію: *Крещеніе во оставленіе грѣховъ.*

12) Іюда, Іаковль зовомий, или Ѳаддей, въ единой руцѣ жезлъ или булаву, а в другой хартію держащъ сію: *Чаю воскрнія мертвихъ*; на том же блятѣ купно и стій Матѳій зъ окшею(?) и хартіею: *И жизни будущаго вѣка.*

Подъ апстлами на середномъ блятѣ, где бываетъ Воплощеніе.

Бгъ Отцъ и стій Дхъ; хартіа: *От Стаго Дха просвѣщчеши*(?), *глша Стіи Бжіи члвци* (1 Петр., 1).

Стихъ 12 пророкъ:

1) Стій Осія з свитком написаннимъ: *Гсдь Бъ Вседержитель будет памят Ею* (Осіа, 12).

2) Стій Іоиль зъ свитком написаннимъ: *Чада Сіона, радуйтеся и веселитися о Гсдѣ Бѣ вашем* (Іоиль, 2).

3) Стій Аммосъ зъ свиткомъ; писаніе: *Гсдь Бъ Вседержитель имя Ему* (Амос, 4).

4) Стій Авдій зъ свитком; писаніе: *Взидут спасаемие от горы Сіоня* (Авдій).

5) Стій Іона з свитком; писаніе: *Да приидетъ к Тебѣ мітва моя и цркви стѣй Твоей* (Іоан, 2).

6) Стій Михея зъ свитком, писаніе: *Падохся и востану, зане, аще сяду въ тмѣ, Гсдь свѣтъ мнѣ* (Мих., 6).

7) Стій Наоум з свиткомъ; писаніе: *Блгостивъ Гсдь терпящим Ему въ день скорбѣнія* (Наум, 1).

8) Стій Аввакум з свитком; писаніе: *Гсдь Бъ мой—сила моя, и учинит нозѣ мои на совершеніи, на високихъ поставляяй мя* (Аввак., 3).

9) Стій Софоній зъ свитком; писаніе: *Оубойтеся от лица Гсдня, зане блиъ днь Гсднь* (Софон, 1).

10) Стій Аггей з свитком; писаніе: *Исполню храм сей слави, зане велія будетъ слава храму сему; послѣдняя паче первія* (Аггей, 2).

11) Стій Захаріа зъ свитком; писаніе: *Обращуся к Іерсму щедротами, и храмъ Мой созиждется в немъ* (Зах., 1).

12) Стій Малахіа з свитком; писаніе: *Оублажатъ ви вси язици, зане будете земля изволенна* (Малах, 3).

Предѣла стаго первомчника архидіакона Стефана.

1 блятъ. Спгель стоячий с книгою Евгліемъ отверзстим; надписаніе: *Всяк, иже исповѣстъ Мя пред члѣки, исповѣм и Азъ пред лицем*(sic!)[1]) *Моимъ, Иже на небесехъ* (Мат., глава 3); на томбѣ:

[1]) Несомнѣнно, должно быть «Отцемъ».

Иисе з цркви Соломон каменіемъ отъ іоудеи наметаема исходяща (Іоанъ, глава 8)[1]).

2 блятъ. Бца стояща съ Христомъ Гсдем на рукахъ держимія(sic); надпись: *Радуйся, страстотерпцемъ непобѣдимая держости* (Икона(sic), 4); на том[2]): бѣгство Бго-мтри[3]) в Египет; надпис: *Егда ви в градъ сем, бѣжите в другую* (Мат., 10).

3 блятъ. Ст. пмч. Стефана, по дияконску оубран, стоячій; в едной руцѣ палму и орар держащъ, в другой хартію с писаніемъ: *Блговоно в нетощахъ въ досажденіе вигнаніе въ тѣснотах по Христѣ* (2 к К(а?)ор., 12); надпись: *Исполнь вѣры и сили* (Дѣянія, глава 6); на томбѣ: избраніе 7 діаконовъ и рукоположеніе от апстлъ 17 (Дѣянія, глава 6): *Свѣдителствана 7, исполнена*[4]) *Дха Ста и премдрсти* (Дѣян., глава 6).

4 блятъ. На лѣвой странѣ, противо храма, стая великомчница Θекла стоячая; въ едной руцѣ палма и з хартіею; писаніе: *Хс Сам, пострада по нас, нам оставль образ, да послѣдуемъ стопамъ Ею* (1 пос. Петр, глав. 2).

В другой странѣ на томбѣ стый апост. с тою Θеклою, сидящи в темници, бесѣдуетъ; писаніе: *Θекла, да видитъ Павла, злато свое темничному стражу даде ст(о?) злат* (На Дѣян. бесѣдъ 25).

На дверехъ южникъ:

Стій сщемученикъ Корнилій, єпископъ скифеосаискій(sic), по архиерейску маованъ; в едной руцѣ трост[5]) испалмумъ; в другой—жезлъ архиерейскій; надпись: *Корнилій благовѣненъ и бойся Бга* (Дѣян., 10)[6]) Горѣ в перепетъ[7]) агглъ с животними плащеницу низъ пущая.

На сѣверних вратахъ:

Стій Авель первій, ижъ прежде закона; горѣ в облацѣхъ триангуль, имя ему ὁ Θεὸς; под ним низу агнецъ, на жертву готову

---

[1]) Цифру въ подлинникѣ трудно разобрать.

[2]) Слогѣ «бѣ» пропущенъ.

[3]) Слово «Вго-мтри» раздѣлено на два отдѣльныя; послѣ него слѣдуетъ полстроки пробѣла. Слово «въ Египетъ» начинается съ новой строки.

[4]) Послѣ слова «исполнена» пробѣлъ въ оригиналѣ.

[5]) Слово «трость» написано на подчищенномъ мѣстѣ, а въ словѣ «испалмумъ» слоги ис и мъ зачеркнуты.

[6]) Въ этомъ мѣстѣ въ оригиналѣ небольшой пробѣлъ.

[7]) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ въ полъ строки.

связаній; горѣ, где архіерей и апостоли бивают, въ (к?)вѣтах резанихъ, на штепованихъ блятахъ, маліовать по прав. сторонѣ 6 стыхъ великомучн., а лѣвой сторонѣ 6 великомчницъ; между же тѣми, въ мѣсто архіерейскаго блята, стаго первомчника Стефана каменно біеніе, шфеваанное(?), между квѣти, скрѣзь резаними; верху же его, идеже Распятіе бивает, небо облачистое; въ небѣ, между агглами держатими вѣнцѣ стоящя(го?) в славѣ Хрста Іса.

По лѣвой[1]) странѣ сіи вел. муч.:

Стій вел. муч. Георгій в главу всѣкаемъ.
Стій вел. муч. Димит. копіею прободенъ.
Ст. вел. муч. Ѳеодор Стратил. в глав. мечем оусѣчен.
Вел. муч. Ѳеодор Турон(sic) огнем попалим.
Вел. муч. Плакида волѣ мѣдяни жегом.
Вел. муч. Артемій мечем в главу усѣченъ.

По лѣвой странѣ вел. муч. сію:

Ст. муч. Екатерн. в главу всѣкома.
Ст. вел. муч. Варвара мечем оусѣчена.
Ст. вел. муч. Ирина налѣсѣ жезлъ пали.
Ст. вел. муч. Параскев. мечем скончаемъ.
Ст. вел. муч. Агафѣя огнем сожжна.

Иконостасъ в предѣлѣ стаго Иоан. Богослова.

1 блятъ. Хрстосъ Спситель стоячий съ книгою, съ Евгліемъ, з написаніемъ: *Апслъ и архіерей исповѣданіа нашего Исъ Хрсто.* (К Ев., глав. 3, на Евглии писанно естъ).

2 блятъ. Прстая Бца, Хрста на руках держаща; написъ: *Радуйся, апстолом не молмочная уста* (икос, 4).

На томбѣ, под блятом Спасовим: званіе двоих братов: Якова, Іоанна, в апостол. На томбѣ, под Бцею: Мати сну Заведеову з синама своими.

3 блятъ. Храма по правой сторонѣ: ст. Іоанъ Богословъ, стоячий с книгою Евгліе: *В началѣ бѣ Слово*; там же при но-гах[2]) орелъ; написъ: *Учиникъ, егоже любляше.*

[1]) Правой?

[2]) Въ подлинникѣ это слово раздѣлено на двѣ части.

На томбѣ: горнѣй Іерслим агглъ [1]) показуетъ, а другою рукою не дающе Іоану себѣ творити поклонися, гля: *Виждь никлерит*(?) *твой есмъ.*

4 блятъ. Противу на лѣвой сторонѣ: стій Іяковъ Заведеовъ, стоячій [2]) свиткомъ и мечемъ, долу обращеним; на хартіи: *В смрть предается Іса ради*; надпис: *Іакова избра себѣ Гсдь* (Псал. 134).

Врата сѣверніе: агглъ и с кадилницею златою, огнем и фимияном наполненною; надписъ: *Θимиян млтви стих* (Апол., глав. 8).

Врата южніе: агглъ оболчен во облакъ; дуга на верхъ глави его; имѣя лица, яко слце; ноги—столпи огненніи; десною ногою стоящи на мори, а шаоею(sic)—на земли; в рудѣ лѣвой книга разбгеная; права рука горѣ простерта; Іоанъ Богословъ низъ приемлій книгу от аггла (Апокал., глав. 10).

Над царскими врати: тайная вечера; надписъ: *Сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Корин., зач. 142).

На царскихъ вратахъ в шести кулкахъ: на первомъ горѣ—Хво на ада нашествіе; верху напис: *Гсдь силенъ в (б)рани*; на второмъ противо того—Хво вознесеніе; верху написъ: *Гсдь силам, Той есть Црь слави;* а малювать токмо з двома агглами, апостолов вставити; тако(ко)жде на ада нашествіе—токмо з агглами, глющія: *Возмѣте врата князи ваша*; а бѣси глютъ: *Кто есть Сей*(?) *Црь слáва?*

На других двох колках среднихъ: на едном—Іаков братъ Гсдн; надпис: *Неповинніи руками*; на хартіи: *Вѣра без дѣлъ мертва* (Іаковъ, глава 2); верхъ, над югом: Іоанъ Бгословъ с книгою; писаніе: *Аще срдце наше не зазрит намъ, дерзновеніе имами ко Гсду* (Іоан., глава 3); верхъ написъ: *Чистъ срцемъ.*

Во третихъ нижнихъ двох колках: стій апстлъ Павелъ: *Не вотще текохъ* (Филипп, 2); верху напис: *Иже не прит на суд дши своей* (Псал. 25); на другомъ противу его: стіи апсли Нафтанаил [3]) свитком; напис: *Израилтянинъ, в немже ати*(sic) *нѣсть* (Іоанъ, 1) [4]).

---

[1]) Здѣсь надо думать пропущены слова «одною рукою».

[2]) Пропущено «съ».

[3]) Пропущено также «съ».

[4]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

Верху написъ над ст. агглом, на дверах[1]..... *Аз есмъ архистратигъ сыли Гсдня* (Іисус, 5 глава); над ст. Стефаном на дверах: *Стефанъ исполненъ вѣры и Дха Ста* (Діан., глава 6).

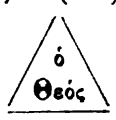
У колку над царскими дверми в ст. Мих.(?): агглъ жезлом касается камене, и исходитъ огнь на жертву Гедеона, тамо стояща у олтары; надпис: *Согради Гедеонъ олтар Гсдви* (Судей Іил(?)., глав. 6).

На другом колку, на лѣвомъ боку, над дверми, против жертовника: ст. архгглъ Гавріилъ Захаріѣ благовѣститъ; надпис: *Агглъ Гсднь, стоя одесную олтара кадилного* (Лука, глава 1)[2].

Зри зде...[3] над Авелем: *Призри Гсдь на Авеля и на дары его* (Быт., 4); над царскими дверми: *Внийдѣте в врата Его во исповѣданіи* (Псал. 99); над Спасителем: *Разумѣйте Посланника и Спасителя исповѣданію нашему Іисъ Хрста* (къ Евреи., глава 3); над стою Ѳеклою: *Яко кринъ в терніи* (Пѣсни пѣс., гл. 2)[4].

Стая Троица авраамская; стій Авраамъ съ Саррою (Быт., глав. 8).

1-я заповѣдь: *Азъ есмъ Гсдь Бгъ твой* (Исход., 20 (10?); въ облаках

триангулъ, а в нем греческим делектомъ написат: 

; низу гору

Синайскую и ст. прка Мойсея съ скрижалми, декалогъ на себе писанній имущими; а горѣ триангула написать заповѣдь 1: *Азъ есмь*, и прочая.

1-й дар Дха Ст.—премудрость; намалюват: цар Соломон, судяй судъ между блудницами, об(?) отрокъ ротящимися (Цар. 3, глава 3).

2-й дар Дха Стаго—разумъ; стій проркъ Даніилъ, цару Навходоносору соніе излагаяй (Даніилъ, глава 2).

1 блятъ. Страшній суд—Хс на облакѣ, на дузѣ сидяй; тут же на облацѣхъ, понижей Хрста, Прстая Бца и стій Прдтеча по сторонамъ млящіися; нижей ихъ апстли стіи; на сподѣ мертвіи, востающіи на гласъ аггловъ съ трубами, тамож маліованых: *Востанѣте!*

---

[1]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ въ полстроки, а также и послѣ слова: написъ.

[2]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

[3]) Въ этомъ мѣстѣ на поляхъ другимъ почеркомъ и чернилами приписано: «у архидіакон. Стефана».

[4]) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ приписано на поляхъ: «На преддверіи».

на верху надпись: *Живыми и мертвыми обладаяй Хс, истинный Бъ нашъ.*

Пастир, разлучаяй овцы от козлищъ: овцы одесную, а козлища ошую; надпись: *Поставит овцы одесную себе, а козлища ошую* (Мат., глав. 25).

3-я заповѣдь: *Не пріемли имени Гсда Бга твоего всуе* (Исход., гл. 20). Имя Бжее въ променях кругло, и апли около хвалящіи и кланяючіися, низу же каменіем внѣ полка біют чловка (Левит., 24); верху написат заповѣдь 3-ю: *Не пріемли*, и проч.

3 блятъ. Стій архистратигъ Михаилъ з мечемъ к брани уготованъ, по сторонахъ в колках чуда; надпись: *Азъ есмь архистратигъ сили Гсдня.* Агглъ со жезломъ, явлейся Гедеону, и проч.; надпись: *Гсдь съ тобою, мужу силный* (Судей, глав. 2).

3-й дар Дха Ст.—совѣтъ; намалювать Хусаи, совѣтникъ Авесоломль (Цар. 2, глава 17).

5-я заповѣдь: *Чти отца твоего и матерь твою* (Исход., глав. 20). Ное пяный обнаженъ; два сина Симъ и Афет одеждою покривають; Хам же ругается (Быт., гл. 20); верху написат заповѣдь 5-ю: *Чти отца*, и проч.

5 блятъ. Стій апстлъ Андрей Первозванний, стоячій съ крстомъ своимъ и съ хартіею написанною: *На сих горах возсіяетъ благодать Бжія*; надпись: *Андрей, братъ Симона Петра* (Іоан., 1). Гора Кіевская; на ней стый Андрей крстъ водружаяй [1]); надпись: *На сихъ горахъ возсіяетъ блдать Бжія.*

4-й дар Дха Ст.—крѣпость. Самсонъ разтерзаяй лва, сотъ медовенъ во устѣхъ имуща (Судій Іилев.(?), глав. 14).

7-я заповѣдь: *Не прелюбодѣйствуй.* Намалювати: Іродъ црь брата своего Филиппа жену отять; верху надписат: *Не прелюбодѣйствуй.*

6 блятъ. Прпдбній Сава Осщенный и Евфимій Великій з хартіями писанними; на первой, въ стаго Сави—*Обители прпдбнихъ благословятся* (Причт., глав. 3); на другой, в стаго Евфимія—*Гсдь есть на мѣстѣ семъ* (Быт., гл. 28); надпись: *Мужа славна и отцы наши в битіи* (Сирах, 44); намаліоват двѣ древа масличніи; надпись: *Сія еста двѣ маслини пред Бгомъ земли стояща* (Апокалипсис., глав. 11).

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ.

5-й дар Дха Ст.—свѣдѣніе; намалюват: Вееселіилъ скинотворецъ (Исход., глава 31). Стій Исаакъ блсвитъ Іякова (Быт., глав. 27).

6-й дар Дха Ст.—благочестіе; стій Симеон Бгопріемец (Лук., глав. 2).

9-я заповѣдъ: *Не послушествуй на друга твоего свидѣтелства ложнаго* (Исход., (60?) 20). Намалюват: старци, свѣдители дѣяніи на Сусанну (Данііл., глав. 13); верху надпись заповѣд: *Не послушест.*, и проч.

9 блятъ. Стій Ѳеодосій Печерскій з хартіею написанною: *Да будут очи І'сдни отверсти на Храмъ сей днь и нощь* (Цар. 3, глав 7) надпись [1]):.....

7-й дар Дха Стаго — страхъ Бжій; Корнилій сотникъ (Дѣян., глав. 10).

2-я заповѣдъ: *Не сотвори себѣ кумира* (Исход., глав. 20). Телецъ изваянный на столпѣ, и люде около его скачущіе; Мойсей же под горою скрижали сокрушает и идола жезлом сокрушает, а горѣ написать заповѣдъ 2-ю, више писанную: *Не сотвори*, и проч.

2 блятъ. Прстая Бца, нарицаемая Обще-умиленная; по сторонах чинами всякихъ скорбей люде къ ней млящіися; надпись: *Всѣмъ скорбящим радости.* Жена з двѣма крилома; надпись: *Снове члчстіи въ кровѣ крилу Твоею надѣюся* (Псаломъ 35).

1-я тайна—Стое Крщніе; намалюват: Дхъ Бжій верху вод (Быт., глав. 1).

4-я заповѣдь: *Помни днь субботный стити* (Исход., глав. 20); намалюват з Бабліи(sic) (глав. 2) Бга вся сотворша, почивающа; низу каменуемого члка, что въ суботу дрова збиралъ (Числ., глав. 8); верху надпись: *Помни*, и проч.

4 блятъ. Стій Іоанъ Прдтча, стоячій съ хартіею написанною: *Покайтеся, уготовайте путь Гсднь* (Мат., глав. 3); по сторонах въ колках о немъ ппрочествіи; надпись: *Члвкъ посланъ от Бга, имя ему Іоанъ* (Іоанъ, глава 1). Стій Іоанъ во пустини; надпись: *Бысть глаголъ Гсднь ко Іоану, Захарінну сну, во пустини* (Лук., глав. 3).

6-я заповѣдь: *Не убій*; намалювать: Каинъ Авеля убивает (Быт., глав. 4); верху написат заповѣдь: *Не убій.*

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ, вѣроятно, пропускъ.

6 блятъ. Стій кнзь Владимеръ между стими мчники Борисомъ и Глѣбомъ; у стаго Владимера на хартіи: *Се азъ и дѣти, яже ми далъ естъ Бгъ* (Исаія, глава 8); надпис:..... Намалювати дубъ, вѣтми распростертіи; надпись: *Яко дубъ, распрострох вѣтвія моя, и вѣтви моя—вѣтвь слави и благодати* (Іис. Сирах., 54).

3-я тайна – Ст. Евхаристіа; Мелхиседекъ хлѣбъ и вино иввесе Аврааму (Быт., глава 14).

8-я заповѣдъ: *Не укради*; Ахарь, оукрадіи от плѣна одежди, злато и сребро, со всѣмъ домом, имѣніемъ оукраденъ, огнем соженъ (Іс. Навин, глава 7); надпис: *Не укради.*

8-й блятъ. Прпдбніи Афанасій, Петръ Аѳонскій з хартіами написанними; на первой, ст. Аѳанасія: *Благословихом вы из дому Гсдня* (Псал. 116); на другой, ст. Петра: *Блсвенны вы Гсдви* (Псал. 113): надпись:..... два свѣщника со свѣщами; надпись: *Сіа еста два свѣщника, пред Бгомъ земли стояща* (Апокалипсис, глава 11).

4-я тайна — Стое Покаяніе; Нафанъ, оувѣщаваяй Двда цря о блудѣ и оубійствѣ (Цар. 2, глава 12).

Стый Іяковъ блсвляетъ внуки (Быт., глав. 48).

5-я тайна—Ст. Маслосщніе; самарянинъ въ разбойники впадшаго врачует (Лук., глав. 10).

10-я заповѣдъ: *Не пожелай жени искренняго своего* (Исходъ, глав. 20); црь Двдъ, проходя къ вечеру въ полатѣ дому своего, вѣдѣ Вирсавію, жену Уріину, миющуюся в дому своем, возжела и бист съ нею (Цар. 2, глав. 11); надпис: *Не пожелай*, и проч.

10-й блятъ. Стій Антоній Печерскій з хартіею написанною. *Гсди, аще помолится къ Тебѣ роб*(sic) *Твой на мѣстѣ семъ, и Ти оуслышиши на мѣстѣ жилища Твоего на нбса* (Цар. 3, 8 глав.): надпись:.....

6-я тайна—Ст. Сщества; жезлъ Ааронов между прочіими 12 жезли в храмѣ Свѣдѣнія процвѣте (Числ., глав. 14).

7-я тайна—Ст. Супружества; намаліовать двѣ руцѣ една съ другою: *Тайна сія велія есть* (къ Ефес, глав. 5).

Имена стихъ в звѣздахъ.

Препбній Ефремъ, епспъ переяславскій; прпдбніи Исаія, епспъ ростовскій; прпдбній Симонъ, епспъ владимерскій; прпдбній Ни-

фонтъ, епспъ новгородскій; прпдбній Михаилъ, митрополит кіевскій; прпдбній Меркурій, епспъ смоленскій; препдбній Никита, епспъ новгор.; прпдбній Ѳеофил, епспъ новгор.; прпдбній сщенномученикъ Евстратій; прпдбній Іоанъ многострадальній; прпдбній Моисей угринъ; прпдбній Онисифоръ исповѣдникъ; прпдбній сщемуч. Лукіан; прпдбній Лаврентій затворникъ; прпд. Алимпій іконописец; прпд. Иліа муровскій; прпд. Марко гробокопатель; прпд. Агапит врачъ безмездний; прпд. Григорій чудотворец; прпд. Прохор чудотворецъ; прпд. Ѳеофилъ; прпд. Василій; прпд. Ѳеодор; прпд. Се несредной(sic), идеже Црковь писана.

По правой сторонѣ от гроба ст. Ѳеодосія: прпд. Пименъ многоболѣзненній; прпд. Спиридонъ; прпд. Никодимъ; прпд. Никонъ сухій; прпд. Кукша; прпд. Пимин постникъ; прпд. Аѳанасій затворникъ, прпд. Еразмъ; прпд. Ареѳа; прпд Тит презвитер; прпд. Лука економ; прпд. Исакій затворникъ; прпд. Іеремѣя прозорливій; прпд. Матѳей прозорливій; прпд. Прохор лободникъ; прпд. Авраамій трудолюбивій.

На лѣвой странѣ от князя Константина: прпд. Логвин вратар; прпд. Тит воинъ; прпд. Нестор діакон; прпд. Лаврентій врачъ; прпд. Дакіанъ(sic) цѣлебник; прпд. Григорій іконописецъ; прпд. Ахила діаконъ; прпд. Мартирий діаконъ; прпд. Лаврентій затворникъ; прпд. Агафонъ чудотворецъ; прпд. Мойсей чудотворецъ; прпд. Анастасій діаконъ; прпд. Ипатій цѣлебникъ; прпд. Павелъ послушникъ; прпд. Нестор лѣтописецъ.

Между окнами:

Адам праоцъ з хартіею, надпис: *Рад., падшаго Адама возваніе.*— Авраам: *Рад., твердое вѣри основаніе.*—Мойсей: *Рад., законъ и пророком главизно совершенная.*—Стый апслъ Іоан Бгос.: *Рад., апостолом немолчнія уста добрѣя.*—Ст. сщемуч. Дѳонисій Ареоп.: *Радуйся, стителем украшеніе источником.*—Ст. архидіак. Стефан: *Радуйся, страстотерпцем непобѣдимая дерзости.* — Прпд. Антоній Вел: *Рад., бюмудрих иноков возведеніе к горнему царствію.*—Ст. цар Константин: *Радуйся, чстний вѣнче царей благочестивыхъ.*—Ст. Іоустин философъ: *Радуйся, премудрихъ преводящія разум.* — Ст. Роман пѣвецъ: *Рад., многих в разум просвѣщающая.* — Ворвѣ [1]): *Рад., звѣзди незаходи-*

[1]) Варвара?

мія мати. — Стій Пантелеймон: *Радуйся, тѣлес врачеваніе и дш спніе.....*[1]); *врача всѣхъ человѣкъ порожшая, радуйся*(?).—Ева прамати: на хартіи: *Рад., слез Евиных изволеніе.* — Ст. Елисаваєъ: *Благословенна Ты въ женах* (Лук., глав. 1). — Ст. первомуч. Θекла: *Радуйся, столпе дѣвства.*—Ст. Марія египет.. *Рад., грѣшником споручнице в спніе.*

В главѣ въходной в црковъ ажъ до окон нихпихъ, в самой банѣ, посредѣ — Воплощеніе Сна Божіа, около аггли въ оболоках з разними символи и хартіами; на хартіах привѣствіи: Ст. Михаилъ: *Радуйся, аггломъ радости.* — Ст. Гавріилъ з квѣтом: *Радуйся, Обрадованная Гсдь с Тобою.*

Аθώς, от населенія многих стих мнстрей, ихже числом 24, и в них житіа прпдбних мужей до шести тисячей, прежде бивших, общеименуемая Стая Гора, имущая округъ седмидесят мил, долготу—три дни, широту—полдня ходу; тол висока, яко ни вѣтром ни дождемъ на ней не бисты(sic); от плавающих по морю мил за тридесят зрима; изобылующая древеси оливними и иними плодовитими, присно цвѣтущими, виногради и зеліами различними, имени Бгородичину осщна, от всѣхъ правовѣрних великое имущая почтеніе.

Гора Ново-Іерслмская, Російскій Сіон—Гора Кіевская, юже Бгъ избра, стій апслъ Андрей крстом водруженним благослови, стій Владимер крщніем ости, вѣру православную насади, церкви и мнстри многи и прекраснии назда, Бгомти же изволи во жилище себѣ и созда, яко іногог(?), стиню свою—Црков нбси подобную Печерскую и огнем падшую паки возстави на земли, основа ю во вѣкъ и сотвори ту пребиваніем сто монахом, людем прибѣжище, недужним врачебницу, чудес. источникъ стини и от мертвих востанія видимое во тѣлесах стих нетлѣнних оуказанія, еже не еденъ ветхозаконній Іяков и не во снѣ, но мнози от вселеннія приходяще, явѣ зряще биваемая, исповѣдуют, яко ест Гдь на мѣстѣ сем; нѣст се простое мѣсто, но дом Бжій и сія врата нбсная.

Хоривъ или Сина, в писаніи стом глгмая Гора Бжіа, яко на ней людем іизлским многажди слава Бжіа явися: 1, Мойсеовѣ явися Бгъ огнем во купинѣ; 2, Мойсей, жезлом поразив камен, источи воду; 3, воздвиженіем рукъ Мойсеових Іисъ побѣди Аммалика; 4, че-

[1]) Пунктиромъ мы означаемъ здѣсь предполагаемый пропускъ въ подлинникѣ.

тиридесят дней Мойсей постяся, гла с Бгомъ; 5, Мойсей пріят законъ; 6, Мойсей о поклоненіи телца скрижали закона сокруши; 7, Илія видѣ Гспда въ хладѣ тонцѣ; 8, на той горѣ тѣло стія Екатерины аггли погребеся; послѣдже на горѣ Сунайстѣй создася обитель стаго Іоанна Лѣствичника; бяше же гора Сунайская, прилежащая къ Іерслиму граду не мѣста близкостію, но пути протяженіемъ, яко от Египта шествующим іоудеемъ путь простъ бяше чрезъ гору Сунайскую во Іоудею, глют историографи [1]).

Над казалницею, над лѣвимъ крилосом, зъ самаго верху: 3 аггли, оу дуба Мамврія сидящіи, и Авраам; много ліеншафтов, близскіи и далекіи, и хартія внизу; на ней же написано: *Бгъ въ трех лицех Аврааму явися* (Битія, глава 11).

Нижшей, Яковъ на земли спящий, и ведле него 3 аггли стоячіи, и лѣствица аж до облакъ; въ облаках Дхъ Стій, леншафти внизу, близкіи и далекіи, хартія внизу: *Лѣствица Іяковля до нбсъ* (Битія, глава 18).

Нижшей, Самсонъ лва раздирает; хартія (Цар. 1, глава 14).

Нижшей, даліекосць и ліеншафти, далекіи и близкіи, без хартіи [2]).

На томуж слупѣ от панѣкодила великаго от хор: гора висока и леншафтов много на верх гори; и там же, на верх гори, купина огнем горящая; в серединѣ еврейски: *о Θеосъ*, а внизу под горою Мойсей стоит обѣма колѣнами на земли; въ едный руцѣ палицю держит, а другую къ персам; под ним хартія: *Виденіе огня въ купинѣ* (Исходъ, глава 3).

На том же слупѣ от Преображенія: въ облаках десят сноповъ кругом, одинадцятій в серединѣ болший тих; низко на земли

---

[1]) Здѣсь собственно, на 68 листѣ подлинника, оканчивается описаніе иконописи Кіево-Печерской лавры. Далѣе, на 69 листѣ, слѣдуетъ запись объ освященіи Великой лаврской церкви 14 августа 1729 года; эту запись, какъ не относящуюся къ содержанію печатаемой рукописи, мы помѣщаемъ въ самомъ концѣ описанія иконописи, сюда же вставляемъ дополненіе къ описанію, приписанное на двухъ пришитыхъ, 70-мъ и 70-мъ, листахъ рукописи; чернила и почеркъ дополненія отличаются своимъ характеромъ отъ чернилъ и почерка всей книги.

[2]) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ въ двѣ-три строки.

ліеншафти и 11 братовъ Іосифовихъ, сѣдячіи на земли; ближшей Іяков с женою стоячій и пред ними Іосифъ стоячи говорит; в низу хартія: *Два сна—еденъ о снопах, вторий о звъздах, кланяющихся Іосифовъ* (Битія, глава 27); а там, в горѣ, равно зъ снопами, въ облаках слонце и звѣздъ 11[1]).

Над правим крилосом над архимандричею формою з самаго верху[2]): Бгъ Оцъ в облаках и звѣздъ много около; на земли Авраам молится на колѣнах; хартія: *Бгъ Аврааму обѣща дати сьмя, яко звъзди нбныя* (Битія,.....).

Нижшей, Авраамъ Исаака, сна своего, приносит в жертву и агглъ з облакъ; внизу хартія.

Нижшей, градъ въ далекосцях, а ближшей Самсон врата градскія несет; внизу хартія (Царств. 1, глава 6).

Нижшей далекосцѣ да ліеншафти.

От Андрея, з другаго боку столпа: ліеншафти близкіи, а ближшей на земли сѣдит Исаакъ блгословит Іякова; хартія внизу: *Исаак блюсловит сна своего Іакова* (Битія, глава 27).

На том же слупѣ от панѣкадила вел.: въ далекосцях градъ; ближшей ліеншафти, а еще ближшей Валаам на ослѣ, а агглъ против; внизу хартія о ослѣ Валаама (Числъ, глава 22).

Другий слупъ от Андрея: ліеншафти; Іосифъ, сѣдящу Фараону на крѣслѣ, разсуждае с ним; ближшей море; из мора идут 7 коровъ худих, а на земли стоят 7 коров тлустих.

Хартія над Сампсоном, которій двери на собѣ несет: *Во крѣпости Дха Бжія Сампсонъ захити двери оу врат града со обоима подбоема, и возложи я на рамѣ свои, и вознесе я на верхъ гори* (Судей, 16 глава).

In 1-mis, beatitudinu. ad..... хартія: Іисъ осмъ блаженствъ апстломъ и народом возвѣщает; нижшей: *Блжни нищіи*, и протчая.

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ въ шесть-семь строкъ.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ зачеркнуты слова: «апокалѣптична штучка».

Запись объ освященіи Великой Лаврской церкви [1]).

Освтися црковь Оуспенія Прстія Бцы и олтарь во славу и честь Бга, въ Тройци Стѣй славимаго, повелѣніемъ Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Великаго Гдря нащего Петра Втораго, Імператора Всея Россіи, блгсвеніемъ Святѣйшаго Правителъствующаго Всеросийскаго Синода, рукодѣйствіемъ же преосвященнаго Варлаама, архіепспа кіевскаго, галицкаго и Малія Росии, съ присутствующими с ним: преосвященнимъ Иродионом, епископомъ чернѣговским, и преосщеннимъ Іоакимом, епископомъ переясловским; и положены суть в немъ мощи стихъ сія: ст. апсла Варѳоломея, ст. апсла Варнави, ст. апсла и evг. Луки, ст. апсла первомучен. Стефана, ст. вел. муч. побѣдонос. Георгія, ст. вел. муч. Димитрія, ст. вел. муч. Ѳеодора Тирона, ст. вел. муч. Прокопія, ст. вел. муч. Пантелеина, ст. сще. муч. Антипи, ст. вел. муч. Меркурія, ст. вел. муч. Евстратія, ст. вел. муч. равноапстолныя Ѳекли, ст. вел. муч. Марини, ст. вел. муч. Евѳиміи—во приношеніи на немъ безкровеныя жертви во оставленіе грѣховъ всѣхъ православних христіянъ, при архимандритѣ Іоаникіи, въ лѣто от созданія мира 7237, от Рождества по плоти Бга Слова 1729, мця августа въ 14 днъ.

[1]) Въ подлинникѣ этого заглавія нѣтъ; оно вставлено нами.

Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—23 годы.

Напечатанный О. М. Бодянскимъ въ 1858 г. «*Діаріушъ, или журналъ, случающихся при дворѣ ясн. велм. его мил. п. Іоанна Скоропадскою гетмана оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ*", за 1722 годъ (за первую половину), веденный старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ [1]), показываетъ, какой драгоцѣнный источникъ для исторіи представляли эти *діаріуши*. Это были полные дневники административной дѣятельности правителей края; точность записей въ нихъ обезпечивалась оффиціальнымъ положеніемъ лицъ, которымъ поручалось ихъ веденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что діаріуши велись въ гетманскихъ канцеляріяхъ издавна. Вѣроятно, и упоминаемый Величкомъ діаріушъ Самойла Зорки, «секретаря» Богдана Хмельницкаго, представлялъ собою такой же дневникъ административной дѣятельности славнаго гетмана. Къ сожалѣнію, всѣ эти діаріуши погибли... Понятна гибель діаріушей за время до гетманства Скоропадскаго: уничтоженіе Батурина Меншиковымъ, въ ноябрѣ 1708 г., конечно, сопровождалось гибелью массы всякаго рода оффиціальныхъ бумагъ, принадлежавшихъ хотя бы двумъ канцеляріямъ—гетманской (генеральной) и судебной (генеральнаго суда). Но гдѣ и когда погибли діаріуши за 1709—1721 годы гетманства Скоропадскаго?—Ничего сказать нельзя. Повидимому, они погибли еще въ Глуховѣ, такъ какъ въ Черниговѣ (въ перевезенномъ изъ Глухова архивѣ) слѣдовъ ихъ не было видно... Сохранился діаріушъ за первую половину 1722 г., веденный Николаемъ Ханенкомъ, и сохранился не въ оффиціальномъ архивѣ, а въ семейномъ...

---

[1]) Біографическія данныя о Н. Ханенкѣ и подробности о составленномъ имъ діаріушѣ помѣщены нами въ предисловіи къ Дневнику, веденному Ханенкомъ съ 1727 по 1753 г. и напечатанному подъ нашей редакціей въ «Кіев. Стар.» за 1884—86 гг.

Сохранилось и продолженіе этого діаріуша. Продолженіе это начато со дня смерти Скоропадскаго (3 іюля 1722 г.) и доведено до конца 1723 г. [1]). Это было время установленія въ Глуховѣ малороссійской коллегіи, съ Вельяминовымъ во главѣ, и попытокъ наказнаго гетмана Полуботка защитить гетманскую автономію. Діаріушъ за указанные полтора года представляетъ собою фоліантъ въ нѣсколько сотъ страницъ и врядъ ли скоро дождется изданія. Мы его пріобрѣли въ Черниговѣ и пользовались имъ при написаніи своей монографіи о Полуботкѣ [2]). Теперь мы печатаемъ здѣсь отрывки изъ этого діаріуша, желая дать лицамъ, изучающимъ исторію Малороссіи возможность ближайшаго ознакомленія съ памятникомъ, который, по своему содержанію, приближается къ мемуарамъ. — Историческія лица изъ среды козацкой старшины первой половины XVIII в.—Полуботокъ, Чарнышъ, Яковъ Лизогубъ, Игнатій Галаганъ, Данило Апостолъ, Яковъ Марковичъ — какъ бы оживаютъ въ этомъ діаріушѣ, что и даетъ возможность ознакомиться съ индивидуальными чертами общественной дѣятельности каждаго изъ нихъ.

Желая обезпечить сохранность этого діаріуша, мы передали его въ библіотеку университета св. Владиміра.

А. Лазаревскій.

---

[1]) Діаріушъ Ханенка законченъ подробнымъ описаніемъ погребенія Скоропадскаго (3—5 іюля). Продолженіе діаріуша, начатаго Ханенкомъ, было, какъ видно изъ замѣтки подъ 28 августа 1722 г., поручено, съ 3-го іюля, Филиппу Борваковскому, называющему себя «писателемъ сего діаріуша», и ведено имъ до марта 1723 г. Съ этого мѣсяца діаріушъ уже составляетъ канцеляристъ Павелъ Ладинскій, указавшій на свое авторство въ сочиненномъ имъ акростихѣ. (См. начало марта 1723 г.).

[2]) Русскій Архивъ, 1880 г., кн. I—я.

ЖУРНАЛЪ,

сиесть,

насущная записка дѣлъ, въ войсковой енералной канцеляріи приключаючыхся, отъ дня смерти ясневелможного его млты пана Іоанна Скоропадского, войскъ его императорского всепресвѣтлѣйшого величества запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра гетмана,

наченшаяся року 1722, мѣсяця іюля 3 дня[1]**).**

М-цъ іюль, 3. Сего мця іюля 3 дня, ясневелможный его млть пнъ Іоаннъ Скоропадскій ... гетманъ, зъ полудня, въ начинаніи шестого часа, временное свое окончилъ житіе, при якой кончинѣ присутствовали велможные ихъ млть: пнъ полковникъ чернѣговскій, пнъ писаръ и пнъ асаулъ енералные и пнъ полковникъ лубенскій; а для отданя рейментару своему валедикціи послѣдной и многіе поважные были на тотъ часъ особы.

— **4.** Писана грамота въ сенатъ, зъ обявленіемъ о смерти гетманской и зъ прошеніемъ опредѣленія, кто бы мѣлъ порядками малороссійскими вѣдати до опредѣленія нового гетмана, где упомнено, же при смерти своей покойный ясневелможный правленіе дѣлъ поручилъ его млти пну Павлу Полуботку, полковниковѣ чернѣговскому.

— **5.** Зъ пречоною грамотою одправленъ Заецъ, машталѣръ двору покойного ясневелможного.

— **7.** Приехавши пнъ полковникъ чернѣговскій зъ старшиною енералною зъ Гамалѣевки въ Глуховъ велѣли готовить во всѣ полки унѣверсали, зъ обявленіемъ о смерти гетманской и зъ грознимъ увѣщеваніемъ, чтобъ такъ старшина всякого чину, якъ и чернь, въ прежнемъ найдовалися состояніи, то есть, жадного предъ себе не забѣрали бъ легкомислства; а хто бы мѣлъ яковое вщинати самоволіе, то таковый

---

[1]) Такое общее заглавіе имѣетъ вся рукопись.

всякъ взисканъ будетъ до резиденціи гетманской въ Глуховъ и значное на тѣлѣ понесетъ каране; якожъ по тому ихъ милостей указу тогдажъ во всѣ полки и писано.

М-цъ августъ, 2 [1]). Его сіятелство г. князь Трубецкой приехалъ въ Глуховъ.

— **3**. Ихъ млть панове писаръ и асаулъ енералные были у его сіятелства князя Трубецкого, где, при присутствіи брегадира, мѣли розговоръ о малороссійскихъ людехъ зъ козацства въ мужицство, а зъ мужицства въ козацство самоволно и зъ примусу державцовъ переворочаючыхъся, що абы впредь не чинилося, совѣтъ таковій учинили, дабы тихъ тилко козаковъ зъ мужицства, а мужиковъ зъ козацства не виписовати, которые зъ дѣда и отца чи то козакують чили мужикують, а протчіихъ всѣхъ, по учиненю ревѣзіи, кождого до своего приворочать рангу.

— **4**. Велможный его млть панъ полковникъ чернѣговскій и наказный гетманъ надъ вечоръ приехалъ въ Глуховъ и, не едучи ку дому своему, первіе посѣтилъ бытностю своею его млти пана писара енералного.

— **5**. Прислалъ г. брегадиръ зъ малороссійской коллегіи указъ, дабы, по чоломбитю Витемлянъ, подданныхъ сотника погарского, на державцу своего, єму, г. брегадиру, занесенномъ, зисканъ былъ онъ, сотникъ, указомъ на мѣстцу гетманскомъ коммендующыхъ; на що ихъ мл. панове полковникъ чернѣговскій и старшина енералная таковый отвѣтъ учинили, что помянутіе витемлянскіе жители до насъ жалобы не предлагали и не вѣдаемъ, по якомъ челобитю ихъ того сотника сюда призвати; чого ради должны первіе намъ челомбите свое занести, по которомъ зисканъ будетъ сотникъ погарскій и енералнымъ первіе войсковимъ судомъ розийтися.

— **8**. Рано былъ у г. брегадира п. полковникъ чернѣговскій зъ старшиною енерал., где розговоръ имѣли о всякихъ приходахъ и расходахъ украинскихъ.

— **9**. Подъ датою вчорайшого числа писани во всѣ полки унѣверсали, зъ обявленіемъ, что, по смерти гетманской, по присланной зъ сената грамотѣ, правленіе дѣлъ малороссійскихъ содержить п. полковникъ чернѣговскій; прето, еслибы хто мѣлъ свою на кого заносити

[1]) 1722 года.

аппелляцію, чили иншую якую мѣетъ свою нужду, то таковый всякъ до его п. полковника вдаватися и своему дѣлу требовать рѣшенія повиненъ.

М-цъ августъ, 12 [1]). Въ стародубскій полкъ цедулою написано, ижъ бы и наказный тамошный, обыйскавши стариковъ, Хмелничщину памятающихъ, допросилъ ихъ, чи были якіе за гетманства Хмелницкого зборы въ казну государеву, а именно, были ль денежные и хлѣбные; и, что они скажуть, о томъ подлинно велѣвши записать, присилалъ тую записку въ Глуховъ.

— На присланный одъ г. брегадира, августа 11, листъ о зиску зъ полковъ добросовѣстныхъ и пожиточныхъ людей, которымъ бы всякіе денежные и хлѣбные зъ полковъ повѣрить зборы, писано въ отвѣтъ, что неодкладно во всѣ полки о присилце таковыхъ людей засланы будутъ указы.

— **17**. Посланъ указъ по Генваровского, чтобъ дня завтрейшнего приездилъ въ Глуховъ, ибо мѣетъ послатися для вибору десятини медовой въ полкъ Переяславскій.

— Зъ малороссійской коллегіи принесенъ указъ, чтобъ козаковъ до жадныхъ работизнъ не употребляно и никакихъ накладовъ зъ оныхъ, когда къ суду прийдутъ, не взимано подъ опасеніемъ штрафа.

— **19**. Писани во всѣ полки унѣверсали упоминателные, абы пп. полковники, старшина полковая, сотники, державци духовные и свѣцкіе, атамани и протчіи урядники и отнюдъ нѣхто не дерзали козаковъ до приватныхъ своихъ работизнъ принуждати и употребляти; но мѣютъ оны, козаки, при своихъ свободахъ зостаючи, толко войсковые, чину ихъ козацкому пристойные, одправовати услуги; а если кто вишеписанному явится преслушенъ, а опослѣ тое на его донесено и вправду доказано будетъ, таковый, безъ пощадѣнія, якого бы ни былъ чину, знатно наказанъ будетъ. Такожъ и суды иж бы везде по полкамъ со всякимъ надлежащимъ порядкомъ устроени были, жебы не самъ и не единъ судя, але въ присутствіи и другой старшини и безурядовыхъ, толко бы честныхъ и разумныхъ особъ, которыхъ нарочно къ тому опредѣлити належитъ, справи судовіе въ судебной избѣ разсмотровалъ и рѣшилъ бы обще, совѣстно и поистиннѣ, якъ право и самая слушность показуетъ, безъ жадного пристрастія и неправости

[1]) 1722 года.

и безъ накладовъ, не наровячи нѣкому и не посягаючи нѣ на кого; якымъ порядочнымъ образомъ абы и въ сотенныхъ тихъ полковъ городахъ урядники по своему званію суди одправовали. А особливе по селахъ, где (якъ слишно) атаманя и войти въ шинковныхъ дворахъ, при нѣятицѣ, судятъ и на винного шию напивають; чтобъ одселѣ въ пристойныхъ мѣстахъ не пянственнымъ, но трезвымъ умомъ людей жалобливыхъ зъ обжалованными справи слухали и окончевали; корчемные же суди абы вовся одставлени и искорененны были, грозно подъ опасеніемъ срогого караня приказано. Еслижъ хто, сѣлскимъ албо сотеннымъ не доволствуючися судомъ, апеллiоватиметъ до полкового или зъ полкового до енералного суда, теди велено судямъ, предъ которыми тотъ апеллянтъ судимъ былъ, писменное за руками своими требуючой сторонѣ дати свѣдителство, зъ подлинною всеей справи и контроверсіи обоихъ сторонъ описю. А когда сіе унѣверсали пп. полковники получатъ и що по нихъ учинено будетъ, абы о томъ всемъ отвѣтствовали писменно, пилно приказано.

М-цъ августъ, 20[1]). Былъ его м. п. полковникъ чернѣговскій зъ старшиною енералною у г. брегадира, где доволно дискуруючи о зборахъ, якъ и о протчемъ, пробавили въ посидѣню годинъ зо тры.

Сего числа полѣцено всякіе дѣла, до суду приключаючіеся, рѣшить панамъ Нѣроцкому, Тарасевичу, Уманцю и Чуйкевичовѣ.

— **22.** Ходили урядники глуховскіе, зъ приданнымъ себѣ отъ г. брегадира маіоромъ Лихаревимъ гварнѣзону кіевского, въ склепъ гетманскій для осмотру грошей тамъ будучыхъ; одколь повернувшися, донесли, что тилко на лице всѣхъ грошей указалось во всѣхъ мѣшкахъ 6358 рублей.

— До п. полковника лубенского писано, абы справнѣйшое, за рукою своею и старшини роменской, прислалъ, якъ найскорѣй, вѣденіе о всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ зборахъ, полковихъ и ратушныхъ, а барзѣй ярмарковыхъ, по чому зъ едного кождого ярмарку збирается грошей, такожъ о пчоляной и тютюнной десятинѣ, подъ опасеніемъ за нескорую и порядочную присилку штрафа.

— До п. полковника гадяцкого писано, абы присилалъ подлинную и обстоятелную за рукою своею реляцію, сколко якихъ денежныхъ и хлѣбныхъ зборовъ въ полку его подъ вѣдомомъ его есть,

---

[1]) 1722 года.

яко то, покуховныхъ денегъ и протчего всего именно; такожъ сколко якого року той денежной повинности вибирано, куди расходилося или одсилано, и если оные до Глухова якого времени и черезъ кого присиланы были, тутъ зась хто приймалъ оніе и квѣтаціи давалъ, обо всемъ томъ увѣдомилъ, да и пп. писара и судію своихъ полковихъ сюда присилалъ.

— На принесенный зъ малороссійской коллегіи указъ о присланію въ оную вѣденія, по чому и одъ чого сборщикамъ въ казну збирать и коликое число въ годъ денежныхъ доходовъ въ Малой Россіи збиралось, отвѣтствовано, же, о чомъ были извѣстны, о томъ пунктами прошедшого сего августа 11 числа въ коллегію объявлено, а о протчемъ, чого не вѣдоми, о томъ могутъ самы тіе люде, которыхъ зъ полковъ пришлютъ зборщиками, учинить одъ себе малороссійской коллегіи подлинное на писмѣ о всѣхъ, где якіе суть, сборахъ отвѣтствіе.

М-цъ августъ, 23[1]). Былъ его м. п. полковникъ чернѣговскій зъ старшиною енералною у г. брегадира, которого застали сидящого зъ гг. полковниками Кошелевимъ и Ушаковомъ и маіоромъ Лихаревимъ, где ово о волностяхъ прежныхъ козацкихъ розговоруючи и стати Богдана Хмелницкого едины другимъ представляючи, ово о зборахъ и зборщикахъ дишкуруючи, такожъ и о протчіихъ разныхъ вещахъ, пробавили въ посидѣню ажъ за обѣдню пору, и того ради жадныхъ сего числа не было експедицій.

— **24**. Писано цедулою до п. наказнаго полковника переяславского, для чого о инныхъ зборахъ тамошныхъ переяславскихъ, опроч покуховныхъ, жадного не прислалъ вѣденія, ни зборщиковъ, которыи бы всѣми зборами въ полку Переяславскомъ, на булаву гетманскую и въ городахъ на ратушные расходы взимаемими, завѣдовали. Того ради предложено, абы, якъ наискорѣй, о всемъ томъ, по чому, где, зъ чого, когда и одъ кого що берется, вѣденіе, праведно спорядивши, за своею рукою и другой старшины и войтовъ, чрезъ зборщиковъ, на тое опредѣленныхъ, присилалъ сюди. А если бы що зъ зборовъ, въ самомъ городѣ Переяславѣ и въ сотняхъ взимаючыхся, въ ономъ городѣ утайкою не выражено было, то тое на самому ему взищется; чого ради велено одъ сотенной старшини и войтовъ, за руками ихъ, о всякихъ

[1]) 1722 года.

зборахъ принимати для одсилки сюда вѣденія; зборщиковъ зась главнѣйшыхъ опредѣлити зъ посполитыхъ людей добросовѣстныхъ, пожиточныхъ и письменныхъ двохъ, которыи бы о всѣхъ зборахъ, въ самомъ городѣ Переяславѣ и во всемъ полку тамошнемъ стягаючыхся, вѣдали надъ протчіими зборщиками и въ своемъ досмотрѣ оные мѣли вѣрно и порядочно, понеже оные въ Глуховѣ на томъ и присягу виконати мѣютъ.

Августъ, 25[1]). Была старшина, правителствующая на мѣстцу гетманскомъ, въ малороссійской коллегіи, где приговорили, хочай и не хотѣли, ижъ бы такъ зъ козаковъ, якъ и зъ мужиковъ, пчелная и тютюнная взимана была десятина. Такожъ обѣщались, по доволной одговорцѣ, вѣденія, за руками своими и урядницкими, одъ якихъ якое привезено будетъ, о зборахъ, одъ чого по чему брать, присилать въ коллегію, и всякихъ унѣверсаловъ, писемъ и указовъ туда жъ присилать за закрѣпомъ рукъ копіи.

— **26.** До наказного стародубского писано, чтобъ допросилъ старика Середу, бывшого подъ часъ Хмелничщины писаремъ, были ль якіе тогда збори, и що онъ въ допросѣ своемъ скажетъ, тое бъ прислалъ для вѣденія въ канцелярію войсковую енералную.

— **27.** Повторе до п. полковника лубенского писано, чтобъ присилалъ отвѣтъ на супплѣку, сербиномъ-дворецкимъ сотника ирклѣевского на его занесенную, где доложено и тое, ижъ бы такъ сего, якъ и впредь посилатися мѣючыхъ указовъ, легце не важачи, тщателно, безъ всякой остановки, исполняти старался.

— **28.** Писатель сего діаріуша, Филиппъ Борзаковскій, однеслъ доношеніе въ малороссійскую коллегію, куда податнѣй зъ полку Нѣжинского перевесть 4 роти консистентовъ.

— **28.** Была старшина у г. брегадира, где, о зборахъ подискуровавши, одийшли совокупне зъ г. брегадиромъ и протчіими малороссійской коллегіи членами до панеи гетмановой, и тамъ, всѣ гетманскіе такъ сего покойного п. гетмана, якъ и прежде его бывшихъ, одобравши клейноти, числомъ 15, зложили въ особное хранилище за своими печатми, тамъ же, въ дому гетманскомъ, крѣпкую надъ тимъ утвердивши кустодію.

---

[1]) 1722 года.

Августъ, 29 [1]). До п. судіи енералного писано, чтобъ всю сумму, наложенную ему обознымъ стародубовскимъ п. Прокопомъ Силенкомъ подъ часъ позву зъ п. Валкевичомъ, теперъ п. Тимофѣю, синовѣ его, обозного, возвратилъ такъ самъ, якъ и служители его, а то зъ тоей причини, что и превеликіе наклади побралъ и суду не укончилъ, ибо, еслибы не мѣлъ всего того накладу повернути, то мененный п. Тимофѣй принужденъ будетъ въ малороссійскую коллегію вдатися зъ чоломбитною.

Сентябрь, 5. Писани два укази: (единъ) о присилцѣ въ коллегію п. писара войскового енералного для отвѣтствія, чого ради онъ палчиковскихъ козаковъ велѣлъ старостѣ своему Иліи Савѣцкому употреблять до работизнъ мужицкихъ; а другій о учиненю извѣстія, съ коликого числа куфъ и почему одъ куфи привезшые зъ полковъ шафарѣ покуховные гроши брали и на якій росходъ употребляли.

Были ихъ мил. п. полковникъ чернѣговскій и п. писарь войск. енералный у коллегіи, где, по доволномъ о рожныхъ дѣлахъ совѣтѣ, одийшли зъ г. брегадиромъ на квартиру его брегадирскую и тамъ обѣдъ кушать изволили.

— **9.** До панеи асаулиной енералной посланъ указъ, дабы жителемъ березинскимъ Ерченкамъ безволокитно всякіе забори возвратила, ибо они намѣреваютъ зъ чолобитною вдатись до коллегіи.

— **12.** Писано до его м. п. Іоанна Чарниша, судіи войскового енералного, чтобъ изволилъ, безъ всякихъ одговорокъ, печать судовую прислати для запечатованія укончennыхъ пп. особами зъ полковъ зисканими справъ и декретами повиписованныхъ; а еслибы не схотѣлъ его м. оддать помянутой печати, теди обявлено, что господа комендующіи принуждены будутъ чи то въ коллегію, чили куда далѣй, о томъ писать, что ни самъ его мил. судовимъ росправамъ не присутствуе, ни печати выдавать не хоче; а для того въ вершеніи дѣлъ розныхъ чоломбитчиковъ чинится не меншая остановка.

— **14.** По суплѣцѣ Дацѣя, жителя лукомского, на атамана бувшого тамошнего Матяша о заборѣ имъ, Матяшемъ, его скотини за порокъ злодѣйства писано до атамана теперешнего лукомского, чтобъ велѣлъ весь тотъ заборъ повернути мененному Матяшу, поневажъ на Дація то злодѣйство не довелося; о чомъ и до п. Ѳедора Яснополского

---

[1]) 1722 года.

писано, дабы за увѣчче надъ тимъ же Данѣемъ и за той же злодѣйства порокъ собою положенное учинилъ награжденіе ему жъ, Данію; а если бы тамъ зъ нимъ не погодилъся, то сгодабъ приездилъ въ Глуховъ предъ судъ енералный.

Сентябрь, 15 [1]). По супплѣци Стефана Цибуненка, козака сотнѣ Кролевецкой, на п. Маковскую о завладѣніи надаремне нивою его занесенной, писано до п. Маковской, чтобъ належные ему за тую ниву заплатила грощи.

— **16.** Его м. г. брегадиръ зъ присудствующими себѣ членами коллегіи малороссійской изволилъ быть по службѣ Божой у его м. п. полковника чернѣговского на водцѣ, где, забавившись часовъ зо два, одийшолъ на свою квартеру.

— **17.** Ихъ мил. панове старшина изволили быть въ малороссійской коллегіи, где когда его м. п. полковникъ чернѣговскій предлагалъ г. брегадиру, что тое есть зъ досадою (мовитъ) намъ, что ваше благородіе всегда насъ указами засилаешъ, а намъ зъ вашимъ благородіемъ сношеніе и сообщеніе во всякихъ дѣлехъ имѣть указъ императорского величества повелѣваетъ, такожъ и унѣверсаловъ тилко копіи за подписаніемъ рукъ нашихъ, а не кождого писма въ малороссійскую коллегію присилать надлежитъ; теди онъ между инними, якъ бы досадителными, отвѣтами сказалъ, что я (мовитъ) именный императорского величества о всемъ томъ указъ таковый имѣю, которого не тилко вамъ, старшинѣ малороссійской, але и присудствующимъ мнѣ малороссійской коллегіи членамъ, обявить не мощно. А за тимъ розкритовавъшись и чоломбитной, одъ всей старшини малороссійской на имя императорского величества написанной, зъ прошеніемъ одставки зборовъ ново теперъ укореняючыхся, не принялъ, но отвѣтствовалъ, дабы сами малороссіяне зъ тою чолобитною чи то до самого импер. величества чили въ сенатъ ехали и тамъ на оную искали резолюціи.

— **19.** Писано до старости подлипянского, чтобъ Остапа Шмата, старца, жителя поповского, худобу, за пополнене сыномъ его зъ прочіими легкомислними бабѣ блудного грѣха и смертного убийства заграбленную, возвратилъ и зъ хати зъ женою его не вигоняли.

— Виданъ унѣверсалъ Григорію Ивановичу, атаману бобровницкому, зъ товариствомъ, позволяючій оному волное ловлене водныхъ

[1]) 1722 года.

звѣрковъ бобровъ въ рѣчкахъ Сожѣ, Ипутѣ, Веседѣ, Судостѣ, Ивотѣ, Убедѣ, Деснѣ и по якихъ колвекъ рѣчкахъ, въ чіихъ нѣбудь маетностяхъ, духовнихъ, свѣцкихъ владѣлцовъ будучихъ.

Сентябрь, 19[1]). Виданъ указъ п. Ивану Холодовичу, сотникові воронѣжскому, на село Пироговку, чтобъ оное ему прислушало и всякое чинило послушенство.

— Послани въ великій градъ Москву до правителствующого сената п. Димитрій Володковскій, знатный товарищъ войсковый, и сотникъ воронѣжскій Иванъ Холодовичъ, съ прошеніемъ отъ всего войска Запорожского малороссійского у его императорского, пресвѣтлого величества милости и призрѣнія, чрезъ которихъ туда до двору его импер. величества писменніе прошенія отправлени.

— Въ сей же грамотѣ включено отъ ихъ мил. пп. старшинъ, комендующихъ въ правителствующій сенатъ доношеніе, просителное милостивого импер. величества призрѣнія и резолюціи на чолобитную отъ всей малороссійской старшины и знатного товариства на имя импер. величества тамъ же приложенную въ такой силѣ: чтобъ всемилостивѣйшій государь небываліе въ Малой Россіи доселѣ пчоляную десятину, противно волностямъ быть начинаемую, зъ державскихъ маетностей и млиновъ купленнихъ, гетманскими унѣверсалами и грамотами императорского величества утвержденнихъ, и зъ пашковъ горѣлчанихъ старшинскихъ, державскихъ и протчіихъ заслужоних особъ и зъ козацкихъ подсусѣдковъ подати изволилъ милостиво отставить.

— Особенно писанъ отъ его м. п. полковника чернѣговскаго до превосх. г. Ивана Давидовича Познякова, высокоправителствующого сената оберъ секретара, о наказничествѣ.

— 21. Виданъ позовъ по Ивана Мироновича, товарища сотнѣ глуховской, о порабощеніи въ подданскую тятлость пустогородскихъ коваковъ Каленика да Микити за долгъ полчварта рубля и въ пяти рубляхъ клячу ими отъ него взятую, чтобъ на расправу прибувалъ въ Глуховъ.

— 22. Писанъ листъ до его м. п. судіи войскового енералного, по чолобитю полчанъ стародубовскихъ, чтобъ далъ знати, якъ зъ ними схочетъ, чи мѣрковатися, чи пуститъ оних до верхней апелляціи.

---

[1]) 1722 года.

Сентябрь, 22 [1]). Послано доношеніе въ коллегію по чолобитю пп. Карпѣковъ о збунтовавшихъся пустогородницкихъ селянахъ, ихъ подданихъ, и не хотячихъ быть въ подданствѣ, просячи разсужденія, що зъ тимъ чинити.

— **24.** Писанъ листъ до п. Андрея Лизогуба, упоминаючій, чтобъ Грицку Шкуренку заграбленній его дворъ зъ двома хатами, принявши отъ него гроши золотихъ сто долженіе, уступилъ всеконечно.

— Чрезъ Семена Коровайца, солдата полку г. Писарева, принесенъ указъ зъ коллегіи, чтобъ дѣло подлинное тупиголовского козака Петра Ивановича, зъ Иваномъ Мануйловичемъ, сотникомъ глуховскимъ, о завладѣнномъ млину заводное, прислать въ оную коллегію.

— Принесенъ указъ зъ коллегіи, по чолобитю бывшого енеральной артилеріи асаула Карпѣки жени Уліяни Кандибовни зъ дѣтми въ противностяхъ подданныхъ ея пустогородскихъ и въ бои старости ея, чтобъ о всемъ розискать и учинить по указу императорского величества.

— Сего жъ числа ихъ м. панове старшина, на мѣстцу гетманскомъ Малороссіею комендующая, визитовали бытностю своею въ дворѣ его мил. г. брегадира Веляминова, где въ разныхъ интересахъ розговорували.

— **26.** Писанъ позовъ по Матвѣя Пятака, старосту сокѣринского, чтобъ, по жалобѣ Михайла Онопрѣенка, козака сотнѣ прилуцкой, о бои его самого и жони его жъ и о отнятіи поля у оного, прибувалъ въ Глуховъ на расправу.

— Писанъ листъ до п. полковника наказного переяславского, дабы онъ шаблю, бурку и коня зъ кулбакою Якову Янченку, охочекомонного полку Ковбасиного товаришевѣ, за убийство писара тогожъ полку отъ него забранніе, возвратилъ.

— Писанъ листъ до п. бунчучного войск. енералного, по жалобѣ ей м. панеи гетмановой, чтобъ отчини, въ кгрунтахъ покойного ясневелможного буровскихъ купленной, уступилъ, а гроши за оную данніе принялъ бы безъ далшой турбаціи, поневажъ въ чужую державу вкуповуватися для обиди не надлежитъ.

— **27.** Писано доношеніе зъ дѣломъ, къ справѣ козака тулиголовского Петра Иващенка, зъ сотникомъ глуховскимъ Иваномъ Ма-

---

[1]) 1722 года.

нуйловичомъ заводной, належнимъ, просячи помянутому Иващенку наказанія, что онъ зъ суду енералного, не дождавшись конца, уйшолъ.

Сентябрь, 27[1]). Писано доношеніе въ коллегію о папері, смолцѣ, линѣи, воску и прочіихъ рѣчахъ, въ канцелярію войсковую енералную потребнихъ, которіе, передъ симъ въ канцелярію выстатчаючіеся отъ екзактора войскового, теперъ не прислани, чтобъ приказала малороссійская коллегія тіе потребности екзакторови присилать въ канцелярію попрежнему.

Октябрь, 8. Писанъ листъ до п. Березовского, асаула полкового стародубского, дабы взятки, подъ часъ розиску, чиненного у рѣзника каменского, имъ побранніе, любъ присилалъ якъ найскорѣй, любъ самъ пріездилъ въ Глуховъ.

— **10.** Писанъ листъ до п. Якова Гречаного, дабы взятіе у подданихъ своихъ римаровскихъ грабежи возвратилъ, подъ опасеніемъ передъ судомъ войсковимъ енералнимъ, когда за тое въ Глуховъ зисканъ будетъ, наказанія и чтобъ не утратилъ того жъ села.

— **13.** Писанъ листъ до п. полковника наказного стародубского, чтобъ витемлянъ, подданихъ п. Кгалецкого, учинившихъся ему ослушними, чрезъ нарочного, отъ себе посланного, смирилъ.

— **15.** Писанъ листъ до п. Андрея Лизогуба, по чолобитю козаковъ жителей погребскихъ, до подданской повинности и податей мужицкихъ чрезъ его, п. Лизогуба, приверненнихъ, дабы ихъ содержалъ въ услугахъ козацкихъ, имъ пристойнихъ, и жони бъ ихъ зъ вязеня освободилъ.

— Послани пп. Леонъ Пилатовичъ и Семенъ Словуцкій въ Некрасовъ для розиску о кгрунта некрасовскіе, княземъ Яномъ Четвертинскимъ отнятіе, зъ даннимъ имъ з войсковой енералной канцелярій унѣверсаломъ.

— **20.** По жалобѣ п. Лаврентія Христича, бывшого сотника чорнусского, о отнятю села Бондаровъ, сотництва и о взятіи у оного копя, 15 червонихъ золот., у сына его 200 золотихъ и у его самого сѣна скиртъ 5, по 300 копицъ, зъ чого у него тогда 70 здохло товару, писанъ листъ до п. полковника лубенского, дабы онъ во всемъ суплѣкуючого погодилъ.

---

[1]) 1722 года.

Октябрь. 30[1]). Послани во всѣ полки зъ малороссійской коллегіи укази о запорожцахъ, дабы ихъ нѣгде не принимать и перестеригать, и, ежели где явятся, обявлять, и кримцамъ обявить, щобъ зъ собою запорожцовъ не провозили, и зъ малороссійскихъ обывателей нѣхтобъ въ Запорожже не ходилъ подъ опасеніемъ жестокого штрафа и наказанія.

Ноябрь, 1. Сего первого числа ноеврія ихъ м. гг. коллегіати, такъ тежъ ихъ м. пп. старшина енералная, банкетовали у его мил. п. полковника чернѣговского и яко помянутіе особы на ономъ банкетѣ соленне были приймовани, такъ взаемне оние тамъ охотно гуляли чрезъ цѣлий день и в нучь до-позна.

— **2.** О покойномъ полковнику полтавскомъ Ивану Черняку, при каналѣ ладожскомъ преставлшомъся, а октоврія 20 дня въ Полтавѣ погребенномъ, отвѣтствовано, жичачи умершому вѣчного на небеси упокоенія, а ему, Якову Черняку, посланъ унѣверсалъ, тое наказного полковництва въ полку Полтавскомъ правленіе ствержаючій. Вишъ писанный унѣверсалъ удержанъ и не посиламъ до совѣту и согласія зъ малороссійского коллегіею, о чомъ ему, Черняку, обявлено цедулою. Вишъпомянутий унѣверсалъ въ килка дней оному полковнику наказному посланъ.

— По чолобитю села Хмелювки жителей на Ивана Паливоду, своего державцу, о забраню у онихъ худобы и протчіихъ имъ отъ него утискахъ, отъ чого мусѣли розволоктися, писанъ листъ до п. полковника наказного стародубского, дабы его, Паливоду, упомнѣлъ и, если не имѣетъ гетманского унѣверсалу, село отъ него одобралъ.

— Писанъ листъ до п. полковника лубенского, (дабы?) Василя Шевченка и Илію Покотиленка, на него жалобу занесшихъ, велѣлъ возвращеніемъ забранныхъ у нихъ вещей уконтентовати безъ далшой турбаціи.

— **3.** По жалобѣ Грицка Николаенка, жителя николаевского, на Андрѣя, господара двору п. полковника лубенского, о загребленномъ у него коню и протчемъ, о порубаню лѣса и о витолоченю трави писанъ листъ до полковника лубенского, дабы велѣлъ оного зъ господаромъ судомъ полковимъ росправити и оному все возвратить.

---

[1]) 1722 года.

Ноябрь, 3[1]). Писанъ листъ до п. полковника лубенского о рыморовскихъ жителяхъ подданихъ п. Якова Гречаного, товарища полку гадяцкого, дабы послалъ отъ себе п. писара полкового и сотника роменского на розискъ о грабительствѣ имъ, селянамъ рыморовскимъ, отъ него, п. Гречаного, многихъ поль, лѣсовъ и протчихъ движимихъ и недвижимихъ ихъ имѣній, дабы о томъ, по самой слушности розискъ за своими руками справивши, присилали въ Глуховъ, а самихъ, если можно, примѣрили или обѣ стороны ставили бы на росправу въ Глуховъ.

— 4. Сего числа у его мил. п. писара войскового енералного былъ банкетъ, на которомъ яко всѣ ихъ м. пп. коллегіати, такъ его мил. п. полковникъ чернѣговскій зъ старшиною енералною, банкетовали до позна.

— 7. Писана цедула во всѣ полки до пп. полковниковъ о имѣвшой быть посилци до его императорского величества, где теперъ превисокою монаршою обрѣтаетъся особою, искаючи въ нуждахъ малороссійскихъ милости; чого ради повелено, дабы приказали зо всякого полку по двѣ персони знатнихъ до тоей виправи прибратися и коней мѣти вготовости. Сяя цѣдула не писана, але оная отставлена.

— 8. Сего числа ихъ мил. гг. коллегіати, такожъ ихъ мил. пп. между гетманствомъ правящіе, были на банкетѣ у его м. г. прокурора.

— 11. Сего числа Осипъ Яцковъ, житель борщевскій, говорилъ въ столовой на п. Василія Гамалѣю, что вы хочете такъ мене сколоти, якъ войта Чеховскаго скололи; о чомъ заразъ тогдажъ предъ всѣми будучими въ столовой п. Василь Гамалѣя протестовалъся голосно, жебы тое было записано въ енералной войсковой канцеляріи, и потому опую протестацію въ діаріушъ записано.

— 16. Писанъ листъ до п. судіи войскового енералного зъ предложенемъ, чтобъ его мил. до судовъ принялся или, если бы отъ оныхъ весма удалялъся, дабы уже о томъ отвѣтствовалъ и, надѣятися ль чрезъ его п. судію енералнихъ судовъ дѣйствія или нѣтъ, увѣдомилъ бы писменно, ижъ бы вѣдали, въ якомъ содержаніи и отправленіи дѣла до суду надлежащіе имѣть, поневажъ зисканнихъ особъ з полковъ не ихъ есть правленія и не въ такомъ ихъ декрета суть валіеру, да и нѣзачимъ онимъ тутъ бавитися.

---

[1]) 1722 года.

Ноябрь, 24 [1]). Сего числа праздновали день ангела всепресвѣтлѣйшей монархинѣ Екатерины, ея величества всероссійской императрицы, и, при особномъ моленіи, за благополучное ея жъ величества долгоденствіе въ церквѣ соборной, где всѣ господа великороссійскіе и малороссійскіе правящіе присутствовали, чиненномъ, стрѣляно зъ арматъ, и, по отправленной оной церемонѣи, ихъ мил. гг. брегадиръ, всѣ коллегіати и протчіе особы были у его мил. п. полковника чернѣговского на учтѣ, где, когда зостали доволно утрактовани, розишлися всякъ во свояси по домахъ.

— **25**. Сего числа ихъ мил. п. полковникъ и п. бунчучний войсковый енералный были на обѣдѣ у его м. г. брегадира Веляминова.

— **26**. Сего дня п. Димитрій Володковскій, знатн. тов. войск., и п. Иванъ Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, возвратился воспять зъ милостивою его императорскаго величества грамотою въ той силѣ, что его императорское величество, жалуя вѣрнихъ своихъ подданихъ за вѣрніе служби и презирая на малороссійскій народъ, указалъ въ томъ, въ чемъ было прошеніе и жалобы въ поступкахъ на брегадира Веляминова и на малороссійскую коллегію, объ отвѣтствіи и, если такъ есть, объ исправленіи и, чтобъ поступали по данной имъ инструкціи, послать къ нимъ указъ и полковнику чернѣговскому, и енералной старшинѣ зъ брегадиромъ Веляминовымъ и зъ малороссійскою коллегіею, къ ползѣ народа малороссійского поступать бы согласно. А посиланніе вишъ именованніе пожаловани жалованемъ и отпущени зъ сею грамотою попрежнему.

— **27**. О смерти покойного п. гетмана зъ извѣстіемъ къ его императорскому величеству пп. Семенъ Рубецъ и Василь Биковскій, войсковое товариство, до Астраханѣ ездившое, возвратилися и зъ Сената премощную императорского величества грамоту зъ собою привезли, въ якой изявляетъ, что, о смерти оного гетмана Скоропадского извѣстившися, вѣдаючи его вѣрніе службы и усердное въ интересахъ государственныхъ радѣніе, его императорское величество соболѣзнуетъ, а елекцію нового гетмана до возвращенія своего зъ далнѣйшого военного отсутствія отлагаетъ и тогда тое исполнить по желанію обѣщаетъ, и по оную елекцію вѣрнимъ подданнимъ, полковнику чернѣговскому Павлу Полуботку зъ старшиною енералною, Малороссіи пра-

[1]) 1722 года.

вленіе повѣрено, вѣдая ихъ вѣрніе службы; въ якомъ правленіи такожъ бы имъ показовать вѣрніе службы, за что, милостію жалуя, не оставить его императорское величество деклярует.

Декабрь 1[1]). Писанъ листъ до п. сотника глуховского взглядомъ принесенной зъ малороссійской коллегіи промеморіи, по челобитю села Погребокъ сотнѣ глуховской 20 человѣка, именно, Андрѣя Колесника, Аѳанасія Ермолаева и друг., зъ козацства будто повернениихъ чрезъ бунчучного Константія Голуба въ мужицкую тяглость, а потомъ въ подданство Евфиму Лизогубу, а послѣдователю сыну его Андрѣю Лизогубу доставшихъся, и дабы объ онихъ козакахъ п. сотникъ глуховскій у иннихъ старинныхъ козаковъ распросилъ, если отцы ихъ зъ ними где козаковали, такожъ суть ли ихъ имена въ компутѣ прежнихъ сотниковъ глуховскихъ; о всемъ бы розискавши, прислалъ за рукою своею вѣденіе.

— **2.** Писани во всѣ полки къ паномъ полковникомъ листи, жебы ралцовихъ виборовъ къ наступающому Рождества Христова празднику з козаковъ для ихъ многихъ трудностей не чинено, поневажъ, за покойного еще пана гетмана Скоропадского, указомъ егожъ оний вовся восталъ отставленъ, такожъ и зборщикамъ оного збору вибирать бы не допускали.

— **3.** До п. полковника лубенского писалъ листъ, дабы Костѣ Шишенку все до найменшого загребленное приказалъ нагородить и во всемъ безъ болшой турбаціи успокоить, у которого, за украденное братомъ его меншимъ одно ягня, онъ, п. полковникъ, заграбилъ полтораста овецъ, лѣсъ его зрубалъ, п. судія полковый взялъ воловъ 7, коровъ 7, клячъ 5, коней верховихъ два, грошей талярей 10 и сотникъ лукомский купъ 10 взялъ и лѣсъ вирубалъ.

— Писани во всѣ полки унѣверсали взглядомъ многихъ затѣекъ отъ малороссійской коллегіи всей Малороссіи излишнимъ въ казну императорского величества, *надъ указъ его монаршій*, не подлугъ статей гетмана Богдана Хмелницкого зборами, бранемъ отъ старшини, державцовъ и церковниковъ и козаковъ тютюнную и медовую десятину, рѣвѣзіею всѣхъ млиновъ и иншихъ всякихъ угодій и пожитковъ, чрезъ оффицеровъ, при указахъ отъ оной посиланнихъ, чиненною, и публѣкованемъ отъ себе унѣверсаловъ о удаваню ся зъ жалобами въ

[1]) 1722 года.

оную коллегію и протчіихъ показанныхъ, обявляючи, что чрезъ пп. Володковского и Холодовича, зъ подданническимъ прошеніемъ въ высокоправителствующій сенатъ посиланныхъ, получена императорского величества зъ милостивымъ призрѣніемъ о зборахъ всѣхъ отставленныхъ, опрочъ зборовъ денежныхъ, хлѣбныхъ и всякихъ, которіе по статямъ Богдана Хмельницкого въ казну монаршую взимати повелено, такожъ и о судахъ, якимъ порядкомъ оніе отправоватися мѣютъ, о чомъ въ унѣверсалѣ семъ доволно виражено подлугъ грамоти и пунктовъ, въ екстрактѣ виписанныхъ, якой грамоти и тихъ екстрактовъ зъ пунктами премногими, милосердіе императорского величества изображаючими, подъ датою 26 дня ноеврія будучихъ, копіи приложени для опублѣкаціи при тихъ унѣверсалахъ, чтобъ милости императорского величества были всѣ извѣстни и благодарни и за оную служили вѣрно со всякимъ усердіемъ. Предложено зась, дабы у войтовъ люде посполитіе, а козаки перво у атаманѣ судилися; и сужено бъ онихъ безъ всякихъ прихотей, безъ взятковъ и безволокитно, виннихъ карано и писмами вправду закрипляли бы; а оттоль бы уже челобитчики удавалися до сотенныхъ, а отъ сотенныхъ до полковихъ, а отъ полковихъ до енералного судовъ, и отъ енералного до коллегіи; а которіе у нижшихъ не будутъ, тихъ до вишшихъ не принимать; а зъ меншихъ судовъ до болшихъ присилали бъ свѣдителства о упартости челобитчика, за кимъ и за чимъ справа якая не укончена и безъ такихъ свѣдителствъ нѣкого у вишшихъ судовъ не принимать, а за недане онихъ свѣдителствъ зъ судей полковихъ и сотенныхъ брать до скарбу войскового штрафъ повелено будетъ.

При посилци вишепомянутихъ въ полки унѣверсаловъ о одставцѣ показованныхъ надъ указъ императорского величества отъ малороссійской коллегіи поступковъ, писани до всѣхъ пп. полковниковъ листи, зъ прилогомъ копіи грамоти императорского величества и екстракту, якіе, абы везде копіями по сотняхъ розосланы и при унѣверсалахъ опублѣковани, а кому здается за слушность, въ книги ратушніе актиковани были, повелено, и, что по тому учинено будетъ, отвѣтствовали бъ зъ благодареніемъ за такую его императорского величества показанную милость, зъ подписомъ своей и старшинскихъ рукъ, листовне.

Декабрь, 3[1]). Писанъ листъ до г. брегадира Веляминова, посилаючи вишъписанного унѣверсалу копію, подлугъ указу импера-

[1]) 1722 года.

торского величества екстрактомъ выраженного, такового, дабы о важныхъ дѣлахъ, до всей Малороссіи касаючихся, когда случится имѣть якіе совѣты, ознаймовати одному г. брегадиру и чинить зъ нимъ совѣтно, якъ при покойномъ гетману Скоропадскомъ бывало, тогда при такихъ совѣтахъ быть обще изъ поставленныхъ о томъ сентенцій и унѣверсаловъ давать копіи, а коллегіи въ тое не мѣшаться.

Декабрь, 3 [1]). Писанъ листъ до п. Валкевича, обявляючи о п. Володковскому и Холодовичу, зъ Москвы повернувшихъся зъ милостивого монаршого на всѣ прошенія зъ високоправительствующого сената резолюціею, въ которой исправленія ходатайственного своего его свѣтлость князь Меншиковъ приложилъ патронства и впредь оное на народъ малороссійскій свѣдчити обнадежовалъ; якой надежди чтобъ не утратить, велено п. Валкевичу зъ п. Корецкимъ, не вихвачуючися передъ свати гарачо, полѣтично и обходително зъ стороною почепскою подъ часъ межи поступовать, держачися указу толко, подлугъ котораго и по данной инструкціи себѣ г. Давидовъ, не нарушаючи оного нѣмало, справоватимется надѣятися.

— **8**. Данъ откритий листъ, дабы с. Синоколодязь его м. п. судіи Чарнишу войсковому енералному и посланному туда отъ его старостѣ подданническую повинность и належитое послушенство отдавали.

— **9**. Писанъ листъ до п. полковника наказного полтавского, розиски п. Яковомъ Чернякомъ, сотникомъ полковимъ полтавскимъ, и суплѣки обидъ отъ сотника старосанжаровского Ивана Тернавского, сотнянамъ тамошнимъ починенныхъ, присланніе отсилаючи назадъ до полкового тамошнього суду, о чомъ велено, зъ присутствіемъ п. Корицкого, сотника опошнянского, по самой слушности розискать и, кому принадлежитиметъ по слушныхъ доводахъ, нагорожать приказалъ бы. А если бы мѣлъ отъ платежу обидимыхъ упиратися, то велено, одобравши у оного короговъ, держать по толь въ церквѣ, поколь онъ, сотникъ, обидимыхъ не уконтентуетъ.

— **13**. Послани во всѣ полки унѣверсали, повелѣваючи пп. полковникамъ всѣмъ въ полкахъ своихъ перестерѣгать накрѣпко, чтобъ посполство, въ подданствѣ зостаючое, не показовали жадного самоволства противъ своихъ владѣлцовъ; а где бы зъ якихъ-нѣбудь подданнихъ происходили лично легкомислное самоволство и противность,

[1]) 1722 года.

то оныхъ брать до туремного вязеня и, по разсмотренію вини, нещадно публѣчно карать приказано.

Декабрь, 13[1]). Сего числа пп. Стефанъ Тернавскій и Николай Ханенко, зъ грамотами до его императорского величества за море въ Дербенъ и въ Терки о смерти покойного п. гетмана Скоропадского вѣстителними посиланніе, возвратилися; на которіе грамоти поневажъ зъ Москви чрезъ пп. Рубця и Бикувского учинена зъ Сената резолюція, того ради они отпущени въ Малороссію и нѣякой грамоти зъ собою не привезли.

— Експедиція въ Сенатъ, зъ якою отправленъ п. Андрей Борзаковскій, знатній канцелярістъ войсковый:

Грамоти чрезъ его, Борзаковского, просителніе въ нуждахъ малороссійскихъ отправлени, именно: *една грамота* зъ прошеніемъ о отставленю за бѣглихъ великороссійской породи людей пожилого платежу и о отдачи оныхъ самимъ на виводъ помѣщикамъ, якіе до нихъ пріищутся, подлугъ прежнихъ грамотъ, зъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи въ 1715 и 1718 годахъ присланныхъ. *Другая грамота* противъ монаршой чрезъ Семена Рубця и Василя Биковскаго ноевр. 10 дня принесенной грамоти зъ обнадеживаніемъ милостивимъ, о избраніи нового гетмана учиненнимъ, по которому абы оное волними голосами войска Запорожского, за благощаснимъ его императорского величества зъ военного походу поворотомъ, нового гетмана избраніе было исполнено, приложено прошеніе. *Третая грамота* зъ благодарствіемъ за милостивый о отставленнихъ всѣхъ трудностяхъ и налогахъ, отъ малороссійской коллегіи затѣянніхъ, состоявшійся ... указъ... А что оная коллегіа, тимъ указомъ не доволна будучи, по чому и исполненія не чинитъ до повторной его величества резолюціи, намѣриваючи о томъ писать въ сенатъ... *Четвертая грамота* отвѣтная на монаршую грамоту о осторожности отъ непріятеля.

— **14.** По жалобѣ Ивана Шолудченка, козака и жителя великобудинского, о лѣсѣ его въ Диканцѣ заеханномъ, о побои ему самому двохъ тисячъ куллю(?), писанъ листъ до п. Василія Кочубея, дабы жалобливого возвращеніемъ забранного уконтентовалъ.

— По суплѣцѣ Ивана Іосиповича за увѣче и Кирила Цисенка о загребленномъ конѣ и протчей худобѣ на п. Стефана Гамалѣю

---

[1]) 1722 года.

занесенной, писанъ листъ до п. Михайла Гамалѣи, абы онъ сиповѣ своему, ему, Стефану, приказалъ жалобливихъ во всемъ успокоить.

Декабрь, 20[1]). По чолобитю п. Троцкого, канцеляристи войскового, о многихъ своихъ обидахъ въ отнятю млиновъ и въ утискахъ, въ оттопленю сѣновъ, вирубаню лѣсовъ и въ прочемъ разоренiи, писанъ листъ до п. полковника лубенского, дабы все, що надъ универсалъ покойного п. гетмана Скоропадского, имъ данний, затѣялъ, пополнилъ, именно: до Курѣнскихъ млиновъ и въ нихъ войсковихъ частей до клѣтки Савинской, нагородивши розмѣровые взиманнiе пожитки, не интересовался и въ владѣнiи хутора Ангеліовского; такожъ, пополнивши починенніе въ немъ пустоши и розривши повоза—пятую гребелку, не чинилъ бы впредь жадного препятствія.

—**22**. Писанъ листъ до п. сотника новгородского отвѣтний о человѣку, въ злодѣйствѣ—краденю пчулъ—опороченномъ и по суду меншого Кутневского въ селѣ Хилчичахъ повѣшенномъ, дабы самихъ принципаловъ, спустивши днѣ два святъ, схваталъ и покидалъ въ турми, а оного Кутневского всадилъ на гармату до далшого указу и розиску, для которого нарочний зъ Глухова посланъ быть имѣетъ.

— **25**. Въ сей день пресвятого Рождества Христова праздничний, давнимъ обыкновенiемъ, всѣ пп. товариство енералной войсковой канцелярiи, будучи ранкомъ у его м. п. писара войскового енералного, отдали винную належитость при конкгратуляцiи тоей урочитости, где имѣлъ перору п. Матѳей Себестіановичъ ex circumstantia lachrimantis Christi словенскую. А потимъ его м. п. полковниковѣ чернѣговскому, наказному гетману Полуботку, отдали визиту, до которого отъ всѣхъ пп. товариства п. Петро Троцкій говорилъ орацію, аплѣкуючи его въ Малороссiи правленiе къ новорожденному отъ колѣна Юдова вожду Христу Господу. По церковной зась церемонѣи, ихъ м г. брегадиръ и протчіе коллегіати, такожъ ихъ м. п. полковникъ и старшина енералная, визитовали ясневелможную п. гетмановую Скоропадскую. А по отходѣ всѣхъ отъ панеи гетмановой, нѣкоторіе пп. товариство къ его м. пану полковниковѣ, а нѣкоторіе къ его м. п. писаревѣ войсковому енералному до столу прошени. А на другий день такожде. Того ради, для торжественного всему миру Рождества Христова праздника, quando ubiam acta silent, нѣякихъ дѣлъ въ войсковой енералной канцелярiи не отправовали чрезъ оніе два днѣ.

---

[1]) 1722 года.

Декабрь, 27[1]). Сегодня п. полковникъ чернѣговскій зъ старшиною енералною были на банкетѣ у г. брегадира Степана Велямінова, который тогда своего целебровалъ ангела.

— **28**. Писани листи до всѣхъ пп. полковниковъ, дабы для посилки зъ прошеніемъ къ его императорскому величеству о избраніи волними, по правамъ малороссійскимъ, голосами нового гетмана присилали зъ старшини и бунчукового товариства, подлугъ реестру, нижей приложенного, велѣвши имъ, не обтяжаючи возковъ, въ грошевый призапасатися запасъ къ числу 6 януарія всеконечно въ Глуховъ, а именно, зъ полковъ: Полтавского—пп. Василія Кочубея и Григорія Черняка обозного; зъ Чернѣговского—пп. сотниковъ менского и седневского; зъ Прилуцкого—пп. сотника ичанского Стороженка, изъ войскового знатного товариства—Тернавского и Раковича; зъ Кіевского—пп. Солонину писара полкового и Шаулу; зъ Стародубовского—зъ знатного товариства пп. Андрея Миклашевского и Ивана Владиславовича Борозну и сотника новгородского Семена Кгалецкаго; зъ Гадяцкого—зъ товариства пп. Ѳедора Гречаного и Кграбянку судію; зъ Переяславского—пп. Добронѣзкого и Новаковича; зъ Нѣжинского—пп. Пѣроцкого, Холодовича воронежского и Забѣлу, борзенского сотниковъ; зъ Миргородского—сотниковъ кременчуцкого и черняховского; зъ Лубенского—зъ знатного товариства пп. Петра Кулябку, Ивана Новѣцкого и Стефана Гамалѣю, до которихъ особенніе подъ датою 27-гожъ числа о томъ листи послани.

— **29**. Посланъ въ Москву Максимъ Оникіенко, писарь ратушний, зъ писмами въ нужнихъ интересахъ, а якіе листи чрезъ него отправлени нижей изображено:

Листъ до свѣтлѣйшого князя Меншикова просителний о патронское ходатайство въ исправленіи скорого монаршого повеленія, ижбы вскорости, по давнимъ правамъ, волними голосами, монаршими жъ грамотами ствержеммъ, избрать зъ межи себе нового гетмана безпродолжително указано было отъ его императорского величества, въ Москвѣ теперъ будучого, поколь не отъѣдетъ въ Санктъпѣтербурхъ, якъ о томъ есть чути, понеже въ грамотѣ его жъ величества, за подписомъ руки свѣтлѣйшого князя присланной, избраніе нового гетмана

---

[1]) 1722 года.

до щасливого его величества возвращенія зъ далечайшого походу отложено, когда исполнитъ обѣщано.

Листъ до г. Давидовича Ивана Познякова, сенатского оберъ-секретара, просячи о исправленіе на прежденосланніе чрезъ п. Андрѣя Борзаковского просителніе въ общенародныхъ нуждахъ грамоти полезного императорского величества резолюціи и скорого отпуску.

Писанъ листъ до п. Борзаковского, дабы у знатныхъ особъ старалъся освѣдомитися о избраніи нового гетмана, скоро ль оная состоится; еслижъ на даль откладатиметъся, то, подавши листъ, свѣтлѣйшому князю посилаючийся, якое одержати можетъ упевнене, зразъ бы, отпустивши нарочно туда ординованного, давалъ знати, ибо для того къ его императорскому величеству по колко особъ зъ полкувъ всѣхъ малороссійскихъ виправити намѣрени. А въ цѣдулѣ виражено, дабы о томъ намѣреніи выправы быть мѣючой, порозумѣвшися, если за благоздастся, такими словами: чи не треба бъ отъ полковъ малороссійскихъ присилки нѣкоторой старшини и знатного товариства зъ челобитемъ къ его императорскому величеству, донеслъ и листъ такожъ вручилъ бы, если впредь являти свою склонность декларовати-меть; а перше бы зъ тимъ донесенемъ и зъ отданемъ листа, не порозумѣвшися добре, удержался.

Декабрь, 30[1]). Сего числа былъ банкетъ у его м. п. полковника чернѣговского, у которого яко пп. коллегіати, такъ и пп. старшина енеральная, доволно гуляли.

1723 ГОДЪ.

Январь, 6. Сего числа, при отправленіи обыкновенной на ліоду церемонѣи, при посвященіи води и при всенародной процессіи и протчемъ, солеинѣтеръ на ліоду жъ зъ можджировъ и зъ арматъ стриляно, а тимъ же сотня Глуховская близко на двѣстѣ человѣкъ козаковъ зъ дробного оружя палили, триумфалний Крещенія Господня праздникъ, имъ же отъ работи адскіе свободилъся міръ ввесь, целебруючи.

— **7.** Писанъ листъ до сотника воронѣжского отвѣтний, же объ ономъ до п. полковника нѣжинского, же бы его до походу терского

---

[1]) 1722 года.

не чепалъ, звланца онъ до посилки въ Москву потребенъ, да и сотня Воронѣжская не до полку, але до артиллеріи войсковой енералной надлежитъ и при оной свои походи отправовати повинна, писано; однакъ въ цѣдулѣ про запасъ, абы сотникъ въ той походъ приготовался, предложено.

Январь, 12[1]). Писанъ листъ до Михайла Шереметца о присилцѣ къ 15 числу сего генваря мѣсяца до енералной канцеляріи паперу ризъ шесть, а почтовой лѣберъ сѣмъ.

— **17.** Писанъ листъ до п. полковника прилуцкого Кгалакгана отвѣтній зъ повѣншованемъ повороту зъ Терского походу и зъ поздоровленемъ новимъ рокомъ; а притомъ виражена инстанція за п. Марковичомъ, сотникомъ полковимъ прилуцкимъ, жебы его отъ Терского походу ради слабости здоровя уволнено.

— **22.** По чолобитю Андрѣя Ивановича, значкового полку лубенского товарища, о учиненнихъ ему многихъ отъ п. полковника лубенского на полтори тисячи золотихъ заборахъ и о незаплаченю ему за двокротніе его въ проваженю коровъ полковничихъ до Санктъпитербурха проезди, дабы ему забранніе денги были возвращени и за проезди учинено бъ награжденіе, писанъ листъ до п. полковника лубенского упоминателний.

— Сего жъ числа, за прописку въ промеморіи до г. бригадира Веляминова отъ здешной старшини его брегадирского рангу, п. Павелъ Ладинскій былъ осаженъ на ормату, который тогожъ дня на ночъ отпущенъ.

— **26.** Писанъ листъ до п. полковника лубенского по чолобитю Самуйла Заиского, козака сотнѣ Роменской, о лѣсѣ зъ Авраменскомъ заводномъ, о взятихъ грошми, волами и лѣсами викладахъ, дабы оную справу по самой слушности разсмотрилъ и укончилъ, а лѣсъ взятій собою возвратилъ бы.

— **27.** Писанъ листъ до преосв. епископа чернѣговского зъ инстанціею за полчанами стародубовскими и сѣлскими, а барзѣй простими работизнами обтяженними людми, дабы приказалъ Решилову, законниковѣ, въ кождого неисповѣдавшогося по 5 копѣекъ штрафъ, для нынѣшнихъ людскихъ недостатковъ принамнѣй до осени отставить, ибо о ономъ штрафу, яко передъ симъ жадного обявленія не было,

[1]) 1723 года.

такъ они до сихъ часъ будучи не свѣдоми, а теперъ освѣдомившися будутъ впредь всякъ сповѣдатися.

Январь, 30[1]). Експедиція въ сенатъ, сего числа отправленная чрезъ нарочнихъ, отъ всей Малороссіи ординованихъ посланниковъ, а именно, чрезъ пп. Василія Кочубея, знатн. войск. товариша, Григорія Кграбянку, судію полкового гадяцкого, и въ сотниковъ пп. Петра Войцеховича, седневского, Ивана Холодовича, воронѣжского, Ивана Добронѣзкого, полкового переяславского и Стефана Гамалѣю, знатного войскового товариша; которимъ посланникамъ дана зъ войсковой енералной канцеляріи инструкція, дабы они, где надлежитъ, о исправленіе резолюціи на писмѣ и на словахъ доносили, подлугъ вираженнихъ нижей слѣдующихъ пунктовъ, именно:

1-mo: о избраніи нового гетмана, якій виражень пунктъ стосуючися до грамотъ къ его императорскому величеству просителнихъ, едной, мѣсяца декавр. 13 дня отправленной, а другой, чрезъ нихъ посилаючойся, зъ прошеніемъ исполненія декляраціи, грамотою его величества, 27 ноевр. принесенною, учиненной.

2-do: тіежъ посланники просили бъ скорой резолюціи и указу о виправѣ къ фортеціи св. Креста 10000 козаковъ зъ Малороссіи на предложенніе въ грамотѣ, въ сенатъ 27 ч. ноевр. отправленной, трудности.

3-tio: о комендантахъ, а барзѣй о томъ, что въ Стародубѣ комендантовъ нѣкгди не бывало, дабы предлагали, где надлежитъ, подлугъ обширного въ семъ пунктѣ вираженя, до просителной о томъ грамоти въ сенатъ, подъ датою 15 ч. януар. отправленной, стосуючогося.

4-to: о отставленю пожилихъ за бѣглихъ крестянъ денегъ.

5-to: о шестой тисячи рублей скарбовихъ грошей, зъ малороссійской коллегіи невозвращенной.

6-to: о хлѣбномъ жалованьи на денщиковъ и коллежскихъ служителей.

7-mo: о отданной на откупъ Шереметцевѣ зъ товарищи индуктѣ и екзактѣ; тутъ же о доходахъ канцелярійскихъ, о паперѣ и протчемъ.

8-vo: о требованіи г. брегадира самомъ себѣ и на денщиковъ своихъ хлѣбного жалованя.

---

[1]) 1723 года.

Отправлено чрезъ нихъ для врученя самому его императорскому величеству въ кгабинетъ писаніе зъ повѣншованемъ его величеству, зъ низового походу возвратившомуся, праздника Рождества Христова и нового лѣта. При семъ виражено благодарствіе за учиненную на прошеніе, взглядомъ избранія волними голосами зъ между себе нового гетмана, по давному обыкновенію, деклярацію, чого ради о исполненіи високомонаршеской тоей милости приложено прошеніе, что̀ писано подъ датою януар. ч. 12.

Февруарій, 1[1]). Писанъ листъ до п. Левенця, дабы Марьи Сухинской, бывшой его женѣ, по благословенію архіерейскомъ, свойства ради ихъ, отъ него отлученной, талярей 100 грошей, товару рогатого, не мало такожъ и овецъ, удержанніе, возвратилъ.

— 2. Писанъ листъ до п. Григорія Черняка, полковниковича полтавского, по писму п. полковника наказного полтавского, дабы козаковъ зъ сѣлъ своихъ Рибцовъ и Кгавронецъ, якихъ близко ста козаковъ въ куренѣ его обрѣтается, оставивши себѣ для послугъ тилко 12 конныхъ а 8 пѣшихъ, которихъ такожъ до подданскихъ работизнъ не чепалъ бы, уступилъ до сотнѣ, не заступаючи оныхъ отъ жадныхъ козацкихъ повинностей, иле теперъ бы остановки въ походѣ Терскомъ чрезъ тое не учинилося.

— 3. Дана подорожная о дачи двохъ подводъ почтовыхъ куріеру Григорію Волинскому въ Москву, въ певнихъ интересахъ посилаючомуся, за прогони.

— Писанъ листъ до п. Андрѣя Борзаковского, въ Москвѣ будучого, дабы подлугъ посланной передъ симъ къ его императорскому величеству въ сенатъ грамоти зъ вираженемъ всѣхъ обстоятелствъ и трудностей, въ сее зимнее время въ виправѣ 10000 козаковъ на пути до Терского походу приключитися мѣючихъ, приложивши пилного стараня, исправилъ, чрезъ кого надлежитъ, полезный указъ и резолюцію и прислалъ оную во всякой скорости чрезъ куріера глуховского, тамъ будучого.

— Писани листи до всѣхъ пп. полковниковъ, строфуючи ихъ, же, по многихъ по суплѣкахъ челобитчиковъ, дабы дѣла ихъ тамъ у полкахъ разсмотривали, и, что учинится, давали бъ о томъ вѣдать, писанних указахъ жадного извѣстія не имѣется. А въ прежде посланних

[1]) 1723 года.

унѣверсалахъ и при нихъ копіяхъ екстракту приложенныхъ, абы перво всякіе справи у сотенныхъ и полковыхъ судовъ были вершены, а потомъ бы уже до верхней удавалися апелляціи, а отпускали бъ оныхъ зъ свѣдителствами тіе судившіе, у кого они судитемутся. Теди, абы впредь всякіе были вершены у полкового суда дѣла и, зо всѣмъ оніе укончуючи, руками своими и старшини полковой закрѣпивши, чрезъ самихъ ли челобитчиковъ или чрезъ якую отправу присилали немедленно, и, о якихъ челобитчикахъ передъ симъ объ окончанія и отвѣтствіи были къ имъ зослани укази, учинили бъ отвѣтствіе, упомянуто. Сіе листи писани подъ датою 1 февр.

Февруарій, 3[1]). Писанъ листъ до посланниковъ въ Москву, 31 януар. отправленныхъ, о нуждахъ малороссійскихъ, такожъ и судахъ, и о коллегіи, чрезъ куріера вишъписанного, сего числа посланного. Сего зась листа нѣ термѣни, нѣ подлинной до вписаня самой рѣчи зъ обстоятелствомъ не дано.

— До полковника гадяцкого писано цѣдулами: о квитовомъ, которое велено брать до скарбу архіерейского; а что то за квитовое— чи покуничное, якъ въ иншихъ полкахъ зовется, чи за квитъ для впичаняся взимаемий, что дается,—дабы полковникъ зъ лучшимъ изясненіемъ виписалъ, жебы вѣдали, якъ о томъ до архіерея кіевского писать. О курѣнцахъ, колко оныхъ подъ пп., старого и молодого, Буроховичовими обрѣтается, дабы увѣдомилъ и по своему разсмотренію иншихъ въ Терскій походъ, оставивши нѣсколко для носилокъ ихъ въ домахъ, виправилъ, а бояръ и другихъ зъ двора, поженившихся и п. Роману Бруховичу прислушавшихъ, до того походу не чепалъ бы.

— 10. Писанъ листъ до п. сотника конотопского по чолобитю Мирона Горченка, Стаенного, и Ѳеодора Семивула, Палубничого, куреней атаманѣ зъ товариствомъ, жителей села Попувки, которіе едни въ случаючийся походъ на гетманскихъ палубахъ ходать, а другіе верхового войскового стада досмотруютъ, такъ жебы теперъ для избранія нового гетмана до того жъ суть потребни, того ради тихъ куреней, до сотнѣ своей не привлекаючи, и до Терского випровать походу оныхъ не велѣлъ бы.

— 15. Посланы въ побережные полки укази, чтобъ пирамиды или маяки въ вишшину по три сажнѣ трехъаршинныхъ везде по гра-

---

[1]) 1723 года.

ничныхъ мѣстахъ, форпостахъ, караулахъ, по болшихъ и малыхъ дорогахъ, одъ тихъ же форпостовъ лежачихъ, строили въ такомъ разстояніи, чтобъ еденъ маякъ одъ другого горячий былъ виденъ. А на строеніе оныхъ маяковъ употребить сколко надобно будетъ державскихъ подводъ и висилать оные къ Триполю и Межигору для взятя хворосту, соломи и протчего.

Февруарій, 19 [1]). Промеморія въ малороссійскую коллегію послана съ объявленіемъ, что, по предложеню присланною отъ оной 15 ч. февр. промеморіею о обидахъ и гоненіи Григорію Панкевичу, асауловѣ полковому прилуцкому, отъ полковника Кгалакгана дѣючомся, писанъ листъ до оного полковника о прибитіи оного въ Глуховъ второй недѣлѣ посту, якая справа ихъ тогда слѣдоватися и рѣшитися на судѣ войсковомъ енералномъ будетъ.

— **20**. Писанъ листъ до п. асаула полкового стародубскаго о противности старого Ломаки, который посиланному по него козаковѣ отказалъ разъ, «что, отъ якого ти чорта приехавъ, туды и идь»; и въ другое, же «я, мовитъ, въ Глуховъ, хочъ и указъ есть, не поеду», дабы приказалъ при свѣдителяхъ подлинно розискать по самой истиннѣ и розискъ за руками присилалъ бы въ Глуховъ.

— **22**. По чолобитю на п. полковника кіевского отъ Алексѣя Мандрики, сотника кобизского, въ безчестіи, въ заборѣ сѣновъ у его и у сотнянъ козаковъ и посполитихъ людей его, въ отнятю у него сотенной корогви, которую п. полковникъ вручилъ нѣякомусь Остапу Гречцѣ и въ претерпѣніи тронедѣлного арматного вязеня, за тое что оному полковниковѣ козаковъ и посполитыхъ сотнѣ своей до кошеня сѣна и до знятя съ поля збожа, по указу императорского величества, не допустилъ, писанъ листъ до него, полковника кіевского, увѣщевателный, дабы ему, Мандрицѣ, по прежнему короговъ, отдаливши отъ оной помянутого Остапа, вручилъ, бо если того не попересталъ бы, то велено будетъ о томъ розискать и передъ судомъ войсковимъ енералнимъ муситиметъ отвѣтствовать.

— Сего числа у п. полковника чернѣговского, наказного гетмана, былъ соленный банкетъ, на которомъ были ихъ мил. старшина енералная, такожъ коллегіяти всѣ, князь Волконскій отъ лейбъ-кгвардіи ундеръ-лейтенантъ и прочіе съ полковъ знатніе особы, на тотъ часъ въ Глуховѣ пригодившіеся.

---

[1]) 1723 года.

Февруарій, 24[1]). Въ сей день, для запустныхъ всѣми отправуемыхъ бакханалій, зъ войсковой енералной канцеляріи нѣякихъ дѣлъ нѣкуда не отправовано.

— **25.** Посланъ унѣверсалъ при листѣ приватномъ до пп. Романовского, новомѣского, Ѳедора Рудковского, басанского, сотниковъ и Григорія Конѣжского, писара майстратового нѣжинского, въ справѣ п. Алексѣя Мандрики, сотника кобѣжского, отъ п. полковника кіевского отъ уряду безъ всякой слушной причини отставленного, повѣдаючи онимъ въ Кобижчу зъехать и о всѣхъ обидахъ, отъ п. полковника ему затѣянныхъ (якіе въ чолобитѣ оного Мандрики подъ датою 22 ч. февр. виписани), по самой слушности розискать достовѣрнии людей (якіе предъ нихъ для доводовъ, кого востребуютъ, становилися бъ, доложено) свѣдителствами, нѣкому не посягаючи; и когда явится зъ розиску, что онъ, Мандрика, отдаленъ отъ сотництва безъ всякихъ слушнихъ причинъ, то оному по прежнему короговъ вручить, приказавши сотнянамъ оному сотниковѣ по прежнему отдавать повиновеніе. А розискъ, спорадивши за руками своими на писмѣ, прислали бъ въ Глуховъ, предложено.

— **26.** Промеморія въ малороссійскую коллегію послана по прошенію сотника полку Чернѣговского, сотнѣ Понурницкой, Тихона Никифоровича, чолобитною отъ него поданною, о козакахъ въ сотнѣ той прикажчиками г. Сави Рагозинского вишинскимъ въ Вишенкахъ 6 человѣкъ, а г. барона Петра Павловича Шафѣрова понурницкимъ 70 з лишкомъ, противъ указу императорского величества завладѣнныхъ, дабы для нынѣшнихъ государевихъ службъ, во исполненіе его величества указу, онимъ приказчикамъ козаковъ отказать и для отсилки къ онимъ указъ прислать изволила оная малороссійская коллегія.

— **27.** Посланъ листъ до п. полковника наказного стародубовского, посилаючи къ нему, въ полкъ Стародубовскій для розсилки въ городки сотенніе и для роздачи на цехи кравецкіе 115 штукъ чабы на пошитте чабяковъ охочекомонному полку бурляевого, въ Шептаковщинѣ консистуючого, товариству; зъ якой чабы или зъ едной штуки зъ болшой болшый, а зъ меншой меншый былъ викроенъ чабякъ: или нѣкоторіе штуки, роскроивши къ другимъ штукамъ, жебы зъ каждой вышло по бѣляку, употребить бы на прикладки до 15 або до

---

[1]) 1723 года.

16 штукъ; сколко зась бѣляковъ и якъ скоро пошити зостануть, далъ бы знати, велено.

Планетъ княжичъ небесныхъ, мѣсяцъ мартъ начася,
Когда сей діаріушъ мнѣ писать казася,
А именно, о всякихъ дѣлахъ общихъ, знатныхъ,
Монаршихъ и войсковыхъ, тайныхъ и приватныхъ,
Во время правленія по между гетманствомъ
Трудолюбно радящихъ малороссійскимъ панствомъ:
Его милости пана полковника главна
Чернѣговского Павла Полуботка, славна
Леонтіевича; такожъ и особъ поважныхъ
Войсковыхъ енералныхъ, умныхъ а уважныхъ
Людскостію найпаче и умомъ; до того
Енерална писара, чина войскового,
А меновите, тако проименованна
Симеона Савича, мужа преизбранна;
Да иныхъ лицъ, къ тому жъ учрежденныхъ дѣлу,
Едину тую жъ купно содержащихъ силу:
И слѣдовать всякіе справи войсковіе,
Аще либо когда имъ случатся якіе.
Но понеже всяка вещъ и всякое дѣло
Отъ Бога дѣйствуемо бываетъ всецѣло,—
Сего ради Богъ въ помочъ да будетъ вначалѣ
Діаріушъ сей писать и аки въ зерцалѣ
Кратко а разумливо пишемая зрѣти,
Да бодрость и охоту ко тому жъ имѣти,
Імѣти и искуство, и вѣжливость знати,
Якъ и въ якой что силѣ и почемъ писати.
И сія вся да будутъ въ честь и славу Богу,
Живущу на високихъ въ небесномъ чертогу;
Все же сіе въ нынѣшнемъ сооружись лѣтѣ,
Отнедь Самѵонъ крѣпкій Богъ явилъ во свѣтѣ,
Иже сотре львовъ дивыхъ, сотре ихъ и силы,
Души же человѣчи соблюде всецѣли.

Мартъ, 4[1]). Писано до его мил. п. полковника лубенского, предлагаючи, что не годилося бы ему Самойловича, пасынка п. Гамалѣиного, подъ бунчукомъ знайдуючогося, въ колодки забивать и за собою въ походъ Терковскій казать провадити; да зверхъ того, по указу его жъ, полковничомъ, сенецкому писару зъ другими козаками, гонячися за нимъ, не подобало бъ, стрѣвши его жъ, Самойловича, на дорозѣ тещу зъ малою дочерью, безчестити и зъ воза оборочати, отчого оную мало къ смерти не приправлено; да къ тому жъ, оного Самойловича шукаючи, тіи жъ продерзники въ дому п. Гамалѣи на дверъ штурмовали и галасовали. Прето, абы п. полковникъ лубенскій впредь до помянутого Самойловича жадного не имѣлъ дѣла и до полковой его службы не притягалъ бы, але знайдовался бы онъ подъ протекціею гетманскою, якъ о томъ унѣверсаломъ покойного п. гетмана и нынѣшнихъ правителей листомъ ему стверженo; тихъ зась продерзщиковъ, надъ указъ полковничій кграсуючихъ, велено для наказаня зискати въ Глуховъ.

— 15. Писанъ листъ повторний до полковника прилуцкого о немедленномъ сюда, въ Глуховъ, приездѣ для справи зъ Панченкомъ, асауломъ полковимъ прилуцкимъ же, заводной; а если бы скоро не похотѣлъ прнежлать, то когда за тое дѣло малороссійская коллегія пріймется и не хотячого его въ той часъ призоветъ, обявлено.

— 17. При посилцѣ нужнихъ писемъ въ Москву, до Кочубея, Грабянки и протчіихъ туда малороссійскихъ нашихъ посланнихъ належнихъ, цедулою предложено, что еслибы ихъ на Москвѣ оставлено, давши толко на маліе якіе интереса рѣшеніе, а о томь бы, зачимъ наибарзѣй они посланы, не учинено резолюціи, то мѣютъ ехать и въ Санктъпѣтербурхъ и тамъ всячески старатися, на похвалу себѣ и всей отчизны, о полѣценномъ себѣ дѣлѣ одержать резолюцію.... Да если прійдется имъ конче въ Санктъпѣтербурхъ ехать, то, дабы тамъ въ кого когда нужда крайная будетъ, съ потребу заняли грошей, поневажъ чрезъ означенного посланника денегъ имъ туда посилать, жебы где не потералъ, опасно и небезпечно; да хочай въ скарбцу тутъ войсковомъ де якіе и найдуются гроши, такъ тіе на многіе уставичне употребляются експенса.... При той же посилци, писанъ листъ до п. асаула енералного Жураковского зъ просителнимъ предложенемъ

[1]) 1728 года.

дабы, когда интересс его зъ протчіими, въ Москву на енералній дворъ позванними, благополучно окончится, и за общенародній всей отчизнѣ нужний интересс, зъ горливости своей, принятися изволилъ, а дали бы, за прилѣжнимъ его тамъ первенствуючимъ между посланними особы, до тихъ часъ тощно живучими и полѣценного себѣ дѣла въ дѣйствіе не производячими, тщателствомъ, помислнцю ко ползѣ Малороссійского отчества, барзѣй о избраніи гетмана получили резолюцію.

Мартъ, 20 [1]). По суплѣчной жалобѣ п. Степана Забѣла, товариша войскового, писано до п. сотника борзенского, дабы подданнихъ его, п. Забѣлы, зъ дѣда и отца мужицкихъ синовъ, именно, Вовка, Плотнина да Юхименка, въ козацство якобы вписавшихся, а зъ подданства вибиваючихся, привернулъ въ тяглость мужицкую, хлопецкую, ему по прежнему; а если бы оніе мужиччо тому противними стали, то бы велѣлъ оныхъ, подъ часъ торгу, и кіями протрепать.

— **24.** По увѣдомленю ся запевне, что зборщики всѣхъ полковъ малороссійскихъ, по присланнымъ къ себѣ зъ Малороссійской коллегіи формулахъ, стали торопѣть и замишляють знову зо всѣхъ безъобходно державскихъ и инихъ добръ, якъ изначала чинили, вибѣрать збори, не зрозумѣвши въ тихъ формулахъ вираженной сили, теди писано до всѣхъ полковниковъ реименту гетманского, дабы своимъ протлумачилъ всякъ зборщикамъ, что коллегія Малороссійская велѣла толко въ зборъ збѣрать тіе доходи, якіе прежде и теперъ идутъ на гетмана и до скарбу войскового, яко то стація, показанщина и проч., и о такихъ то доходахъ велено помѣсячно, що будетъ въ зборѣ, коллегію репортовать; такожъ если у ихъ зборщиковъ суть першихъ зборовъ гроши и хлѣбъ, которіе до указу содержать казано, о тихъ коллегіа требуетъ, сколко чего есть на личномъ зборѣ, обстоятелного вѣдѣнія; а опрочъ того ни до чого другого не повинны они, зборщики, интересоватися и коллегія сама интересоватися жъ неповинна.

— **26.** Предложено до наказного лубенского, дабы четвероконній палубъ и возъ дишлевій, до артилеріи войсковой въ походъ до Терку належніе, ратушнимъ коштомъ реестръ, що на тое пойдетъ, спорядивши, велѣлъ зробити и прислати въ Глуховъ и, що на оправу тихъ палубовъ грошей вийдетъ, отселя въ отдачу пришлется.

[1]) 1723 года.

Мартъ. 26[1]) По объявленіи зъ полковъ рейменту гетманского о розсилки зъ Малороссійской коллегіи указовъ и формуляровъ по полкамъ къ зборщикамъ, по которихъ зборщики полученіи, знову, якъ передъ симъ, зо всѣхъ безъобходно, державскихъ и старшинскихъ, пожитковъ, всякіе отбирать приходи намѣрены а инде уже и отбираютъ, послано въ оную коллегію промеморію требуючи, увѣдомлена, чого ради, надъ указъ императорского величества, не согласяся зъ войсковою енералною канцеляріею, укази при формулярахъ своихъ въ полки засилаетъ и збори неналежне збѣрати кажетъ, и по якому указу? дабы можно вѣдати, якъ о томъ въ правительствующій сенатъ чинить доношеніе.

— **27.** Писанъ листъ до п. Якова Марковича, что понеже п. родичъ его п. сотника лохвицкого, по инстанціи пп. правителей, отъ нынѣшного Терковского походу былъ уволнилъ, а онъ, п. Яковъ, его, п. сотника, въ другій походъ Ладожскій опредѣляетъ, предложено теди ему, дабы помененного сотника лохвицкого Гамалѣю до Ладожского походу не чепалъ, ибо его черга еще не минетъ; кому зась до того походу надлежитъ ити, до того указъ уже посланъ.

— Пишучи третій уже листъ до п. полковника прилуцкого противъ челобитя Григорія Панкевича въ одставцѣ его отъ уряду асаулства полкового прилуцкого, предложено, абы, поколя тая справа его зъ Панченкомъ судомъ енеральнимъ не окончится, жадныхъ обидъ домови скаржачого и тяжестей не наносилъ да и до подданныхъ его пѣрогувскихъ и стрелнѣцкихъ, курѣнчиковъ 6 человѣка, не интересовался бы; заводного зась того зъ Панкіевичомъ въ проліонгацію не пускаючи интересу, мѣетъ онъ, п. полковникъ, до суду для расправи подъ часъ святъ прийдучихъ воскресенскихъ приездити въ Глуховъ конче.

— **28.** Виданъ откритій листъ до самозванного атамана погребского зъ товариствомъ, въ козацство тиснучимся, и до войта тамошного зъ посполитими повелѣваючи, абы жителѣ тамошніи погребскіе, особливе тіи, що зъ мужиковъ въ козацство тиснутся, на время, указомъ Малороссійской коллегіи опредѣленніи, не надлежатъ къ подданству до далшого указу; кгрунта свои посполитіе, въ Погребкахъ будучіе (якъ о томъ п. Андрей Лизогубъ, державца того села, донеслъ), нѣкому

[1]) 1723 года.

зъ посто (посполитыхъ?) безъ вѣдома державского не продавали и никто бы у нихъ куповати не важился, ибо, хочай хто и купитъ, коштъ его пропадетъ напрасно; да и протчіи погребскіе подданіи, не засмотруючися на тихъ самозванныхъ козаковъ, п. Лизогубу во всемъ послушенство отдаючи, нихто, зверхъ помянутихъ указомъ коллегіацкимъ одъ подданства уволненныхъ въ козацство не тиснулись; а хто бы повиновенія ему, п. Лизогубу, давати не похотѣлъ, такого присилать въ Глуховъ, забивши въ колодки, для наказанія и жестокого штрафа, повелено.

Априлъ, 2[1]). Писанъ листъ до посланныхъ на Москву въ интересахъ Малороссіи пп. Грабянки, судіи полку гадяцкого, да Гамалѣи, товариша войскового, похваляючи имъ тое, же они два, по горливости своей ку общому добру, для справованія полѣценныхъ себѣ дѣлъ, зостался въ Москвѣ, а протчіи нѣ зъ чимъ оттоля, зъ ними будучіи, въ доми едутъ; и предложено, ижъ бы они, якъ тилко возможна, на полѣценніе себѣ, подлугъ инструкціи при одправѣ одселя, интереса доходили если не въ Москвѣ, то поехавши въ Санктпѣтербурхъ, резолюціи; а при одъездѣ своемъ зъ Москви, упросили бъ кого въ сенатѣ или въ синодѣ, абы одъ нихъ зъ Санктъпѣтербурха посилаючіеся писма, чрезъ случаючиися почти, въ Глуховъ пересиланы были; а грошей, когда нужда имъ будетъ, хочай у якого зъ архіереовъ на имя пп. правителей певное число, толко бы не излишно, зъ роспискою нехай позичатъ; а, за возвращеніемъ оныхъ въ Глуховъ, тіе гроши безъ умедленя до належныхъ рукъ пересланы будутъ; якіе засъ резоны тамъ въ Санктъпѣтербурхе получатимутъ, давали бы сюда о томъ вѣдати.

— **4.** По присланной прежде зъ Малороссійской коллегіи промеморіи, писана отвѣтная промеморіа зъ войсковой енеральн. канцеляріи въ оную коллегію, обявляя, что якъ инніе села и деревнѣ, во всѣхъ полкахъ рейменту гетманского обрѣтаючіеся, издревле никому продаеми и никимъ купуеми не бываютъ, но токмо оніе всякому по заслугамъ зъ респекту гетманского во владѣніе унѣверсалами надаются, такъ и села Дунаецъ, Локтя и Васковцѣ князя Юрія Четвертинского не купленніе его суть, но зъ ласки и волѣ гетманской были ему опредѣлены; а въ вѣчную поссесію нѣкому малороссіянъ села, развѣ

[1]) 1723 года.

монаршими особенними грамотами будутъ ствержденны, отнюдь не даются.

Апрель, 18 [1]). Заслано листомъ п. бунчучного енералного зъ другимъ листомъ же п. Димитрія Володковского, абы, за полученіемъ оного, къ Мироносицъ недѣлѣ зъ надобнимъ не тилко въ Глуховѣ, але и далей, запасавшися приборомъ, сюда приездили безъ жадного описаваняся, где, съ прочіими намѣреючимися особами, въ интересахъ нужныхъ малороссійскихъ до императорскаго величества въ Санктпитербурхъ ординоватися мѣютъ.

— **19.** Писаны листы до наказнихъ стародубовского, переяславского и полтавского зъ старшиною и зъ другими полчанами тихъ полковъ, абы они, спорядивши челобитную на имя императорского величества и оную, всѣхъ полчанъ: старшинъ и чернѣ, такожъ гражданскихъ урядниковъ и знатнихъ мѣщанъ, руками закрѣпленную, о опредѣленіи на вакуючіе мѣсца въ полковники привозили сюда въ Глуховъ къ педелѣ Мироносицъ где п. наказній, такожъ и п. полковникъ прилуцкій (до которого заслано особливимъ листомъ) въ означенній путь до Санктъпѣтербурха къ его императорскому величеству зъ прочіими особами, съ прошеніемъ гетмана и полковниковъ мѣсцъ вакуючихъ, мѣютъ ординовани бути.

— Писани подорожніе три прошлого априля 18, една п. Николаю Ханенку въ Стародубъ, другая п. Василію Быковскому въ Полтаву, третая п. Андрею Володковскому въ Переяславъ; которіе п.п. Быковскій и Володковскій посилаются въ вишъ означенніе полки зъ одержанемъ себѣ унѣверсаловъ, зъ войсковой енер. канцеляріи виданихъ, для ревѣзіи, въ томъ, что, якобы, за небреженіемъ старшини, которіе въ прошломъ году, 1722, въ походахъ были козаки, и теперь тіи жъ въ походи виправлени, и, за поблажкою старшихъ, убогшіи виправлени въ тую дорогу, а богатшіи неналежне остались въ домахъ.

— **20** Писанъ листъ до п. Михаила Гамалѣя, обявляя, жъ въ помочъ п. обозному полковому лубенскому велено въ Ладожскую дорогу п. сотника лохвицкого, сына его, п. наказному лубенскому Марковичу виправити, а вмѣсто оного сотника остается въ дому другій сынъ Степанъ, недавно повернувшійся зъ Москви, которого не виправовалось въ дорогу Санктъпитербурскую, теперь намѣреваючуюся,

[1]) 1723 года.

зъ другими повторе виправуючимися персонами, въ чомъ дабы не изволилъ поменеиний п. Гамалѣя противность имѣти мнителства, поневажъ такое о виправѣ реченного сотника лохвицкого нужди ради учинено опредѣленіе; при написаніи теди листа поздравленіе воскресенскихъ святъ заслано.

Апрель, 25 [1]). Писанъ листъ до его м. п. полковника нѣжинского зъ тимъ резономъ, что хочай супплѣку нѣкоторого товариства сотнѣ кролевецкой, въ листѣ своемъ включенную, его мил. и прислалъ въ войсковую каннелярію, въ которой подписавшіеся п. Генваровскаго просятъ на сотнитство кролевецкое, однакъ, поневажъ прежде сего зъ тоей сотнѣ отъ обивателей тамошнихъ многіе на его, Генваровского, занесены жалобы и оніе еще у суду енеральн. не окончены, того ради, нѣмъ оніе справи рѣшены будутъ, изволилъ бы п. полковникъ нѣжинскій зъ постановленемъ его, п. Генваровскаго, на сотнитство удержатися; а, и по окончаніи справъ на п. Генваровского жалобливихъ, надлежало бъ тамъ, въ Кролевцу, человѣка спокойного и безъобидливого сотникомъ поставити.

— **29**. Предложено цедулою п. наказному стародубскому., же, поневажъ онъ зъ поездомъ, въ Санктпѣтербурхъ себѣ означеннимъ, доселя умедлилъ; теди пилно приказано, абы, подлугъ до себе прежде засланного указу, зъ належитимъ приборомъ, якъ най скорѣй, приездилъ въ Глуховъ для забранія того предлежачого пути.

— **30**. Одправлена експедиція въ правителствующій сенатъ до его императорского величества зъ покорнимъ обявленіемъ, что, по присланной зъ Малороссійской коллегіи въ войсковую коллегію промеморіи, подлугъ присланного зъ сената въ оную коллегію монаршого указу, послани о возвращеніи виправленной до каналу малороссійской команди, куда надлежало, ордери, а о поготовости къ службѣ козакамъ малороссійского корпусу въ полки рейменту гетманского со всякою скоростію унѣверсали посланы будутъ; толко зъ всепокорнимъ до его величества прошеніемъ писано, дабы императорское его величество благоизволилъ впередъ о такихъ и симъ подобныхъ дѣлахъ, которіе до малороссійскаго правленія касатися будутъ, особно свои монаршіе къ малороссійскимъ правителемъ велѣть прислати укази, а не зъ Малороссійской коллегіи, понеже нынѣ всѣ въ Малой Россіи

[1]) 1723 года.

дѣла и порядки, по смерти покойного г. гетмана Скоропадского, высокимъ его жъ монаршимъ указомъ онымъ вѣдать и по правамъ Малороссійского народа управлять поручено.

Май, 2 [1]). Въ отвѣтъ предложено листомъ до его м. п. бунчучного енерального, зъ прошеніемъ, абы его мил., не устранялся одъ общихъ трудовъ, которіе по указу монаршомъ совокупне зъ прочіими ему велено правити; взглядомъ зась заводу его о млинахъ зъ законниками святотроецкими иллѣнскими (если не похочутъ обидвѣ сторони, подлугъ росписокъ своихъ, якъ спадетъ вода, тамъ у млиновъ, где споръ и заводъ вщался, помѣрковатися) тутъ, въ Глуховѣ, за приездомъ его жъ п. бунчучного, окончаніе крайне учинити полѣцено.... толко бы безъ жадного отлагателства и отмовки его мил. прибувалъ, котораго бытности охотне чекаютъ.

— 3. Посланъ указъ до наказного полковника стародубскаго о послушаніи п. Волкевичу села Ляличи зовемаго уезду Мглинского.

— Обявлено листомъ до п. сотника батуринского, что, поневажъ теперь п. судіи енерального въ Глуховѣ нѣтъ, а безъ бытности его заводъ о млиновомъ на Сейму ставидлѣ Акилини Енчихи, имъ, паномъ судіею, неслушне завладѣнномъ, помянутимъ сотникомъ батуринскимъ зъ урядомъ инквѣрованній и сюда на писмѣ присланній, крайне доцѣдовать не можно, теди она, Емчиха, въ домъ свой отпускается, а впредъ своей обидѣ поволного времени надлежащой искати сатифакціи можетъ.

— 4. Подлугъ присланной зъ Малороссійской коллегіи, по писму г. брегадира Веляминова, къ оной писанному, въ войсковую канцелярію промеморіи, дабы всѣхъ въ Малой Россіи якъ значковыхъ, такъ и бунчуковыхъ козаковъ, не обходя никого, по полкамъ и сотнямъ росписавъ, списокъ оныхъ прислано въ коллегію, отвѣтствовало въ оную коллегію промеморіею жъ, что о присилцѣ къ ней списка всѣхъ вышъмененныхъ козаковъ указу монаршого зъ сената не получено; однакъ, при розсилцѣ унѣверсаловъ въ малорос. полки о поготовости обще всѣхъ козаковъ до походу, куда указано будетъ, велено и вѣдѣнія именніе козаковъ, особно значковыхъ, а особно бунчуковыхъ, сколко ихъ де обрѣтается, въ канцелярію войсковую прислать и, якъ прислани будутъ, тотъчасъ учинить на оныхъ пересмотръ; а рядовыхъ козаковъ, сколко ихъ въ полкахъ всѣхъ есть, не вѣдомо, якимъ обра-

[1]) 1723 года.

зомъ зреестровать, потому что, едно въ прошломъ року въ походи виправленіи, отътоля не возвратилися, протчіи теперъ въ доми пѣшо волокутся; другіе жъ сего року въ походъ вишли, а многіе поодмѣрали, а инніе зъ Малороссіи и прочъ устранилися.

Май, 6 [1]). Писано до п. полковника прилуцкого зъ предложенемъ, что, поневажъ въ Санктъпетѣрбурскую дорогу по опредѣленію онъ ехать вимовлялся, то, жебы для отвѣту противъ жалобъ, на его занесеннихъ, именно, къ пріидучому сего мая 15 числа приездилъ въ Глуховъ непремѣнно, ибо оніе жалобливіе справи тутъ, на судѣ, за его прибутемъ, крайне вершатися мѣютъ; а еслибы и за симъ указомъ сюда пріехати не мѣлъ, то, когда челобитчики на него удадутся въ коллегію, большая ему учинится трудность и турбація.

— Писано теди и до п. Панченка, асаула полкового прилуцкого, чтобы онъ сюда жъ, якъ ехатиметь мененній п. полковникъ, для росправи въ нимъ пріездилъ; а не имѣлъ онъ пріѣхать, за слабостю здоровя своего (якъ о томъ сюда писалъ), то и Панченку пріездити въ Глуховъ будетъ не для чого.

— **8.** Предложено листомъ до п. судіи енерального Чарниша, абы онъ крайне увѣдомилъ, если, по должности званія своего судейского впредь до судовыхъ дѣлъ пріимется и оніе одправовати будетъ, или уже весьма отъ дѣлъ судейскихъ устранитися намѣренъ, ижъ бы знать, якъ отвѣтствовати, когда гдѣ спросятъ.

— **9.** Отправленъ листъ до п. полковника кіевского, абы для отвѣтствія противъ зборщицкого доношенія немедлено сюда въ Глуховъ пріездилъ; еслижъ бы не мѣлъ пріехати, то и нехотячаго намѣрила коллегія Малороссійская зискати.

— **11.** По жалобѣ козаковъ топалскихъ, Ивана Скоблика зъ товарищи, писано до приказчика топалского Гавріила Ивановича Рогозинского, чтобы онъ имъ. суплѣкантамъ, и другимъ топалскимъ козакамъ обидъ и утѣсненія въ кгрунтахъ не чинилъ и шинковать горѣлкою не возбранялъ; и въ чемъ они обиждены, и тое бы имъ возвращено было; ибо, если впредь якая тимъ козакамъ затѣется обида, то не оставится о томъ въ сенатъ писать до его императорского величества.

---

[1]) 1723 года.

Май, 12 [1]). По жалосномъ донесеню п. Параскевіи Домонтовичевой Даниловой Солониновой, виданъ зъ войсковой енеральной канцеляріи унѣверсалъ въ полкъ Кіевскій, въ сотню Остерскую, о приверненю ей села Коптова, полковникомъ кіевскимъ на домъ его одобранного, которимъ жалобливая, подлугъ двоихъ унѣверсаловъ отъ покойного гетмана, на оное данныхъ, мѣетъ владѣть по прежнему.

— Писанъ листъ до п. наказного стародубского Петра Корецкого, потвержаючи желаніе его, абы на мѣсцю оного, въ Санктпитербурскую дорогу теперъ одъежджаючого въ интересахъ, п. Иванъ Чарнолуский, сотникъ полковій, принялъ тамошное наказничества полковничого правленіе, справуючись зъ надлежащою звании тому обзорностю; а въ судахъ ему помоществовати маетъ п. Дублянскій, новомѣскій сотникъ, зъ присидѣніемъ до того еще по два человѣка значковихъ перемѣною.

— Данъ унѣверсалъ, за подписомъ общимъ зъ коллегіатами, зъ войсковой енеральной канцеляріи Ѳеодору Лисенку на урядъ сотничества березинского.

— **22.** На жалобу Пахомія Іосифовича, жителя стародубского наІосифа Елинского, бывшого атамана стародубского и на Ярофея Коваля занесенную, писано до п. наказного стародубского Чарнолузского, ижбы онъ, тую взявши до расмотренія суду полкового справу, о всемъ праведно розискалъ и, якъ покажется по розиску, обиженного належите уконтентовати велѣлъ обыдившимъ его и до помѣркованя оныхъ, хочай и вязенемъ, всеконечне принудилъ.

— **23.** Писано третимъ разомъ уже до п. бунчучного енералного, чрезъ посланного козака глуховского сотнѣ Прокопа Раженка, о немедленномъ его сюда въ Глуховъ пріѣздѣ, для нужныхъ интересовъ.

— Сего числа принесени два указа зъ высокоправителствуючого сената зъ Санктъпитербурха въ войсковую енеральную канцелярію чрезъ куріера князя Огія Енгаличова.

— **24.** Посланъ указъ на п. полковника прилуцкого, абы, за полученіемъ оного, приездилъ сюда, въ Глуховъ, для пилного войскового интересу безъ умедленія; за которого пріездомъ тотъ интересъ ему тутъ обявленъ будетъ. Писанъ подъ датою мая 14.

Сегожъ 13 числа одправленна експедиція одъ всего Малороссійского народа до его императорского величества въ Санктъпитербургъ

[1]) 1723 года.

въ правительствующій сенатъ на три грамоти пунктами зъ поддаическимъ доношеніемъ расположенная, чрезъ нарочнихъ посланнихъ, именно, чрезъ п. Петра Корецкого, наказного стародубского, п. Ивана Даниловича, наказного переясловского, п. Димитрія Володковского, товариша войскового, Григоріа Грабянку, судію полкового гадяцкого, п. Николая Ханенка, канцеляристу войскового старшого, ординованная.

Въ первомъ теди пунктѣ першой грамоти предложоно о прошеніи гетмана, о чомъ и чолобитная къ его величеству въ габинетъ за руками п. п. правящихъ послана.

Въ пунктѣ другомъ о прошеніи полковниковъ на вакансовіи мѣсця въ городи Стародубъ, Переясловъ и Полтаву. . . . . .

Въ другой грамотѣ рабскѣ донесено, 1-mo, дабы милостивимъ его величества указомъ новое комендантовъ въ Стародубъ и въ Полтаву опредѣленіе было одставлено. . . . . .

Въ третой грамотѣ, 1-mo, съ всепокорнимъ прошеніемъ о возвращеніи зъ Малороссійской коллегіи зъ владѣлческихъ и инныхъ маетностей зборовъ хлѣбныхъ показанныхъ, покуховнихъ и протчіихъ, которіе оная коллегія надъ указъ, чрезъ посланныхъ одселя зъ сената присланній. . . . . .

Май, 15 [1]). Сего числа писано до п. судіи миргородского и на сей часъ въ полку томъ до наказного о приездѣ его сюда, въ Глуховъ, немедленномъ.

— **16**. По виписанномъ обширне Василя Танского, зъ вимовленмъся о учиненной одъ его фуріи и о утопленномъ одъ розищиковъ, въ Кобѣщи бувшихъ, въ дѣлѣ полковника кіевского зъ Мандрикою, къ нему, Василю, зъ листомъ посланнихъ, такожъ и об рубаню шаблею оного Мандрика, скрипту, сюда присланномъ, предложено отселя до оного Василя Танского указомъ, ижъ бы онъ для отвѣту противъ тихъ своихъ неслиханнихъ екзорбитанцій безъ жадной одговорки приездилъ въ Глуховъ, не дожидаючись по себе другого о томъ посланца.

— **17**. По указу видалъ п. Ѳеодоръ Омеляновичъ, атаманъ глуховскій, зъ скарбу войскового посилаючимся въ общенародныхъ интересахъ въ Санктъпитербурхъ п. Петру Корецкому, наказному ста-

[1]) 1723 года.

родубскому золот. 2000 и золот. 10 и червонихъ 123, подъ датою 13 мая.

(*Далѣе слѣдуютъ опущенныя здѣсь числа 18 и 25 мая*)[1].

Май, 25[2]. Сего числа писанъ листъ до князя Дмитріа Михайловича Голѣцина, зъ обявленіемъ, что пакіетъ писемъ, одъ его сіятелства зъ Москви врученній, куріеръ князь Агій Енгаличовъ зъ прочіими писмами, въ дѣлехъ государственнихъ зъ правителствующого сената ординованними, въ войск. енер. канцеляріи принеслъ.

— **30**. Прошлого мая 23, чрезъ нарочно посланного п. Якова Карпѣку писано въ высокоправителствующій сенатъ до его императ. величества, подданическѣ обявляя, что, по полученіи его величества прошедшого 22 мая монаршого указу, въ которомъ пп. правящимъ Малоросии повелено ехать въ Санктъпитербурхъ, въ указній путь до поизду готовы; толко всенижайше зъ подданическою покорностію прошено, дабы благоволилъ его императ. величество повелѣть прислати свои монаршіе зъ сената указы, чтобы на подъемъ потребное число подводъ везде по станамъ въ предлежащой зъ Глухова до Санктъпитербурха дорозѣ давано, ибо, за далекостю того пути, конми своими ехать будетъ трудно. Писано такожъ и до посланныхъ, п. Петра Корецкого зъ товарищи, ижъ бы они дѣла общенародніе, на писмахъ имъ врученніе, смотря по латвости тамошняго поведенія, прежде приезду туда пп. правителей, старалися бъ въ сенатъ пооддавати и надлежащои резолюціи на оніе допрошувалися бы.

— **31**. Писаны листы во всѣ полки малороссійскіе, зъ объявленіемъ, что, одъежаючи по указу монаршомъ въ Санктъпитербурхъ, полѣцена команда малороссійского правленія пп. асаулу Василію Жураховскому да Якову Лизогубу, бунчучному войсковимъ енеральнымъ, до которихъ всѣ, въ чомъ будетъ надобно, повинни реферовати и описоватись и безъ найменшого всякъ противленія и преслушанія обыходитися повиненъ.

— Данъ указъ до войта риковского зъ громадою о прислушанія села Рикова п. Данилу Кутневскому въ кошеню сѣна и прибиранію пашнѣ до повороту пп. правителей зъ Санктъпитербурха.

---

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1880 г., I, 180.

[2]) 1723 года.

Юнь, 1 [1]). Сего числа прибувъ въ Глуховъ г. брегадиръ Веляминовъ зъ Санктпитербурской дороги.

Тогдажъ пріехалъ до Глухова и его м. п. бунчучный енеральный.

— **4**. Писанъ листъ до п. обозного полку Прилуцкого зъ предложеніемъ тимъ, что поневажъ, по трикротномъ писаніи, полковникъ тамошный для обаченяся зъ пп. правителями, при выиздѣ ихъ въ Санктъпитербурхъ, по указу монаршомъ, не хотѣлъ приехати въ Глуховъ, того ради посланъ туда въ Прилуку п. Филиппъ Борзаковскій, канцеляриста войсквій, абы тамъ, якое намѣнено, общее императорскому величеству подати челобитте, обявилъ мененному п. обозному и всей старшинѣ полку Прилуцкого, на которомъ мѣютъ оны, если усмотрятъ въ томъ якую ползу, руки свои подписати.

Въ той силѣ писанъ листъ и до полковника прилуцкого.

— **5** По присланной зъ Малорос. коллегіи въ войсковую енер. канцелярію промеморіи, о доходахъ всякихъ, збѣрать по прежнему, о зборахъ, зо всѣхъ необходно стягатися мѣючихъ, по указу именномъ монаршомъ о взиманіи покуховной, о присланіи списковъ-реестровъ козацкихъ, нынѣшнихъ и давнихъ, въ оную коллегію, о взятіи зъ войсковой канцеляріи обстоятелнихъ вѣдомостей о малороссійскихъ зборахъ и о расположеню квартиръ на полки, о дворовомъ числѣ наличныхъ списковъ, о козакахъ въ Малой Росіи обрѣтаючыхъся, о указахъ и унѣверсалахъ въ общенародныхъ интересахъ безъ коллежской подписѣ нѣкуди онихъ не посилать и о прочомъ писанной, объявленно въ отвѣтъ зъ войсковой канцеляріи въ оную коллегію промеморіею тако: для взысканя давнихъ и нынѣшнихъ козацкихъ и ревѣдованю онихъ во всѣ полки малороссійскіе мѣютъ коммиссари ординоватися, о якой ревѣзіи и унѣверсалъ посланъ въ коллегію; а о вышъпомянутихъ зборахъ и доходахъ, почему зъ чего збѣралось, о якихъ вѣдали, и прошлого году 1722 августа 11, пунктами въ оную коллегію обявили; укази зась и унѣверсали, въ важнихъ дѣлахъ пишучіевся, впредь Малороссійской коллегіи обявляемы будутъ. Подъ датою юня 7.

— **6** Сего числа подалъ въ канцелярію Малороссійской коллегіи копіистъ Беловцовъ монаршую грамоту, зъ высокоправителствующого сената присланную, о выходѣ въ походъ старшинѣ енералной и всему

---

[1]) 1723 года.

войску малороссійскому при глазному коммендиру г. князю Мих. Мих. Голѣцину.

Юнь, 7 [1]). Писано до г. брегадира, упоминаючись о неперемѣнѣ титулу, въ унѣверсалахъ пишучогося.

— 11. Посланы укази два къ п. атаману глуховскому Омеляновичу о видачи зъ скарбу войскового, въ его завѣдованю найдуючогося, на подъемъ паномъ правителемъ въ дорогу до Санктъпитербурха рублей 400, а на дорогу рубл. 400, для всякой потребы.

— 12. Писано листомъ до п. Тарновскаго, ижъ бы онъ предложилъ п. полковникови прилуцкому, чтобъ листъ и челобитную ихъ, сюда присланную, вновъ тамъ переписавши, такъ самъ п. полковникъ, якъ и старшина тамошная зъ мѣщанами, на онихъ руки свои приложили, и когда тое собудется, оніе писма маетъ п. Тарновскій днемъ и ноччу чрезъ сторожа въ Прилуку посланного сюда присилати въ Глуховъ, одколь заразъ до належнихъ рукъ навздогонъ послатися мѣютъ.

— По увѣдомленюся о поворотѣ зъ Царицина п. полковника миргородского, писано къ его мил. въ обявленіе, что г. брегадиръ Веляминовъ, за пріездомъ своимъ зъ Санктъпитербурха въ Глуховъ, обявилъ указъ монаршій, за именною его импер. величество рукою, жебы одъ всѣхъ малороссіянъ, никого не обходячи, со всякихъ пожитковъ брать збори въ казну, якъ и прежде устроено было; а що именно брати—и промеморіею о томъ зъ Малорос. коллегіи въ канцелярію предложено, которой копію до п. полковника послано; того ради, за одъездомъ по указу манаршомъ въ Санктъпитербурхъ, намѣрено о отставки тихъ зборовъ, где надлежить, просити милости; къ якому общему прошенію да благоволить и его мил. п. полковникъ миргородскій свое къ тому имѣти согласіе и чрезъ посланного къ нему нарочно вѣдомо учинити. Послана тамъ же копія челобытной одъ всей малороссійской старшины, за руками споряженной, зъ прошеніемъ милости у императ. величества, подлугъ якои и п. полковникъ миргор., если схощетъ одъ полку своего подобное спорядити челобиття, изволитъ и въ тропи, куда надлежить, посилати.

Сего юня 13 дня, одъехали въ Санктъпитербурскую дорогу ихъ мил. панове полковникъ чернѣговскій и гетманъ наказный, Семенъ Савичъ, писаръ, да Иванъ Чарнишъ, судя войсковый енералный.

[1]) 1723 года.

Юнь, 13 [1]). Указъ его величества, за подписомъ рукъ коллегіацкихъ и старшини енералной, прошлого юня 10 полученъ зъ войсковой енер. канцеляріи, по которомъ велено ординовать ревѣзоровъ во всѣ полки рейменту гетманского, именно, въ полкъ Стародубскій—Ивана Борозну-Горского да Семена Рубця; въ Нѣжинскій—Василія Полунѣцкого и Демяна Бутовича; въ Прилуцкій—Василя Томару зъ Василемъ Гамалѣею; въ Кіевскій—Якима Гречаного и Андрія Раковича; въ Переясловскій—Степана Забѣлу зъ Иваномъ Терновіотомъ; въ Лубенскій—Василя Кочубея да Трощинского; въ Гадяцкій—Якова Новѣцкого да Степана Гамалѣю; въ Миргородскій—Андрея Кандибу да Ивана Армашенка; въ Полтавскій—Гречаного и Якима Кулябку, товариство бунчуковое. И тѣмъ ревѣзоромъ во всякомъ полку справити всѣхъ таковихъ, хто есть прямі зъ дѣда и отца козакъ, именній списокъ одъ обозного до меншого стану, подлугъ даннихъ себѣ инструкцій, и особно всякую сотню и курѣнь, не мѣшаючи одного съ другимъ, по имени всякого и по прозванію или по отчеству, не обходя и курѣнчиковъ и никого иного, зревѣдовать; и оную ревѣзію въ особливій компутъ достовѣрно написать и написавъ руками своими оніи закрѣпить, а другую безъ закрипи спорядить и до войсковой енер. канцеляріи на день слѣдуючого юня мѣсяца 28 присилать съ поспѣшеніемъ. Такожъ и о людяхъ посполитихъ, которіе біютъ челомъ быть въ козакахъ, потому что отци и дѣди ихъ, и инніе, и сами челобитчики прежде козацко служували, обстоятелно изслѣдовать, и, по старихъ реестрахъ козацкихъ освѣдителствовавши, если отци и дѣди ихъ прежде козаковали, должни оныхъ въ реестръ козацкій записать тіежъ ревѣзори. А если где старіе реестра не зищутся, о таковихъ людми знаючими освѣдителствовать и, по свѣдителству якъ покажется, такъ ихъ записать непремѣнно. А по вчиненіи о казакахъ ревѣзіи и по написаню онои въ особные книги, подобнымъ образомъ и посполитыхъ людей, нѣ чіихъ селъ, ни маетностей духовнихъ и мирскихъ, ни малороссійскихъ, ни тежъ великороссійскихъ державцовъ не минаючи, обще всѣхъ зревѣдовавъ же, и особно можнѣйшихъ, а особно убогшихъ, которіе нынѣ суть на лице, двори описавши въ особливіе порядочніе реестра, еденъ за подписомъ рукъ, а другій безъ надпису, сами вскорости до Глухова привозити должни.

---

[1]) 1723 года

Юнь, 14 [1]). Писанъ указъ до Василя Дорошенка, ижъ бы онъ, за полученіемъ того, для отвѣту на жалобу Семена Ломѣковского, о побои и безчестіи, одъ его, Дорошенка, ему затѣянномъ, выраженную, заразъ приездилъ въ Глуховъ, дабы, за умедленіемъ. якъ удастся жалобливій въ коллегію Малорос., и неходячого сюда не притягли.

— **18.** Одправлена промеморія въ Малорос. коллегію отвѣтная съ обявленіемъ, что за бывшихъ гетмановъ полки компанѣйскіе не были комплетомъ своимъ въ равномъ числѣ, а давалось полковнику на годъ плати роковой 26 рублей, а мѣсячной на еденъ мѣсяць по 4 рубля; обозному, асаулу, писару, хоружому полковимъ—роковой плати по 14 рублей, мѣсячной по 3 рубля и по 2 гривни; подъасаулому полковому—роковой плати по 7 рублей, мѣсячной по 1 по 20 алтинъ; довбишу—роковой по 6 рублей, мѣсячной по 80 гривенъ; сотеннимъ ротмистрамъ—роковой по 14 рублей, мѣсячной 8 золот.; асаулу и писару сотен. и атаманиѣ курѣнной—роковой по 7 рублей, мѣсячной по 8 золот.; товариству подвойному—роковой по 6 рублей, мѣсячной по 8 золот.; товариству поединковому—роковой по 4 рубля, мѣсячной по 4 золот.; молодикамъ—роковой по 2 рубля, мѣсячной по 4 золот.

— **22.** По желанію его мил. п. полковника миргородского, статія Богдана Хмелницкого скопіованніе, при листѣ писанномъ къ нему, послани, по которихъ вирозумленю одъ полку Миргородского челобитную до императорского величества въ нуждахъ, если споряжена будетъ, присылалъ бы его милость въ Глуховъ, а одъселя, куда надлежитъ, при иншихъ експедиціяхъ пошлется.

— **23.** Поневажъ двократнихъ указовъ, зъ канцелярііи войсковой до себе писаннихъ, п. п. обозній прилуцкій Грищенко да Тарнавскій о пріѣздѣ ихъ сюда въ Глуховъ преслушаніе учинили; теди, хиба дожидаются они нарочного зъ коллегіи по себе солдата, которого и нехотячого другого припровадитъ въ Глуховъ, листовне предложено.

— **30.** Обявлено листомъ до п. полковника миргородского, что при листѣ его присланную одъ всего полку миргородского челобитную зъ копіями монаршихъ грамотъ и зъ другимъ листомъ, особенно до полковника чернѣговского писаннимъ, принято, и тое все при експедиціи въ Санктпитербурхъ послано будетъ до належнихъ рукъ.

---

[1]) 1723 года.

Іюль, 3 [1]). Писано до п. полковника гадяцкого, чтобы понеже передъ вїздомъ ихъ мил. п. п. полковника чернѣговского, судіи и писара войсковыхъ енералныхъ въ Санктпитербурхъ, обще всей Малороссіи, за подписомъ рукъ п. п. полковниковъ цѣлихъ и наказнихъ, написана до его импер. величества челобитная зъ прошеніемъ о одставцѣ зборовъ; а потомъ изъ полковъ особенніе прислани въ той же матеріи челобитніи; а онъ, п. полковникъ гадяцкій, на той часъ в отлучки бывъ, приказалъ изъ полку своего челобитную такую жъ (если заблагоразсудить) заручную спорядить и прислать сюда для отправи оной вслѣдъ за помянутими особами до Санктпитербурха; а для образца еднои общои а другои полковои челобитенъ копіи къ нему полковнику гадяцкому послани.

— **4.** Сего числа полученъ указъ зъ правителствующого сената для публикаціи оного о одставкѣ нѣкоторихъ зборовъ.

— **18.** Експедиція въ Санктпитербурхъ, юля 11 писанная, а сего 18 чрезъ нарочно посланного Василя Быковского выправлена. Писана первая грамота къ его императорскому величеству въ сенатъ, експедіованная зъ всенижайшимъ прошеніемъ, дабы, ежели изволили его императ. величество, милосердствуя о вѣрнихъ своихъ подданнихъ, указать простому народу, между которимъ болшая часть посполитихъ людей обрѣтается, збори одставить, а именно, записное одъ казановъ и одъ казановъ що медъ ситятъ, съ возовъ за пропускніе квѣти, зъ привозного всякого хлѣба, зъ мѣщанскихъ и посполитихъ людей, зъ лошадей ихъ работнихъ, мазепщина, праздничное одъ казаковъ и мужиковъ, одъ коморъ рѣзницкихъ, одъ бобилей стація, зъ козаковъ ралецъ,—о чомъ всемъ печатними указами публиковано; то наче старшинѣ малороссійской, такожъ заслужонимъ рядовимъ козакамъ, зъ дѣда и отца его величеству вѣрне служащимъ, такую жъ его величество милость да благоволитъ явити, жебы новоналоженніе на ихъ збори, которихъ зъ нихъ и зъ продковъ прежде не збѣрано, были одставлени, ради всегдашнихъ его монаршихъ службъ.

— **21.** Сего числа отправленъ листъ до ихъ милостей п. п. полковника чернѣговского, писара да судіи войсков. енералнихъ въ Санктпитербурхъ чрезъ п. Яснополского, двору гетманского господара, зъ тимъ вираженемъ, что листъ одъ ихъ милостей зъ Москви о доброи

---

[1]) 1723 года.

акцептаціи въ день ангела императорского величества одъ високихъ лицъ, тамъ имъ висвѣдченнои, полученъ, а при томъ ознаймено, же, по требованію г. генерала Голѣцина, диспозицію о курѣнчикахъ, сколко онихъ кому содержати надлежитъ, за руками спорядивши, едну до его мил. г. енерала, а другую до ихъ, для всякаго случая, при листѣ послана.—P. S. Двое вѣденіи, едно о сотняхъ и козакахъ во всѣхъ полкахъ, а другое о компанѣи и о сердюкахъ, сколко онихъ на лице есть, тамъ же послано.—P. S. Обявлено, же листъ одправленъ сего 21 дня чрезъ мененного Яснополского, а прошлого 18 юля обширнѣйшая експедиція чрезъ Быковского доихъ милостей одправлена.—P. S. Доложено и тое, же въ нужнихъ дѣлахъ, а барзѣй для одданя вѣзити г. енералу Голѣцину, одправленъ до его сіятелства п. бунчужній енералній, а прежде сего двома днями брегадиръ, полковникъ нѣжинскій и прокуроръ тудажъ одъехали.

Іюль, 24 [1]). Писано до п. п. асаула полк. стародубского и до Ширая, аби они Иванову Тимошенкову, нынѣшную инокиню, въ Стародубѣ мешкаючую, за ослушаніе двократнихъ къ ней зъ канцелярія указовъ писаннихъ, упомянули, ижъ бы она, безъ жадныхъ одговорокъ, скаржачому на еи Красовскому за 10-лѣтную службу нагородила и забранное поворочала; а еслибы и по сему не учинила, то велено имъ оную зграбить и тотъ грабѣжъ суплѣканту отдати.

— Послана отвѣтная промеморія въ коллегію Малорос., зъ обявленемъ о волностяхъ подданническихъ малороссійскихъ, на которихъ когда подданіи живутъ несходно, безъ владѣлцовъ вѣдома кгрунтовъ своихъ и другихъ угодій продавать не мѣютъ, а якъ где не похотя хто зъ села въ иное мѣсто поидетъ, тихъ угодія владѣлцамъ остаются, и волно имъ иного, кого хотя, на онихъ сажать.

— **30**. По листу Стародуб. полку ревѣзоровъ Мокрѣевича да Самойловича въ отвѣтъ предложено, абы они такихъ державцовъ, которіи работизнами старинимъ козакамъ отегощеніе чинятъ, именно, да и тихъ козаковъ, якіе кривди поносятъ, и въ якихъ селахъ, описавши именно на паперѣ особномъ, за руками, въ канцелярію войсковую присилали, по тому опредѣленіе чинится, понеже такой ихъ поступокъ противенъ есть указу монаршому; о козакахъ зась, которихъ барзѣй духовніе дѣржавци въ подданство повернули, а якіе и

[1]) 1723 года.

сами зъ козаства въ подданство же повтискалися, мѣютъ, обстоятелно розискавши, ежели здавна козаковали, въ реестръ козацкій особенній онихъ написати.

Августъ, 1 [1]). По донесеню ревизоровъ Переяславского полку Забѣли да Тернавіота, что енералши Контакузиновои приказчикъ Сима Михайловъ козаковъ старинныхъ, зъ дѣда и отца служачихъ козацко, до 20 человѣкъ и болшъ, знову до подданства насиліемъ нудитъ и въ колодки забиваетъ, біетъ и до ихъ власныхъ кгрунтовъ ездити запрѣщаетъ; зъ якихъ козаковъ и сюда два человѣка села Драбова, маетности Контакузиновой, приехали; писана теди промеморія въ Малор. коллегію, да благоволитъ оная коллегія по указу импер. величества имъ, козакамъ, явить оборону и зъ подданства освобожденіе.

— **3.** По листу наказного лубенского (Якова Марковича) писано до него въ отвѣтъ и предложено, абы, подлугъ прежнихъ и недавного указовъ, не ухиляючись самъ одъ службы и не висилаючи на мѣсцу своемъ обозного тамошного, зъ приборомъ войсковимъ и харчевимъ въ полтори тисячи козаковъ, а въ томъ числѣ и зъ значковимъ товариствомъ, взявши двѣ армати легшихъ, тогчасъ до Буцкого Броду маршировалъ въ полкъ Полтавскій спѣшно.

— **12.** Писано до наказного лубенского, что въ означенній походъ до Буцкого Броду самому ему всеконечне, по первихъ и по сему указахъ, всѣ свои одложивши жалобы и отрицанія, наказнимъ слѣдовати припадаетъ; ибо, когда в дому быть, то оному наказничества правленіе не непріятно есть, а когда до походу ити, и тяжело кажется.

— **13.** По донесеню Семена Лизогуба писано до ревѣзоровъ полку Чернѣговского, абы въ маетностяхъ его, Лизогуба, да и въ протчіихъ, козаковъ тихъ, которіе зъ подданства будто въ козаство подбилися и въ компутъ козацкій повписовани, зъ подданической повинности виключати заразъ до долшого указу и опредѣленія не дерзали, але въ особенніи ихъ, кроме полкового, записовали бы въ реестръ.

— **18.** По полученіи одъ сіятельнѣйшого князя Голѣцина его мил. г. енерала и кавалера Михайла Михайловича о виступленю малор. войску при старшинѣ енералной в походъ ордеру, писано отвѣтно до его сіятелства зъ обявленіемъ, что инніе уже полки до означенного, по его жъ сіятелства усмотренію, мѣсця прибули и въ компоментахъ

---

[1]) 1723 года.

расположилися, а другіе зъ наводненіемъ дождевимъ еще маршируютъ; аже не скорая тамъ полкамъ и другимъ учинилася виправа, къ тому нѣкоторіе были препятствія, о якихъ словесно его сіятелству донесено будетъ; тамже доложено, что прежде съ мененними полками сама старшина енералная, безъ именного его сіятелства ордеру, въ настоящій походъ виступать опасались; теперъ же, за полученіемъ обявительного отъ его княжого ордеру, хочай въ походъ и виступили, однакъ безъ войсковыхъ надлежащихъ знаковъ: знамя, котловъ и протчого, и безъ прибору и артилерійского запасу, якъ было передъ тимъ енералѣтету войска Запорожского маршъ воспріимати обыкновенно; которихъ знаковъ войсковихъ и запасу коллегія Малорос. не видала, и не вѣдомо, якимъ образомъ безъ онихъ знаковъ комендѣ енералной въ полю содержати правленіе.

Августъ, 18 [1]). Отправлена теди сия експедиція до его сіятелства сегожъ дня чрезъ Якова Карпѣку.

— Сегожъ дня ихъ милость старшина енералная, панове асаулъ и бунчучній войсковіи енералніи, виступили въ походъ и завзяли трактъ до Буцкого Броду.

— **23.** Рано зъ подъ Капустинець рушивши, чрезъ села Подолки переехавши болшъ нѣж за милю, на обѣдній попасъ зъ артиллеріею и всѣмъ обозомъ стали и, одтоль пошовши на ночъ, чрезъ рѣку Псолъ зъ великою трудностю подъ городкомъ Веприкомъ переправившися, за чтири версти становилися на ночъ; и въ тую пору многіе одъ обозу поостались и поблудилися, заледво на другій день уже поприездили къ обозу. И тоей ночи мало не до свѣта въ котли довбишъ на голосъ билъ.

— **24.** Панъ Яковъ Карпѣка, товаришъ бунчуковій, одъ сіятелнѣйшого князя Михайла Михайловича Голѣцина, подъ Павловкою селомъ листъ на дорозѣ, жебы для правленія обще зъ Малороссійскою коллегіею дѣлъ возвратилися въ Глуховъ, а до обозу не ехали, подалъ.

— **25.** Рано ихъ милость панове енералная старшина, оставивши артиллеріею и свой зо всѣмъ обозъ за добрую милю отъ Опошнего, сами поѣхали,.... и на обѣдный попасъ за Рублювкою въ граници слободскихъ полковъ стали... а одтоль ихъ милость, рушивши степомъ къ Коломаку, где всѣ малороссійскіе полки реименту гетманского зъ обозами стояли, и не надтягши въ таборъ, якъ бы о полмилѣ, ночовали.

---

[1]) 1723 года.

Августъ, 26 [1]). Рано зъ ночлѣгъ поехавши къ намету его мил. пана полковника миргородского въ обозъ, и подля зъ будками и конми стали, и визитовали его милость, и чрезъ шисть цигаровихъ годинъ о многихъ малороссійскихъ интересахъ и бытности сіят. князя генерала и кавалера его мил. г. Михайла Михайловича Голѣцина въ рейменту гетманского полкахъ, о пересмотрѣ оныхъ и о зборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ, чого нѣкогда въ Малой Россіи не бывало, что Малороссійская коллегія, теперъ учрежденная, въ казну собираетъ, разговорували, и совѣтували, одъ всего войска енералную до его императ. всепресв. величества, всемилост. государя нашего, написавши чолобитную, просячи милостивного на войско Малороссійское и на ввесь народъ Украинскій призрѣніа, даби збори, якіе теперъ начались взимати, по прежнему были одставлены, поневажъ теперъ частіе и великіе войсковіе случаются походи, и зъ обозу тую бы чоломбитную одъ Коломаку, вибравши двохъ зъ старшины полковой чи тежъ бунчукового или значкового товариства, послали до его императ. величества; и по тому панове енералніе особы до своего одойшли намету; и заразъ нѣкоторіе ихъ милость панове цѣліе и наказные полковники изволили ихъ милостей пановъ енералныхъ особъ гадяцкій Милорадовичъ, прилуцкій Галаганъ, полтавскій наказный Григорій Буцкій судіа полковій, визитовати; и мало въ своемъ наметѣ панове енералная старшина привитавшися, зъ панами полковниками забавилися, заразъ зъ оными жъ до его мил. пана полковника миргородского пошли и обявляли зъ Малороссійской коллегіи присланную промеморію при виездѣ зъ Глухова, не позволяючи ихъ милостемъ знаку и котловъ войсковнхъ до походу брать. И iterum ихъ милость панове енералная старшина и панове полковники о зборахъ, десятинѣ медовой и пчоляной, тютюнной, млинахъ и протчиихъ денежныхъ и хлѣбныхъ, и о консистентахъ зъ Малой Россіи, о найдуючихся армейскихъ великороссійскихъ полкахъ и о протчіихъ малолороссійскихъ нуждахъ. А потомъ его мил. п. полковникъ миргородскій изволилъ просить у себе исти обѣдъ ихъ милостей пановъ енералныхъ особъ и другихъ товариства, где изволили быть его милость п. асаулъ и его мил. п. бунчучный войсковіе енералные, и ихъ мил. панове полковники: гадяцкій Милорадовичъ, прилуцкій Галаганъ, Гаврило Бурляй охочопѣхотный, и па-

[1]) 1728 года.

нове Ѳедоръ, Семенъ Карпѣки, и товариство бунчуковое, и Андрѣй Володковскій войсковой енералной канцеляріи канцеляристъ. Такожъ и подчалъ обѣду о многихъ трудностяхъ и тяжестяхъ людскихъ, о судахъ енералныхъ и о нѣякихъсь жидахъ новокрещенныхъ, въ Малой Россій найдуючихся; такожъ о заводѣ п. Якова Марковича, полковника наказного лубенского, зъ полчанами тамошними, что нѣкоторихъ зъ сотниковъ на арматѣ держалъ окованныхъ, и о розиску панеи Боруховичевой старой, якый будто неслушне справованъ чрезъ присланныхъ розищиковъ и пленѣпотентовъ одъ жалобливой стороны. А по обѣдѣ и прежде ихъ милость панове полковники всѣ обще совѣтовали ихъ милостемъ паномъ енералной старшинѣ ехать до сіятельнѣйшого князя, генерала и кавалера его мил. г. Михайла Михайловича Голицина, где его сіятелство теперъ бытностю своею обрѣтаетъся, для розговору и обаченяся зъ его княжою милостю; и потому ихъ милость панове енералная старшина заразъ по обѣдѣ, побувавши въ наметѣ пана Кгалагана, полковника прилуцкого, на трактаментѣ и маленко, якъ бы цигаровую годину, забавилися, заразъ одтоля одъехали, и ихъ милость панове полковники: гадяцкій Милорадовичъ, прилуцкій Кгалаганъ, полтавскій наказный Буцкий, судіа полковій, изъ полковою старшиною и многимъ товариствомъ полковъ своихъ, одъ обозу ихъ милостей пановъ енералную старшину випроважали якъ бы верстей за чтири и тамъ, пожегнавшися, розехались; а одтоль поехавши, якъ бы за двѣ милѣ одъ обозу, где войско стояло, подъ Колонтаевъ, слободскихъ полковъ городокъ, ночовали.

Августъ, 28 [1]). Ихъ милость панове енералная старшина приехали въ городокъ Ахтырку и на квартерѣ... стали; и почекавши мало на квартерѣ, до двора сіятелнѣйшого князя... Голѣцина для одданя визити и обаченяся поехали; и якъ скоро пришли и поклонилися его княжому сіятелству, такъ заразъ, спросивши его княжая милость: «хто такой»? и изъ гнѣвомъ, для чого прежде его княжой бытности къ Буцкому Броду въ обозъ, где рейменту гетманского полки стоятъ, не устроили въ обозѣ? и, «еслибы (что не дай Боже) непріятельское учинилось какое нападеніе, то, ведаю, нехто инний, но в. м. панство, где указовала бъ потреба, отвѣтовали», договорувалъ. На остатокъ зась, изволилъ его княжое сіятелство, что «я до его императорского вели-

[1]) 1723 года.

чества въ сенатъ о семъ в. м. панства въ обозъ неприездѣ (поневажъ много нераденія и ссоровъ въ полкахъ, а наибарзѣй въ Лубенскомъ, обретаетъся) стану писать». А когда въ отвѣтъ ихъ милость панове енералная старшина слушніе причини и екскузаціи, для чого не могли прежде его княжого сіятелства въ обозъ на Коломакъ, где рейменту гетманского полки стоятъ, постигнути, же Малорос. коллегіа знаку, музики, котловъ, зъ чимъ бы енералной старшинѣ въ войсковий походъ маршировати, и артилерийскимъ служителемъ харчевихъ припасовъ не дала, и что зъ оной коллегіи о зборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ (до чого ихъ милость не обикли) затѣвается трудность, принесли, и, вислушавши его княжая милость отвѣту ихъ милостей, ласкавѣйшимъ и приятнѣйшимъ въ дискурсѣ показалъся; а стороны знаку, музики, котловъ войсковихъ и припасу артиллерійскимъ служителемъ, что зъ коллегіи не видано, жадной на тое резолюціи его княжое сіятелство не учинилъ, но, попрасивши до себе на кушане, велѣлъ отийти ихъ милостемъ на свою квартеру. И одишовивши ихъ милость на квартеру, годинъ 4 цигаровихъ забавилися, заразъ оффицеръ, одъ его княжого сіятелства пришовши, просилъ до его княжой милости; ихъ мил. п. п. старшина енералніе и панове Ѳедоръ и Семенъ Карпѣки и Андрѣй Володковскій пошли и, пришедши, у столу засѣли, и много о зборахъ, что коллегіа въ Малой Россіи собираетъ, о пану полковнику чернѣговскомъ, на сей часъ зъ другими малороссійскими особами въ Пѣтербурху обрѣтаючимся, розговорували; и при томъ дискурсу о пану Якову Маркевичу, полковнику лубенскому наказному, и полковниченку тамошнемъ, которій по отцевѣ поссесиве за урядъ полковництва принялъся, и его сіятелство изволилъ сказать такъ: «не барзо слушне бы было, напримѣръ, еслибы ахтирскій полковникъ, мимо старшину полковую, синовѣ своему, одъезджаючи куда, вручилъ правленіе полковъничества; такожъ и здесь». И по многихъ розговорахъ изволилъ его княжое сіятелство ихъ милостей п. п. старшину енеральную, хочай и просили его сіятелства забавитися въ обозѣ, для правленія дѣлъ обще зъ Малор. коллегіею въ Глуховъ одпустити.

Сентябрь, 10 [1]). Посланъ листъ до панѣ полковниковой чернѣговской, обявляючи тое, что, по прошенію еи, посланъ указъ до сотника любецкого упоминателній, ижъ бы до тыхъ людей, которіи зъ

[1]) 1723 года.

дѣда и отца не суть козаки и сами не козаковали, да и на грунтахъ пана полковника чернѣговского, а не на козацкихъ, живутъ, не интересовался. Такожъ посланъ указъ до мужиковъ, въ Любетчинѣ живучихъ, дабы они, не отмовляючись козацтвомъ, належитое свое подданское, безъ жадной противности, по прежнему чинили послушенство и повиновеніе.

Октябрь, 3 [1]). Посланъ листъ до сотника новгородского, объявляючи, что зверхъ ста рублей, данныхъ имъ съ сотникомъ сенецкимъ на проездъ съ чолобитними отъ всего войска Малороссійского до императорскаго величества, не потреба брати; довлѣтиметъ напотребу и тыхъ ста рублей, отъ войска имъ данныхъ, ибо имѣетъ извѣщеніе войсковой енеральной канцеляріи, что императорского величества въ Москвѣ уже надѣятись, а не въ Санктпѣтербурху, куда далекого пути имъ не имѣти. Такожъ козаковъ и подводъ съ Новгородка имъ въ ту дорогу не позволено взяти; а еслибы онъ, сотникъ, не мѣлъ въ путь забиратися, то присилалъ бы въ войск. енеральную канцелярію помянутіе денги немедленно.

— **9**. Отправлена промеморіа въ Малороссійскую коллегію съ требованіемъ извѣстія, для чого сотники Семенъ Кгалецкій и Кирило Кршитофенко сенецкіи удержаны въ оной коллегіи за арештомъ, мѣючиися до императорского величества одъ всего войска съ челобитствіемъ изъ енералной канцеляріи експедиціею ординовати и для чого запрещено атаману глуховскому подводъ подъ нихъ, посланныхъ, дати.

— **21**. Войсковій Иванъ Романовичъ отправленъ октоврия 20 въ Санктпѣтербурхъ до его императорскаго величества въ высокоправителствующій сенатъ съ грамотами.

— **30**. Писанъ до п. полковника кіевского отвѣтный листъ, жебы мѣскіе и сѣлскіе промишленники (кромѣ самихъ крестянъ пахатныхъ) голили бороди непремѣнно.

Ноябрь, 3. Писанъ до п. п. Борозны и Ширая листъ, жебы, оставивши домовіе свои забави, для сессіи къ суду войсковому енералному, призапасившися въ харчевий припасъ, приездили не дожидаючися повторного о томъ до себе указу.

— До полковника наказного лубенского писанъ листъ по супплѣцѣ Тимоша Грома, козака сотнѣ тамошней, жебы наклади, подугъ

---

[1]) 1723 года.

реестра въ листѣ приложенномъ, старшина тамошная скаржачому поворочали и справу ихъ зъ атаманомъ Вороннимъ безволокитно окончували.

Ноябрь, 4 [1]). Послана промеморіа въ Малор. коллегію, по доношенію наказного полковника переяславского, что служителѣ госпожи Кантакузиновой, нашедши въ церковь, жида, якій крестилъся, били и церковь окрававили, грошей зась въ оного 30 рублей и 23 лота срѣбра одбили и въ болото оного вкинули, о чомъ да благоволитъ оная коллегіа зъ оныхъ служителей надлежащую учинить сатисфакцію.

— **6**. Писанъ до войта переяславского указъ, жебы Грицку Гладуренку гроши и воли возвратилъ, собою притягаючи до послушенства взятіе, за побои и за вязене нагородилъ бы и успокоилъ; а если тамъ не моглъ бы успокоити, то приездилъ бы передъ судъ енералный на день 20 ноеврія для росправи.

— Писанъ листъ до наказного полковника чернѣговского, жебы собственныхъ Ѳеодора Мулявки подданныхъ, якіе ему зъ подѣлу належатъ, зъ подъ арешту освободилъ.

— **7**. Писанъ листъ до наказного полковника стародубовского и п. Столповского, по суплѣцѣ Алексѣа Красовского, жебы разсмотрили, чи доводится ему одъ инокинѣ Тимошенковой за службу заплатить и чи заграбила она въ его вещи; и если покажется такъ, велѣть оной скаржачого уконтентовати; а когда бы мѣла быть противна, то позволено оную заграбити и скаржачому оддати грабѣжъ.

— **13**. Писанъ листъ до наказного полковника стародубовского, жебы ослушного праву Косовича велѣлъ на армату осадити, а жалобливого Исака Костирченка, жителя и козака колодезского, належите уконтентовати, тилко жъ бы накладовъ жадныхъ одъ обохъ сторонъ не бралъ. Въ семъ же листѣ цѣдулою писано отвѣтно въ осторожность, что за наклади сей справи, якобы накупилъ паперу и смолки, а що осталось тое будто жалобливому возвратилъ, то же бы тая смолка смолою до его не пристала, одъ которой и долго не оддерется; тутъ же доложено и тое, жебы посилаючимъся на розиски устроилъ по золотому на милю брать, а излишніе взятки ворочали бы, а впредь и не взимали.

— **18**. Сего числа рано ихъ мл. старшина Василій Жураковскій асаулъ и Яковъ Лизогубъ бунчучный енералніе изволили быть въ Ма-

[1]) 1723 года.

лороссійской коллегіи и дѣла удовствующой панеи гетмановой Скоропадской зъ паномъ Семеномъ Лизогубомъ, значнимъ товаришемъ бунчуковимъ, за добра по гетману, а его тестю, оставшіеся заводного, по указу императорского величества, слушали и право малороссійское: Статутъ, Саксонъ и Порядокъ, читали.

Ноябрь, 24 [1]). Сего числа Александеръ Ивановичъ Румянцевъ, одъ лейбъ-гвардіи маіоръ, ... въ недѣлю въ Глуховъ рано пріехавши, на ангела государинѣ ея величества императрицѣ на службы Божой у святителя Христова Николая былъ, а зъ церкви до панеи гетмановой его милость, господа коллегіатскіе члены и старшина енералные, по прошенію ея милости пошовши, тамъ обѣдъ или.

— **26.** Писанъ листъ до п. Григоріа Жоравки, жебы чолобитчиковѣ любъ грошы прислалъ, любъ самъ для отвѣту приездилъ въ Глуховъ, а прадѣдовъ, якіе ему въ очи лѣзуть, не выписувалъ и не присилалъ бы въ канцелярію, ибо если бы не мѣлъ долгу чолобитчику Леенку учистити, то буде зисканъ въ Глуховѣ.

— Сего жъ числа рано превосходителный его мил. госп. Ал. Ив. Румянцевъ просилъ ихъ милостей пановъ енералныхъ особъ до себе и г. г. коллегіатскихъ членовъ на кушане, где изволили быть, хто мае жону, и зъ жонами на кушане.

Декабрь, 11. Сего числа въ енералной канцелярыи присланные зъ Малороссійской коллегіи великороссійскіе особы, г. полковникъ Кошелевъ съ товарищи, и взято зъ писмами, денгами и другими рѣчами скрипокъ двѣ п. Петра Валкевича, канцеляристи войскового.

— **14.** Сего числа ихъ мл. панове енералные старшина изволили быть зрана до самого позного обѣду въ коллегіи, и того ради жадныхъ въ енералной канцелярыи не одправовали дѣлъ.

— **21.** Писанъ листъ до наказного полковника лубенского, абы Калюжнымъ, жителемъ глуховскимъ, насилне завладѣнный кгрунтъ зъ хуторомъ уступилъ.

— **26.** П. Забѣла, канцеляриста войсковій, рано зъ канцелярыи взятъ въ Малор. коллегію, а по него приходилъ г. Кошелевъ зъ солдатами трома; и по обѣдѣ того жъ дня попроваженъ въ Санктпитербурхъ по указу его императорского величества и при немъ въ тужъ дорогу поехалъ поручикъ зъ салдатомъ.

---

[1]) 1723 года.

Декабрь, 31 [1]). Послана промеморіа въ коллегію Малороссійскую, обявляючи, что о учрежденіи по имянному его импер. величества указу новыхъ въ полку Стародубскомъ и Чернѣговскомъ полковниковъ, а именно г. г. Богданова и Кокошкина, съ извѣстіемъ промеморіа получена въ енералной войсковой канцеляріи.

— Послана промеморія отвѣтная въ Малорос. коллегію въ дѣлѣ п. Михайла Скоропадского съ сумскимъ Михайломъ Кондратіевимъ, представляючи оной коллегіи правные артикулы, же добра войсковые не повинны ити въ наслѣдіе дочкамъ, але толко купленные добра, монаршими грамотами и унѣверсалами гетманскими стверженные, повинны сукцессорамъ тихъ добръ въ наслѣдіе ити.

---

[1]) 1723 года.

Программа для собиранія свѣдѣній о древностяхъ.

*(Списокъ вопросовъ, отвѣты на которые желательно получить къ XI-му Археологическому съѣзду въ 1899 г. въ Кіевѣ *).*

Отдѣлъ I.

Древности первобытныя.

1. Стоянки палеолитической эпохи, т. е. кремневыя отбивныя орудія и орудія изъ кости и рога, расположенныя совмѣстно съ костями мамонта или другихъ породъ животныхъ, не существующихъ въ настоящее время.

2. Стоянки неолитической эпохи: каменныя, отбивныя и полированныя, орудія, разсѣянныя на поверхности или въ верхнемъ слоѣ почвы совмѣстно съ пищевыми остатками (расколотыми, обугленными и разрозненными костями животныхъ, раковинами и т. п.) и черепками глиняныхъ сосудовъ.

3. Мастерскія каменнаго вѣка: кремневыя и каменныя орудія, совмѣстно съ орудіями ихъ приготовленія (отбойники, полировочные камни) и съ отбросами, полученными при ихъ приготовленіи (крем-

---

*) При составленіи этой программы имѣлись въ виду преимущественно древности волынскія, такъ какъ на XI Археологическомъ съѣздѣ предполагается обратить главное вниманіе на археологію Волыни. Впрочемъ, предлагаемая программа (особенно 1-й и 3-й ея отдѣлы) можетъ служить пособіемъ для собиранія свѣдѣній о древностяхъ также и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

невые осколки, ядрища); орудія недоконченныя или испорченныя при отдѣлкѣ; цилиндрики, выпиленные изъ просверлинъ молотовъ, обрѣзки пряслицъ и т. п.

4. Спорадически находимыя кремневыя и каменныя, отбивныя и полированныя, орудія.

5. Мегалитическія постройки, т. е. постройки, состоящія изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, уложенныхъ въ видѣ ящиковъ, столовъ, стоящихъ въ видѣ столбовъ монолитовъ, камней, расположенныхъ кругами, подземныхъ коридоровъ и т. п.

6. Чашечные камни, т. е. скалы и отдѣльные камни съ выдолбленными на нихъ полушаровидными углубленіями.

7. На озерахъ, торфяникахъ, поемныхъ рѣчныхъ лугахъ не замѣчены ли свайныя постройки, т. е. слѣды заколоченныхъ въ дно древесныхъ свай съ разбросанными вокругъ нихъ каменными орудіями, черепками горшковъ и пищевыми остатками? Не находили ли древнихъ лодокъ или другихъ судовъ?

8. Пещеры въ скалахъ или въ лёсѣ (желтой глинѣ) съ разбросанными на днѣ каменными орудіями и пищевыми остатками.

9. Курганы и могилы каменнаго вѣка; способъ погребенія и находимыя въ нихъ каменныя орудія: а) не замѣчена ли подъ скелетами подстилка бѣлаго или свѣтлаго слоя глины, песку и т. п., б) не найдены ли гробницы, сложенныя изъ каменныхъ плитъ, съ поставленными въ нихъ горшками, наполненными жжеными костями, и съ положенными каменными орудіями, в) не были ли вскрыты курганы, содержавшіе человѣческіе остовы, окрашенные красною краскою?

10. Не были ли найдены стоянки, расположенныя на площадкахъ, вымощенныхъ пластами жженой глины, съ черепками орнаментированныхъ и раскрашенныхъ глиняныхъ сосудовъ; какіе предметы были находимы на площадкахъ?

11. Не были ли находимы бронзовые предметы (орудія и оружіе)?

12. Не были ли вскрыты курганы, содержавшіе исключительно бронзовые предметы?

13. Мастерскія бронзоваго вѣка: куски сплавленнаго металла, запасы проволоки, собранія испорченныхъ или неудавшихся бронзовыхъ орудій, формы, глиняныя или каменныя, для ихъ отливки.

14. Не были ли находимы спорадически разсѣянные древніе желѣзные предметы и предметы изъ другихъ металловъ и иного матеріала, относящіеся къ желѣзному вѣку: наконечники копій или стрѣлъ, мечи, кинжалы, шлемы, кольчуги, удила, шпоры, стремена; предметы домашняго обихода (топоры, серпы, ножи и т. п.) и украшенія (гривны, браслеты, серги, кольца, запонки, привѣски и т. п.)?

15. Городища (древнія укрѣпленія). Ихъ мѣстоположеніе; какое очертаніе имѣютъ валы? сколько линій валовъ и рвовъ окружаютъ городище? не остались ли въ нихъ каменныя сооруженія или ихъ фундаменты? не было ли въ городищѣ случайныхъ находокъ?

16. Нѣтъ ли древнихъ валовъ, тянущихся на болѣе значительномъ протяженіи; не возможно ли указать ихъ географическое положеніе?

17. Курганы. Желательно знать точно ихъ количество, мѣстоположеніе, наружную форму и среднюю величину кургановъ.

18. Если курганы были раскопаны, то желательно было бы получить свѣдѣнія: о времени раскопки, кѣмъ таковая произведена и возможныя подробности относительно устройства могилъ и положенія скелетовъ, а также свѣдѣнія о предметахъ, найденныхъ у скелетовъ. Куда поступили выкопанные предметы?

19. Не встрѣтились ли на скалахъ и камняхъ рисунки, изображающіе группы, отдѣльные предметы или письменные знаки?

Отдѣлъ II.

Древности историческія.

1. Какъ называется село, въ которомъ находится приходская церковь?

2. Не было ли село переименовано когда-нибудь? Какъ называлось оно прежде? Почему и когда перемѣнено названіе? Не существуетъ ли старое названіе села одновременно съ настоящимъ?

3. Какія деревни составляютъ приходъ? Не были ли и онѣ также переименованы и не имѣютъ ли теперь двойныхъ названій?

4. Одна ли въ приходѣ церковь или имѣются еще и другія въ селѣ и по деревнямъ? Когда празднуется престольный праздникъ въ при-

ходской церкви и въ приписныхъ? Какъ онъ празднуется? Не замѣчается ли въ немъ остатковъ прошлой жизни? Не служитъ ли церковь или погостъ мѣстомъ, на которомъ совершаются какіе-нибудь акты общественной жизни?

5. Старое или вновь основанное село (или деревня)? Какія существуютъ преданія или письменные памятники объ основаніи села, и къ какому времени относится основаніе?

6. Не было ли выселеній изъ стараго села для основанія новаго? Не этимъ ли объясняются эпитеты одноименныхъ селъ: великое и малое, старое и новое, высшее и низшее, сухое и мокрое, полевое и лѣсное и т. д.?

7. Мѣстоположеніе села. Не было ли село почему-либо переводимо на близъ лежащее мѣсто? Почему именно?

8. Не было ли село прежде городомъ или мѣстечкомъ?

9. Нѣтъ ли въ приходѣ монастырей? Не обращены ли они въ церкви?

10. Когда и кѣмъ сооружена церковь или монастырь?

11. Кому принадлежало право патроната надъ церковью или монастыремъ: громадѣ или владѣльцу села?

12. Не сохранились ли преданія о существовавшихъ при церквахъ братствахъ, школахъ и богадѣльняхъ (шпиталяхъ)?

13. Не было ли на мѣстѣ нынѣшнихъ церквей болѣе древнихъ? Если были, то что извѣстно о времени и обстоятельствахъ ихъ построенія и разрушенія? Не было ли въ селѣ или деревняхъ другихъ церквей, кромѣ нынѣ существующихъ, и что извѣстно о времени и обстоятельствахъ ихъ разрушенія?

14. Не сохранились ли гдѣ-нибудь развалины или слѣды древнихъ церквей и въ какомъ видѣ? Не существуетъ ли въ народѣ преданій и легендъ о древнихъ церквахъ и монастыряхъ и о ихъ исчезновеніи?

15. Нѣтъ ли въ селѣ или около села особенныхъ урочищъ, названія которыхъ имѣютъ историческое значеніе? Не сохранились ли преданія о бывшихъ въ данной мѣстности битвахъ?

16. Не сохранилось ли въ народѣ воспоминаній о томъ, что нѣкоторыя урочища были *коповищами*, т. е., мѣстами собранія *копы* (народной сходки), производившей розыскъ и судъ?

17. Нѣтъ ли въ данной мѣстности развалинъ крѣпостей и замковъ, старыхъ кладбищъ, опустѣвшихъ селъ, мѣстечекъ или городовъ? Нѣтъ ли озеръ, колодезей, родниковъ, фигуръ (крестовъ), каплицъ, о которыхъ сохраняются въ народѣ преданія? Нѣтъ ли пещеръ, подземныхъ ходовъ, тайниковъ; какъ они устроены и въ какомъ видѣ сохранились?

18. Нѣтъ ли какихъ-нибудь каменныхъ изваяній: столбовъ, людей (каменныхъ бабъ), животныхъ?

19. Какой видъ имѣютъ развалины укрѣпленій, городскихъ стѣнъ, замковъ? Изъ чего (фундамента только или также и стѣнъ) состоятъ развалины (если это возможно, то слѣдуетъ указать размѣры оставшихся развалинъ)? Какія преданія существуютъ о нихъ?

20. Нѣтъ ли на старыхъ кладбищахъ надгробныхъ камней съ надписями, и какія о нихъ существуютъ преданія? Нѣтъ ли на мѣстѣ битвъ крестовъ или большихъ камней? Не находили ли тамъ оружія и военныхъ доспѣховъ?

21. Кто былъ погребенъ въ склепахъ церквей или монастырей, и не сохранились ли тѣла погребенныхъ въ высохшемъ видѣ?

22. Не существуетъ ли на поляхъ аріанскихъ (соцініанскихъ) гробницъ („сенютъ“)? Не были ли онѣ вскрыты, и что было при этомъ найдено?

23. Не сохранились ли въ старинныхъ частныхъ домахъ кафельныя печи съ рисунками (и съ какими именно), и не находятъ ли отдѣльныхъ изразцовъ?

24. Нѣтъ ли въ данной мѣстности у кого-либо старинныхъ музыкальныхъ орудій: духовыхъ, струнныхъ и ударныхъ? Ихъ названія?

25. Не встрѣчаются ли у отдѣльныхъ лицъ древнія оружіе, одежды и домашняя утварь?

26. Находимы ли были древнія монеты, гдѣ и какія именно? *).

27. Нѣтъ ли у кого-нибудь коллекцій древнихъ монетъ и предметовъ? Если таковыя коллекціи имѣются, то желательно получить свѣ-

---

*) Особенно интересны свѣдѣнія о монетахъ греческихъ, римскихъ, византійскихъ, арабскихъ, чешскихъ и литовскихъ, а также о монетныхъ гривнахъ, т. е., серебряныхъ слиткахъ.

дѣнія о составѣ ихъ, а также о фамиліи и мѣстожительствѣ владѣльцевъ этихъ коллекцій.

28. Не встрѣчается ли гдѣ употребленіе древнихъ мѣръ времени (особенно счетъ сутокъ отъ восхода или захода солнца), вѣса, пространства (земельныя и протяженія) и емкости?

29. Не сохранились ли въ современномъ народномъ языкѣ древнія слова и выраженія, имѣвшія юридическое значеніе: *лице* (поличное), *личкованый* и *личковать; сокъ, сочить* и *просока*; *опытъ* (разслѣдованіе, опросъ); *ликъ, полика*; *сводъ, заводца*; *слѣдогонье, гнать слѣдъ; закличъ; переслухъ; копа* (собраніе) или *купа, коповать, копники; сумежники, сугранничники, сугранники, околичные сосѣди; зарука; законка*; *приставить шапку* (до кого-либо); *еднать, еднанье, едначи; рѣзы* (въ смыслѣ: проценты, ростъ); *сябръ* (*себръ*), *сябрство, сябреный, себровать; тивунъ, вирникъ; смердъ, смердовка*; *барышники, могоричники* и т. под.; и если сохранились, то какое имѣютъ значеніе, въ какомъ смыслѣ употребляются нынѣ эти слова и выраженія?

30. Нѣтъ ли гдѣ-нибудь или у кого-нибудь архивовъ, въ которыхъ находятся собранія древнихъ рукописей или юридическихъ документовъ? Не существуютъ ли описанія этихъ архивовъ, рукописныя или печатныя (если существуютъ, то слѣдуетъ пояснить, когда и кѣмъ они составлены или изданы)? Если описанія архивовъ нѣтъ, то желательно имѣть краткія указанія на время и родъ рукописей или документовъ, хранящихся въ архивѣ.

31. Вообще относительно древнихъ книгъ и рукописей, имѣющихся какъ въ церквахъ, такъ и у частныхъ лицъ, желательно получить нижеслѣдующія свѣдѣнія:

Нѣтъ ли старопечатныхъ славянскихъ изданій, преимущественно южнорусскихъ и заграничныхъ типографій? Кѣмъ, гдѣ и когда книги изданы? Нѣтъ ли въ этихъ изданіяхъ гравюръ на мѣди или деревѣ съ монограммами или иниціалами граверовъ? Нѣтъ ли историческихъ записей въ книгахъ и надписей на нихъ? Нѣтъ ли пострaничныхъ надписей въ книгахъ съ именами жертвователей или владѣльцевъ книгъ?

Нѣтъ ли рукописныхъ евангелій или другихъ богослужебныхъ книгъ? Нѣтъ ли какихъ-либо грамотъ, актовъ, рукописей, монастырсикихъ церковныхъ лѣтописей на кожѣ (пергаминѣ) или бумагѣ, осо-

бенно писанныхъ въ два столбца на страницѣ? Нѣтъ ли вкладныхъ и дарственныхъ записей въ рукописяхъ? Нѣтъ ли водяныхъ знаковъ на бумагѣ (т. е. различныхъ фигуръ, видимыхъ на свѣтъ)? Нѣтъ ли помянниковъ, и не вписаны ли въ нихъ княжескіе, извѣстные дворянскіе или козацкіе роды?

Нѣтъ ли лицевыхъ рукописей, т. е. рукописей съ миніатюрными изображеніями, объясняющими текстъ?

Нѣтъ ли иконописныхъ подлинниковъ (образниковъ, персональниковъ), служившихъ руководствомъ для иконописцевъ при изображеніи святыхъ?—Нѣтъ ли древнихъ рукописныхъ или печатныхъ нотъ?—Нѣтъ ли какихъ-либо древнихъ плановъ и географическихъ картъ?

Каковъ переплетъ старопечатныхъ книгъ или древнихъ рукописей? Какія изображенія, орнаменты или слова вытѣснены на немъ? Нѣтъ ли въ переплетныхъ доскахъ или на нихъ болѣе древнихъ отрывковъ изъ актовъ и рукописей, или старинныхъ гравюръ?

32. Не сохранились ли у кого-нибудь древніе портреты историческихъ дѣятелей и фамильные портреты (не позже конца XVIII в.)? Если сохранились, то желательно знать, кто на нихъ изображенъ и кому они въ настоящее время принадлежатъ (адресы владѣльцевъ)? Нѣтъ ли на этихъ портретахъ какихъ-либо надписей?

33. Сохранились ли преданія о прежнихъ владѣльцахъ селъ, характеризующія ихъ дѣятельность по отношенію къ населенію и церкви, и вообще какія-либо историческія преданія объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ?

Отдѣлъ III.

Древности церковныя *).

I. *Архитектура церковныхъ и монастырскихъ зданій.* Историческія свѣдѣнія объ извѣстномъ монастырѣ или храмѣ.—Скальныя,

---

*) По церковно - археологическому отдѣлу желательно получить свѣдѣнія (по указаннымъ въ программѣ рубрикамъ) о предметахъ древности, относящихся ко времени до Синодальнаго періода, т. е., до 1721 года.

пещерныя церкви и пещеры религіознаго характера; устройство ихъ; рельефныя или другія изображенія въ нихъ и надписи.—Церкви изъ тесаннаго камня и кирпича; величина и форма кирпичей и слоя цемента; планъ и фасадъ церкви; наружныя украшенія стѣнъ, карнизы, теремки, кровли, фонарь, главы, кресты, окна, двери, входы, паперти.—Деревянныя церкви, ихъ планы, фасады и фотографическіе виды.—Звонницы, колокольни; била или клепала; колокола, особенно съ изображеніями и надписями, и старинныя названія колоколовъ.—Ограда, ворота въ ней и надстройки надъ воротами. Часовни, видъ ихъ. Кладбища.—Внутреннія части церковныхъ и монастырскихъ зданій: своды, столбы, стѣны, аркасоли, голосники въ сводахъ или стѣнахъ, полъ (напр., изъ разноцвѣтныхъ плитокъ); алтарь, престолъ, горнее мѣсто, лавки, жертвенникъ; иконостасъ, солея, амвонъ, клиросы; царское мѣсто, святительское и настоятельское мѣста, каѳедра; хоры; склепы, надгробія, каменные гробы, раки; изразцовыя печи; часы.

II. *Иконописаніе.* Стѣнное церковное письмо: по сырому грунту (альфреско), или на маслѣ. Свѣдѣнія о времени росписанія церкви и мастерахъ. Содержаніе (сюжеты) стѣнописи. Древнія иконы, особенно чудотворныя и мѣстно чтимыя; сказанія о нихъ; время происхожденія иконъ и матеріалъ, изъ котораго сдѣланы онѣ. Нѣтъ ли древнихъ православныхъ иконъ въ католическихъ костелахъ? По какому полю писаны изображенія: по золотому, бѣлому, зеленому, красному или орѣховому? Гладкая ли дека или въ видѣ кіота? Надписи на иконахъ и имена иконописцевъ; виды городовъ, церквей и монастырей и т. п. на иконахъ. Иконописные подлинники и лицевые святцы. Старыя гравированныя изображенія.

III. *Металлическія издѣлія священнаго характера.* Образа на металлическихъ доскахъ и гравировальныя доски; литые образа, кресты и крестики, простые и складные. Оклады на образахъ, крестахъ, евангеліяхъ и апостолахъ и филигранныя и эмалевыя изображенія на нихъ; вѣнцы на образахъ, гривны и цаты, привѣски; сосуды служебные, кресты, ковчеги, кадила и кацеи, ладонницы, подсвѣчники, лампады, паникадила, ковши для теплоты, блюда, чаши, вѣнцы брачные, рипиды; церковныя и монастырскія печати; вислыя, свинцовыя и восковыя, печати; ковши, стопы и кружки, чарки и кубки; митры и шапки; панагіи; вериги.—Особенное вниманіе должно быть обращено на

бронзовые и мѣдные предметы, покрытые зеленоватымъ налетомъ (патиною). Надписи на перечисленныхъ предметахъ.

IV. *Шитая церковная утварь.* Облаченія; храмовая шитая утварь (воздухи, вышитые образа, убрусы, пелены, хоругви, плащаницы, надгробные покровы). Иконостасы полотняные; воинскія знамена. Надписи.

V. *Ваяніе и рѣзьба.* Рѣзьба на камняхъ, вставленныхъ въ стѣны церковныхъ зданій, съ надписями, гербами и т. п.; рѣзьба на каменныхъ гробахъ; выпуклыя изваянія. Рѣзьба на благородныхъ камняхъ, выпуклая или же сдѣланная вглубь. Рѣзьба на деревѣ крестовъ и иконъ; деревянныя гравировальныя доски и просфорныя печати. Рѣзьба священныхъ изображеній на кости. Статуи каменныя, гипсовыя и деревянныя.

Примѣчанія.

Примѣчаніе 1. Изъ всѣхъ пунктовъ программы просятъ отвѣчать только на тѣ, по которымъ имѣются въ наличности указанные въ программѣ древніе предметы, а остальные оставлять безъ отвѣта.

Примѣчаніе 2. Если предметъ описанъ гдѣ-либо въ печати, то указать на изданіе, въ которомъ помѣщено описаніе.

Примѣчаніе 3. Въ случаѣ затруднительности опредѣлить время и характеръ какого-либо замѣчательнаго предмета, желательно имѣть его подробное описаніе или, что еще лучше, снимокъ съ него.

Примѣчаніе 4. Желательны снимки замѣчательныхъ предметовъ, преимущественно фотографическіе. Если гдѣ-либо по мѣстнымъ условіямъ нельзя для полученія снимковъ прибѣгнуть къ услугамъ фотографіи, то въ такихъ случаяхъ рекомендуется воспользоваться однимъ изъ нижеслѣдующихъ наиболѣе сподручныхъ способовъ получать снимки съ небольшихъ, но почему-либо замѣчательныхъ предметовъ: 1, данный предметъ покрывается свинцовой бумагой, которая, по полученіи на ней нужнаго оттиска, заливается сверху тонкимъ слоемъ растопленнаго воска, и 2, данный предметъ срисовывается на прозрачной или же на промасленой и предварительно просушенной бумагѣ.

Примѣчаніе 5. Желательно знать, какіе изъ предметовъ могутъ быть высланы на время Археологической выставки (въ августѣ 1899 г.) и на какихъ условіяхъ.

Примѣчаніе 6. Отвѣты на вопросы, имѣющіеся въ настоящей программѣ, просятъ присылать по слѣдующему адресу: *Кіевъ, Университетъ св. Владиміра, въ Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XI-го Археологическаго съѣзда.*

Цѣна книги съ особымъ приложеніемъ шести картъ 4 руб., съ пересылкой.

Цѣна II-й книги „**Чтеній въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца**" 3 р., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена

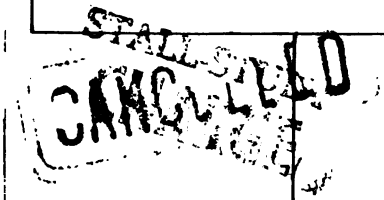
Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 коп. (каждой)
„ VI-й „ „ 3 р. 50 коп.
„ VII-й „ „ 3 р.
„ VIII-й „ „ 2 р.
„ IX-й „ „ 3 р.
„ X-й „ „ 2 р.
„ XI-й „ „ 2 р

} съ пересылкой

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**". Цѣна 1 рубль.

„**Труды III-го археологическаго съѣзда**", два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878. Цѣна 15 руб. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„**Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева**" (съ двумя рисунками). Цѣна 75 коп.

Съ письменнымъ требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.